

Александр Блок,

АЛЕКСАНДР БЛОК
1920 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. А. БЛОК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА "НАУКА"

1999

А. А. БЛОК

ТОМ ПЯТЫЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

(1917 - 1921)

МОСКВА "НАУКА"

1999

УДК 820/89
ББК 84
Б 70

Подписное

ISBN 5-02-011189-9
ISBN 5-02-011690-4, т. 5

- © Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), составление, подготовка текстов, статьи, комментарии, 1999
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, Полное (академическое) собрание сочинений А.А. Блока в 20-ти томах, оформление, 1997 (год начала выпуска), 1999

ПОЭМЫ

ДВЕНАДЦАТЬ

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер –
На всем Божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
10 Под снежком – ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит – ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате – плакат:
“Вся власть Учредительному Собранию!”
Старушка убивается – плачет,
Никак не поймет, что значит,
20 На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий – раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
– Ох, Матушка-Заступница!
– Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
30 В воротник упрятал нос.

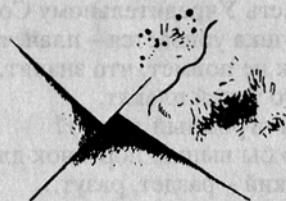
А это кто? – Длинные волосы
И говорит вполголоса:
– Предатели!
– Погибла Россия!
Должно быть, писатель –
Вития...

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ДВѢНАДЦАТЬ

рисунки

Ю. АННЕНКОВА

„АЛКОНОСТЪ“

ПЕТЕРБУРГЪ

1918

АЛЕКСАНДР БЛОК. „ДВЕНАДЦАТЬ“
обложка первого издания
“Алконост”. П., 1918

40 А вон и долгополый –
 Сторонкой – за сугроб...
 Что нынче невеселый,
 Товарищ поп?

 Помнишь, как бывало
 Брюхом шел вперед,
 И крестом сияло
 Брюхо на народ?

 Вон барыня в каракуле
 К другой подвернулась:
– Ужь мы плакали, плакали...
 Поскользнулась
И – бац – растянулась!

50 Ай, ай!
 Тяни, подымай!

 Ветер веселый
 И зол, и рад.
 Крутит подолы,
 Прохожих косит,
 Рвет, мнет и носит
 Большой плакат:
“Вся власть Учредительному Собранию”...
 И слова доносит:

60 ... И у нас было собрание...
 ... Вот в этом здании...
 ... Обсудили –
 Постановили:
На время – десять, на ночь – двадцать пять...
 ... И меньше – ни с кого не брать...
 ... Пойдем спать...

70 Поздний вечер.
 Пустеет улица.
 Один бродяга
 Сутулится,
 Да свищет ветер...

 Эй, бедняга!
 Подходи –
 Поцелуемся...

Ю. АННЕНКОВ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ "ДВЕНАДЦАТЬ"

Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

80 Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

2

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом – огни, огни, огни...

В зубах – цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

90 Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

– А Ванька с Катькой – в кабаке...
– У ей керенки есть в чулке!

– Ванюшка сам теперь богат...
– Был Ванька наш, а стал солдат!

– Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

100 Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята –
Чем, чем занята?..

Тра-та-та!

Кругом – огни, огни, огни...
Оплечь – ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

110 Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь –

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить –
В красной гвардии служить –
Буйну голову сложить!

120 Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови!

4

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катюкою летит –
130 Электрический фонарик
На оглобелях...
Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...

Вот так Ванька – он плечист!
Вот так Ванька – он речист!
140 Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

150 Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила –
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила –
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце екнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера –
Не ушел он от ножа...
160 Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила –
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреси!
Будет легче для души!

6

170 ... Оять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзадю забегай!..

Ю. АННЕНКОВ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ “ДВЕНАДЦАТЬ”

Трах, тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..

Лихач – и с Ванькой – наутек...
Еще разок! Взводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
.....
Как с девочкой чужой гулять!..

180 Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? – Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Ю. АННЕНКОВ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ “ДВЕНАДЦАТЬ”

Что Катька, рада? – Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

7

И опять идут двенадцать,
За плечами – ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

190

15

Все быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шее –
Не оправиться никак...

– Что, товарищ, ты не весел?
– Что, дружок, оторопел?
– Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

200 – Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

– Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

210 – Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба что ль?
– Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
– Поддержи свою осанку!
– Над собой держи контроль!

– Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

220 И Петруха замедляет
Торопливые шаги...
Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...

Эх, Эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба –
Гуляет нынче голытьба!

230 Ох ты, горе-горькое!
 Скука скучная,
 Смертная!

Ужь я времячко
 Проведу, проведу...

Ужь я темячко
 Почешу, почешу...

Ужь я семячки
 Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
 Полосну, полосну!..

240 Ты лети, буржуй, воробышком!
 Выпью кровушку
 За зазнобушку,
 Чернобровушку...

Упокой, Господи, душу рабы Твояя...

Скучно!

Не слышно шуму городского,
 Над невской башней тишина,
 И больше нет городского –
 Гуляй, ребята, без вина!

250 Стоит буржуй на перекрестке
 И в воротник упрятал нос.
 А рядом жметесь шерстью жесткой
 Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
 Стоит безмолвный, как вопрос.
 И старый мир, как пес безродный,
 Стоит за ним, поджавши хвост.

Разыгралась чтой-то вьюга,
 Ой, вьюга́, ой, вьюга́!
 260 Не видать совсем друг друга
 За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
 Снег столбушкой поднялся...

– Ох, пурга какая, Спасе!
 – Петька! Эй, не завирайся!
 От чего тебя упас
 Золотой иконостас?
 Бессознательный ты, право,
 270 Рассуди, подумай здраво –
 Али руки не в крови
 Из-за Катькиной любви?
 – Шаг держи революционный!
 Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
 Рабочий народ!

... И идут без имени святого
 Все двенадцать – вдаль.
 Ко всему готовы,
 Ничего не жаль...

280 Их винтовочки стальные
 На незримого врага...
 В переулочки глухие,
 Где одна пылит пурга...
 Да в сугробы пуховые –
 Не утянешь сапога...

В очи бьется
 Красный флаг.

Раздается
 Мерный шаг.

290 Вот – проснется
 Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

12

... Вдаль идут державным шагом...
– Кто еще там? Выходи!
300 Это – ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди – сугроб холодный,
– Кто в сугробе – выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

– Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком щекеочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались – поколочу!

310 ... Скалит зубы – волк голодный –
Хвост поджал – не отстает –
Пес холодный – пес безродный ...
– Эй, откликнись, кто идет?

– Кто там машет красным флагом?
– Приглядись-ка, эка тьма!
– Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

– Все равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
320 – Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! – И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

Ю. АННЕНКОВ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «ДВЕНАДЦАТЬ»

330 ... Так идут державным шагом –
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.

ВОЗМЕЗДИЕ

Юность – это возмездие.

Ибсен

ПРОЛОГ

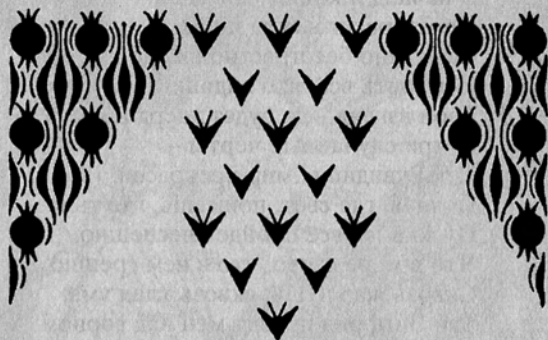
Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминуемый,
Иль ясность Божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
10 Твой взгляд – да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, поймешь, где тьма.
Пускай же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит –
20 И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар – он блещет, Нотунг верный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятеньи падает у ног!

Кто меч скует? – Не знавший страха.
А я беспомощен и слаб,
Как все, как вы, – лишь умный раб,
Из глины созданный и праха, –
И мир – он страшен для меня.
30 Герой уж не разит свободно –
Его рука – в руке народной,
Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой –
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...

АЛЕКСАНДР БЛОК

ВОЗМЕЗДИЕ

**„АЛКОМОСТ“
ПЕТЕРБУРГ
1922**

АЛЕКСАНДР БЛОК. "ВОЗМЕЗДИЕ"
Обложка работы В. Замирайло. Пб.: Алкомост, 1922

Кто нанесет ему удар?...
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
40 И пахнет гарью. Там – пожар.

Но песня – песнью всё пребудет,
В толпе всё кто-нибудь поет.
Вот – голову его на блюде
Царю плясунья подает;
Там – он на эшафоте черном
Слагает голову свою;
Здесь – именем клеймят позорным
Его стихи ... И я пою, –
50 Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста!
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
60 Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом – юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа,
Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода –
70 Два-три звена, – и уж ясны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода, –
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет – миру напоказ!
Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека –
80 Дроби, мой гневный ямб, камня!

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобю в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий,
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену

10 Нейрастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И мало действенных умов,
И дарований половинных
(Так справедливей – пополам!),
Век не салонов, а гостиных,

20 Не Рекамье, – а просто дам...
Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела...
А человек? – Он жил безвольно:
Не он – машины, города,
“Жизнь” так бескровно и безбольно
Пытала дух, как никогда...
Но тот, кто двигал, управляя

30 Марионетками всех стран, –
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И Ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас:
Там – распри кровные решают
Дипломатическим умом,
Там – пушки новые мешают

40 Сойтись лицом к лицу с врагом,
Там – вместо храбрости – нахальство,
А вместо подвигов – “психоз”,
И вечно ссорится начальство,
И длинный громоздкóй обоз

Волбчит за собой команда,
Штаб, интендантов, грязь кляня,
Рожком горниста – рог Роланда
И шлем – фуражкой заменя...
Тот век немало проклинали
50 И не устанут проклинать.
И как избыть его печали?
Он мягко стлал – да жестко спать...

Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
60 Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознание страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,
70 И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...
Что ж, человек? – За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
80 Открылись взору твоему?
О чем – машин немолчный скрежет?
Зачем – пропеллер, воя, режет
Туман холодный – и пустой?

Теперь – за мной, читатель мой,
В столицу севера большую,
На отдаленный финский брег!

Уж осень семьдесят восьмую
Дотягивает старый век.
В Европе спорится работа,
90 А здесь – по-прежнему в болото
Глядит унылая заря...
Но в половине сентября
В тот год, смотри, как солнца много!
Куда народ валит с утра?
И до заставы всю дорогу
Горохом сыплется ура,
И Забалканский, и Сенная
Кишат полицией, толпой,
100 Крик, давка, ругань площадная...
За самой городской чертой,
Где светится Золотоглавый
Новодевичий монастырь,
Заборы, бойни и пустырь
Перед Московскою заставой, –
Стена народу, тьма карет,
Пролетки, дрожки и коляски,
Султаны, кивера и каски,
Царица, двор и высший свет!
И пред растроганной царицей,
110 В осенней солнечной пыли
Войска проходят вереницей
От рубежей чужой земли...
Идут, как будто бы с парада.
Иль не оставили следа
Недавний лагерь у Царьграда,
Чужой язык и города?
За ними – снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк,
Незаживающие раны,
120 И хитрый, и неслабый враг...
Вон – павловцы, вон – гренадеры
По пыльной мостовой идут;
Их лица строги, груди серы,
Блестит Георгий там и тут,
Разрежены их батальоны,
Но уцелевшие в бою
Теперь под рваные знамена
Склонили голову свою...
Конец тяжелого похода,
130 Незабываемые дни!
Пришли на родину они,
Они – средь своего народа!
Чем встретит их родной народ?

Сегодня – прошлому забвенью,
Сегодня – тяжкие виденья
Войны – пусть ветер разнесет!
И в час торжественный возврата
Они забыли обо всем:
Забыли жизнь и смерть солдата
140 Под неприятельским огнем,
Ночей, для многих – без рассвета,
Холодную, немую твердь,
Подстерегающую где-то –
И настигающую смерть,
Болезнь, усталость, боль и голод,
Свист пуль, тоскливый вой ядра,
Зальдевших ложементов холод,
Негреющий огонь костра,
И даже – бремя вечной розни
150 Среди штабных и строевых,
И (может, горше всех других)
Забыли интендантов козни...
Иль не забыли, может быть?
Их с хлебом-солью ждут подносы,
Им речи будут говорить,
На них – цветы и папиросы
Летят из окон всех домов...
Да, дело трудное их – свято!
Смотри: у каждого солдата
160 На штык надет букет цветов!
У батальонных командиров –
Цветы на седлах, чепраках,
В петлицах выцветших мундиров,
На конских челках и в руках.

Идут, идут... Едва к закату
Придут в казармы: кто – сменить
На ранах корпию и вату,
Кто – на вечер лететь, пленять
Красавиц, щеголять крестами,
170 Слова небрежные ронять,
Лениво шевеля усами
Перед униженным “штрюком”,
Играя новым темляком
На алой ленточке, – как дети...

Иль, в самом деле, люди эти
Так интересны и умны?
За что они вознесены
Так высоко, за что в них вера? –

В глазах любого офицера
180 Стоят видения войны,
На их, обычных прежде, лицах
Горят заемные огни.
Чужая жизнь свои страницы
Перевернула им. Они
Все крещены огнем и делом;
Их речи об одном твердят:
Как Белый Генерал на белом
Коне, средь вражеских гранат,
Стоял, как призрак невредимый,
190 Шутя спокойно над огнем;
Как красный столб огня и дыма
Взвился над Горным Дубняком;
О том, как полковое знамя
Из рук убитый не пускал;
Как пушку горными тропами
Тащить полковник помогал;
Как царский конь, храпя, запнулся
Пред искалеченным штыком,
Царь посмотрел и отвернулся,
200 И заслонил глаза платком...
Да, им известны боль и голод
С простым солдатом наравне...
Того, кто побыл на войне,
Порой пронизывает холод –
То роковое *всё равно*,
Которое подготавливает
Чреду событий мировых
Лишь тем одним, что не мешает...
Всё отразится на таких
210 Полубезумною насмешкой...
И власть торопится скорей
Всех тех, кто перестал быть пешкой,
В тур превращать, или в коней...

А нам, читатель, не пристало
Считать коней и тур никак,
С тобой нас нынче затесало
В толпу глазающих зевак,
Нас вовсе ликованье это
Заставило забыть вчера...
220 У нас в глазах пестрит от света,
У нас в ушах гремит *ура!*
И многие, забывшись слишком,
Ногами штатскими пылят,
Подобно уличным мальчишкам,

Близ марширующих солдат,
И этот чувств прилив мгновенный
Здесь – в петербургском сентябре!
Смотри: глава семьи почтенный
Сидит верхом на фонаре!
230 Его давно супруга кличет,
Напрасной ярости полна,
И, чтоб услышал, зонтик тычет,
Куда не след, ему она.
Но он и этого не чуёт
И, несмотря на общий смех,
Сидит, и в ус себе не дует,
Каналья, видит лучше всех!..
Прошли... В ушах лишь стонет эхо,
А всё – не разогнать толпу;
240 Уж с бочкой водовоз проехал,
Оставив мокрую тропу,
И ванька, тумбу огибая,
Напер на барыню – орет
Уже по этому случаю
Бегущий подсобить народ
(Городовой – свистки дает)...
Проследовали экипажи,
В казармах сыграна заря, –
И сам отец семейства даже
250 Полез послушно с фонаря,
Но, расходясь, все ждут чего-то...

Да, нынче, в день возврата их,
Вся жизнь в столице, как пехота,
Гремит по камню мостовых,
Идет, идет – нелепым строем,
Великолепна и шумна...

Пройдет одно – придет другое,
Вглядишься – уже не та она,
И той, мелькнувшей, нет возврата,
260 Ты в ней – как в старой старине...

Замедлил бледный луч заката
В высоком, невзначай, окне.
Ты мог бы в том окне заметить
За рамой – бледные черты,
Ты мог бы некий знак заметить,
Которого не знаешь ты,
Но ты проходишь – и не взглянешь,
Встречаешь – и не узнаешь,

Ты за другими в сумрак канешь,
270 Ты за толпой вослед пройдешь.
Ступай, прохожий, без вниманья,
Свой ус лениво теребя,
Пусть встречный человек и зданье –
Как все другие – для тебя,
Ты занят всякими делами,
Тебе, конечно, невдомек,
Что вот за *этими* стенами
И твой скрываться может рок...
(Но, если б ты умом раскинул,
280 Забыв жену и самовар,
Со страху ты бы рот разинул
И сел бы прямо на троттуар!...)

Смеркается. Спустились шторы.
Набита комната людьми,
И за прикрытыми дверьми
Идут глухие разговоры,
И эта сдержанная речь
Полна заботы и печали.
Огня еще не зажигали
290 И вовсе не спешат зажечь.
В вечернем мраке тонут лица,
Вглядысь – увидишь ряд один
Теней неясных, вереницу
Каких-то женщин и мужчин.
Собрание не многоречиво,
И каждый гость, входящий в дверь,
Упорным взглядом молчаливо
Осматривается, как зверь.
Вот кто-то вспыхнул папироской:
300 Среди прочих – женщина сидит:
Большой ребячий лоб не скрыт
Простой и скромною прической,
Широкий белый воротник
И платье черное – всё просто,
Худая, маленького роста,
Голубоокий детский лик,
Но, как бы что найдя за далью,
Глядит внимательно, в упор,
И этот милый, нежный взор
310 Горит отвагой и печалью...
Кого-то ждут... Гремит звонок.
Неспешно отворяя двери,
Гость новый входит на порог:
В своих движениях уверен

И статен; мужественный вид;
Одет совсем как иностранец,
Изысканно; в руке блестит
Высокого цилиндра глянец;
320 Едва приметно затемнен
Взгляд карих глаз сурово-кроткий;
Наполеоновской бородкой
Рот беспокойный обрамлен;
Большеголовый, темновласый –
Красавец вместе и урод:
Тревожный передернут рот
Меланхолической гримасой.

И сонм собравшихся затих...
Два слова, два рукопожатья –
И гость к ребенку в черном платье
330 Идет, минуя остальных...
Он смотрит долго и любовно,
И крепко руку жмет не раз,
И молвит: “Поздравляю вас
С побегом, Соня... Софья Львовна!
Опять – на смертную борьбу!”
И вдруг – без видимой причины –
На этом странно-белом лбу
Легли глубоко две морщины...

Заря погасла. И мужчины
340 Вливают в чашу ром с вином,
И пламя синим огоньком
Под полной чашей побежало.
Над ней кладут крестом кинжалы.
Вот пламя ширится – и вдруг,
Взбежав над жженкой, задрожало
В глазах столпившихся вокруг...
Огонь, борясь с толпою мраков,
Лилово-синий свет бросал,
Старинной песни гайдамаков
350 Напев согласный зазвучал,
Как будто – свадьба, новоселье,
Как будто – всех не ждет гроза, –
Такое детское веселье
Зажгло суровые глаза...

Прошло одно – идет другое,
Проходит пестрый ряд картин.
Не замедляй, художник: вдвое

Заплатишь ты за миг один
Чувствительного промедленья,
360 И, если в этот миг тебя
Грозит покинуть вдохновенье, –
Пеняй на самого себя!
Тебе единым на потребу
Да будет – *пристальность* твоя.

В те дни под петербургским небом
Живет дворянская семья.
Дворяне – все родня друг другу,
И приучили их века
370 Глядеть в лицо другому кругу
Всегда немного свысока.
Но власть тихонько ускользала
Из их изящных белых рук,
И записались в либералы
Честнейшие из царских слуг,
А всё, в брезгливости природной,
Меж волей царской и Народной
Они испытывали боль
Нередко от обеих воль.
380 Всё это может показаться
Смешным и устарелым нам,
Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться,
Она всегда – меж двух огней,
Не всякий может стать героем,
И люди лучшие – не скроем –
Бессильны часто перед ней,
Так неожиданно сурова
И вечных перемен полна;
Как вешняя река, она
390 Внезапно тронуться готова,
На льдины льдины громоздить
И на пути своем крушить
Виновных, как и невиновных,
И нечиновных, как чиновных...

Так было и с моей семьей:
В ней старина еще дышала
И жить по-новому мешала,
Вознаграждая тишиной
И благородством запоздалым
400 (Не так в нем вовсе толку мало,
Как думать принято теперь,
Когда в любом семействе дверь

Открыта настужь зимней вьюге,
И ни малейшего труда
Не стоит изменить супруге,
Как муж, лишившейся стыда).
И *нигилизм* здесь был беззлобен,
И дух естественных наук
(Властей ввергающий в испуг)
410 Здесь был религии подобен.
“Семейство – вздор, семейство – блажь”, –
Любили здесь примолвить гневно,
А в глубине души – всё та ж
“Княгиня Марья Алексевна”...
Живая память старины
Должна была дружить с неверьем –
И были все часы полны
Каким-то новым “двоеверьем”,
И заколдован был сей круг:
420 Свои словечки и привычки,
Над всем чужим – всегда кавычки,
И даже иногда – испуг;
А жизнь меж тем кругом менялась,
И зашаталось всё кругом,
И ветром новое врывалось
В гостеприимный старый дом:
То нигилист в косоворотке
Придет и нагло спросит водки,
Чтоб возмутить семьи покой
430 (В том видя долг гражданский свой),
А то – и гость весьма чиновный
Вбежит совсем не хладнокровно
С “Народной Волею” в руках –
Советоваться впопыхах,
Что неурядиц всех причиной?
Что предпринять пред “годовщиной”?
Как урезонить молодежь,
Опять поднявшую галдеж? –
Всем ведомо, что в доме этом
440 И обласкают, и поймут,
И благородным мягким светом
Всё осветят и обольют...

Жизнь старших близится к закату.
(Что ж, как полудня ни жалей,
Не остановишь ты с полей
Ползущий дым голубоватый).
Глава семьи – сороковых
Годов соратник; он поныне,

В числе людей передовых,
450 Хранит гражданские святыни,
Он с николаевских времен
Стоит на страже просвещения,
Но в буднях нового движенья
Немного заплутался он...
Тургеневская безмятежность
Ему сродни; еще вполне
Он понимает толк в вине,
В еде ценить умеет нежность;
Язык французский и Париж
460 Ему своих, пожалуй, ближе
(Как всей Европе: поглядишь –
И немец грезит о Париже),
И – ярый западник во всем –
В душе он – старый барин русский,
И убеждений склад французский
Со многим не мирится в нем;
Он на обедах у Бореля
Брюжжит не плоше Щедрина:
То – недоварены форели,
470 А то – уха им не жирна.
Таков закон судьбы железной:
Нежданный, как цветок над бездной,
Очаг семейный и уют...

В семье нечопорно растут
Три дочки: старшая – томится
И над кипсэком мужа ждет,
Второй – всегда не лень учиться,
Меньшáя – скачет и поет,
Велит ей нрав живой и страстный
480 Дразнить в гимназии подруг
И косоплеткой ярко-красной
Вводит начальницу в испуг...
Вот подросли: их в гости водят,
В карете возят их на бал;
Уж кто-то возле окон ходит,
Меньшой записку подослал
Какой-то юнкер шаловливый –
И первых слез так сладок пыл,
А старшей – чинной и стыдливой –
490 Внезапно руку предложил
Вихрастый идеальный мальчик;
Ее готовят под венец...
“Смотри, он дочку любит мало, –
Ворчит и хмурится отец, –

Смотри, не нашего он круга...”
И втайне с ним согласна мать,
Но ревность к дочке друг от друга
Они стараются скрывать...
500 Торопит мать наряд венчальный,
Приданое поспешно шьют,
И на обряд (обряд печальный)
Знакомых и родных зовут...
Жених – противник всех обрядов
(Когда “страдает так народ”).
Невеста – точно тех же взглядов:
Она – с ним об руку пойдет,
Чтоб вместе бросить луч прекрасный,
“Луч света в царство темноты”
(И лишь венчаться не согласна
510 Без флёр д’оранжа и фаты).
Вот – с мыслью о гражданском браке,
С челом, мрачнее сентября,
Нечесанный, в нескладном фраке
Он предстоит у алтаря,
Вступая в брак “принципиально”, –
Сей новоявленный жених.
Священник старый, либеральный,
Рукой дрожащей крестит их,
Ему, как жениху, невнятны
520 Произносимые слова,
А у невесты – голова
Кружится; розовые пятна
Пылают на ее щеках,
И слезы тают на глазах...

Пройдет неловкая минута –
Они воротятся в семью,
И жизнь, при помощи уюта,
В свою вернется колею;
Им рано в жизнь; еще не скоро
530 Здоровым горбиться плечам;
Не скоро из ребячьих споров
С товарищами по ночам
Он выйдет, честный, на соломе
В мечтах почиющий жених...
В гостеприимном добром доме
Найдется комната для них,
А разрушение уклада
Ему, пожалуй, не к лицу:
Семейство просто будет радо
540 Ему, как новому жильцу,

Всё обойдется понемногу:
Конечно, младшей по нутру
Народницей и недотрогой
Дразнить замужнюю сестру,
Второй – краснеть и заступаться,
Сестру резоня и уча,
А старшей – томно забываться,
Склонясь у мужнина плеча;
Муж в это время спорит втуне,
550 Вступая в разговор с отцом
О социализме, о коммуне,
О том, что некто – “подлецом”
Отныне должен называться
За то, что совершил донос...
И вечно будет разрешаться
“Проклятый и больной вопрос”...

Нет, вешний лед круша, не смоем
Их жизни быстрая река:
Она оставит на покое
560 И юношу, и старика –
Смотреть, как будет лед носиться,
И как ломаться будет лед,
И им обоим будет сниться,
Что их “народ зовет вперед”...
Но эти детские химеры
Не помешают наконец
Кой-как приобрести манеры
(От этого не прочь отец),
Косоворотку на манишку
570 Сменить, на службу поступить,
Произвести на свет мальчишку,
Жену законную любить,
И, на посту не стоя “славном”,
Прекрасно исполнять свой долг
И быть чиновником исправным,
Без взяток видя в службе толк...
Да, этим в жизнь – до смерти рано;
Они похожи на ребят:
Пока не крикнет мать, – шалят;
580 Они – “не моего романа”:
Им – всё учиться, да болтать,
Да услаждать себя мечтами,
Но им навеки не понять
Тех, с обреченными глазами:
Другая стать, другая кровь –
Иная (жалкая) любовь...

Так жизнь текла в семье. Качали
Их волны. Вешняя река
Неслась – темна и широка,
590 И льдины грозно нависали,
И вдруг, помедлив, огибали
Сию старинную ладью...
Но скоро прѣбил час туманный –
И в нашу дружную семью
Явился незнакомец странный.

Встань, выйди поутру на луг:
На бледном небе ястреб кружит,
Чертя за кругом плавный круг,
Высматривая, где похуже
600 Гнездо припрятано в кустах...
Вдруг – птичий щебет и движенье...
Он слушает... еще мгновенье –
Слетает на прямых крылах...
Тревожный крик из гнезд соседних,
Печальный писк птенцов последних,
Пух нежный по ветру летит –
Он жертву бедную когтит...
И вновь, взмахнув крылом огромным,
Взлетел – чертить за кругом круг,
610 Несытым оком и бездомным
Осматривать пустынный луг...
Когда ни взглянешь, – кружит, кружит...

Россия-мать, как птица, тужит
О детях; но – ее судьба,
Чтоб их терзали ястреба.

На вечерах у Ольги Вревской
Был общества отборный цвет.
Больной и грустный Достоевский
Ходил сюда на склоне лет
620 Суровой жизни скрасить бремя,
Набраться сведений и сил
Для “Дневника”. (Он в это время
С Победоносцевым дружил.)
С простертой дланью вдохновенно
Полонский здесь читал стихи.
Какой-то экс-министр смиренно
Здесь исповедывал грехи.
И ректор университета
Бывал ботаник здесь Бекетов,

- 630 И многие профессора,
И слуги кисти и пера,
И также – слуги царской власти,
И недруги ее отчасти,
Ну, словом, можно встретить здесь
Различных состояний смесь.
В салоне этом без утайки,
Под обаянием хозяйки,
Славянофил и либерал
Взаимно руку пожимал
- 640 (Как, впрочем, водится издавна
У нас, в России православной:
Всем, слава Богу, руку жмут).
И всех – не столько разговором,
Сколь оживленностью и взором, –
Хозяйка в несколько минут
К себе привлечь могла на диво.
Она, действительно, слыла
Обворожительно-красивой,
И вместе – добрая была.
- 650 Кто с Ольгой Павловной был связан, –
Всяк помянет ее добром
(Пока еще молчать обязан
Язык писателей о том).
Вмещал немало молодежи
Ее общественный салон:
Иные – в убежденьях схожи,
Тот – попросту в нее влюблен,
Иной – с конспиративным делом...
И всем нужна она была,
- 660 Все приходили к ней, – и смело
Она участие брала
Во всех вопросах без изъятья,
Как и в опасных предприятиях... –
К ней также из семьи моей
Всех трех возили дочерей.
- Средь пожилых людей и чинных,
Среди зеленых и невинных –
В салоне Вревской был, как свой,
Один ученый молодой.
- 670 Непринужденный гость, привычный –
Он был со многими на “ты”.
Его отмечены черты
Печатью не совсем обычной.
Раз (он гостиной проходил)
Его заметил Достоевский.

“Кто сей красавец? – он спросил
Негромко, наклонившись к Вревской: –
Похож на Байрона.” – Слово
Крылатое все подхватили,
680 И все на новое лицо
Свое вниманье обратили.
На сей раз милостив был свет,
Обыкновенно – столь упрямый.
“Красив, умен”, – твердили дамы,
Мужчины морщились: “поэт”...
Но, если морщатся мужчины,
Должно быть, зависть их берет,
А чувств прекрасной половины
Никто, сам черт, не разберет...
690 И дамы были в восхищеньи:
“Он – Байрон, значит – демон...” – Что ж?
Он впрямь был с гордым лордом схож
Лица надменным выраженьем
И чем-то, что хочу назвать
Тяжелым пламенем печали...
(Въобще, в нем странность замечали –
И всем хотелось замечать.)
Пожалуй, не было, к несчастью,
В нем только *воли* этой... Он
700 Одной какой-то тайной страстью,
Должно быть, с лордом был сравнен:
Потомок поздний поколений,
В которых жил мятежный пыл
Нечеловеческих стремлений, –
На Байрона он походил,
Как брат болезненный на брата
Здорового порой похож:
Тот самый отсвет красноватый,
И выраженье власти то ж,
710 И то же порыванье к бездне.
Но – тайно околдован дух
Усталым холодом болезни,
И пламень действенный потух,
И воли бешеной усилья
Отягчены сознанием.
Так –
Вращает хищник мутный зрак,
Больные расправляя крылья.
“Как интересен, как умен”, –
За общим хором повторяет
720 Меньшая дочь. И уступает

Отец. И в дом к ним приглашен
Наш новоявленный Байрон.
И приглашение принимает.

В семействе принят, как родной,
Красивый юноша. Вначале
В старинном доме над Невой
Его, как гостя, привечали,
Но скоро стариков привлек
Его дворянский склад старинный,
730 Обычай вежливый и чинный:
Хотя свободен и широк
Был новый лорд в своих воззрениях,
Но вежливость он соблюдал
И дамам ручки целовал
Он без малейшего презренья.
Его блестящему уму
Противоречия прощали,
Противоречий этих тьму
По доброте не замечали,
740 Их затмевал таланта блеск,
В глазах какое-то горенье...
(Ты слышишь сбитых крыльев треск? –
То хищник напрягает зренье...)
С людьми его еще тогда
Улыбка юности роднила,
Еще в те ранние года
Играть легко и можно было...
Он тьмы своей не ведал сам...

Он в доме запросто обедал
750 И часто всех по вечерам
Живой и пламенной беседой
Пленял. (Хоть он юристом был,
Но поэтическим примером
Не брезговал: Констан дружил
В нем с Пушкиным, и Штейн – с Флобером.)
Свобода, право, идеал –
Всё было для него не шуткой,
Ему лишь было втайне жутко:
Он, утверждая, отрицал
760 И утверждал он, отрицая.
(Всё б – в крайностях бродить уму –
А середина золотая
Всё не давалась ему!),
Он ненавистное – любовью

Искал порою окружить,
Как будто труп хотел налить
Живой, играющею кровью...
“Талант”, – твердили все вокруг, –
Но, не гордясь (не уступая),
770 Он странно омрачался вдруг...
Душа больная, но молодая,
Страшась себя (она права),
Искала утешенья: чужды
Ей становились все слова...
(О, пыль словесная! Что нужды
В тебе? – Утешишь ты едва ль,
Едва ли разрешишь ты муки!) –
И на покорную рояль
Властительно ложились руки,
780 Срывая звуки, как цветы,
Безумно, дерзостно и смело,
Как женских тряпок лоскуты
С готового отдаться тела...
Прядь упала на чело...
Он сотрясался в тайной дрожи...
(Всё, всё – как в час, когда на ложе
Двоих желание сплело...)
И там – за бурей музыкальной –
Вдруг возникал (как и тогда)
790 Какой-то образ – грустный, дальный,
Непостижимый никогда...
И крылья белые в лазури,
И неземная тишина...
Но эта тихая струна
Тонула в музыкальной буре...

Что ж стало? – Всё, что быть должно:
Рукопожатья, разговоры,
Потупленные долу взоры...
Грядущее отделено
800 Едва приметною чертою
От настоящего... Он стал
Своим в семье. Он красотою
Меньшую дочь очаровал,
И царство (царством не владея)
Он обещал ей. И ему
Она поверила, бледнея...
И дом ее родной в тюрьму
Он превратил (хотя нимало
С тюрьмой не сходствовал сей дом...).

810 Но чуждо, пусто, дико стало
Всё, прежде милое, кругом –
Под этим странным обаяньем
Сулящих новое речей,
Под этим демонским мерцаньем
Сверлящих пламенем очей...
Он – жизнь, он – счастье, он – стихия,
Она нашла героя в нем, –
И вся семья, и все родные
Претят, мешают ей во всем,
820 И всё ее волненье множит...
Она не ведает сама,
Что уж кокетничать не может.
Она – почти сошла с ума...
А он? –

Он медлит; сам не знает,
Зачем он медлит, для чего?
И ведь нимало не прельщает
Армейский демонизм его...
Нет, мой герой довольно тонок
И прозорлив, чтобы не знать,
830 Как бедный мучится ребенок,
Что счастье ребенку дать –
Теперь – в его единой власти...
Нет, нет... но замерли в груди
Доселе пламенные страсти,
И кто-то шепчет: погоди...
То – ум холодный, ум жестокий
Вступил в нежданные права...
То – муку жизни одинокой
Предугадала голова...
840 “Нет, он не любит, он играет, –
Твердит она, судьбу кляня: –
За что терзает и пугает
Он, беззащитную, меня...
Он объясненья не торопит,
Как будто сам чего-то ждет...”
(Смотри: так хищник силы копит:
Сейчас – большим крылом взмахнет,
На луг опустится бесшумно
И будет пить живую кровь
850 Уже от ужаса – безумной,
Дрожащей жертвы...) – Вот – любовь
Того вампирственного века,
Который превратил в калек
Достойных званья человека!
Будь трижды проклят, жалкий век!

Другой жених на этом месте
 Давно отряс бы прах от ног,
 Но мой герой был слишком честен
 И обмануть ее не мог:
 860 Он не гордился нравом странным,
 И было знать ему дано,
 Что демоном и Дон-Жуаном
 В тот век вести себя – смешно...
 Он много знал – себе на горе,
 Слывя недаром “чудаком”
 В том дружном человечьем хоре,
 Который часто мы зовем
 (Промеж себя) – бараньим стадом...
 Но – “глас народа – Божий глас”,
 870 И это чаще помнить надо,
 Хотя бы, например, сейчас:
 Когда б он был глупей немного
 (Его ль, однако, в том вина?), –
 Быть может, лучшую дорогу
 Себе избрать могла она,
 И, может быть, с такою нежной
 Дворянской девушкой связав
 Свой рок холодный и мятежный, –
 Герой мой был совсем не прав...

880 Но всё пошло неотвратимо
 Своим путем. Уж лист, шурша,
 Крутился. И неудержимо
 У дома старилась душа.
 Переговоры о Балканах
 Уж дипломаты повели,
 Войска пришли и спать легли,
 Нева закуталась в туманах,
 И штатские пошли дела,
 И штатские пошли вопросы:
 890 Аресты, обыски, доносы
 И покушенья – без числа...
 И книжной крысой настоящей
 Мой Байрон стал средь этой мглы;
 Он диссертацией блестящей
 Стяжал отменные хвалы
 И принял кафедру в Варшаве...
 Готовясь лекции читать,
 Запутанный в гражданском праве,
 С душой, начавшей уставать, –
 900 Он скромно предложил ей руку,
 Связал ее с своей судьбой

И в даль увез ее с собой,
Уже питая в сердце скуку, –
Чтобы жена с ним до звезды
Делила книжные труды...

Прошло два года. Грянул взрыв
С Екатеринина канала,
Россию облаком покрыв.
910 Всё издалёка предвещало,
Что час свершится роковой,
Что выпадет такая карта...
И этот века час дневной –
Последний – назван *первым марта*.

В семье – печаль. Упразднена,
Как будто, часть ее большая:
Всех веселила дочь меньшая,
Но из семьи ушла она,
А жить – и путанно, и трудно:
То – над Россией дым стоит...
920 Отец, седея, в дым глядит...
Тоска! От дочки вести скудны...
Вдруг – возвращается она...
Что с ней? Как стан прозрачный тонок!
Худа, измучена, бледна...
И на руках – лежит ребенок.

Конец первой главы.
1911–1916, 4 июня.

ВТОРАЯ ГЛАВА

(ВСТУПЛЕНИЕ)

I

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только – тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна;
10 Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, –
И затуманилась она,
Заспав надежды, думы, страсти...
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный...
20 Колдун одной рукой кадил,
И стружкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но –
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

II

В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней,
Хоть не тяжеле, не серей
Под крепостью катила воды
Необозримая Нева...
30 Штык светил, плакали куранты,
И те же барыни и франты
Летели здесь на острова,
И так же конь чуть слышным смехом
Коню навстречу отвечал,
И черный ус, мешаясь с мехом,
Глаза и губы щекотал...
Я помню, так и я, бывало,
Летал с тобой, забыв весь свет,
Но... право, проку в этом нет,
40 Мой друг, и счастья в этом мало...

III

Востока страшная заря
В те годы чуть еще алела...
Чернь петербургская глазела
Подобострастно на царя...
Народ толпился в самом деле,
В медалях кучер у дверей
Тяжелых горячил коней,
Городовые на панели
Сгоняли публику... “Ура”
50 Заводит кто-то голосистый,
И царь, огромный, водянистый,
С семейством едет со двора...
Весна, но солнце светит глупо,
До Пасхи – целых семь недель,
А с крыш холодная капель
Уже за воротник мой тупо
Сползает, спину холодя...
Куда ни повернись, всё ветер...
“Как тошно жить на белом свете”, –
60 Бормочешь, лужу обходя;
Собака под ноги суется,
Калоши сыщика блестят,
Вонь кислая с дворов несется,
И “князь” орет: “Халат, халат!”
И, встретившись лицом с прохожим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда б желания того же
В его глазах не прочитал...

IV

Но перед майскими ночами
70 Весь город погружался в сон,
И расширялся небосклон;
Огромный месяц за плечами
Таинственно румянил лик
Перед зарей необозримой...
О, город мой неуловимый,
Зачем над бездной ты возник?..
Ты помнишь: выйдя ночью белой
Туда, где в море Сфинкс глядит,
И на обтесанный гранит
80 Склоняясь главой отяжелелой,
Ты слышать мог: вдали, вдали,
Как будто с моря, звук тревожный,

Для Божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
Провидел ты всю даль, как Ангел
На шпигеле крепостном; и вот –
(Сон, или явь) чудесный флот,
Широко развернувший флаги,
Внезапно заградил Неву...
90 И Сам Державный Основатель
Стоит на головном фрегате...
Так снилось многим наяву...
Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?..
Но в эти времена глухие
Не всем, конечно, снились сны...
Да и народу не бывало
На площади в сей дивный миг
(Один любовник запоздалый
100 Спешил, поднявши воротник)...
Но в алых струйках за кормами
Уже грядущий день сиял,
И дремлющими вымпелами
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...

1911.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не чувствуя ни нужды, ни охоты заканчивать поэму, полную революционных предчувствий, в года, когда революция уже произошла, я хочу предпослать наброску последней главы рассказ о том, как поэма родилась, каковы были причины ее возникновения, откуда произошли ее ритмы.

Интересно и небесполезно и для себя и для других припомнить историю собственного произведения. К тому же нам, счастливейшим или несчастливейшим детям своего века, приходится помнить всю свою жизнь; все годы наши резко окрашены для нас, и – увы! – забыть их нельзя, – они окрашены слишком неизгладимо, так что каждая цифра кажется написанной кровью; мы и не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах.

Поэма “Возмездие” была задумана в 1910 году и в главных чертах набросана в 1911 году. Что это были за годы?

1910 год – это смерть Коммиссаржевской, смерть Врубеля и смерть Толстого. С Коммиссаржевской умерла лирическая нота на сцене; с Врубелем – громадный личный мир художника, безумное упорство, ненасытность исканий – вплоть до помешательства. С Толстым умерла человеческая нежность – мудрая человечность.

Далее, 1910 год – это кризис символизма, о котором тогда очень много писали и говорили, как в лагере символистов, так и в противоположном. В этом году явственно дали о себе знать направления, которые встали во враждебную позицию и к символизму и друг к другу: акмеизм, эгофутуризм и первые начатки футуризма. Лозунгом первого из этих направлений был человек – но какой-то уже другой человек, вовсе без человечности, какой-то “первозданный Адам”.

Зима 1911 года была исполнена глубокого внутреннего мужественного напряжения и трепета. Я помню ночные разговоры, из которых впервые выросло сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики. Мысль, которую, по-видимому, будили сильные толчки извне, одновременно стучалась во все эти двери, не удовлетворяясь более слиянием всего воедино, что было легко и возможно в истинном мистическом сумраке годов, предшествовавших первой революции, а также – в неистинном мистическом похмелье, которое наступило вслед за нею.

Именно мужественное веянье преобладало: трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего – противоречий непримиримых и требовавших примирения. Ясно стал слышен северный жесткий голос Стриндберга, которому остался всего год жизни. Уже был ощутим запах гари, железа и крови. Весной 1911 года П.Н. Милюков прочел интереснейшую лекцию под заглавием “Вооруженный мир и сокращение вооружений”. В одной из московских газет появилась пророческая статья: “Близость большой войны”. В 40 Киеве произошло убийство Андрея Ющинского, и возник вопрос об употреблении евреями христианской крови. Летом этого года, исключительно жарким, так что трава горела на корню, в Лондоне происходили грандиозные забастовки железнодорожных рабочих, в Средиземном море – разыгрался знаменательный эпизод “Пантера – Агадир”.

Неразрывно со всем этим связан для меня расцвет французской борьбы в петербургских цирках; тысячная толпа проявляла исключительный интерес к ней; среди борцов были истинные художники; я никогда не забуду борьбы безобразного русского тяжеловеса с голландцем, мускульная система которого представляла из себя совершеннейший музыкальный инструмент редкой красоты.

50

В этом именно году, наконец, была в особенной моде у нас авиация; – все мы помним ряд красивых воздушных петель, полетов вниз головой, – падений и смертей талантливых и бездарных авиаторов.

Наконец, осенью, в Киеве был убит Столыпин, что знаменовало окончательный переход управления страной из рук полудворянских, получении-нических в руки департамента полиции.

Все эти факты, казалось бы столь различные, для меня имеют один музыкальный смысл. Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор.

60

Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был *ямб*. Вероятно, потому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой волне на более продолжительное время.

Тогда мне пришлось начать постройку большой поэмы под названием “Возмездие”. Ее план представлялся мне в виде концентрических кругов, которые становились все *уже и уже*, и самый маленький круг, съездившись до предела, начинал опять жить своей самостоятельной жизнью, расpirать и раздвигать окружающую среду и, в свою очередь, действовать на периферию. Такова была жизнь чертежа, который мне рисовался – в сознание и на слова я это стараюсь перевести лишь сейчас; тогда это присутствовало преимущественно в сознании музыкальном и мускульном; о мускульном сознании я говорю недаром, потому что в то время все движение и развитие поэмы для меня тесно соединилось с развитием мускульной системы. При систематическом ручном труде развиваются сначала мускулы на руках, так называемые – бицепсы, а потом уже – постепенно – более тонкая, более изысканная и более редкая сеть мускулов на груди и на спине под лопатками. Вот такое ритмическое и постепенное нарастание мускулов должно было составлять ритм всей поэмы. С этим связана и ее основная идея, и тема.

70

80

Тема заключается в том, как развиваются звенья единой цепи рода. Отдельные отпрыски всякого рода развиваются до положенного им предела и затем вновь поглощаются окружающей мировой средой; но в каждом отпрыске зреет и отлагается нечто новое и нечто более острое, ценою бесконечных потерь, личных трагедий, жизненных неудач, падений и т.д.; ценою, наконец, потери тех бесконечно высоких свойств, которые в свое время сияли, как лучшие алмазы в человеческой короне (как, например, свойства гуманные, добродетели, безупречная честность, высокая нравственность и проч.).

Словом, мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если остается

90

еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искалеченной. Был человек – и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка. Но семя брошено, и в следующем первенце растет новое, более упорное; и в последнем первенце это новое и упорное начинает, наконец, ощутительно действовать на окружающую среду; таким образом, род, испытавший на себе возмездие истории, среды, эпохи, – начинает в свою очередь творить возмездие; последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, 100 которым движется история человечества. И, может быть, ухватится-таки за него...

Что же дальше? Не знаю, и никогда не знал; могу сказать только, что вся эта концепция возникла под давлением все растущей во мне ненависти к различным теориям прогресса.

Такую идею я хотел воплотить в моих “Rougon-Macquar’ax” в малом масштабе, в коротком обрывке рода русского, живущего в условиях русской жизни: “Два-три звена, и уж видны заветы темной старины”... Путем катастроф и падений мои “Rougon-Macquar’ы” постепенно освобождаются от русско-дворянского *éducation sentimentale**, “уголь превращается в алмаз”, Россия – в новую Америку; в новую, а не в старую Америку. 110

Поэма должна была состоять из пролога, трех больших глав и эпилога. Каждая глава обрамлена описанием событий мирового значения; они составляют ее фон.

Первая глава развивается в 70-х годах прошлого века, на фоне русско-турецкой войны и народовольческого движения, в просвещенной либеральной семье; в эту семью является некий “демон”, первая ласточка “индивидуализма”, человек, похожий на Байрона, с какими-то нездешними порывами и стремлениями, притупленными, однако, болезнью века, начинающимся *fin de siècle***.

120 Вторая глава, действие которой развивается в конце XIX и начале XX века, так и не написанная, за исключением вступления, должна была быть посвящена сыну этого “демона”, наследнику его мятежных порывов и болезненных падений, – *бесчувственному* сыну нашего века. Это – тоже лишь одно из звеньев длинного рода; от него тоже не останется по-видимому ничего, кроме искры огня, заброшенной в мир, кроме семени, кинутого им в страстную и грешную ночь в лоно какой-то тихой и женственной дочери чужого народа.

В третьей главе описано, как кончил жизнь отец, что случилось с бывшим блестящим “демоном”, в какую бездну упал этот яркий когда-то человек. Действие поэмы переносится из русской столицы, где оно до сих пор развивалось, в Варшаву – кажущуюся сначала “задворками России”, а потом призванную, по-видимому, играть некую мессианскую роль, связанную с судьбами забытой Богом и истерзанной Польши. Тут, над свежей могилой отца, заканчивается развитие и жизненный путь сына, который уступает место 130 собственному отпрыску, третьему звену все того же высоко взлетающего и низко падающего рода.

* чувствительного воспитания (*фр.*).

** концом века (*фр.*).

В эпилоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях, никому не ведомая и сама ни о чем не ведающая. Но она баюкает и кормит грудью сына, и сын растет; он начинает уже играть, он начинает повторять по складам вслед за матерью: “И я пойду навстречу солдатам... И я брошусь на их штыки... И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот”.

140

Вот, по-видимому, круг человеческой жизни, съжившийся до предела, последнее звено длинной цепи; тот круг, который сам, наконец, начнет топорщиться, давить на окружающую среду, на периферию; вот отпрыск рода, который, может быть, наконец, ухватится ручонкой за колесо, движущее человеческую историю.

Вся поэма должна сопровождаться определенным лейтмотивом “возмездия”; этот лейтмотив есть *мазурка*, танец, который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костюшку с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича на русских и парижских балах. В первой главе этот танец легко доносится из окна какой-то петербургской квартиры – глухие 70-е годы; во второй главе танец гремит на балу, смешиваясь со звоном офицерских шпор, подобный пене шампанского *fin de siècle* знаменитой *veuve Cliquot*; еще более глухие – цыганские, апухтинские годы; наконец, в третьей главе мазурка разгулялась: она звенит в снежной вьюге, проносимая над ночной Варшавой, над занесенными снегом польскими клеверными полями. В ней явственно слышится уже голос Возмездия.

150

Июль 1919.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

- Отец лежит в “Аллее Роз”,*
Уже с усталостью не споря,
А сына поезд мчит в мороз
От берегов родного моря...
Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы вековые, –
И вот, в лучах больной зари
Задворки польские России...
Здесь всё, что было, всё, что есть,
- 10 Надуто мстительной химерой;
Коперник сам лелеет мечь,
Склоняясь над пустою сферой...
“Мечь! Мечь!” – в холодном чугуне
Звенит, как эхо, над Варшавой:
То Пан-Мороз на злом коне
Бряцает шпорою кровавой...
Вот оттепель: блеснет живей
Край неба желтизной ленивой,
И очи панн чертят смелей
- 20 Свой круг ласкательный и льстивый...
Но всё, что в небе, на земле,
По-прежнему полно печалью...
Лишь рельс в Европу в мокрой мгле
Поблескивает честной сталью.
- Вокзал заплеванной; дома,
Коварно преданные вьюгам;
Мост через Вислу, как тюрьма;
Отец, сраженный злым недугом, –
Всё внове баловню судеб;
- 30 Ему и в этом мире скудном
Мечтается о чем-то чудном;
Он хочет в камне видеть хлеб,
Бессмертья знак – на смертном ложе,
За тусклым светом фонаря
Ему мерещится заря
Твоя, забывший Польшу, Боже! –
Что здесь он с юностью своей?
О чем у ветра жадно просит? –
Забывтый лист осенних дней,
- 40 Да пыль сухую ветер носит!
А ночь идет, ведя мороз,
Усталость, сонные желанья...

* Улица в Варшаве. (Примеч. А. Блока)

Как улиц гадостны названья!
 Вот, наконец, “Аллея Роз”!.. –
 Неповторимая минута:
 Больница в сон погружена, –
 Но в раме светлого окна
 Стоит, оборотясь к кому-то,
 Отец... и сын, едва дыша,
 50 Глядит, глазам не доверяя...
 Как будто в смутном сне душа
 Его застыла молодая,
 И злую мысль не отогнать:
 “Он жив еще!.. В чужой Варшаве
 С ним разговаривать о праве,
 Юристов с ним критиковать!...”
 Но всё – одной минуты дело:
 Сын быстро ищет ворота
 (Уже больница заперта),
 60 Он за звонок берется смело
 И входит... Лестница скрипит...
 Усталый, грязный от дороги
 Он по ступенькам вверх бежит
 Без жалости и без тревоги...
 Свеча мелькает... Господин
 Загородил ему дорогу
 И, всматриваясь, молвит строго:
 “Вы – сын профессора?” – “Да, сын...”
 Тогда (уже с любезной миной):
 70 “Прошу вас. В пять он умер. Там...”

Отец в гробу был сух и прям.
 Был нос прямой – а стал орлиный.
 Был жалок этот смятый одр,
 И в комнате, чужой и тесной,
 Мертвец, собравшийся на смотр,
 Спокойный, желтый, бессловесный...
 “Он славно отдохнет теперь”, –
 Подумал сын, спокойный взглядом
 Смотря в отворенную дверь...
 80 (С ним кто-то неотлучно рядом
 Глядел туда, где пламя свеч,
 Под веяньем неосторожным
 Склоняясь, озарит тревожно
 Лик желтый, туфли, узость плеч, –
 И, выпрямляясь, слабо чертит
 Другие тени на стене...
 А ночь стоит, стоит в окне...)
 И мыслит сын: “Где ж праздник Смерти?

Отцовский лик так странно тих...
 90 Где язвы дум, морщины муки,
 Страстей, отчаянья и скуки?
 Иль смерть смела бесследно их?" –
 Но все утомлены. Покойник
 Сегодня может спать один.
 Ушли родные. Только сын
 Склонен над трупом... Как разбойник,
 Он хочет осторожно снять
 Кольцо с руки оцепенелой...
 (Неопытному трудно смело
 100 У мертвых пальцы разгибать.)
 И только преклонив колени
 Над самой грудью мертвеца,
 Увидел он, *какие* тени
 Легли вдоль этого лица...
 Когда же с непокорных пальцев
 Кольцо скользнуло в жесткий гроб,
 Сын окрестил отцовский лоб,
 Прочтя на нем печать скитальцев,
 Гонимых по миру судьбой...
 110 Поправил руки, образ, свечи,
 Взглянул на вскинутые плечи
 И вышел, молвив: "Бог с тобой".

Да, сын любил тогда отца
 Впервой – и, может быть, в последний,
 Сквозь скуку панихид, обедней,
 Сквозь пошлость жизни без конца...
 Отец лежал не очень строго:
 Торчал измятый клок волос;
 Всё шире с тайною тревогой
 120 Вскрывался глаз, сгибался нос;
 Улыбка жалкая кривила
 Неплотно сжатые уста...
 Но разложение – красота
 Незъяснимо победила...
 Казалось, в этой красоте
 Забыл он долгие обиды
 И улыбался суете
 Чужой военной панихиды...
 А чернь старалась, как могла:
 130 Над гробом говорили речи;
 Цветками дама убрала
 Его приподнятые плечи;
 Потом на ребра гроба лег
 Свинец полоскою бесспорной

(Чтоб он, воскреснув, встать не мог).
Потом, с печалью непритворной,
От паперти казенной прочь
Тащили гроб, давя друг друга...
Бесснежная визжала вьюга.
140 Злой день сменяла злая ночь.

По незнакомым площадям
Из города в пустое поле
Все шли за гробом по пятам...
Кладбище называлось: “Воля”.
Да! Песнь о *воле* слышим мы,
Когда могильщик бьет лопатой
По глыбам глины желтоватой;
Когда откроют дверь тюрьмы;
Когда мы изменяем женам,
150 А жены – нам; когда, узнав
О поруганьи чьих-то прав,
Грозим министрам и законам
Из запертых на ключ квартир;
Когда проценты с капитала
Освободят от идеала;
Когда... – На кладбище был мир,
И впрямь пахнуло чем-то вольным:
Кончалась скука похорон.
Здесь радостный галдеж ворон
160 Сливался с гулом колокольным...
Как пусты ни были сердца,
Все знали: эта жизнь – сгорела...
И даже солнце поглядело
В могилу бедную отца.

Глядел и сын, найти пытаюсь
Хоть в желтой яме что-нибудь...
Но все мелькало, расплываясь,
Слепя глаза, стесняя грудь...
Три дня, как три тяжелых года!
170 Он чувствовал, как стынет кровь...
Людская пошлость? Иль – погода?
Или – сыновняя любовь? –
Отец от первых лет сознания
В душе ребенка оставлял
Тяжелые воспоминанья.
Отца он никогда не знал.
Они встречались лишь случайно,
Живя в различных городах,
Столь чуждые во всех путях

- 180 (Быть может, кроме самых тайных).
 Отец ходил к нему, как гость,
 Согбенный, с красными кругами
 Вкруг глаз. За вялыми словами
 Нередко шевелилась злость...
 Внушал тоску и мысли злые
 Его циничный, тяжкий ум,
 Грязня туман сыновних дум.
 (А думы глупые, младые...)
 И только добрый льстивый взор,
- 190 Бывало, упал украдкой
 На сына, странно загадкой
 Врываясь в нудный разговор...
 Сын помнит: в детской, на диване
 Сидит отец, куря и злясь;
 А он, безумно расшалаясь,
 Вертится пред отцом в тумане...
 Вдруг (злое, глупое дитя!) –
 Как будто бес его толкает,
 И он стремглав отцу вонзает
- 200 Булавку около локтя...
 Растерян, побледнев от боли,
 Тот дико вскрикнул...
 Этот крик
 С внезапной яркостью возник
 Здесь, над могилою, на “Воле”, –
 И сын очнулся... Вьюги свист;
 Толпа; могильщик холм ровняет;
 Шуршит и бьется бурый лист...
 И женщина навзрыд рыдает
 Неудержимо и светло...
- 210 Никто с ней не знаком. Чело
 Покрыто траурной фатою.
 Что там? Небесной красотою
 Оно сияет? Или – там
 Лицо старухи некрасивой,
 И слезы катятся лениво
 По провалившимся щекам?
 И не она ль тогда в больнице
 Гроб вместе с сыном стерегла?..
 Вот, не открыв лица, ушла...
- 220 Чужой народ кругом толпится...
 И жаль отца, безмерно жаль:
 Он *тоже* получил от детства
 Флобера странное наследство –
Education sentimentale.

От панихид и от обедней
Избавлен сын; но в отчий дом
Идет он. Мы туда пойдем
За ним и бросим взгляд последний
На жизнь отца (чтобы уста
230 Поэтов не хвалили мира!).
Сын входит. Пасмурна, пуста
Сырая, темная квартира...
Привыкли чудачком считать
Отца – на то имели право:
На всем покоилась печать
Его тоскующего нрава;
Он был профессор и декан;
Имел ученые заслуги;
Ходил в дешевый ресторан
240 Поестъ – и не держал прислуги;
По улице бежал бочком
Поспешно, точно пес голодный,
В шубенке никуда не годной
С потрепанным воротником;
И видели его сидевшим
На груди почернелых шпал;
Здесь он нередко отдыхал,
Вперяясь взглядом опустевшим
В прошедшее... Он “свел на нет”
250 Всё, что мы в жизни ценим строго:
Не освежалась много лет
Его убогая берлога;
На мебели, на грудах книг
Пыль стлалась серыми слоями;
Здесь в шубе он сидеть привык
И печку не топил годами;
Он всё берег и в кучу нес:
Бумажки, лоскутки материй,
Листочки, корки хлеба, перья,
260 Коробки из-под папирос,
Белья нестиранного груды,
Портреты, письма дам, родных
И даже то, о чем в своих
Стихах рассказывать не буду...
И наконец – убогий свет
Варшавский падал на киоты
И на повестки и отчеты
“Духовно-нравственных бесед”...
Так, с жизнью счет сводя печальный,
270 Презревши молодости пыл,
Сей Фауст, когда-то радикальный,

“Правел”, слабел... и всё забыл;
Ведь жизнь уже не жгла – чадила,
И однозвучны стали в ней
Слова: “свобода” и “еврей”...
Лишь музыка – одна будила
Отяжелевшую мечту:
Брюзжащие смолкали речи;
Хлам превращался в красоту;
280 Прямилась сгорбленные плечи;
С неожиданной силой пел рояль,
Будя неслыханные звуки:
Проклятия страстей и скуки,
Стыд, горе, светлую печаль...
И наконец – чахотку злую
Своею волей нажил он,
И слег в лечебницу плохую
Сей современный Гарпагон...

290 Так жил отец: скупцом, забытым
Людьми, и Богом, и собой,
Иль псом бездомным и забитым
В жестокой давке городской.
А сам... Он знал иных мгновений
Незабываемую власть!
Недаром в скуку, смрад и страсть
Его души – какой-то гений
Печальный залетал порой;
И Шумана будили звуки
Его озлобленные руки,
300 Он ведал холод за спиной...
И, может быть, в преданьях темных
Его слепой души, впотьмах –
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брезжит память эта,
Тот странен и с людьми не схож:
Всю жизнь его – уже поэта
Священная объемлет дрожь,
Бывает глух, и слеп, и нем он,
310 В нем почивает некий бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог...
Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит “Горе от ума”.

Страна – под бременем обид,
Под игом наглого насилья –
Как Ангел, опускает крылья,
320 Как женщина, теряет стыд.
Безмолвствует народный гений,
И голоса не подает,
Не в силах сбросить ига лени,
В полях затерянный народ.
И лишь о сыне, ренегате,
Всю ночь безумно плачет мать,
Да шлет отец врагу проклятье
(Ведь старым нечего терять!...)
А сын – он изменил отчизне!
330 Он жадно пьет с врагом вино,
И ветер ломится в окно,
Взывая к совести и к жизни...

Не также ль и тебя, Варшава,
Столица гордых поляков,
Дремать принудила орава
Военных русских пошляков?
Жизнь глухо кроется в подпольи,
Молчат магнатские дворцы,
Лишь Пан-Мороз во все концы
340 Свирепо рыщет на раздольи!
Неистово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взметутся бурей над домами,
Иль конь заржет – и звоном струн
Ответит телеграфный провод,
Иль вздернет Пан взбешенный повод,
И четко повторит чугуна
Удары мерзлого копыта
350 По опустелой мостовой...
И вновь, поникнув головой,
Безмолвен Пан, тоской убитый...
И, странствуя на злом коне,
Бряцает шпорою кровавой...
Мечь! Мечь! – Так эхо над Варшавой
Звонит в холодном чугуне!

Еще светлы кафэ и бар'ы,
Торгует телом "Новый Свет",
Кишат бесстыдные троттуары,
360 Но в переулках – жизни нет,

Там тьма и вьюги завыванье...
Вот небо сжалилось – и снег
Глушит трескучей жизни бег,
Несет свое очарованье...
Он вьется, стелется, шуршит,
Он – тихий, вечный и старинный...
Герой мой милый и невинный,
Он и тебя запорошит,
Пока бесцельно и тоскливо,
370 Едва похоронив отца,
Ты бродишь, бродишь без конца
В толпе большой и похотливой...
Уже ни чувств, ни мыслей нет,
В пустых зеницах нет сиянья,
Как будто сердце от скитанья
Состарилось на десять лет...
Вот робкий свет фонарь роняет...
Как женщина, из-за угла
Вот кто-то льстиво подползает...
380 Вот – подольстилась, подползла,
И сердце торопливо сжала
Невыразимая тоска,
Как бы тяжелая рука
К земле пригнула и прижала...
И он уж не один идет,
А точно с кем-то новым вместе...
Вот быстро под гору ведет
Его “Краковское Предместье”;
Вот Висла – снежной бури ад...
390 Ища защиты за домами,
Стуча от холода зубами,
Он повернул опять назад...
Опять над сферою Коперник
Под снегом в думу погружен...
(А рядом – друг или соперник –
Идет тоска...) Направо он
Поворотил – немного в гору...
На миг скользнул ослепший взор
По православному собору...
400 (Какой-то очень важный вор,
Его построив, не достроил...)
Герой мой быстро шаг удвоил,
Но скоро изнемог опять –
Он начинал уже дрожать
Непобедимой мелкой дрожью,
(В ней всё мучительно сплелось:
Тоска, усталость и мороз...)

Уже часы по бездорожью
По снежному скитался он
410 Без сна, без отдыха, без цели...
Стихает злобный визг метели,
И на Варшаву сходит сон...
Куда ж еще идти? Нет мочи
Бродить по городу всю ночь. –
Теперь уж некому помочь!
Теперь он – в самом сердце ночи!
О, черен взор твой, ночи тьма,
И сердце каменное глухо,
Без сожаленья и без слуха,
420 Как те ослепшие дома!...
Лишь снег порхает – вечный, белый,
Зимой – он площадь оснежит,
И мертвое засыпет тело,
Весной – ручьями побежит...
Но в мыслях моего героя
Уже почти несвязный бред...
Идет... (По снегу вьется след
Один, но их, как было, двое...)
В ушах – какой-то смутный звон...
430 Вдруг – бесконечная ограда
Саксонского, должно быть, сада...
К ней тихо прислонился он...

Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой, иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Все, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
440 И тяжелит ресницы иней,
Тогда – остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым, запущённым садом,
И небо – книгу между книг;
450 Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный,
И в этот несравненный миг –

Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь –
Всё вспыхнет в сердце благодарном,
Ты всё благословишь тогда,
Поняв, что жизнь – безмерно боле,
Чем *q u a n t u m s a t i s* Бранда воли,
460 А мир – прекрасен, как всегда.
.....

⟨ЧЕРНОВИКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ПОЭМЫ “ВОЗМЕЗДИЕ”⟩

⟨ЧЕРНОВИКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВТОРОЙ ГЛАВЫ⟩

- л. 1¹ К чему мечтою беспокойной
Опережать событий строй?
Зачем в порядок мира стройный²
Вводить свой голос бредовой?
В твои ⟨ ⟩ сцепленные зубы,
Пегас, я втисну удила,³
И если ты, заслышав трубы,
На звук помчишься, как стрела,⁴
Тебе исполосую спину
- 10 Моим узорчатым хлыстом,⁵
Тебя я навзничь опрокину,
Рот окровавив мундштуком,
И встанешь ты, дрожа всем телом,
Дымясь, кося свой умный глаз⁶
- л. 2 На победителя ⟨ ⟩
Смирителя твоих проказ...
Пойдешь туда, куда мне надо,⁷
Грызя и пеня удила,
Пока вечерняя прохлада
- 20 Меня на отдых не отвела...⁸
Смирись, и воле человека
Покорствуй, буйная мечта...⁹

¹ Перед текстом – дата: (11) 24 января 1921.

² Зачем порядок мира стройный

⟨ ⟩ свой голос бредовой?

³ ^a Пегас! Стальной мундштук я вдвину
В ⟨ ⟩

^b Пегас! Сквозь сцепленные зубы
Стально(й) ⟨ ⟩

⁶ Пегас! Сквозь сцепленные зубы
Твои протисну удила ⟨ ⟩

² Пегас, я втисну ⟨ ⟩ (мундштук) (Вар. не зачеркнуто)

⁴ ^a Стрелой помчишь меня на звук,
Которого (я не хочу слышать),

^b Вперед помчишься, как стрела,

Вар. а и б не зачеркнуты. Вар. б – над строкой, вписан карандашом, как и воспроизводимый в верхнем слое текста.

⁵ Моим узорчатым ремнем, (Вар. не зачеркнуто)

⁶ Дымясь, огромный глаз (кося)

⁷ Пойдешь туда, куда я правлю,

⁸ Меня ко сну не привела....

Четыре точки – авторские. Вар. не зачеркнуто. Слова на отдых не отвела вписаны над строкой

⁹ Четыре точки – авторские

Сошли туман и темнота.
 Настал блаженный вечер века.
 Кончался век, не разрешив¹
 Своих мучительных² загадок,
 Грозу и бурю затаив
 Среди широких () складок
 Туманного плаща времен.
 л. 3. 30 Зарыты в землю бунтари,
 Их голос заглушен на время,
 Вооруженный мир как бремя³
 Несут безропотно цари.⁴
 И Крупп, несущий мир всем странам,⁵
 (Священный)⁶ страж святых могил,
 Пол неба чадом и туманом
 Над всей Европой закоптил.⁷
⁸
 40 И в русской хате деревенской
 Сверчок, как прежде, затрещал
 () нежностью женской
 Расцвел улыбкой нежной⁹
 л. 4.¹⁰ В то время земли пустовали
 Дворянские – и маклаки
 Их за бесценок продавали¹¹
 (Но начисто свели лески)¹²
 И старики, не прозревая
 Грядущих бедствий
 За грош купили угол рая

¹ Кончался он. Он не разрешил

Своей голо(вокружительной загадки)

² Слово подчеркнуто, над ним – восклицательный знак

³ Вооруженного мира бремя (Вар не зачеркнут)

⁴ Несут () цари

⁵ Далее ст начат: ^a Над бу()

^b Хра ()

⁶ Скобки (как и в ряде случаев далее), видимо, отмечают неокончателность текста, желательность замены слова.

⁷ Пол неба дымом и туманом

Над всей Европой заслонил (Вар не зачеркнут)

⁸ Отточия, видимо, отмечают перерыв в развитии темы.

⁹ Далее в рукописи – интервал

¹⁰ Сверху листа зачеркнуто:

С семейством едет со двора. (Слово семейством подчеркнуто)

¹¹ Их за бесценок уступали (Вар не зачеркнут)

^{12 a} Срубив начисто все лески

^b Сведя начисто все лески

Вар. а и б не зачеркнуты Текст В то время земли пустовали ~ (Но начисто свели лески) вписан карандашом, перед ним отчеркивание

- 50 Неподалеку от Москвы
 Огромный тополь серебристый¹
 Склонял над домом свой шатер²
 Стеной шиповника душистой
 Встречал въезжающего двор
 Он был амбаром с острой крышей
 От ветров северных укрыт,³
 Здесь можно было ясно слышать,⁴
 Как тишина цветет и спит.⁵
- л.5 60 Тихий вечер века. В тумане – разные (?)”священные
 дружины” (!)⁶
- Навстречу тройке запыленной⁷
 Старуха вышла на крыльцо,⁸
 От солнца заслонив лицо,
 Раздался листьев шелест сонный,⁹
 Бастыльник покачнув крылом,¹⁰
 Коляска подкатилась к дому,
 И сразу стало все знакомо,
 Как будто длилось много лет, –
- 70 И серый дом, и в мезонине
 Венецианское окно, ()
 Цвет стекол – красный, желтый, синий,¹¹
 Как будто так и быть должно.
- л. 6 Ключом старинным дом открыли¹²
 (Ребенка внес туда старик),
 И тишины не возмутили¹³
 Собачий лай и детский крик.¹⁴

¹ Клонил там тополь серебристый

² Клонил над домом свой шатер

Далее начато, не зачеркнуто:

Куртиной старой и тенистой

Зарос () двор

³ *Ст. начат:* И.

⁴ И можно было ясно слышать (*Вар. не зачеркнуто*)

⁵ Какая тишина царит (в мире) (*Вар. не зачеркнуто, вписан под строкой*)

⁶ *Записано карандашом, отделено отчеркиванием от предыдущего текста.*

⁷ На колокольчик тройки пыльной (*Вар. не зачеркнуто*)

⁸ Старуха вышла, заслонясь

⁹ Раздался в листьях шелест сонный. (*Вар. не зачеркнуто, в прямых скобках*)

Далее ст. начат : Коляска

^{10 а} Крылом бастыльник наклоня,

^б Крылом бастыльник покачнув

^в Задев крылом цветы

¹¹ *Ст. начат:* И ржа()

^{12 а} Приехали и дом открыли,

^б Ключом греющим дом открыли, (*Вар. не зачеркнуто*)

¹³ Но тишины не возмутили

^{14 а} Ребенка смех и лай собак

^б Ребячий смех и лай собак

^в Собачий лай, ребячий крик. (*Вар. не зачеркнуто*)

[И дверь открылась¹ на балконе
 В сирень и в липы и в печаль²]
 80 [А на востоке открывалась
 < > даль]
 [С востока в < > бросалась
 Даль < > деревень
 [Рябины, ветлы]
 [Соломенные крыши, [в] дымы,
 [Усадеб стройки и]
 Стада, усадьбы
 И в низовых лучах далеко³
 Белела церковь за рекой.]

л. 7 90 [Лишь мухи на стекле забились
 Все отразилось
 В немного тусклых зеркалах

Кудрявый мальчик, старый дед⁴
 Они умолкли – слышно стало⁵
 Жужжанье мухи на окне,
 И муха биться перестала,
 И лишь по голубой стене⁶
 Бросает солнце листьев тени,
 Да ветер клонит за окном
 100 Столетние кусты сирени,
 В которых тонет старый дом.⁷
 л. 8 Да звук какой-то заглушенный –⁸
 Звук той же самой тишины,
 Иль звон церковный, отдаленный,
 Иль гул (неконченной)⁹ весны,

¹ Над словом *вписано*: на балконе открывалась

² В сирень и в липы и в траву

³ И в < > низине далеко

Над словом *далеко вписано* белела

⁴ Далее *ст. начат*: Стар < >

⁵ ^a Лишь мухи мирное круженье

⁶ Лишь мухи мирное жужжанье

⁸ *Ст. начат*: Но смолк< >

² Они умолкли – и такую

⁰ Они умолкли – стало слышно

⁶ ^a И только листья на стене

⁶ И только тени на стене

Рисуют солнечные пятна

⁷ Далее *начато*: ^a И

⁶ Отец, и мать, и дочери

Над словом *дочки вписано*: внук и

⁸ ^a *Ст. начат*: И

⁶ Да звук какой-то отдаленный – (*Вар. не зачеркнут*)

⁹ Скобки *отмечают незавершенность текста*

И потянулись вслед за звуком,
(Который новый мир принес)¹
Отец, и мать, и дочка с внуком,
И ласковый дворовый пес...

- 110 И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревень.²
Туда, где вьется пестрым лугом³
Дороги узкой колея
Где обвилась ()
Усадьба чья-то и ничья.⁴
л. 9 Где по холмам и по ложбинам⁵
Меж полосами светлой ржи
120 Бегут, сбегаются к овинам⁶
Темно-зеленые межи,⁷
Стада белеют, серебрятся⁸
Далекой речки рукава,
Телеги () катятся
В пыли, () и видная едва

¹ Скобки отмечают незавершенность текста.

² И лень далеких деревень. (Вар. не зачеркнут)
Далее начат ст.: Стада, усадьбы, люди в ивах,

³ Проселок вьется пестрым лугом

⁴ Далее начато:

[Там поле ()
[Где все еще зе()]
[Где нивой, все еще зеленой]
Где волны ржи, еще зеленой,]
Там поле ржи, еще зеленой,
Волнует ветер ()

⁵ ^a И по холмам, и по низинам, (Вар. не зачеркнут)

⁶ И по холмам, и по ложбинам, (Вар. не зачеркнут)

⁶ Бегут, сбегаются к деревне

⁷ Далее начато:

[Стада бредут, и речка]
[Стада пасут, овраг желтеет
Светлеет речки полоса,]
[Стада пасутся [по оврагам],
Уходят темные леса ()
[Светлеют речки рукава]
И светлой речки рукава
()
Белеет церковь за рекой.
()

И кажется () близкой
Белеет церковь за рекой.]

⁸ Стада пасутся, серебрятся

Потом зерно в мешки ссыпают¹
 Белеющие от муки,
 В телегу валят и сажают²
 Наверх ребенка на мешки.
 150 Мешков с десятков по три меры³
 Везет с гумна в амбар шажком
 Почти тридцатилетний серый,
 За ним⁴ – рязанцы вшестером,⁵
 Приказчик, бабушка с плетеной
 Своей корзинкой для грибов,⁶
 Следят, чтоб внук неугомонный⁷
 Не соскользнул с мешков.
 А внук сидит, гордясь немного,⁸
 Что можно править самому,
 И по гумну на двор дорога
 160 Предлинной кажется ему,
 И новой кажется ему
 Давно знакомая дорога....
 Через гумно во двор

 В деревне жили только летом,
 А с наступленьем холодов
 [Здесь жили]

л. 18 (Пред ним встают) идей Платона
 Великолепные миры,⁹

170 И гимназистам, не забывшим
 Про единицы и нули,
 Профессор врет: “Вы – соль земли!”¹⁰

¹ *а* Ст. начат: Вечер

^б Зерно в мешки ссыпают

² В телегу свалят и сажают

³ *Далее: а* Везет тридцатилетний серый
Шажком [к] с гумна на двор

^б Почти тридцатилетний серый
Везти

⁴ *Ст. начат:* И

⁵ *На полях – вариант вчетвером не зачеркнут.*

⁶ Корзинкой – идут, и все глядят

Чтоб внук – с мешков не соскользнул

⁷ *а* *Ст. начат:* Он

^б Следит, чтоб внук неугомонный

⁸ А он сидит, гордясь немного, (*Вар. не зачеркнут. Слово внук вписано над строкой*)

⁹ () идей Платона

Мерцают дальние миры, (*Вар. не зачеркнут*)

¹⁰ Профессор держит речь:

“Вы – соль земли!”

кроме этих смеющихся зубов, и поднимает¹ лошадь в галоп. Она переходит в карьер, он летит без оглядки, солнце палит, и ветер свистит в ушах, уже вся деревня промелькнула мимо – последние сараи, конопля², поля ржаные, голубые полоски льна, – опять перелесок, он остановил лошадь, она пошла шагом, тень, колеи, корни, из-за стволов старых смотрит большая зарось³ белой серебрянки, как дым, как видение. 210

Долго он объезжал окрестные холмы и поля, и уже давно его внимание было привлечено зубчатой полосой леса на гребне холма на горизонте. Под этой полосой, на крутом спуске с холма, лежала деревня. Он поехал туда в е с н о й⁴, и уже солнце было на закате, когда он въехал в старую березовую рощу под холмом. Косые лучи заката – облака окрасились в пурпур, видение средневековой твердыни. Он минует деревню и подъезжает к лесу, едет шагом мимо него; вдруг – дорожка в лесу, он сворачивает, заставляя лошадь перепрыгнуть через канаву, за сыростью и мраком виден⁵ новый просвет, он выезжает на поляну, перед ним открывается новая необъятная незнакомая даль, а сбоку – фруктовый сад. 220

Розовая девушка⁶, лепестки яблони, – он перестает быть мальчиком.⁷

〈ЧЕРНОВИКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ〉

- л. 19 Так у решетки сада длинной
Стоит и мерзнет мой герой...
Все строже, громче вьюги вой⁸
Над этой площадью пустынной,
Встает метель, идет метель,
Взрывает снежную постель,⁹
И в нем тоску сменяет нега,¹⁰
В его глазах стоит туман,
И столбики и струйки снега
10 (Вдруг) разрастаются в буран,¹¹
Свист меж нагих кустов садовых,
Железный гром с далеких крыш,
И сладость чувств – летишь, летишь¹²

¹ поднимает / пускает

² Слово вписано

³ зарось / сирень

⁴ поехал туда в е с н о й / поехал туда

⁵ виден / всюду виден

⁶ Розовая девушка / Девушка

⁷ мальчиком. / отроком. (Var. не зачеркнут. Слово мальчиком вписано над строкой)

⁸ ^а Все () вьюги вой

^б Все громче () вьюги вой

⁹ Вздымает снежную постель,

И струйки снега образуют

¹⁰ А в нем тоску сменяет нега,

¹¹ (Вдруг) превращаются в буран, (Var. не зачеркнут)

Далее ст. начат: Скрипит

¹² Ст. начат: И чув()

– Будь веселей, мой гость угрюмый,
Тоска минует без следа
Твоя тоска () пройдет.

– Где мы? – Мы далеко, в предместьи.¹
Здесь нет почти жилых домов.
Скажи, ты думал о невесте?²

50 – Нет, у меня невесты нет.³
– Скажи, ты о жене скучаешь?
– Нет, нет. Мария, не о ней.

л. 16 Она с улыбкой открывает
Ему объятия свои
И все, что было, отступает
И исчезает (в забытьи)⁴

И⁵ он умирает в ее объятиях. Все неясные порывы, невоплощенные мысли, воля к подвигу, не совершенному,⁶ растворяется на груди этой женщины.

60 Мария, нежная Мария,
Мне пусто, мне постыло жить!
Я не свершил того
Того, что должен был свершить.

¹ – Где мы? – Далеко, за предместьем. (*Вар. не зачеркнут*)

² Скажи, ты помнишь о невесте? (*Вар. не зачеркнут. Слово думал вписано над строкой*)

³ *Ст. начат:* Нет, я один

⁴ *Ст. начат:* И у (?)

⁵ И / Вот

⁶ не совершенному / никогда не совершенному

СТИХОТВОРЕНИЯ

СКИФЫ

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но нам ласкает слух оно...
Вл(адимир) С(оловьев)

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, Скифы – мы! Да, азиаты – мы, –
С раскосыми и жадными очами!

Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас –
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
10 И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот – срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
20 И день придет – не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!..

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

„РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЦИАЛИЗМЪ“.

Издательство при Центральномъ Комитетѣ Партии Лѣвыхъ Соціалистовъ-
Революціонеровъ (Интернаціоналистовъ).

№ 17.

Въ борьбѣ обратишь ты право свое!

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

ДВѢНАДЦАТЬ. СКИФЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

„ИСПЫТАНІЕ ВЪ ГРОЗѢ И БУРѢ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1918.

АЛЕКСАНДР БЛОК. “ДВЕНАДЦАТЬ. СКИФЫ”
Обложка. П., 1918

Да, так любить, как любит наша кровь,
30 Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним все – парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
40 И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть – и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
50 Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!

А если нет, – нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века – вас будет проклинать
Больное, позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
60 Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы – отныне – вам – не щит,
Отныне в бой не вступим сами!
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами!

70 Не сдвинемся, когда свирепый Гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз – на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

3. ГИППИУС

(при получении "Последних стихов")

Женщина, безумная горячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневаами звенящих строк!

Все слова – как ненависти жала,
Все слова – как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвие целую, глядя в даль...

Но в дали я вижу – море, море,
10 Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне – бросаться в многопенный вал,
Вам – зеленоглазою наядой
Петь, плескаться у ирландских скал –

Высоко – над нами – над волнами, –
Как заря над черными скалами –
Веет знамя – Интернационал!

1 июня 1918

ЗИНАИДЕ НИКОЛАЕВНЕ

Вы жизнь по-прежнему нисколько
Не знаете. Сменилась полька
У них печальным *кикану*...
И что Вам, умной, за охота
Швырять в них солью анекдота,
В них видеть только шантрапу?

Май, 1919

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1. АРИЯ ДЛЯ КАНТАТЫ Ю. ШАПОРИНА

(Невеста ждет жениха)

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу и стою на мосту
И смотрю на речные цветы.

И смотрю за туманы и гарь,
Как из той из туманной дали
Чередой потянулись, как встарь,
Гуси, лебеди, да журавли...

10 Дайте вольные крылья свои,
Гуси, лебеди, да журавли...
Ах, когда на призывы мои
Он вернется из дальней дали?

Боже, в черные ночи и дни
Ты храни жениха моего,
Упаси Ты от вражьей стрелы,
Сохрани Ты от сабли его...

3.XI 1919

2. ХОР ТАТАР ДЛЯ КАНТАТЫ

Идут века...
Бежит река...

Земля тяжка, черна, пусты поля...
Шумят пиры...
Трещат костры...

Гудит вдали, крутит в пыли, дрожит земля...
И жар костров
В разгар пиров –
И дальний зов – на бой – на бой – рази врагов!

¹⁰ В лязге сабель, в ржанье ко́ней, в блеске брони
За сраженным, за сметенным – в погоню, в погоню, в погоню!

Мечи стрелу в ночную мглу!..
Добей врага, гони, лети, скачи!..
Рази, руби, коли, стегай, хлещи!..

14 XI.1919

ENJAMBEMENTS

Давид Самуилыч! Едва
Альбом завели, – голова
Пойдет у Вас крúгом: не раз и не два –
Здесь будут писаться слова:
“Дрова”.

21 ноября 1919

**СЦЕНА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ
“ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА”**

*(XX столетие по Р. Хр.)**

Место действия – будуар герцогини.

Б л о к

... В конце ж шестого тома Гейне, там,
Где Englische кончаются Fragmente,**
Необходимо поместить статью
О Гейне в Англии: его влиянье
На эту нацию, и след, который
Оставил он в ее литературе.

Т и х о н о в***

Кому ж такую поручить статью?

Б л о к

Немало здесь различных спецыалистов,
Но каждый мыслит только о своем:
10 Лозинский – только с Богом говорит;
Волынский – о любви лишь; Гумилев –
Лишь с королями. С лошадьми в конюшне
Привык один Чуковский говорить...

Ч у к о в с к и й (запальчиво)

Неправда! Я читаю в Пролеткульте,
И в Студии, и в Петрокомпромиссе,
И в Оцупе****, и в Реввоенсовете!

Б л о к

Корней Иванович! Ведь вы меня
Не поняли! Сказать хочу я только,
Что вы один могли бы написать
20 Статью о Гейне...

* По структуре стиха и по некоторым оборотам языка приписывается Амфитеатрову. Во французском переводе пьеса называлась “Arlequin, poli par la littérature” (“Арлекин, приглаженный литературой”. – *Ред.*).

** Английские фрагменты (*нем.*) – *Ред.*

*** Реплики этого лица имеют только мужские окончания.

**** Этот стих не дает разгадки понятия “Оцуп”; если был человек, то Чуковский мог “читать” в его душе; если – учреждение, то, очевидно, там была культурно-просветительная ячейка, где Чуковский читал лекции.

Ч у к о в с к и й (*ехидно*)
“Эссеис”, вероятно,
Угодно было Вам сказать?

Б л о к

Да-с. Эссеис-с.

Ч у к о в с к и й (*с воплем*)

Мне некогда! Я “Принципы” пишу!
Я гржебинские списки составляю!
Персея инсценирую! Некрасов
Еще не сдан! Введенский, Диккенс, Уитмен
Еще загромождают стол! Шевченко,
Воздухоплаванье...

Б л о к

Корней Иваныч!

Не вы один! Иль – не в подъем? Натужьтесь!
Кому же, как не вам?

З а м я т и н

Ему! Вестимо –

Чуковскому!

Б р а у д о

Корней Иваныч, просим!

В о л ы н с к и й

Чуковский сочинит свежо и нервно!

В с е

Чуковскому! Чуковскому писать!

Ч у к о в с к и й пытается еще что-то возразить, но коллективный вопль всемирных литераторов заглушает его слабый голос. Дело грозит превратиться, как и во все исторические эпохи, в скверную историю. Ч у к о в с к и й, обессиленный, опускается в сломанное кресло, которому все еще нет цены. А н т о н, входя, сует ему записку.

Ч у к о в с к и й (*слабым голосом*)

Пусть подождут. Их сколько там?

А н т о н

Тринадцать.

Т и х о н о в

Итак, Корней Иваныч, сдайте нам
Статью в готовом виде не позднее,
Чем к Рождеству.

Ч у к о в с к и й

Какого года?.. Стиля?

Т и х о н о в

Год – этот. Стиль – марксистам все равно.

Ч у к о в с к и й

(пытаясь переменить разговор)

А, может быть, не Стиль, а Аддисон?

Т и х о н о в

Нет, новый стиль.

Ч у к о в с к и й

(все еще притворяясь непонимающим)

Классический?

Т и х о н о в

Советский!!!

Чтоб было крепче, просим Евдокию

Петровну это записать.

Ч у к о в с к и й *(уничтоженный)*

Сдаюсь...

Т и х о н о в

Счастливой вестью с вами поделюсь...*

* В этом месте рукопись обрывается. Предполагают, что Тихонов завел речь или о керосине, или о дровах, или о пайке; во всяком случае, о чем-то приятном, судя по тому, что здесь впервые появляется рифма.

Насколько известно, статья Чуковского “Гейне в Англии” действительно была сдана в набор после Рождества 1919 года. Она заключала в себе около 10 000 печатных знаков, ждала очереди в типографии около 30 лет и вышла в свет 31 вентоза 1919 года, причем по недосмотру 14-ти ответственных, квалифицированных, забронированных и коммунальных корректоров заглавие ее было напечатано с ошибкой, именно: “Гей не в ангелы”.

В АЛЬБОМ ЧУКОВСКОМУ

- Нет, клянусь, довольно Роза
Истощала кошелек!
Верь, безумный, он – не проза,
Свыше данный нам паек!
Без него теперь и Поза
Прострелил бы свой висок.
Вялой прозой стала роза,
Соловиный сад поблек,
Пропитанию угроза –
10 Уж железных нет дорог,
Даже (вследствие мороза?)
Прекращен трамвайный ток,
Ввоза, вывоза, подвоза –
Ни на юг, ни на восток,
В свалку всякого навоза
Превратился городок, –
Где же дальше Совнархоза
Голубой искать цветок?
- В этом мире, где так пусто,
20 Ты ищи его, найди,
И, найдя, зови капустой,
Ежедневно в щи клади,
Не взыщи, что щи не густы –
Будут жиже впереди,
Не ропщи, когда в Прокруста
Превратят – того гляди
("Книг чтоб не было в шкапу ста!")
Скажет Брюсов, погоди),
И, когда придет Локуста,
30 К ней в объятья упади.

Имена цветка не громки,
Реквизируют – как раз,
Но носящему котомки
И капуста – ананас,
Как с прекрасной незнакомки,
Он с нее не сводит глаз,

А далекие потомки
И за то похвалят нас,
Что не хрупки мы, не ломки,
40 Здравствуем и посе́йчас
(Да-с).

Иль стихи мои не громки?
Или плохо рвет постромки
Романтический Пегас,
Запряженный в тарантас?

6.XII 1919

**ПРОДОЛЖЕНИЕ “СТИХОВ
О ПРЕДМЕТАХ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ”
(В АЛЬБОМ ЧУКОВСКОМУ)**

Стихотворение, приписываемое В. Брюсову

Скользили мы путем трамвайным:
Я керосин со службы нес,
Ее – с усердьем чрезвычайным
Сопровождал, как тигр, матрос.

Стан плотный девы краснорожей
Облек каракульный жакет,
Матросом снятый вместе с кожей
С прохожей дамы в час побед.

10 Вплоть до колен текли ботинки,
Являли икры вид полен,
Взгляд обольстительной кретинки
Светился, как ацетилен.

Когда мы очутились рядом,
Какой-то дерзкий господин
Обжег ее столь жарким взглядом,
Что чуть не сжег мой керосин.

И я, предчувствием взволнован,
Прочел в глазах ее ответ,
Что он – давно деклассирбван
И что ему – пощады нет.

И мы прошли по рвам и льдинам,
Она – туда, а я – сюда...
Я знал, что с этим господином
Не встречусь больше никогда.

10. XII. 1919

* * *

Хотел я, воротясь домой,
Писать в альбом в стихах,
Но – ах!
Альбом замкнулся сам собой,
А ключ у Вас в руках,
И не согласен сам замок,
Чтобы вписал хоть восемь строк
Писать стихи забывший

Блок.

Июнь 1920

НАДЕЖДЕ ПАВЛОВИЧ

Яблони сада вырваны,
Дети у женщины взяты,
Песню – не взять, не вырвать,
Сладостна боль ее.

Август 1920

М.И. БЕНКЕНДОРФ

(надп(ись) на "Седом Утре")

Вы предназначены не мне.
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон – всю ночь один:
Так видит Даму палладин,
Так раненому снится враг,
Изгнаннику – родной очаг,
И капитану – океан,
И деве – розовый туман...
Но сон мой был иным, иным,
10 Неизъясним, неповторим,
И если он приснится вновь,
Не возвратится к сердцу кровь...
И сам не знаю, для чего
Сна не скрываю моего,
И слов, и строк, ненужных Вам,
Как мне, – забвенью не предам.

23 X 1920

Л.А.Д.

(надп(ись) на “Седом Утре”)

Едва в глубоких снах мне снова
Начнет былое воскресать, –
Рука уж вывести готова
Слова, которых не сказать...
Но я руке не позволяю
Писать про виденные сны,
И только книжку посылаю
Царице песен и весны...
В моей душе, как келья, душею
10 Все эти песни родились.
Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла,
Но нежной прихоти немного
Иным из вас она дала...

23–24 X 1920

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это – звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.

10 Это – древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

20 Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропускали дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

30 Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук –
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
40 Тихо кланяюсь ему.

5 февраля 1921

К.И. ЧУКОВСКОМУ

Как всегда, были смешаны чувства,
Таял снег, и Кронштадт палил.
Мы из лавки Дома Искусства
На Дворцовую* площадь брели...

Вдруг – среди приемной советской,
Где “все могут быть сожжены”,** –
Смех, и брови, и говор светский
Этой древней Рюриковны***.

15 марта 1921

* “Урицкую” (Примеч А Блока)

** “Крематорной и площадной” – на двери “отдела управления петросвета” висит надпись, что каждый гражданин имеет право быть сожженным в госуд(арственном) крематории. (Примеч. А Блока)

*** “Александры Кропоткиной”. (Примеч А Блока)

НАБРОСКИ 1917 г.

* * *

И шел и шел
Затерян в безднах
Души скудельной
Тоски смертельной

Бросаясь в вихорь вихревой

Всадник мне навстречу
Смерть (4 раза)

10 Женцина с лошади – в пруд
И каждая вена чернеет
весной
Из фонтана всем телом дрожа...

* * *

В своих мы прихотях невольны,
Невольны мы в своей крови.
Дитя, как горестно и больно
Всходить по лестнице любви.

(Сребристый) месяц, лед хрустящий,
Окно в вечерней вышине,
И верь душе, и верь звенящей
И верь натянутой струне.

10 И начиная восхождение
Мы только слышим без конца
пенье
лица

* * *

На белой льдине – моржий клык

* * *

К стене приемного покоя
Носилки прислонил

РУССКИЙ БРЕД

Зачинайся, русский бред...

...Древний образ в темной раке,
Перед ним – подлец во фраке,
В лентах, звездах и крестах...

Воз скрипит по колее,
Поп идет по солее...

Три жиды в автомобиле...

Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно

10 Но нельзя его оплакать
И нельзя его почитать,
Потому что там и тут,
В кучу сбившиеся тупо
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа –
Там и тут,
Там и тут...

20 Так звени стрелой в тумане
Гневный стих и гневный вздох,
Плач заказан, снов не свяжешь
Бредовым

* * *

Ты не получишь ничего,
Но быть дала ты обещанье
Хозяйкой дома моего

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРЬЯЛЫ ДЛЯ ПОЭМЫ («ВОЗМЕЗДИЕ»)

(осень–зима 1911–1913)¹

12 окт(ября) 1911

Последние годы А(лександра) П. Его зовут ... *бодрилка* [“Заслонка” (домашн(ие))]². Мешки под глазами, глаза страшные, худой, огромный, циник, губы такие, “точно хочет плюнуть”. Дворец (до взрыва) запущен – министр двора старый Адлерберг обижается и не позволяет сказать слова; В(еликий) К(нязь) Павел Алекс(андрович) жалуется на дворцовые булки, накопил сам у Филиппова гору калачей и баранок. – Александр ездит от В(еликого) К(нязя) в Мих(айловский) дворец³ (где пьет чай) – его всегда видно издали – 6 (?) казаков⁴ кругом (на этом пути и застало его⁵ 1 марта).

Тур(ецкая) война 1877–1878. Военные действия начались уже в январе – р(усские) войска подошли к Константинополю. Всеобщее возмущение – зачем его не взяли (А(лекса)ндр) обещал не брать англичанам). День получения известия о взятии Плевны в Петербурге (конец зимы⁶ 1877) – сухой бесснежный мороз.

1 марта – яркое солнце, тает.

“Горный Дубняк”.

Растерянность 1 марта. Е.О. Р(омановск)ий пошел во дворец и дошел до гроба – никто его не остановил. Возбуждение на Невском. Выход во дворец – у всех родных заплаканные лица. Тут же кричат “ура”.

Ненависть к Достоевскому (“шампанские либералы”, обеды Лит(ературно-го) Фонда, 19 февраля). Похороны. Убогая квартира, так что гроб еле можно стащить с лестницы. Либеральное тогда “Новое время” описывает, как тело обмывали на соломе. Толпа, венок “певцу ун(иженных) и оск(орбленных)”. Диалог в толпе Митроф(ан) Серг(еевич) Андреев (рослый студент, ражий, русейший, глупый, милый), оберегает маму; из толпы студентов⁷: “Ну вам-то нечего бояться”. А(ндреев) сконфуженно: “Да я не за себя”... Такой мороз, что зашли к Палкину погреться⁸. Бабушка ненавидит Д(остоевск)ого. А.Н. Б(екетов), встречаясь с ним, по мягкости не может ненавидеть. Отношение похожее на то, какое теперь к Розанову. Некрасов, декламируя свои стихи “что хлеб полей - - - - -

¹ (осень – зима 1911–1913) / ^a (осень 1911), ^b (осень – зима 1911).

² “Заслонка” (домашн(ие)). *вписано на полях; все скобки авторские.*

³ в Мих(айловский) дворец *вписано*

⁴ казаков / конвойцев. (*Вар. не зачеркнуто*)

⁵ застало его/было

⁶ конец зимы/зима

⁷ из толпы студентов/студент

⁸ Такой мороз ~ погреться *вписано*

впрок”, прибавляет: “А вот если бы бутылочку шампанского, – другое дело” (рассказ И.М. Прянишникова).

А.Н. Б(екетов) всегда вместе с Щедриным ездит на засед(ания) Литер(атурного) Ф(онда), нанимает карету. Уже больной Щедрин. Щедрин у Донона – лакею, принесшему лангусту: “Ступай вон со своим раком!”. Циник, вечно “злится”.

Стасюлевич богат – многие лнут к его деньгам. (Вл. С(оловьев) – восходящая звезда). Кони – знамен(итый) прис(яжный) повер(енный) (кстати – товарищи Ал.Л. Б(лока) – Карапчевский и Нечаев), дон-жуан, кутила (все – у и с А.П. Ф(илософовой))¹. Все – в лучших ресторанах, вечное шампанское.

Л.Ф. Пантелеев (он дворянин, хотя не старый) заведовал делами на приисках Базилевского. О нем – Вас(илий) Игн(атьевич) Котырло (теперь покойный).

Достоевский, увидав А.Л. Б(лока) на веч(ере) у А.П. Ф(илософовой): “Кто этот красавец? – *Похож на демона*”.

На этом горизонте нет: Лескова (скрытный), Островского (в Москве).

В Милютина (военн(ый) министр) верят, в Лорис-Меликове – сомневаются (неизвестна его роль н(?) 1 марта).

Убийца Дрентельна (в Петербурге – Киевск(ий) генер(ал)-губерн(атор)²) усакал на лошади (о, милые, романтические времена). Два студента говорили в шинельной университета о лошадях. Их тут же арестовали. Это уже – см. щедринскую “С(овременную) идиллию”³. Там же – “топография” Петербурга.

А(лександр) II любил гулять по Летн(ему) саду. Дамы старались вертеться перед ним, пока он не заметит, не заговорит и не... Я думаю – выпученные его глаза, что-то страшное и стеклянное в них и сильная одышка⁴ – были не от сердца, а от любвей.

Щедрин. 1881⁵.

Тетинька с атурами и контурами едет к болгарам, хочет присутствовать на процессе Засулич, устраивает концерты⁶ в пользу курсисток.

“Вы, милая тетинька, восклицаете: “Ах, ведь и я когда-то бредила!”. Но все-таки понимаете, что, полжизни пробредивши, нельзя сбросить с себя эту хмару так же легко, как сменяют старое, заношенное белье. А домочадцы ваши этого не понимают. Отроду они не бредили – оттого и внутри у них не скребет. А у вас скребет”.

“Мера в предательстве” (XI, 334).

Дорот. На point’e⁷ смотрят, как солнце за будку садится.

Современное и пореформенное лганье (XI, 343 и сл.⁸)

“Веселие Руси есть лгати”.

О недохождении писем – 372–374.

“Сплошные сумерки” – 375. О литературе – 376.

“Кнут стучит по крышке кареты” – это Петербург – 379.

“Общество хочет жить”.

¹ (все – у и с А.П. Ф(илософовой)) *вписано*.

² генер(ал)-губерн(атор) / губерн(атор)

³ “С(овременную) идиллию / “Идиллию”

⁴ сильная одышка / одышка

⁵ 1881/1880

⁶ концерты/вечера

⁷ point (фр.) здесь: стрелка

⁸ и сл. *вписано*.

С.С. Татищев.

“Имп(ератор) Ал(ександр) II, его жизнь и царств(ование)”. 2 т., изд. Суворина. 1903, ц. 7 р.¹

гр. Д.А. Толстой – об(ер)-прок(урор) Св(ятейшего) Син(ода) – 1865–1880. Посл(едние) годы царств(ования) Ал(ександра) II назнач(ен) Победоносцев.

4 апр(еля) 1866 – покушение Каракозова.

В апр(еле) 1866 граф. Дм. Толстой назнач(ен) мин(истром) нар(одного) про(свещения) (с оставлением обер-прокур(ором)).

1875 – гр(аф) Д. Толстой² испросил Высоч(айшее) соизволение на учрежд(е-ние) при минист(ерстве) нар(одного) про(свещения) под председ(ательством) статс-секр(етаря) Делянова комиссии для пересмотра универ(ситетского) устава (1863 г.).

“Периодически повторявшиеся беспорядки (П(етер)б(ургский) универ(ситет) был закрыт перед 1863 г.) среди студентов вызвали необходимость усилить за ними надзор, и правилами 1867 года для всех высш(их) уч(ебных) завед(ений) вменено *полиции* в обя(з)анность извещать учебное начальство о проступках учащихся, совершаемых ими вне заведений, и вообще, о всех действиях, навлекающих сомнение в их *нравств(енной) и политич(еской) благонадежности*, а начальству уч(ебных) зав(едений) – исполнять то же по отнош(ению) к *полиции*. Тогда же безусл(овно) воспрещ(ено)³ устройство студентами концертов, спектаклей, чтений и других публ(ичных) собраний в пользу недост(аточных) товарищей...”

Волнения *почти во всех* высш(их) уч(ебных) зав(едениях) Петерб(урга) – март 1869 (после царской грамоты С(анкт)-П(етерб)ургскому универ(ситету) об учрежд(ении) 100 императ(орских) стипендий – 8 февраля, по случаю 50-летия).

Новый устав о гимн(азиях) и прогимн(азиях) (*классическая система*) утвержд(ен) 30 июля 1871.

1880 – граф Д.А. Толстой уволен от д(олжности) м(инистра) н(ародного) пр(освещения) и управляющим мин(истерством) н(ародного) пр(освещения) назначен ст(атс)-секр(етарь) А.А. Сабуров.

Ужас дипломат(ических)⁴ переговоров 1875–1877 года. Бескорыстие Алек(сандра), Горчакова, Жомини, Андраши; Бисмарк – обманул.

7 апр(еля) 1877 года Ал(ександр) выезжает на юг, говорит по дороге с войсками, приезжает в Кишинев на главн(ую) квартиру (главноком(андующий) в(е-ликий) к(нязь) Ник(олай) Ник(олаевич) старший⁵).

25 апр(еля) Ал(ександр) возвр(атился – ?) в Петерб(ург) – войска шпалерами на Невском, встреча на Ник(олаевском) вокз(але).

Военные действия открылись в самый день объявл(ения) войны. 12 апр(еля) дунайская армия перешла Прут, кавказская вступила в Малую Азию (там – Дризен, Ванновский, Радецкий..., здесь – Лорис-Меликов...). Первые успехи. В мае дунайская арм(ия) около Бухареста, кавк(азская) – начало облож(ения) Карса.

¹ Заглавие книги со всеми данными записано на полях

² Д. Толстой/Толстой.

³ воспрещ(ено)/запрещ(ено)

⁴ дипломат(ических)/политич(еских)

⁵ старший *вписано*.

Ал(ександр) выезжает 21 мая в действ(ующую) армию.
В июне начинают переправляться через Дунай.
В июле первые неудачи под Плевной (на этом умер Никитенко).
Шипка. Главная кварт(ира) перенесена в Горный Студень.

Климат.

Атака Шипки Турками в августе. Раненый Драгомиров. Царь, узнав о потерях, восклицает: “Что же это, наконец, второй Севастополь?”. Жара. 12 октября взят Горный Дубняк (гвардия, более 2500 выбыло из строя); 16-го сдался Телиш. 20-ого занят Дольний Дубняк. К концу октября Плевна уже обложена со всех стор(он), железное кольцо вокруг Османа-Паши.

В начале ноября¹ взят Карс.

Конец ноября – взятие Плевны и сдача Осм(ана)-Паши.

Царь возвращается в П(етер)б(ур)г 10 декабря утром (Варш(авский) вокз(ал). Мар(ия) Алекс(андровна) больна и не может встречать. Адресы, хлеб-соль. С вокз(ала) – в Каз(анский) собор.

12 дек(абря) – торж(ественное) праздн(ование) 100-летн(ей) годовщ(ины) рожд(ения) Ал(ександра) Благословенного – разные милости по эт(ому) поводу.

Накануне Рождества царь получает весть о восьмидневном переходе Балкан ген(ералом) Гурко.

В нач(але) января русск(ая) армия у Филиппополя и Адрианополя, и турки просят мира.

Новая дипломатическая катавасия. Парад 19 февр(аля) – у стен Царьграда (день восш(ествия) на прест(ол) Ал(ександра) II)². Сан-Стефанский мирный трактат.

Перед Берл(инским) Конгрессом – русское правит(ельство) опас(ается) войны с Англией и Австрией.

До самого мира – русские войска стоят под Константинополем, а англ(ийская) эскадра в Босфоре. В начале февраля 1879 наши войска двинулись из-за границы.

Мне нужно описание возвращения гвардии в Петербург³.

Весь 1879 г. – козни Бисмарка против России, устройство им союза Герм(а-нии) с Австрией, уламывание старого Вильгельма, переписка Вильг(ельма) с Александром.

Герцен издает в Лондоне⁴ “Колокол” с половины 1857 г. и не идет в оппозиции *далее* отм(ены) креп(остного) права, тел(есных) нак(азаний) и своб(оды) слова и печати. Первые 6 лет царств(ования) – “внутренний мир”.

1861 год. Прокламации. Польские волнения. Студ(енческие) беспор(ядки) в С(анкт)-П(етер)б(урге) (исключ(ение) и высылка под надз(ор) полиц(ии)).

1862 – “усиление брожения”. “Молодая Россия” вызывает к “всеобщей резне” – разбрасыв(али-?) *даже* в Зимнем Дворце (?), пожары в П(етер)б(урге). Отсюда – закрытие воскресных школ, приостановка газет, обыски и аресты. Чернышевский сослан.

¹ В начале ноября / В ноябре.

² (день ~ Ал(ександра) II) *вписано*.

³ Мне нужно ~ Петербург. *вписано на полях, отмечено фигурной скобкой*.

⁴ издает в Лондоне / *вписано* издает

“*Мятеж в Царстве Польском*” 1863 г. “произвел в русском обществе коренной и спасительный перелом”. “Молодежь отрезвилась”. (!)

1866¹. “Ишутинский кружок” в Москве, к которому принадлежал Каракозов. Запрещены “Современник” и “Русское слово”.

Во главе III Отд(еления) пост(авлен) гр. Шувалов, “во главе столичной полиции” – ген(ерал)-ад(ъютант) Трепов. Мин(истром) нар(одного) просв(ещения) назн(ачен) Д. Толстой².

1869³. Обнаружено в Москве “Общество Народной Расправы” – “главный зачинщик” Нечаев – в 1871 – его процесс.

Начало 70-х годов – пропаганда в “народе” и среди рабочих.

1876⁴. Ул(ичная) демонстрация⁵ перед Каз(анским) Соб(ором) 6 декабря.

Осень 1877⁶. Открыта тайная типогр(афия) в П(етер)б(урге).

Март 1876⁷. Похороны “одного сицилиста”, – почти так пишет г. Татищев⁸, умершего в доме предв(арительного) заклю(чения) – гроб несут на руках до кладб(ища).

Январь 1877⁹. Начало ряда политич(еских) процессов. О демонстр(ации) на Каз(анской) площади.

Потом дело о кружке моск(овских) пропагандистов; дело “Южно-русского рабочего Союза”. Шесть отдельн(ых) дел.

Сент(ябрь) 1877 – янв(арь) 1878¹⁰. Процесс “о революционной пропаганде в Империи” (“193-х”). “На другой день после состоявшегося приговора Особого присутствия Сената, 24 января 1878 г. Вера Засулич выстр(елом) из пистол(ета) ранила петерб(ургского) град(оначальника) Трепова”¹¹. Она оправдана присяжными 31 марта. Шумная демонстр(ация) в ее честь.

1878¹². 4 августа убит нач(альник) III отд(еления) и шеф жандармов Мезенцов на улице днем ударом кинжала в живот. Следуют разные правит(ельственные) мероприятия, сообщения и призывы.

15 авг(уста) Ал(ександр) II уехал из Царск(ого) Села в Ливадию, в Николаеве перед этим раскрыт заговор на него.

Из Ливадии начальником III отд(еления) и шефом жанд(армов) назначен ген(ерал)-ад(ъютант) Дрентельн.

22 ноября Ал(ександр) II возвр(атился) в С(анкт)-П(етер)-б(ург). Уволен мин(истр) вн(утренних) дел Тимашев и назначен ст(атс)-секр(етарь) Маков.

Сильные студ(енческие) волнения в П(етер)б(урге) осенью 1878 г. (особ(енно) – Военно-Медиц(инская) Ак(адемия)). Исключение и высылка нескольких сот. В П(етер)б(урге) действует “Северный Союз” рабочих, издается соц(иал)-рев(олюционная) газета “Земля и Воля”.

¹ На полях

² Д. Толстой / Толстой

³ На полях.

⁴ На полях.

⁵ Ул(ичная) демонстрация / Демонстрация

⁶ На полях.

⁷ 1876/1877 на полях

⁸ почти так ~ г. Татищев *вписано*.

⁹ На полях

¹⁰ На полях.

¹¹ На полях *против этого места*: Вера Засулич.

¹² На полях.

1879¹. Начинается с новых террорист(ических) актов в провинции. 13 марта покуш(ение) на Дрентельна в П(етер)б(ур)ге. 2 апреля покушение А. Соловьева на Ал(ександра) II, гуляющего (5 выстрелов; сельский учитель, исключ(енный) из универ(ситета) студент) – повешен 28 мая. Учреждение временных генерал-губернаторств. В П(етер)б(ур)ге – Гурко.

1879². Вторая полов(ина) апреля и май – Ал(ександр) II в Ливадии.

Особое совещание вырабатывает “меры для борьбы с крамолою”. Ген(ерал)-губернаторы действуют повсю (обыски, аресты, штрафы, паспорт(ы) и пр. и пр.).

В июне – подкоп под Херсонское казначейство.

Совещание революционеров – разделение “Земли и Воли” на “Народную Волю” (цареубийство) и “Черный Передел” (народники).

Организация покуш(ения) на Ал(ександра) II на Свиск(овско)-Курской дороге³; взрыв 19 ноября не под императ(орским), а под востским поездом.

22 ноября Ал(ександр) II возвращается в П(етер)б(ург).

С 6 окт(ября) выходит “Народная Воля”. Приготовл(ение) взрыва в Зимнем Дворце.

1880⁴. 1 января 1880 г. на место умершего ген(ерал)-ад(ъютанта) графа П.Н. Игнатьева Предс(едателем) Комит(ета) Мин(истров) назначен ст(атс)-секр(етарь) П.А. Валуев. Особое совещание о крамоле:

“Валуев доказывал необходимость для правительства положить конец пассивности благонамеренного большинства населения и создать трибуну, с которой оно могло бы высказать свои взгляды и тем противодействовать проповедуемому ежедневно и повсюду революционным началам; вел(икий) кн(язь) Конст(антин) Никол(аевич) ссылался на древнее русское госуд(арственное) право, на вече, боярскую думу, земские соборы допетр(овского) периода русск(ой) ист(о-рии), а также на перенесенные в Свод законов постановления о вызове депутатов “на случай” и т.п. Убеденно высказался против нововведений, противных духу корен(ного) госуд(арственного) строя России, цесаревич Алекс(андр) Алек-сандрович, находя, что созыв представительного собрания... еще более взволну-ет умы. С мнением наследника согласились прочие члены Совещания. Ввиду приведенных ими веских доводов, государь решил все дело оставить без послед-ствий” (так сообщено в дневнике Валуева).

8 февр(аля) 1880 во Дворце⁵. 5 февр(аля) был взрыв в Зимн(ем) Дв(орце). Опять совещание 8 февр(аля)⁶. Цесаревич предлагает учредить “Верховную следственную комиссию” с обширн(ыми) полномочиями на всю Россию. 9 февр(аля) Ал(ександр) II соглашается на учрежд(ение) такой комиссии и ставит во главе ее графа Лор(ис)-Меликова. С тем вместе упраздняется п(етер)б(ургское) генерал-губернаторство.

Члены “Верховной Распорядит(ельной) Комиссии” – Победоносцев (чл(ен) Г(осударственного) с(овета)), ген(ерал)-ад(ъютант) кн. Имеретинский, ст(атс)-

¹ На полях.

² На полях.

³ Далее: где Ал(ександр) II не проехал.

⁴ На полях.

⁵ На полях.

⁶ совещание 8 февр(аля) / совещание.

секр(етарь) Каханов, сенаторы Ковалевский, Шамшин и Марков, товар(ищ) главноупр(авляющего) III отд(елением) С(обственной) Е(го) В(еличества) К(анцелярии) ген(ерал)-майор Черевин, г(енерал)-м(айор) Батьянов и правитель канц(елярии) м(инистерства) вн(утренних) д(ел) Перфильев.

Лорис-Меликов прежде всего обращ(ается) к жителям столицы.

При таких чрезв(ычайных) и тревожн(ых) обст(оятельствах) празднуется 25-летие царств(ования) Ал(ександра) II 19 февраля. Пальба, прием гвард(ейских) полков, Гос(ударственного) сов(ета) и Сената, письмо от Св(ятейшего) Синода.

На другой день (20 февр(аля)) покуш(ение) на Лорис-Меликова безрез(ультатное)¹ (покус(ившийся)² повешен в 24 часа).

Скоро уволен Дрентельн и III отд(еление) фактич(ески) перешло к Лор(ис)-Мел(икову).

4 марта – первое засед(ание) “Комиссии”. Лор(ис)-Мел(иков) указывает две главные ее задачи: “принятие решит(ельных) мер к подавл(ению) прест(упных) деяний анархистов и изыск(ание) ср(едств) для уврачевания причин, породивших крамолу и поддерживающих ее”.

Работы Комиссии и доклад Лор(ис)-М(еликова). По представлению Л(орис)-М(еликова) граф Толстой уволен от должн(ости) мин(истра) нар(одного) пр(освещения) и сменен *Сабуровым* и от должн(ости) обер-прокур(ора) Син(ода) – сменен *Победоносцевым*.

22 мая умерла Мария Александровна, 28 мая ее похороны. Между тем, террорист(ическая) деятельность продолжается (приготовл(яется) царевуб(ийство) около Окуловки; подушки с динамитом под Кам(енным) мостом на Екатер(ининском) кан(але)).

В нач(але) авг(уста) Л(орис)-М(еликов) сделан мин(истром) вн(утренних) д(ел). Сенат(ская) ревизия³ 9-ти губерний (27 авг(уста) 1880).

17 авг(уста) Ал(ександр) II уезж(ает) в Ливадию, а 30-ого жалует Лор(ис)-Мел(икову) Андрея Первозванного. 28 ноября Ал(ександр) II возвращ(ается) в П(етерб)ург). Указ Сенату об отмене акц(иза) на соль (с 1 янв(аря) 1881 г.).

1881⁴. В конце января Л(орис)-М(еликов) “свидетельствует во всеподд(аннейшем) докладе о благотворных последствиях принятия правительством системы постепенного возвращения госуд(арственной) жизни к правильному ее течению”. При этом он говорит, что “реформы не закончены”, и предлагает “временные подготовительные комиссии наподобие организованных в 1859 г. редакционных комиссий с тем, чтобы работы этих комиссий были подвергаемы рассмотрению *с участием лиц, взятых из среды земства и некоторых значительных городов*”⁵.

“В конце декабря 1880 года счастливая случайность вызвала в Петерб(урге) арест главного вожака шайки Александра Михайлова⁶, после чего руководство

¹ безрез(ультатное) *вписано*.

² покус(ившийся) *вписано*.

³ Сенат(ская) ревизия / Ревизия.

⁴ *На полях*.

⁵ *На полях: №*.

⁶ *На полях авторское примечание: Если не ошибаюсь, ужасные подробности его убийства – в в(атер)-к(лозете)? Вспомнить.*

ею¹ перешло в руки Андрея Желябова...”. Книга кончается описанием приготовления и совершения 1 марта.

Из остальных частей книги – на будущее: планы Жуковского (воспитание царя – что это?); трогательная и милая дворцовая обстановка “маленького Саша”. Ал(ександр) II родился 17 апр(еля) 1818 года.²

Всю жизнь Ал(ександр) II плакал, молился³, просил и благодарил Бога. Этому много способствовал Жуковский – по всей вер(ятности), его рука на всем последующем. Впрочем, и Николай⁴ плакал “августейшими слезами”⁵.

Смерть наследника – сына Ал(ександра) II (Николая Александровича) в 1865 г. весной.

Первое покушение на Ал(ександра) II – 4 апр(еля) 1866 – у Летнего сада (крест(ьянин) Осип Комиссаров ударяет Каракозова⁶ по руке с пистолетом)... Комиссаров потом был в гусарах, получил деньги, с ним возились. Гренад(ерская) часовня – ее история⁷.

1861. Сильные студ(енческие) волн(ения) осенью⁸ в П(етер)-б(урге). Призывают войска, ул(ичные) демонстрации. Прокламации “Молодой России”. Пожары в П(етер)б(урге).

“Польская смута” (1861–62–). Лето 1860 – полит(ические) манифест(ации) в Варш(аве). “Слабость” наместника (М.Д. Горчаков)⁹. Возвания, телеграммы Ал(ександра) II и наместника, маркиз Велепольский. Стрельба на улицах¹⁰. Смерть старого Горчакова. Сухозанет. Осадное и военное полож(ение) в Варшаве и в Ц(арстве) П(ольском). Велепольский зимой 1861–62 г. в С(анкт)-П(етер)б(урге). Вел(икий) князь наместник, покушение на него и на Велеп(ольского).

Адрес польских дворян, высылка графа Анд. Замойского. Новые демонст(рации). “Воруженный мятеж” в нач(але) января 1863 года – на всю зап(адную) окраину России (“от Вислы и Буга до Зап(адной) Двины и Днепра”).

“Рекрутский набор произведен в Варш(аве) в ночь со 2 на 3 янв(аря) 1863 г. По распор(яжению) Совета упр(авления) Ц(арством) П(ольским) имели поступить в рекруты те из подлежащих воен(ной) сл(ужбе) поляков, кот(орые) были изв(естны) как участн(ники) ул(ичных) демонст(раций) и револ(юционных) беспорядков. Но, предупрежденные своими сообщн(иками) – чиновниками, сост(оящими) на госуд(арственной) сл(ужбе), молодые люди эти успели бежать из Варш(авы) и, собравшись в окрестн(ых) лесах, образовали первые мятежн(ые) шай-

¹ Руководство ею / руководство ею и направление ее преступной деят(ельности).

² Фраза вписана на полях и обведена кругообразным отчеркиванием.

³ плакал, молился / молился

⁴ Впрочем, и Николай / И Николай

⁵ Абзац отчеркнут красным карандашом.

⁶ Каракозова / неизвестного

⁷ ... Комиссаров ~ ее история. вписано позднее карандашом.

⁸ осенью вписано.

⁹ М.Д. Горчаков / Горчаков

¹⁰ Фраза вписана.

ки, вооруженные) косами, ножами, саблями, отч(асти) охотн(ичьими) ружьями и пистолетами” (то же и в др(угих) местах в неск(олько) дней).

Подп(ольный) центр(альный) комит(ет) издал призыв к общ(ему) повстанью. Нападение на рус(ские) войска.

Русские летучие отряды.

“Мощным выразителем одушевления рус(ского) общ(ества), поборником единения всех рус(ских) людей с Верх(овной) Властью в общем деле отстаиванья держ(авных) прав России, ее чести и достоинства, явился в новорожденной бесцензурной русской поврем(енной) печати издатель “Моск(овских) Вед(омостей)” М.Н. Катков. Пламенная речь этого даровитого и убежд(енного) писателя поколебала и скоро совсем вытеснила влияние либеральных органов и заграничных выходцев, которым изв(естная) часть рус(ского) общ(ества) подчинялась дотолде...”¹

Муравьев и граф Берг. “Под страхом денежных штрафов женщины сняли траур и облеклись в цветные наряды”. К 1 мая повстанье² уничтожено.

Л.Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого (СПб. 1905)

(1858–64 годы главн(ым) обр(азом)) – П(етер)б(ургский)³ университет – сходки, студ(енческие) нравы, отношение к крест(ьянской) реформе, польская партия, профессора, женщины в университете, литературный фонд, вечера (Тиблена и др.), Петерб(ургские) пожары и “Земля и Воля” 1861–62 годов.

Около трети студентов (400–500 чел.) – поляки. Петерб(ургские) события 1861 г. – панихида в католич(еском) соборе по пяти⁴ убитым в Варшаве при подавлении манифестации 13 февраля, – и похороны Шевченки 28 февр(аля).

Штатское платье у студентов (форма отмен(ена) офиц(иально) в 1861).

Л.Ф. Пант(елеев) был арестов(ан) в декабре 1864 и вернулся в Россию только в 1875.

Дурное о Некрасове⁵, о чтении Некрасова, Тургенева, Майкова, Полонского. “Ревизор” в исполн(ении) литераторов (14 апр(еля) 1860).

Либерализм среди военных (офиц(еров))⁶.

А. Тун. Ист(ория) револ(юционных) движений в России

Перевод Веры Засулич, Д. Кольцова и др.

Изд. “Библиотеки для всех”. О.Н. Рутенберга.

С дополнением нескольких⁷ русских статей⁸.

Книга написана ок(оло)⁹ 1883 г.

¹ На полях против этого места:!!!

² повстанье / во(сстание)

³ П(етер)б(ургский) вписано

⁴ по пяти убитым / по убитым

⁵ Дурное о Некрасове / О Некрасове

⁶ Фраза вписана.

⁷ нескольких / (1 нрзб)

⁸ русских статей / статей

⁹ ок(оло) / в

Эту книгу надо иметь¹.

Период 1879–1881 – “формальная война между правительством и загадочным Исполнит(ельным) Комитетом”.

Лев Дейч (один из трех главных участников чигиринского дела – Стефанович и Бохановский) бежал из Киевской тюрьмы за гр(аницу) и летом 1884 г. был выдан России и отпр(авлен) на каторгу. В те годы немцы с рус(скими) рев(олюционерами) не церемонились.

Плеханов говорит: наследство революц(ионеров) 70-х годов было чрезвычайн(о) велико и *незаменимо*² в прак(ическом) смысле, “но в теоретическом отнош(ении) семидесятые годы давали нам чрезвычайно мало, так как насл(едство), завещ(анное) нам ими, оставляло соверш(енно) незаполненной ту пропасть, которая отделяла “*русский социализм*” бакунинского или лавровского оттенка от научного социализма Зап(адной) Евр(опы)”³.

Р о з е н. См. каталоги Вольфа⁴.

Есть книга Розена: “Воспоминания русского декабриста”.

С а в е н к о в а.⁵ Трогательная брошюра Савенковой (Годы скорби).

Кн. *В. Мещерский*. Воспоминания. Том I⁶.

И том, вообще, очень интересен, но из него мне нужны только “словечки”:

“Человечество – какая страшная стихия!” (стр. 451 – это и Мещерский!)

О тяжести положения Алекс(андра) Алекс(андровича), когда умер брат (450).

448. Рассуждения Мещ(ерского), почему лучше Алекс(андр) Алекс(андрович), как царь, чем его брат.

Ал(ексадр) II идет на буфетчика (бить? – стр. 436).

Разочарованность в людях государя – 434, 338.

“Недостаток в людях”.

Слова цесаревича о смерти (378).

Признания цесаревича о тоске и бессоннице (381).

У Саши (Ал(ександра) III) – “чистая и спокойная душа” (слова цесаревича – 381).

Весь том – удивительная иллюстрация царской жизни – ее тяжелой безвыходности. (“Царскосельский затвор”) – слова цесаревича – 356.

Тепличность, уют, серьезность временами во дворце – в противоположность нигилизму департаментов.

Страшный Дубельт (329).

Князь Суворов – 307 и др. (“индискретный болтун”). Также – 235.

Канцлер Горчаков.

Какое впечатление произвели на Мещ(ерского) “нигилисты” – 154⁷.

“Распущенность интеллигенции” (246 – по поводу польск(ого) восстания).

Огрицко – чиновник.

Благотворное отсутствие газет (начало 60-х годов – 212).

“Чудная поэзия” – это дворцовое, придворное, царская ласка – для Мещерского.

¹ Вписано крупно, красным карандашом на полях.

² велико и *незаменимо* / велико

³ На полях против этого места:NB

⁴ Фраза вписана на полях.

⁵ На полях.

⁶ Фраза вписана на полях.

⁷ Фраза вписана.

“Неприветливая проза” – это жизнь.
Ал(ександр) II пьет всегда Mozell mousseuz¹.

Мое:² Упорная, скучная, каждодневная, холодная и опасная работа: мужик в шинели тащит пушку на Балканы, греет руки, притоптывает ногами от мороза, хрюкает во сне от жара, вскакивает, разбуженный толчком, умирает от пули, стонет и кричит от неистовой боли; “в результате” – на лбу врезается надпись: Плевна. Рушук. Шипка. Горный Дубняк. Филиппополь. Называется это – военная слава. И действительно, когда идут по Забалканскому и т.д. – на каждом шттыке цветы, веселый сентябрьский день – солнечный – праздник, ликование, любопытство.

С. Г. Сватиков. *Обществ(енное) движение в России*
(1700–1895).

60 коп. (Изд. “Донской Речи” – цензуровано в 1905 г.
в Рост(ове) на Дону)³.

Изложение политических проектов и программ.

Конец 60-х и 70-е годы – отсутствие конституц(ионных) заявлений по причине органической *ре а к ц и и*, охватившей общество после разреш(ения) основной реформы – осв(обождения) кр(естьян).

Консервативные элементы в 62-м году использовали петерб(ургские) пожары (“Соврем(енник)”, “Русское Дело”, Черныш(евский), Писар(ев), Шелгун(ов)), в 1866-ом – покуш(ение) Каракозова (его повешенье, прекращение “Современника” и “Русского Слова”, ушел в отставку Суворов (“либеральный п(етер)б(ургский) генерал-губерн(атор)), мин(истр) н(ародного) пр(освещения) Головнин, мин(истр) в(нутренних) д(ел) Валуев). Все больший раскол между либералами и радикалами.

Земские пожелания и обществ(енный) разброд после 1 марта.

Из речи И. Акс(акова) в Слав(янском) обществе 28 марта: “Мы подошли к самому краю бездны. Еще шаг в том направлении, в котором с таким преступным легкомыслием мы двигались до сих пор, и – *кровавый хаос*”.

“Пора домой” славянофилов.

Записки, поданные Л(орис)-Меликову мар(кизом) Велепольским, Б. Чичериным и А. Градовским – о сохранении самодержавия. Вопрос *пока* оставлен открытым, Л(орис)-Меликов *еще надеется* на “совещательную комиссию представителей”...

После 1 марта градоначальником назначен Н.Н. Баранов (скоро сменен). В конце апреля уже участь нар(одного) предст(авительства) и Л(орис)-М(еликова) решена.

Избран, однако, лозунг славянофилов: “*самоуправляющаяся местная земля с самодержавным царем во главе*”.

Впервые в России выходит в отставку не только “премьер”, но и его “кабинет” (Абаза, Милютин, позже Сабуров).

Мин(истр) в(нутренних) д(ел) – гр. Игнатъев. “Мечты” земцев. Вызов Игнатъевым “сведущих людей” не вызвал сочувствия земцев. Коронация (1883).

¹ “Чудная поэзия” ~ Mozell mousseuz *вписано позднее на полях.*

² *На полях*

³ в Рост(ове) на Дону *вписано*

Мин(истр) вн(утренних) дел – Толстой (во главе – Победоносцев, их подд(ерживает) Катков¹) – *с в е р г а ю т* Игнатъева и Скобелева (поддерживаемых И. Аксаковым).

Восьмидесятые годы и первая половина девяностых:

Манифест 29 IV 1881 – о неукл(онном) охр(анении) самодержавия.

14 VIII 1881 – полож(ение) об усил(ении) и чрезвыч(айной) охр(ане).

1882 – врем(енные) прав(ила) о евреях (черта оседлости установлена).

1882 – врем(енные) правила о печати.

1 авг(уста) 1884 – университетский) устав.

Преобраз(ование) военных гимн(азий) в кадетск(ие) корпуса.

Правила о народн(ых) библи(отеках)-читальнях, воспрещ(ение) выдачи разн(ых) книг и журн(алов) в публ(ичных) библи(отеках).

Учрежд(ение) церковно-прих(одских) школ.

Земские начальники (“близкая к народу твердая правит(ельственная) власть”).

Изменение суд(ебных) уст(авов) (отн(осительно) суда присяжных).

1889. *Уничтож(ение) (почти) выборн(ого) миров(ого) суда.*

1890. Новое полож(ение) о земск(их) учр(еждениях).

1892. Новое городское полож(ение).

Преследования крайних партий.

На докладе м(инистра) в(нутренних) д(ел) о (непринятом) адресе Тверск(ого) земства (1894), Н(иколай) П написал: “Я чрезвычайно удивлен и недоволен этой неуместной выходкой 35 гласных губ(ернского) земск(ого) собрания”.

17 янв(аря) 1895 – прием депутатий. Госуд(арь) прочел речь: “... Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутр(еннего) управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный Родитель”².

*Мих. Лемке*³. *Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевского.*

(по неизд(анным) докум(ентам))⁴. СПб. 1907 (изд. Поповой).

Было в первых 5-ти кн. “Былого”.

Здесь напечатаны (с пропусками) прокламации 60-х годов – “К молодому поколению”, “Молодая Россия”, “Предостережение” (по поводу петерб(ургских) пожаров 1862), “Воззвание к барским крестьянам”.

Вестник Европы 1878 г., № 1.

Статья “Официальная Турция в лицах”. Автор (В.И. Смирнов) пишет *буквально* то, что писали о японцах *п о с л е* войны (о том, что турки, которые казались прежде “отребьем мира, жалким исчадием человеческого рода”, – пока-

¹ их подд(ерживает) Катков *вписано*.

² *Абзац отчеркнут по полю волнистой чертой.*

³ *На полях.*

⁴ (по неизд(анным) докум(ентам)) *вписано*.

зали себя не только отчаянными воителями, но и вооруженными превосходным оружием, ловко им управляющими, выставили замечательных полководцев, доказали полную самоотверженность...”

Вестник Европы 1878, № 1 и 2.¹ Стихи – Голенищева-Кут(узова), Минского, “Ночи” Мюссе (С. Андреевский).

Письма Пушкина с предис(овием) Тургенева.

Корреспонденции Зола о франц(узском) театре и поэзии.

Роман Шпильгагена.

“Внутр(еннее) обзор(ение)” – о войне, о бюджете, о недостатках в армии, проявившихся во время войны, о небывалом внутреннем спокойствии в России.

Некролог Некрасова (27 XII 1877).

“Обозрение военных действий”.

Комедии Потехина, статьи Ор. Миллера, Сергеевича, повесть Данилевского.

Корресп(онденции) Е. Утина из Болгарии.

Из след. №№ 1878 г. (“внутр(еннее) обзор(ение)” и др.)² Наша печать была относительно свободна, не подверглась админ(истративным) карам за то, что писала, что наши (“Крынковские”) ружья хуже турецких (Пибоди и Мартини), что в войсках не доставало теплой одежды, что перевозка раненых на простых телегах сопровождалась многими страданиями.

Большой перерыв – праздность.³

Сборник военных рассказов 1877–78 гг. 6 тт.

Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала

(Беранже – см. т. V, стр. 11)

Из этого громоздкого издания, где жизнь преобладает над словами, я беру прежде всего – только европейскую Турцию, затем – только о выдающемся (просматривая бегло).

В глазах солдат и офицеров, возвр(ащающихся) с войны, еще стоят – раны, бледные лица, возбужденные глаза, зарева, белое знамя, взвисьшееся при свете пылающих соломенных избушек Горного Дубняка (V, 473).

т. III, стр. 267–268.

Л(ейб)-гв(ардии) Гренадерский полк выступил из П(етер)б(урга) в след(ующем) составе:

Штаб и обер офиц(еров) – 52.

Строевых нижн(их) чинов – 3.150.

Нестроевых ————— 251.

В сраж(ении) под Горным Дубняком (12 окт(ября)) выбыли из строя (убиты и ранены) около *трети* нижних чинов и более *половины* офицеров.

¹ Вписано на полях.

² Фраза вписана на полях

³ Запись карандашом.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И
ВАРИАНТЫ

О ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЕМАХ

В работе над всеми текстами, вошедшими в т. 5 настоящего издания, составители руководствовались теми *принципами, которые изложены в 1-м томе.*

Однако то, что в т. 5 печатаются крупные поэтические произведения – поэмы Блока, имеющие значительный и сложный фонд черновых материалов, определяет ряд особенностей их текстологической подачи, не оговоренных в исходных текстологических правилах. Это касается, прежде всего, некоторых моментов описания источников текстов: авторских дат в разных местах текста, качества бумаги и чернил, что так или иначе связано с историей текста.

Основные характеристики рукописных источников получают отражение в начальном их описании, как это и предусмотрено в общих принципах издания. Но концентрировать именно в одном месте все данные об источнике текста, имеющего протяженную и сложную историю развития, которая получает выражение в слишком многих разнообразных признаках (разной бумаге – на разных стадиях работы, разных чернилах, например), едва ли целесообразно. Их сводное перечисление затрудняет осмысление подаваемой информации. Для полноты и наглядной доказательности раскрытия истории текста, всех деталей эволюции замысла произведения следует признать необходимым использовать эти данные именно по ходу изложения творческой истории в комментариях и непосредственно при воссоздании рукописного источника. Именно такая, относительно свободная, форма описания источника текста (не привязанная во всем к одному месту), позволяет сочетать последовательную точность с ясностью изложения.

Также критериям простоты и точности отвечают и некоторые отличия в подаче многочисленных вариантов в больших рукописных источниках (со сложной динамикой), где не должно быть ничего избыточного.

За единицу чернового текста при выделении варианта в поэтических произведениях берется, как и в предыдущих томах, отдельный стих. Для передачи многослойной правки используется подстрочник. Последовательность вычеркиваемого устанавливается обозначениями: *а, б, в, г,* и т.д. Однако при этом (в отличие от принятого в т. 1–4) вариант, воспроизводимый под строкой, не сопровождается дополнительным словом *Было*. Скобки [] в подстрочном варианте ставятся лишь в тех случаях, когда встречается вычерк в вычеркнутом или следуют рядом наброски-вычерки. Вариант, в ряду других оставшийся невычеркнутым, сопровождается пояснительными словами: *Вар. не зачеркнут.*

Оговорим особенности неполных вариантов. Если черновой вариант составляет неполный стих, это оговаривается: *Ст. начат.* Неполнота варианта в начале, середине или конце стиха обозначается пропуском или скобками < >. Соответствие последнего варианта источника основному тексту обозначается двумя способами: 1. (как в тексте (без слова – в основном, как в предыдущих томах); 2) знаком ◊. Следует также подчеркнуть, что решение сохранить в данном томе такие принципиальные особенности блоковской орфографии, как мягкий знак в слове “уж” (“уж я ножичком полосну” и т.п., поэма “Двенадцать”), не является императивным для последующих изданий для широкого читателя.

ДВЕНАДЦАТЬ

(С.7)

Наброски I главы
(ЧА ИРЛИ)

Заглавие л. 1 Двенадцать
Подзаголовок Январь
1918 года
(черновик)

л. 2 [IX]¹

а. [Стоит буржуй на перекрестке,
И нос упрятал в воротник]

Старушка старая
Переправилась через сугроб
Ох, матушки, ох угодники (Божии)
Ох, большевик утянет в гроб!

А барыня в каракуле

И тянется канат
А на нем – плакат –
“Вся власть – Учредительному Собранию”.

Ветер бьет хлестко,
Трещит мороз
Буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нас.

л. 2 б. I

Темный вечер²
И снег.
И пронзительный ветер,³
На ногах не стоит человек.⁴
Ветер, ветер –
На всем Божьем свете.

¹ I

² Вечер

³ И такой пронзительный ветер,

⁴ что валится с ног человек. (*Вар не зачеркнут*)

И всякий ходок¹
Скользит – ах, бедняжка!

[Стоит буржуй на перекрестке,
И нос упрятал в воротник]

Старушка старая
Кой-как перемотнулась через сугроб²
Ох, матушка, ох угодники (Божии)
Ох, большевики упрячут в гроб!³

А барыня в каракуле
К другой подвернулась:⁴
– Ужь мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И бац – растянулась...

Ай, ай!
Тяни, поднимай!⁵

От здания к зданию
Тянется канат⁶
А на нем – плакат –
“Вся власть – Учредительному Собранию”.

Старушка убивается, плачет –
Никак не поймет, что значит,
На что такой канат,⁷
И такой огромный лоскут⁸
Сколько бы вышло⁹ портянок для ребят,
А всякий – раздет, разут.

Ветер бьет хлестко,¹⁰
Не отстают и мороз¹¹
И буржуй на перекрестке¹²
В воротник упрятал нос.

¹ Всякий ходок

² ^a Перевалилась через сугроб

⁶ Переправилась через сугроб

³ Ох, большевик утянет в гроб!

⁴ Другой подвернулась:

⁵ Тащи, поднимай!

⁶ И тянется канат

⁷ На что такой большой плат

⁸ *Ст. вписан.*

⁹ *Слово вписано.*

¹⁰ *Ст. начат:* Зима

¹¹ Трескучий мороз

¹² Буржуй на перекрестке

А это кто? Длинные волосы
 Котелок¹
 И говорит вполголоса:
 – Ох, погибла Россия, Создатель!²
 Должно быть – писатель,
 Вития –
 Врет, как пророк ⟨?⟩
 А вон долгополый –
 Сторонкой полез в сугроб.³
 Что такой невеселый
 Товарищ – поп?
 А бывало, всех прохожих
 И крест⁴
 А ветер веселый⁵
 Прохожих косит,
 Задирает подола
 И мнет, и рвет
 Ветер к небу взносит⁶
 Плакат:
 – “Вся власть Учредительному Собранию”
 И слова доносит:
 “...И у нас было собрание
 Вот в этом здании,
 Обсудили⁷
 И постановили:⁸
 На время – десять, на ночь – двадцать пять,
 И⁹ меньше – не брать...”
 Поздний вечер.
 Пустеет, пустеет улица¹⁰
 Только бродяга сутулится¹¹
 Да свищет ветер.
 Да злоба, святая злоба¹²
 Кипит в груди...
 Товарищ! Гляди¹³
 В оба!

¹ Ст. вписан.

² Ох, Создатель!

³ Полез в сугроб.

⁴ ^a Крест

⁶ Только ⟨?⟩

⁵ А ветер рад. (Вар. не зачеркнут)

⁶ Ветер треплет и носит

⁷ Ст. вписан.

⁸ Постановили:

⁹ А

¹⁰ Пустеет улица

¹¹ Только сутулится

¹² ^a Злоба, святая злоба

⁶ Да злоба, грустная злоба. (Вар. не зачеркнут)

¹³ Товарищ, гляди

л. 3 Черный вечер,¹
Белый² снег
И пронзительный ветер:
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер –
На всем Божьем свете!

Поднимает ветер
Белый снежок.
Под снежком – ледок.
Сколько, тяжело
Всякий ходок
Скользит – ах, бедняжка!

От здания к зданию
Тянется канат.
На канате – плакат:
“Вся власть – Учр. Собранию”.
Старушка убивается, плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут!
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий – раздет, разут!

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб...³
– Ох, Матушка-Заступница,
Большевики загонят в гроб...⁴

Ветер бьет хлестко,
Не отстает и мороз.
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? Длинные волосы
И говорит вполголоса:
– Ох, Создатель!
– Погибла Россия!
Должно быть, писатель –
Вития...

¹ Темный вечер,

² Белые

³ { } сугроб...

⁴ Большевики упрячут в гроб...

А вон – долгополый
Сторонкой – за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ – поп?

Помнишь¹, как бывало,²
Брюхом шел вперед³
И крестом сияло⁴
Брюхо на народ⁵

А барыня в каракуле
К другой подвернулась:
– Ужь мы плакали, плакали!..
Поскользнулась
И бац – растянулась...
Ай-ай!
Тяни, подымай!

А ветер веселый –
И зол, и рад. –⁶
Задирает подолы,
Прохожих косит
И мнет и носит
Большой плакат:
“Вся власть – Учр(едительному) Собранию”...
И слова доносит:

“...И у нас было собрание
Вот в этом здании...
Обсудили...
Постановили...
На время – десять, на ночь – двадцать пять –
И меньше – ни с кого не брать...⁷
...Пойдем спать...”

Поздний вечер.
Пустеет, пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

^{1 а} *Ст. начат:* Бывало

^б А помнишь, бывало,

² *Строфа вписана позднее карандашом.*

³ Животом вперед

⁴ Крест блистал

⁵ Расталкивал народ

⁶ Словно, чему-то рад. –

⁷ И меньше – не брать...

Эй, бедняга!
Подойди!
Поцелуемся...

Хлеба!
Что впереди?
Черное небо.¹

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...²

Товарищ! Гляди
В оба!³

⟨II⟩

л. 5⁴ Холодный вечер. Перепархивает снег,⁵
А их двенадцать человек.⁶
Винтовок черные ремни⁷
Идут – одни⁸
Кругом – огни, огни, огни⁹

¹ Строчка (три стиха) позднее вписана карандашом.

² Святая злоба, святая злоба...

³ *Первоначальный вариант последних восьми стихов:*

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...

Хлеба! Хлеба!
Что впереди?
Черное, черное небо.

Грустная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди в оба!

⁴ *Сверху л. 5 – набросок карандашом с вариантами:*

^a Товарищ, винтовку держи,

Не трусь,

Стрельнем мы пулей

Святую Русь

^b Товарищ, винтовку держи,

Не трусь

Ударим пулей

В святую Русь

В кандовую, в избяную, в толстозадую!

Вариант ст. 3:

Пальнем-ка пулей

Набросок и варианты не зачеркнуты

⁵ ^a Кустарник, ночь, порхает снег,

^b Ночь. Перепархивает снег. (*Вар не зачеркнут*)

⁶ Всех их двенадцать человек.

⁷ Винтовок сальные ремни. (*Вар не зачеркнут*)

⁸ Идут, ползут, хрустит – одни

⁹ Вдали – огни, огни, огни

В зубах цыгарка, примят картуз,
На спину б надо¹ бубновый туз.

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста²
Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!³

л. 6 – А Ванька с Катькой – в кабаке.
– У ей керёнки, знать, в чулке!⁴

– Теперь он сам, небось, богат.⁵
– Был Ванька наш, а стал – солдат.

Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,⁶
Мою, попробуй, поцелуй!⁷

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста⁸
Катька с Ванькой занята,
Чем, чем занята⁹
Чем, чем – тра-та-та!¹⁰

л. 7 Кругом – огни, идут – одни,¹¹
Оплечь – ружейные ремни.¹²

¹ А под пальтишком – (Вар. не зачернут)

² Эх, ну, без креста!

³ Далее наброски:

[Щелкнуло затвором
Австрийское ружье]

[Намотал на шею
Крепче свой платок]

⁴ ^a Небось, керёнок сто в чулке!

⁶ – У ней керёнки, знать, в чулке!

⁵ Теперь и сам он стал (1 нрзб) богат.

⁶ Эх, Ванька, сукин сын, буржуй,

⁷ Далее: Товарищ, винтовку держи, не трусь,
Пальнем-ка пулей в святую Русь

В кондовую
В избяную
В толстозадую!

Текст заключен в скобки, потом вычеркнут.

⁸ Ст. начат: Эх, эх, занята

⁹ Ст. описан.

¹⁰ Тра-та-та!

¹¹ ^a Идут одни, горят огни,

^a Вдали – огни, идут – одни,

¹² А где – они, а чьи они?

Революционный держите шаг!¹
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трись!²
Пальнем-ка³ пулей в святую Русь –

В кондовую,
В избяную.
В толстозадую!⁴

Эх, эх, без креста!

III⁵

л. 8 Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить,⁶
В красной гвардии служить –
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе горькое,
Сладкое житье!⁷
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям⁸
Мировой пожар раздуем,⁹
Мировой пожар в крови,
Из-за Каткиной любви!

Старый мир в крови, в крови –
Господи, благослови!

IV¹⁰

л. 9 Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Каткою летит,
Электрический фонарик
На оглобелях –
Эх, эх, пади!

¹ Революционный держите шаг,

² Товарищ, винтовку держи, не трись,

³ Пальнем

⁴ ...В златопузую! (*Вар не зачеркнут.*)

⁵ II

⁶ В красной гвардии служить–

⁷ Сладкое житье,

⁸ ^а *Ст. начат:* Мы на(солим)

^б Насолим мы всем буржуям,

⁹ *Далее первоначально текст:* Старый мир в крови, в крови,
Из-за Каткиной любви!

Господи, благослови!

¹⁰ III

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...¹

Вот так Ванька, он плечист,²
Вот так Ванька, он речист,³
Катьку дуру обнимает,
Заговаривает.⁴

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом,
Ах ты, Катя, моя Катя,⁵
Толстоморденькая!

v⁶

л. 10 У тебя на шее, Катя,⁷
Шрам не зажил от ножа.⁸
У тебя под грудью, Катя,⁹
Та царапина свежа.¹⁰

Эх, эх, попляши,¹¹
Больно ножки хороши!¹²

В кружевном белье ходила,
Походи-ка, походи,¹³
С офицерами блудила,
Поблуди-ка, поблуди!

¹ Текст: Он в шинелишке ~ Да пошучивает... – первоначально после стиха: Заговаривает.

² ^a Ванька, сукин сын, плечист,

^b Солдат Ванька, он плечист,

³ ^a Ванька, сукин сын, речист,

^b Солдат Ванька, он речист,

⁴ Он за талию

⁵ ^a Растворожь ты Ваньке морду

^b Ах ты, Катька, Катька, Катька,

⁶ IV

⁷ ^a В твой

^b Аль зажил

^c У тебя на шее, Катька,

⁸ Шрам глубокий от ножа!

⁹ У тебя под грудью, Катька,

¹⁰ Та царапина свежа!

¹¹ Эх, эх, согреси,

¹² Будет легче для души!

Далее вычеркнуто:

^a Эй, холера(?)

^b [Помнишь, помнишь, офицера,]

Помнишь, Катя, офицера,

не ушел он от меня

¹³ Походи, походи,

Эх, эх, поблуди,
Сердце екнуло в груди!¹

Помнишь, Катя, офицера, –
Не ушел он от ножа.²
Аль, (), холера³
Али память не свежа?

Эй, освежи.⁴
Спать с собою уложи!

Гетры серые носила,
Юбкой улицу мела,⁵
С юнкерьем гулять ходила,
С солдатьем теперь пошла.

Эх, эх, согреси,
Будет легче для души!⁶

VI⁷

л. 11 Опять на встречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...⁸

Стой, стой! – Андрюха, помогай!⁹
Петруха, сзаду забегай!¹⁰

Трах-тара-рах, тах-тах, тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах.¹¹

¹ *a* Сердце стучает в груди!

^б Сердце екает в груди!

² Получил (?) он (?) от ножа.

³ *Ст. начат:* Эй

⁴ *Ст. начат:* Эх, лучше

⁵ Хвостом улицу мела,

⁶ *Далее текст, сверху л.10, перечеркнут.*

[С юнкерьем блудила (?), Катька,]

С юнкерьем гуляла, Катька,

Али память не свежа?

Али хочется ножа?

[Погреси, погреси,]

[Эх, эх, погреси,]

Эх, эх, согреси!

Будет легче для души!

⁷ V

⁸ *a* *Ст. начат:* А теперь

^б летит лихач...

^а Летит, орет лихач...

⁹ Стой, стой! – Петруха! Помогай!

¹⁰ Ты сзаду, сзаду забегай!

¹¹ Взвихрился к небу снежный прах.

VI Остал на востры кесеру вост, //
~~Ах, ах, ах, ах, ах, ах...~~
~~лепу, лепу, лепу, лепу, лепу!~~
~~Сам, сам! Сам, сам!~~
~~Торжественно, торжественно!~~
 Трех-мар-рам, трех-рам, трех-рам!
 Выхрущивает и куду сатмачи ари
 Сехам - и сь Вавилой - не уменьз
~~Еще, еще, еще~~ - Выхрущивает куром!
 Трех-мар-рам! Там будет замб,
 Ким ии двинити шуми шуми!
 Умень, на леп, ^{уно,} ^{посмий,}
~~Еще~~ Репуш ^{зоща} ии мачи!
 А ^{Камба ии?} ~~ока~~ мурбе, мурбе!
 Мострелемаше ^{воше!}
~~Трех~~ Ур, Кэбке, раде?
 На у-бу!
 Мехам мш, мшам,
 Ке штру!
 Репуш ^{и мшам!}
^{и мшам!}
^{и мшам!}

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ ПОЭМЫ "ДВЕНАДЦАТЬ"
 Л. 11 (ИРЛИ)

Лихач – и с Ванькой – на утек
Еще разок! Взводи курок!¹

Трах-тара-рах! Ты будешь знать,
.....
Как с девочкой чужой гулять!

Утек, подлец, ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!²

А Катька где? – Мертва, мертва!³
Простреленная голова!

Что, Катька, рада?⁴
Ни гу-гу!
Лежи ты, падаль,
На снегу!

Революционный
Держите шаг!
Неугомонный
Не дремлет враг!

л. 12

VII⁵

И опять идут двенадцать,⁶
За плечами – ружьеца,
Лишь у бедного убийцы,⁷
Не видать совсем лица.

Замотал платок на шее,
Не оправиться никак.⁸
Все быстрее и быстрее
Поторапливает шаг.

¹ *а* Ст. начат: Живей

^б Еще, еще – взводи курок!

² Утек, подлец, постой,
Еще расправлюсь я с тобой!

³ А вот она – мертва, мертва, –

⁴ Ст. начат: Теперь

⁵ VI Слева от цифры, в верхнем углу листа, написано: “Двенадцать” (человек и стихотворений).

⁶ И идут опять двенадцать,

⁷ *а* Ст. начат: Только

^б Лишь у Васьки, у убийцы,

⁸ Закрутил платок вокруг шеи,
() картуз (?)

Иванов
(См. в
Самойлов)

VII

12

И ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~,
За ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~,
~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~, ~~идет~~
Не ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~.

За ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~,
Не ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~,
Ви ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~
Томо ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~.

Что ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~,
Что ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~?

Что, ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~?
Что ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~ ~~идет~~?

~~Эх, эх!~~
~~Зачем же этак,~~
~~Клян, Бугур ~~идет~~ ~~идет~~!~~
~~Откуда же ~~идет~~ ~~идет~~!~~
~~Клян ~~идет~~ ~~идет~~~~
~~Судья~~

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ ПОЭМЫ "ДВЕНАДЦАТЬ"
Л. 12 (ИРЛИ)

Что, товарищ, ты невесел,¹
Что, дружок, оторопел?²
Что, Петруха, нос повесил?³
Или⁴ Катку пожалел?

¹ Что ты, Васинька, невесел,
² Что ты, друг, оторопел?
³ а. Что головушку повесил?
^{б.} Что, Петруша, нос повесил?
⁴ Али

л. 13 ¹Ох, товарищи родные,
Эту девку я любил...²
Ночки черные, хмельные,
С этой девкой проводил...³

Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунсовой⁴
Возле правого плеча
Загубил я, бестолковый,⁵
Загубил я, сгоряча...⁶

Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба что ль?
Верно душу наизнанку
Хочешь вывернуть? Изволь!
Вороти себе осанку,⁷
Над собой держи контроль!⁸

Не такое нынче время,
Чтобы нежиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!⁹

¹ *Наброски, намечающие сюжетную основу последующего текста:*

[Загубил я девку зря]
Эх, товарищ дорогой!
[Он опять развеселился]
[повеселел]

² Крепко девку я любил,

³ *Далее первоначально строфа: Не такое нынче время... и т.д. Текст: Из-за удали бедовой ~ Над собой держи контроль! – вставка.*

⁴ Из-за родинки родимой

⁵ Загубил я, братцы, Катю,

⁶ Загубил я девку зря

Вся эта строфа первоначально состояла из четырех стихов:

Из-за родинки пунсовой
Возле правого плеча
Загубил я, бестолковый,
Загубил я, сгоряча...

⁷ Ты прими свою осанку

⁸ Ишь, стервец, завел шарманку,

Верно, душу наизнанку
Хочешь вывернуть, буржуй?
Поскули еще, холуй!

Над собой держи контроль

⁹ Эй, товарищ, дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги
Он головку вскидывает,¹
Он опять повеселел...²

Эх, эх!
Позабавиться – не грех!
Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба –
Гуляет нынче голытьба!

VIII³

л. 14 Ох ты, горе горькое,⁴
Скука скучная,
Смертная!
Ужь я времячко
Проведу, проведу,
Ужь я темячко
Почешу, почешу,⁵
Ужь я семячки
Полущу, полущу,
Ужь я ножичком
Полосну, полосну,
Все кишки переверну,⁶
Ты лети, буржуй, воробушком,⁷
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...
Упокой, Господи, душу рабы твоя!..
Скучно!

¹ Он головку подымает. (Вар. не зачеркнут)

² И опять повеселел...

³ VII

⁴ Эх ты, горе горькое,

⁵ Деустишие вписано позже.

⁶ Прямо в брюхо полосну.

Далее первоначально текст:

Выпьем кровушку,

за зазнобушку,

Чернобровушку. .

⁷ ^a Ст. начат: Как (?)

^b Ты лети, лети буржуй ()

...Не слышно шуму городского,
 Над старой башней тишина,¹
 И больше нет городского,
 Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
 И в воротник упрятал нос,
 А рядом жметесь шерстью жесткой
 Поджавший хвост голодный пес,
 Стоит буржуй, как пес голодный,
 И на лице его – вопрос.
 И старый мир, как пес безродный,
 Стоит за ним, поджавши хвост².

Разыгралась чтой-то вьюга,⁴
 Ой вьюга́, ой, вьюга́!⁵
 Не видать совсем друг друга
 За четыре за шага!⁶

Снег воронкой завился,
 Снег столбушкой поднялся.

– Ох, вьюга́ какая, Спа́се!⁷
 – Где ты Спаса видел, Вася?
 От чего тебя упас⁸

¹ Над невской башней тишина, (*Вар не зачеркнут*)

² Стоит буржуй на перекрестке
 И в воротник упрятал нос,
 А рядом жметесь шерстью жесткой
 ()
 Стоит, стоит буржуй голодный,
 И на лице его – вопрос.
 Старый мир, как пес безродный,
 Стоит за ним, поджавши хвост.

³ В верхнем левом углу листа написано: *И был с разбойником. Жило двенадцать разбойников. Более ранняя нумерация главы: ^a [нрзб] ^b [IX]*

⁴ *Ст. начат:* Вьюга

⁵ ^a Ты, вьюга́, ты вьюга́!

^b Эх, вьюга́, Эх, вьюга́!

⁶ Третий и четвертый стихи вписаны позже.

⁷ – Эх, вьюга́ какая, спасе!

⁸ От чего тебя он спас

Золотой иконостас?¹
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво, –
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
Шаг держи революционный,
Близок враг неугомонный,
Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

л. 17

XI²

...И идут без Имени святого³
Все двенадцать вдаль,
Ко всему готовы,⁴
Ничего не жаль.

Их винтовочки стальные,
На незримого врага,
В переулочки глухие,
Где пылит одна вьюга,
Да в сугробы пуховые –
Не утянешь⁵ сапога...

¹ *Далее:* Или думать ты оставил,
[Как(?)] Поп брюхатый черта славил
[Упились они, попы,]
Напились они, попы,
Нашей крови, как клопы
Бессознательный ты, право,
Что ты о () Спас лукавый?

² *Более ранняя нумерация главы:* ^a <чрзб>
^b X (?)

³ Так идут без имени и слова

⁴ ^a Все двенадцать вдаль идут одиноко,

^b Все двенадцать идут вдаль
Ко всему готовы,
Все – один.

Далее зачеркнуто: ^a Ах ты горе горькое,
Горе ты мое
Дырявое пальтишко,
Австрийское ружье!
^b Ах ты горе горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

⁵ Не утащишь.

Чтоб вьюга пылила в очи¹
Дни и ночи, дни и ночи²
Напролет...
Вперед, вперед,
Рабочий народ!

л. 18

XII

Так идут державным шагом³
Кто еще там выходи!⁴
Это вьюга с красным флагом
Разыгралась впереди.

л. 19 Впереди – сугроб холодный
Кто еще там – выходи!
Только старый пес голодный,⁵
Ковыляет позади

⁶Отвяжись ты, шелудивый,⁷
А не то – поколочу⁸
Старый, старый мир паршивый!⁹
Я штыком пощекочу!

¹ А вьюга пылит им в очи

² Ст. начат: [(нрзб)]

³ Далее зачеркнуто: Вслед за вьюгой

На листе далее наброски:

(1) [Переулочки пусты

В те глухие переулки,

Где одна пылит вьюга,

[В те]

Да [в] в сугробы пуховые, –

[Не вынешь сапога]

Ин не вынешь сапога.

[Да винтовочки стальные]

Их винтовочки стальные

На незримого врага]

(2) [А в глаза им – красным флагом.]

(3) Впереди идет Христос

Позади – голодный пес,

Впереди – Иисус Христос.

Набросок (1) использован в XI главе.

⁴ Кто там () впереди?

⁵ ^a Да пристал к нам пес голодный,

^b Ковыляет пес голодный,

Хвост поджал, не отстает,

⁶ Строфа вписана позже.

⁷ ^a Эй, отстань, что в ноги ()

^b Отвяжись ты, пес паршивый,

^c Отвяжись, ты, пес косматый,

⁸ А не то – поколочу

Пес па (?)

⁹ Старый мир

Скалит зубы – волк голодный –¹
Хвост поджал, не отстает,
Пес, как старый мир, безродный...²
Эй, откликнись, кто идет?³

Кто там машет красным флагом?
Не видать – такая тьма...⁴
Кто там ходит беглым шагом
Хоронясь за все дома?⁵

⁶Все равно тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!⁷
Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!⁸

Трах-тах-тах! И только эхо
Откликается в домах,⁹
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...¹⁰

Трах-тах-тах...

л. 20 Так идут державным шагом –
Позади – голодный пес,
А в глаза им – красным флагом,
В снежной вьюге невидим,
И от пули невредим
Нежно-легкой пылью вьюжной,¹¹
Снежной россыпью жемчужной –

¹ ^a Пес голодный – волк голодный

⁶ Пес голодный – волк безродный

⁶ Скалит зубы – пес голодный (?)

² *Ст. начат:* Кто еще
Пес, как старый мир, безродный,

³ *Ст. начат:* Кто

⁴ Не видать – какая тьма?

⁵ *Ст. начат:* Прячась

⁶ *Первоначально строфа состояла из двух стихов:*

Все равно тебя добуду,

Эй, товарищ, будет худо.

⁷ Лучше сдайся нам живьем!

⁸ Выходи, а то

⁹ *Ст. начат:* ^a Раздается

^b Отдают дома

^a Откликается назад

¹⁰ Заливается в снегах,

¹¹ Легко-нежной пылью вьюжной,

В белом венчике из роз –
Иисус идет Христос.¹

28 января 1918 (оконч(ено))²

*Варианты белого автографа (БА), газ. “Знамя труда” (ЗТ),
журн. “Наш путь” (НП), первого отдельного издания
“Революционный социализм” (РС)*

- 95 У ей керёнки есть в чулке! (ЗТ)
111–112 В кондовую,
В избяную, (ЗТ)
133 С физиономией дурацкой
259 Ой, выюга, ой, выюга! (БА, ЗТ, РС)
292 И выюга пылит им в очи (ЗТ)
330 И за выюгой невидим, (ЗТ)

ВОЗМЕЗДИЕ

(С. 21)

Черновой набросок первой редакции (ЧН₁₋₁ЗК₃₁)

- л. 4³ Отец в гробу был сух и прям.
 Был нос прямой – а стал орлиный

 Да, я любил его в те дни⁴
 Впервой – и, может быть, в последний,
 Когда в толпе зажглись огни⁵
 Вослед за скучною обедней,
 Когда в косом луче⁶
 Тяжелый гроб свинцом залили,⁷
 Чтобы, воскреснув, он не мог⁸
 Поднять тяжелой < >

¹ а Впереди – Иисус Христос.

^б Сам идет – Иисус Христос.

² На л. 20 – ранний вариант заключительной строфы:

Так идут державным шагом –
А в глаза им – красным флагом,
Снеговым столбом
В снежной [бу(ре)] выюге [невредим] невидим,
[А] И от пули невредим
Легким шагом, вьюжным стоном
Снежной россыпью жемчужной –
Сам Господь – Иисус Христос.

³ Перед текстом – дата: 7 VI (1910 г.)

⁴ Да, я любил его в тот миг,
В тот первый < >

⁵ Ст. начат: Заупокойною обедней

⁶ Ст. начат: Я

⁷ Ст. начат: Запавали гроб

⁸ Ст. начат: Поднять

- л. 4 об. Когда его () чертог
Свинцом был залит аккуратнo,
Чтоб он, воскреснув, встать не мог.¹
- л. 5 Отец лежал в “Аллее Роз”
(Название улицы в Варшаве).
Я опоздал.²
Вошел – “Сегодня умер. Там”.³
И я пошел – как был с дороги –⁴
Наверх по узким ступеням
Без жалости и без тревоги.⁵
- л. 5 об. [Он был мне чужд, пока был жив]⁶
Мы жили в разных городах,
Встречались редко и случайно.
Он был мне чужд во всех путях⁷
(Быть может, кроме самых тайных).
Когда-то добрый льстивый взор,⁸
Бывало, брошенный украдкой,
л. 6 Сквозь отвлеченный разговор,
Внушал мне жалость, был загадкой.⁹
Его циничный, тяжкий ум¹⁰
Рождal тоску и мысли злые
(Тогда я сам был полон дум
И думы были молодые).
И вот он при свече теперь
л. 6 об. Уже в гробу. Спокойным взглядом¹¹
Смотрю в притворенную дверь –¹²

¹ *Ст. начат:* Чтобы воскреснуть

² *Далее начато:* ^a В

^b Он

^c Он отдал душу

³ ^a Вошел. “Скончался нынче”.

Вверху при свете ()

^b “Сегодня умер?” – “Там.”

⁴ *Ст. начат:* Сошел

⁵ *Ст. начат:* ^a Почти

^b Без со(страдания)

^c Без чу(вств)

⁶ *Ст. начат:* Я

⁷ *Ст. начат:* Он был мне

⁸ Какой-то злой и льстивый взор

⁹ *Ст. начат:* ^a Мне

^b Был

¹⁰ ^a А ум внушал мне ин(?)

^b Большой ()

^c Тяжелый и циничный () ум

Внушал мне ()

¹¹ *Ст. начат:* Уже в гробу. Я вижу ()

¹² ^a *Ст. начат:* Смотреть

^b Через (?) отворенную дверь

^c Смотрю в отворенную дверь –

А поезд мчал меня в мороз
 К тоске и тлению – от моря.¹
 Вошел я. – “В пять он умер. Там,” –²
 Сказал поляк с любезной миной. –³
 Отец в гробу был сух и прям.
 Был нос прямой – а стал орлиный.⁴
 [Да, я любил его в те дни
 (Впервой и, может быть, в последний).
 Когда в толпе зажглись огни
 Вслед за тягучею обедней...]
 [Потом – вся церковь замерла,⁵
 И солнце погасило свечи.]
 Цветами дама убрала
 Его приподнятые плечи...
 Потом от головы до ног⁶
 Свинцом был залит гроб⁷
 (Чтоб он, воскреснув, встать не мог).
 Потом – от паперти казенной⁸
 В толпе – за гробом по пятам –
 Мы быстро шли с сестрою новой⁹
 По незнакомым площадям
 К могиле желтой – и готовой.¹⁰

л. 167 (2)¹¹ Казалось, в мертвой красоте¹²
 Забыл он долгие обиды
 И улыбался суете

¹ *а* И ветер пел про детство,
Свистя о скуке и о море.

⁶ От берегов родного моря.

⁹ От берегов, от ().

² *Ст. начат:* Вошел я. “Нынче

³ *а Ст. начат:* И я пошел наверх

⁶ Сказал поляк с любезной миной. –

⁹ Сказал поляк с (плюгавой) миной. – (*Вар не зачеркнут*)

⁴ Был нос прямой – н(о) стал орлиный.

⁵ *Ст. начат:* Когда

⁶ Потом – так долго ()

⁷ *Ст. начат:* ^а Гроб

⁶ Был аккуратно

⁹ Так аккуратно запаляли

² Гроб аккуратно запаляли

⁶ Свинцом был залит гроб тяжелый

⁸ На паперти стояли голый:

Потом ()

⁹ Мы быстро с новой шли сестрою

¹⁰ *Ст. начат:* По

¹¹ *Сверху л. 167 (2) – дата:* 20 сент(ября)

¹² Да, я любил его. Он мне

Казался близким в суете

Чужой военной панихиды

Черновой набросок первой редакции (ЧН₁₋₂ЗК₃₁)

- л. 36¹ Был жалок этот скудный одр,²
И в грязной комнате и тесной
Мертвец, собравшийся на смотр,³
Чужой, спокойный, бессловесный.⁴
На миг я в том лице признал⁵
Печать отверженных скитальцев
(Когда мне сторож помогал
Снимать кольцо с холодных пальцев).
- л. 36 об. Потом – от головы до ног
Свинцом спаяли ребра гроба⁶
Чтоб он, воскреснув, встать не мог
(Покойный слыл за юдофоба).⁷
На паперти, что было сил,
Давя друг друга, гроб тащили,⁸
Бесснежный ветер голосил,
Носились стайки желтой пыли
- л. 37 Потом за гробом по пятам
Мы торопливый путь и дальний⁹
По незнакомым площадям
Свершали с девушкой печальной.
Та девушка звалась – сестра.¹⁰

¹ Датируется предположительно серединой или концом октября 1910 г. по сопоставлению с записью на л. 34 об.: 6 октября 1910, – и на л. 43 об.: 9 XI.

² Был жалок этот бедный одр,

³ Ст. начат: ^a Привычно непонятный

^b И

^c И комнат

^d И в комнате

⁴ Ст. начат: ^a Куда?

^b Свои разгладивший морщины

^c Спокойный, безответный

⁵ Лишь раз я душу в нем признал

^{6 a} Свинцом края спаяли гроба,

^b Свинцом залили ребра гроба

⁷ Чтобы, воскреснув, встать не мог

Тот, кто прослыл за юдофоба.

Далее наброски:

[И смерть]

[Из церкви]

[Потом от]

[Бесснежный ветер просвистал]

[Толпу и гроб]

⁸ Ст. начат: Тащили гроб

⁹ Мы быстро с девушкой печальной

[Шли] [По]

Шли в путь безрадостный и дальный.

^{10 a} Ст. начат: И

^b Та девушка звалась – сестрой.

л. 39 Напрасно славил свой народ
Коперник оскорбленный

И месть роится в этом сне
Она
Она – в холодном чугуна¹

л. 40 об. Здесь все, что было, все, что есть,
Надуто мстительной химерой,
Коперник сам лелеет месть,²
Склонившись над пустою сферой

Все, что на небе, на земле
Повито злобой и печалью.
Лишь рельс в Европу в черной мгле
Поблескивает мокрой сталью.³

Закрит решеткой, как тюрьма,⁴
Огромный мост над черной Вислой

Надменно

Черновой набросок первой редакции (ЧН₁₋₃ЗК₃₁)

л. 41 об. Отец –
—
—
—
Вошел я –
() плюгавой миной

—
—
—
Казалось, в мертвой красоте
Забыл он долгие обиды
И улыбался суете
Чужой военной панихиды...

¹ И даже в хладном чугуна

^{2 а} *Ст. начат:* Здесь

^б Мечтательно лелеет месть

Коперник, наклонясь над сферой

³ Поблескивает верной сталью.

⁴ *Ст. начат:* ^а Тюр(ь)ма

^б () тяжелая тюрьма

л. 42 Смерть возвратила красоту
 —
 А чернь старалась, как могла,
 Над гробом говорили речи
 —
 —
 Когда б из памяти своей
 —
 —
 < > притон тоски твоей
 < > черная Варшава!
 Потом пластом бесспорным лег
 Свинец на все отверстия гроба,
 Чтоб он, воскреснув, встать не мог
 —
 А ночью – призрак жизни вольной –
 Над черной Вислой – пьяный бред
 —
 Здесь жизнь разыграна, как фант
 —
 < > черный бриллиант
 < > Ангелины.

Черновой автограф второй редакции (ЧА_{II} ИРЛИ)

л. 222 (1) Заглавие Возмездие¹
 (Варшавская поэма).
 Посвящение Посвящается сестре моей Ангелине Блок.

¹ Рядом с заглавием знак “?” (поставлен карандашом). Заглавие подчеркнуто (тоже карандашом).

Справа на полях – запись карандашом: Начато в июне 1910 под Руновым на камне. Слева на полях – запись чернилами (о связи частей поэмы), сделанная, когда этот текст уже служил черновым материалом для новой переработки произведения:

Конец II части:

И почерк незнакомый:

“Смертельно болен ваш отец”

ЧА_{II} был вложен автором, после его завершения, в обложку с рабочим обозначением Отец, Польша, заключит(ельный) отрывок.

(вторая редакция).

весна 1911.

35 страниц.

Вероятно, осенью 1911 г., работая над третьей редакцией и наметив исключение из нее главок 13 и 14 (разговора с читателем – см. на л. 24–32 авторской нумерации), поэт обозначил на обложке оставшийся текст, внося исправление карандашом: [35] 1–24 страницы. Это обозначение оставшегося объема текста также было зачеркнуто. В 1914 г., переработав заключительный отрывок на л. 33–35 в отдельное стихотворение “Земное сердце стынет вновь ..” и исключив его из поэмы, автор вновь (опять карандашом) отметил на обложке объем оставшегося текста второй редакции, к которому он обращался в процессе работы: [1–24] 32 страницы. Первое обозначение – 35 страниц. – отмечает полный объем текста второй редакции (см. об этом в творческой истории поэмы), последующие связаны с разными моментами становления третьей редакции.

Жандармы, рельсы, фонари,
 Жаргон и пейсы вековые...
 И вот – в лучах больной зари
 Задворки польские России...
 Здесь всё, что было, всё, что есть,
 Надуту мстительной химерой,¹
 Коперник сам лелеет месть,²
 Склоняясь над пустою сферой.
 л. 223 (2)³ Месть, месть – в холодном чугуне
 10 Звенит, как эхо, над Варшавой,
 То Пан-Мороз на злом коне
 Бряцает шпорою кровавой...
 Вот – оттепель: блеснет живей
 Край неба желтизной ленивой,
 И очи панн чертят смелей
 л. 222 Свой круг – ласкательный и льстивый.⁴
 Но всё, что в небе, на земле,
 По-прежнему – полно печалью...
 20 Лишь рельс в Европу в мокрой мгле⁵
 Поблескивает честной сталью.⁶

¹ Все дышит ядами Химеры;

² *Далее:* ^a Склонившись над пустою сферой...

Все, что на небе, на земле,
 Повито злобой и печалью...
 Лишь рельс в Европу в мокрой мгле
 Поблескивает верной сталью...

^b Склоняясь на обод полой сферы...

[И Пан-Мороз на злом коне, –
 [Сапог чугунный, твердо стремя]
 Чугунный всадник над Варшавой
 Вонзает шпору в бок кровавый]
 Здесь Пан-Мороз на злом коне
 Бряцает шпорою кровавой...

Месть, месть – в холодном чугуне
 Звенит, как эхо, над Варшавой.

^c Склоняясь на обод полой сферы...

[И Пан-Мороз на злом коне]
 Месть, месть – в холодном чугуне
 Звенит, как эхо, над Варшавой,
 То Пан-Мороз на злом коне
 Бряцает шпорою кровавой...

Изменение последовательности текста (четверостиший) обозначено на полях цифрами 1,2,3,4. Перестановка стихов в вар. б и в отмечена на полях цифрами I, II.

^{3 a} Но оттепель настанет вдруг,

^b Лишь оттепель займется вдруг,

⁴ И очи панн смелее круг

Чертят ласкательный и льстивый.

⁵ Лишь рельс в Европу в черной мгле

⁶ Поблескивает верной сталью.

Отец лежал в “Аллее Роз”¹
 Уже с усталостью не споря.
 А поезд мчал меня в мороз
 От берегов родного моря.
 л. 224 (3) Вошел я. “В пять он умер. Там”, –
 Сказал поляк с любезной миной. –
 Отец в гробу был сух и прям.
 Был нос прямой – а стал орлиный.²
 Был жалок этот смятый одр,³
 30 И в комнате чужой и тесной⁴
 Мертвец, собравшийся на смотр,
 Спокойный, желтый, бессловесный.⁵
 Казалось, в мертвой красоте
 Забылись долгие обиды:⁶
 Он улыбался суете⁷
 Чужой военной панихиды.
 Но я успел в лице признать
 Печать отверженных скитальцев
 (Когда кольцо с холодных пальцев
 40 Мне сторож помогал снимать).

Да, я любил отца в те дни⁸
 Впервой и, может быть, в последний...
 В толпе затеплились огни
 Вослед за скучною обедней...
 И чернь старалась, как могла:⁹

¹ Далее: ^a Бесснежный ветер и мороз.

^b Лишь оттепель()
 И жжет мороз()

² Далее: ^a Смерть возвратила красоту

^b Застывший в мертвой красоте,
 Казалось, он забыл обиды
 И улыбался суете
 Чужой военной панихиды
 Но все ж я на лице признал
 Печать отверженных скитальцев
 (Когда мне сторож помогал
 Снимать кольцо с холодных пальцев).

³ Был жалок смятый одр,

⁴ ^a И в комнате и () тесной

^b И в комнате – угрюмо-тесной

⁵ Чужой, спокойный, бессловесный.

⁶ Забыл он долгие обиды

⁷ И улыбался суете

⁸ Да, я любил его в те дни

⁹ ^a А чернь старалась, как могла:

^b И чернь трудилась, как могла:

Над гробом говорили речи;
Цветами дама убрала
Его приподнятые плечи.
Потом – от головы до ног
50 Свинцом спаяли ребра гроба
л. 225 (4) (Чтоб он, воскреснув, встать не мог, –
Покойный слыл за юдофоба).
От паперти казенной прочь
Тащили гроб, давя друг друга.
Бесснежная визжала вьюга.
Злой день сменяла злая ночь.¹

4

Тогда мы встретились с тобой.²
Я был больной, с душою ржавой...
Сестра, сужденная судьбой,
60 Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днем я был “поэт”,
А ночью (призрак жизни вольной!)
Над черной Вислой – черный бред...
Как скучно, тягостно и больно!³
Лишь ты напоминала мне
Своей волнующей тревогой⁴
О том, что мир – жилище Бога,⁵
О холоде и об огне.⁶

5.

л. 226 (5) По незнакомым площадям⁷
70 Из города в пустое поле
Мы шли за гробом по пятам.

¹ День тихо превращался в ночь.
(Злой день сменила злая ночь.)

² В те дни мы встретились с тобой.

³ Как скучно, холодно и больно!

Слово холодно выделено подчеркиванием, под ним – знак ?

Далее ст. начат: С тех

На полях – позднейшая помета о вставке текста, начинающегося со стиха “Когда б из памяти моей...” (см. стих. “Когда мы встретились с тобой...”, л. 169)

⁴ Своей бессонною тревогой

⁵ О том, что в мире () много

⁶ *На полях – позднейшая помета: Отдельное стихотворение. (Речь идет о стих. “Как скучно, тягостно и больно...”)*

^{7a} С толпой за гробом по пятам

Из города в пустое поле

Мы шли ()

⁶ Мы шли за гробом по пятам

Из города в пустое поле

По незнакомым площадям.

Кладбище называлось: “Воля!”¹
Да, песнь о воле слышим мы,²
Когда могильщик бьет лопатой
По глыбам глины желтоватой;
Когда откроют дверь тюрьмы;³
Когда мы изменяем женам,
А жены – нам; когда, узнав⁴
О поруганьи чьих-то прав,
Грозим министрам и законам
Из запертных на ключ квартир;⁵
Когда проценты с капитала
Освободят от идеала,⁶
Когда...

л. 227(6)
80

На кладбище был мир,
И впрямь пахнуло чем-то вольным:⁷
Кончалась скука похорон.
Здесь радостный галдеж ворон⁸
Сливался с гулом колокольным.⁹
Как пусты ни были сердца,

¹ Далее:

^a Как пусты нй были сердца,
[Как ни]

Все ж жизнь не зря сгорела,
Все это ()

^b Как пусты нй были сердца,
Все знали: эта жизнь сгорела.
[И скупю проструилось]

[А солнце скупю просквозило]
[И солнце скупю улыбнулось]

И солнце тихо [заглянуло] посмотрело
В могилу нашего отца. *На полях помета*: После дать.

^{2 a} О, воля! – Это ()

^b Да, это “волею” звут, –

^c Да, это волей мы зовем

² Да, песни воли слышим мы,

^{3 a} Когда [нас] выходим из тюрьмы
И [снова] видим снова мир холодный;

^b Когда вскрывают дверь тюрьмы,
[Чтоб вновь увидеть мир холодный,]
И вновь встречаем мир холодный,

⁴ И жены нам; когда, узнав

⁵ *Ст. начат*: В уют()

⁶ Когда доходы с капиталов
Освободят от идеалов,

^{7 a} И, правда, что-то

^b И впрямь () от жизни вольной

^{8 a} И встретил нас галдеж ворон,

^b Там встретил нас галдеж ворон,

^c Нас встретил здесь галдеж ворон,

^{9 a} Сливался с [колок(ольной)] медью колокольной.

^b Сливаясь с звоном колокольным.

Далее зачеркнута помета И еще одна строфа (глава) и ниже обозначено (двумя чертами) и зачеркнуто членение текста.

90 В последний миг всё подобрело...¹
И даже солнце посмотрело²
В могилу бедную отца.

6

л. 228(7) Отца я никогда не знал.³
А он – от первых лет сознания –
В душе ребенка оставлял⁴
Тяжелые воспоминанья.
Мы жили в разных городах,
Встречались редко и случайно.
Он был мне чужд во всех путях
100 (Быть может, кроме самых тайных).
Его циничный, тяжкий ум
Вкушал тоску и мысли злые
(Тогда я сам был полон дум,
И думы были молодые).⁵
л. 229(8) Ходил он посидеть, как гость,⁶
Согбенный, с красными кругами
Вкруг глаз. За вялыми словами⁷
Нередко шевелилась злость.
И только добрый, льстивый взор,⁸
110 Бывало брошенный украдкой⁹
Сквозь отвлеченный разговор,
Был мне тревожною загадкой.¹⁰
И мне его бывало жаль...¹¹
Ведь он, как я, имел от детства¹²
Флобера странное наследство:
Education sentimentale.

¹ Все знали: эта жизнь сгорела.

² И солнце тихо посмотрело

^{3 а} *Ст. начат:* Без лжи

^б Отца не знал я никогда.

⁴ От первых лет сознания

В душе моей он оставлял

⁵ *Далее первоначально было четверостишие:* И только добрый, льстивый взор ~ Был мне тревожною загадкой. *Его текст и варианты см. ниже.*

⁶ Он приходил, сидел, как гость,

⁷ Вкруг глаз. И за его словами

^{8 а} Какой-то добрый, льстивый взор,

^б Бывало, добрый, льстивый взор,

^в Какой-то добрый, льстивый взор,

^г *как в тексте*

^б *Ст. начат:* Столь

¹⁰ *Ст. начат:* Вкушал мне

^{11 а} А мне его бывало жаль,

^{12 а} Ведь он, как я { }

^б И он, как я, ведь принял с детства

^в (Он получил, как я) от детства

^г И он, как я, имел от детства (*Вар. в, г не зачеркнуты*)

- Правдивы вы – и без прикрас,
Стихи печальные поэмы!²
Да, слишком ярко помним все мы,³
120 Как зло обманывали нас.⁴
Мы, современные поэты,
За вас, от вас тоскуем вновь,⁵
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты!⁶
л. 230(9) Пусть будет прост и скуден храм,⁷
Где небо кроют мглою бесы,⁸
Где слышен хохот желтой прессы,
Жаргон газет и визг реклам.
- Где под⁹ личиной провокаций
130 Скрывается больной цинизм,¹⁰
Где торжествует нигилизм –¹¹
Беспольный спутник “стилизаций”,¹²
Где “Новым Временем” смердит,
И хамство с каждым годом – пуще,¹³
Где полновластны, вездесущи

¹ Первоначально членение текста обозначено двумя чертами.

^{2 а} *Ст. начат:* Она

^б Но будь без лжи и без прикрас,
Моя печальная поэма! –

^в [О] Правдива ты – и без прикрас,
Моя печальная поэма! –

^{3 а} *Ст. начат:* Да в холоде

^б Да, нас немного. Знаем все мы,

^в Да, нас немного. Помним все мы,

⁴ Так зло обманывали нас.

^{5 а} Опять хороним наши сны,
Но знайте – все мы влюб(лены)

^б От вас сердца хороним вновь,

^в Для вас, от вас мы плачем вновь,

^г О вас, от вас мы плачем вновь,

⁶ Далее *ст. начат:* Нам чужды

^{7 а} Пусть будет незаметен храм

^б Пусть будет беден () храм

⁸ *Ст. начат:* Когда кругом

⁹ *Ст. начат:* Где в

^{10 а} Беспольный и больной цинизм,

^б *Ст. начат:* Скрывается ц(инизм) ()

^{11 а} И тот беззубый нигилизм –

^б И торжествует нигилизм –

^{12 а} Где () стиль модерн

^б Беззубый спутник “стилизаций”,

^{13 а} *Ст. начат:* И где равно

^б Где ()

^в Где хамство с каждым годом – пуще,

Лишь офицер, жандарм – и жид,¹
Где память вечную Толстого²
Стремится омрачить жена...³
Прочь, прочь! – Душа жива – она
140 Полна предчувствием иного!⁴
л. 231(10) Поют подземные струи,
Мерцают трепетные светлы...
Но – помни Тютчева заветы:
“Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои”.

8⁵

Пусть зреет гнев. Пускай уста⁶
Поэтов не узнают мира. –
Мы в дом вошли. Была пуста
Сырая, грязная квартира.⁷
150 Привыкли чужаком считать
Отца; на то имели право:⁸
На всем покоилась печать
Его тоскующего нрава;
Он был профессор и декан,⁹

¹ И где равно неистребимы

Нахальный офицер и жид,

² И где священный прах Толстого

³ ^а *Ст. начат*: Позорит

^б Жена и *(1 нрзб)*

^а Стремится оскорбить жена...

⁴ ^а Прочь, прочь! – Предчувствием иного

Душа свободная полна!

^б Прочь, прочь! – Душа – она полна

Уже предчувствием иного!

⁵ Первоначально членение текста обозначено двумя чертами.

⁶ Пусть зреет гнев. И пусть уста (*Вар. не зачеркнуто*)

⁷ Далее начато: ^а На всем

^б И злобы ясная печать

На всем почил.

⁸ Отца считали чужаком,

И были правы.

⁹ Далее: Его за строгость не любили

Студенты

Наброски этого и последующих стихов – на л. 234:

[Ходил он есть в плохой трактир]

[(Он был профессор и декан)]

[Ходил поесть в плохой трактир,

На грязном отдыхал диване;

[И] [Тем, кто встречал его в тумане]

(Он был профессор и декан

[На] [Всё – смрад, всё грязь]

Всё – смрадный хлам. Один рояль]

[И наконец]

[[И наконец]

А из угла смотрел киот]

- Имел ученые заслуги;¹
 л. 232(11) Ходил в дешевый ресторан²
 Поестъ и не держал прислуги.³
 По улице бежал бочком,
 Поспешно, точно пес голодный,⁴
 160 В шубенке никуда негодной
 С потрепанным воротником;⁵
 И видели его сидевшим⁶
 На груди почернелых шпал;⁷
 Здесь он нередко отдыхал,
 Вперяясь взглядом опустевшим⁸
 л. 233(12) В прошедшее. Он “свел на нет”⁹
 Всё, что мы в жизни ценим строго:¹⁰
 Не освежалась много лет¹¹
 Его убогая берлога:
 170 На мебели, на грудах книг¹²
 Пыль стлалась серыми слоями,
 Здесь в шубе он сидеть привык
 И печку не топил годами;¹³

¹ Жил одиноко, мрачно, странно;

² Ходил поестъ в дешевый ресторан

^{3 а} Поестъ. На улице туманной

^б Поестъ. На площади туманной

^{4 а} Его встречали; он бочком

Бежал вперед, как пес забитый

^б Его встречали: он бочком

Шел быстро, точно пес голодный,

⁵ В шубенке старой и холодной

С истрепанным воротником;

⁶ И видели его сидящим

⁷ На улице, [у той] на груди шпал;

^{8 а} Согнувшись, с взглядом опустевшим.

^б Вперяясь взором опустевшим

⁹ Он понемногу “свел на нет”

^{10 а} Все то, к чему привыкли все мы

^б Все, без чего мы жить не можем

¹¹ *Ст. начат:* То был не дом

^{12 а} На грудах книг лежала пыль

^б Слоилась пыль на грудах книг

И на портретах серыми слоями;

^в Лежала пыль на грудах книг

И на портретах серыми слоями;

На мебели ()

^{13 а} Годами не топились печи,

Он в шубе здесь сидеть привык,

^б Печь не топилась здесь годами,

^в Была не топлена годами

Печь – в шубе дома быть привык –

Он всё берег и в кучу нес:¹
 Бумажки, лоскутки материй,
 Листочки, корки хлеба, перья²
 В коробках из-под папирос,
 Белья нестиранного груды,³
 180 Портреты, письма дам, родных⁴
 И даже то, о чем в своих
 Стихах рассказывать не буду, —⁵
 л. 234(13) И наконец – убогий свет⁶
 Варшавский падал на киоты
 И на повестки и отчеты
 “Духовно-нравственных бесед”...⁷
 Так, с жизнью счет сводя печальный,
 Презревши молодости пыл,⁸
 л. 235(14) Сей Фауст, когда-то радикальный,⁹
 “Правел”, слабел... и всё забыл,¹⁰
 190 Ведь жизнь уже не жгла – чадила,¹¹
 И однозвучны стали в ней¹²
 Слова: “свобода” и “еврей”...
 Лишь музыка – одна будила¹³
 Всегда свободную мечту;¹⁴

¹ а Он жил один, совсем один давно.

Хранил он всё ()

^б Он все берег, он все

^в Берег он все и в кучу нес:

Стекло

^г Он все берег и в кучу нес:

Разбитое стекло

² а Ст. начат: И листья

^б Листочки, прутья, корки хлеба

³ а Ст. начат: Белье

^б Белья нестиранного груды,

⁴ а Ст. начат: Знакомых

^б Портреты, письма всех родных,

⁵ И даже то, о чем в стихах

Не помяну – но не забуду.

⁶ И наконец – печальный свет

⁷ И на “духовные отчеты”

Каких-то “нравственных бесед”:

⁸ а И забывая юный пыл,

^б И попирая юный пыл,

⁹ Над словом радикальный вписано и зачеркнуто: либеральный

Далее ст. начат: [П(?)] Прогресса рья(ный) (прочтение предположительно)

¹⁰ “Правел”, слабел... Он все забыл,

Что

¹¹ а И жизнь уже не жгла – томила.

^б Ведь жизнь уже не жгла – томила (Var. не зачеркнут)

¹² а Синонимами стали в ней

^б И равнозначны стали в ней (Var. не зачеркнут)

¹³ И – только музыка будила

¹⁴ До смерти вольную мечту: (Var. не зачеркнут)

Брюзжащие смолкали речи;¹
 Хлам превращался в красоту;
 Прямились сгорбленные плечи;²
 С нежданной силой пел рояль,³
 Будя неслыханные звуки:⁴
 200 Проклятия страстей и скуки,⁵
 Стыд, горе, светлую печаль...⁶
 л. 236(15) И наконец – чахотку злую⁷
 Своею волей нажил он,
 И слег в лечебницу плохую⁸
 Сей современный Гарпагон.⁹

л. 239(16)

910

Страна под бременем обид,¹¹
 И долголетнего насилья,¹²
 Как Ангел, опускает крылья,
 Как женщина, теряет стыд.

¹ а. Она взрывала ()

^б Кипя, взрывая ()

^в Смолкали () речи

² а Прямила старческую ()

^б Прямила сгорбленную спину

³ а И бурей старень(кий) (?) рояль

^б И бурей запевал рояль

⁴ Никем не слышанные песни,

То были ()

⁵ а Проклятья, стоны, вопли скуки

^б Проклятия, надежды, страсти,

⁶ Стыд, горе и светлую печаль...

Далее на л. 236 примечание: Не надо ли еще что-то вставить? На л. 237–238 – наброски с примечанием: К стр. 15. См. их в разделе набросков.

⁷ *Перед стихом – наброски:*

[Подкралась смерть]

[Так смерть пришла. Чахотку злую

Он нажил волею своей

В б(ольницу?)]

⁸ *Ст. начат: И слег в больницу*

⁹ *Далее – ранний вариант начала главы 9, см. в приложении к тексту второй редакции.*

¹⁰ *На полях – помета: Отдельн(ое) стих(отворение) (16–19). В скобках указаны листы авторской нумерации рукописи.*

Первоначально членение текста обозначено двумя чертами.

¹¹ *Ст. начат: Страна, где*

¹² а Не в силах выносить насилья,

Жизнь ()

^б Под гнетом чуждого насилья,

210 Безмолвствует народный гений¹
 И голоса не подает,
 Не в силах сбросить ига лени
 В полях затерянный народ,
 И лишь о сыне-ренегате
 Всю ночь безумно плачет мать,²
 Да шлет отец врагу – проклятье³
 (Ведь старым нечего терять)...
 А сын – он изменил отчизне,⁴
 л. 240(17) Он жадно пьет с врагом вино...⁵
 220 И ветер ломится в окно,⁶
 Взывая к совести и к жизни...

[10]⁷

л. 241(18) Не так же ль и тебя Варшава,⁸
 Столица гордых поляков,⁹
 Дремать принудила орава¹⁰
 Военных русских пошляков?¹¹
 Здесь жизнь скрывается в подпольи;¹²
 Молчат магнатские дворцы;
 Лишь Пан-Мороз – во все концы¹³

¹ *Ст. начат:* ^a Скудеет

^b Мертвеет

^c Молчит () народ

² Молчит убийственно народ,

^d Скудеет в ней народный гений,

^e Скудеет национальный гений,

И голоса не подает

В полях затерянный народ,

И стынет кровь. И плачет мать,

И ус кусает ()

² Безумная рыдает мать,

^{3 a} [И] Отец врагам – проклятье

^b Да шлет отец врагам – проклятье...

⁴ *Ст. начат.* А юность

⁵ *Ст. начат.* ^a Сидит

^b Он пьет с врагом вино...

⁶ А ветер ломится в окно,

⁷ Первоначально членение текста обозначено двумя чертами.

⁸ Не тем ли пасмурна Варшава,

^{9 a} Что в сей столице поляков,

^b Столица древних поляков,

^{10 a} Гнездится наглая орава

^b Молчать принудила орава

¹¹ *Далее ст. начат:* ^a Безумья

^b Да, жизнь

^{12 a} Жизнь тихо теплится в подпольях

^b Вся жизнь скрывается в подпольи;

¹³ *Ст. начат:* А

- 230 Свирепо рыщет на раздолы;¹
 Неистово взлетит над нами
 Его седая голова
 Иль откидные рукава²
 Взмахнутся бурей над домами, —³
 л. 242(19) Иль конь заржет – и звоном струн⁴
 Ответит телеграфный провод,
 Иль вздернет Пан взбешенный повод —⁵
 И четко повторит чугун⁶
 Удары мерзлого копыта
 По опустелой мостовой?
 240 И вновь, поникнув головой,
 Безмолвен Пан, тоской убитый...⁷

[11-ая]

- л. 243(20)⁸ Когда ты загнан и забит
 Людьюми, заботой иль тоскою;⁹
 Когда под гробовой доскою
 Всё, что тебя пленяло, спит;¹⁰

¹ Далее: ^a *Ст. начат:* Звеня

^b Его седая голова

^c [То] То бешено взлетит власами

Его седая голова,

² Когда его седая голова

Неистово взлетит над вами

² То откидные рукава

³ Далее начато: ^a [И] Останови [в] поспешный шаг

В глухую <пору>

^b И пусть

⁴ Стиху предшествуют наброски:

(1.) [Здесь] [Ударит]

[По мерзлоте, по мост(овой)]

[И эхо вторит в чугуне]

И в звоне телеграфных струн]

(2.) [То ржанье]

(3.) То конь заржет – и звоном струн

⁵ ^a То Пан свирепый вздернет повод –

^b Иль Пан взбешенный вздернет повод –

⁶ И мерзлый повторит чугун

⁷ Безмолвно стынет Пан, сердитый...

После стиха – наброски:

(1.) [При(слушайся?)] [В ночную вникни тишину]

Среди Варшавской]

(2.) [Остановись на миг < >]

[И вникни в тишину ночную,]

Послушай тишину ночную,]

⁸ На полях – помета о публикации главы: Сирин, III (февр. 1914)

⁹ ^a *Ст. начат:* Как пес

^b Тоской, людьюми или работой,

^c Людьюми, тоской или заботой;

¹⁰ Все, что тебя живило, спит;

Когда по городской пустыне,¹
 Отчаявшийся и больной,
 Ты возвращаешься домой,
 И тяжелит ресницы иней, —²
 250 Тогда – остановись на миг
 Послушать тишину ночную:
 л. 244(21) Постигнешь слухом жизнь иную,³
 Которой днем ты не постиг;
 По-новому окинешь взглядом⁴
 Даль снежных улиц, дым костра,⁵
 Ночь, тихо ждущую утра
 Над белым, запущенным садом,⁶
 И небо – книгу между книг...
 Найдешь в душе опустошенной,⁷
 260 Вновь образ матери склоненный,
 И в этот несравненный миг —⁸
 л. 245(22) Узоры на стекле фонарном,
 Мороз, оледенивший кровь,⁹
 Твоя холодная любовь —¹⁰
 Всё вспыхнет в сердце благодарном,

¹ ^a Когда по городской пустыне

^b Когда ты бродишь стогнами
 [Как жалкий пес, как мой отец]
 Как нищий пес, как мой отец

² ^a И взор слепит ()

^b И на ресницах ()

³ *Ст. начат:* Увидишь

⁴ *Ст. начат:* ^a Увидишь

^b Окинешь всё

^a Ты в этот миг окинешь взглядом

⁵ [И] Даль снежных улиц и костры,

⁶ ^a *Ст. начат:* За белым осне(женным)

^b За белым, запущенным садом,

⁷ ^a Вздохнет душа – займется светом

И в этот несравненный миг –

^b Тогда в душе опустошенной –

Ты образ матери склоненный

⁸ *Далее наброски:*

(1.) [А ты постигнешь жизнь иную]

[Постигнешь слухом жизнь иную,

Которой днем ты не постиг; –]

(2.) [Услышишь тихое бряцанье]

[Вся убеленная ограда]

[Свет фонаря в у(зорах)]

[И на]

⁹ Мороз, проникший до костей, (*Прочтение предположительно*)

¹⁰ *Ст. начат:* ^a И ту холодную

^b Ту

^a Свою холодную любовь –

Все примешь сердцем благодарным,

Ты всё благословишь тогда,¹
Поняв, что жизнь – безмерно боле,²
Чем “quantum satis” Бранда воли,
А мир – прекрасен, как всегда.³

[12-ая]⁴

л. 246(23) 270 Отец! Ты знал иных мгновений⁵
Незабываемую власть!
Недаром в скуку, смрад и страсть⁶
Его души – какой-то гений⁷
Печальный проникал порой:⁸
И Шумана будили звуки⁹
Его озлобленные руки,
Он ведал холод за спиной,¹⁰
И, может быть, в преданьях темных
Его слепой души, впотьмах –¹¹
280 Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...¹²
В ком смутно брезжит память эта,¹³
Тот странен и с людьми не схож:¹⁴
Всю жизнь его – уже поэта¹⁵
Священная объемлет дрожь,
Бывает глух, и слеп, и нем он,

^{1 а} И все благословишь в тот миг,

^б И все благословишь тогда,

^{2 а} Поняв, что (2 нрзб)

Тогда ()

^б Поняв, что “quantum satis” воли

^{3 а} А мир – () весна. (Вар. *предположителен*)

^б А мир – (свободен), как всегда. (Вар. *не зачеркнут, скорбки – авторские*)

⁴ Первоначально членение текста обозначено двумя чертами.

⁵ Отец! Ты знал таких мгновений

⁶ Недаром в ужас, смрад и страсть

⁷ Твоей души – какой-то гений

⁸ Печально проникал порой:

И знали (?)

⁹ Твои озлобленные руки

Будили Рубинштейна звуки,

^{10 а} Ты помнил крылья за спиной,

^б Ты ведал холод за спиной,

¹¹ Твоей души, в глуши, впотьмах –

¹² И рук, изломанных в горах,

^{13 а} *Ст. начат:* Кто

^б В ком брезжит память эта,

¹⁴ *Ст. начат:* Тот странен и со

^{15 а} В его душе – уже поэта

[Священная таится ложь,]

Священная вскипает дрожь,

^б Его () – уже поэта

^в И жизнь его – уже поэта

л. 247(24) В нем почивает некий бог,¹
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог,
290 Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,²
И в снах холодных и жестоких
Он видит “горе от ума”...³

[13-ая]⁴

л. 248(25) Тебе, читатель, надоело,⁵
Что я тяну вступленья нить,⁶
Но знай – иду я к цели смело,⁷
Чтоб истину установить.
Читатель мой! – Среди обедов,⁸
Или, храня служебный пыл,
300 Ты, может быть, совсем забыл,
Что жил чиновник Грибоедов,
Что службы долг не помешал⁹
Ему увидеть в сне тревожном
Бред Чацкого о невозможном,¹⁰
И Фамусова шумный бал,¹¹
И Лизы пухленькие губки...¹²
И – завершение всех чудес –¹³
Ты, Софья... Вестница небес,¹⁴

¹ а В нем с Богом борется порою
Де(мон)

⁶ Ст. начат: В его

⁶ Его томит () [Бог]бог

² Ст. начат: В нем веет

² Но кроет всё ночная тьма,

³ Далее первоначальное членение текста обозначено двумя чертами.

⁴ Перед текстом зачеркнуто:

13.

Прости, читатель! Пропусти
[Ненужную тебе страницу.]
Ненужное тебе раздумье,
Я потерял благоразумье
И уклонился от пути,

⁵ Ст. начат: Читатель

Начало главки до стиха Ему увидеть в сне тревожном включительно позднее зачеркнуто.

⁶ Я все тяну вступленья нить,

⁷ Но верь – иду я к цели смело,

⁸ Кто б ни был ты, – среди обедов,

⁹ а. Ст. начат: Что он

⁶ Что долг служебный он

¹⁰ Ст. начат: И Чацкого

¹¹ И Фамусова странный бал,

¹² Ст. начат: И Софьи

¹³ Ст. начат: И Со(фью)

¹⁴ Ты, Софья... Ангел ли небес,

- л. 250(26) 310 Или бесенок мелкий в юбке?...¹
 Я слышу возмущенный крик:²
 “Кто ж Грибоедова не знает?” –
 “Вы, вы!” – Довольно. Умолкает³
 Мой сатирический язык, –⁴
 Читали вы “Милльон терзаний”,
 Смотрели “Горе от ума”...
 В умах – всё сон полусознаний, –⁵
 В сердцах – всё та же полутьма...
 “Твой Врубель – кто?” – отвсюду разом⁶
 Кричат... Кто Врубель? – На, лови!...
 320 (О, Господи благослови...)
 Он был... печерским богомазом,⁷
 л. 251(27) Пожалуй, так собьюсь с пути –⁸
 Все объясняю, да толкую...
 Ты пропусти главу – другую,
 А впрочем... (Бог тебе прости)
 Хоть всю поэму пропусти.
 14-ая⁹
 л. 252(28) С тобою связь я стал терять,¹⁰
 Читатель, уходя в раздумья,¹¹

¹ *Ст. начат:* Иль мелкий

^б Или бесенок в юбке?...

Против текста Ты Софья ~ в юбке?... на полях – запись: Очень нравится. Осень 1913.

² *Но слышу возмущенный крик:*

Кто ж Грибоедова не знает,
 Все это

^б Но слышу возмущенный глас:

³ *Ст. начат:* Положим

^б – Вы, Вы! – Но] Довольно.

Утешьтесь, умолкает

⁴ *Далее начат стих.* [Да] Вы этим

⁵ *Ст. начат:* ^а Откуда

^б А дальше

^а [Но] А в душах – та же полутьма,
 Все () полусознаний.

⁶ “А Врубель – кто?” – отвсюду разом

⁷ *Ст. начат:* Он был печерский

⁸ *Ст. начат:* А в(прочем)

^б Пожалуй, ты меня прости –

^а Пожалуй, так сойдешь с пути –

⁹ 13-ая

Первоначальное членение текста обозначено двумя чертами.

¹⁰ *Перед текстом зачеркнуто:*

[Прости, читатель, пропусти]
 Да, друг-читатель, пропусти
 Ненужное тебе раздумье.
 Я потерял благоразумье
 И уклонился от пути

¹¹ ^а Я скоро нить начну терять,

Совсем уйдя в свои раздумья,

^б С тобою связь я стал терять,
 Все глубже уходя в раздумья,

330 Я голосу благоразумья
 Давно уж перестал внимать...¹
 л. 253(29) Передо мной открылись бездны...
 И вдруг – припоминаю я:²
 Что, если ты – колпак уездный,³
 Иль, скажем, ревностный судья?...⁴
 Иль даже – чином много выше?⁵
 Я твой не оскорблю устав:
 С пучком своих четверостиший
 На землю вновь лечу стремглав...⁶
 Эй, шибче! Пользуясь моментом,⁷
 340 (Чтоб ты меня не обзывал
 “Кривлякою” и “декадентом”),
 Зову тебя к себе на бал!⁸
 л. 254(30) Знакомьтесь: девушка из скромных⁹ –
 Приличия не оскорбит,¹⁰
 Застенчивость, и даже стыд,¹¹
 Горит во взорах Музы томных,¹²

¹ В конце л. 28 – запись: Городецкий находит, что в этой главе вместо Музы должна появиться героиня.

^{2 а} Я рассуждаю так “фразисто”,
 Но тут же вспоминаю я:

^б Мечтаю, говорю “фразисто”
 И вдруг – припоминаю я:

^{3 а} А если ты – уездный пристав,

⁴ Иль, скажем – мировой судья?...

Далее зачеркнут набросок:

Кто б ни был ты – среди обедов,
 [Балов и службой ()]
 Пиров () служебный пыл
 Ты, может быть, совсем забыл,
 Что [б(ыл)] жил чиновник Грибоедов,
 Что

⁵ Иль даже – много выше?

После стиха начато: (2 нрзб)

⁶ *Далее ст. начат:* Без страха! (?)

⁷ Эй, шибче! Пользуюсь моментом,

^{8 а} Устроим-ка (?) веселый бал!

^б Я приглашу тебя к себе на бал!

^{9 а} Позволь тебе представить –
 Вот Муза бедная моя

^б Позволь, мой брат, тебе представить

^в Позволь [тебе] представить

^г *Ст. начат:* Пред(ставляю)

^{10 а} То Муза милая моя, ()

^б Она тебя не оскорбит,

[Ты видишь]

¹¹ *Далее начато:* ^а Из-под ресниц

^б В ее глазах ты

¹² Ты видишь в этих взорах томных,

С ней смело танец начинай...¹
 А если ты отец семейства, – ²
 Эй, Муза! чур, без чародейства,
 350 Кокетничай, да меру знай!³
 Читатель! Веселее! С Богом!
 Не раскисай хоть на балу!⁴
 Не то опять высоким слогом
 Я придушу тебя в углу!
 л. 255(31) Она – ты думал – неуклюжа,
 И неречиста, и скучна?⁵
 Нет, погоди, мой друг! Она
 Сведет с ума любого мужа,
 Заставит дуться многих жен,
 360 Пройдясь с тобой в мазурке польской,⁶
 Сверкнув тебе улыбкой скользкой...⁷
 (А ты, поди, – уже влюблен!)⁸
 “Я вас люблю – и вы поверьте!”
 (Мой бог! Когда от скромных дев
 Вы этот слышали запев?)
 Смотри! Завертит – хоть до смерти,
 Сдавайся! С Музою моей
 Ты ждал не этого, признаться?⁹
 л. 256(32) И вдруг – так страшно запыхаться!...
 370 Приляг же, отдохни скорей,¹⁰
 И больше не читай поэмы!¹¹
 Негодница! Что скажет свет?¹²

¹ *Ст. начат:* ^a Читатель! Смелее про(т)яни)

^b Беритесь за руки смелее!

² Пусть даже ты – отец семейства, –

³ *Ст. начат:* Ты уж(?)

⁴ *Ст. начат:* Ты (1 нрзб)

⁵ ^a Неповоротлива, глупа!

Эй, Муза, докажи, что ты
 Сведешь с ума любого мужа,

^b [Глупа] Неразговорчива, темна?

⁶ ^a Пройдясь с тобой в мазурке смело,

^b Пройдясь с тобой в мазурке бойкой (?)

⁷ ^a *Ст. начат:* Она тебя

^b Блеснув тебе улыбкой скользкой...

⁸ (А ты, дурак, поди, – влюблен!)

[Смотри – ведь завертит до смерти,]

Смотри – завертит хоть до смерти,

Не слушай ты (?)

⁹ Ты ждал ведь не того, сознайся?

¹⁰ Ложись же, на диван скорей!

¹¹ ^a *Ст. начат:* Негодница! Так

^b Читателя почтенных лет

^e Бросай проклятую поэму!

¹² Негодница! Тебе же свет (?)

Подсовывать такие темы¹
 Читателю почтенных лет?
 Прочь с глаз! С такими я не знаюсь!²
 Ступай, откуда пришла! –
 Тебя плясунья провела,³
 Читатель! Так и быть, признаюсь:
 Повеселить тебя я рад,⁴
 380 Ища с плясуньями союза,⁵
 Но у меня – другая Муза,
 А эту – взял я напрокат.⁶

л. 257(33)⁷ Земное сердце стынет вновь.⁸
 Но служу я встречаю грудью.
 Храню я к людям на безлюдья
 Неразделенную любовь.
 А за любовью – зреет гнев,⁹
 Растет презренье – и желанье¹⁰
 390 Читать в глазах мужей и дев
 Печать забвенья, иль избранья.¹¹
 Пускай зовут: забудь, поэт,¹²

¹ *Ст. начат:* (Ирзб)

² С читателем почтенных лет

³ *Ст. начат:* Прочь с глаз моих!

⁴ Читатель! Я тебе признаюсь,
 Тебя плясунья провела,
 Но у меня другая Муза –
 А (?) эту

⁵ Я [сам] провести тебя бы рад,

⁶ Тебя повеселить я рад,

⁷ Ищу с плясуньей союза,

⁸ А эта – взята напрокат.

Стихи: Но у меня ~ взял я напрокат. *подчеркнуты карандашом и сопровождаемы ниже автокомментарием:* Да.

⁹ *Перед текстом помета:* Последний отрывок.

Позднее поставлена дата: 1911–1914. *Связана с выделением фрагмента в отдельное стихотворение. См. т. 3 наст. изд., разд. “Другие редакции и варианты”, с. 291–292. Текст на л.257 позднее зачеркнут.*

¹⁰ ^a Вот – мрак, и страх, и холод вновь.

¹¹ ^b Год минул, сердце стынет вновь.

¹² ^c () Сердце стынет вновь.

¹³ ^a Но с ней – с любовью – зреет гнев,

¹⁴ ^b Но с той любовью – зреет гнев,

¹⁵ *Ст. начат:* ^a Все,

¹⁶ ^b И все

¹⁷ *Далее начато:*

[Сей суд – не мой. Но счастья нет

Ни ()]

¹⁸ *Перед стихом – наброски:*

Зовут забыть ()

[Найти уют, идти ()]

[Погибнуть в безнадежной стуже]

[И знаем мы: покоя нет]

Варианты стиха: а. Они зовут: забудь, поэт,

б. Меня зовут: забудь, поэт,

Вернись в прекрасные уюты.¹
Нет! Лучше сгнуться в стуже лютой!

Уюта – нет! Покоя – нет!²
л. 258(34)³ В огне и холоде тревог –
Так жизнь пройдет. Мы вспомним оба,⁴
Что встретиться судил нам Бог
В час искупительный у гроба.⁵
Я верю: новый век взойдет⁶
400 И там – в стране больной и сонной:
Не даром бедный свой народ
Коперник славил оскорбленный.⁷
И мы, как он, оскорблены
В своих сердцах, в своих певучих,
И нам священный меч войны⁸
Сверкает в неизбежных тучах.⁹
Пусть день далек – мечты все те ж¹⁰,

¹ Приди в прекрасные уюты

² Чем () на мирный свет

В конце л. 33 – подсчет стихов по главам, а также итоговый и даты.

I. – 20 VII – 29 – ? передел. XIII – 33–31 янв.

II. – 20 VIII – 60 не разделить ли? XIV – 56–31 янв.

III. – 16 IX – 16 – пока 382 стиха

IV. – 12 X – 20

V. – 24 XI – 28

VI. – 24

269 строки написано до 31 янв.

XII – 24–31 янв.

³ *На полях помета: К последнему. Соотносит фрагмент с завершением работы над второй редакцией. На полях также позднейшая помета: Отдельное стих(отворение). Связана с выделением фрагмента в 1914 г. в отдельное произведение*

⁴ *а* Нам суждено в огне тревог
() Мы не забудем оба,

^б Нам суждено в огне тревог
Сжечь жизнь. Мы вспомним оба,

^а В огне и холоде тревог –
Так жизнь пройдет. Мы не забудем оба,

⁵ *а* Что встретились с тобой у гроба.

^б Что нам судил недаром Рок
С тобою встретиться у гроба.

⁶ Я верю: новый день взойдет

⁷ *а* И не напрасно свой народ
Коперник оскорбленный славил –

^б Не даром славил свой народ
Коперник, оскорбленный гений.

Далее зачеркнуто: Я верю в ненависть твою

⁸ *а* И неизбежный меч войны

^б И каждый мавзолей чугунный

⁹ *а* Ст начат: В

^б Сверкает нам в закатных тучах.

¹⁰ Тот день далек – мечты все те же

Презренье зреет гневом,
А зрелость гнева – есть мятеж.¹
л 259(35) 410 Где жизнь и смерть, как праздный фант,
Разыграны в тоске гостиной, –
Там – пусть вонзится, Ангелина,
Возмездья черный бриллиант!²

Ранний вариант начала главки 9

л. 236(15) Не тем ли пасмурна Варшава,³
Что в сей столице поляков –⁴
Царит нахальная орава⁵
Военных русских пошляков?
Что строит русские соборы⁶
Какой-нибудь державный вор
Там, где пленял бы граждан взоры
Лишь католический собор?
Что все, что губернатор скажет,⁷
Есть серый непроглядный мрак,⁸
И кукиш из кармана кажет⁹
Ему озлобленный поляк?

*Беловой автограф заключительной части второй редакции
(БА_{II} РГАЛИ)*

л. 13¹⁰ О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас,
Когда певучими стихами
Мы грозно обличали вас!¹¹

¹ И зрелость гнева – есть мятеж.

Текст Пусть день далек ~ есть мятеж. в скобках.

² *Позднее текст на л 259 зачеркнут* В конце листа зачеркнут отдельный набросок:
Позорной святостью < >

Текст В огне и холоде тревог ~ Возмездья черный бриллиант! содержит позднейшую правку (карандашом), которая относится к работе над отдельным стихотворением. См. ее в т. 3 наст. изд., разд. “Другие редакции и варианты”, с. 295.

³ Не потому ль черна Варшава,

⁴ Что в ней – в столице поляков –

⁵ Кичится наглая орава

⁶ Что строят русские соборы

Там, где пленял бы граждан взор

⁷ *Против стиха – помета: !!??*

⁸ ⁴ Есть тупость, пошлость, грязь,

⁶ Есть пошлость, грязь и мрак,

⁹ И поневоле кукиш кажет

¹⁰ *Текст* БА_{II} РГАЛИ вложен в обложку (двойной лист в линейку), на которой красным карандашом проставлена дата “1911”. Листы с текстом имеют нумерацию карандашом справа, сверху (см. далее); частично полустерта (14, 15, 16) Бумага – разная: у л. 13 – белая, мелованная, л. 14, 15, 18, 19 – желтая, плотная; л. 16, 17 – белая, с водяным знаком. Подобные сорта бумаги встречаются в черновиках поэмы 1911г.

Перед текстом посредине листа – нумерация главки. “4”. Сделана карандашом, зачеркнута. *Текст* главки также написан карандашом

¹¹ Мы громко обличали вас!

Но мы – всё те же. Мы, поэты,
За вас, о вас тоскуем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты...
И так же прост наш тихий храм,
10 Мы на стенах читаем сроки...
Что ж – смейтесь и не верьте нам
И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, что в небе бродят свету...

Но помни Тютчева заветы:
“Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои”.¹

л. [12] 14² ... Так жил отец: скупцом, забытым
Людьми, и Богом, и собой,
20 Иль псом бездомным и забитым
В жестокой давке городской...
Читатель! Ты жестоко судишь
И, с оправданьем не знаком,
Я знаю, злобствовать ты будешь
Над мертвым, грязным стариком...
Но так велит мне вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета,
30 И я люблю сей мир ужасный:³
За ним сквозит мне мир иной,
Обетованный и прекрасный,
И человечески-простой.
И, если ты не жнешь, не сеешь,
Коль ты “так просто – человек”,
То что ты знаешь? Что ты смеешь
Судить в безумный этот век?
Ты был когда-нибудь унижен⁴
Болезнью, голодом, нуждой?
л. 15 40 Ты видел ли детей в Париже?
Иль нищих на мосту зимой? –
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,

¹ После текста проставлена и зачеркнута дата “1911.”.

² Перед текстом – обозначение главки: “5” – карандашом, зачеркнуто. Текст главки написан черными чернилами.

³ И я люблю сей мир ужасно

⁴ Ты был ли жалок и унижен

- Пока великая гроза
 Все не смела в твоей отчизне,
 И пусть разит твой правый гнев
 Не тех, кто носит жизни бремя...
 Чудак мой злое сеял семя,
 Но не бесплоден был посев...
- 50 Он прав хоть тем, что жизни этой
 Румяна жирные отверг,
 Что, как пугливый крот, от света
 Зарылся в землю, там померк,
 Всю жизнь жестоко ненавидя,
 И проклиная этот свет,
 Пускай – грядущего не видя,
 Дням настоящим молвив: – *Нem!*¹
- л. 16² Страна – под бременем обид
 И долголетнего насилья —³
 Как Ангел, опускает крылья,
 60 Как женщина, теряет стыд,⁴
 Безмолвствует народный гений,
 И голоса не подает,
 Не в силах сбросить ига лени,
 В полях затерянный народ.
 И лишь о сыне, ренегате,
 Всю ночь безумно плачет мать,
 Да шлет отец врагу проклятье
 (Ведь старым нечего терять)...
 70 А сын – он изменил отчизне!
 Он жадно пьет с врагом вино,
 И ветер ломится в окно,
 Взывая к совести и к жизни...
 Не также ль и тебя, Варшава,
 Столица гордых Поляков,
 Дремать принудила орава
? ⁵
- л. 17 Жизнь глухо кроется в подпольи,

¹ После стиха – дата: 1911. Поставлена карандашом и зачеркнута.

² Перед текстом – обозначение главки: “6.”– карандашом, зачеркнута. Текст главки написан также карандашом.

³ Страна – под бременем обиды,
 Под игом наглого насилья,

⁴ Далее текст главки разделен на четверостишия, а потом разделение отменено.

⁵ Военных грубых пошляков?

Стих зачерчен, читается предположительно; под ним проставлена строка точек со знаком “?”. Ср. с текстом ЧА_{II} ИРЛИ на л. 241.

80 Молчат магнатские дворцы,
Лишь Пан-Мороз во все концы
Свирепо рыщет на раздольи!
Неистово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взметнутся бурей над домами,
Иль конь заржет – и звоном струн
Ответит телеграфный провод,
Иль вздернет Пан взбешенный повод –
И четко повторит чугуна
90 Удары мерзлого копыта
По опустелой мостовой...
И вновь, поникнув головой,
Безмолвлен Пан, тоской убитый...
И, странствуя на злом коне,
Бряцает шпорою кровавой...
Месть! Месть! – Так эхо над Варшавой
Зенит в холодном чугуне!!

л. 18²

...Год минул. Сердце стынет вновь,
Но служу я встречаю грудью.
100 Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.
А за любовью – зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.
Пускай зовут: “– Забудь, поэт,
– Вернись в красивые уюты...”
Нет! Лучше сгнуться в стуже лютой!
Уюта – нет! Покоя – нет!
110 В огне и холоде тревог –
Так жизнь пройдет. Запомним оба,
Что встретиться судил нам Бог
В час искупительный – у гроба.
Я верю: новый век взойдет
Средь всех несчастных поколений.
Недаром славил свой народ
Смертельно-оскорбленный гений.
И все, как он, оскорблены

¹ После текста главки – дата “1911.”, зачеркнута.

² Перед текстом – обозначение главки: “7.” – карандашом, зачеркнута. Текст главки написан черными чернилами.

л. 19 В своих сердцах, в своих певучих,
 120 И всем священный меч войны
 Сверкает в неизбежных тучах...
 Пусть день далек – у нас все те ж
 Заветы юношам и девам:¹

 Разыгрывайте жизнь, как фант!
 Сердца поэтов чутко внемлют,
 В их беспокойстве – воли дремлют!
 Так точно – черный бриллиант
 130 Спит сном неведомым и странным
 В очарованьи бездыханном
 Среди глубоких недр, – пока
 В горах не запоем кирка.²

Планы третьей редакции (ЗК₃₂, ЧА_{III}ИРЛИ)

⟨1⟩³

24 февраля ⟨1911⟩

л. 1 об.–4 У моего героя не было событий в жизни. Он жил с родными тихой жизнью в победоносцевском периоде. С детства он молчал, и все сильнее в нем накапливалось волнение беспокойное и неопределенное. Между тем близилась Цусима и кровавые зори 9 января. Он ко всему относился как поэт, был мистиком, в окружающей тревоге видел предвестие конца мира. Все разрастающиеся события были для него только образами развертывающегося хаоса. Скоро волнение его нашло себе русло: он попал в общество людей, у которых не сходили с языка слова “революция”, “мятеж”, “анархия”, “безумие”. Здесь были красивые женщины “с вечно смятой розой на груди” – с приподнятой головой и приоткрытыми губами. Вино лилось рекой. Каждый “безумствовал”, каждый хотел разрушить семью, домашний очаг – свой вместе с чужим. Герой мой с головой ушел в эту сумасшедшую игру, в то неопределенно-бурное⁴ мирозерцание, которое смеялось над всем, полагая, что все понимает. Однажды, с совершенно пустой головой, легкий, беспечный, но уже с таящимся в душе протестом против своего бесцельного и губительного существования, вбежал он на лестницу своего дома.

На столе лежало два письма: одно – надушенное, безграмотное и страстное... Потом он⁵ распечатал второе. Здесь его извещали кратко, что отец его находится при смерти в варшавской больнице.

¹ Ср. в ЧА_{II} ИРЛИ на л. 258 далее текст:

Презренье зреет гневом,
 А зрелость гнева – есть мятеж.

² После ст. карандашом проставлена и зачеркнута дата: 1911. В конце текста – авторская подпись: Александр Блок

³ См. ЗК₃₂ Л. 1 об.–4.

⁴ неопределенно-бурное/неопределенное

⁵ Потом он/Он

Оставив все, он бросился в Варшаву. Одиночество в вагоне. “Жандармы, рельсы, фонари...” Первые впечатления Варшавы.

⟨2⟩

л. 85 I¹

21 февраля 1913.

Пролог (“Жизнь без начала и конца”)

Глава I. Петербург конца 70-х годов. Турецкая война и 1 марта. Это – фон. Семья и появление в ней “демона”. Скучая, увозит молодую жену в Варшаву. Через год она возвращается: “бледна, измучена, ребенок золотокудрый на руках”.

Глава II. Петербург 90-х годов. Царь. Тройки, вдова Клико. Воспитание сына у матери. Юность, видения, весенний пыл, роман (еще удачливый). *Первая мазурка*. Приближение революции, весть о приближающейся кончине отца.

Глава III. Приезд в Варшаву. Смерть отца. Тоска, мороз, ночь. *Вторая мазурка*. “Ее” появление. Зачат сын.

Глава IV. Возвращение в Петербург. Красные зори, черные ночи. Гибель его (уже неудачливый). Баррикада².

Эпилог. *Третья мазурка*. Где-то в *бедной*³ комнате, в каком-то городе растет мальчик.

Два лейтмотива: один – жизнь идет, как пехота, безнадежно. Другой – мазурка.

л. 86 II

21.IX.1913.

Дед светел. В семью является демон, чтобы родить сына (первый “отбор”).

Детство и юность сына. Розовый туман, пар над лугами. *Любовь*. Опять война – и за нею революция. Встреча – как рыцарь⁴, закованный в броню – лица не видно. Безумие холодной страсти⁵, так и нет лица. Утром – записка: “Смертельно болен ваш отец”.

Вся тоска – только для встречи с “простой”. Все лицо, пленительное все. Зачатие сына (последний отбор, что сулит?).

л. 87 III

Октябрь 1913.

В 70-х годах жизнь идет “ровно” (сравнительно. Лейтмотив – пехота). Это оттого, что деды *верят в дело*. Есть незыблемое основание, почва под ногами. Уже кругом – 1 марта. И вот – предвестием входит в семью – “демон”.

¹ См. ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 85–96. Римские цифры – авторская нумерация листов.

² Баррикада./Третья мазурка. Баррикада.

³ в *бедной* / в бедном

⁴ как рыцарь/почти рыцарь

⁵ Безумие холодной страсти, / Безумие страсти,

...Но уже на все это глядят чьи-то *холодные* глаза. В дружной семье появляется “странный незнакомец”.....

...И ребенка окружили всеми заботами, всем теплом, которое еще осталось¹ в семье, где дети выросли и смотрят прочь, а старики уже болеют, становятся равнодушнее, друзей не так много и друзья уже не те – свободолюбивые, пламенные². Теперь – апухтинская нотка.

Уж Александр Второй в могиле,
На троне – новый Александр.

Семья, идущая как бы на убыль³, старикам суждено окончить дни в глуши победоносцевского периода. Теперь уже то, что растет – растет не по-ихнему, они этого не видят, им виден только мрак. Тут и начинается: золотое детство, елка, дворянское баловство, няня⁴, Пушкин (опять и опять!), потом – гимназия – сначала утра при лампе, потом великолепные сумерки с трескающимся льдом и ветром. Петербург рождается новый, напороченный “обскурантом” Достоевским.

Пушкай, наконец, “герой” воплотится. Пусть его зовут *Дмитрием* (как хотели назвать меня).

ПЛАН ПЕРВОЙ ЧАСТИ. (1878–1882)

Чему радуется Петербург? Солнечный сентябрь 1878. Войска наши возвращаются⁵ от стен Цареграда. Их держали в карантине, довели до Александровской станции и теперь по одному полку в день вводят в город по шоссе от Пулковки. Трибуны у Московской Заставы, там Императрица и двор. Народ по всему пути. Из окон летят цветы и папиросы на “серые груди”. Идут усталые и разреженные полки. У командиров полков, батальонов – всюду цветы, на седле, на лошадиной челке. У *каждого* солдата – букет цветов на штыке. Тяжелая, усталая пехота идет через весь город – по Забалканскому, Гороховой, Морской... Адреса, речи. Гренадеры, бывшие у Моск(овской) Заставы утром, дошли до казарм только в 6-м часу.

За ними Плевна, Шипка, Горный Дубняк. Шапки и темляки будут украшены. Но за ними еще⁶ – голод, лохмотья, спотыканье по снегу на Балканах⁷, кровь, холод, смерть, хуже смерти – воровство интендантов.

¹ еще осталось/осталось

² уже ~ пламенные, /уже не те, пламенные.

³ как бы на убыль/на убыль

⁴ елка, дворянское баловство, няня/елка, няня

⁵ Войска наши возвращаются / Войска возвращаются

⁶ за ними еще/за ними

⁷ по снегу на Балканах/по снегу

В этой поэме я хочу указать на пропасть¹ между общественным и личным, пропасть, которая становится все глубже.²

л. 91 VII

10 окт(ября) на рассвете (1911 г.)

Начало – на рубеже 70–80-х годов. Прекрасная семья. Гостеприимство – стародворянское, думы – светлые, чувства – простые и строгие³.

Реформы отшумели. Еще жива память об измене Каткова. Рядом “злится” Щедрин. Достоевский – обскурант.

Всё заволакивается. 1-е марта. Победоносцев бесшумно садится на трон⁴, как сова. Около этого времени⁵ в семье появляется черная птица: молодой мрачный (Байронист) – предвестие индивидуализма, неудачник, А(лексан)др Львов(ич) Блок. Приготавливается индивидуализм, это значит старинное “общественное”⁶, (миродержание) отпускается с миром, просыпается и готов зашуметь *народ*.

л. 92 VIII

Вся суть в том, что *прелесть* той семьи так заметна⁷, потому что все тогдашние прекрасные⁸ передовые русские люди носили в себе *мир*⁹ – при всеобщем сне. То были *герои* еще (дракон, спящая царевна)¹⁰. То, что кажется “наивным” теперь, тогда не было наивно, но¹¹ было сораспятием. Профессор лучших времен Петерб(ургского) университета был тем самым общественным деятелем, он *берег Россию*. То, что Щедрин говорит о соврем(енных) ему урядниках и полицейских (“Соврем(енная) Идиллия”) – верно, не шарж. Тогда и казалось, что есть и было на самом деле только две силы: сила тупой и темной “византийской” реакции¹² – и сила светлая – русский либерализм. Единицы держат Россию, составляя “общественное мнение”. –

Ну, а “Народная Воля”?

л. 93 IX

Итак – священен кабинет деда, где вечером и ночью совещаются общественные деятели, конспирируют, разрешают самые общие политические вопросы (а в университете их тем временем разрешают, как всегда, студенты), – а утром маленький внук, будущий индивидуалист, пачкает и рвет “Жизнь животных” Брэма, и няня читает с ним долго-долго, внимательно, изо дня в день:

Гроб качается хрустальный...
– Спит царевна мертвым сном.

¹ указать на пропасть/показать пропасть об()

² абзац отмечен знаком ? (написан крупно, поверх текста)

³ Далее зачеркнуто: Еще жива память

⁴ на трон/на св(ой) трон

⁵ Около этого времени/Тут

⁶ старинное “общественное”, /”общественное”,

⁷ так заметна/заметна

⁸ все тогдашние/все

⁹ мир/весь мир

¹⁰ Текст: То были ~ царевна). – *вписан*.

¹¹ но/а

¹² Тогда и казалось ~ реакции/Тогда казалось и было на самом деле только две силы: тупой и темной реакции

л. 94 X Внук читает с няней в дедушк(ином) кабинете¹(Кот Мурлыка, Андерсен, Топелиус)², а на другом конце квартиры веселится молодежь. Молодая мать, тройки, разношерстные молодые люди – и кудлатые студенты, и молодые военные (Милютинская закваска, Апухтинское): вечера и ночи, ребенок не замешан, спит в кроватке, чисто и тепло, а на улице – уютный толстый снег, шампанское для молодости еще беспечной, не “раздвоенной”, ничем не отравленной, по-старинному веселой. Еще все дешево – и ямщицкий чай, и кабинет, и вдова Клико (кажется, в то время).

л. 95 XI

Весна 1911

Семья начинает тяготить. И вот – его уже томит новое. Когда говеет гимназистом – синяя весна, сумерки, ладан и лед звездится на лужах. Скоро мы встречаем его уже в обществе другом. Еврейка. Неутомимость и тяжелый плен страстей.

Вино.

л. 96 XII На фоне каждой семьи встают ее мятежные отрасли – укором, тревогой, мятежом. М(ожет) б(ыть), они хуже остальных, м(ожет) б(ыть), они сами осуждены на гибель, они беспокоят и губят своих, но они – *правы* новизною. Они способствуют выработке человека. Они обыкновенно сами бесплодны. Они – последние. В них все замыкается. Им нет выхода из собственного мятежа – ни в любви, и в детях, ни в образовании новых семей.

Хотя они разрывают с семьей, но разрывают тем и ее. Они – любимцы, баловни, если не судьбы, то семьи. Они всегда “демоничны”. Они жестоки и вызывающи. Они бросают перчатку судьбе. Они – едкая соль³ земли. *И они – предвестники лучшего.*

Черновые наброски к третьей редакции. 1911–1916 гг.

(ЧН_{III} ИРЛИ, ЗК_{33,45,47,48})

⟨1⟩⁴

л.49 об. “Это – весна (?) 1911”.⁵

Семья, как все. Понятий круг,
Свои домашние словечки

Либерализм привычный
Все – всем родня.
Круговая порука.

¹ с няней ~ кабинете / с няней

² Текст (Кот Мурлыка, Андерсен, Топелиус) записан на полях.

³ едкая соль/соль

⁴ Порядок набросков условный, устанавливается по времени их написания

⁵ Запись – на полях, карандашом, вероятно, по памяти. Наброски – среди листов ЧА_{III} Первой главы.

Он понимает толк в вине,
В еде ценить умеет нежность;¹
Язык французский и Париж

И на обедах у Бореля
Брюзжит не меньше Щедрина,
Когда им не вкусны форели,
Когда уха им не жирна.²
Или не нравятся форели.

л. 53 Три дочери: младшая – резвится,
Вторая – с книжками живет,³
А третья () (и томится)
И над кипсэком мужа ждет.⁴

л. 316 об.⁵ (2)
1 июня 1911.

[И]
И () (1 нрзб) обуяла
Невыразимая тоска,
[Как бы пригнула и прижала
К земле тяжелая рука.]
Как бы тяжелая рука,
К земле пригнула и прижала...

(3)
л. 59 об. – 60⁶ (1911, конец июля – начало августа)
Как улыбалась жизнь ему... –

Но пробил час
И в эту дружную семью
Явился незнакомец странный.

¹ Далее начато: ^a В тех заседаниях, где больной

^b На заседания с Щедриным
В карете тащатся они

^c На заседания с Салтыковым

² Или уха им не жирна. (Вар. не зачеркнут)

³ Вторая – с книжками сидит,

⁴ Набросок на л. 53 зачеркнут (позднее).

⁵ Набросок в ЧА_{III} Третьей главы, на л. 316 об.

Перед текстом наброска помета: 2. Весь текст вместе с датой перечеркнут.

⁶ Наброски – на отдельном листе большого формата, хранящемся вместе с ЧА_{III} Первой главы: л. 59 об. – 60. На листе несколько рисунков: цветок, три профиля, бабочка, “герой”, облоковитившийся о перила, под этим рисунком подпись карандашом – Подсудимый. Датируется по времени пребывания Блока в Абервраке: концом июля – началом августа 1911 г. Профили, вероятно, отражают разные моменты эволюции “героя”. См. с.182.

Как забвениям жилам... —

Но пробам га
и во эту дружную сабю
Ивань мажикомого стравит.
(Он молод был, но беднота ебь
был ебьто лелаво мургуин)
Еще кинти во нем нхь нхь
Еще каув Еше каувит
Еше урбке молодав
Его

Убьтнн нхь сур ридане
Еш мава ево сь лодьнн,
~~мава нхь дннн савооооо~~
Но (если н

~~нхь~~
Обьаво, ветер ево по берган
Ово риданн оубьтнн беднотн

Ово, унь вериде, оаризан,
~~дннн нхь нхь нхь нхь~~

Отманн достоевскнй вепртунь
Его нхь вепрт.

А дннннн
нхь нхь нхь нхь нхь нхь
нхь нхь нхь нхь нхь нхь
нхь нхь нхь нхь нхь нхь
нхь нхь нхь нхь нхь нхь

Но не бнннн на буб, нхь савьтн
нхь Ешн судьба бнннн мава, он
славн тннннн нхь нхь нхь нхь нхь нхь
нхь сь нхь нхь нхь нхь нхь нхь

1911. нхь нхь нхь нхь нхь нхь
нхь нхь нхь нхь нхь нхь

по судьбннн

(Он молод был, но бледный лоб
Был сетью легкою морщин)
Еще кипел в нем юный пыл
[Еще наивн(но?)]
[Еще наивной]
Еще улыбка молодая
Его

Улыбка юности роднила
Еще тогда его с людьми,
[Но что-то дикое сквозило]
Но (если [м] < >
[Уж]
Бывало, всех по вечерам¹
Он очаровывал беседой²

Он, утверждая, отрицал,
[Любил, жестоко ненавидя.]³
Однажды Достоевский встретил
Его на вечере.

А дамы... < > что ж⁴
Пред ним < > расточали
(Лица тяжелым выраженьем)
На лорда Байрона похож

Но не несла ни бурь, ни счастья
Его судьба. Быть может, он⁵
Лишь тайной и преступной страстью
Был с лордом Байроном сравнен

Тяжелым пламенем печали⁶
Он был на Байрона похож⁷

1911. Aber Wragh.

¹ Бывало, < > в < >

² Всех очаровывал беседой

³ *Ст. начат:* Любил он

⁴ *Далее:* ^a [Душой,] Лицом и в(дохновенной)

^b Лицом и грустью вдохновенной

Он был на Байрона похож

Вар. б зачеркнут, затем последний стих восстановлен.

⁵ Но не было ни бурь, ни счастья

В < >

⁶ *Ст начат:* Он

⁷ *Ст. начат:* Был с л(ордом)

⟨4⟩

⟨1911 г., начало августа⟩

л. 17 об.¹ Ну, что ж? Он прав, чудак печальный...
.....²
Случайно людям он однажды³
Врата души приотворил...
“Он зол и глуп”, – подумал каждый,
“Он скучен”, – каждый повторил.
И казнь свершилась. В мненья света
(Он страшен нам ⟨ ⟩ свет)
Он стал, как пришлая комета,
Средь узаконенных планет.

⟨5⟩

л. 61⁴ Paris, 1911.

Умом, музыкой, красотою
Меньшую дочь очаровал
Он был в расцвете сил в те годы
Талан⟨т⟩
⟨ ⟩Он⁵ предложил ей руку
И он увез ее с собой,
Уже питая в сердце скуку.⁶
(Опять –: так когтит больной хищник)
Прошло два года
Бледна, измучена, – ребенок
Золотокудрый на руках.

⟨6⟩

л. 317 об.⁷

⟨1911 г., осень⟩

План дальнейшего.

Бесконечно прав тот, кто опускает руки, кто⁸ отказывается от поверхностных радостей жизни.

Сын спустился по Краковскому предместью, в том самом месте...

¹ *Набросок в ЗК₃₃, л. 17 об. После текста – запись: “Абервряк – из последних дней”. Судя по ней, набросок относится к началу августа 1911 г. (ст. стиля).*

² *Авторское обозначение ненаписанного текста.*

³ *Случайно он открыл однажды*

⁴ *Наброски в ЧА III Первой главы, на л. 61. Бумага – сероватая, на такой же – наброски № (3). Датируется по времени пребывания Блока в Париже – концом августа 1911 г.*

⁵ *Ст начат. О⟨ ⟩*

⁶ *Уже терзаясь тайной скукой...*

⁷ *Набросок – в ЧА III Третьей главы на л. 317 об. Датируется по времени работы над Третьей главой – осенью 1911 г.*

⁸ *После кто зачеркнуто добивается самого ужасного*

9-ая глава:¹ человек, опускающий руки и опускающийся, прав. Нечего спорить против этого. Все так ужасно, что личная гибель, зарывание своей души² в землю – есть право каждого. Это – возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир. Также и “страна под бременем обид...”³

⟨7⟩

⟨1911 г., осень⟩

л. 315 об.⁴ После: “Или бесенок мелкий в юбке”

[Ну, что ж, он – прав, чудак
Ведь жизнь бедна, безгранична?]

также и “страна под бременем обид...”

“Пан, тоской убитый”

Меня пригнула и прижала
К земле (бездонная) тоска.
И вот – я иду по Варшаве (Сакс(онский) сад) –

Когда ты загнан и забит..
----- прекрасен, как всегда..

[Стоя ночью у решетки Сакс(онского) сада,
я слышу завывание ветра и звон шпор]

⟨8⟩

⟨1911 г., осень⟩

л. 237⁵ К стр. 156
Ну, что ж? Он прав, чудак печальный⁷

Так жил отец. Ты скажешь мне:
– Зачем

Больной... А юность в дверь стучит.

¹ Глава 9-я второй редакции, где раскрыта тема, намеченная далее см. текст л. 239 (16).

² личная гибель ~ своей души / каждая личная гибель, каждое зарывание отдельной души

³ Фраза написана карандашом.

⁴ План-набросок – в ЧА Третьей главы, на л. 315 об. Весь текст зачеркнут. Датируется, как и “План дальнейшего.” (см. № (6)), осенью 1911 г.

⁵ Набросок – в ЧА второй редакции. Относится ко времени работы над материалами “Варшавской поэмы” уже как части нового замысла. Датируется осенью 1911 г.

⁶ Речь идет о л. 236 архивной нумерации, связанном по содержанию с мотивами наброска, имеет авторскую нумерацию “15” в составе второй редакции. Набросок намечает новое сюжетное продолжение текста после стиха “Сей современный Гарпагон” (он заканчивает главку 8 второй редакции).

⁷ Ну, что ж? Ты прав, чудак печальный (Вар не зачеркнут)

- л. 69¹ Потомок поздний поколений,
 В которых жил мятежный пыл
 Нечеловеческих стремлений, —²
 На Байрона он походил,
 Как брат болезненный на брата
 Здорового порой похож:³
 Тот самый отсвет красноватый,
 И выраженье власти то ж,⁴
- л. 70 И то же порыванье к бездне,⁵
 Но уже тайно скован дух⁶
 Усталым холодом болезни,
 И пламень действенный потух,⁷
 И воли бешеной усилья⁸
 Отягчены сознанием. Так⁹
 Вращает хищник мутный зрак,
 Больные расправляя крылья¹⁰

¹ *Набросок-фрагмент – среди листов ЧА_{III} Первой главы, включен в ее текст. Датируется по связи с другими набросками на эту же тему (см. № (10), (11), (13)), а также на основании даты на обложке-листе 63 об.*

² Нечеловеческих сомнений; (*Вар. не зачеркнуто*)

Далее зачеркнуто: Чей дух был полон страшных сил
 На Байрона он походил,
 [Как [брат] на ⟨ ⟩ брата
 Порой походит брат больной]
 [Как брат больной, он походил]
 [Как младший брат больной, он походил
 На Бай(рона)]

³ Так брат больной порой на брата
 Здорового походит:

⁴ *Далее начато* ^а Но дух и тело ⟨ ⟩

^б Но скован ⟨ ⟩

^в Но недугом ⟨ ⟩

⁵ *Ст. начат* ^а Но

^б И та же

⁶ Но тело сковано и дух

⁷ И действенный огонь потух ,

⁸ *Ст. начат* · И в

^б И ядом страшного сознания

^в И обессиленная воля

⁹ *Ст. начат:* По(давлены)

^б Раздавлены сознанием. Так

^в Подавлены сознанием. Так

¹⁰ Больные раздвигая крылья.

Вар. вписан над строкой, зачеркнуто

⟨1911 г., октябрь⟩

л. 66 об.¹ перед этим – какой он из себя (после того, как семья, и он попал в семью).

Однажды Достоевский

“Скажите, кто красавец этот?”² –
Хозяйку дома он спросил.
[“Поход на Байрона”.]
И дамы были в восхищеньи³,
Кумир для женищин он... Ну, что ж?⁴
Лица тяжелым выраженьем
Он был на Байрона похож
И впрямь. Лишь не было, к несчастью,
Той бури в нем. Быть может, он⁵
Лишь тайной и преступной страстью
Мог с юным лордом быть сравнен.⁶
[И был в нем отпечаток поздний⁷
Той]

⟨1911 г., октябрь⟩

л. 62⁸ Туда в заоблачную высь.
Взгляни ⟨ ⟩ отголь

Всё над Россией ястреб кружит

¹ *Набросок в ЧА_{III} Первой главы, на об. л. 66. Датируется по связи с другими набросками на эту тему, сходству с ними по бумаге и чернилам. Использован при написании Первой главы (ст. 675–676, 678, 692–693, 698–701). Позднее перечеркнут.*

² *Ст. начат: Кто*

³ *Далее начато: Он был кумиром*

⁴ *Против стиха на полях – “!”*

⁵ *Против стиха на полях вписано силы, силы!*

⁶ *Был с лордом Байроном сравнен. (Вар. не зачеркнут)*

⁷ *Ст. начат: И от(печаток)*

⁸ *Набросок среди листов Первой главы – л. 62. На полях позднейшая помета карандашом: давно На том же листе – текст стихов 596 и след. Первой главы, развивающих тему наброска. Датируется по авторской помете и сопоставлению с набросками о “демоне”. См. № ⟨10⟩–⟨13⟩.*

л. 163–163 об.¹ “Ветер, ветер! Ты могуч,
 Ты гоняешь стаи туч,
 Ты волнуешь сине море,
 Всюду веешь на просторе,
 Не боишься никого,
 Кроме Бога одного.
 Аль откажешь мне в ответе?
 Не видал ли где на свете
 Ты царевны молодой?
 Я жених ея.” – “Постой,
 Отвечает ветер буйный:
 “Там, за речкой тихоструйной,
 Есть высокая гора;
 В ней глубокая нора;
 В той норе, во тьме печальной
 Гроб качается хрустальный
 На цепях между столбов.
 Не видать ничьих седов
 Вкруг того пустого места:
 В том гробу твоя невеста.”
 Ветер дале побежал.
 Королевич зарыдал
 И пошел к пустому месту,
 На прекрасную невесту
 Посмотреть еще хоть раз.
 Вот идет: и поднялась
 Перед ним гора крутая;
 Вкруг нея страна пустая;
 Под горою темный ход.
 Он туда скорей идет.
 Перед ним, во мгле печальной,
 Гроб качается хрустальный,
 И в хрустальном гробе том
 Спит царевна мертвым сном.

¹ Запись – в ЧА Второй главы. Отрывок из “Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях” А.С. Пушкина воспроизведен, вероятно, по памяти, не всегда точно. Пушкинский текст использован также в плане первой части на л. 93 при описании детства героя. Датируется по сопоставлению с этим планом.

⟨1913 г., февраль⟩

л. 162¹ *От отца: ⟨ ⟩ бесстыдство.*

В глазах упорство и упрямство
Его светились иногда

Смягченное влияньем женским
(И (воспитаньем) деревенским)

Девушка под цветущей яблоней (природа).

Потом – современная (приоткрытый рот).

Так он и бросал, не довершая. Наконец – польская мещанка. Здесь сжег он личное. Ребенок рождается – отца уже нет (все ровно).

⟨1913 г., февраль?⟩

л. 162 об.² Щеголев. После I марта. “Былое”, 1907, 3.

л. 5 об.³ На белой льдине – моржий клык
Дельфиний плеск на синем море⁴

Сибирских рек полночный ход

Святая хмуристь вечеров,
Ночей святой свинц(овый) холод

Весна 1915–

¹ *Наброски среди листов ЧА Второй главы на желтой плотной бумаге – л. 162. Датируются по времени работы над Второй главой и по сопоставлению с планом от 21 февраля 1913 г., к которому набросок близок тематически. См. в нем: Зачат сын.*

² *Запись в ЧА Второй главы, л. 162 об., на плотной желтой бумаге. Зачеркнута. Датируется предположительно (ср. № (22)) по сопоставлению с содержанием плана от 21 февраля 1913 г., где намечена тема I марта*

³ *Набросок в ЗК₄₅, л. 5 об. Датируется по записи в нижней части листа*

⁴ *Тюлений плеск на синем море*

⟨19⟩

⟨1915 г., начало декабря⟩

л. 6 об.¹

Весна 1915.

На белой льдине – моржий клык,
Дельфиний плеск на синем море

Сибирских рек полночный ход

Святая хмулость вечеров,
Ночей святой свинцовый холод

⟨20⟩

л. 320²

23 II 1916

Так на полях твоих, Россия,

Доселе гибнут³

Твои любимцы роковые⁴

Еще своей рукой ты губишь⁵

Того, кого ты нежно любишь

⟨21⟩

⟨1916 г., март⟩

л. 71 об.⁶

(весна 1915). К поэме⁷.

На белой льдине – моржий клык,

Дельфиний плеск на синем море

В ⟨1 нрзб⟩ раке – древний лик⁸

С (неумолимостью) ⟨ ⟩ во взоре

Сибирских рек полночный ход,

Подземных руд глухое пенье

Святая хмулость вечеров,

¹ *Набросок в ЗК₄₇, л. 6 об. Датируется началом декабря 1915 г по сопоставлению с текстами на л 5 об. и 6, которые имеют даты: 13 XI–9 XII и 9 XII. Дата перед наброском указывает на время его появления в ЗК₄₅. Об этом на полях сделана отсылка: Смотреть Зап(исную) кн(ижку) № 45*

² *Набросок в ЧА_{III} Третьей главы, на л. 320.*

³ *Доселе лучшие сыны*

⁴ *Твои любимые, родные (Вар. не зачеркнут)*

^{5 а} *Ст начат: Еще ты губишь*

^б *Своей рукой ты губишь*

⁶ *Набросок в ЗК₄₈, л. 71 об. Датируется по сопоставлению со временем написания стих. "Коршун". см в ЗК₄₈ на л. 72 – 22III 1916.*

⁷ *Дата – перед текстом, помета – на полях. Дата указывает на запись варианта наброска в ЗК₄₅, см набросок № ⟨18⟩.*

⁸ *В ⟨ ⟩ раке – темный лик*

Ночей святой свинцовый холод.

[коршун кружит]

Россия губит своих детей

Как необъятен кругозор

(22)

(1914–1916 гг.?)

л. 43 об.¹

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О. ЛЮБАТОВИЧ (“БЫЛОЕ”, 1906, № 5–6).

Перовская Соф(ья) Льв(овна) – маленькое круглое лицо и большой ребяческий лоб. “Пророк” Мейербера². Осенью 1878 Перовская бежала с Новгор(одского) вокзала и приехала в Пб. (квартира Малиновской). Черное платье, широкий белый воротник.

Сергей *Кравчинский* – в руках высокий цилинр, наполеоновская борода; красавец и урод; меланхолически-нервная гримаса.

Комната набитая народом. Сдержанные речи.

Крупные аресты осенью 1878.

Плеханов был против царевбийства. Стефанович, Дейч, Плех(анов), В. Засулич – “Черный Передел”.

“Вспышко-пускательство”.

“Программа – знамя, и только она одна может собрать на смену погибавших новых борцов”.

Литературное, типографское, динамитное дело.

Кибальчич – “считает звезды” – на самые простые вопросы отвеч(ает) рассенно и невпопад, и занят какой-то думой.

Выход №№ “Нар(одной) Воли”, как адмиральский флаг³ на броненосце, знамен(ует) его готовность к бою.

Знак в окне.

Халтурин больше месяца спал на подушке, под которой был динамит, вдыхал кажд(ую) ночь удушл(ивые) газы.

№ – ж ж е н к у в з я т ь, № 6, стр. 124.

л. 43

Осенью 1878 Геся Гельфман – в работном доме (Литовск(ий) замок).

Другое: К и б а л ь ч и ч делал чертежи летательного аппарата⁴.

Есть статья *Щ е г о л е в а*: После 1 марта (“Былое”, 1907, 3).

Темновласый. (о С. Кравчинском)

¹ Конспект-набросок – в ЧА Первой главы, на л. 43 об., 43, 44 об. Записано на желтой плотной бумаге, которой Блок пользовался на позднем этапе работы над поэмой (не в 1911 г.). Датировается предположительно, по сопоставлению фактов творческой истории поэмы.

² Под словом записано Чудовского (не зачеркнуто)

³ как адмиральский флаг / как флаг

⁴ На л. 44 об. – отдельная запись, зачеркнута:

Кибальчич делал чертежи летательного аппарата.

л. 2¹

Вставки к I главе.

К стр. : Бабушка играет в карты с Д.И. Менделеевым. “Валет-то, валет!” Дидя возвращается из заседания, кнут хлопает по крышке кареты.

К стр. : Тогдашние барышни: тихие, настоящие (в противуп(о-)ложность) современным бесстыдницам²)

Тургенев боится, что потерял популярность у молодежи.

Следовало бы³

*Варианты чернового автографа третьей редакции
(ЧА_{III} ИРЛИ)*

Заглавие	Пролог ⁴
л. 4 (1) ⁵ а.	<i>ст. начат:</i> Жизнь
б.	Мир полон. Жизни нет конца.
в.	Жизнь – без начала и конца. Но ты, творец, ⁶ в пределы веруи: ⁷
г.	<i>как в тексте</i>
2	Везде подстерегает случай.◇
6 а.	<i>ст. начат:</i> В пределы
б.	<i>как в тексте</i>
7 а.	Где стережет нас Ад иль Рай.
б.	Где стережет нас Ад и Рай.◇
8 а.	Тебе дано < > мерой
б.	Тебе дано (бесстрастной) мерой◇

¹ *Набросок в ЧА Первой главы. Намеченные детали в текст поэмы не вошли. Набросок – на желтой плотной бумаге. Датируется предположительно по бумаге и сопоставлению фактов творческой истории поэмы (см. примеч. к наброску № (22)).*

² *в противуп(о)ложность) современным бесстыдницам / в противуп(положность) современности (Вар. не зачеркнут)*

³ *Вероятно, более поздняя помета красным карандашом.*

⁴ *Рукопись имеет отдельную от других частей текста поэмы авторскую нумерацию. Заглавие – на отдельном листе. На нем же – заголовок Пролога как отдельного произведения. Народ и поэт. С ним связаны дата и другие рабочие пометы: (март 1911). 8 страниц. Напечат(ано) в “Русском слове” 6 апр(еля) 1914 (Пасх(альный) №). Перед стихами 25, 41, 57 – обозначения строф – 2, 3, 4: связаны с подготовкой газетной публикации.*

Заголовку Пролог предшествуют варианты его обозначения: а. [План и] б. [Вступление к поэме] Перед текстом – эпиграф (вписан позднее): “Юность – это возмездие”. Ибсен.

⁵ *В скобках дается авторская нумерация.*

⁶ *Ст. начат:* Но ты худо(жник)

⁷ *Далее начато:* ^а Тебе

^б Легко

^в На всех путях

^г На всех

~~Ты~~
~~Ты~~

Сотра Сугайкиса зерно —
И ты увидишь: мир прекрасен.

~~Сквозь жар души и хлад ума~~
~~Ты проводи~~

Познай, что свет — кошмар, что жила:

~~И пусть проводи~~ ^{Ты проводи} ~~как все пройдет~~

~~И пусть перед тобой неспешно,~~

~~Пройдет~~

Это во мирт света, что в нем уютно —

Сквозь жар души, сквозь хлад ума. —

Там Загора ^{пробит} ~~Ты проводи~~

Но ~~во касави~~ ^{над горнице} ~~улы обретен~~

Но ~~во воду~~ ^{попы} ~~когусит~~ —

И ~~загора~~ ^{загора} ~~и вводит~~ ~~зерно~~

~~Сквозь жар души и хлад ума~~

- л. 5(2) После 12 *начато и вычеркнуто:*
Сквозь жар души и хлад ума
Ты проводи
14—15 а. И пусть перед тобой неспешно¹
Пройдет

¹ Ст. начат: И пусть пройдет

- в. А там, над миром – столб огня,¹
 л. 8 (5) 33 а. И в каждом сердце, в каждом доме
 б. И в каждом доме, в келье каждой –◇
 34 а. Свой карлик есть и свой герой...
 б. Свой произвол и свой закон.
 в. Свой карлик есть и своей герой.
 35–36 а. Над всей Европой { }
 Дракон { }
 б. Над всей Европою – дракон,
 Разинув пасть, томится жаждой.
 в. Над всей Европою – горой²
 Навис дракон, томится жаждой.
 37 Кто ж нанесет ему удар?◇
 39 Как встарь, повита³ даль туманом,
 40 И пахнет гарью. Там – пожар.⁴
 41 Но песня – все пребудет песней◇
 45 а. Вот он на черном эшафоте
 б. Вот он на эшафоте черном
 л. 9 (6) 47 Вот именем клеймят позорным
 49 Лишь сам себе судья последний◇
 50 *ст. начат:* Звучать◇
 51 а. Как в темном храме за обедней⁵
 б. Я в темной церкви◇
 53 Травой росистой прохожу,◇
 л. 10 (7) 57 а. Ты (Кому я смел молиться),⁶ (*вар. не зачеркнут*)
 б. *как в тексте*
 59 а. Позволь хотя одну страницу
 б. Позволь мне малую страницу◇
 61 а. Дай беспристрастно и нелживо
 б. Дай мне нелживо и неспешно◇
 62. *ст. начат:* а. Запечатлеть
 б. Запечатлеть◇
 63–64 а. О том, что в здешнем мире живо,⁷
 О том, что мы в себе таим,
 Земные, маленькие люди.
 б. О том, что мы в себе таим,
 Мы, земле родные, мы { }
 в. *как в тексте*
 67 а. Как веет в каждом – дух народа,⁸

¹ Против стиха – ?

² Рядом со словом – ?

³ Рядом со словом – ?

⁴ *Ст. начат:* В

⁵ а *Ст. начат:* Я (2 нрзб)

б Как в сельской церкви, за обедней
 Пою { }

⁶ И Ты (Кому я смел молиться),

⁷ *Ст. начат:* О том, что есть

⁸ *Ст. начат:* а Как (4 нрзб)

б Как жив

- б. Как дышит в каждом дух народа,[◇]
 68 Сыны отражены в отцах...¹
 л. 11(8) 69 а. Обрывок (маленького)² рода, (*вар. не зачеркнут*)
 б. *как в тексте*
 70 а. Два-три лица – и уж видны
 б. Два-три звена – и уж видны
 72 Уж отшлифована порода,[◇]
 73 И уголь превращен в алмаз –
 74 а. Он светит в недрах
 б. *ст. начат: И*[◇]
 75 Восстав из недр неторопливо,³
 77–80 а. Так рой, не знай отдохновенья,
 Пусть жила жизни далека!
 Звени мой ямб, дробь камня,
 Звени, как горная кирка!⁴
 б. Так бей, не знай отдохновенья,
 Пусть жила жизни глубока!
 Мой гневный ямб, дробь камня,
 Алмаз блестит издалика!
 в. Так бей, не знай отдохновенья,
 Пусть жила жизни глубока!
 Алмаз блестит издалика!
 Дробь, мой гневный ямб, камня.⁵

⟨ПЕРВАЯ ГЛАВА⟩

Заглавие *отсутствует*
 л. 14^б 1–12 а *ранние варианты текста:*
 Уж осень семьдесят восьмую

¹ *Ст. начат: И дети*

² *Скобки поставлены карандашом*

³ *Ст. начат: ^а Из недр*

^б *Войдет*

⁴ *Ст. начат: Как*

⁵ *После текста – дата: 2 марта.*

⁶ *Рукопись Первой главы имела обложку (см. л. 63 об.) с рабочими заголовками, которые записывались на ней по мере завершения тем-эпизодов:*

(к I части)

Семья и появление “демона”.

(весна 1911 – лето – за границей)

– август 1914.

(Турецкая война. Революция)

май 1916.

Дата – май 1916. – и заголовок – (Турецкая война. Революция) – вписаны позднее, красным карандашом. Заголовок вписан под словами (к I части). Весь текст обложки позднее перечеркнут.

О другой обложке к части текста Первой главы на л. 40 об. см. коммент. к л. 24.

Вступление в Первую главу (ст. 1–86) начато осенью 1911 г. – ст. 1–52, 84–86, продолжено в декабре 1914 г. – ст. 53–80; в 1916 г. написаны ст. 81–83 (текст – карандашом, предыдущий – чернилами). В ходе завершения главы в 1916 г. правились (карандашом) ст. 23–24, 33, 84–86.

- Справляет беспощадный век,
Тот век, которым в ночь глухую
Беспечный брошен человек, –
В ночь философских схем, понятий,¹
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалобных проклятий,
Бескровных душ и слабых тел,²
Тогда пришли чуме на смену
Нейрастения, нервы, сплин.
Век расшибанья лбов о стену,
Экономических доктрин,
л. 14 1–12 б. *варианты последующей правки текста:*
1 Век девятнадцатый – железный,
2 Поистине – жестокий век!³
3–4 а. Тобою в мрак, в ночи беззвездной,
Затерян жалкий человек, –
3–4 б. Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек,
8 Бескровных и больных < >◇
9 Тогда пришли чума на смену◇
10 Нейрастения, нервы, сплин,⁴
л. 15 13 Век слов, конгрессов, федераций,◇
15 Банкирских темных операций◇
16 а. Век *средних* < > умов,
б. И мало действенных умов,
в. Не слишком действенных умов,
17 а. И срединных дарований
б. И дарований *серед(инных)*◇
18 *ст. начат:* Здесь◇
После 18 *заметка:*
[Когда личность незаметно] [Когда права личности
незаметно передавались массам]
20 И не “Mesdames”, а просто – дам,◇
л. 16 21 а. Век буржуазии всемирной
б. Век буржуазии и взяток
в. И темных дел < >

¹ В тюрьму < > схем, понятий,

² *Далее:* Век разбиванья лбов о стену,
Экономических доктрин,
Нейрастения, нервы, сплин,
Чуме пришедшие на смену

³ *Ст. начат:* Железный

⁴ *После стиха 12 – наброски:*

[Век войн, где < >]
[Бан(ков)] [Век банковских счетов]
[Век банков < >]
< > конгрессов и союзов]

Ты нам твердишь?
 О чем пророчишь ты, скажи,
 2. И черная, земная кровь,
 Безумно раздувая вены,¹
 Еще сулит нам²
 3. *как в тексте*
 74 И разрушая рубежи,³
 л. 21 77–80 а. Что ж человек! В часы печали,
 В огне, в пороховом дыму
 Тебе откроются все дали,³
 Уму и сердцу твоему!⁴
 б. Что ж человек! За ревом стали,
 В огне, в пороховом дыму,
 Какие огненные дали⁵
 Предстали взору твоему!
Далее – текст, вошедший в стих. “Два века”:
 Смиренно ведай – не случайно⁶
 В сомненьях закалялся дух,
 Участник дней необычайных,⁷
 Открой твой взор, отверзи слух,⁸
 л. 22 И причастись от жизни смысла,
 И жизни смысл благослови,
 Чтоб в тайные проникнуть числа
 И храм воздвигнуть на крови.⁹
 Как день твой величав и пышен¹⁰ –

¹ *Далее начато:* а Еще
 б Нам

² *Далее начато:* Невероятные измены

³ *Ст. начат:* В

⁴ Тебе и больше никому,

⁵ Таинственной безумной дали

⁶ *Перед ст. начато:*

^а И [властно] ты, упорно числа

^б [Среди] [Из мертвых]

^в Из сил живых и мертвых числ

^г Постигнешь

^д [Ты причаст(ись)]

^е Причастник новых тайн

^ж Теперь ты знаешь – не случайно

В сомненьях закалялся дух,

⁷ И ты, причастник новой тайны,

⁸ Открой твой взор, открой свой слух,

[Прочти таинственные числа]

[В таинственных вначале (числах)]

И причастись от жизни смысла,

И эту жизнь благослови.

⁹ *Ст. начат:* И храм Господень на крови

¹⁰ Так () пышен

- б. Годину семьдесят восьмую
 Дотягивает старый век.
 В столицу севера больную,
 На отдаленный финский брег
 Меня влечет мечты забота.
 Здесь все кончаются моря,
 Здесь начинаются болота...
 Но в половине сентября
 л. 23 в. За мной, за мной, читатель мой,¹
 В столицу севера больную
 На отдаленный финский брег!

Уж осень семьдесят восьмую
 Культурный доживает век,
 В Европе спорится работа,²
 А здесь – по-прежнему в болото
 Глядится мутная заря...
 Но в половине октября... и т.д.³

Перед текстом варианта в (сверху л.23) – заметка:

- Вот суть:
 Зависимость личной жизни от общей.
 л. 24 93 Смотри, в тот год как солнца много,[◇]
 94 а. Куда народ бежит с утра?⁴
 б. Куда народ идет с утра?
 95 На лицах – радость и тревога,⁵
 96 а. На улицах гремит ура,
 б. Гремит веселое ура,
 в. Горохом сыплется ура,
 л. 25 97–98 а. Гороховая, Забалканский
 Запружены уже толпой
 б. Гороховая, Забалканский
 Уже запружены толпой,
 С трудом ()
 в. Уж на Сенной, на Забалканском
 2 И Забалканский, и Сенная
 Уже запружены толпой,
 д. как в тексте
 99 а. ст. начат: И давка
 б. Стоит () стеной[◇]
 100 Уже за городской чертой,[◇]

¹ Ст. начат: а За мной, читатель
 б Читатель,

² Везде кипит () работа, (Вар. не зачеркнут)

³ Вариант в – позднейшая вставка 1916 г. на отдельном листе (выделяется почерком, а также чернилами и сортом бумаги).

⁴ Ст. начат: Как

⁵ Ст. начат: Какая

Далее начато и зачеркнуто:

- л. 26 Разреженные батальоны
Идут по грязной мостовой.
- 101 а. Заборы, бойни и пустырь
б. Лишь светит главами златыми[◇]
- 103 ст. *начат*: Там[◇]
- 105 а. Все ликует, все полно
б. Здесь все ликует, все полно
в. ст. *начат*: Не(?)
г. ст. *начат*: Здесь
д. Толпа народу, ряд карет,
е. Стена народу, ряд карет,
- 109 а. И длинной серой вереницей
Перед взволнованной царицей
Войска < >¹
- л. 27 б. И пред взволнованной царицей²
в. И длинной серой вереницей[◇]
- 110 а. Войска < >
От рубежей чужой земли
Проходят серой вереницей[◇]
б. *как в тексте*
- 111–113 *ранние наброски текста на л. 15:*
а. От Константинополя, от Плевны
Идут усталые войска...
б. Из-под Царьграда < >
<Идут усталые войска...>
в. От стен Царьграда < >
<Идут усталые войска...>
г. Опять война... Опять в гостиных
“Бельфамы, корпию ципля,” (!) (ст. *подчеркнут*)
(вар. б. и в. – карандашом, т.е. более поздние;
все наброски позднее перечеркнуты)
- 113–116 а. Идут, как будто бы с парада,
В глазах – мечети Цареграда,
Цветов букетик на штыке,³
б. Идут, как будто бы с парада,
Сомкнутым строем, как всегда,
Но в памяти и лагерь у Царьграда,
И бой < >
в. Идут, как будто бы с парада,
Но в памяти – уж навсегда
Шум битв и лагерь у Царьграда,
г. Идут, как будто бы с парада,

¹ Ст *начат*: Проходят перв(ыми)

² Далее ст *начат*: В

³ Далее *начато*: В ушах – [свистящий] визгливый

- Иль не оставили следа
 Шум битв и лагерь у Царьграда,
 Чужой язык и города?
- 119 а. И кровью пахнувшие раны,
 б. И пахнувшие кровью раны,[◇]
- 120 И вечно грезящийся враг...
- л. 28 121–124 а. Их груди серы, лица хмуры,¹
 Блестит Георгий тут и там,²
 Вот – павловцы, вон – гренадеры
 Идут по мостовым камням
 б. Их лица строги, груди серы,
 Блестит Георгий там и тут,
 Вот павловцы, вот – гренадеры
 По грязной мостовой идут...
- в. *как в тексте*
- 125–126 а. Разреженные батальоны,³
 Привыкшие смыкать ряды⁴
 И за колоннами колонны
 б. *как в тексте*
- 127–128 а. *наброски к тексту*
 (1) [Перед ()]
 [Как уцелевшие в бою]
 [Высоко голову свою]
 (2) [Смотри]
- б. *как в тексте*⁵
- Перед 129 *начато*:
 [Из окон сыплют папиросы,
 Читают речи, адреса]
- 129 Конец тяжелого похода,⁶
 131 Вернулись к родине они,^{7◇}
 132 Сегодня, наконец, они^{8◇}
 134 Забвенье прошлому, забвенье!
- л. 30. 137–138 а. Сегодня, праздная победу,⁹
 Забыли, может быть, они
 б. И в краткий день возврата,

¹ *Далее ст. начат*: О них

² Блестит Георгий там и тут,

³ *Ст. начат*: Играет

⁴ Привычные к словам: "Сомкнись!"

⁵ Слова голову свою в ст. 128 подчеркнуты красным карандашом и рядом – "?"

⁶ *Ст. начат*: Сегодня, завтра

⁷ *Ст. начат*: Достигли

⁸ *Ст. начат*: ^а Сегодня

⁶ Сегодня () народа

⁹ *Начато*: Сам царь

- б. Придут в казармы, кто переменять¹
 в. Придут в казармы, кто – сменять
 168 Кому лететь на бал[◇]
 169 а. Красавиц, щеголять крестами,
 б. Красавиц, блеснуть крестами,²
 в. *как в тексте*
 170 Слова небрежные цедить,^{3◇}
 л. 33⁴ 173–174 а. Сегодня – на военных мода,⁵

б. Как после всякого похода,
 И вот, играя тепляком,
 На алой ленточке, как дети...
 Они беспечны ()

- в. *как в тексте*
 177–176 На самом деле⁶ люди эти,
 Как все, темны, как все, скучны...

Стихи перечеркнуты, к ним помета: Не так.

177–178 а. Какой в них () какая вера?

б. В чем сила их? И в чем их вера?
 Лишь нынче все одним равны.⁷

в. В чем сила их? И в чем их вера?
 За что они вознесены?

181 На их, таких обычных, лицах⁸

185 Все крещены тревожным делом,⁹

186 Рассказы их одно твердят:¹⁰

187–200 *Ранние наброски текста на л. 34 об., 35 об., 36 об.,
 весь текст позднее перечеркнут:*

^{1 а} Кому придется () переменять

^б Кому () переменять

² Далее набросок: () шевелить () усами

³ Перед ст. – наброски:

(1) Неторопливыми речами,
 Едва заме(тно)

(2) И пред штафарками ()
 И ()

(3) Неторопливыми речами

⁴ *На полях помета:* См. рассказ З.Н. Гиппиус “Нет возврата”, который я читал вчера на ночь 5 марта 1912 г.

⁵ *Перед стихами наброски:*

(1) Они беспечны, точно дети,

(2) [Они] Сегодня в моде

(3) Едва кончается война

⁶ *Над словами пояснение:* Т.е. в мирное время.

⁷ Но нынче все одним равны:

^{8 а} *Ст. начат:* Им

^б И светятся в их ()

В ()

⁹ *Ст. начат:* ^а Свидетели

^б Все необычным делом

¹⁰ *Ст. начат:* Одно

- л. 34 об. (1) В глазах солдат и офицеров
 Стоят видения войны.¹
- И сами видели они, ()²
 Как белый царский конь запнулся
- Как царь от ран отворотился³
 И заслонил глаза платком,
- Как красный столб огня крутился⁴
 В ночи над горным Дубняком,
 Как Белый Генерал на белом⁵
 Коне, [среди] под градом гранат,
 Стоял, как призрак
- л. 36 об. (2) Сегодня – прошлому забвенью,⁶
 Но завтра, завтра же, – опять
 Войны безумные виденья⁷
 Пред нами будут возникать.
 Война! [Из памяти не вынуть]⁸
 Незабываемые () дни
 Им ()]
 Ведь сами видели они,⁹
 Как царский конь остановился¹⁰
 Пред раненым, ()
 Как царь взглянул, отворотился
 И заслонил глаза платком;¹¹
 Как перед каждым новым делом

¹ *Перед стихами – наброски:*

[И мозг – то]

[Тот [слух] взор, который видел]

² *Далее:* ^a Сам царь, сдержав коня

^b И царский конь запнулся

³ И царь взглянул и отвернулся

Платком ()

⁴ ^a Как белый столб огня завился,

Над ()

^b Как столб огня, свистя, завился,

^a *Ст. начат:* Как огненный

² Как столб огня под небо взвился,

Крутясь над горным Дубняком,

⁵ Как белый генерал любимый

Среди лопающихся гранат

Столя, как призрак, невредимый...

⁶ *Ст. начат:* Сегодня – да! прошлого ()

⁷ Войны кровавые виденья

⁸ *Ст. начат:* Война! Твои до(коль?)

⁹ И сами видели они, ()

¹⁰ Как белый царский конь остановился

¹¹ *Далее начато.* ^a Как Белый Генерал на белом

Коня, под

^b Как Белый Генерал

Молитвы старые творят;
 Как Белый Генерал на белом
 Конне, под () гранат
 Стоял недвижимый, невредимый,¹
 Шутя над вражеским огнем...²
 Как красный столб огня и дыма
 Взвился над Горным Дубняком;
 л. 35 об. Как горной ледяной тропею³
 Тащили пушку ()
 Нестройной, дружную толпою

Как старое рванулось знамя,
 Как пал сосед, сражен штыком,
 Как пушку ледяными тропами⁴
 Тащили на гору ползком,⁵
 189 Стоял веселый, невредимый,[◇]
 190 Шутя над вражеским огнем;⁶
 л. 34 193 а. Как старое рванулось знамя;
 б. И старое рванулось знамя;
 в. И (белое) рванулось знамя;⁷
 194 Как друг, взмахнув руками, пал;
 195 Как пушку ледяными тропами[◇]
 197 а. Как царский конь запнулся
 б. Как белый царский конь запнулся
 199 Как царь увидел, – отвернулся,
 201 а. Им ведомы теперь и стужа
 б. Им голод ведомы и стужа
 в. Им стужа ведома и голод
 203–204 а. Всем тем, кто побыл на войне,⁸
 Известно, как стреляют ружья,⁹
 Что интендантство есть и штаб,¹⁰

¹ Стоял, как признак, невредимый.

² Играя с вражеским огнем...

³ Как скользкой горною тропею

⁴ Как пушку ледистыми тропами

⁵ Тащили на гору толпой.

После ст. начато: Как ищущая

⁶ *Ст. начат.* ^а Турецкими

^б И туркам

⁷ Скобки – рабочая пометка о незавершенности варианта. Вар. б не зачеркнут.

⁸ ^а Все те, кто побыл на войне,

Уж знают, что начальство хуже,

Чем пишут им ()

^б Все те, кто побыл на войне,

Запомнят ()

⁹ Известно, что негодны ружья,

¹⁰ ^а Что есть и штаб, и интенданты,

^б Что интенданты есть и штаб,

- И адъютанты царской свиты,¹
 Пред кем – сам царь бывает слаб;
 б. Всех тех, кто побыл на войне,
 Порой пронзает некий холод²
 205 а. Безумья, боли иль насмешки?³
 Уже они не вовсе пешки⁴
 б. *как в тексте*
 207 а. Порой великие дела
 б. *ст. начат:* Перевор(от)
 в. Чреду событий роковых
 208 а. Лишь тем, что не мешает...
 б. Одним лишь тем, что не мешает...
 209 а. Все отзывается на них⁵
 б. Все отзовется на таких⁶
 л. 36 210 а. Безумьем, болью иль насмешкой...
 б. Безумьем только, иль насмешкой...⁷
 211 а. И власти нелегко опять, (*вар. не зачеркнут*)⁸
 б. И власть торопится опять
 в. И власти хлопотали поскорей
 2. И власть хлопочет поскорей
 212–213 а. Чтоб тех, кто перестал быть пешкой,⁹
 В послушных пешек обращать...
 б. Всех тех, то перестал быть пешкой,
 В послушных пешек обращать... (*вар. не зачеркнут*)
 в. Того, кто перестал быть пешкой –
 В коня и в туру превращать...¹⁰ (*вар. не зачеркнут*)
 2. *как в тексте*
 214 а. Но нам до власти, что за дело –
 б. Но нам, читатель, что за дело[◇]
 215 а. До пешек и ферзей, ()

^{3 а} И царский свитский ()

^б И царской свиты адъютант,

^а И адъютант царевой свиты

^{4 а} Порой знобит какой-то холод и

^б Порой терзает некий холод

^{5 а} *Ст. начат:* Пустой души

^б Бездумья тайного ()

^{6 а} Уже не все ()

^б И надо много лет ()

Чтоб тех, кто пере(стал) (быть пешкой)

¹ *Ст. начат:* Которое

² *Далее начато:* ^а Они

^б Порой

³ *Ст. начат:* Безумьем ли

После стиха начато: И

⁴ И трудно () опять

⁵ *Далее начато:* ^а Вновь

^б Сначала

⁶ *Ст. начат:* В коня и ферзь

- б. До ферзей, коней, и тур, ◇
 216 Сегодня нас с тобой умчало
 217 а. В поток глазеющих людей,
 б. В поток глазеющих зевак,
 После 217 У нас в глазах пестрит от света,
 У нас в ушах гремит ура,
 218 Совсем нас ликование это ◇
 219 Забыть заставило вчера,
 220–221 *текста нет, см. его выше*
 л. 37. 226 И этот чувств прилив блаженный ◇ (вар. не зачеркнут)
 228 а. Смотри: почтенный муж семейный
 б. Смотри: глава семьи почтенной ◇
 230 *ст. начат:* а. Его супруга
 б. Его жена ◇
 231 *ст. начат:* а. Но
 б. Напрасной и ◇
 232 а. Она и зонтом тычет,
 б. И чтоб услышал, зонтом тычет,
 233 Куда не след, его она...¹ ◇
 234–237 *текст вписан:*
 Но он и этого не чувствует,
 И несмотря на смех,²
 Сидит и в ус себе не дует,
 А ви(дит) лучше всех.
 239 Никак не разогнать толпу – ◇
 240 Уж водовоз проехал с бочкой, ◇
 242 Уж Ванька, тумбу огибая,
 243 а. Свалил на тумбу седока³
 б. Свернул на тумбу – и орет
 в. На тумбе сверзился – орет
 244 а. Теперь по новому случаю
 б. Теперь по этому случаю
 245 Собравшийся кругом народ, – ◇
 246 *текста нет*
 247–248 а. И наконец – все экипажи
 Проехали () слышна заря.
 б. Проследовали экипажи,
 И из казарм слышна заря.
 250 Послушно лезет с фонаря, ◇
 л. 38 251 а. Итак, все ждут от них чего-то,⁴
 б. Но, расходясь, – все ждут чего-то,⁵

¹ *Ст. начат:* Его не след

² *Ст. начат:* Ни смех

³ *Ст. начат:* На тумбе вывернул

⁴ *Ст. начат:* Итак, от них чего-то

⁵ *Ст. начат:* Расх(одятся)

- 252 а. Сегодня, в день возврата их,
 б И ныне, в день возврата их,◇
 253 а. Вся жизнь проходит, как пехота,
 б. Жизнь городская, как пехота,
 в. Вся жизнь в столице, как пехота,
 з. Вся жизнь столицы, как пехота,
 254 а. Идет по камню мостовых,¹
 б. Гремит по камням мостовых,²
 256 Великолепна и пуста...◇
 257–260 *Ранние наброски текста осени или зимы 1911 г. – на
 отдельном листе (19-м по авторской нумерации):*
 л. 37 об. Пройдешь одно, войдешь в другое, –

И снова – небо голубое,
 И снова – нищий на углу...
 Так жизнь

Пройдет одно, придет другое

Прошло одно – идет другое

- И жизнь проходит, как пехота,
 Нелепым строем
 257–258 а. Пройдет одно – придет другое,
 Смотри – и жизнь уже не та
 б. Пройдет одно – придет другое,
 Вглядишься – и уж не та она,
 259 И той опять уж нет возврата,◇
 260 И затонула в старине...
 261–262 а. Там солнце бьет
 В окне (шестого) этажа.
 б. Замедлил бледный луч заката,
 Как будто невзначай, в окне.³◇
 263 а. Ты мог бы в том окне заметить⁴
 б. Ты мог бы в том оконце встретить◇
 264 За рамой – чей-то бледный лик,◇
 266 Когда бы знал о деле ты,⁵◇
 267 а. Но ты проходишь и не видишь,
 б. Но ты проходишь и не знаешь,
 в. Но ты проходишь без вниманья,◇
 л. 39 271 Идешь, прохожий, без вниманья,◇

¹ Ст. начат: По

² Далее проставлен и зачеркнут знак интервала.

³ В каком-то невзначай окне.

⁴ Ст. начат: В окне

⁵ Далее начато: Ты

- 273 И этот человек, и зданье, —◇
 После 274 [Вот смеркалось. Опустились шторы.
 Набита комната людьми.]
 275 а Ты занят думами, делами, (*вар. не зачеркнут*)
 б Ты занят думой и делами,
 276 Тебе, конечно, невдомек,¹
 277 Что вот за этими стенами²
 278 а И твой таится < > рок.
 б Таится, может быть, твой рок.
 279–282 *текст вписан:*
 Но если б ты умом раскинул,³
 Забыв жену и самовар,
 Со страху ты бы рот разинул
 И сел бы, верно, на тротуар.⁴
 [Перед тобой, читатель мой,
 Конспиративная квартира.]
 283 Вот смеркалось, опустились шторы.◇
 284–285 Там – за закрытыми дверьми⁵
 Набита комната людьми.⁶
 285–286 а. Идут глухие разговоры,
 Все лица тонут в полумгле⁷,
 б. Идут глухие разговоры,
 287 И льется сдержанная речь,^{8◇}
 289 Еще огня не зажигали,
 290 а. И лампы не спешат зажечь.
 б. И лампу не спешат зажечь.
 После 290 [Кого-то ждут. В углу сидит⁹
 Худая, < > маленького роста.
 Большой ребячий лоб не скрыт
 Прической, убранною просто,¹⁰
 И белый < >
 < > отвагой и печалью]
 л. 40 291 Во мраке тонут лица, они◇
 292 Ты видишь только ряд один,¹¹

¹ И < > тебе < > невдомек,

² *Ст. начат:* а Какой
 б Кто

³ *Ст. начат:* Но если б видел ты

⁴ Присел бы, верно, на панель.

⁵ *Ст. начат:* И в том окне за

⁶ а *Ст. начат:* Вс(е)

⁶ Набиты комнаты людьми,

⁷ *Далее начато:* Но вот – одно

⁸ *Далее начато:* В ней

⁹ *Ст. начат:* Все ждут кого-то.

¹⁰ а *Ст. начат:* Мудреною

б < > причесанная просто

⁶ Простою на пробор прической

¹¹ *Ст. начат:* И пред

- л. 41 311 Вот наконец, гремит звонок[◇]
 312–313 а. И гость вступает на порог:
 Безукоризненно одетый¹
 б. И, отворив неспешно двери,
 Гость новый входит на порог;
- 314 *текста нет*
 Перед 315 *наброски последующего текста ст. 315–318, зачеркнуты:*
 [Безукоризненно одет
 Похож на иностранца он,
 В руках цилиндр
 Цилиндр высокий и
 В руках цилиндр высокий
 В руке блестит цилиндр высокий]
 [Высокий рост < >
 < > и подбородок
 Весь < > вид]
- 315 И статен; мужественный вид;²
 316–317 Изысканно, как иностранец,³
 Одет. В руке его блестит⁴
 318 Высокого цилиндра глянец,⁵
 319–320 а. Чуть-чуть рассеян
 Взгляд < > сурово-кроткий,
 б. Едва заметно чем-то затемнен
 Взгляд карих глаз сурово кроткий,
 321–322 Рот беспокойный обрамлен
 Наполеоновский бородкой, –
 323 *текста нет*
- л. 42 324–326 *тексту предшествуют наброски, зачеркнуты:*
 Красавец вместе и урод
 Но этот < > рот
 Но чувственный < > рот
 Кривит печальная гримаса
 Но грустной нервною гримасой
 Кривится этот сочный рот
 Пришелец < > темновласый –
 324–326 И сей пришелец темновласый –
 Красавец вместе – и урод
 Пришелец новый темновласый.⁶

¹ < > одетый джентльменом

² Он статен; мужественный вид;

^{3 а} Он – с виду < > иностранец

^б Одет совсем, как иностранец,

⁴ Одет изысканно < > и < >

⁵ Далее ст. начат: В руке

⁶ Пришелец этот темновласый: (Вар. не зачеркнут)

- Меланхолической гримасой
Тревожный передернут рот.¹
327–330 *тексту предшествуют наброски, зачеркнуты:*
Два слова, два рукопожатья – ²
И сонм почтительно затих,³
И⁴ гость к ребенку в черном платье⁵
Идет, минуя остальных.⁶
- И вновь глаза глядят во тьму,⁷
И странно белый лоб его⁸
Пробороздили две морщины.⁹
- И вновь, без видимой причины,
[Глаза глядят] Не ()
- 327–330 Два слова, два рукопожатья,
Весь хор почтительно затих,
И гость к ребенку в черном платье
Идет, минуя остальных.
- 331–334 Он смотрит нежно и любовно
И крепко руку жмет не раз,
И молвит: – Поздравляю вас!¹⁰
– С побегом, Соня... Софья Львовна... – ¹¹

^{1 а} Подергива(ет)

^б () передернут рот.

^в Сочный передернут рот.

^{2 а} Два слова веских ()

^б Два слова, два движенья

^{3 а} Окинув все собранье взором –

^б Окинув взором ()

^в Всех оглядев ()

⁴ *Ст. начат:* И от

^{5 а} И к скромной женщине-ребенку

^б К ребенку в черном платье резко
Подходит мимо остальных.

^{6 а} Идет, минуя ()

^б Подходит, мимо остальных.

⁷ И на вопрос – глаза глядят во тьму,

[Полны] Где скрыты ()

^{8 а} И тотчас складки две легли

^б И вновь ()

^в И странно белый лоб ему

^{9 а} *Ст. начат:* Из(бороздили)

^б Пробороздили две морщины,

^в Легли глубокие морщины.

^{10 а} *Ст. начат:* И веско говорит

^б И – говорит: – Позвольте
Поздравить с бегством, Софья Львовна,

^в И молвит: – Поздравляю Вас

^г С удачным ()

¹¹ *Далее:* ^а И вдруг без видимой причины

^б И вдруг на странно-белом лбу

- л. 43 335 а. Так значит, снова – на борьбу!” (вар. не зачеркнут)
б. Опять на дружную борьбу!”¹
л. 45 336–354 тексту предшествуют наброски, зачеркнуты:
[И вновь – на странно-белом лбу
Легли глубоких две морщины]

[Она в ответ: “–Да есть причины
[Еще хранить свою судьбу.]
Еще обманывать судьбу.]

И две глубокие морщины
Опять легли над странно-белым лбом...²
Совсем стемнело. И мужчины
Вливают в чашу ром с вином,
Кладут над ней крестом кинжалы
... и вдруг³
Над жженкой пламя побежало
В глаза столпившихся вокруг,⁴
И этот свет с толпою мраков
Лиловый отсвет озарял⁵
И старой песни гайдамаков⁶
Напев согласный зазвучал...

- л.43 337–338 а. И детским () обреченные глаза⁷
Зажглись суровые глаза
Легли глубоких две морщины
На этом странно-белом лбу.
б как в тексте

¹ Над строкой вписано и зачеркнуто: *далек(?)*

² Легли на странно-белом лбу...

³ Кладут над ней крестом кинжалы, (Вар. не зачеркнут)

[И жженкой]

[И вдруг – лилово-синий свет]

И вдруг – лиловым языком

⁴ Ст. начат:

^а Лилово-синий

^б И

^в И лица

^г Столпившихся вокруг от мраков

^д В глаза толпящихся вокруг (Вар. не зачеркнут)

⁵ Ст. начат: ^а Лилово-красный свет

^б Лиловый свет

⁶ ^а И звуки песни хоровой

^б И старой песни гайдамацкой

^в Старинной гайдамацкой песни

^г И звуки старой песни гайдамаков

⁷ Ст. начат: ^а И было ст()

^б Их иступленные глаза

- 339 Совсем стемнело. И мужчины
 342 Под чашей тихо задоржало –◇
 344 Вот пламя вспыхнуло – и вдруг,◇
- л. 44 345–346 а. В глазах столпившихся вокруг,
 Над жженкой вспыхнув, отразилось
 б. Над жженкой вспыхнув побежало
 В глазах столпившихся вокруг...
- 347–350 а. Огонь, борясь с толпою мраков,
 Лилово-синий свет бросал,
 И старой песни гайдамаков
 Напев согласный зазвучал,
 б. Старинной песни гайдамаков
 Напев согласный зазвучал,
 Огонь, борясь с толпою мраков,
 Лилово-синий свет бросал,
- 351–354 *тексту предшествуют наброски, зачеркнуты:*
 И дружным вспыхнули весельем
 Их обреченные глаза
- В улыбающиеся очи
 И в обреченные глаза...
- 351–354 *далее текст:*
 а. Как будто – это новоселье,
 Как будто – их не ждет гроза...
 И детским вспыхнули весельем
 Их обреченные глаза...
 б. *как в тексте*
- л. 45 355 а. Прошло одно – идет другое,¹
 И быстрой сменой картин²
 б. *как в тексте*
- 357 Не замедляй, художник: вдвое³
 359. Чувствительного замедленья◇
 360. И если в этот миг тебя◇
 361. Тебя покинет вдохновенье, –◇
 362 Пеняй на одного себя.⁴
 363–364 Тебе – единым на потребу⁵
 Да будет пристальность твоя.

¹ Пройдет одно – идет другое, (*Вар. не зачеркнут*)

² *Ст. начат:* И в быстрой

³ *Ст. начат:* ^а Поэт

^б Художник не ()

⁴ Пеняй на самого себя. (*Вар. не зачеркнут*)

⁵ *Ст. начат:* Смотри

- л. 46¹ 365 а. В те дни на стогнах Петербурга (*вар. не зачеркнут*)
б. В те дни под петербургским небом
366 Жила старинная семья.◇

Далее на л. 46 – наброски, зачеркнуты:

Что это – вздор, что это – блажь

(А в глубине души – все та ж
“Княгиня Марья Алексевна”).

- ⟨ ⟩ все – всем родня,
Как в семьях водится дворянских
367 а. Дворяне все – сродни друг другу,
б. Дворяне все – родня друг другу,
368–370 а. И приучили их века ^{–2}
Всегда немного свысока
Глядеть в лицо другому кругу.
б. *как в тексте*
371 Но власть тихонько ускользала³
372. Из рук изнеженных таких,⁴
374 а. В то время лучшие из них
б. (Честнейшие из столбовых).

Далее – запись (начинается на полях):

“Либерализм”! “Хоть имя дико” –

Против текста: Из рук изнеженных таких, ~ (Честнейшие из столбовых).
(ст. 372–374), – на полях записано: нежный вечер века

В начале л. 47 зачеркнуто продолжение текста:

- а. *ст. начат:* Но ⟨ ⟩ много
б. И старых полные преданий
в. Однако, в ⟨ ⟩

На л. 47 об. – набросок, позднее зачеркнут:

Либерал:
Живет он в слепоте природной,

¹ Ст. 365–925 (см. обозначение в рабочем заголовке – «Семья и появление “демона”») написаны в разное время. К 1916 г. относятся ст. 365–442 (их текст – карандашом, хотя ст. 365–368, 419–422 имеют наброски 1911 г. – см. разд. набросков), в основе ст. 443–476 – текст 1911 г., написанный чернилами, который правился или дополнялся в 1916 г. (карандашом): см. ст. 443, 448, 454, 460–467 (позднейшая вставка), 469–470, 471–473 (позднейшая вставка), 474–475. Карандашный черновик 1916 г. представляет собой текст ст. 477–701 (хотя в основе его – ряд набросков 1911 г.: см. соответствующий раздел). Текст ст. 702–717 написан чернилами в 1911 г., а ст. 718–723 – карандашом в 1916 (на основе набросков 1911 г.). Большой фрагмент текста – ст. 724–909 – писался в 1914 г. (выделяется чернилами, почерком, особенностями бумаги, авторские упоминания в планах и ЗК см. в истории создания) и дополнительно правился в 1916. Ст. 910–925 в составе ЧА_{III} написаны в 1916 г. (хотя в основе ряда из них – наброски предыдущих лет).

² Ст. начат: И – так

³ Ст. начат: Но жизнь

⁴ Ст. начат: В руках

⁶ Из рук брезгливых ⟨ ⟩

⁸ Из рук и лучшие из них

- Меж волей царской и народной.
 И зачастую – терпит боль¹
 Он сразу от обеих воль.
 Не то – “демон”.
- л. 47 375–376 *против текста стихов – на полях запись:*
 не то: демон
- 377–378 а. Живя – они терпели боль
 < > от обеих воль
- б. Они терпели часто боль
- в. Живя, они терпели боль
 Нередко – от обеих воль.
- г. Нередко от обеих воль
 Они испытывали боль.
 [Так было и с моей² семьей,
 Которую]
- 379 а. Но нам смеяться неприлично
 забавным может показаться[◇]
- б. Но < > смеяться[◇]
- 381
- 383 а. Она всегда – меж двух огней,
 б. Она давно – меж двух огней,
- 384 а. Не все – < > не все герои,
 б. Не все – страдальцы и герои,
- 385 а. *ст. начат:* И даже
 б. И люди лучшие – порою
- 386 а. Бессильны < > перед ней,
 б. (Совсем)³ бессильны перед ней,
- 387 Так неожиданна, сурова,[◇]
- 388 а. И так изменчива она –
 б. Изменчивости так полна –
- л. 48 394 а. Безвестных так же, как < >
 б. Чиновных, как и не чиновных.
- 395 Так было и с моей семьей –[◇]
- 399 а. И благородством запоздалым,
 В котором нам < >⁴
- б. *как в тексте*
- 401 Когда в семью любую дверь[◇]
- 402 а. Открыта настежь вьюгам
 б. Открыта настежь стужам,
 в. Открыта настежь вьюгам,[◇]

¹ *Ст. начат:* Живет

² *Над словом вписано той (не зачеркнуто)*

³ *Скобки – авторские.*

⁴ *а* И добротой, которой ныне
 Не сыщешь < >

- 403 *ст. начат:* И нет[◇]
- 405–406 Не стоит изменить подруге,
Лишенной женского стыда).
- 407 а. Здесь сам либерализм был чинен,
б. Здесь самый “нигилизм” был чинен,
- 409 а. Властей бросающий в испуг, (*вар. не зачеркнут*)
б. Властей ввергающий в испуг,
- 410 Здесь был наивен и невинен:
- л. 49 415–416 а. И так – в поруке круговой¹,
Семейной, и в () неверья²
б. В каком-то жили двоеверья
в. Так (2 *нрзб*) с круговой
Порукой и () неверьем
г. Так жили – память старины
Должна была дружить с неверьем,
д. И память старины с неверьем³
Должна была дружить ()
е. *как в тексте*
- 417–418 И были все часы полны
Каким-то вечным двоеверьем,⁴
- 419 Так заколдован был сей круг:[◇]
- 420–422 *на л. 51 – набросок. к ст. 420–422, зачеркнут:*
Свой понятий круг,
Свои словечки и привычки,
Над всем чужим – всегда [ис(пуг)] “кавычки”,
Пред всем, что не свое – испуг.
- 421 а. Пред всем чужим всегда – кавычки,[◇]
- 422 Пред всем, что не свое – испуг.
- 423–424 а. А жизнь кипела, волновалась,⁵
Все зашаталось кругом,
Врываясь ()
б. А жизнь приметно изменилась,
И зашаталось все кругом,
- 425 И новое врывалось[◇]
- 426 В гостеприимный этот дом:[◇]
- 428 Придет и громко просит водки,⁶

¹ На л. 50 об. – отдельная запись варианта (*зачеркнут*):

И так в поруке круговой
В своем ()

² Дворянской, и в () неверья

³ Над словом *память* вписано *вера?* (*не зачеркнуто*)

⁴ И жили – вс(е) ()

В каком-то вечном двоеверья

⁵ *Ст. начат:* И

⁶ *Далее ст. начат:* С

- Бывает и над страшной бездной...
- д. Таков закон судьбы железной:
Где мир домашний и уют
Возникнут вдруг над бездной...
- е. Таков закон судьбы железной:
Что мир домашний и уют
Возникнуть могут и над бездной...
- 474 В семье уже давно растут¹
- 475 а. Три дочки: первая – томится, (вар. не зачеркнут)
- б. Три дочки: старшая – томится
- 477 Вторая – любит () учиться,◇
- 478 А третья – скачет и поет,◇
- 479–480 а. В гимназию лениво ходит
- б. Ходить в гимназию лениво
- в. И красным бантом прихотливо
Свой теша нрав, живой и страстный,
- г. И красным бантом прихотливо
Свой тешит нрав, живой и страстный,
Дразня в гимназии подруг,
- д. *как в тексте*
- 482 а. Дразнить в гимназии подруг,
Вводя начальницу в испуг.
- б. *как в тексте*
- 483–484 а. Вот подросли: их в свет выводят –
Днем – в гости, вечером – на бал. (вар. не зачеркнут)
- б. *как в тексте*
- 486–487 а. Записку кто-то подослал
Меньшой плутовке шаловливой,–²
- б. Записку кто-то подослал
Меньшой – кокетке; и волнений
- 488 *ст. начат: Уже*◇
- 489–492 а. А старшей – томной и стыдливой,
Уж руку честно предложил
- л. 54 Студент какой-то идеальный,³
И в доме – хлопоты ()
- б. Старшой в одно из воскресений
Какой-то честный либерал
- в. Старшой в одно из воскресений
Уж честно руку предложил
Какой-то либеральный малый,
Ее готовят под венец.
- г. Старшой в одно из воскресений

¹ *Ст. начат.:* а () Растут

б. В семье () растут

² *Ст. начат.:* а. Меньшой ша(лунье)

б. Меньшой резвушка

³ *Ст. начат:* Какой-то

- Открыто руку предложил
Какой-то идеальный малый;
Ее готовят под венец.
- 493–494 а. “Еще чего не доставало, –
Ворчит и хмурится отец.
б. Ворчит и хмурится (отец):
“Он нашу дочку любит мало, –
в. “Он нашу дочку любит мало, –
Ворчит и хмурится отец, –
- 495–496 *текст – вставка:*
Смотри, не нашего он круга”.
И втайне с ним согласна мать,
Но ревность к дочке друг от друга¹
Они стараются скрывать.
- 499 а. А мать () убор венчальный,
б. Готовит мать наряд венчальный, ◇
500 Приданое неспешно шьют, ◇
501 Свершить обряд (обряд печальный) ◇
503 а. Жених – одних она с ним взглядов,²
Семейства не разрушит он,³
К тому же в дочку он влюблен
- б. Жених – нарядов и обрядов⁴
Не хочет ()
в. *как в тексте*
- 504 (“Когда народ страдает так”). ◇
- 506–507 а. Она с ним об руку войдет
В жизнь
б. Она с ним об руку пойдет
Бороться за () несчастных
в. *как в тексте*
- 509 *ст. начат:* И т(олько) ◇
511 *ст. начат:* Вот он ◇
514 Он с ней стоит у алтаря, ◇
- л. 55 515 Вступает в брак “принципиально” ◇
518 *ст. начат:* Их ◇
519 И ни ему, ни им невняты ◇
- 521 а. А у невесты – голова
б. А у моей невесты – голова ◇

¹ а Но ревность к детям друг от друга

⁶ Но страх за дочку друг от друга

На л. 64 об. – отдельные записи:

Но страх за дочку друг от друга

[Но ревность к дочке ()]

² *Ст. начат:* Он не

³ *Ст. начат:* Семейства не за(хочет)

⁴ *Ст. начат:* Но дочка

- 523 *ст. начат:* Горят на ⟨ ⟩ щеках,◇
 524 И слезы на глазах...◇
 526 Они вернутся в отчий дом,◇
 527 а. ⟨ ⟩ старинного уюта
 б. Войдет, при помощи уюта,
 528 а. Все понемногу в колею. (*вар. не зачеркнут*)
 б. Жизнь понемногу в колею.
 530 Их юным горбиться плечам,
 531 Он выйдет из ребячьих споров◇
 533 Он выйдет, честный, ⟨1 нрзб⟩◇
 535 а. [И] В семье невесты
 б. В гостеприимной, старом доме◇
 537 а. Они уклада не нарушат
 б. И не нарушить им уклада,◇
 538 а. Ему, как будто, не к лицу,¹ (*вар. не зачеркнут*)
 б. Ему, пожалуй, не к лицу,
 539 И все семейство будет радо
 л. 56² 542–543 а. Меньшой придется по нутру³
 Сестру стараться ⟨ ⟩
 б. Конечно, младшей по нутру
 Бездельницей и недотрогой
 в. *как в тексте*
 545 Вторая будет заступаться,
 546 Сестру резоня сгоряча,⁴
 547 Старшая будет забываться,
 548 Склонясь у мужнего плеча.
 549–550 а. Который в это время втуне (*ст. не зачеркнут*)
 Толкует без конца с отцом
 л. 57 б. И долго будут совещаться втуне
 Они с седеющим отцом.
 в. И будут совещаться втуне
 Они с (седеющим) отцом
 2. А муж ее в то время втуне
 Вступает в долгий спор с отцом (*вар. 2 – на л. 56*)
 552 а. О том, что кто-то “подлецом” (*вар. не зачеркнут*)
 б. О том, что некто “подлецом”
 554 *ст. начат:* Что◇
 555 а. И вместе будут возмущаться⁵
 б. И вечно будет разрешаться
 в. И долго будет разрешаться

¹ *Ст. начат:* Им

³ В конце л. 55 – запись: а младшей, – *подчеркнута (не зачеркнута)*.

В конце л. 54 – *набросок (не зачеркнут)*:

Конечно, младшей по нутру

Дразнить замужнюю сестру.

⁴ *Ст. начат:* И да(же)

⁵ И вместе будут совершать ⟨?⟩

- 557–560 а. Их жизни страшная река,
 Ломая лед, не смоеет
 Ни юношу, ни старика, –
 Она оставит их в покое,
- б. Ломая бурно лед, не смоеет
 Их жизни страшная река,
 Она оставит их в покое –
 И юношу, и старика, –¹
- в. Ломая внешний лед, не смоеет
 Их жизни страшная река,
 Она оставит на покое
 И юношу, и старика, –
 561 Смотреть², как льдины будут биться³◇
- 565 И эти детские химеры
- 567 а. Приобрести () манеры
- б. Ему приобрести манеры
- 568 а. (Научит им ее отец),
- б. (Его) (Научит им (ее) отец),
- в. (Чего так ждал ее отец),◇
- Вм. 569–570 а. Косоворотку на манишку
 Он сменит () либерал
- б. Произвести на свет мальчишку,
 () либерал
- в. Произвести на свет мальчишку,
 Жену законную любить,
 Косоворотку на манишку
- Вм. 571–572 Сменить, на службу поступить,
 И стать чиновником исправным◇
- 573 И быть чиновником исправно
- л. 58 575–576 а. Без всяких взяток.
- Я умолк.
- б. И быть чиновником исправным,⁴
 Без взяток, зная в службе толк...
- 577–578 а. Да, рано в жизнь. Всегда им рано,
 Они до смерти – на ()
- б. Да, этим в жизнь () рано,
 Они похожи на детей,
- в. *как в тексте*
- 579 Пока не смотрит мать – шалят.◇
- 581 Им⁵ суждено весь век болтать,◇
- 582 И услаждать себя мечтами,◇

¹ Далее: И ласково их обойдет

² Ст. начат: а Смотря

б И

³ Далее ст. начат: О берег

⁴ В своем () зная толк

⁵ Ст. начат: Они

Далее – заметка: Они не из тех – с иступленными глазами, мучеников... Их еще немало. Но я говорю об одном из них лишь для того, чтобы показать благополучие семьи, и как неожиданно было “появление демона”.

- 583 И им отвеча не понять[◇]
584 Тех, с обреченными глазами...
585 а. (Другая статья, другая кровь –
Другая, жалкая любовь.) (*вар. не зачеркнут*)
б. (Иная статья, иная кровь –
Иная, жалкая любовь.)
587–588 а. Так жизнь текла в семье. Качали¹
Их волны. Вешняя река
б. Так жизнь текла в семье. Качала
Их зыбь. И вешняя река
590 а. Но счастливо льдины огибали
б. И льдины странно огибали
в. За льдиной льдина огибала
591 *текста нет*
592 Сию счастливую ладью... –
593 Но пробил некий час туманный,
594 И в эту дружную семью[◇]
л. 62² 596 *ст. начат:* Встань, по(утру)[◇]
597 На³ бледном небе коршун кружит,[◇]
598 *ст. начат:* И смотрит[◇]
600 В кустах припрятано гнездо,[◇]
601 Вдруг щебет птичий и движенье,[◇]
602 а. И – камнем вниз в одно мгновенье –
б. Он замер... краткое мгновенье –
603 а. *ст. начат:* Летит
б. Слетает на прямых крылах,
в. Летит он на прямых крылах,[◇]
604 а. Тревога, писк птенцов последних,
б. Писк жалобный птенцов последних,
605 а. Тревожный крик из гнезд соседних,
б. Тревоги крик из гнезд соседних,⁴
606 Он жертву бедную когтит,[◇]
л. 63 608 а. И вновь, насыщен и огромен,
б. И вновь, могуч, огромен,
И вновь, несyt, огромен,
За кругом чертит в небе круг.⁵
2. И вновь взлетел, огромен,
За кругом чертит в небе круг.

¹ Так жизнь текла в семье вольна!

² *Перед текстом дата:* 1 июня 1916

³ *Ст. начат:* В

⁴ *Ст. начат:* Поспеш(ный)

⁵ *Ст. начат:* Он

- д. *как в тексте*
 610–611 а. И озирать пустынный луг¹
 Несытым оком и бездомным...
- б. *как в тексте*
 613–615 а. Так вот о чем Россия тужит,²
 Ее всегдашняя судьба:
 Над ней кружатся ястреба.
- б. Так вот о чем Россия тужит,
 О детях. Вот ее судьба:
 Над ней кружатся ястреба
- в. Россия, словно птица, тужит,³
 О детях; такова судьба:
 Над ней кружатся ястреба.
- г. Как птица, Русь о детях тужит,⁴
 Но такова ее судьба:
 Над ней кружатся ястреба.⁵
- д. Россия-мать, как птица, тужит.
 Но зла птенцов ее судьба:
 Над ними кружат ястреба.⁶
- л. 64 616–617 а. Был вечер у мадам Лаевской,
 Здесь был < > отборный цвет.
- б. На вечерах у Анны Вревской
 Был общества отборный цвет.
- 618 а. Бывал здесь хмурый Достоевский,
 б. Бывал здесь желчный Достоевский
 в. Ходил печальный Достоевский
 Здесь посидеть < >
- г. *как в тексте*
- 619 Сюда ходил на склоне лет,
Далее зачеркнуто:
- а. Бывал Полонский вдохновенный
 б. Старик Полонский вдохновенно
 Здесь декламировал стихи,
 621–623 а. Для “Дневника” набраться сил,
 (Хотя знакомство в это время
 С Победоносцевым водил).⁷

¹ Ст. начат: а И г(ордым)
 б Осматривать

² Ст. начат: Так вот < > о чем Россия
 < >

Ст. Так вот о чем Россия тужит, не зачеркнуто.

³ Ст не зачеркнуто.

⁴ А Русь о детях плачет,

⁵ Вар. в и г не зачеркнуты.

⁶ Вариант д. записан отдельно на л. 59, не зачеркнуто,

⁷ Вар а вписан на полях, не зачеркнуто

- 627 а. Хозяйке поверял () грехи, (вар. не зачеркнут)
 б. как в тексте
- 629 Бывал () Бекетов,◇
- 630–637 текст вписан на полях
- 633 И слуги царской власти◇
- 634 а. ст. начат: Здесь
 б. Различных состояний смесь
 в. Ну, словом, мог ты видеть здесь
- 639 Здесь () руку пожимал,◇
- 640 (Как это водится издавна
- 641 У нас, в России православной –¹
- 643 а. И молодежь бывала тут,²
 И каждого пленяла взором
 И увлекала разговором
 б. как в тексте
- 644 Сколь поступью и взором,³◇
- 646 Обворожить умела◇
- 647 Она, действительно, была◇
- 648 Обворожительно красива◇
- 649 И вместе с тем – добра была,⁴
- л. 65 650 а. И многим () обязан
 б. И [с] тот, кто был с ней связан,
 в. И тот, кто был с ней делом связан,
 И много () обязан,
 г. Кто с Анной Павловной был связан,
- 651 а. ст. начат: Ее помянут
 б. Ее помянет лишь добром⁵
 в. Тот помянет ее добром
- 653 а. О том писательский язык).
 б. Язык писателей о том).
 в. Язык писателя о том).
- 654 а. Пока скажу, что в ()
 б. В ее () салоне
 Бывала также молодежь
 в. ст. начат: Быва(ла?)
 г. как в тексте
- 656–657 а. Кто – в убежденьях были схожи,
 Кто – просто был в нее влюблен;
 б. Те – в убежденьях были схожи,
 А кто – и просто был в нее влюблен,
 Все приходили ()

¹ а Ст. начат: В России

^б У нас в России православной).

² И молодежь бывала здесь,

³ Ст. начат: Сколь тонким

⁴ Ст. начат: И вместе с тем – была

⁵ Далее ст. начат: Но

- ж. *как в тексте*
- л. 67 674 Раз (он по комнате ходил)◇
- 677 а. Тихонько у мадам Лаевской:
- б. Тихонько, наклонившись к Вревской: (*вар. не зачеркнуто*)
- в. *как в тексте*
- 678–679 а. “Похож на Байрона”. – Словцом Крылатым все довольны были,¹
- б. “Похож на Байрона”. – Слово Крылатое все оценили, (*вар. не зачеркнуто*)
- в. *как в тексте*
- 680–683 а. И все вниманье обратили
На это новое лицо.
[И] Обыкновенно столь упрямый,
На сей раз милостив был свет:²
- л. 68 684 “Как он учен”, – твердили дамы,³
- 691 а. “Он – демон, он – Байрон...” – Что ж?⁴
- б. “Он – Байрон, он – демон...” – Что ж?◇
- 692 *ст. начат:* Лица тяжел(ым выраженьем)◇
- 693 Лица тяжелым выраженьем◇
- 694 И чем-то, что назвал бы я ◇
- 696 (Вьобще, в нем странность замечали,⁵
- 698–699 а. Но только не было, к несчастью,
В нем байроновской воли: он,⁶
- б. Быть может, не было, к несчастью,
В нем воли пламенной, и он
- в. Быть может, не было, к несчастью,
В нем только воли этой: он,
- 700–701 а. Пожалуй, с лордом был сравнен
Одной какой-то тайной страстью
- б. Одной какой-то тайной страстью,
Пожалуй, с лордом был сравнен,
(Меж ними – разница:
Пожалуй, Байрон демоничен,
Но вряд ли демон – байроничен?⁷
А ну, звезда моей души,⁸

¹ Крылатым были все довольны,

² *Ст. начат:* На этот раз

³ *На листе сверху – вариант (не зачеркнуто):*

“Красив, умен”, – твердил упрямый свет,

В верхней части листа справа – дата: 29 V 1916

⁴ *Ст. начат:* Он стал

⁵ *Ст. начат:* В нем

⁶ *Ст. начат:* Мог с

⁷ Но разве демон – байроничен?

⁸ ^а Загадку эту разреши,

^б А ну-ка,

- Загадку эту разреши!)¹
- 704 а. Нечеловеческих сомнений, – (вар. не зачеркнут)
 б. как в тексте
- л. 70 711 Но уже тайно скован дух²
- 718–719 а. “Как он умен и ()³◇
- 721 а. Меньшая дочь твердит за всеми,⁴
 б. как в тексте
- 720–721 а. И – много или мало время
 б. Проходит мало ль, много время,
 И в дом старинный приглашен
 в. как в тексте
- 723 а. И приглашенье принимает.
 И вот нередко посещает
 Семью () он.
 б. И приглашенье принимает.
 Семью приветливую он
 Уже нередко посещает.
- л. 71 724⁵ В семье был принят, как родной,◇
- 726–727 а. В старинном доме над Невой,⁶
 Как гостя милого, встречали,
 б. В старинном доме над Невой
 Его, как гостя, привечали,
 728 а. Он сразу стариков привлек⁷
 б. Но скоро стариков привлек
 Его изящный ум ()
 в. как в тексте
- 729 Его изящный слад (1 нрзб) дворянский,◇
- 731–737 а. Так был свободен и широк
 Его ума полет ()
 Что даже этому уму
 По доброте души прощали
 Противоречий () тьму
 ()
 Парадоксальный? Но ему
 Противоречия прощали,
 б. И был свободен и широк⁸
 Наш новый лорд в своих воззрениях,

¹ Текст: (Меж ними – разница ~ Загадку эту разреши!) на полях, место вставки не указано.

² В основе текста стихов 702–717 в ЧА_{III} на лл. 69–70 – ранний фрагмент 1911 г.

³ Ст. начат: Он

⁴ Ст. начат: Отец

⁵ В основе следующего далее текста стихов 724–879(на л. 71–80) – фрагмент 1914 г. Написан чернилами, позднейшая правка 1916 г. – карандашом

⁶ Ст. начат: Его

⁷ Далее ст. начат: ^а Богатством

^б Он

⁸ Далее начато: В своих воззрениях

- Но вежливость он соблюдал
 [И без малейшего презренья
 Он дамам ручки целовал.]
 И дамам ручки целовал
 Он без малейшего презренья.
 Его блестящему уму
 Противоречия прощали,
 Их затмевал таланта блеск,¹
 Как излученье некой силы.
 б. *как в тексте*
 744 а. Еще тогда его с людьми
 б. Еще с людьми его тогда
 747 а. Ему играть возможно было, (*вар. не зачеркнут*)
 б. Играть легко и (можно было)²
 748 а. И сам не знал он тьмы своей
 б. *как в тексте*
 749 Он часто запросто обедал,[◇]
 750–751 а. Бывало всех по вечерам
 Он очаровывал беседой
 б. Он часто всех по вечерам
 Живой и пламенной беседой³
 л. 73 752 а. И хоть юристом строгим был,
 б. (Хоть он юристом строгим был,
 в. (Юристом он ученым был,
 г. *как в тексте*
 754–755 а. Но Бенжамен Констан дружил
 В нем с Пушкиным и Штейн – с Флобером.)
 б. Не брезговал, и Штейн дружил
 В нем с Пушкиным, Констан – с Флобером).
 757 Все было для него не шуткой⁴
 761–763 *текста нет, на полях – набросок:*
 а. И вечно в крайности блуждать,
 И середина золотая ()
 б. Все в крайностях ()
 И середина золотая ()
 764–765 И ненавистное любовью
 Он мог порою окружить,⁵
 768 “Талант, талант”, – прошла молва[◇]
 769 Но, не гордясь, не уступая,⁶

¹ *Ст. начат:* Да и тала(нта)

² *Вариант содержит незавершенную правку:*

Играть легко и возможно было,

³ Пленял и занимал беседой

⁴ *Ст. начат:* В его речах

⁵ *Ст. начат:* Он окружал порою

⁶ *Ст. начат:* Но он

- л. 74 772–773 а. Себя самой пугаясь < >
 б. Себя самой страшась порой,
 Искала разрешенья в звуках
 в. *как в тексте*
- 779 а. Ложились < > руки,
 б. *как в тексте*
- 782 а. И как одежды лоскуты
 б. *как в тексте*
- 784–785 а. И капли с бледного чела
 Струились < >
 б. И¹ билась прядь волос на лбу
- л. 75 в. И прилипала прядь волос
 К челу, и был он полон дрожи,
 Как в час < >
 г. И прядь на властное чело
 Спадала, был он полон дрожи,
- 790 а. Какой-то милый – грустный, дальный,
 б. *как в тексте*
- 791 Невозвратимый никогда,
 793 И тишина, и тишина...
- 794 а. И эта тихая струна
 б. *как в тексте*
- л. 76 796 а. Что ж стало? Все, как быть должно:
 б. *как в тексте*
- 798 а. Порой потупленные взоры,
 б. Порой потупленные долу взоры...
- 799–801 а. Все – к одному, все, все, – одно...
 Событие тонкою чертою²
 б. Грядущее отделено³
 Всегда лишь тонкою чертою
 От настоящего. Он стал (*вар. не зачеркнуто*)
 в. *как в тексте*
- 802 Бывать в семье. Он красотою
- 805 а. Он обещал ей, как всегда.
 И дом в тюрьму⁴
 Он обратил < >
 б. *как в тексте*
- 806 а. Она поверила, робея.
 б. *как в тексте*
- 807 а. И дом родной ее – в тюрьму
 б. *как в тексте*
- 809 а. Он на тюрьму не походил).

¹ Ст. начат: И волосы

² Ст. начат: И

³ Ст. начат: Событие отделено

⁴ Ст. начат: Дом в тюрьму

- б. С тюрьмой не сходствовал тот дом).
 810–811 а. Но пусто < > чуждо стало
 Все, прежде милое, кругом.
 б. Но пусто ей и чуждо стало
 Все, прежде милое, кругом.¹
- л. 77 813 Его порывистых < > речей◇
 815 Сверлящих < > очей
- 816–817 а. Он – жизнь, он – солнце, он – стихия,
 < > героя (*слово вписано на полях*)
 б. *как в тексте*
- 818 а. И ей постылое родное
 б. И все постылое родное◇
- 819 а. Мешает ей, во всем,
 б. Претит, мешает ей во всем,◇
- 820 И лишь ее волненье множит,
 821 а. Она худеет и бледнея,
 б. Она худеет и бледна,◇
- 822 Она кокетничать не может,◇
 823 Она – безумна◇
- 824 а. А он – он медлит, он < >
 б. А он – он, точно силы копит,
 Он объясненья не торопит,²
 Он медлит, мучает < >
- в. А он – он медлит, сам не зная
 г. А он... – он вовсе сам не знает,
 825 Зачем он медлит, он умен –◇
 826 Его нисколько не прельщает◇
- л. 78 828 а. Нет, он умен < >
 б. Нет, он < > довольно тонок,◇
 829 Он³ прозорлив, чтобы не знать,◇
- 830 а. Как мучится < > ребенок,
 Как < >
 б. *как в тексте*
- 831 а. [Как] Что счастье дать < >
 б. Что он лишь может◇
- 833 а. Нет, нет... Его душа сама
 б. Нет, нет... Но замерли
 в. Нет... Но < >
- 834 Его порывистые страсти
 835–839 И ум холодный, ум жестокий
 Вступил в неожиданные права,⁴
 (И мукой жизни одинокой

¹ Ст. начат: Все, кроме

² Он, чтоб вернее, не торопит, (*Вар. вписан над строкой, не зачеркнут*)

³ Ст. начат: Чтобы

⁴ Ст. начат: Внезапно заслонил

- Его томится голова).¹
- 840–843 *текст* – вставка на полях карандашом:
 “Нет, он не любит, он играет², –
 Твердит она, судьбу кляня, –
 За что терзает и пугает³
 Он, беззащитную, меня.⁴
- 845 а. Он медлит, мучает < >
 б. Он медлит, сам чего-то ждет....”[◇]
- 847 Сейчас⁵ – большим крылом взмахнет,
 849 Чтоб жадно пить живую кровь⁶
- л. 79 852 Проклятого большого века,⁷
 853 Который сделал человека[◇]
 854 Носивших имя человека...
 855 Будь трижды проклят – подлый век![◇]
- 856–857 а. Другой бы < > на этом месте
 б. Другой (жених) на этом месте
 Боялся преступить порог,
 в. Другой жених на этом месте
 Бежал, отряс бы прах от ног,
 858 Но мой герой был очень честен,[◇]
- 859 а. Он обмануть ее не мог,⁸
 И все пошло неотвратимо
 б. Он обмануть ее не мог,
 861–863 а. И слишком знал, что Дон-Жуаном
 Быть – < > и поздно и смешно
 б. И знал < > давно,
 Что быть армейским Дон-Жуаном
 В тот век и поздно и смешно.
 в. И было знать ему дано,
 Что демоном и Дон-Жуаном
 В тот век – вести себя смешно.⁹
- 864–865 а. Да, все он знал, себе на горе,
 Все понимал < >
 б. *как в тексте*
- 866 а. В том общем и согласном хоре, (*вар. не зачеркнут*)
 б. В том дружном и согласном хоре,
 867 а. *как в тексте*

¹ Его пылает голова). (*Вар не зачеркнут*)

² Нет, он не любит, он пугает, –

³ За что играет и пугает

⁴ За что он, бедную, меня

⁵ *Ст. начат:* По (?)

⁶ *Ст. начат:* Чтоб кровь жи(вую)

Далее начато: а Из жертвы

б. Чтоб

⁷ Того < > века,

⁸ *Ст. начат:* Он не ушел

⁹ В наш век – вести себя смешно.

- 914–915 а. В семье – унынье, забытье...
 Где прежнее веселье ()¹
 Уют разрушен ()
 б. В семье – тоска ()
 в. В семье () жизнь скучная;
 з. как в тексте
- 918 а. И жить () путанно и трудно,²
 б. Жить стало путанно и трудно:◇
- 919 а. Да, над Россией – дым стоит.
 б. А над Россией – дым стоит.◇
- 920 Отец седеет, в дым глядит◇
- 921 а. Тоска! От дочки вести скудны!³
 б. От дочки вести скудны.
 в. Вестей от дочки мало
- 922 [И] И возвращается она...◇
- 923 И стан прозрачный тонок◇
- 925 И на руках – (лежит) ребенок.⁴

(ВТОРАЯ ГЛАВА)

- л. 149(1)⁵ Заглавие *отсутствует*; деления на строфы нет
 4 Простер совиные крыла,⁶
 л. 150 (2) 5 И⁷ не было ни дня, ни ночи,⁸

¹ Ст. начат: Всех

² Ст. начат: Да

³ Вар. а, б, в не зачеркнуты. Вар. б и в, как и весь последующий текст до конца главы – на л. 59.

⁴ Слов Конеч первой главы. и даты нет

⁵ В скобках – авторская нумерация листов Вступления ко Второй главе. Сверху листа позднее проставлена дата (карандашом), не зачеркнута: 1911. В верхней части л набросок (зачеркнут):

Печальный род, который я
 Хочу

Ниже наброска карандашом сделана запись, видимо, позднейшая (не зачеркнута, ср. то же в черновике продолжения Второй главы, который относится к 1921 г., а также в ЧА_{III} Первой главы, л. 46):

Настал “т и х и й в е ч е р в е к а”

На листе – рабочий заголовок: Самое начало поэмы – к нему помета (карандашом): нет еще; заголовок исправлен: начало 2-ой главы (дописан карандашом).

Рукопись имела лист-обложку (см. л. 148) с вариантами исправления рабочих заглавий:

^а П е т е р б у р г

К “Второй части”

(весна 1911).

^б П е т е р б у р г

(Из Второй главы [?])

Вступление

(весна 1911).

[осень] 13 стр.

⁶ Свои совиные крыла,

⁷ Перед ст. начато: Над

⁸ Далее ст. начат: В те

- 7 Он дивным кругом очертил¹
8 Россию, заглянув ей в очи²
9 Туманным взором колдуна:◇
10 а. *ст. начат*: Под говор
б. Под шопот сказки умной◇
12 И вот – забылась сном она,³
13 а. *ст. начат*: Забыв
б. Заслав невзгоды, бури, страсти...◇
14 а. Но и в глубоких чарах сна
б. Но даже и в глубоком сне
в. Но и под властью темных чар◇
15 Прекрасна милая страна.◇
16–18 а. Она, казалось, вся во власти⁴
Тех древних и нездешних сил,
Которые рукой железной
Петра – зажаты ()
б. Она, казалось, вся во власти
Тех древних, непокорных сил,
Которые рукой железной
В комок зажаты бесполезный...
в. *как в тексте*
л. 151 (3) 20 а. А он одной рукой кадил,
Бряцали цепи у кадила,
Синел благоуханный дым,
Молился он – кому?
б. *как в тексте*
21–22 а. И () росный ладан, тая,
Благоухал ()
б. И росный ладан тихо
в. И росный ладан расточая,
г. И росный ладан струйкою кудрявой
Всходил, колдун молился... Но
д. *как в тексте*
23–24 Бросал другой рукой костлявой◇
Живые души – под сукно.◇
л. 152 (4) 25 В те дальние, глухие годы◇
26 а. Был Петербург в красе

¹ а. [Он] Заколдовал и усыпил

Он Русь () вперив ей в очи

Свой ()

б Он колдовал (?) (*так в тексте*)

² а Россию, она ()

б Россию, взглянув ()

³ На полях против стихов 8–14 записано (не зачеркнуто):

(Усни под говор чудных слов)

Лерм(онтов)

⁴ Против стихов 15–16 на полях знак “?” (зачеркнут).

- б. Был Петербург еще страшней.◇
 28 а. Нева свои катила воды,
 б. Под крепостью катила воды,
 в. Пред крепостью катила воды,◇
 29 а. Хоть так же светились огни
 б. Хоть так же в крепости огонь
 в. Хоть в крепости < >
 Светились < >
 2. *ст. начат:* Горел◇
 32 а. *ст. начат:* На лихачах
 б. Летели мимо к островам,◇
 34 Коню навстречу, < > чуя,◇
 35 А черный ус, мешаясь с мехом,◇
 37 Я помню – также я, бывало,◇
 38 Летел, забыв весь свет, с тобой¹◇
 л. 153 (5)² 39–40 а. Но право в этом толку мало.
 Мой друг, чудесного в том нет...³
 б. Но, право, толку в этом нет,
 в. Но, право, проку в этом нет,
 Мой друг, и толку в этом мало...–
 2. Но, право, проку в этом нет,
 Мой друг, и счастья в этом мало...–
 41–42 а. В те годы чуть еще аела
 Востока страшная заря,
 б. *как в тексте*
 43 И чернь < > глядела◇
 44 а. < > страстно на царя
 Перед дворцами < >
 б. *как в тексте*
 45 Народ толпился пред дворцами,◇
 49 а. Сгоняли всех < >
 б. Народ сгоняли < >
 в. Сгоняли всех... “Ура! Ура!”◇
 52 С поклоном едет со двора...◇
 л. 154 (6)⁴ *далее вычеркнут текст:*
 Старушка радуется – плачет...⁵
 На Невском – масляничный вид⁶,

¹ Далее *ст. начат:* Туда, где

² В конце л. (рядом со ст. 51–52) дата: 14 марта. На полях – помета: Пришел Сологуб, (1 нрзб) знает, обедали тетя и он (на Монетной).

³ *Ст. начат:* Мой друг, в том нет < >

⁴ На полях л. 154 – дата: 6 марта и приписка: и Эльза

⁵ *Ст. начат:* ^а И после

^б Старух(а)

^в Старушка сгорбленная плачет...

Но отчего

⁶ *Перед ст.* – набросок:

Бредешь по улице < >

За неудачей – неудачи, < >

И на душе < >

- Но камень на сердце лежит,
И все – досады, неудачи...¹
Тут – даме наступил на хвост...
Свернешь в Гостиный Двор... все вейки,
Мастеровые, коцавейки...²
Скорей бы хоть Великий Пост!³
- л. 155 (7) Весна... Но солнце светит скупо,⁴
И с крыш холодная капель
Еще на несколько недель
За рыжий воротник наш тупо⁵
Прокаплет, спину холода...⁶
- л. 154 (6) 53 Весна... но солнце светит глупо;
56 *ст. начал:* а. Уже
б. Уж◇
- л. 155 (7) 61–64 *текст вписан*
62 а. Усатых сыщиков калоши
У подворотен месят грязь◇
б. *как в тексте*
63 Из-под ворот – поток несется,◇
64 *ст. начал:* а. И
б. Тат(арский князь) <)◇
- л. 156 (8) 69 ...Но перед белыми ночами◇
72 а. Огромный месяц за плечами
б. Весенний месяц за плечами◇
73 а. Вносил над нами красный лик
б. Вносил огромный красный лик
в. Румянил свой огромный лик◇
74 *ст. начал:* Перед лицом◇
76 а. Ты был и страшен и велик!
б. Зачем над бездной ты возник?⁷
- После 76 а. Был чуден окрыленный Ангел
На шпиле крепостном.⁸
б. Напрасно Ангел окрыленный

¹ *Далее:* а. До Пасхи – целых семь недель,

А солнце < >

б. И вовсе масляницы нет....

² *Ст. начал:* Все

³ Скорей бы что ль Великий Пост!..

⁴ а. Весна... Но солнце светит скупо,

б. Весна... Но солнце светит глупо,

⁵ а. За воротник нам каплет скупо

б. За воротник наш будет тупо

⁶ *Далее:* Бредешь – а ветер слева, справа,

В лицо – куда ни повернись.

⁷ *Ст. начал:* Какой ты

⁸ *Далее начал ст.:* а. Вонзен

б. Над

Над крепостью возносит крест...
 Беги от этих зыбких мест,
 От площади замороженной¹
 И опрозраченной зарей!
 Здесь незнакомая столица,²
 Здесь может страшный сон присниться,³
 Пред ним померкнет разум твой...⁴
 В те годы мертвые, глухие – ⁵
 Еще казалось, кое-как,
 Что Петербург – глава России...⁶
 Но уж Судьба давала знак:⁷
 77 Бывало – выйдешь ночью белой◇
 83 а. *ст. начат:* Для небес(ной)
 б. Для тверди Божьей невозможный◇
 85 а. Ты видеть мог, как Ангел⁸,
 б. Ты видел далеко, как Ангел,
 в. Ты видеть мог всю даль, как Ангел,
 л. 158 (10) 87 Тебе казалось: дивный флот,⁹
 88 а. Свои развертывая фланги,
 б. Развертывая властно фланги,◇
 89 Незримый занял всю Неву¹⁰;◇
 90–91 а. [И] И там – на головном фрегате.
 Стоит [он] Он, вождь заморской рати.◇
 б. И там – на головном фрегате,
 Стоит Державный Основатель,
 в. *как в тексте*
 Вм. 92–94 Как в страшном сне, но наяву:
 Мундир зеленый, рост саженный,¹¹
 Ужасен выкаченный взгляд;¹²
 Одной зарей окравленны

¹ От площади окровавленной

^{2 а} *Ст. начат:* Недоброе

^б Здесь все недоброе таится,

^в Здесь незнакомое таится,

³ Здесь может многое присниться,

⁴ Пред чем померкнет разум твой...

⁵ Но в эти времена глухие –

⁶ Что Петербург – не враг(,) глава России...

⁷ Один лишь был зловещий знак:

⁸ *Ст. начат:* а. [Тогда] Взглянув

 б. А там (?)

⁹ *Ст. начат:* Тебе

¹⁰ *Ст. начат:* [Незримо] Незримый

^{11 а} Огромный рост, мундир зеленый,

 б. *ст. начат:* Огромный

^{12 а} Ужасен выкатившийся взгляд;

 б. Ужасен выкаченный взор;

- И царь, и город, и фрегат...¹
 л. 159(11) Царь! Ты опять встаешь из гроба
 Рубить нам новое окно?
 И страшно: белой ночью – оба –
 Мертвец и город – заодно...²
 Что бедной принесут России, –
 Ее великие сыны?
 95–96 а. *ст. начат:* Так снил(ось)
 б. Так снилось в те года глухие
 в. Так грезилось в года глухие◇
 97 а. В тот час любовник запоздалый
 Спешил домой ()
 б. Да и народу было мало
 в. *ст. начат:* Да и лю(ей)◇
 98 На улицах – в рассветный миг...◇
 Вм. 99–100 Спешил, поднявши воротник,
 Домой любовник запоздалый,
 л. 160(12) Везла чухонка молоко, –³
 Не до того обоим было...
 А все, что правило, служило, –
 То почивало глубоко...⁴
 101 а. [А] Но за кормою барок сонных,
 Казалось ()
 б. Уже переливалась ()
 в. Рассвет ()
 з. Но в струйках, за кормами ()⁵
 д. Но день вставал. Он за кормами
 В струях ()

³ Далее начато: а () Царь восстал из гроба
 б Так мертвый царь встает из гроба,
 Чтоб ()
 в Так Царь встает рубить из гроба
 В Европу новое окно,
 з Так Царь встает из гроба
 Рубить нам новое окно,
 [И страшно нам и ясно: оба –
 Мертвец и город – заодно,
 [И страшно: и () оба –
 Мертвец и город – заодно,
 [И страшно нам: () оба –
 Мертвец и город – заодно,]

⁴ Далее: а Что принесут они России?
 () великие ее сыны
 б Что принесут они России, –
 Ее великие сыны?
 в Чем ()

¹ а Несла чухонка молоко
 б Трусил чухонец с молоком,
 И всё...

² Еще дремало глубоко...

³ Но в струйках под рулями барок
 Алел ()

- е. *как в тексте*
 102 Уже грядущий день блестел,¹◇
 103–104 а. И ветер утренний играл
 Раскинутыми вымпелами.
- б. *как в тексте*
 л. 161 (13) После 104 *вычеркнуты отрывки:*
 (1) [А день] А в небе разрастались перья
 Уж золотистых облаков²
- (2) Друзья ль они? Враги ль России?...
 Так снилось нам в года глухие:³
 Уже кровавилась заря,
 Грозя девятым января...
 105–106 а. Раскинувшись необозримо,⁴
 Уже кровавилась заря
- б. *как в тексте*
 108 а. Грозя девятым января...
 б. И мстя девятым января...◇
-
- После 108 А мой герой – был юн и глуп
 В те незапамятные годы.
 (Ему до самых “дней свободы”
 Мамаша в рот вливала суп.)⁵

⟨ТРЕТЬЯ ГЛАВА⟩

Заглавие *отсутствует*

Перед текстом – обозначение главки: 1.

л. 287^б 1–24 а. *стихи 1–4 – как в тексте, далее – сокращенная запись, зачеркнута:*

¹ Уже грядущий день играл,

² *Ст. начат:* Уже преддневных

³ Так в эти времена глухие:

⁴ *Ст. начат:* ^а Перед

^б И

⁵ *Текст в скобках заключен в большие скобки, чем, вероятно, выделена его незавершенность.*

Даты в конце ЧА_{III} нет

⁶ *В верхней части л. – дата: 9 сентября 1911.*

Рукопись имела отдельную обложку (см. л. 220) с несколькими вариантами заголовков где подразумевались “редакции” главы, а не поэмы в целом

^а Отец, Польша.

Вторая редакция

[к поэме]

^б Отец, Польша.

(Третья редакция (осень 1911)).

[33] 35 стр.

(*Вариант заголовка не зачеркнут.*)

^а [Часть III]

Позднее добавлена запись (карандашом) о количестве страниц переписанного набело, но не полностью, текста Третьей главы (БА_{III}):

и переписанное

(36 стр.)

- Жандармы.....
 сталью...
- л. 285–286 1–23 б. *как в тексте*
 24 Поблескивает верной сталью.◇
 25–27 *перед стихом 25 – обозначение главки: 2.*
 а. *текст начат:* Бесснежной вьюгой
 б. Вокзала грязного перрон,
 Освистанный бесснежной вьюгой,
 Широкой Вислы серый сон
 И мост над Вислой, как тюрьма.
 Все дышит скукой ()¹
 в. *как в тексте*
 28 а. *ст. начат:* И (1 нрзб)
 б. *ст. начат:* Отец, сраженный злым и◇
 29–30 а. Все внове баловню судьбы –
 Он даже в этот миг печальный²
 Хотел ()
- л. 288 б. *как в тексте*
 После 32 *ст. начат:* [В] [В Варшаве] [Над Польшей] [В]
 34 В печальном свете фонаря◇
 После 36 *начато:*
 а. Идет – а ветер метет пред ним
 Сухую пыль ()
 Чего-то радостного ждет
 Он здесь ()
 б. Идет и ветер ()
 в. Сухую пыль◇
 40 *ст. начат:* Да пыль сухая◇
- л. 289 41 а. И с нетерпеньем
 Названья улиц он читал...
 А ветер плиты обметал
 б. Но сходит ночь. Трещит мороз,◇
 43 И улиц скучные названья...◇
 44–48 а. Вот, наконец, “Аллея Роз”!...
 Невыносимая минута:³
 Вот комната освещена,
 В квадрате светлого окна
 Стоит отец ()
 б. Вот, наконец, “Аллея Роз”!
 Неповторимая минута:⁴

¹ *Ст. начат:* На всем

² *Ст. начат:* Он даже в этом

³ а. *Какая тяжкая минута*

б. *Но... странная минута:*
 В квадрате

⁴ *Далее зачеркнуто:*

Все зданье в сон погружено,

- Одно лишь светится окно;¹
 В окне – оборотясь к кому-то
 Незримому, стоит отец,²
 И нервно курит, рассуждая...
- в. Но сходит ночь. Трещит мороз.³
 И ветер плиты обметает...⁴
 Названья улиц он читает...
 Вот, наконец, “Аллея Роз”!⁵
 О. беспокойная минута...⁶
 В квадрате светлого окна
 Стоит отец ()
 И что-то говорит кому-то...⁷
 “Так жив еще...”⁸
- л. 291 г. *как в тексте, с правкой в ст. 47:*
 В квадрате светлого окна[◇]
- л. 292 51–53 а. И смотрит сын, едва дыша:⁹
 Внезапно, точно в сон, душа
 Его попала молодая,
 Он равнодушно думал: “Жив...
 Опять почтительный и нудный
- б. И смотрит сын, едва дыша:
 Как будто в серый сон, душа
 Его упала молодая,
 И злую мысль не отогнать:¹⁰
 Как будто в сером сне душа¹¹
 Его застыла молодая,

¹ *Далее:* а И в нем отец твердит кому-то,
 Кого не видно

^б Стоит

² *Далее:* а Должно быть, () нервно курит,

^б И нервно курит, рассуждая...

() видны в окне

³ а [И] Ночь надвигается. Мороз

Крепчает. Ветер ()

^б *Ст. начат:* Ночь приближается

⁴ И ветер обметает плиты...

Усталый сын ()

⁵ *Далее:* И двухэтажная больница...

“Здесь умирает мой отец!...”

⁶ *Далее:* а Фигуру темную отца

^б Стоит он сгорбясь и кому-то

^а Одно окно освещено

^б Внизу окно освещено

⁷ Он что-то говорит кому-то...

⁸ “Так жив он...”

⁹ *Ст. начат:* а Сын

^б И сын, едва дыша –

¹⁰ а И мысль холодная приходит

^б И мысль жестокая приходит

¹¹ Как будто в серый сон душа

- 292 54–55 Он жив еще! В чужой Варшаве
Я проведу с ним[◇]
- 56 Юристов¹ с ним критиковать...”
- 58 Сын² быстро входит в ворота[◇]
- 59 (Уж дверь больницы заперта)[◇]
- 60 *ст. начат:* [Он] И[◇]
- 62 *ст. начат:* [Он] Идет он[◇]
- л. 293 65–67 а. Вдруг свет, и заспанный поляк
Ему дорогу преграждает
И сонно { }
- б. Свеча мелькает... Сонный господин
Ему загородил дорогу
И спрашивает { }
- в. *как в тексте*
- 77 *ст. начат:* а. Давно ли
б. Он празд(?)
- в. “Он отдохнуть, хотя (б) теперь...”^{3◇}
- 78 Так думал сын, спокойным взглядом[◇]
- л. 294 81 а. Глядит туда, где три свечи,
Сюртук { }
- б. Глядел туда, где свечи, вдруг^{4,◇}
- 82 а. Под ветерком неосторожным
Склонив огни, { }
- б. *как в тексте*
- 83 Склоняясь, озарит тревожно⁵
- 84 Лик желтый, туфли и сюртук[◇]
- 85 а. И вновь ночн(ые) (?)
- б. И вновь рисует, выпрямляясь[◇]
- 86 Другие тени на стене.)
- 88–89 а. И сын уже { } тоскует:
Где ж праздник смерти? Слишком тих
Отцовский лик – где жизни буря?
- б. *как в тексте*
- 90 Где ж язвы дум, морщины муки,^{6◇}

¹ *Ст. начат:* У(хаживать)

² *Ст. начат:* а Но сын
б. Сын

³ Чтение *вар. предположительно.*

⁴ *Далее начато:* а Взыграв от
б Метнув огни
в Склонив огни под
г И озарят тревожным светом
д И бросят
е И озарят

⁵ *Ст. начат:* Склоняясь, свер()

⁶ Где же { } годы муки
И { }

- л. 295 93–95 а. Уж ночь дошла до половины –
 Покойник может быть один.
 Уходят все.
- б. Уж поздно, полночь, покойник
 Сегодня может спать один.
- в. Но все утомлены. Покойник¹
 Сегодня может спать один.
 Уходят все. Один лишь сын,²◇
- 96 а. Склоняюсь⁴ над трупом, как разбойник³,
 б. Поник над мертвым, как разбойник⁴
 в. Поник над трупом, как разбойник,
После 96 наброски к стихам 97–103 (зачеркнуты):
- а. Стремится на лице прочесть
 б. Стараются хоть как-нибудь⁵
 Стащить кольцо с руки холодной,⁶
 Но трудно пальцы разогнуть
 в. Снимает стертое кольцо⁷
 С руки, давно окостенелой,
 И пальцы разгибая, смело
 Глядит на мертвое лицо...⁸
 И только преклонив колени,
 Склонившись близко к мертвецу,
На л. 297 набросок к тем же стихам (зачеркнуто):
 [Старается хоть как-ни(будь)]
 Старается хоть как-нибудь
 Стащить кольцо с руки холодной,
 Но трудно пальцы разогнуть...⁹
 И вдруг взглянул
- л. 296 97 Старается упорно снять◇
 99 а. (Не легкое () дело
 б. (Неопытный не может смело
 102 Склонившись близко к мертвецу◇
 103 Увидел он, какие тени
 104 а. Бегут по этому лицу...

¹ *Ст. начат:* Но поздно, холодно.

² *Ст. начат:* И все ушли

³ *Ст. начат:* Как

⁴ Поник над телом, как разбойник,

⁵ а Рукой дрожащей как-нибудь

Старается ()

б. Старается хоть как-нибудь
 [Ко(лицо)] Отнять кольцо

⁶ Стянуть кольцо с руки холодной

⁷ Старается стянуть кольцо

⁸ Глядит на темное (?) лицо

Далее ст. начат: а И видит

б Теперь он вид(ит)

⁹ Но трудно пальцы разомкнуть...

- б. Легли вдоль этого лица...
- 105 а. Окончен труд. Кольцо снялось
С холодных, непокорных пальцев
- б. Ст. начат: Но[◇]
- 106 Кольцо спользнуло в мягкий гроб,[◇]
- 107 Сын окрестил отцовский лоб,¹
- После 108 ст. начат: а. Отверженных ()
б. Вот праздник (смерти)
- л. 297² 110 а. Поправил осторожно руки
- б. Поправил образок и руки[◇]
- л. 298 Перед 113 *сверху листа – обозначение главки: 3; далее зачеркнуто:*
И поплелись часы и дни,³
Как⁴ издыхающие клячи
(Нельзя нам чувствовать иначе –
С ума сводили нас они).⁵
- 115 Сквозь скуку панихид, обедни,⁶
- 117а. Отец лежал прямой и строгий,
- б. Отец лежал простой и строгий,[◇]
- 118а. Виднелся черный клок волос,⁷
- б. Торчал волос примятый клок,[◇]
- 119 Все больше тайною тревогой⁸ [◇]
- 120 Вскрывался рот,⁹ сгибался нос,[◇]
- 121 Улыбка¹⁰ жалкая скривила[◇]
- 123 Но разложение – красота¹¹
- л. 299 125 И в этой мертвой красоте[◇]
- 126–128 *на л. 293 – набросок (зачеркнуто, следовал после ст. 76):*
Забыл он долгие обиды,
Чтоб улыбнуться суете
Чужой военной панихиды
- 127 Чтоб улыбнуться суете[◇]
- 131 Цветами дама убрала[◇]

¹ Далее начат ст.: На нем (прочтя)

² На л. 297 об. – отдельный вариант (зачеркнут):
А сын – с заржавленной душой?)

³ И потекли часы и дни,

⁴ Ст. начат: Да

⁵ Весь зачеркнутый текст отмечен на полях знаком “?”

⁶ Сквозь скуку панихид, обеден

⁷ Ст. начат: а. И черный клок во(лос)

б. Над лбом

После ст. начато: Все больше

⁸ После ст. – запись (зачеркнута):

Спяли гроб

⁹ Ст. начат: а. Кривился

б. Вскрывался рот (прочтение предположительно)

¹⁰ Ст. начат: Но

¹¹ Ст. начат: Но смерть

- 133 Потом пластом бесспорным лег¹◇
 134 Свинец на ребра гробовые.◇
 После 136 *зачеркнут вар. ст. 137–140 (он затем переписан набело на л. 300):*
 От паперти казенной прочь
 Тащили гроб, давя друг друга.
 [Все так же голосила вьюга.]
 Бесснежная визжала вьюга.
 Злой день сменяла злая ночь...
 л. 300 139–140 Злой день сменяла злая ночь,
 Бесснежная визжала вьюга...
 144 *после стиха – отсылка: дальше – см(отри)
 2 ред(акцию). Имеется в виду текст ст. 145–164
 на л. 226–227 (см. вторую редакцию).*
 л. 301 165–166 а. И сын глядел, прозреть пытаюсь
 Хоть ()
 б. А сын глядел, украсть пытаюсь
 У ()
 в. А сын глядел, найти пытаюсь
 В ночи хоть узкое окно,
 г. А сын глядел, найти пытаюсь
 Хоть в желтой яме что-нибудь,
 [Но]
 168 В большое серое пятно.²◇
 После 168 *зачеркнуто:*
 а В те дни над Польшей тосковало
 И гибло, верно, что-нибудь,
 б. В те злые дни надежд не мало
 Умчалось в пустоту небес,³
 Где что-то выло, тосковало,⁴

¹ а Потом от головы до ног
 Свинцом ()

^б *Ст. начат:* Потом на ребра

² *Далее начато:*

^а И над

^б И в эти дни

^г И в эти дни надежд не мало

Утратил сын,
 В пустые [глядя] небеса глядясь,
 Где что-то

^д В те

^е У той

^ж И в эти дни

^з И в сером небе

^и [Что утратил] И что утратил

³ а Ушло в пустые небеса,

^{б.} Ушло в туман пустых небес,

⁴ *Ст начат:* Где что-то

- Как будто в ветер вселился бес,¹
 а. Что было в этой смерти сыну?²
 Стоял он, голову склоня,
 Как будто сердце хороня³
 В чужую пористую глину,
 169–170 И чувствовал, как стынет кровь...
 Три дня, как три тяжелых года...
 171 Людская пошлость? Иль погода?⁴
 172 Или – сыновняя любовь?⁵
 л. 303 После 172 *зачеркнуто:*
 Едва ли... В эти дни немало
 Надежд умчалось в дым небес,
 Где что-то выло, тосковало,
 Как будто в ветер вселился бес...⁶
 Недаром в эти дни над Польшей
 Рыдала вьюга без конца...⁷
 Да, сын любил, жалел отца,⁸
 Но в столах вьюги было больше...⁹
 Вм. 173 Отца он никогда не знал;
 Отец от первых лет сознания
 Вм. 176 Живя в различных городах
 Вм. 178–179 Столь чужды во всех путях¹⁰
 л. 304 После 184 *начато и зачеркнуто:*
 а. И помнил сын, как в детстве
 б. От(ец) (?)
 в. И [по(мнил)] сын запомнил тяжесть взгляда

¹ а Как будто в ветре прыгал бес,

Далее начато: [Где]

[И впрямь над Польшей эта вьюга

Недаром злобствовала так]

[Надежд утратил он не мало...]

[И ветер, листьями шурша]

² *Далее начато:* И отчего он тосковал,

[Он чуял]

Как будто душу закопал

В чужую пористую глину,

И впрямь состарилась [душа] она,

В короткий срок

Как будто десять лет минуло

³ а Как будто сердце хоронил

⁶ Как будто душу хороня

⁴ Воспоминанья? Иль погода?

⁵ *Далее начато:* а. Иль вправду в эти дни

б. Иль в эти дни

в. Не знал

⁶ *Далее начато:* Иль

⁷ Визжала вьюга без конца...

⁸ Да, сын жалел отца,

⁹ Но в столах ветра было больше...

¹⁰ *Ст. начат:* Т(ак чуждые)

- После 186 *зачеркнуто:*
 (У сына было много дум,
 И думы были молодые...)
- 187 Грязня туман сыновних дум¹
 188 (А думы нежные, младые...)◇
- л. 305 193 *ст. начат:* Сын помнит: детская◇
 195 а. А он кружит пред ним
 б. Сын прыгает пред ним, резвясь,
 В каком-то () тумане
 в. А он вертится◇
- 196 *ст. начат:* Пред ним в чаду◇
 197 а. Вдруг – точно бес его толкает
 б. И (злое, глупое, дитя!)◇
 201 Тот вскрикнул, побледнев от боли...²◇
 202 а. Вскочил с дивана. Этот крик◇
 203 С внезапной силою возник³◇
- После 206 *начато и зачеркнуто:*
 а. И в(етра)
 б. Земля
 в. И холм
 г. Могилу струйкой обтекает
- л. 306 207 Гонимый ветром старый лист◇
 208 *ст. начат:* Могилу◇
 209 Неудержимо – и светло...⁴
 210 а. Вся в черном – и за черным флером
 б. Вся в трауре – за покрывалом
 Не видно черт. Н(икто)
 в. Никто с ней не знаком. За флером
 Не разглядеть лица⁵
 г. Никто с ней не знаком. Чело
- 212 Закрыто траурной фатою.
 212–213 а. И что за ней? Или ()
 б. Что там? Безумной красотою⁶
 Оно сияет? Иль ()
 в. Невиданною красотою
 Оно сияет? Или там
 г. *как в тексте*
- 214 Лицо поблекшее старухи◇
 217 И не она ль, стояла там, у двери,⁷◇

¹ *Ст. начат:* Смущая

² *Далее ст. начат:* Сын помнит

³ *Ст. начат:* В ушах

⁴ *Ст. начат:* Неудержимо, вся

⁵ *Ст. начат:* Лица не вид(но)

⁶ *Что там?* Небесной красотою

⁷ *Ст. начат:* И не она ли

- л. 307 218 В больнице с сыном стерегла?...◇
 После 220 *начато и зачеркнуто:*
 а. [И сын] И жаль отца
 [Как будто светлый луч погас...]
 И светлый луч погас...
 б. [Сын будет помнить этот час,]
 Сын долго помнит этот час,
 За то { }
 в. По-новому { }
 222 Он тоже получил от детства
 224 Education sentimentale.
после ст. – знак разделения текста (на главки)¹
- л. 308 225–226 а. Не кончились мытарства сына
 Похоронами. В отчий дом
 б. От похорон и от обедней
 Избавлен сын. Но в отчий дом
 227 Идет он. Мы туда войдем◇
 228 За ним, чтоб бросить взгляд последний◇
 229 На жизнь отца (чтобы уста²
 232 Сырая, грязная квартира;
 Вм. 238–288 *После ст. 237 (“Он был профессор и декан,”) в конце л. 308 – рабочая помета: дальше см. 2-ая ред. Помета указывает на продолжение текста по более ранней его редакции. См. текст в гл. 8 ЧА_{II} на л. 231–236 (“Имел ученые заслуги; ~ Сей современный Гарпагон.”). Ср. в БА_{III} Третьей главы – на л. 279–282 (большая часть гл. б).*
- л. 309 Перед 289 *Сверху л. 309 – помета: После “Правдивы вы...” – а на полях – другая: После: “И чувства и мечты мои...” Пометы связаны с отсылками на л. 307 и 308 ко второй редакции: ими обозначены границы текста ЧА_{II}, начиная со ст. “Правдивы вы – и без прикрас,” и кончая ст. “И чувства и мечты свои.” (гл. 7 в ЧА_{II}), исключаемого из новой редакции.*
 289–292 а. Так жил отец. Читатель, будешь
 Бранить, наверно, ты его.
 Я знаю, как ты строго судишь
 б. Так жил отец: скупцом несчастным,
 Забытым миром и собой,
 в. Так жил отец: скупцом ужасным,
 Забытым миром и собой,
 Псом одиноким и несчастным

¹ В конце л. 307 – запись: продолжение было “Правдивы вы” и т.д. Имеется в виду последовательность текста во второй редакции (см. ЧА_{II}, гл. 7 и начало 8), от чего намечено отступление в новой редакции текста.

² Ст. начат: На жизнь ужа(снужу)

В жестокой драке городской.¹
^{2.} *как в тексте*
 После 292 *следует текст (позднее зачеркнутый при его переработке и включении в стих. "Да. Так диктует вдохновенье..."; см. далее авторские пометы):*
 Читатель, ты жестоко судишь,
 Ты с оправданьем не знаком,²
 Я знаю, злобствовать ты будешь
 Над мертвым³ грязным стариком.⁴
 Но ты прости мне эту малость:
 Поэта чистая мечта⁵
 Все льнет туда, где унижение,⁶
 Где грязь, и мрак, и нищета,⁷
 И я люблю сей мир ужасный,⁸
 За ним сквозит мне мир иной,⁹
 Неописуемо прекрасный¹⁰
 И человечески-простой...¹¹
 л. 311 "А если ты не жнешь, не сеешь,¹²
 Коль ты," так просто – человек",
 То что ты знаешь? Что ты смеешь¹³
 Судить в безумный этот век?

¹ *Ст. начат:* Среди

² Пока ты сам здоров и сыт,
 И, знаю, злобствовать ты будешь

³ *Ст. начат:* Над грязным

⁴ *Далее ст. начат:* Что

⁵ Поэта вольная мечта

⁶ ^a Всегда взывает там, где горе, жалость

⁶ Всегда блуждает там, где горе, жалость

⁶ Всегда блуждает там, где унижение,

⁷ Где мрак, и грязь, и нищета,

⁸ И я люблю сей дух ужасный,

⁹ *Ст. начат:* ^a Где

⁶ В них

⁶ В нем предстоит мне мир иной,

¹⁰ ^a Иной – невысказано прекрасный

⁶ Иной – не () прекрасный

¹¹ *Переработанный вар. текста "Но ты прости мне эту малость ~ И человечески-простой..." (на л. 310) вошел в стих. "Да. Так диктует вдохновенье..." См. его в разд. "Другие редакции и варианты" т. 3 наст. изд., с. 284.*

¹² ^a *Ст. начат:* А если это

⁶ А если ты иному миру

Не веришь

¹³ ^a И что ты знаешь? Что ты можешь

⁶ И что ты знаешь? Как ты можешь

Судить в безумный этот век?

Ты видел ли детей в Париже?

[Когда я вспомню [ужас жизни] жизни ужас,

Я (1 нрзб) () да, он прав!]

Ты был ли жалок и унижен¹
 Болезнью, голодом, тоской?
 Ты видел ли детей в Париже
 Иль нищих на мосту зимой?²
 На непроглядный ужас жизни
 Открой скорей, открой глаза,
 Пока великая гроза
 Все не смела в твоей отчизне!³
 И пусть он зреет, правый гнев,
 Не там, где тяжело жизни бремя...
 Чудак мой злое сеял семя,⁴
 Но не бесплоден был посев...⁵
 л. 312 Он прав⁶ хоть тем, что жизни этой⁷
 Румяна жирные отверг,
 И, как пугливый крот, от света⁸
 Зарылся в землю – и померк,⁹
 Всю жизнь жестоко ненавидя
 И проклиная этот свет,
 Пускай – грядущего не видя,
 Но существу сказавши: “Нет!”¹⁰

¹ *Ст. начат:* ^a Ты падал ли
^b И сам ты падал
^c Все, что несчастно, к небу ближе,
 () ниже
² Все, что несчастно, к небу ближе,
 Ты был ли жалок и унижен?
 Томим болезнью иль

² *Ст. начат:* ^a Ты видел
^b Иль нищих на мосту зимой?
^c Зимой нищих на мосту?

³ *Далее начато:* Клеймом на совести людской
 Лишь не на тех, кто нищ и жалок

⁴ *Ст. начат:* ^a И мой старик
^b Старик мой злое сеял семя,

⁵ И не бесплоден был посев...

⁶ *Ст. начат:* Он прав уж

⁷ *Далее ст. начат:* ^a Взглянул в бесстыдное лицо
^b Взглянув в бесстыдное лицо
^c Бесстыдное лицо он ()

⁸ *Ст. начат:* Ушел, как () крот, от света

^b Что, как пугливый крот, от света

⁹ *Далее ст. начат:* ^a Едва влача существованье
 И ненавидя
^b () жестоко ненавидя
^c Жестоко ненавидя свет,

¹⁰ *Против текста «"Зарылся в землю – и померк, ~ Но существу сказавши: "Нет!"» – на полях запись карандашом: !0!0!0! Трескотня(,) Мист(ический) анархизм!*

Переработанный вар. текста «Он прав хоть тем, что жизни этой ~ Но существу сказавши: "Нет!"», вошедший в стих. "Да. Так диктует вдохновенье...", о чем в конце л. 312 сделана авторская запись (Отдельн. стих.), не воспроизводится. См. его в разделе "Другие редакции и варианты" т. 3 наст. изд. См. также примеч. выше к тексту "Но ты прости мне эту малость ~ И человечески-простой..."

- После 293 *После ст. “А сам... он знал иных мгновений” следует отсылка: дальше – 2-ая ред. Речь идет о включении в ЧА_{III} текста главок 12, 9 и 10 ЧА_{II}: 12-й со ст. “Незабываемую власть!”; 9-й полностью, 10-й – также полностью. См. об этом помету о продолжении текста ЧА_{III} на л. 313 вслед за последним ст. гл. 10: после “Безмолвен пан... 92-ая ред.)*
- Вм. 294–352 *См. текст ЧА_{II} на лл. 246–247, 239–242 указанных выше главок.*
- 353–356 *текста нет*
- л. 313 357–358 а. *Еще кафе и рестораны¹
Светлы – и шумен “Новый Свет”.*
- б. *Еще светлы кафе и бар’ы
Торгует телом “Новый Свет”, (вар. не зачеркнут)*
- в. *Еще светлы Cafe и Ваг’ы,
Торгует телом “Новый Свет”,*
- 359 *Кишат бесстыдные троттуары,*
- 360 *Но в переулках – жизни нет²*
- После 361 *зачеркнуто:*
- Лишь изредка под фонарем
Мелькнет бесстыдное свиданье,*
- 363 *ст. начат: Крутясь[◇]*
- 365 *ст. начат: Он – тихий, белый[◇]*
- 366 а. *Он – старый, белый, вечный*
- б. *Он – тихий, чистый, белый[◇]*
- л. 314 [30] 38 369 *Пока бесцельно и печально^{3◇}*
- 373 *ст. начат: а. И*
- б. Уснули мысли[◇]*
- 374 а. *ст. начат: Все*
- б. *В [глазах] пустых глазах[◇]*
- 375 а. *Как будто сердце в долгой думе*
- б. *А сердце в неотвязной думе*
- в. *Как будто сердце от страданья[◇]*
- После 377 *зачеркнуто: <3 нрзб>*
- 378 *ст. начат: Вот[◇]*
- 379 *ст. начат: Ласкается и подползает[◇]*
- 381 а. *И сердце хладом обуяла*
- б. *И сердце торопливо <1 нрзб>*
- в. *И сердце торопливо смяла[◇]*
- л. 315 385 *ст. начат: И он согнувшись[◇]*
- 386 *А будто с кем-то страшным вместе...[◇]*
- 389 а. *ст. начат: Но*
- б. *Уже скоро Висла, смежный ад*

¹ *Перед текстом – помета: после “Безмолвен пан...” (2-ая ред(акция)). См. об этом выше.*

² *Ст. начат. Но в переулках – св(ета)*

³ *Ст. начат: Пока ты*

- 390 *ст. начат:* а. Незащи(щенный?)
 б. Никто (?) не
 в. Защиты[◇]
- 391 От холода стуча зубами,[◇]
- 392 а Он снова повернул назад,
 б. Он повернул опять назад,
 в. Он повернул скорей назад,
- 393–394 а. Опять из снежной мглы Коперник
 Над сферой в думу погружен...
 б. *как в тексте*
- 395–396 а. (А сзади – друг, или соперник –
 Идет тоска...) И вправо он
 б. *как в тексте*
- 397 а Поворотил – тащится в гору;
 б. Поворотил – немножко в гору;
- 398–399 а На миг мелькнула перед ним
 Громада скучная собора
 б На миг скользнул усталый взгляд
 По православному собору
 в *как в тексте (вар. зачеркнут и на полях слева отчеркнут,
 против ст. поставлен знак №)*
- л. 316 400–401 *ст. зачеркнуты, на полях слева отчеркнуты, против них
 поставлен знак №; против ст. 400 записано: пошлость (за-
 черкнуто вместе со ст.).*
- 405 а. *ст. начат:* Уже часы он
 б. Какой-то
 в. Той непреодолимой дрожью,
 Которая начавшись раз,
 з. *как в тексте*
- 406 *ст. начат:* Она[◇]
- После 409 *начато и зачеркнуто:*
 а *ст. начат:* Уж над
 б. Уж на Варшаву сходит сон,
 Все пусто ()
- 411 а Уже стихает даже вьюга¹
 б. Стихает вьюга вой[◇]
- л. 317 417 а. В бездушном, как она сама!...
 И сердце пусто ()
 Холодное, как ночь сама,
 б. В жестоком, как она сама!...
 И сердце ()
 То сердце каменное ()
 в. О, холодна ты, ночи тьма,
 з. О, хладен (?) взор твой, ночи тьма,[◇]

¹ *Ст начат:* С(тихает)

- 418 а ст. начат: Твое
 б. И < > сердце глухо[◇]
 419 Без веры, без огня, без слуха,[◇]
 После 420 *зачеркнуто:*
 И страшно моему герою,
 421 Лишь снег еще порхает –[◇]
 422 Он все нарядит, оснежит¹ [◇]
 423 Он мертвое засыпет тело,[◇]
 л. 318 [34] 42 427–428 а. Идет... (Один остался след
 За ним, но их, как было, двое...)
 б. *как в тексте*
 429 Тоска, тоска плетется вслед за ним.[◇]
 431 Какого-то большого сада...
 432 ст. начат: Здесь пр(ислонился)[◇]
 л. 318 об. После 432 *начато и зачеркнуто:*
 а. Вот < >
 < >
 б. И у решетки длинной сада
 Стоит и мерзнет мой герой...²
 Куда еще идти? Нет мочи³
 Бродить по городу всю ночь
 л. 319 433–460 *Текста нет; его включение в ЧА_{III} (из ЧА_{II} – см. главу 11
 на л. 243–245) намечено рабочей пометой: После “А мир
 прекрасен, как всегда”. Сделана карандашом сверху л. 319,
 отчеркнута. Выделение последнего ст. фрагмента “Когда
 ты загнан и забит...”⁴ обозначает и введение самого фраг-
 мента в ЧА_{III}, и продолжение после него темы “сына”.
 План и наброски к теме, тоже карандашом, следуют после
 рабочей пометы:*
 Я стою ночью у решетки Саксонского сада и
 слышу завывание ветра, звон шпор⁵ и хrap
 коня. Скоро все сливается и вырастает в опреде-
 ленную музыку. Над Варшавой порхают боевые
 звуки – легкая мазурка.
 Цынцырны – цынцырны – цынцырны – цыцы

 И пахнет клевером с берегов Немана. Что за
 чудеса? Я замерзаю и слышу во сне райские
 звуки. Меня пробуждает...

 ос(ень) 1911.

¹ Ст. начат: Невинный

² Стоит печальный мой герой...

³ Ст. начат: Ещ(е)

⁴ Включение в текст Третьей главы стихов 433–460 (“Когда ты загнан и забит ~ А мир пре-
 красен, как всегда.”) намечено в более раннем плане на л. 315 об (см. в набросках третьей редакции
 № (7))

⁵ завывание ветра, звон шпор/завывание ветра и звон шпор

Ты, только ты, ночная панна...
И за тебя, моя свобода,
Взойду на черный эшафот.

ос(ень) 1913.

Очей какое-то пыланье...

Варианты белого автографа Пролога и Первой главы (БА_{III} ИРЛИ)

- Заглавие Пролог
98 (1) *на полях л. 1 помета*: Первая глава с Прологом
(80 ст(ихов)) – 1019 стихов.
99 (2) 24 В смятенье падает у ног!◇
После ст. – обозначение строфы: II. (зачеркнуто)
100 (3) 40 *После ст. – обозначение строфы: III. (зачеркнуто)*
101 (4) 57 *После ст. – обозначение строфы: IV. (зачеркнуто)*
70 Два-три звена, – и уж видны◇
102 (5) 80 *После текста – дата: 1911. (зачеркнута)*
- Заглавие Первая глава
104 (7) 38 Дипломатическим путем,◇
105 (8) 52 *После текста – дата: 1911, (зачеркнута); здесь
же зачеркнутое обозначение части: 2.*
109 (12) 141 Ночей без сна и без рассвета,◇
145 Болезнь, усталость, боли, голод,◇
110 (13) 147 *слова Зальдевших ложементов подчеркнуты карандашом*
110 158 *слова дело трудное их заключены в скобки (помета каран-
дашом)*
111 (14) 178 Так высоко, за что им ◇
113 (16) 212 *ст. начат: А тех*◇
220 У нас в глазах пестро от света◇,
114 (17) 242 Уж ванька, тумбу огибают,◇
115 (18) 270 Ты за толпой вослед уйдешь.◇
116 (19) 273 Пусть этот человек и зданье –◇
275 а. *как в тексте (вар. не зачеркнут)*
б. Ты занят важными делами, *(правка карандашом, над строкой)*
281 Со страху бы ты рот разинул◇
118(21) 316 *слово одет заключено в скобки (помета карандашом)*
121(24) 384 Не всякий может быть героем,◇
388 Так вечных перемен она полна,◇
122(25) 411 *против ст. Семейство – вздор, семейство – блажь, на полях
вписано слово пережиток (помета карандашом)*
123(26) 417 *слово часы заключено в скобки (помета карандашом)*
125(28) 460 Ему, пожалуй, русских ближе◇
463–464 а. *как в тексте (вар. не зачеркнут)*
б. Он – ярый западник во всем –
В душе же – старый барин русский, *(правка карандашом, на
полях)*

- 126(29) 486 Записку кто-то подослал ◊
 129(32) 546 а. Сестру резоня с горяча, (вар. не зачеркнут)
 б. как в тексте (правка карандашом, над строкой)
 547 а. А старшей – тихо забываться, (вар. не зачеркнут)
 б. как в тексте (правка карандашом, над строкой)
 550 а. как в тексте (вар. не зачеркнут)
 б. С ее седеющим отцом (правка карандашом, над строкой)
 555 а. как в тексте (вар. не зачеркнут)
 б. И долго будет разрешаться (правка карандашом, над строкой)
- 130(33) 576 Без взяток зная в службе толк... ◊
 581 Им – все учиться и болтать, ◊
 582 И услаждать себя мечтами, ◊
- 132(35) 613–615 а. Как птица, Русь о детях тужит
 б. Русь о птенцах, как птица, тужит,
 Но злая мачеха – судьба:
 И их терзают ястреба.
 в. Русь о птенцах, как птица тужит,
 Но злая мачеха – судьба:
 Над ними кружат ястреба.
 (вар. б и в написаны карандашом, не зачеркнуты)
 з. Россия, точно птица, тужит
 О детях; но – ее судьба,
 Чтоб их терзали ястреба.
 д. как в тексте
- 133(36) 616 На вечерах у Анны Вревской
 622 а. как в тексте (вар. не зачеркнут)
 б. Для “Дневника”. (Он в то время, (правка карандашом, над строкой))
- 134(37) 649 И все же – добрая была, ◊
 650 Кто с Анной Павловной был связан, –
 653 Язык писателя о том). ◊
- 139(42) 755 В нем с Пушкиным, а Штейн – с Флобером). ◊
 760 а. (Все – в крайностях бродить уму – (вар. не зачеркнут)
 б. как в тексте (правка карандашом, над строкой)
- 142(45) 810 а. Ей чуждо, пусто, дико стало (вар. не зачеркнут)
 б. как в тексте (правка карандашом, над строкой)
- 144(47) 852 слово вампирственного подчеркнуто карандашом
 857 а. Бежал, отряс бы прах от ног, (вар. не зачеркнут)
 145(48) б. как в тексте (правка карандашом, над строкой)
- 145(48) После 879 А впрочем, как ни мерь, ни вешай,
 Немного можешь ты постичь:
 Всех к жизни брачной гонит леший,
 Нужна кому-то эта дичь...
 880 И всё пошло неотвратимо
 147(50) После 26 даты нет

Варианты БА отрывка “Хоть он юристом был, ~ Все не давалась ему!”
(Первая глава, ст. 752–763; список принадлежал Я.П. Гребенцову)¹

752 ...Юристом он ученым был,
754–755 Не брезговал, и Штейн дружил
В нем с Пушкиным, Констан – с Флобером.

Варианты белового автографа Третьей главы
(БА_{III} ИРЛИ)

- л. 262² Заглавие а. (Отец) *(написано и подчеркнуто карандашом, не зачеркнуто)*
б. Глава III *(написано карандашом)*
Перед 1 обозначение главки: 1.
л. 264 Перед 25 обозначение главки: 2.
л. 265 51 Как будто в сером сне душа[◇]
л. 267 Перед 71 обозначение главки: 3.
72 а. как в тексте
б. Был нос прямой – стал ястребиный.[◇]
78 Подумал сын, спокойным взглядом *(спокойным подчеркнутой волнистой линией, карандашом)*
л. 268 96 Поник над трупом... Как разбойник,[◇]
л. 269 99 *(Неопытный не может смело[◇]*
л. 270 Перед 113 *обозначение главки: 4.*
117 а. *как в тексте*
б. Отец лежал в гробу не строго: *(правка карандашом)*
л. 272 152 Грозим министрам иль законам
154–155 *стихи подчеркнуты карандашом*
л. 273 163 И даже солнце посмотрело[◇]
Перед 165 обозначение главки: 5.
л. 275 195 А он, безумно расшалась, *(безумно заключено в скобки)*
196 Вертится перед отцом в тумане... *(в тумане заключено в скобки, карандашом)*
202 а. Тот вскакивает... Этот крик *(вар. не зачеркнут)*
б. как в тексте *(правка карандашом)*
л. 276 212 Что там? Небесной красотой *(там подчеркнуто)*
215 И слезы катятся лениво *(лениво подчеркнуто)*
л. 278 Перед 225 *обозначение главки: [7] б.*

¹ БА известен по факсимильной публ. в кн.: Памяти Блока Сборник материалов / Под ред. П.Н. Медведева. Лб., 1923. С. 61. После текста: Из поэмы “Возмездие” и подпись Александр Блок.

² В верхней части листа – запись карандашом: Вторая кончается [тем] на том, что сын бывшего “демона” получает известие о том, что отец его болен смертельно и лежит в [Варшаве] Варшавской больнице (на) улице по имени “А л л е я Р о з”.

На полях слева – две записи: 13-1. и 13-42(.). В первой имеется в виду нумерация листов Предисловия к Третьей главе: для НР ЗМ они пронумерованы автором с 1 по 13 стр. Вторая запись относится, по всей вероятности, к постраничному объему БА_{III} Третьей главы, из которого сохранились листы с отдельной нумерацией 13–36(262–284). Начальная нумерация (НР Предисловия) была продолжена авторской рукой и в НР Третьей главы (см. л. 193–217).

- 225 а От похорон и от обедней (*вар. не зачеркнуто*)
 б. как в тексте
- л. 279 240 а. Поестъ – он не держал прислуги. (*вар. не зачеркнуто*)
 б. как в тексте
- л. 282 Перед 289 обозначение главки: [8.] 7.
 л. 284 311 В нем почивает некий Бог, ◊
 После 316 помета о продолжении текста:
 После этого “Страна под бременем” до “Звенит в холодном
 чугуне...” (*имеется в виду текст ст. 317–356*). *Текста*
 ст. 357–460 в БА_{III} ИРЛИ нет.

Варианты БА отрывка “Когда ты загнан и забит...”
 (Третья глава, ст. 433–460; хранится в Музее-заповеднике А. Блока “Шахматово”)

- 440 И серебрят ресницы иней,
 452 И в этот незабвенный миг –

Варианты чернового автографа Предисловия
 (ЧА_{III} ИРЛИ)

- л. 173–179
 Заглавие Предисловие¹
 1–10 а. Текст первоначально начинался со слов: Поэма “Возмездие” бы-
 ла задумана... – см. строка 13 и далее.
 б. Текст: Не чувствуя ни нужды ~ на наших собственных лицах. –
 вставка (*написана на последнем л. ЧА_{III}*): [Позвольте мне чте-
 нию² главы из неоконченной поэмы предпослать небольшое пре-
 дисловие, для того, чтобы разъяснить вам, что мне хотелось вы-
 полнить.³]

Так как закончить эту⁴ поэму едва ли удастся, я хочу предпо-
 слать ей объяснение,⁵ как она родилась, каковы были⁶ причины
 ее возникновения, откуда произошли ее ритмы.⁷ Может быть, ин-
 тересно и бесполезно и для себя и для других припомнить⁸ ино-
 гда историю собственного произведения [и мне не хотелось бы,
 чтобы вы думали, что я делаю это по нескромности; мне кажется,
 читая стихи, хотя бы и собственные, сопровождая их некоторыми
 комментариями, я все-таки меньше нарушу академическую жизнь
 “Студии Всем(ирной) литературы”]. К тому же нам, счастливей-
 шим или несчастнейшим детям своего века, приходится помнить
 всю нашу жизнь, все годы наши резко и неизбежно окрашены для

¹ Вписано позднее, на листе-обложке (172).

² Позвольте мне / Позвольте

³ выполнить / восполнить

⁴ закончить эту / докончить

⁵ хочу предпослать ей объяснение, / решаюсь приложить к ней объяснение того,

⁶ каковы были / каковы

⁷ произошли ее ритмы. / произошел ее ритм.

⁸ припомнить / ^а объяснить ^б разъяснить

нас и, увы! забыть их нельзя, – они окрашены слишком неизгладимо,¹ так что каждая цифра кажется написанной кровью, мы и не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах.²

- 11–12 Поэма “Возмездие” ~ в 1911 году. / Поэма “Возмездие” была задумана и в главных чертах набросана в 1910-х годах. ◊
- 13–17 1910 год – это смерть Комиссаржевской ~ мудрая человечность. / ^a 1910 – это смерть Комиссаржевской и смерть Врубеля, смерть Толстого. ^b 1910 – это смерть Комиссаржевской, смерть Врубеля и смерть Толстого. С Комиссаржевской умерла какая-то лирическая нота на сцене, с Врубелем – громадный личный мир художника, безумное упорство,³ ненасытность исканий – вплоть до помешательства. С Толстым умерла человеческая нежность – человечность мудрого старика.
- 18–19 Далее, 1910 год ~ и говорили, / ^a Это – кризис символизма, о котором очень много писали и говорили⁴ тогда, ^b. Далее – 1910 год – это кризис символизма, о котором очень много писали и говорили тогда,
- 23–25 Лозунгом первого ~ Адам”. / Лозунгом некоторых из этих направлений был человек – но какой-то уже другой человек – вовсе⁵ без человечности, какой-то “первозданный Адам”.
- 25–26 Зима 1911 года ~ напряжения / ^a Зима 1910–1911 года была исполнена какого-то глубокого внутреннего напряжения ^b Зима 1910–1911 года была исполнена глубокого внутреннего напряжения ◊
- 26 Я помню ~ разговоры / ^a. Я помню разговоры ^b Я помню бесконечные ночные разговоры
- 28 Мысль ~ толчки извне, / Мысль,⁶ которую, по-видимому, будили сильные⁷ толчки извне⁸,
- 31–32 а также – в неистинном мистическом похмелье, / и неистинном мистическом похмельи,
- 33 веяние преобладало: / начало было в воздухе;
- 32–33 слышен ~ голос Стриндберга, / ^a. слышен голос, жесткий голос

¹ неизгладимо / резко и неизгладимо

² не можем забыть ~ лицах. / ^a не можем этого забыть.

^b не можем забыть, и не должны забыть этого.

^v. не можем забыть этих цифр, и не должны забыть их.

³ с Врубелем ~ упорство, / с Врубелем – как позднее его, скрябиновское безумное упорство художника,

⁴ писали и говорили / говорили

⁵ вовсе без человечности, / совсем без человечности,

⁶ Мысль, которую, / Мысль, разбуженная каким(-то)

⁷ сильные / какие-то

⁸ Далее начато: вне(запно?)

- Стриндберга, ^б слышен северный голос, жесткий голос Стриндберга,
- 36–37 Уже был ощутим ~ крови. / Уже явственно запахло железом. ◊
- 37 Весной ~ П.Н. Милюков прочел / Милюков прочел ◊
- 40 Летом этого года ~ на корню, / Летом этого года ◊
- 43–44 В Средиземном море – разыгрался / в Средиземном море – ◊
- 45 Неразрывно со всем этим / Кроме того, нераздельно со всем этим
- 47 среди борцов ~ художники; / и среди борцов были почти гениальные художники;
- 51 В этом именно ~ в особенной моде / ^а Все эти факты ^б В эти именно годы, наконец, была в моде ◊
- 51–52 все мы помним ~ петель, / и все мы помним ряд красивейших воздушных петель,
- 54 Наконец, осенью / ^а Летом было ^б Осенью ◊
- 54–55 знаменовало окончательный / знаменовало собою
- 55–56 из рук полудворянских, лучиновничьих / из рук дворянских ◊
- 59 доступных моему зрению / какие доступны моему зрению
- 63 был ямб. / был ямб.
- 64 издавна гонимого / издавна гонимому ◊
- 65 упругой волне ~ время. / волне на более долгое время. ◊
- 66 Тогда ~ поэмы / ^а Тогда мне пришлось в голову строить поэму. ^б Тогда мне пришлось начинать строить большую поэму
- 67–68 которые становились / которые делились {?} ◊
- 68 и самый ~ съезжившись / и, съезжившись ◊
- 69 опять жить своей ~ жизнью, / уже жить опять самостоятельной жизнью, ◊
- 70 окружающую среду / окружающую его среду
- 71 Такова была жизнь чертежа, / Таков был чертеж,
- 71–72 – в сознание и на слова / – в сознание ◊
- 72 тогда ~ присутствовало / ^а тогда же это было. ^б тогда же это присутствовало
- 75–76 При систематическом ручном труде / При систематическом физическом труде ◊
- 78 на груди и на спине / на спине и на груди
- 78–79 Вот такое / ^а Вот это-то ^б Вот такое параллельное
- 79–80 составлять ритм всей поэмы. / ^а составлять ритм поэмы. ^б составить ритм всей поэмы.

- 80 С этим связана ~ тема. / С этим неразрывно связана ее основная идея и тема.
- 81 Тема заключается / Идея заключается◇
- 82 отпрыски всякого рода / отпрыски этого рода◇
- 83 вновь поглощаются / поглощаются опять
- 85 жизненных неудач, / неудач,◇
- 87 как лучшие алмазы / как алмазы◇
- 87–88 свойства гуманные, добродетели, / качества гуманные, высокие добродетели,◇
- 90–91 почти всего человека / почти все◇
- 91 от личности ~ следа, / от личности не остается почти следа,◇
- 92 еще существовать, / существовать,◇
- 95 это новое и упорное / это новое и острое
- 102–104 *Текст:* Что же дальше? ~ теориям прогресса. – *вписан.*
- 103 растущей во мне / растущей
- 103–104 ненависти ~ теориям прогресса. / ненависти к различным теориям прогресса, ненависти, которая и до сих пор не оставляет меня.
- 105 Такую идею ~ в моих “Rongon-Масвар’ах” / ^а. Все это мне хотелось показать на собственном ^б. Все это мне хотелось показать на моих Rougon-Масвар’ах
- 106 в коротком обрывке / на коротеньком обрывке
- 108 постепенно освобождаются / освобождаются постепенно
- 111 трех больших глав / трех глав◇
- 114 развивается в 70-х годах / разыгрывается в 70-х годах
- 115 *После:* народовольческого движения, – *вписано над строкой:* (описать ⟨?⟩ возвращение солдат из-под Константинополя, [предательство ⟨?⟩] Софья Перовская, Степняк-Кравчинский)
- 119 *После:* fin de siècle. – *следует текст:* Эта глава вместе с прологом была когда-то напечатана в “Русской Мысли”.
- 120–121 Вторая глава ~ за исключением вступления, / ^а Вторая глава, так и не написанная ^б. Вторая глава, действие кот(орой) развивается в конце XIX и начале XX века,
- 122 сыну этого “демона” / сыну и наследнику этого демона◇
- 122–123 болезненных падений / паде⟨ний⟩◇
- 123 *Слова* – бесчувственному ~ века. – *вписаны над строкой.*
- 123 Это – тоже лишь одно / Это – тоже только одно
- 125 кроме семени, кинутого / кроме грешного семени, брошенного◇

- 126 тихой ~ народа. / тихой дочери народа.◇
- 127 В третьей главе описано, / ^а Третья глава, часть которой я сейчас хочу вам прочесть, заключается в описании того, ^б. Третья глава, большую часть которой я сейчас хочу вам прочесть, заключается в описании того, ^в. Третья глава заключается в описании того,
- 127 как кончил жизнь отец, / как кончил отец,
- 128 этот яркий / этот блестящий◇
- 133 развитие и жизненный путь сына, / и развитие и жизненный путь сына,
- 136 В эпилоге / ^а В эпилоге ^б. В эпилоге, ненаписанном◇
- 138 и сама ~ не ведающая. / ^а и сама ничего не ведающая. ^б. сама ни о чем не ведающая.
- 139 и сын растет; / и этот сын растет;◇
- 140 по складам ~ за матью: / вслед за нею:◇
- 143 круг ~ до предела, / круг человеческой жизни,◇
- 146–147 движущее человеческую историю. / которое движет человеческую историю.◇
- 149–150 на своих крыльях Марину, / ^а и гордую Марину, ^б. на своих крыльях и Марину,
- 150–151 и Костюшку ~ балах. / и Костюшку, и Мицкевича.◇
- 157–158 над занесенными ~ полями. / над занесенными снегом польскими полями;◇
- 158 В ней ~ Возмездия. / ^а. а в ней явственен уже голос возмездия. ^б. в ней явственно слышен голос возмездия. ^в. в ней явственно слышится уже голос возмездия.
- После 158 *В конце текста – дата: 12 VII 1919.*

*Варианты наборной рукописи Предисловия в журн.
“Записки мечтателей” (НР ЗМ ИРЛИ)*

л. 180(1)–192(13)

Заглавие Предисловие¹

- 1–3 Не чувствуя ~ как поэма родилась, / ^а Так как докончить эту поэму едва ли удастся, я хочу предпослать ей объяснение, как она родилась, ^б [Так как, я не чувствую] Не чувствуя ни нужды, ни охоты заканчивать поэму, полную революционных предчувствий,

¹ НР ЗМ – рукописная копия А.А. Кублицкой-Пиоттух с правкой Блока. Перед текстом – заглавие “Возмездие” и эпиграф Написаны рукой Блока. На полях слева – запись: 38 страниц. (имеется в виду единая авторская нумерация Предисловия и Третьей главы в НР ЗМ)

- в годы, когда революция уже совершилась, я хочу предположить
наброску последней главы рассказ о том, как поэма родилась,
- 5 Интересно и бесполезно / Может быть, интересно и беспо-
лезно◇
- 5 припомнить историю / припомнить иногда историю◇
- 6–7 или несчастливейшим / или несчастнейшим
- 7 всю свою жизнь / всю нашу жизнь◇
- 8 резко окрашены / резко и неизбежно окрашены◇
- 13 1910 год / 1910◇
- 14 лирическая нота / какая-то лирическая нота◇
- 17 – мудрая человечность. / – человечность мудрого старика.◇
- 18–19 тогда очень много писали и говорили / очень много писали и го-
ворили тогда,◇
- 20 которые встали / которые стали
- 22 Лозунгом первого из этих направлений / Лозунгом некоторых из
этих направлений◇
- 25 Зима 1911 года / Зима 1910–1911 года◇
- 26 ночные разговоры, / бесконечные ночные разговоры,◇
- 28 будили сильные толчки / будил сильный толчок◇
- 35–36 а также – в неистинном мистическом похмелье, / ^а и неистинном
мистическом похмельи, ^б а также ~ похмельи,
- 33 Именно мужественное веяние преобладало: / Именно мужествен-
ное начало было в воздухе;◇
- 35 северный жесткий голос / северный голос, жесткий голос◇
- 36 год жизни. / 1 год жизни.◇
- 45 Неразрывно со всем ~ расцвет / Кроме того, нераздельно со всем
этим для меня связан расцвет◇
- 47 среди борцов ~ художники; / а среди борцов были почти гениаль-
ные художники;◇
- 51–52 все мы помним ряд красивых / и все мы помним ряд красивейших◇
- 52–53 падений и смертей / и падений и смертей◇
- 54 что знаменовало / что знаменовало собою◇
- 59 доступных моему зрению / какие доступны моему зрению◇
- 63 был ямб. / был ямб.◇
- 66 начать постройку ~ поэмы / начинать строить большую поэму◇
- 70 окружающую среду / окружающую его среду◇
- 71 Такова была жизнь чертежа, / Таков был чертеж,◇

- 72 тогда это присутствовало / тогда же это присутствовало ◊
 74 говорю недаром, / тоже говорю недаром, ◊
 74–75 развитие поэмы для меня / развитие этой поэмы для меня ◊
 78 на груди и на спине / на спине и на груди ◊
 79 ритмическое / параллельное – ритмическое ◊
 80 С этим связана и / С этим неразрывно связана ◊
 83 вновь поглощаются / поглощаются опять ◊
 91 почти вовсе не остается / почти не остается ◊
 95 новое и упорное / новое и острое ◊
 103–104 во мне ненависти ~ теориям прогресса. / ненависти к различным теориям прогресса, ненависти, которая и до сих пор не оставляет меня. ◊
 105–106 Такую идею я ~ в коротком обрывке рода / Все это мне хотелось показать на своих “Rougon-Macquar’ax” в маленьком масштабе, на коротеньком ◊
 108 постепенно освобождаются / освобождаются постепенно ◊
 116 в эту семью является / куда является ◊
 119 *После слов: fin de siècle. в НР ЗМ следует:* Эта глава, вместе с прологом была [когда-то] напечатана в “Русской мысли” (январь 1917 года).
 121 так и не написанная, за исключением вступления, / так и не была написана ◊
 123 *бесчувственному сыну // бесчувственному сыну*
 123 лишь / только ◊
 127 В третьей главе ~ отец, / Третья глава заключается в описании того как кончил отец, ◊
 138 и сама ни о чем не ведающая. / сама ни о чем не ведающая. ◊
 158 слышится уже голос Возмездия. // слышится уже голос возмездия.
 После 158 Июль 1919. (вписано)

*Варианты наборной рукописи Третьей главы в журн.
 “Записки мечтателей” (НР ЗМ ИРЛИ)*

л. 193(14)–217(38)

Заглавие Третья глава¹
 Подзаголовок Отец (зачеркнуто)

Перед *текстом* – обозначение главки: 1 (зачеркнуто)

¹ *Примечание к 1-му ст.:* Улица в Варшаве. – вписано.
 24, 70, 112 *После обозначенных ст. зачеркнуты номера главок:* 2, 3, 4.

¹ *Перед текстом* – заглавие: Возмездие – и эпиграф Написаны рукой Блока НР ЗМ – копия рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух с правкой Блока

- Вместо них (как и в последующем) разделение текста обозначено авторской пометой: промежуток в две строки*
- 117 Отец лежал в гробу не строго:◇
- 141 После ст. обозначен интервал.
- 152 Грозим министрам иль законам◇
- 164 После ст. обозначен интервал.
- 224 После ст. обозначен интервал.
- 225 От похорон и от обедней◇
- 232 Сырая, грязная квартира...
- 317–356 *Текст в НР ЗМ – газетная полоса из “Биржевых ведомостей”, 1915, 25 декабря (1916, 7 января), авторские записи об этом – на полях, зачеркнуты. Газетный текст состоит из четверостиший. После ст. 332 и 356 введены интервалы, отмеченные авторским примечанием: промежуток в две строки. В ст. 336 – прусских пошляков – исправлено: русских пошляков*
- 357 ^а Еще светлы кафе и бары.
^б как в тексте
- 358 К словам “Новый свет” сделано примечание в сноске: Улица в Варшаве. (вписано, зачеркнуто)
- 389 К словам “Краковское Предместье” сделано примечание в сноске: Улица в Варшаве. (вписано, зачеркнуто)
- 392 Он повернул скорей назад,◇
- 397 Поворотил и шаг удвоил,◇
- 398–402 *текст вписан с вариантом в ст. 398:*
На миг скользнул усталый взор◇
- 432 После ст. обозначен интервал.
- 433–460 *Текст в НР – печатная страница из альманаха “Сирин. III”. На ней авторская дата: 1911, январь. – зачеркнута.*
- После 460 *строки точек нет*
После текста подпись: Александр Блок

Варианты перенесения авторской правки Предисловия и Третьей главы в корректуре журн. “Записки мечтателей” (кор. ЗМ ИРЛИ)

- 1–4 Не чувствуя ~ как поэма родилась, / ^а как вар. а НР ЗМ ^б как в тексте
- 00 слышится уже голос Возмездия. / ^а слышится уже голос возмездия. ^б как в тексте
- После 460 (строка точек вписана)

Варианты печатного текста Первой главы с авторской правкой в Т₉

- После 879 *зачеркнуто:*
А впрочем, как ни мерь, ни вешай,
Немного можешь ты постичь:
Всех к жизни брачной гонит леший,
Нужна кому-то эта дичь...
880 И все пошло неотвратимо◇
- После 925 *Конец первой главы.*
Далее: Александр Блок (печатно) и вписано: 1911–1916, 4 июня.

- 134 – *бесчувственному* сыну нашего века. / ^а. – *бесчувственному* сыну
нашего века. ^б. – *бесчувственному* сыну нашего века. (бесчувст-
венному *подчеркнуто карандашом*)

СКИФЫ

(“Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы...”)

(С. 77)

Варианты ЧА ИРЛИ

- Эпиграф *отсутствует*
- 2-4 Попробуйте, померяйтесь-ка с нами![◇]
Да, жулики, да, азиаты – мы[◇] (*вар. не зачеркнут*)
С раскосыми < > глазами![◇]
- 5-8 а. Мы сотни лет глядели на Восток,
Тысячелетье брали перлы
В свой старый горн бросали < >
В двадцатом веке – пушек жерла (*вар. не зачеркнут*)
- б. Тысячелетье вы глядели на Восток,[◇]
Переплавляя наши перлы![◇]
И вы, глумясь, < > срок
На нас наставить пушек жерла.
- 9-12 а. Для вас – века, для нас – единый час
Мы были < > холопы
И прочной пробкой были мы
Меж Азией и меж Европой.
- б. Для вас – века, для нас – единый час
Мы были – бедными рабами
И прочной пробкой мы для вас
Меж дикой Азией и вами.
- 13-16 а. И вы века < > в старый мир,
Не слыша грохота лавины (*вар. не зачеркнут*)
< >
И Лиссабона и Мессины
- б. И вы века ковали старый мир,
И заглушали гром лавины
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона и Мессины.
- 17-18 а. Вот – срок настал. Пылают города, (*вар. не зачеркнут*)
И день Обиды < > множит,

^{1 а} Вы собирали наши перлы

^б И собирали наши перлы

- Вот – срок настал. Крылами бьет Беда,
И каждый день Обиды множит,
- 21–24 а. *начато*: И мы
б. О, старый мир, пока ты не погиб,
Решай, решай, ()
Загадку Сфинкса
в. О, старый мир, пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред новой сфинксовой загадкой
- 25–28¹ а. Россия – Сфинкс. Она глядит в тебя
Своими темными очами
Она глядит, глядит, глядит в твои глаза
и с ненавистью и с любовью
б. Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,²
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
Дыша³ и мезтью и с любовью
- 25–28 а. Но так любить ()
()
Средь вас () не может
б. Да, так любить, как вас любили мы,
Никто из вас давно не любит,
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая творит и губит⁴ (*вар. не зачеркнут*)
- 29–32 а. Мы любим все – политику, искусство
И голубой туман ()
И тайный жар музыки ()
И ()
б. Мы любим все – и острый галльский смысл
И голубой германский гений,
И тайный жар () числ
И ()
- 33–36 И венецьянские услады
() химеры
- 37–40 а. И Кельна дымные⁵ громады (*вар. не зачеркнут*)
Мы любим плоть – и вкус ее, и цвет
И душный () запах
Что () коль хрустнет хрупкий ваш скелет
В тяжелых нежных наших лапах!

¹ Строфа написана на отдельном листе. Первоначальное место тексте не обозначено.

² Россия – Сфинкс. Смясь ()

³ Под строкой даны варианты: ^а Пылая

^б Горя

⁴ ^а Она и милует и губит (*вар. не зачеркнут*)

^б Которая и милует и губит

⁵ Под строкой вариант: мощные

- б Мы любим плоть – и вкус ее, и цвет,
И плоти страшный, смертный запах¹
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжело-нежных наших лапах!
- 41–45 а Привыкли мы ломать [коням] крестцы
Коней степных и непокорных
Ломать коням тяжелые крестцы
И усмирять красавиц черных! (*вар. не зачеркнут*)
- б Привыкли мы, хватая под уздцы
Коней степных жестоких,
Ломать коням тяжелые крестцы
Смирять красавиц наших огнеоких!
- 45–48 а Идите к нам ()
Придите в мирные объятия
Пока не поздно – вложите меч в ножны,
Идите к нам – и будем братья!
- б Идите к нам ()
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем братья!
- 49–52 А если нет – пеняйте на себя²
Пеняйте на себя, ()
() нам нечего терять
И нам () вероломство
- 53–56 Мы ()
К Европе гордой и пригожей
Расступимся – и обернемся к вам
Своею азиатской рожей!
- 57–60 а Расступимся – идите на Урал
Расступимся – свидетелями боя³
Стальных машин, где дышет интеграл
С монгольской () ордою
- б Пропустим вас – идите на Урал
Мы расчищаем место бою
Стальных машин, где дышет интеграл,
С монгольской [желтою] ордою⁴
- 61–64 а Но мы уже – не щит для вас,
Но мы не будем драться сами,
Смотря ()
Своими узкими [гла(зами)]

¹ И смертный, душный запах (*Вар. не зачеркнут*)

² *Перед строфой начато:* А если нет

³ а Мы предо(ставим)

^б Мы место вам дадим (*Вар. не зачеркнут*)

⁴ С монгольской () ордою

- 49 Придите к нам! Из ужасов войны◇
 53–54 А если нет, вас будут проклинать◇
 Больное, позднее потомство!¹◇
 65–67 Но сами мы – отныне вам – не щит,²
 И мы не будем драться сами,◇
 Следя за тем, как смертный бой кипит,◇
 74 На светлый пир любви и мира,◇ (*вар. не зачеркнут*)
 75–76 В последний раз зовет на братский пир,◇
 Зовет вас варварская лира!◇

Варианты T₁₀ и публикации в газ. “Знамя труда” (ЗТ)

- 40 И Кельна мощные громады◇

3. ГИПШИУС

(при получении “Последних стихов”)

(“Женщина, безумная горячка!..”)

(С. 81)

Варианты ЧА ИРЛИ

- Заглавие *отсутствует*
- 4 а Ваши полных и неровных строк,
 б. Ваши полных, ваших гневных строк,
 в. Ваши полных и звенящих строк,
 5а Все любви и ненависти жала,
 б. Все слова, как ненависти жала,
 6а Все, как иглы (остры(е) < >◇
 б. Все слова, как колющая сталь...
 9–10 Но в дали передо мною – море,
 Незнакомый очерк новых стран,◇
 11–12 а. Голос ваш бессилен в этом споре,
 (Вам не переспорить океан...)
 б. Голос ваш не слышен в грозном хоре
 Где гудит и воет ураган
 После 12 *было начато:*
 Что же делать, если надо,
 Если кто-то указал
 Вам – зеленоглазою наядой
 Все плескаться у ирландских скал?
 13 Жутко, сладко, неизбежно, надо◇
 14 Мне – бросаться в этот пенный вал,
 16 Петь, стонать, плескаться у ирландских скал –
 17–19 а. Там над этими скалами,
 Высоко, над нами, над волнами –
 Зреет знамя – Интернационал!

¹ Больное, рабское потомство! (*Вар. не зачеркнут*)

² Не защитим, мы больше вам не щит.

- б. Как заря над этими скалами,
Высоко, над нами, над волнами –
Веет знамя – Интернационал!

Варианты БАП ОР РГБ

- 12 Где гудит и воет океан!◇
14 Мне – бросаться в этот пенный вал,◇

Вариант БА РНБ

- 8 Лезвие целую, глядя в даль...

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1. АРИЯ ДЛЯ КАНТАТЫ Ю. ШАПОРИНА

(“Я живу в отдаленном скиту...”)

(С.83)

Варианты ЧА ИРЛИ

- Заглавие (невеста ждет жениха) Куликово поле после 2.
2 *В дни, когда*
4 И смотрю на речные цветы –
5–8 И смотрю в неизвестную даль,
И из той неизвестной дали
Косяком потянулись, как встарь, (*вар. не зачеркнут*)
Гуси-лебеди, да журавли
далее начато: ^{а.} Журавлиная стая
^{б.} Ах скажите мне
9 Птицы вольные, птицы мои,◇
10–12 ^а У заутрени тепло свечу,
И молитва моя горяча,
Боже, дай { }
Сохрани от татарской стрелы
начата правка: Господи { }
^{б.} Боже, в черные ночи и дни
Ты спаси жениха моего
Сохрани Ты от сабли его
Упаси Ты от вражьей стрелы¹
^{2.} Боже, в черные ночи и дни
Ты храни жениха моего
Ты от вражьей стрелы сохрани,
Упаси ты от сабли его...

¹ Два последние стиха знаком переставлены.

2. ХОР ТАТАР ДЛЯ КАНТАТЫ

(“Идут века...”)

(С.83)

Варианты ЧА ИРЛИ

- Заглавие Хор татар. Куликово поле (после 1)
было начато: Огни горят
Костры трещат
Пусты поля, черна земля, пуста.
- 1-3 а. Века, века...
Бежит река
Земля тяжка, пусты поля, черна земля
- б. Идут века...
Бежит река
Земля тяжка, черна, пусты поля,
- 4-6 а. Огни горят
Горят миры
Трещат костры
Гудит вдали, крутит в пыли, дрожит земля
- б. Шумят пиры
Трещат костры
Гудит вдали, крутит в пыли, дрожит земля
- 9 И дальний зов – на бой – на бой – на бой – на бой!◇
- 10 *было начато:* а. Сабель
б. Сабель лязги◇
- После 11 Мечи стрелу в ночную мглу
Скачи, лети¹, руби, коли, стегай, хлещи (*вар. не зачеркнут*)
- 12-14 Мечи стрелу в ночную мглу,
Добей врага, лети, скачи,
Руби, коли, стегай, хлещи...

ENJAMBEMENTS

(“Давид Самуилыч! Едва...”)

(С.85)

Первоначальный текст: (Чук Р)

Давид Соломоныч! Едва
Альбом завели Вы, – кругом* голова
Пойдёт Ваша: сто раз – не раз, и не два –
Здесь будут писаться святые слова:
“Дрова”.
21 ноября 1919

¹ Слово вписано.

* Правильно следует произносить: кругом, но размер не выйдет (*Примеч. Блока*)

СЦЕНА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ
“ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА”

(“...В конце ж шестого тома Гейне, там...”)

(С. 86)

Варианты ЧА ИРЛИ

- Заглавие Отрыв(ки) ист(орических) карт(ин), соч(инения)
Амфитеатрова
- 1-3 а. Бл(ок) ... В конце ж VI тома “Сочинений” надо
Нам непременно поместить статью
- б. Бл(ок) ... В конце ж IV тома сочинений
Где Englische кончаются Fragmente
Нам непременно надо дать статью
- 4-5 О “Гейне в Англии”: его влиянье
И отношение к нему ()◇
- 7 Тих(онов) Кому же поручить статью такую?

Прозаическое примечание отсутствует.

- 8 Бл(ок) Немало здесь глубоких специялистов,
9 а. Немало ()
- б. Но каждый помышляет о своем:
- 10-13 а. Лозинский – только с Богом говорит,
Волынский – о любви лишь, Гумилев
Привычен ()
- б. Лозинский – только с Богом говорит,
Волынский – о любви, а Гумилев
С французженками. Говорить в конюшне
И с лошадьми привык один Чуковский...¹
- 14-16 Чук(овский) Неправда! Я читаю в Пролеткульте
И в Студии, и в Петро-компромиссе,
И в Оцупе, и в Совнаркоме◇

Прозаическое примечание отсутствует.

- Бл(ок) Корней Иваныч! Знать, вы меня
Не поняли! Сказать хотел я только,
Что вы один могли бы написать
Статью о Гейне...²
- 21-22 Чук(овский) (ехидно) Эссеис, хотите
Сказать вы, вероятно?◇
- 26 Тезея инсценирую! Некрасов◇
- 31-32 Не вы один – мы все так. Что же делать.
Кому же, как не вам, писать?
- 38 еще *вписано*
коллективный вопль / всеобщий вопль

¹ И с лошадьми один Чуковский может.

² О Гейне в Англии...

- 39–41 его слабый голос ~ опускается в сломанное кресло, / его слабый голос, и дело грозит окончиться скверной историей, как во все исторические эпохи.¹ Он опускается², обессиленный, в сломанное кресло,
- 42 все еще (*вписано*)
 Антон, входя, сует ему записку. / Антон входит и сует ему записку.
- 40–42 Тих(онов) Итак, К(орней) И(ваныч), вы сдаете Статью о “Гейне в Англии” не позже, Чем к Рождеству!
- 44–54 а Тих(онов) Год этот. Стиль – же все равно, какой. Попросим ()
- б Тих(онов) Год – этот. Стиль – марксистам безразличен. Чук(овский) (пытаясь перевести разговор)
 А может быть не Стиль, а Адиссон?
 Тих(онов) Стиль новый!
 Чук(овский) (все еще притворяясь непонимающим)
 Романтический? Советский?
 Тих(онов) Чтоб было крепче, просим Евдокию Петровну это записать
 Чук(овский) (побежденный)
 Сдаюсь.

В АЛЬБОМ ЧУКОВСКОМУ

(“Нет, клянусь, довольно Роза...”)

(С. 89)

Первоначальная редакция (ЧА ИРЛИ)

Заглавие *отсутствует*

Нынче прозой стала роза,
 Соловьиный сад поблек.
 Где же, кроме Совнархоза,
 Голубой искать цветов?

В этом мире, где так пусто,
 Отыщи его, найди,
 Называй его капустой,
 Ежедневно в щи клади,
 Не взыщи, что щи не густы –
 (10) Будут жиже впереди.³

¹ Как во все исторические эпохи *вписано*

² опускается / падает в кресло

³ *Далее начато:* Буду ()

- Имена цветка не громки,
 Реквизируют как раз,¹
 Но – носящему котомки
 И капуста – ананас,²
 А далекие потомки
 И за то похвалят нас,
 Что не хрупки мы, не ломки³
 (Здравствуйте и посе́йчас – Да-с.
 (20) Разве больше рвал постромки⁴
 Романтический Пегас
 В час виденья незнакомки,
 Чем в крушенья грозный час?⁵

6.XII.1919

Варианты БАП ИРЛИ

- Заглавие Чуковскому
 7 Нынче прозой стала роза,◇
 9 Прокормлению угроза – ◇
 15 В свалку разного навоза

Вместо ст. 13–14 были ст. 15–16

- 17 Где же, кроме Совнархоза,◇
 20 Отыщи его, найди,◇
 21 Называй его капустой,◇
 27–28 Книг чтоб не было в шкапу ста,
 Скажет Брюсов, погоди!
 35 Как с вуали Незнакомки,◇
 40–41 (Здравствуйте и посе́йчас –
 Да-с)
 42 45 а. *как ст. (20) – (23) первоначальной редакции*
 б Иль не также рвет постромки
 Романтический Пегас
 В час виденья Незнакомки,
 Как в крушенья грозный час?

¹ *Строка вписана:*

² *Ст. 13–14 вписаны*

Ст. 13 было: Взвалим на плечи котомки

³ *Далее зачеркнуто:*

[В час] Что виденья Незнакомки

Иль [в] паденья горький час

⁴ Разве больно рвал постромки

⁵ Чем в паденья грозный час?

**ПРОДОЛЖЕНИЕ “СТИХОВ О ПРЕДМЕТАХ”
ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ”**

(В АЛЬБОМ ЧУКОВСКОМУ)

*Стихотворение, приписываемое В. Брюсову
 (“Скользили мы путем трамвайным...”)*

(С. 91)

Черновая редакция (ЧА ИРЛИ)

I. Черновой набросок

Скользили мы путем трамвайным:¹
Я керосин со службы нес,
Ее, исполненную тайны,
Сопровождал () матрос.

Жакет каракулевый
() плен
И доходили до колен²

() взволнован
Что я навек деклассирован
И мы прошли путем трамвайным,
Она – туда, а я – сюда

Когда мы очутились рядом
()
Обжег ее безумным взглядом,³
Боясь, что вспыхнет керосин.

II. Варианты последующей правки ЧА ИРЛИ

- 4 Сопровождал, как зверь, матрос.◇
5 Стан девы плотной и пригожей◇
9–12 а. Ее блестящие ботинки
Стянули икры до колена
И взор пленительной кретинки
Светился, как ацетилен.
6. Вплоть до колен текли ботинки,
Являли икры вид полен
И взгляд пленительной кретинки
Светился, как ацетилен.
14 Какой-то храбрый господин,◇
21 И мы пошли по колким льдинам,◇
22 Они – туда, а я – сюда...
23 Я знал тогда◇
24 Уже не встречусь никогда. (*вар. не зачеркнут*)

¹ Мы быстро шли путем трамвайным.

² Ее ботинки до колен

³ На полях помета о перестановке строк

Варианты БА (ЧукР)

- 8 примеч. Блока:
вариант: С одной прохожей из кадет,
18 В ее глазах прочел ответ.

М.И. БЕНКЕНДОРФ

(надп(ись) на "Седом Утре")
("Вы предназначены не мне...")
(С. 94)

Варианты ЧА ИРЛИ

I. Черновой набросок

Заглавие М.И.Б.
Вы предназначены не мне.
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон всю ночь один,¹
Он проникает до глубин
Всей черной ночи господин

И сводит счастием с ума²
Так видит Даму Палладин;
Так видит тигра зверолов;³
Так снится ()
Изгнаннику – родной очаг;
Но Вы приснились мне иной⁴
И это сон ()

II. Первоначальная редакция

Заглавие М.И.Б.
Вы предназначены не мне,
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон всю ночь один:
Так видит Даму палладин,
Так () снится враг,
Изгнаннику – родной очаг;
И капитану океан,
И деве – розовый туман.
Но мне иное снилось. Сна
(10) Была чудесна глубина,

¹ а. Бывают сны ()

^б Бывает сон один всю ночь

² Он сводит счастием с ума

³ Так зверолов ()

⁴ а. Но я – иначе видел Вас

^б Было начато: Но Вы – иною

И сам не знаю, для чего
Я сна не скрою моего
И этих строк, ненужных Вам,
Ни мне – забвенью не предам.

Л.А.Д.

(надп(исъ) на “Седом Утре”)

(“Едва в глубоких снах мне снова...”)

(С. 95)

Варианты ЧА ИРЛИ₁

1. Наброски

- а. Летучей, знойной, вечно-юной
Души оборванные струны
И сердца
- б. Вам – легкой, знойной, вечно-юной
Как { }
Царица песен, лирный { }
И сердца { }

II. Черновая редакция

Посвящение Л.А.Д.
Когда моя мне память снова¹
Начнет былое воскрешать,²
Уж³ вывести рука готова
Слова, которых не сказать...
Но я удерживаю руку,⁴
[Чтобы]⁵
Прислушиваюсь к стуку
Все эти песни родились
В моей душе, как келья, душевной.⁶
(10) Я их любил. И равнодушно
Их² отпустил. И понеслись
Неситесь. Скорбь и своеволие⁷
Вам дали легкие крыла⁸

¹ Было начато: а Выводит

б Н { }

в Едва лишь память шепчет слово

г Когда мне память шепчет слово

² Былое [ст()] воскрешать.

³ И

⁴ Но умолкаю

⁵ Было: Чтоб

⁶ Начата правка: В груди () бездушной (Вар не зачеркнут)

⁷ Я

⁸ Неситесь, вольные, скорбная свобода

⁹ Вам крылья легкие дала

Варианты ЧА ИРЛИ₂

- Посвящение Л.А.Д.
1 а. Когда во сне
б. Чуть память предо мною снова
в. Чуть в снах передо мною снова
2 Начнет бывшее воскрешать, –
После 4 *было начато:*
а. Но я удерживаю руку
И вздох удер ()
б. Но я удерживаю руку
И лишь прислушиваюсь к стуку,
Которым сердце говорит
в. Но не
2. Но я удерживаю руку,
Пуская лишь
5 *строка вписана*
6 Писать забытые слова◇
7 а. Я только книжку посылаю
б. И только песни посылаю
8 Царице песен и весны,
Звонящей, легкой, вечно юной◇
10 Все эти песни родились,◇
13 Неситесь! Скорбь и своеволие
16 Она иным из вас дала...◇

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

(“Имя Пушкинского Дома...”)

(С. 96)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 Стены Пушкинского Дома◇
3 а. Как () знакомый,
б. () знакомый,◇
5 Это – стужа ледохода
6 а. На () реке
б. В Питербурхе городке¹
9 Это – в море [св<..?>] сфинкс глядящий◇
10 Вслед чужой ему волне
13–16 а. И еще мои печали
Белой ночью над Невой

¹ Вписано на полях (вар. не зачеркнут).

Пушкинскому дому, 1977 г. (ИРЛИ) 77.

Пушкинскому дому.
Спасибо тебе, Пушкинскому дому.

Спасибо Пушкинскому Дому

55

Их Андрей Козин!

~~Козин~~ Значит,

не лучше ли судя злым!

Это - ступа ледохода

не рвет, но тащит судя

Переносит ледохода

и ледоходом вдалеке.

Это - вальс сферический ледохода

Видит злая его волею

Всадник бурный, летящий

на идущем скакуне

И вальс, и ледоход

Каждый ледоход и ледоход

Каждый ледоход и ледоход

Кому же
Этот ледоход
Злоба

Каждый ледоход и ледоход

Что же ледоход и ледоход

Пушкинскому дому
Кому же ледоход и ледоход
Каждый ледоход и ледоход

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ "ПУШКИНСКОМУ ДОМУ"
Л. 77-79 (ИРЛИ)

78/

Умо се несекам
 Ко босмогос, камаи рнуаи
 Камаи тоука сурга,
 Ко што не (Зма) даи оброта обрпа
 Кему неам - сур коуга...

~~Ипогичево дин~~
~~Ипогичево дин~~ ~~Ипогичево дин~~ ~~Ипогичево дин~~
 (Ипогичево) и обрпа,
 Ипогичево дин, Ипогичево дин
 Ипогичево дин, Ипогичево дин
 Ипогичево дин, Ипогичево дин

Буди Балбонт и Тигуанчан

Има Тигуанчан, падејт
 Тигуанчан и обрпа
 Бом се штои штои зомачи
 и штои даи сурга штои
 Уаи обрпа Тигуанчан Доуа
 И да - коуга -

* Омо се
 и сурга обрпа, ам ади Т,
 Шиди и сурга обрпа,
 Омо дин сурга обрпа
 И сурга обрпа обрпа.

и дин да сурга
 сурга обрпа, сурга обрпа
 и сурга, штои дин.

Еще
Пусть в мир души распуцели,
Пусть в ^{сам дура} ~~души~~ души
ко нам мурь Бочаре
Все душе

79.

~~Види за Пустынями от Земли,~~
Види за

И Пустыни; Тайны свободы Пустыни ^{и тайны}
~~Тайны от тайны, или тайны тайны,~~ Види же,
Пустыни каин (непокоду)
Перестав буди каин
Томас в ивний бурств!

Это Пустыни рдеют
Огненная или суфа
Вз душ, когда нам втайне медуф
Камни вост без хвосте

- И еще¹ – как день встречали
Бледной² ночью огневой.
б. И восторги, и печали
Над таинственной Невой
Как мы черный день встречали³
Белой ночью огневой
17-20 а. Что за пламенные были
Говорила⁴ нам река!

¹ Начато: День

² Начато: Юной

³ а. Как мы бледный день встречали

^{б.} Этот старый день встречали

^{а.} Как мы старый день встречали

⁴ Рассказала

- Но не в эти дни светили
 Наши юные огни!
- б. Что за пламенные дали
 Открывала нам река!
 Но не эти дни мы звали,
 А грядущие века.
- Между 20–21 *зачеркнуто:*
 Что за пламенем пылали¹
 Наши юные сердца,
 Но не в эти дни светило²
 Наша пламя – без конца...
- 21–24 а Мы венчали не гнетущих,
 Не () и обман,
 Мы () знали
 Беззакатную зарю.
- б Пропускали дней гнетущих
 Отвратительный обман,
 Прозревали дней грядущих³
 Сине-розовый туман.
- 25–28 а Вместе с Пушкиным⁴
 б Пушкин, *тайную свободу*⁵
 Мы хвалили⁶ вслед тебе, (*вар. не зачеркнуто*)
 Помоги нам в непогоду,⁷
 Помоги в немой борьбе!⁸ ◇
- 29–32 а Это Пушкинская радость
 Поднимала нам сердца⁹
 б Это Пушкинская радость
 Окрыляла нам сердца
 В дни, когда нам пела младость¹⁰
 Наши песни без конца

¹ Но восторг, каким пылали (*Вар. не зачеркнуто*)

² Мы не эти дни венчали

³ а Нет мы знали дней грядущих

б *Начато*: Мы пр(озрели)

в *Начато*: Светло

⁴ Первоначально строфа намечена одним стихом

⁵ а *Начато*: Вслед за

б Вслед за Пушкиным мы знали

в *Начато*: И

⁶ а *Начато*: Пел ты

б *Начато*: Пели мы

в *Начато*: За тобой

⁷ Мы хвалили за тобой,

⁷ Помоги нам непогоду,

Пережить ()

⁸ *Начато*: Будь нам

⁹ Первоначально строфа намечена двустихием.

¹⁰ В дни, когда нам песни ()

- в Не твоя ли, Пушкин, радость
 Окрыляла нас тогда?
 Не твоих ли звуков сладость
 Вдохновляла в те года?[◇]
 35 Стены Пушкинского Дома[◇]
 37–40 а. И поныне¹, как когда-то,
 Уходя в ночную тьму,
 С белой площади Сената
 Земно кланяюсь ему.[◇] (вар. не зачеркнут)
 в. Вот зачем в часы заката,
 Уходя в ночную тьму,
 С белой площади Сената
 Тихо кланяюсь ему
 После 40 *зачеркнуто:*
 а. И душа в () плаче
 ()
 Может быть, еще богаче
 И зреее, чем была.
 б. Если жар души растрочен,²
 Если даже смерть пришла³
 Но печаль порой богаче
 Все [душа] ()

Вариант БА РГАЛИ

- 22 Отвра(тительный) обман,[◇]

Вариант АС ИРЛИ

- 30 Вдохновляла нас тогда.[◇]

Варианты Т₁₀

- 19 Но не эти дни мы ждали,
 21 Пропуская дней гнетущих

К.И. ЧУКОВСКОМУ

(“Как всегда, были смешаны чувства...”)

(С. 98)

Варианты ЧА

- 1 в. Как всегда, были спутаны чувства,
 б Как всегда, были смутны чувства,
 3 Как из лавки Дома искусства[◇]
 4 а. Мы в отдел управления шли...
 б На Дворцовую площадь шли...

¹ *Начато:* И теперь

² Пусть и жар души растрочен (Вар не зачеркнут)

³ Пусть и смерть () пришла (Вар не зачеркнут)

- 6 а Крематорственно–площадной –
- б Крематорной и площадной◇
- 7 а. Взгляд, и брови, и говор светский (*вар. не зачеркнут*)
- б Русский, праздничный говор светский◇
- 8 Александры Кропоткиной...

Примечания: 2) В отделе управления петросовета висит объявление “государственного крематория”, где указано, что всякий гражданин имеет право быть сожженным в бане на речке Смоленке, против Смол(енского) Лютеранского Кладбища.

НАБРОСКИ 1917 г.

(С. 99)

“И ШЕЛ И ШЕЛ...”

(С. 99)

- 1 “И плыл и плыл (*вар. не зачеркнут*)
- 2 Затерян в снах (*вар. не зачеркнут*)

РУССКИЙ БРЕД

(“Зачинайся, русский бред...”)

(С. 100)

- 8–22 *текст:* Есть одно, что в ней скончалось Бредовым
вписан и помечен “8 IV 1919”.
- 9 *стих вписан*

ШУМ СМЕРТИ

(“Я вошел туда. Толпа гудела...”)

(С. 101)

- 8а *начато:* Стиснув зубы и д()
- б. *как в тексте*

КОММЕНТАРИИ

В пятом томе настоящего издания помещены оригинальные поэтические произведения Блока, над которыми поэт работал в 1917 г. и далее по 1921 г., вплоть до своей кончины. Сюда относятся наброски конца 1917 г., завершенная в январе 1918 г. поэма “Двенадцать” и другие, более поздние произведения, среди которых несколько шуточных стихов и сенок, альбомных и книжных надписей и посвящений, а также стих. “Пушкинскому Дому” (1921). В этом же томе помещается незаконченная поэма “Возмездие” вместе с блоковскими подготовительными, сопроводительными и справочными заметками к ней; к созданию поэмы Блок приступил еще в 1909 г., но он продолжал размышления над нею, дописывал отдельные ее части и продумывал эпилог также и в последние годы своей жизни, даже ее последние месяцы.

Исходные и первоначальные основания, которые позволяют поставить вопрос о выделении оригинальной поэзии Блока 1917–1921 гг. в особый том издания, достаточно четки. С одной стороны, на сегодня не обнаружено каких бы то ни было стихотворений, которые Блок написал бы между июлем 1916 г., когда он решил приостановить свое поэтическое творчество, и концом 1917 г. (а именно к июлю 1916 г. относятся те последние, по времени создания, стихотворения Блока, которые вошли в настоящее издание в его третий том). С другой стороны, Блок и сам, даже гораздо позже своего возвращения в поэзию, считал началом новой и особой полосы своего творческого пути именно 1917 год, и, с его точки зрения, это должно было сохранять наглядность для читателя всегда. “Вот – я – до 1917 года, путь среди революций”, – заметил Блок о временных границах трехтомника своих “Стихотворений” уже много после Октября, когда включению в его третий том более поздних поэтических произведений ничто иное, кроме внимания к важности указанного рубежа, препятствовать не могло (*Дн.* 1919. 7 января). Обоснованность такого разграничения Блок как издатель своей поэзии подтверждал и в дальнейшем.

* * *

Если важные для Блока исторические, историко-литературные и биографические рубежи оправдывают обособление послеоктябрьской поэзии Блока в общем составе собрания его сочинений, то внутри этой части блоковского наследия обнаруживаются известная цельность и компактность. Они позволяют представить поэзию 1917–1921 гг. именно единым томом, без дополнительного деления на разные книги и включения каких бы то ни было ее частей, взятых порознь, в состав иных томов настоящего издания. Уяснение степени этой качественной целостности сказалось и на внутреннем строении тома. Оно же определило, наконец, и то место, на котором данный том настоящего собрания оказался расположен относительно четырех других его томов (три тома стихотворений 1898–1916 гг., составленные в окончательном виде самим Блоком; том стихотворений того же времени, которые Блок в свой итоговый трехтомный свод не включил).

Принятые на этот счет решения, обоснованные ниже, учитывают существо поэтической деятельности Блока 1917–1921 гг. и особенности тех условий, в которых эта деятельность, приостановленная в 1916 г., вновь начиналась и протекала. В круг предлагаемых обоснований входят как историко-литературные, так и теоретико-текстологические, аксиологические и чисто эдиционные соображения.

* * *

Установить с предельной и окончательной точностью, в какие именно дни после Октября Блок-поэт, к тому времени молчавший уже почти полтора года, обратился к стихам снова, сегодня не представляется возможным. Несомненно то важное значение, которое в этом возврате Блока к поэзии имел Октябрьский переворот и связанное с ним приветственное отношение поэта к начатому “крушению старого мира”. Именно эти исторические итоги 1917 г. укрепили в Блоке его давнюю надежду на коренное и полное преобразование как жизни русской интеллигенции (поэт считал эту жизнь “лживой, грязной, скучной, безобразной” – статья “Интеллигенция и революция”, январь 1918), так и жизни страны в целом и всего человечества.

Возможность своего нового и полнокровного творческого подъема Блок связывал с общественными переменами совершенно определенно. Весной 1916 г., незадолго до призыва на прифронтовые работы в Полесье, ощущая и спад подлинного поэтического вдохновения, и тягостную ему “невеликость” европейской войны, Блок засвидетельствовал в своей записной книжке: “... на днях я подумал о том, что стихи писать мне не нужно, потому что я слишком умею это делать. Надо еще измениться (или – чтобы вокруг изменилось), чтобы вновь получить возможность преодолеть матерьял”. Настойчивость такого решения возрастает в сознании поэта по ходу самой записи: слова “не нужно” внесены в нее вместо первоначальных “все ненужнее”, а существенная оговорка “или – чтобы вокруг изменилось” представляет собой приписку к уже готовой фразе (ЗК₄₈, 25 марта 1916 г.). Изобилие ярких жизненных впечатлений, полученных вскоре от службы в военно-строительной дружине, а также и от послефевральского Петрограда 1917 г., где Блок включился и в новую для него, познавательную богатую работу при Временном правительстве, и в уже привычную культурную жизнь, не смогло пробудить его к деятельности поэта. Это заставляло ждать повелительного позыва к творчеству от чего-то более напряженного, более решительно заряженного духом бурных общественных перемен.

Лишь после политического обострения в июле, после особенно резкого в связи с этим размежевания партий и в преддверии корниловского мятежа Блок признается себе в ожидании и в предчувствии близости такого революционного взрыва, который с особой силой и при каком бы то ни было трагизме последнего сможет разбудить в нем художника и бури, и гибели. Об этом он 15 августа 1917 г. пишет в своем дневнике, где через воспоминания об опыте 1905–1907 гг. нащупывает в современности те самые краски, которым предстояло насытить и его новую поэзию: “Едва моя невеста стала моей женой, лиловые миры первой революции захватили нас и вовлекли в водоворот... За миновавшей вьюгой открылась железная пустота дня, продолжавшего, однако, грозить новой вьюгой, таить в себе обещания ее... Теперь – опять налетевший шквал (цвета и запаха еще определить не могу)”. Сотрясением, обещавшим возврат к стихам еще более определенно, и явились для Блока, очевидно, октябрьские и ближайшие послеоктябрьские дни. Записывая в дневник, с не выявленных на сегодня автографов либо по памяти, ряд набросков, печатаемых в настоящем томе, Блок сообщает: “Вот что я пробовал в конце 1917 (вихрь зацвечал)” (25/12 мая 1918 г.). Приведенные Блоком наброски, как и сопровождающие их слова дневника о “вихре”, снова соотносятся, хотя и не достигая в этом предельной отчетливости, с образностью его первых законченных после Октября стихотворений. И, наконец, предожухение самого решительного устремления к поэтическому творчест-

ву, где художественная стихия вихря и бури естественно сливалась бы с напором исторического перелома, нашло у Блока выражение на самом рубеже 1917 и 1918 гг. (декабрь–январь). На пороге близкого созыва и близкого же насильственного роспуска российского Учредительного собрания 3 января, Блок свидетельствует в записной книжке № 56: “К вечеру – ураган (неизменный спутник переворотов)”. 4 января писатель работает над статьей “Интеллигенция и революция”, где развернуто и недвусмысленно рисует происходящее как оздоровительную бурю и очерчивает задачи художника как певца такой бури, призванного подняться до высоты ее “замыслов” вопреки сколь бы ни было тяжким жертвам и лишениям буден. 6 января в той же записной книжке № 56 повторяется многозначительная запись: “К вечеру – циклон”, где снова очевидна соотносимость и с общественной обстановкой дня, и с настроением блоковского вдохновения этой поры. А 8 января в этой же книжке у Блока появляется – наиболее раннее из сохранившихся – свидетельство его работы над поэмой “Двенадцать”.

Не исключено, что поэма “Двенадцать” была и задумана поэтом, и даже начата, еще раньше, а именно в декабре 1917 г., то есть в предрождественские или рождественские дни, с точки зрения “западного” христианства (см.: Тимофеев Л. Наследие поэта // Вопр. лит. 1980. № 10. С. 70–71). Но и при этом допущении вполне очевидно, что возврат Блока в поэзию был событием именно его послеоктябрьской жизни.

Гражданское самоопределение поэта в этих условиях было его решительным артистическим союзом с левыми силами, от большевиков до признавших Советскую власть левых эсеров. Блок считал, что эти силы представляют за побуждения глубоких народных стихий, несут в себе начала мощной небуржуазной государственности (“державности”), воплощают влечение народов к миру. В художественном отношении это был согласный творческий отклик на “зацветание вихря”, на “гул... землетрясения” (ЗК₅₆, 9 янв. 1918 г.), на “шум, возрастающий во мне и вокруг” (Там же. 29 янв.). С разрастанием гражданской войны, что превращало, по Блоку, “священное безумие” в “тоскливую пошлость” (1919, юбилейное приветствие А.М. Горькому), с жесткостью государственного надзора за культурой, с расколом между левыми партиями и, наконец, с введением новой экономической политики это сменялось рядом разочарований, в том числе и в идею “мирового пожара”, значительной в “Двенадцати”, и таким поворотом антибуржуазных настроений, при котором Блок теперь отвергал уже не только “старый”, но подчас послеоктябрьский уклад жизни. После 1918 г. поэзия Блока все более исполняется оттенков мученической и мужественной скорби, горьких сомнений под покровом непритязательной шутки, а также идей сугубо “тайной” свободы личности в жестких обстоятельствах.

Это составило особенную ступень в послеоктябрьском развитии поэта, вплоть до ощущения той смены очистительного переворота “железной пустотой дня”, о которой Блок наперед задумывался еще летом 1917 г. и которую, очевидно, считал естественной для кругообращений мировой жизни, с постоянным “обещанием... новой выюги” вслед за “пустотой”. Именно поэтому и “Двенадцать”, и “Скифы” (призыв к “братскому пиру” вышедшего из войны человечества), и печальные либо шуточные стихи об утрате “быта” и “уютя”, и скорбные строки из стих. “Пушкинскому Дому”, и трагическая героиня “Возмездия” (от пролога с ожиданием новых “мятежей” до замыслов эпилога с новым вызовом человека безразличным стихиям истории) так или иначе складываются в многосоставное, но при этом и целостное единство. Соотносимая по указанным признакам с тем поэтическим наследием Блока 1907–1916 гг., которое поэт осознанно свел в единую (третью) книгу своих “Стихотворений”, такая целостность и позволяет представить читателю подобным же образом послеоктябрьскую поэзию Блока. Поэзия Блока 1917–1921 гг. размещается в настоящем издании не только отдельно от поэзии более ранней, но и в виде единого тома.

Решение о подобной подаче материала обосновано не столько соображениями объема, сколько значительной качественной слитностью содержания поэзии Блока, относящейся к послеоктябрьскому времени. При подготовке этой части блоковского наследия к научному изданию следовало сопоставить способ ее размещения и с общими издательскими правилами, которых поэт держался в течение всей своей жизни.

Блок издавал свои стихотворения и в виде сборников, и в виде многотомных собраний, причем в последнем случае учитывал одновременно и необходимость уравнивать объем отдельных книг, и, очевидно, ту или иную неравноценность своего наследия.

Относительно того вида, который его поэзия и драма должны были получать в наиболее поздних итоговых и сводных изданиях, Блок высказался в дневниковой записи 7 января 1919 г. следующим образом: “Если удастся издать – пусть будут все четыре томика – одной толщины, и в них – одно лучше, другое хуже, а третье и вовсе без значения, без окружающего”. Однако даже признавая за разными произведениями внутри отдельных томов разный художественный вес, Блок не считал оправданным включение в каждый том всего созданного им за годы, опыт которых данный том представлял читателю.

При отсеве тех произведений, которые из итогового собрания исключались, Блок тоже исходил из соображений, которые едва ли были сводимы к обеспечению соразмерности между книгами. Подобному отбору Блок подверг всю свою поэзию 1898–1916 гг. Одну часть этого своего наследия он окончательно “канонизировал” для последующих издателей: так, в послеоктябрьские годы он окончательно определил в целом и упорядочил внутри, через обозначение разделов и циклов, содержание трех томов своих “Стихотворений”, составив за это же время и еще три сборника из стихов, написанных гораздо ранее – “За гранью прошлых дней”, “Седое утро”, “Отроческие стихи”. Другую же часть этого наследия поэт оставил в эдиционно не собранном виде, допускающем ныне печатание сплошь и подряд, с соблюдением одной лишь последовательности создания отдельных произведений или с жанровым и т. п. членением.

Особенность же произведений, составляющих том 5 нашего издания, такова, что внутри созданного в 1917–1921 гг. автор не производил никакого отсева вообще, и, тем самым, заниженный статус “отвергнутого” и “не включенного” не был сообщен ни одному из стихотворений того времени. В силу этого и издатель не имеет оснований для подобного решения: стихотворения этих лет не являются частью либо завершением “не включенных в основное собрание”, ибо это “основное собрание” доходит лишь до 1916 г. Они составляют в наследии Блока совершенно особый раздел – и хронологически, и стадийно, и ценностно.

Говоря о судьбе последних произведений Блока-поэта в прижизненной печати, следует учесть своеобразие условий его творчества в 1917–1921 гг. дополнительно. Взятые без поэмы “Возмездие”, особенно в ее частях и набросках, создававшихся до 1917 г., поэтическое наследие послеоктябрьского Блока не превосходит по объему ни один из томов его стихотворений более раннего времени. В 1917–1921 гг. Блок наиболее богато, и богато как никогда, проявлял себя в иных областях – как публицист и литературный критик, как деятель множества культурных организаций, лектор и служащий издательских, театральных и просветительных учреждений, как переводчик и редактор, отчасти как очеркист-историк, автор лирической прозы и драматург. На такую работу направлялась подчас наиболее значительная доля сил Блока. Восполнение этими занятиями относительно малых объемов созданного Блоком в поэзии было нередко органичным. Официальная служба и гражданская деятельность иного рода порою серьезно поддерживали поэта, спасали в тяжелых обстоятельствах бытовых лишений, голода и болезни; они до известной степени позволяли сохранять уверенность в себе вопреки горькому разрыву со многими

былыми близкими и единомышленниками, с кем Блока разлучила разница политического выбора. Сознание не вполне знакомой поэту ранее государственной ответственности придавало Блоку стоическую крепость духа и тогда, когда охлаждение, недоверие, и даже порою разлад и враждебность проникали в его отношения с властями предрержащими (давление со стороны государственных издательских служб, со стороны петроградской верхушки во главе с Зиновьевым; арест по политическому подозрению в 1919 г.), а также и с новыми союзниками либо временными спутниками из кругов творческой интеллигенции (М. Горький, М.Ф. Андреева, отчасти Н. Гумилев, В. Маяковский, Н. Павлович). Тем не менее только что перечисленные обстоятельства бывали способны оказывать на Блока и настолько угнетающее действие, что меру плодотворности работы поэта начинали пагубно определять именно они, как они ущемляли его деятельность и во многих иных областях. Однако в последние годы жизни Блока обозначилось и другое. Частота публикаций, число откликов и переводов у “Скифов” и “Двенадцати” неизмеримо выше, чем получало за любые три года какое-либо иное произведение поэта.

Не столь обширна, в сравнении с дооктябрьскими временами, издательская история иных поэтических произведений Блока последних лет. Многие стихи поэта – интимно-лирические, исповедальные, шуточные и даже публицистические – вообще не получили при его жизни широкого распространения и потому почти не попали в поле зрения критики. Это укрепляло представления об угасании Блока-поэта после “Двенадцати”, в которых сближались самые разные и даже враждебные друг другу лагеря. Обычные для того времени резко политические резоны в применении к искусству, особенно современному, отразились и на общих оценках, данных критиками и публицистами поэзии Блока сразу же или вскоре после его смерти. Эти суждения простирались от вульгарности полного отрицания справа, хотя бы и при высоком сочувствии “падшему художнику”, до безграмотно-плоского осуждения поэта за недостаточную идейную зрелость слева, хотя бы и при самодовольном одобрении Блоку как “попутчику”. Что же касается критики из вероучительных кругов, то она подчеркивала порок демонизма и святотатства не только в послеоктябрьской поэзии Блока, но и во всем его творчестве изначально.

Под воздействием критики того или иного рода, а отчасти и вопреки ей или складываясь помимо нее, круг читателей, слушателей и даже прямых почитателей Блока в поздние годы и обновился, и расширился, хотя по условиям гражданской войны тогда и не было возможности создавать устойчивые и прочные связи со сколько-нибудь постоянной аудиторией. Популяризацией новейшей поэзии Блока ему оказывало наиболее значительную помощь издательство “Алконост”, при участии, прежде всего, его учредителя и вдохновителя С.М. Алянского. За рубежом этому служили многочисленные издатели и переводчики, сосредоточившие наибольшие усилия на распространении во всемирной читательской среде первых послеоктябрьских произведений Блока – “Двенадцати” и “Скифов”. Как свидетельствует дневник 1921 г., а также последняя записная книжка поэта, ставшая достоянием читателя лишь сравнительно недавно, Блок наблюдал за распространением своих произведений за границей пристально и до самого конца жизни (см.: *Блок А. Собр. соч.*: В 6 т. М., 1971. Т. 6. С. 386).

Это соответствовало значительности художественных достижений поэта после Октября. Свойственный Блоку издавна мужественно-подвижнический, мученически-утверждающий, страстно-саркастический, проповеднический и самобичующе-исповедальный настрой его поэзии приобрел в эту новую пору чрезвычайно резкое и яркое выражение, что соединило, при всем напряжении между жизненными, историческими и художественно-содержательными полюсами 1917–1921, поэму “Двенадцать” и предсмертное обращение к “тайной свободе” под знаком Пушкина. Поэзия Блока поздних лет обнаружила преемственность и по отношению к его предреволюционным предчувствиям и свершениям, и относительно классической традиции в русской литературе и мировой литературе в целом.

Наиболее значительным в рукописном наследии Блока сводом его стихов 1917–1921 года является тетрадь, хранящаяся в *ИРЛИ* (T_{10}), в красном переплете с титульной надписью рукой поэта: “Александр Блок. Стихотворения 1918– “. В эту тетрадь черными чернилами и по правилам старой орфографии в разное время, от 1918 до 1921 г., Блок вписывал свои поэтические произведения (общим числом 10), а одно свое произведение вклеил – в изготовленной для поэта машинописи и с соблюдением новой орфографии. Там же Блок начал запись хронологического указателя к стихотворениям последних лет.

Из поэтических произведений Блока 1917–1921 гг. в упомянутую тетрадь вошло не все. Что же касается автографов, находящихся в тетради, то их вид говорит о том, что они занесены в тетрадь на относительно поздней стадии работы поэта над текстами своих произведений. Об этом свидетельствуют (помимо уже упомянутого использования Блоком чужой машинописи) изменения в ряде заглавий, колебания в датировках и прочие отличительные признаки позднейшего и дополнительного осмысления. Именно эта тетрадь оказывается основным источником соответствующих текстов при их печатании в настоящем томе: T_{10} содержит их либо в окончательном, либо в наиболее завершенном виде. Вопросы же, эти ли именно произведения, все ли из них и в данных ли редакциях Блок мог предназначать к сводному печатанию в сборнике, подобном упомянутому им под заглавием “Черный день” (*Дн.* 6 февр. 1921 г.), остаются открытыми.

Можно говорить более или менее определенно лишь о настрое этого сборника. Судя по заглавию, ему предстояло стать выражением нерадостных чувств и мыслей (ср. “Черный день! Как нищий просит хлеба, смерти, смерти я прошу у неба...” в одном из последних стихотворений Некрасова, а также образы “мрака в полдень” из общемирового наследия, включая Ветхий и Новый Завет; это отразилось и в отдельном стихотворении Блока, записанном в 1921 г. в альбом Пушкинского Дома, а также – еще раньше – в арии “Я живу в отдаленном скиту” (1919) для кантаты Ю. Шапорина). Состав же этого сборника не был наверняка определен окончательно и самим поэтом. Так или иначе, неполноту последней тетради Блока восполняют автографы, рассеянные по записным книжкам и дневникам (наброски разных лет), ряду альбомов, книжных собраний различных лиц и пр. Особого внимания заслуживают те источники текста, относительно которых авторство Блока невозможно ни окончательно установить, ни опровергнуть. Выявленные на сегодня поэтические произведения такого рода помещаются в разделе “Dubia” в т. 11 настоящего издания.

В данном томе подготовил текст и варианты поэмы “Двенадцать”, составил историко-литературный комментарий и написал историю текста О.П. Смола, при участии И.С. Приходько (в историко-литературном комментарии – с. 323–344); и с дополнениями А.К. Гоморева к перечню прижизненных публикаций поэмы.

подготовила тексты и варианты стихотворений 1917–1921 гг., составила историко-литературные комментарии и написала историю текстов Е.В. Иванова, при участии Е.А. Дьяковой (в историко-литературном комментарии – с. 465–472); авторы и редактор выражают благодарность Е.Ц. Чуковской за предоставленные материалы архива К.И. Чуковского и помощь в работе над ними;

подготовила текст и варианты поэмы “Возмездие”, составила историко-литературный комментарий (к Прологу, Предисловию, Третьей главе), написала историю текста И.А. Ревякина, при участии Д.М. Магомедовой (в историко-литературном комментарии – с. 408–415, 431–435, 439,451);

составил историко-литературный комментарий к Первой и (Вступлению) ко Второй главам, а также подготовил текст и составил историко-литературный комментарий к «Матерьялам для поэмы (“Возмездие”»)» Л.И. Соболев.

Вступительную статью написал С.А. Небольсин. Подбор иллюстраций осуществлен И.Е. Усок. Редактор тома – С.А. Небольсин.

ДВЕНАДЦАТЬ

(“Черный вечер...”)

(С. 7)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА (вместе с ранними вариантами первой главы и рядом черновых набросков) – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 1–21. “Двенадцать”. Январь 1918 года (черновик) (ЧР ИРЛИ); БА – Т₁₀. Л. 2–21. “Январь 1918”; печ. текст (Знамя труда. 1918. № 147. 3 марта (18 февр.) – ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 14. “Январь 1918 г.” (под текстом), с авторской правкой.

Впервые: Знамя труда. 1918. № 147. 3 марта (18 февр.) – с лексическими, пунктуационными и строфическими вариантами.

Публикации: Наш путь. 1918 (апрель). № 1. С. 1–12; отдельные издания: Двенадцать. Скифы. Предисловие Иванова-Разумника “Испытание в грозе и буре”. С.-Петербург: Революционный социализм. 1918; Двенадцать. Рис. Ю. Анненкова. Пб.: Алконост. 1918; Двенадцать. Рис. Ю. Анненкова. 3-е изд. Пб.: Алконост. 1918; Двенадцать. 4-е изд. Пб.: Алконост. 1921.

В 1918–1921 гг. поэма неоднократно перепечатывалась в России и за рубежом. На русском языке: “Новый путь”. Одесса. 1918 (со вступительной статьей Р.В. Иванова-Разумника); “Огоньки”. Одесса. 1918. № 23. С. 7–10; “Жизнь”. Одесса. 1918. № 21. С. 8–10; Универсальная библиотека. Одесса, 1918; Красноярск. 1919. С. 4 (в форме листовки, нелегалн. издание); Двенадцать. Одесса, 1919, апрель (Издание комиссии по устройству пролетарского праздника 1-го Мая); Двенадцать // Стихи и проза о русской революции. Сб. первый. Современная мысль: Киев, 1919; Двенадцать // Просвещение. Чернигов. 1919. № 10 (август); Две поэмы. Тифлис: Кавказский посредник, 1919; “Дальневосточное обозрение”. Владивосток, 1919. 12 окт.; “Двенадцать” и “Скифы”. Поэмы. “Феникс”. Тифлис–Баку, 1919; Российско-болгарское книгоиздательство. София, 1920 (предисл. П. Сувчинского); Двенадцать. Скифы. С девятью иллюстрациями Н. Гончаровой и М. Ларионова. Мишень. Париж, [1920]; Двенадцать. Скифы. С четырнадцатью иллюстрациями Н. Гончаровой и М. Ларионова. Мишень. Париж, [1920, июнь]; Скифы. Двенадцать // Испытание в грозе и буре. Скифы, Берлин, 1920. С. 45–67; Двенадцать. Севастополь: ГИЗ, 1921, май (2 завода); Двенадцать. Всеукраинское государственное издательство. Харьков, 1921 (отпеч. на множ. аппарате); Двенадцать // Поэзия большевистских дней. Берлин, 1921. С. 3–15; Двенадцать // Солнечный путь // Сб. революционно-художественной поэзии. Кисловодск, 1921. С. 14–30. Двенадцать // Голос максималиста. Благовещенск, 1921. № 1–2.

Переводы: Les Douze // La Vie Ouvrière, 1920. 2 avril; *Blok Alexandre Les Douze*; Trad. du russe par Serge Romoff; Avec sept ill. d'après les dessins de Michel Larionow. P., Edition l'art la Cible, [avr.] 1918, 1920; американское издание: *Alexander Blok. The Twelve*. Transl. from the Russ. by Babette Deutsch and Abraham Yarmolinsky. Introd. by the transl. N.Y.: B.W. Huebsch Inc., 1920; польские издания: *Alexander Blok. Dwanastu* (Poemat o rewolucji). Przekład Karola Winawera. Warszawa. 1921; *Blok A. Dwanastu* / Пер. С. Войнаровской // Robotnik. Warszawa, 1921; немецкие издания: *Alexander Blok. Die Ballade der Zwölf*. Deutsch von Arnold Ulitz. “Der Neue Merkur”. München. 1920. März-Heft; *Alexander Blok. Skythen. Die Zwölf*, übertragen und eingeleitet von Reinhard von Walter. B.: Skythen, 1920; *Alexander Blok. Die Zwölf*, übertragen von Wolfgang E. Groeger. B., Newa. 1921; английское издание: *Blok A. The Twelve* / Tr. and introduced by C. Bechofer. Chatto and Windus. London, 1920; чешское издание: *Alexandr Blok. Dvanáct. Revolyční báseň o 12 částech*. Přel. Yaro Bilek. Pochoden. R. XIV. С. 21, 25.5.1921, S. 2; болгарские издания: *Блок А. Дванадесетте* / Пер. Д. Осинина // Червен смях. [София], 1920. Кн. 3; *Блок А. Дванадесетте* / С ил. на М. Ларионов и М. Гончарова. Прев. Г. Милев. София, 1921; итальянские издания: *Blok A. Canti bolscevichi. Dvjenadzat*. Prima trad. italiana del russo. Milano. R. Quintier. 1920 *Blok A. Poesia e arte bolscevica*. Gli Sciti, Dodici Pistoia,

В. ЗАМИРАЙЛО. ЭСКИЗ ОБЛОЖКИ
НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ИЗДАНИЯ ПОЭМЫ "ДВЕНАДЦАТЬ". 1921

Rassegna internazionale, 1920; украинское издание: Блок А. Двенадцать / Пер. на укр. яз. С. Юрась. Киев: Мистецтво, 1919. № 4, апр.

Печатается по тексту: Александр Блок. Двенадцать. Петербург: Алконост, 1918.

Первое сохранившееся упоминание о поэме – ЗК₅₆ (8(21) января 1918 г.): «Весь день – “Двенадцать”». Вторая помета сделана там же 15(28) января, то есть через неделю после первой: «Мои “Двенадцать” не двигаются. Мне холодно».

Примерно через две недели после этого Блок еще дважды помечает: 27 января

Издано нелегально в 1919 г.
в Красноярске под видом
"Бюллетя".

„ДВЕНАДЦАТЬ.“

Черный вечер,
Белый свет...
Ветер, ветер,
На ногах не стоить человека.
Ветер, ветер—
На воле Божьей свята.
Белый свинец,
Под свинцом ледец.
Сильнее, тяжелее—
Великий ходок
Снегента—ах, бедняжка!..
Отъ иданя къ иданю
Протянуть канат.
На канатъ плавать:
„Все знает Учредительному Собранию“.
Отрушка убьется, плачет,
Никакъ не побьется, что значить,
На что такой плавать,
Такой огромный ледец.
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А великий раздѣл, разуть...
Отрушка, какъ курица,
Кос-какъ переступала черезъ сугроба.
„Ох, Макушка Заступница,
Ох, большаки выгнать въ гроб!“
Ветеръ хлещетъ.
Не отсыпаетъ и морозъ.
И бурный на нерястѣй
Въ порогѣхъ упрямъ весь.
А что кто? Давнико холода
И говорить невольно:
— „Преданъ.
Погнана Россія“.
Давнико бѣга плавать
Вунно.....
А вотъ и дагошней—
Отрушкой на сугроба,
Что ничто холода,
Товарищъ вечер?
Помнишь, какъ было

Божьихъ шель впередъ,
И простоя сіаю
Вриво на народъ?....
Вотъ берина въ паркутъ
Къ другой повернулся:
„Ужъ имъ плавали, плавали...“
Посквозьулась
И—баль!, растаулась....
Ай, ай!!!
Тая, поднивай!!!
Ветеръ веселый
И волъ и радъ.
Крутитъ повои,
Преконитъ носитъ.
Растъ, вьстъ и вьстъ
Большой плавать:
„Все знает Учредительному Собранию“.
„...И у насъ было собраніе
...Вотъ въ этомъ иданіи.
...Обсудили,—
Постановили.
На время—десять, на ночь—двадцать пять,
И меньше ни съ кого не брать.
...Поднять опять...“
Повній вечеръ.
Пустѣетъ ушпа,
Однѣ бредитъ сугуба,
Да санитѣхъ ветеръ....
Эй, бѣнлага.
Подожди—
Пещуется....
Хлѣба?!
Что впередъ.
Продожди!!!
Черное, черное небо.
Завѣе, грустна явба
Вьспитъ изъ груди...
Черная явба, слетая явба...
Товарищъ, гляди въ оба...

“ДВЕНАДЦАТЬ”. ПЕЧАТНЫЙ ТЕКСТ НЕЛЕГАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ ПОЭМЫ
Красноярск
С припиской А. Блока

(9 февраля) – “Двенадцать” и на следующий день, 28 января (10 февраля), также без пояснений, но трижды подчеркнутое – “Д в е н а д ц а т ь” (ЗК₅₆).

Помета от 28 января (10 февраля) в записной книжке совпадает с пометой в конце черного автографа поэмы: «”28 января 1918 (оконч.)”».

Основная работа над поэмой, таким образом, завершена в конце января 1918 г., однако через три дня поэт возвращается к ней. 14 февраля (уже по новому стилю) он вновь помечает – “Двенадцать” (ЗК₅₆). Название поэмы вписано в перечень дел, о которых, судя по другим пометам этого дня, Блок хотел, видимо, переговорить с Ивановым-Разумником.

17 февраля 1918 г. делается запись, свидетельствующая о доработке уже законченного произведения: «"Двенадцать" – отделка, интервалы» (ЗК₅₆).

Некоторые уточнения в датировку поэмы вносят косвенные свидетельства, и среди них – сообщение жены поэта, Л.Д. Блок, указавшей, что поэма писалась “около двух недель” (Медведев П.Н. Из истории создания произведений Ал. Блока // Звезда. 1926. № 1. С. 243). Как пишет биограф поэта М.А. Бекетова, поэма создавалась стремительно, “одним порывом вдохновения” (Бекетова I₂. С. 257). Встретившись с Блоком, К.И. Чуковский записал в дневнике 12 января 1921 г.: «Он показал мне черновик “Двенадцати” – удивительно мало вариантов отвергнутых. Первую часть – больше половины – он написал сразу, а потом, начиная с “Невской башни”, “пошли литературные фокусы»» (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 254). Со ссылкой на поэта Чуковский утверждал, что весь массив работы над “Двенадцатью” ложится на последние два дня перед окончанием поэмы (З М. 1922. № 6. С. 158). Первый по времени исследователь творческой истории “Двенадцати” П.Н. Медведев пришел к выводу, что «если “Двенадцать” созданы и “одним порывом вдохновения”, то длительность этого порыва приходится признать очень продолжительной – около двух недель (...) самый вид черновиков, разные сорта бумаги и карандашей, которыми пользовался поэт, наличие чернильной сводки первой главы – все это указывает на длительность творческого процесса» (Звезда. 1926. № 1. С. 243).

Р.В. Иванов-Разумник полагал, что “вся работа над поэмой заняла ровно три недели” (РГАЛИ. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 2. С. 471). Поэма писалась, считает В.Н. Орлов, в течение трех недель: «... в работе над поэмой был длительный перерыв и (...) хотя в основном “Двенадцать” и были действительно написаны в течение двух дней, в целом процесс создания поэмы растянулся на три недели» (СС-8₃. С. 625–626).

Любое из этих утверждений можно оспорить. Первое упоминание Блока о поэме от 8 января («Весь день – “Двенадцать”») не говорит именно о начале работы. Замысел “Двенадцати” мог возникнуть до января 1918 г. И тогда же, возможно, началась и сама работа, пусть и предварительная, под поэмой. «Обычно начало работы над поэмой, – пишет Л.И. Тимофеев, – относят к 8 января по записи в 56-й Записной книжке, которая начата только 1 января, но сама запись говорит о поэме, может быть, и не впервые: «Весь день – “Двенадцать”», – ее можно понять и как запись не о начале работы, а о ее продолжении. 55-я же Записная книжка до нас не дошла. Так что сказать с полной уверенностью, что ранее у Блока не было записей о поэме в не дошедшей до нас Записной книжке, – нельзя» (Вопр. лит. 1980. № 10. С. 70–71). Необходимо учесть также, что фраза «Весь день – “Двенадцать”» не означает, что в этот день поэма именно писалась; она могла только обдумываться.

Работа над поэмой длилась не весь январь; она действительно прерывалась и, вероятно, на немалый срок, о чем косвенно свидетельствует запись от 25 января: “Думы, думы – и планы – столько, что мешают приняться за что-либо прочно” (ЗК₅₆).

Черновой автограф поэмы представляет собой исписанные черным карандашом с одной стороны двадцать листовок разносортной бумаги. Первый листок (нумерация архивная) является обложкой черногового автографа, с надписью-заглавием посередине: “Двенадцать. Январь 1918 года (черновик)”; на третьем листке с обеих сторон черными чернилами (с двумя карандашными вставками) записана сводная черновая редакция первой главы.

Черновой автограф поэмы записан на бумаге, различающейся по цвету и плотности. На бумаге желтоватой, плотной – главы I, III, IV, V, IX и заключительная строфа XII главы; на белой плотной – II глава; на белой тонкой – VI, VII, VIII и XII (без заключительной строфы) главы; на белой линованной – X и XI главы. Обложка – желтоватая бумага.

Не до конца проясненной остается последовательность в написании глав поэмы. После встречи с Блоком К.И. Чуковский записывает в дневнике слова поэта: «Я думаю только про согласные, относясь к ним сознательно, в них я виноват. Мои “Двенадцать” и начинались с согласной ж: Уж я ножичком / Полосну, полосну»» (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 254). Год спустя в развернутом виде свое свидетельство Чуковский воспроизвел в очерке “Последние годы Блока”, а именно: “Эти два Ж в первой строчке показались ему весьма вы-

разительными. Потом перешел к началу и в один день написал почти все: восемь песен, до того места, где сказано:

Упокой, господи, душу рабы Твоея.
Скучно”

(ЗМ. 1922. № 6. С. 158–159).

С утверждением К.И. Чуковского расходятся выводы П.Н. Медведева. Изучив черновой автограф, он высказал предположение, что писание поэмы началось со второй главы, с наброска, ставшего потом одной из ее последних строф (ст. 109–110) и расположенного на верху л. 5, прямо перед началом главы: “Товарищ, винтовку держи, // Не трусь // Сразим мы пулей // Свяю Русь”. После второй главы, по его расчету, были написаны шестая, седьмая, восьмая и двенадцатая (без заключительной строфы). Затем десятая и одиннадцатая. И, наконец, все остальные, включая финал двенадцатой. В своих выводах Медведев исходил, прежде всего, из того, что если знать, в какой последовательности при написании “Двенадцати” поэт пользовался разной по сорту бумагой, то можно тем самым восстановить и последовательность в написании глав. Вот некоторые данные анализа П. Медведева. На л. 18 (белая тонкая бумага) записан набросок:

Переулочки пусты
В те глухие переулки,
Где одна пылит вьюга,
Да в сугробы пуховые, –
Ин не вынешь сапога.
Их винтовочки стальные
На незримого врага

Этот набросок густо зачеркнут черным карандашом, а затем воспроизведен тем же карандашом, но в редакции, близкой к основному тексту, на л. 17 (белая линованная бумага). Из этого делается вывод, что поэт пользовался линованной бумагой после белой.

Еще одно наблюдение: первая глава писалась тогда, когда уже существовали наброски, вошедшие в девятую главу. “В этом убеждает нас, – пишет исследователь, – следующее обстоятельство: первая страница черновика, заключающая в себе наброски I главы поэмы, сверху имеет помету – IX (глава) и под нею – (...) строки, густо зачеркнутые:

Стоит буржуй на перекрестке
И нос упрятал в воротник.

Эти две строки действительно входят в IX главу, хотя расстановка слов во второй из них иная” (Медведев П.Н. Из истории создания произведений Ал. Блока. С. 244). Значит, писание поэмы началось не с первой главы.

«Наконец, то, что на бумаге с желтоватым оттенком написана I глава, как мы видели, отнюдь не первая по времени написания, что эта глава имеет сводную редакцию, написанную чернилами, что Блок обычно делал в заключительных стадиях работы, что из этой же бумаги сделана общая обложка для черновиков, что написанная на той же бумаге IX глава является, несомненно, позднейшей вставкой, в чем удостоверяет ранняя разметка глав – все это дает основания утверждать, что бумага с желтоватым оттенком была последнею, которою пользовался Блок в работе над поэмой. Таким образом устанавливается следующая последовательность черновиков (...) в зависимости от сорта использованной бумаги: белая плотная – белая тонкая – линованная – желтоватая» (Там же).

Всю систему доказательств и выводов П.Н. Медведева можно было бы считать бесспорной, если допустить, что поэт не мог пользоваться бумагой в случайной последовательности сортов. Однако Медведев не ограничивается изучением лишь последовательности в использовании различных сортов бумаги. Свои выводы он подкрепляет анализом

композиции поэмы, подтверждающим первоначальные выводы. “Двенадцать” – поэма лирико-драматическая. Лирические мотивы в ней обрамляют драматический сюжет. «Оказывается, что главы, написанные на белой бумаге, то есть те, с которых началась работа над поэмой, заключают в себе как раз все главнейшие моменты драматического сюжета этого произведения. Тут и появление, “первый выход”, двенадцати красногвардейцев, и – экспозиция драматического действия – разговор о Ваньке и Катьке (гл. II), и убийство Катьки – кульминационный пункт драмы (гл. VI), и страдания Петрухи (гл. VII), и разрешение его мучений – своеобразный социальный катарсис: “мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем” (гл. VIII и XII до строки 327). Очень показательно, что вся XII глава до <...> концовки с Христом дана в поэме как продолжение монолога Петрухи, начатого в VIII главе и прерванного лирическими отступлениями глав промежуточных.

С этого, как мы видели, началась работа над поэмой. Таким образом, мы приходим к следующему основному выводу: написание поэмы началось с центрального драматического эпизода – любовной трагедии Катьки–Петрухи–Ваньки, являющегося своеобразной модификацией старого романтического сюжета, неоднократно использованного и самим Ал. Блоком – Коломбина–Пьеро–Арлекин.

В данном случае поэт только “снизил” свой сюжет, оставив в силе всю его традиционную мотивацию.

Разработав эту часть своего замысла в его основных положениях, Ал. Блок затем восполняет его промежуточные звенья (гл. X и XI). И только после этого он принимается за лирические мотивы поэмы, вводя в нее целую систему лирических перебоев и завершая поэму лирико-метафизической концовкой о Христе. Так, очевидно, создавалось, выросло, оформлялось это знаменитое произведение» (*Там же*. С. 245).

В левом верхнем углу л. 11 (седьмая глава), наискосок от цифры VII, написано: «“Двенадцать” (человек и стихотворений)». Эта помета заставляет думать, что заглавие поэмы пришло к Блоку не сразу, а в процессе работы, во время писания VII главы, и что мысль о числе глав также пришла к поэту не сразу. Отдельные главы-стихотворения уже писались, в процессе писания постепенно обретал конкретное выражение замысел, а вместе с этим оформлялась и композиция поэмы. Никакого предварительного плана произведения, по мнению П.Н. Медведева, у Блока не было, оно создавалось чисто лирически, как цикл стихотворений. Пометка «“Двенадцать” (человек и стихотворений)» показывает, что поэт “мыслил свою поэму как свод отдельных стихотворений. Каждая глава – отдельное стихотворение; каждое стихотворение – отдельный мотив. Работа в первой стадии сводилась к исчерпывающему выражению данного мотива в данном стихотворении. Затем – вторая стадия работы – установление последовательности этих отдельных стихотворений-мотивов, прикрепление их к определенному месту, превращение их в главы поэмы и, как внешнее выражение этого – нумерация глав” (Звезда. 1926. № 1. С. 246).

Изучение черного автографа поэмы показывает, что поэт, еще не завершив всей работы над отдельными главами-стихотворениями, уже думал над их последовательностью. К окончательной расстановке глав Блок приходит не сразу, о чем свидетельствует трижды менявшаяся нумерация глав (в черновом автографе главы обозначены римскими цифрами; к арабским поэт перешел, переписывая поэму набело). Определяя место уже написанных глав, Блок не только меняет нумерацию, но и, как мы увидим, продолжает работу над текстом поэмы в целом и, прежде всего, над первой главой. Первыми получили цифровое обозначение следующие главы основного текста: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11. В черновом автографе эти главы первоначально значились под цифрами, соответственно: I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX. Наметив последовательность девяти глав поэмы, Блок принимает новое решение: картину вечернего Петрограда с его фигурами старого мира – буржуа, старушки, барыни и т.д. – поместить, для перебивки планов, между VIII и IX главами (с их разыгравшейся стихией и непрерывным движением красногвардейского отряда). Для этого берется новый лист, сверху ставится цифра IX (поскольку эта глава долж-

на была идти вслед за восьмой) и ниже делаются наброски, начиная с вычеркнутого позже двестишестидесяти: “Стоит буржуй на перекрестке // И нос упрятал в воротник”.

В процессе работы замысел, однако, снова меняется. Картиной-фоном вечернего Петрограда поэт решает открыть поэму. Уже сделанные наброски новой IX главы сохраняются (кроме вычеркнутого двестишестидесяти), к ним добавляются новые, цифра IX зачеркивается, рядом, слева, ставится цифра I – так возникает первая глава основного текста. Появившись на свет, она заставляет изменить первоначальную нумерацию: бывшая первая (I) становится второй (II), вторая (II) – третьей (III), третья (III) – четвертой (IV), четвертая (IV) – пятой (V), пятая (V) – шестой (VI), шестая (VI) – седьмой (VII), седьмая (VII) – восьмой (VIII), восьмая (VIII) – девятой (IX), девятая (IX) – десятой (X).

Это цифровое обозначение первых десяти глав не было окончательным. Возник новый замысел: вслед за лирическим монологом Петьки (VIII глава) поместить, опять-таки для перебивки планов, городской романс “Не слышно шуму городского...”. Этот романс образует часть IX главы текста. Но, так как IX глава уже существовала (по предыдущей нумерации), частично пришлось вновь, уже в последний раз, перенумеровывать главы: бывшая девятая стала десятой, а бывшая десятая – одиннадцатой.

За последней главой закрепляется цифра XII – без каких-либо изменений.

В главе девятой (л. 14) ст. 247 записан в двух вариантах: “Над невской башней тишина” (вариант, ставший основным) и “Над старой башней тишина”. Второй вариант, как и первый, не зачеркнут. Видимо, у поэта оставались сомнения относительно выбора слова. Это подтверждает и дальнейшая судьба эпитета: в БА (T_{10}) сначала был записан вариант со “старой башней”, потом слово “старой” зачеркнуто и сверху написано – “невской”.

В десятой главе ЧА в верхнем левом углу 16-го листа Блок записал: “И был с разбойником”. Ниже приписано: “Жило двенадцать разбойников”. Первая часть записи восходит к образу Христа, распятого вместе с двумя разбойниками. Один из них “хулил” Иисуса, другой, уверовав в него, попросил о спасении, на что Иисус ответил: “Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю” (Лк. XXIII. 39–43).

Вторая часть записи восходит к стиху “Было двенадцать разбойников” из баллады Некрасова “О двух великих грешниках” (“Кому на Руси жить хорошо”).

Обращение к образу Христа, который “был с разбойником”, спасал души гонимых, падших, да и сам был “к злодеям причтен” (Мк. XV. 28), так же как и обращение к легенде о двенадцати разбойниках во главе с “лютым” атаманом Кудеяром, которого за все его злодеяния Бог простил после того, как тот убил изверга и душегуба пана Глуховского, имеет непосредственное отношение к блоковской концепции революции и ее движущих сил. Незримый образ Христа, по самому глубинному смыслу происходящего в поэме, не отделим от коллективного образа двенадцати дозорных революции, носителей народного возмущения, которым “На спину б надо бубновый туз”. И в этом Блоку Некрасов с его двенадцатью разбойниками близок.

Основой текста первой главы послужил черновой набросок IX главы. Цифра IX была здесь зачеркнута, и слева от нее поставлена цифра I. Переработки сделаны позже, с учетом уже существовавшего наброска IX главы, на полях листа, слева и справа. Записанное под цифрой IX двестишестидесяти:

Стоит буржуй на перекрестке,
И нос упрятал в воротник

– здесь зачеркнуто и с незначительными изменениями вошло в IX главу.

Вторая глава (л. 5–7), судя по обилию вариантов, оказалась для поэта одной из самых трудных. Если предположить, что работа над поэмой началась именно со второй главы, то можно сказать, что самые первые усилия поэта были направлены на поиски того словесного и ритмического начала, которое задало бы динамику всему произведению: “Кустарник, ночь, порхает снег” – “Ночь. Перепархивает снег” – и т.д. Добиваясь лаконичности, поэт стремился усилить в рисуемой панораме динамический элемент. Такая же рабо-

та продельвается со вторым стихом. Энергичное “Идут двенадцать человек” – это уже третий вариант. Первые два лишь констатировали количество участников красногвардейского дозора: “Всех их двенадцать человек” и “А их двенадцать человек”. Сопоставление вариантов убеждает в том, что усиление динамического начала, использование многообразных контрастов, поиски лаконичных средств выразительности, непрерывная смена ритмов, усиливающих и, вместе с тем, “гармонизирующих” звучание “мирового оркестра” – вот то главное, чему подчинил свои усилия поэт в работе над “Двенадцатью”. Так, например, в одном из вариантов ст. “Винтовок сальные ремни” эпитет “сальные” зачеркивается, на его место ставится – “черные”. В результате возникает контраст (“черные” – “огни”):

Винтовок черные ремни,
Кругом – огни, огни, огни...

В шестой главе (л. 11) между ст. 177 и 178 – отточие, возможно, употребленное как эвфемизм (смягчение ругательства по адресу Ваньки):

Трах-тара-рах! Ты будешь знать,
.....
Как с девочкой чужой гулять!

Это отточие поначалу отсутствовало и сделано, вероятно, после того, как глава была закончена.

В черновых вариантах седьмой главы (л. 12 и 13) убийца назван не Петькой, как в основном тексте, а Васькой: “Лишь у Васьки, у убийцы” (ст. 189) и “Что ты, Васинька, невесел” (ст. 195). Скоро, однако (ст. 197), этот персонаж обретает новое имя – Петька. Прежнее имя зачеркивается, но в десятой главе чернового автографа появляется снова: “– Где ты Спаса видел, Вася?” – и это наводит на мысль, что десятая глава была написана, вероятно, раньше седьмой.

Седьмая глава – одна из самых сложных в композиционном отношении. После первых трех строф на том же л. 12 записан первый вариант заключительных строк главы (ст. 223–228). Затем вариант зачеркивается, и уже на 13-м листе записываются новые строфы, развивающие мотивы третьей строфы (диалог Петьки с другими красногвардейцами). Однако рождаются они не сразу. Впервые за все время работы над поэмой Блок составляет на бумаге план недописанной части главы, для чего на л. 13 записываются три стиха, намечающие, как это видно из дальнейшей работы, сюжетно-психологическую основу этой части главы: “Загубил я девку зря”; ниже – второй стих: “Эх, товарищ дорогой!” и еще ниже: “Он опять развеселился” (с вариантом “повеселел”). Затем, согласно намеченному плану, оформляются заключительные строфы главы.

Посередине л. 17, после первой строфы XI главы зачеркнуто четверостишие:

Ах ты горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Оно почти точно повторяет вторую строфу из III главы поэмы. Это может означать, что начало работы над XI главой предшествовало написанию III главы. Такое предположение косвенно подтверждается последующей работой над одиннадцатой главой. После зачеркнутой строфы идут ст. 280–285, целиком совпадающие (за исключением перестановки двух слов) с основным текстом и составляющие вторую строфу XI главы. Строфа записана аккуратным и четким почерком, как это бывает, когда готовый текст переписывается набело. И действительно, черновой вариант этой строфы мы видим записанным, а потом перечеркнутым уже на 18 л., на котором начата работа над XII главой. Можно предположить, что строфа сначала рассматривалась Блоком как часть XII главы, а потом перекочевала в XI – или вероятней 18 л. был взят поэтом для черновых набросков XI главы, а

потом (на листе осталось много чистого места) он использовался и для набросков XII главы. Самые первые наброски XII главы “прижаты” к верхнему углу листка, как бы отодвинуты на периферию и, значит, записаны позже вычеркнутой строфы.

На 18 л. располагаются три наброска:

Так идут державным шагом
[Вслед за вьюгой]

А в глаза им – красным флагом,
Впереди идет Христос.

Позади – голодный пес,
Впереди – Иисус Христос.

По-видимому, это план главы. “В этих намеченных вехах, – пишет Р.В. Иванов-Разумник, – уже даны и начало, и середина, и концовка всей двенадцатой главы” (СС₁₂. Т. 5. С. 126).

Из этого следует, что образ Христа, вопреки распространенной точке зрения, появился в финале поэмы не неожиданно. Помета на полях чернового автографа X главы (“*И был с разбойником*”), а также упоминание Христа в самом начале работы над XII главой говорит о том, что мысль о Христе как союзнике красногвардейцев жила в сознании поэта, вероятно, с момента возникновения самого замысла “Двенадцати”. События на рубеже 1917–1918 гг. увязали в один узел замыслы трех его произведений – статьи “Интеллигенция и революция”, пьесы о Христе и поэмы “Двенадцать”.

С большим трудом далась поэту заключительная строфа. Все свои усилия поэт подчиняет поискам соответствующих замыслу предельно емких форм выражения. Несколько растянутое “А в глаза им – с красным флагом” он заменяет лаконичным и экспрессивным “Впереди – с кровавым флагом”. Нагнетая энергию финала, Блок перестраивает синтаксис начального варианта 330 ст. (“В снежной вьюге невидим”), уподобляя его следующему за ним стиху:

И за вьюгой невидим,
И от пули невредим...

Последний стих поэмы (“Впереди – Иисус Христос”) родился не сразу. Перебрав несколько вариантов, Блок остановился на “Впереди – Иисус Христос”. Народное “Иисус” больше соответствует народному, в трактовке поэта, характеру революции. Последний стих в основном тексте стал перекликаться со ст. 329 (“Впереди – с кровавым флагом”) и смыслом, и звучанием, в результате чего строфа приобрела большую целостность и завершенность.

28 января 1918 г. поэма была закончена, и 17 февраля Блок записывает: «“Двенадцать” – отделка, интервалы». В течение какого времени продолжалась отделка, когда точно она была закончена, сказать трудно. Однако мы располагаем свидетельством первого публикатора и интерпретатора “Двенадцати” – Р.В. Иванова-Разумника, который держал в руках “сводный чистовик” поэмы, с которого она набиралась в газете “Знамя труда”. “Чистовик” этот, отразивший весь процесс работы Блока над поэмой в промежутке от 28 января до момента набора поэмы в “Знамени труда”, не сохранился, мы можем судить о нем лишь по описанию Р.В. Иванова-Разумника. «Чистовик этот, – пишет он, – написан на пяти больших листах плотной белой бумаги, исписанных крупным почерком и чернилами с обеих сторон; кружки и черточки красным карандашом обозначают собою интервалы. Первые четыре листа (стр. 1–16) вложены в пятый лист, первая страница которого является обложкой с надписью на ней “Двенадцать”, а последние две страницы (стр. 17–18) заканчивают собою поэму. Ряд строк густо зачеркнут и над ними надписан окончательный текст.

Таких строк во всей этой чистовой рукописи – немало; окончательное установление канонического текста произошло поэтому не сразу при переписке черновика в этот чистовик, а было результатом постепенной работы. В этом чистовике первоначальный текст 33 строки первой главки был еще – “Ох, Создатель!”, как это было и в черновике. В третьей с конца строке первой главки первоначальный текст черновика – “Честная злоба, святая злоба”; такого варианта в черновике не встречается. В третьей главе последний куплет состоял в чистовике из шести строк – строфы в четыре строки и концовки в две строки, как это и воспроизведено выше при исследовании черновика этой главки. Лишние строки густо зачеркнуты в чистовике, и строфа приведена к своему каноническому тексту. В главе пятой первоначальный текст строки 15 чистовика – “Аль забыла, ты, холера?” – вместо двух средних слов этой строки в черновике мы имели незаполненный пробел. Строка 20 этой же главки в чистовике еще имела текст: “Юбкой улицу мела”, густо зачеркнутый и замененный надписанной сверху канонической строкой. В главе шестой (как и раньше во второй) слово “революционный” в чистовике написано было через “и” (как и в черновике), переделанное на мягкий знак. В главе седьмой – ряд изменений в строках 26–30 печатного текста. В первой из этих строк текст чистовика сперва был “Хочешь вывернуть” по черновику, а следующая строка была “Сохрани свою осанку”; этого варианта в черновике не было. Наконец, через две строки текст черновика “Чтобы нежиться с тобой” был сохранен и в чистовике. Все эти не совпадающие с каноническим текстом слова густо зачеркнуты, и над ними надписаны слова окончательного текста. В главе девятой вторая строка написана по варианту черновика – “Над старой башней тишина”, как это и было напечатано в “Знамени труда” (...). В главе десятой строки 7–8 в чистовике были даны по первоначальному тексту черновика, со словами “вьюга” и “Вася”, вместо канонических “пурга” и “Петька”; канонический текст надписан в чистовике над густо зачеркнутым первоначальным вариантом. В чистовике глава эта была первоначально вся разбита на дустишия интервалами, тут же и уничтоженными в строках 7–16 этой главки; точно так же и в главе одиннадцатой строки 5–10 в чистовике были разбиты первоначально на дустишия, а в строке 8 этой же главки каноническое “пурга” сперва было по черновику – “вьюга”. В строке 10 этого же отрывка первоначальное “Не утащишь сапога” было заменено на каноническое “Не утянешь сапога” еще в черновике. Строки 11–16 этой главки, не имевшиеся в черновике, впервые вписаны в этот чистовик, причем первоначальный текст первой из этих строк был “Бьется в очи”, тут же переделанный в каноническое “В очи бьется”. В главе двенадцатой строка 7 первоначально была в чистовике – “Только старый пес голодный”; над зачеркнутым словом “старый” (как было и в черновике) надписано каноническое “нищий”. Наконец последние исправления внесены в чистовик в самых последних строках поэмы, где сперва окончательная строка “Нежной поступью надвьюжной” была по черновику – “Нежно-легкой пылью вьюжной”, а последняя строка, тоже по черновику, сперва была – “Иисус идет Христос”. Последнее изменение предложено было Л.Д. Блок (...)

Приведенный таким образом почти к каноническому виду, чистовик этот был переписан Блоком в X тетрадь его рукописного собрания стихов (...) Чистовик же на отдельных листах был сдан для набора в “Знамя труда”, где и был напечатан 18 февраля (3 марта). Сохранившаяся вырезка поэмы из этой газеты вновь была правлена Блоком для печатания в апрельском номере журнала “Наш путь» (СС-125, С. 128–129).

Эта вырезка, правленная рукой Блока, хранится в *ИРЛИ* (Ф. 79. Оп. 4. Ед.хр. 14). Помимо нескольких пунктуационных изменений поэт делает две лексические правки: в VII главе вместо “этажи” – “этажи”, а в IX слово “старой” зачеркивается и вписывается окончательный вариант “невской”. К последнему исправлению делается примечание: “По совету С. Есенина”. Эти изменения, как свидетельствует Р.В. Иванов-Разумник, Блок тогда же внес и в беловой автограф поэмы (СС-125, С. 129).

В апреле 1918 г. поэма (вместе со статьей о ней “Испытание в грозе и буре” Р. Иванова-Разумника) публикуется в журнале “Наш путь”; в начале июня 1918 г. вместе

со стихотворением “Скифы” и той же статьей Иванова-Разумника впервые выходит отдельным изданием (изд-во “Революционный социализм”). Поэт деятельно участвует в подготовке поэмы к отдельному изданию, обговаривает условия, интересуется подробностями издательского процесса на всех его стадиях, о чем свидетельствуют многочисленные пометки Блока в записных книжках. Так, 24 февраля 1918 г. появляется запись: «Разумник Иванов будет говорить с Петровым-Водкинским об обложке для “Двенадцати”» (ЗК₅₆). На следующий день: Петров-Водкин «согласен рисовать обложку для “Двенадцати”» (Там же). Запись от 7 апреля: «Георгий Викторович Адамович предлагает издать “Двенадцать” для начала нового издательства “Арзамас” (...)» (Там же). 9 апреля: «Типография. Выбрать бумагу для брошюры и обложку для “Двенадцати” (...)» (Там же). После опубликования поэмы в журнале “Наш путь” Блок записывает: «Издавать “Двенадцать” и “Скифов” вместе со статьей Иванова-Разумника. Я исследовал ее ночью» (ЗК₅₆, 14 апр.). Запись от 21 апреля: «У Любы днем Георгий Иванов (зовет нас выступать на вечере и хочет издавать “Двенадцать”»)» (Там же). 9 мая: «Корректурa брошюры с “Двенадцатью” (подписано – печатать 10 000 + 100 авторских)» (ЗК₅₆). 3 июня: «Телефон от Р.В. Иванова (брошюра “Двенадцать” вышла)» (ЗК₅₆).

Все последующие записи (их более десяти) связаны с алконостовским изданием 1918 г. Первое иллюстрированное издание (художник Ю.П. Анненков) было особенно дорого поэту. Первая запись относится к 12 августа: «Вечером были Васильев и Алянский. Рисунки Анненкова к “Двенадцати”» (ЗК₅₆). Рисунки художника не вполне удовлетворили Блока, и он по просьбе издателя С.М. Алянского пишет письмо Анненкову, в котором объясняет свое понимание основных образов поэмы. Через пять дней после этого: «Вечером у меня был Алянский (новые рисунки Анненкова к “Двенадцати”»)» (Там же. 19 авг.). «Вечером был Алянский (смета “Двенадцати” у Голике – около 7000, экземпляр – 50 руб. (...))» (Там же. 27 авг.). Речь идет о смете на издание поэмы в количестве 300 экземпляров. “Приедет Алянский (3 рисунка Анненкова (...))” (Там же. 30 авг.). “Р.В. Иванов уезжает в Москву. Может быть, также Алянский – чтобы Анненков переделал Христа, и старушку, и Катюку с Ванькой” (Там же. 31 авг.). “Вечером – Васильев и Алянский с новым анненковским Христом” (Там же. 4 сент.). «Телефон от Алянского (“Двенадцать” у Голике печатается)» (Там же. 9 сент.). «Вечером Алянский. Корректурa новых трех стихотворений “Двенадцати” (Голике). Книжные магазины торгуют плохо. Подписка на “Двенадцать” идет плохо» (Там же. 14 сент.). «(...) Алянский (последняя корректурa “Двенадцати” и обложка Радлова Н.Э.)» (Там же. 23 окт.). Обложку книги (с заставкой-рисунком Анненкова) оформил не К.С. Петров-Водкин, как предполагалось вначале, а Н.Э. Радлов. 1 марта 1919 г. поэт преподнес Н.Э. Радлову номерной экземпляр “Двенадцати” (№ 68) с дарственной надписью: “Николаю Эрнстовичу Радлову, автору заглавных букв – с искренним приветом – Александр Блок”.

Последние пометы Блока в ЗК связаны с изданием поэмы в “Алконосте”. От 13 ноября: «Корректурa “Двенадцати”. Кому именно экземпляры» (ЗК₅₆). Тираж первого алконостовского издания поэмы составил 300 экземпляров и предназначался для распространения по предварительной подписке. 28 ноября Блок держит изданную книгу в руках: «Вечером Алянский принес “Двенадцать”, – из 300 экземпляров № 46» (Там же).

25 экземпляров книги Ю. Анненков раскрасил от руки акварельными красками, один из них, именной, 7 декабря был вручен поэту: «Вечером придет Алянский. Вести московские. Экземпляр “Двенадцати” – раскрашенный» (Там же). Через четыре дня Алянский принес еще два именных экземпляра, Блоку и Л.Д. Блок, в специальном переплете: «(...) Алянский – с переплетенными экземплярами “Двенадцати”» (Там же. 11 дек.).

Выпущенная “Алконостом” поэма стала вторым по счету отдельным изданием “Двенадцати”.

В декабре 1918 г. “Алконост” готовит новый тираж, теперь уже 10000 экземпляров. Второе алконостовское издание поэмы отличается от первого иным количеством страниц (62, а не 88, как в первом); на обороте титульного листа обозначено: “3-е издание”, и в конце книги напечатаны издательские объявления.

В текстологическом отношении первое и второе издания “Алконоста” идентичны. В последующие издания в текст “Двенадцати” изменений поэт не вносил. Поэтому основным источником текста поэмы нужно считать первое алконостовское издание.

В “Алконосте” при жизни Блока вышло еще одно издание поэмы (*Александр Блок. Двенадцать. 4-е изд. Алконост, 1921*); однако, тяжело больной, Блок в подготовке этого издания участия не принимал.

В записных книжках и дневниках Блока еще несколько записей, относящихся к изданию поэмы: «Телефон от Ионова – предлагает издать “Двенадцать” в Смольном в 50000 экземпляров» (*ЗК₆₀. 5 янв. 1919*) (См. подробнее ниже). “Письмо Лундберга из Берлина” (*Дн. 22 янв. 1921*). Е.Г. Лундберг, сотрудник научно-издательского центра при советском посольстве в Берлине, сообщал Блоку о намерении издательства “Скифы” издать несколько книг поэта, в частности, поэму “Двенадцать”. Блок отвечает письмом, в котором предоставляет издательству “право на издание на русском, немецком и французском языках моих стихотворений, статей, драм...” (*Дн. 31 янв. 1921*). При жизни поэта “Скифы” дважды выпустили поэму: на русском языке (“Скифы. Двенадцать” // *Испытание в грозе и буре. Иванов-Разумник Р.В. Скифы. Двенадцать. Александр Блок. Берлин: Скифы, 1920*) и на немецком (см. с. 303). По поводу своих парижских изданий Блок записывает: «Е.Ф. Книпович принесла парижские бездарности – “Двенадцать” во всех видах. Опять чувствую, что эксплуатируют все» (*ЗК₆₁. 16 дек. 1920*). «Известность, в том числе и зарубежная, – пишет по этому поводу Е.Ф. Книпович, – не интересовала его. Над французским переводом “Двенадцати”, который я для него раздобыла, мы вместе потешались. Да и как было не потешаться над строками такими, например:

Vaneka et Kateka
Sont au cabaret
Elle a des Kierenki
Dans ses bas.

В итальянском же переводе что-то для него зазвучало, и он несколько дней повторял, усмехаясь:

Libertà! Libertà!
Tra-ta-ta»
(*Книпович Е.Ф. Об Александре Блоке // ЛН Т. 92. Кн. 1. С. 41*)

В день опубликования поэмы в “Знамени труда” Блок записывает: «Телефоны от Мейерхольда (восторги перед “Двенадцатью”) и Ал.Ник. Чеботаревской (благодарит за “Двенадцать”)» (*ЗК₅₆. 3 марта 1918*).

С этого времени и вплоть до смерти поэт чутко реагирует на разного рода отзывы о “Двенадцати”. «В доме Блоков на Офицерской, – вспоминает С.М. Алянский, – никогда не ослабевал интерес к отзывам и высказываниям о “Двенадцати”. И мать поэта – Александра Андреевна, и жена – Любовь Дмитриевна, и – в особенности – сам поэт ловили каждое мнение, каждое слово о поэме. Однажды я сам принес с улицы рассказ о том, как на Невском проспекте человек, шедший сзади меня, читал кому-то вслух отрывок из “Двенадцати”. Интерес Блоков к этому эпизоду меня поразил. Меня забросали вопросами: какой отрывок читал прохожий? какого он возраста? как он был одет и кем он мог быть по профессии» (*Алянский С.М. Об иллюстрациях к поэме А. Блока “Двенадцать” (глава из воспоминаний) // БС-1. С. 442*).

Первым печатным откликом на поэму стала резко отрицательная заметка журналиста П. Арзубева (псевдоним фельетониста “Речи”, впоследствии романиста и переводчика Петра Константиновича Губера (1886–1941) – Старый мир // *Наш век. 1918, 8 марта/23 февр.*): “Поэтическое уподобление, предложенное Блоком, грешит несомненной фаль-

шью...” Блок отреагировал простой констатацией: «Арзубьев в “Речи” обо мне» (ЗК₅₆, 8 марта 1918).

Запись следующего дня: «О.Д. Каменева (комиссар Театрального отдела) сказала Любе: “Стихи Александра Александровича (“Двенадцать”) – очень талантливое, почти гениальное изображение действительности. Анатолий Васильевич (Луначарский) будет о них писать, но читать их не надо (вслух), потому что в них восхваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся”. Марксисты умные, – может быть, и правы. Но где же опять художник и его бесприютное дело?» (ЗК₅₆, 9 марта 1918). Блок защищает право художника на собственное видение действительности и, вместе с тем, хочет понять опасения “старых социалистов” относительно воздействия образа Христа на слушателей поэмы. В этот же день в дневнике он записывает: «Марксисты – самые умные критики, и большевики правы, опасаясь “Двенадцати”. Но ... трагедия художника остается трагедией. Кроме того: *Если бы* в России существовало действительное духовенство, а не только сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы “учло” то обстоятельство, что “Христос с красногвардейцами”. Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нем. У нас, вместо того, они “отлучаются от церкви” (...) “Красная гвардия” – “вода” на мельницу христианской церкви (...) В этом ужас (если бы это поняли). В этом – слабость и красной гвардии: дети в железном веке; сиротливая деревянная церковь среди пьяной и похабной ярмарки. Разве я “восхвалял”? (Каменева). Я только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели *на этом пути*, то увидишь “Исуса Христа”» (Дн. 9 марта 1918).

10 марта 1918 г. в записной книжке Блок делает две новые пометы: “Письмо от В. Германович и Н. Минич” и «Тыркова в “Речи” обо мне». Первая запись вызвана письмом двух начинающих поэтов. Они писали:

«Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос,
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

И вам не стыдно?

Пощадите свои первые три книжки, Розу и Крест и Соловьиный сад!

И спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
И шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое...

Как бесконечно жаль, что Вы не остались за оградой “высокой и длинной”...

Так оплевать себя!..

8 марта 18 г.».

На письме Блок помечает: “Что за глупости? Неужели *все та же война* развратила этих милых девушек!” (Орлов Вл. Новое об Александре Блоке // Новый мир. 1955. № 11. С. 155–156). Через два с лишним месяца “милые девушки” прислали поэту второе письмо, о чем свидетельствует запись: «Письмо с цветами и извинениями за прежнее письмо о “Двенадцати” от Н. Минич и В. Германович» (ЗК₅₆, 17 мая 1918).

Через два дня после выступления П. Арзубьева в той же бывшей кадетской “Речи”, вышедшей теперь под названием “Наш век”, появляется заметка А.В. Тырковой (10 марта/23 февр. 1918 г. № 45). Статью “Интеллигенция и революция” она называет “хриплой прозой”, а в “Двенадцати” видит “мертвый остов той самой революции, которую так неуклюже и грубо старается А. Блок рекламировать в прозе”. В поэме она усмотрела то, что видела в самой революции, – “поистине страшную картину опустошенной, омертвевшей народной души (...) Бог весть, что думал он, когда писал! Почему не побоялся он вести сквозь революционную пургу увенчанного розами Спасителя, да еще с красным фла-

гом? Что это – чужая подсказка или недорисованный образ? Но все погибельное, все, что за эту зиму было в Петрограде от дьявола, поэт рассказал нам в созвучиях и сочетаниях беспощадных...”

Трижды в течение короткого времени высказывает свое отношение к поэме академик-востоковед С.Ф. Ольденбург, с которым Блок работал в Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию деятельности бывших царских министров и сановников. «Письмо от С.Ф. Ольденбурга (о “Двенадцати”!)» (ЗК₅₆. 12 марта 1918). В этом письме Ольденбург писал о поэме: “(...) По праву читающего, сотворца пишущему, я ее понял по-своему и, по-видимому, как мне говорят, не так, как Вы. Мне было бы очень жаль, если бы мое понимание, вернее чувствование и переживание, было бы другое, чем у автора, но это не остановило бы меня. Только ничтожное может быть понято единообразно, а где даже только две грани, уже, по крайней мере, два понимания. А то, что создали Вы, так удивительно, так дивно прекрасно, что мой глаз не может перечислить этих граней, которые блещут, сверкают, так их много. Чувством чувствую, что *Вы писали* не то, что написано, но, кажется мне, *прочесть* Вы сможете то, что написано в том, что писали Вы” (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 110–111). Разговор поэта с Ольденбургом состоялся через неделю после получения письма: «У П. Тагера (С.Ф. Ольденбург и я (...)). (...) О деле – три минуты, остальное – разговоры, споры. С.Ф. Ольденбург о “Двенадцати”» (ЗК₅₆. 21 марта 1918). 11 апреля 1918 г. Блок получает от Ольденбурга “стихотворение в прозе” – этюд о “Двенадцати” под названием “Мертвые”. «С.Ф. Ольденбург прислал мне, – отмечает поэт в записной книжке от 12 апреля 1918 г., – свое стихотворение в прозе по поводу “Двенадцати”». В сопровождавшем стихотворение письме Ольденбург писал: “(...) Мне кажется, что она (поэма) скажет будущим поколениям о (нрзб) внутренней смерти того, что многим казалось живым и в чем жизни не было и нет” (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 11).

14 марта 1918 г. Блок вклеивает в записную книжку вырезку с заметкой о “Двенадцати” из газеты “Петроградское эхо”: “За последнее время Блок написал целый ряд стихов в большевистском духе, напоминающих солдатские песни провинциальных гарнизонов. То, что Блок сочувствует большевизму, – его личное дело. В своих убеждениях писатель должен быть свободен, и честь и слава тому, кто во имя этих убеждений смело идет против течения, – но зачем же писать скверные стихи? Когда любят девушку – ей несут в виде подарка золото и цветы, и никто не несет кожуру от картофеля”. Ниже этой вырезки Блок делает приписку: «Сегодняшнее “Петр(оградское) Эхо”. Это после того, как вчера пригласили в эту газету».

Из поэтов первым отозвался на “Двенадцать” (вместе со статьей “Интеллигенция и революция” и стих. “Скифы”) Андрей Белый. С одной стороны, он восхищается “отвагой и мужеством” Блока, с другой – проявляет настороженность, смущение и даже опасение в связи со взрывчатостью содержанием этих произведений. 17 марта 1918 г. он пишет Блоку письмо. Блок отмечает получение письма в записной книжке 18 марта: “Сочувственное и остерегающее письмо от Б.Б. (Андрея Белого)”. «Читаю с трепетом Тебя, – писал А. Белый. – “Скифы” (стихи) – огромны и эпохальны, как “Куликово поле” (...) По-моему, Ты слишком неосторожно берешь ноги. Помни – Тебе не “простят” “никогда” (...) Кое-чему из Твоих фельетонов в “Знам(ени) Труда” и не сочувствую, но поражаюсь отвагой и мужеством Твоим. Помни: Ты всем нам нужен в (...) еще более трудном будущем нашем (...) Будь мудр: соедини с отвагой и осторожность» (Блок и Белый. С. 335).

Еще решительнее высказывается А. Белый в письме к Р.В. Иванову-Разумнику за несколько дней до письма Блоку: «Огромны “Скифы” Блока; а, признаться, его стихи “12” – уже слишком; с ними я не согласен» (Там же. С. LVIII).

Ответное письмо Блока А. Белому передает состояние поэта – тот психологический фон, на котором писалась поэма “Двенадцать”, а потом и готовилась к публикации. «Твое письмо очень поддержало меня, и Твое предостережение я очень оценил. Было (в январе и феврале) такое напряжение, что я начинал слышать сильный шум внутри и кругом себя и ощущать частую физическую дрожь. (...) Потом (ко времени Твоего письма) насту-

пил упадок сил, и только вот теперь становится как будто легче. А то – было очень трудно, растерянность, при которой всякий может уловить. (...) Мне бы хотелось, чтобы Ты (и все вы) не пугался “Двенадцати”; не потому, чтобы там не было чего-нибудь “соблазнительного” (может быть, и есть), а потому, что слишком давно знаем друг друга; а мне показалось, что Ты “испугался”, как одиннадцать лет назад – “Снежной маски” (тоже – январь и снег)» (9 апр. 1918).

Своеобразным продолжением “разговора” поэтов о “Двенадцати” стала поэма А. Белого “Христос воскрес” (апрель 1918 г.). Созвучий, внешних и внутренних, между поэмами “Двенадцать” и “Христос воскрес” немало; авторов роднит признание вселенско-очистительного смысла революции. И все же различий в философско-поэтической трактовке революции между поэтами значительно больше. По сути, А. Белый “спорит” с Блоком. В сюжетной основе “Двенадцати” лежат реальные события января 1918 г. По улицам вечернего Петрограда идет красногвардейский дозор, и образ Христа, возникающий в финале поэмы, возводит это движение до уровня самых глобальных и значительных событий в истории человечества. У А. Белого художественное осмысление исторического катаклизма иное. Несмотря на присутствие в его произведении реалий эпохи Октября (“железнодорожная линия”, “паровики”, “третий интернационал”, “телеграфная лента”, “трески револьверных переливов”, “домовый комитет”), “Христос воскрес” – *мистерия*, представляющая собой по сути одну развернутую метафору, воспроизводящую в мистико-символическом плане идею распятия и воскресения Христа.

Политический элемент, присутствующий в поэме Блока, послужил причиной непримиримых споров, разгоревшихся в последующие годы вокруг “Двенадцати”. А. Белый не остался равнодушным к этим спорам и уже после смерти Блока, 28 августа 1921 г., в своей речи на собрании Вольной философской ассоциации о блоковской «Записке о “Двенадцати”» отметил тесную связь “Двенадцати” со всем творчеством поэта, резко выступив как против тех, «кто выхватывает из всего творчества поэта одну эту “политическую” поэму», так и против тех, «кто “принимает” все творчество Блока без этой поэмы» (Летопись Дома литераторов. П., 1922. № 1–2 (5–6). С. 7).

Особое значение имеет трактовка “Двенадцати” в статье Р.В. Иванова-Разумника “Испытание в грозе и буре”, поскольку ее положения, как можно предположить, были знакомы Блоку и нашли у него сочувствие еще до печати. Писалась она в пору взаимного дружеского расположения поэта и заведующего литературным отделом “Знамени труда”, когда они, часто встречаясь (а нередко и по телефону), обсуждали друг с другом разные вопросы – от злободневно-политических и редакционно-издательских до литературных и философских, о чем свидетельствуют многочисленные записи первых месяцев 1918 г. в *ЗК*₅₆ Блока. Пять из них непосредственно относятся к статье “Испытание в грозе и буре”: «Тел(ефон) от Р.В. И(ванова), усталый (ночью писал статью о “Двенадцати” и о “Скифах”» (3 апр. 1918); «Р.В. И(ванов) (...) Читал мне отрывки из статьи обо мне (“Двенадцать” сравн(ивает) с “Медным всадником” (...)» (8 апр. 1918); «“На путь” № 1. Статья обо мне Р.В. Иванова. “Человек”» (13 апр. 1918). Последние две – от 14 и 15 апреля 1918 г.: «Издавать “Двенадцать” и “Скифов” вместе со статьей Иванова-Разумника» (приводилось выше) и “К Р.В. Иванову на Лиговку. Разговор о его статье”.

Об авторитетности для поэта суждений Иванова-Разумника говорят, кроме того, карандашные пометы, сделанные Блоком на полях журнала “Наш путь”, где была напечатана статья “Испытание в грозе и буре” (1918. № 1; экземпляр журнала хранится в *ИРЛИ*). Автор статьи решительно вступает за поэта: «Когда маленькие люди язвят большого поэта за то, что он теперь в грозе и буре мировых событий – не в их утином стаде, что он чему-то “изменил”, что он “вдруг” стал духовным, политическим и социальным “максималистом” – то это просто вздор, незнакомо утино стада с творчеством того самого поэта, которого оно так глубокомысленно судит (...) “Двенадцать” – неизбежное следствие всего его прошлого поэтического сознания» (Наш путь. 1918. № 1. С. 149–150). Р.В. Иванов-Разумник придерживается концептуально-целостного взгляда на поэму. Он

первым из критиков “Двенадцати” обратил внимание на сложное соединение в поэме разных пластов повествования – конкретно-реалистического и философско-символического, злободневно-политического и духовно-нравственного. «“Двенадцать” – поэма о революционном Петербурге конца 1917 – начала 1918 года, поэма о крови, о грязи, о преступлении, о падении человеческого. Это – в одном плане. А в другом – это поэма о вечной, мировой правде той же самой революции, о том, как через этих же самих запачканных в крови людей в мир идет новая благая весть о человеческом освобождении. Ибо ведь и двенадцать апостолов были убийцы и грешники» (*Там же*. С. 134). Автор “Испытания в грозе и буре” рассматривает сюжет поэмы и ее образно-философский смысл как движение от тьмы к свету, как преобразование низкого в высокое, в результате чего Россия через революционный катаклизм придет не только к социальному, но и духовному обновлению, от реального «революционного Петербурга поэма уводит нас в захват вопросов мировых, вселенских. Все реально, до всего можно дотронуться рукой – и все “символично”, все вечный знак далеких свершений. Так когда-то Пушкин в “Медном Всаднике” был на грани реального и надъсторических прозрений» (*Там же*. С. 138). И дальше: «И уже не удивляемся мы, когда, “преображая действительность”, поэт через сгорбленные спины, “рваное пальтишко, австрийское ружье” – заставляет нас видеть, как двенадцать “вдаль идет державным шагом” (...) Ибо видим мы теперь то великое мировое, что таится здесь за малым, слишком человеческим» (*Там же*. С. 140). Р.В. Иванов-Разумник делает выводы, заставившие автора поэмы поставить на полях статьи несколько восклицательных знаков. «И не двенадцать “красногвардейцев” видим мы за снежной вьюгой, – пишет Иванов-Разумник, – а “двенадцать”, несущих миру новую благую весть избавления. Когда мы увидим, когда мы поймем все это, то поймем и примем всем сердцем и последние строки, так необходимо, так чудесно завершающие эту необходимую всем нам, эту чудесную поэму о новой благой вести, возвещаемой миру (...) Тот, кто не поймет, тот, кто не почувствует этого – не почувствует и не поймет всей глубины “древней загадки”, ныне снова предлагаемой “старому миру”. А кто поймет – тот и разгадает ее правильно. Ибо древняя загадка – все та же, и гласит она: человек». (Это место статьи было особо отмечено в записной книжке Блока: «Статья обо мне Р.В. Иванова. “Человек”».)

После смерти поэта, беседуя с А. Белым, Р. Иванов-Разумник вспомнил об одном из своих разговоров с Блоком – о родстве “Двенадцати” и “Снежной маски” и, в частности, о связующем образе метели. «Да, – заметил Блок, – но это совсем другая метель: то была “мЕтель”, а в “12” уже “мЯтель”». «Р(азумник) В(асильевич) при этом прибавил, – пишет А. Белый, – что А(лександр) А(лександрович) часто любил говорить своими словами, краткими определениями: “Что он хотел этим сказать, какую подчеркнуть разницу, – остается для меня неясным и до сих пор”. Это – в стиле А(лекса)ндра А(лекса)ндровича: не хотел ли он этим сказать, что метель 1907 года – мЕтущая снег метель, а мЯтель в “12”, – мЯтель, приводящее в “смЯтение”. Скажут – внешне, а почему знать: “внешнее” иногда внутренней “внутреннего”» (*Белый А. К материалам о Блоке // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 806*).

С момента выхода статьи “Интеллигенция и революция”, а вслед за ней и поэмы “Двенадцать”, на поэта обрушивается град резкой критики. «Звонил Есенин, – записывает Блок, – рассказывал о вчерашнем “утре России” в Тенишевском зале. Гизетти и толпа кричали по адресу его, А. Белого и моему: “изменники”. Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно. Статья “искренняя, но “нельзя” простить”. – Господа, вы никогда не знали России и никогда ее не любили! Правда глаза колет» (*ЗК₅₆. 22 янв. 1918*).

“А З. Гиппиус меня и за человека не считает (см. вечернюю биржевку 10 апреля)”, – помечает Блок (*ЗК₅₆. 13 апр. 1918*). Поводом для записи послужил литературный фельетон Антона Крайнего (псевдоним З. Гиппиус) “Люди и нелюди”, в котором о Блоке, Есенине и А. Бенуа сказано: “Они не ответственны. Они – не люди” (*Новые ведомости. 1918, № 43. 10 апр.*).

В мае 1918 г. З. Гиппиус пересылает Блоку свою книгу “Последние стихи” (П., 1918) с надписью в стихах (факт зафиксирован в *ЗК*₅₆ Блока 31 мая 1918 г.: “Вечером мне прислали книжку стихов от З.Н. Гиппиус”). Книга не сохранилась, но известно, что надписано было стих. “Все это было, кажется, в последний...”, в котором З. Гиппиус вспоминала свою последнюю встречу с Блоком (*Гиппиус З.Н. Стихи. Дневник 1911–1921. Берлин, 1922. С. 96*). Стихи эти кончались так:

Прямая улица была пустынна,
И ты ушел в нее – туда...
Я не прошу. Душа твоя невинна.
Я не прошу ей – никогда.

О чувствах, владевших З. Гиппиус, когда она посылала “Последние стихи” Блоку, рассказывает ее письмо С.П. Ремизовой-Довгелло от 5 мая 1918 г.: “Что касается посылки моей книги, то это верно, я могла этого не делать. Стихи я написала раньше, чем книга была, а когда мне купили новые экземпляры (...) то я как-то довольно легкомысленно и вздумала: вот, написать это на книге и послать. Жалею об этом, но сознаюсь искренно, что трагического и серьезного значения не придаю, и вот почему (браните меня, я не обиюсь!): потому что я *не серьезно* отношусь к Блоку, не серьезно на него *сержусь*... Разница в том будет, что я с ним уже не стану лично общаться даже так, как прежде, но ненавидеть его до кровомщенья никак не могу” (*Lampel Horst. Zinaida Hippus an S. Remisova-Dovgello // Wiener Slavistischer Almanach. 1978. Bd. I. S.168*).

Блок решил ответить письмом, уже написал его, но передумал и ответил стихотворением «З. Гиппиус (при получении “Последних стихов”)». (См. в наст. томе с. 81.)

В 1919 г. З. Гиппиус передала Блоку стихи, озаглавленные “Б. рыцарю Прекрасной Дамы”:

Впереди 12-ти не шел Христос:
Так мне сказали сами хамы.
Но зато в Кронштадте пьяный матрос
Танцевал польку с Прекрасной Дамой.
Говорят – он умер... А если и нет?
Вам не жаль Дамы, бедный поэт?

На эти стихи Блок отвечал собственными, написав их на своей книжке “Катилина”, предназначавшейся (но не отосланной) З. Гиппиус:

Вы жизнь по-прежнему нисколько
Не знаете. Сменилась полька
У них печальным *кикапу*...
И что Вам, умной, за охота
Швырять в них солью анекдота,
В них видеть только шантрапу?

Среди встретивших “Двенадцать” в штыки оказались В. Пяст и А. Ахматова, а также Ф. Сологуб, которые отказались участвовать в вечере кружка поэтов “Арзамас” только потому, что в программе вечера намечалось чтение Л.Д. Блок поэмы “Двенадцать”. «Поразительное известие от Разумника Васильевича, – отмечает Блок в *ЗК*₅₆ 11 мая 1918 г., – (вчерашний номер “Дела народа” – отказы Пяста и Ахматовой от меня. Сологуб тоже)». На следующий день Блок записывает: “Одно только делает человека человеком: знание о социальном неравенстве”. И добавляет: «Письмо от Г. Адамовича и телефон его с Любой по поводу скандалов, окруживших вечер “Арзамаса” из-за “Двенадцати”». Запись от 13 мая: «Вечер “Арзамаса” в Тенишевском училище. Люба читает “Двенадцать”. *Отказались* Пяст, Ахматова и Сологуб». Продолжена запись после состоявше-

го вечера: “Письмо от Сологуба с предложением ответить на анкету профессионального союза. Ответив, я таки пошел на вечер и читал (с успехом). Люба, говорят, читала хорошо”.

29 июня 1918 г. Блок отмечает в *ЗК₅₆*: «(Встреча с Пястом, который “не подал руки”»).

Непосредственно о “Двенадцати” В. Пяст высказывается уже после смерти Блока в своих воспоминаниях. Приводя стихотворение “Грешить бесстыдно, непробудно...”, он пишет: «Ведь поэт же не сказал: “Вот и такой”, то есть не подчеркнул, что такая Россия – гадка; (...) Какой же морок, какая мара заволочла его очи; какой “алып” водил поэта рукою, когда через три с половиной года после этого писал он:

... не трусь,
Пальнем-ка пулей в святую Русь,

и так далее, и так далее!..» (*Пяст В. Воспоминания о Блоке. Пб. 1923. С. 49–50*).

Отношения Блока с Сологубом хотя и не прервались после “Двенадцати”, но оставались в рамках сугубо деловых. Суждение Сологуба о Блоке и его поэме мы узнаем из дневника К.И. Чуковского: «В субботу встретил Сологуба (...): слушайте, какую ехидную книжку вы написали о Блоке. Книжка, конечно, отличная, написана изящно, мастерски. Хотя сейчас в Париж, но сколько там злоехидства. Блок был не русский – вы сами это очень хорошо показали. Он был немец, и его “Двенадцать” – немецкая вещь. Я только теперь познакомился с этой вещью – ужасная. Вы считаете его великим национальным поэтом. А по-моему весь свой национализм он просто построил по Достоевскому. Здесь нет ничего своего. России он не знал, русского народа не знал, он был студент-белоподкладочник» (*ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 259*). Эту же мысль Сологуб высказывал Э.Ф. Голлербаху: «Снова повторил Ф(едор) К(узьмич) свою излюбленную мысль, что Блок ничего в России не понимал, что она была для него “запечатанной дверью”. – “Это была немецкая душа, германский гений, у которого с незапамятных времен постоянный Drang nach Osten”» (*Там же. С. 271*).

16 мая 1918 г. Блок получил письмо от Н.А. Нолле-Коган, которая сообщала о докладе А.Б. Дермана “Творчество А. Блока” в литературном обществе “Среда”: «Доклад убийственно бездарный, он хвалил Вас за творчество дореволюционное и разнил за революционное, хотя поэму “Двенадцать” назвал талантливой. Тут все на стену полезли, особенно негодовал Ив. Бунин, а т.к. он “генерал”, то слушали с почтительным молчанием и сочувствием» (*ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 329*). «Очень интересно то, что Вы пишете о докладе Дермана, – отвечал ей Блок 13 июня 1918 г. – Я чувствую временами глухую травлю; чувствую, что есть люди, которые никогда не простят мне “Двенадцати”, но с другой стороны, есть люди, которые (совершенно неожиданно для меня) отнеслись сочувственно и поняли, что я ничему не изменил» (*Там же. С. 328–329*). О том, что конкретно мог говорить А. Дерман о “Двенадцати”, можно судить по его газетной заметке, написанной тогда же, когда готовился доклад: “Вчитайтесь внимательно в их писания (Блока и Иванова-Разумника. – *О.С.*), и вы поймете психологию революционного максимализма (...) ни политика, ни социализм, ни вообще какая-либо определенная цель никогда его (А. Блока. – *О.С.*) не занимали и занимать не могли (...) Когда он бессознательно учуял в атмосфере революции обе родственные его субъективизму стихии: разрушительную смерть и тревожную остроту – он отозвался на нее” (*Дерман А. Литературно-революционный модерн // Понедельник “Народного Слова”. М., 1918. № 9. 24 июня*).

Бунин негодовал всякий раз, когда речь заходила о “большевистской” поэме Блока. В газетном интервью он характеризует Блока как “крупное литературное имя в стане большевиков” (*Одесский листок. 1918. 8 (21) июня*). Примерно в это же время, по воспоминаниям И.Г. Эренбурга и самого Бунина, в Москве на одном из писательских собраний, специально устроенных для чтения и обсуждения “Двенадцати”, между Буниным и А.Н. Толстым произошла стычка. «Читал кто-то, не помню, кто именно, сидевший рядом

с Ильей Эренбургом и Толстым, – цитирует Бунин Эренбург в своих воспоминаниях об А. Толстом. – И так как слава этого произведения, которое почему-то называли поэмой, очень быстро сделалась вполне неоспоримой, то, когда чтец кончил, воцарилось сперва благоговейное молчание, потом послышались негромкие восклицания: “Изумительно! Замечательно!”. «Бунин далее излагает свое выступление – он называл поэму “дешевым, плоским трюком”. Вот тогда и закатил мне скандал Толстой; нужно было слышать, когда я кончил, каким петухом заорал он на меня... Я вспоминаю тот вечер, – добавляет уже от себя Эренбург. – Алексей Николаевич тогда во многом сомневался, но слова Бунина о поэзии Блока он назвал кощунством» (Воспоминания об А.Н. Толстом. М., 1973. С. 96–97).

Получив от Нолле-Коган статью Ю. Айхенвальда “Лирик нашего времени”, в ответном письме к ней [17 октября 1918 г.] Блок говорит о злобе против него, «которая есть в некоторых литературных кругах Москвы, как раз среди тех, кого Вы часто видите, и с кем я лично или мало знаком, или совсем не знаком. Мне стало даже на минуту больно, потому что эта злоба исходит от людей, которых я уважаю и ценю. Вы как-то сказали мне, что я “всегда в миленьких”, но из Ваших же рассказов я узнал, что это не так. Не знаю, где источник этой злобы. Вы лучше знаете, я думаю, потому что лично знакомы с Буниным, например».

Осенью 1918 г., отвечая на вопросы анкеты в связи с юбилеем И.С. Тургенева, Бунин вновь поминает “Двенадцать”: «Литература Пушкина, Толстого, Тургенева за последнее десятилетие так низко пала, – до того, что в ней считаются событием даже нарочито хамские, кощунствующие именем Христа и Его Двенадцати Сподвижников вирши Блока! – настолько она потеряла ум, вкус, такт, совесть и даже простую грамотность, так растлила и втоптала в грязь “великий, правдивый язык”, завещанный Тургеневым (...)» (Бунин И. Страшные контрасты // Одесские новости. 1918. 28 окт. (10 нояб.)). Не изменил своего мнения о “Двенадцати” Бунин и много лет спустя: «“Двенадцать” есть набор стишков, частушек, то будто бы трагических, то плясовых, а в общем, претендующих быть чем-то в высшей степени русским, народным. И все это прежде всего чертовски скучно бесконечной болтливостью и однообразием все одного и того же разнообразия (...) Блок задумал воспроизвести народный язык, народные чувства, но вышло совершенно лубочное, неумелое, сверх всякой меры вульгарное» (Бунин И. Воспоминания. Париж. 1950. С. 217).

Ю.И. Айхенвальд выступил со своей оценкой “Двенадцати” в течение одного только 1918 года несколько раз, внушая читателю мысль, что муза Блока – это “сомнамбула” (Айхенвальд Ю. Поэзия Блока // Слово о культуре. Сб. критических и философских статей. М.: Издание М. Гордон-Константиновой, 1918. С. 60). «История нашей поэзии причила нас к тому, чтобы от своих лириков мы не ждали гражданственности (...) Между тем, тончайший лирик Блок является вместе с тем, наперекор русской традиции, поэтом-гражданином. (...) политический мыслитель Блок помешал лирическому поэту Блоку, и его поэма создает тяжелое впечатление. (...) писатель дал не столько поэму, сколько сатиру, – едкую сатиру на русскую революцию, на ее опошленные лозунги, на ее отношение к “буржуям”, “попам”, к “сознательным” и “бессознательным” (...) Двенадцать героев поэмы, собранные автором в одну грабительскую шайку, нарисованы автором как темные и пьяные дикари, – что общего между ними и двенадцатью из Евангелия? (...) И пришло ли им быть крестоносцами в борьбе за новый мир? (...) Имя Христа произнесено всуе» (Там же. С. 56–59).

Неизвестно, читал ли эту статью Блок, но, познакомившись со статьей Ю. Айхенвальда “Лирик нашего времени”, отозвался на нее с досадой и раздражением (см. письмо Блока к Н.А. Нолле-Коган от 17 октября 1918 г.). Блок здесь заметил, что критик “безбожно” спутал хронологию, приняв “Соловьиный сад” (переизданный в 1918 г. издательством “Алконост”) за более позднее, чем “Двенадцать”, произведение: «Человеческая соловьиность, это – лирика, – рассуждает критик. – Она может быть и патетической, бур-

ной, гневной; но больше всего ей свойственны именно нежные трели. Недавно они послышались, напевной волною полились из “Соловьиного сада” Александра Блока, и это вернуло нашего лирика в его родную стихию, из которой его увлекли, было, грубые “Двенадцать” и самозванные, мнимые, искусственные “Скифы”» (*Айхенвальд Ю.* Лирик нашего времени // Театральный курьер. 1918. № 11. 29 сент.).

Ю. Айхенвальд был не одинок в таком нарушении хронологии: первым о “выходе в свет” поэмы “Соловьиный сад” сообщил безымянный автор заметки в газ. “Утренние новости”. Вырезку этой заметки Блок вклеил в *ЗК*₅₆ 20 августа 1918 г.: “В этих стихах поэт уходит от овладевших им в последнее время тем в соловьиный сад чистой поэзии и слагает прежние гимны, которые так высоко ценят любители истинной нетленной поэзии” (Утренние новости. 1918. № 9. 20 авг.). Подобным же образом поступил и корреспондент московского “Свободного часа” О. Леонидов: «Травля поэта или писателя со стороны его политических взглядов имеет своим лучшим оправданием и завершением новый художественный шедевр, новый томик стихов, новую повесть – дань не политике, не сегодняшнему дню, а вечному аполитичному искусству. И вот таким оправданием для “затравленного” за политику А. Блока является только что вышедшая новая поэма его “Соловьиный сад” (...) “Соловьиный сад” (...) заставляет забыть о Блоке, авторе “Двенадцати”» (Свободный час. 1918. № 6. С. 15). Позже, уже после смерти поэта, ту же “неосведомленность” проявляет критик и журналист П. Пильский: «(...) “12” были совсем не последней его книжкой: после них появился его благоуханный и чудесный “Соловьиный сад” (...) Блок кончил тем, чем начал, чем был всю свою жизнь» (Сегодня. Рига. 1922. 6 авг.).

Хлесткий отзыв о “Двенадцати” оставил И.Г. Эренбург: «... Александр Блок приглашает нас на интересный концерт – идите слушать музыку революции... А вслед за поучительными статьями о музыке революции Блок пишет “Двенадцать”. Идут убийцы и громы, люди все знакомые – воротник рубахи отвернут (*dernier cri*), красная звезда, торчит невинно кончик Нагана. Идут, но стиль! стиль! – и впереди их один в особой форме, в белом венчике из роз; это Иисус (через И) Христос. Идут, поют о вещах, тоже хорошо известных – кто кого прирезал, но музыка! музыка! – и они поют еще: “мировой пожар в крови, Господи, благослови!” А все – и пожар, и Христос “очень народно”, на манер частушки» (*Эренбург И.* Стилистическая ошибка // Возрождение. 1918. № 3. 5 июня (23 мая)).

А.Н. Толстой, находясь в эмиграции, печатает статью “Падший ангел” (Последние новости. Париж. 1921. 21 авг.). В отличие от большинства эмигрантских критиков, увидевших в поэме лишь измену поэта своим прежним идеалам, путь Блока в целом Толстой рассматривает как очень трудное, трагическое в своей сути, но все же именно восхождение к “Двенадцати”, настойчиво проводит мысль о кровной связи Блока с “трагической судьбой России”. Автора “Падшего ангела” восхищает в Блоке не знающая себе равных работа совести в нем, его великая потребность преодолеть пропасть, отделявшую русскую художественную интеллигенцию от народа, его нескончаемые попытки наладить связь с “миллионами”, постоянно “нарушаемую” то вековыми традициями высокородного дворянства, то семейным воспитанием, то эстетикой избранничества и ядами декадентщины. Освобождение в Блоке человеческого, великого происходило по мере усиления в нем элементов демократизма. Однако сближение с жизнью и, значит, тревогу и боль Блока, вызванные неблагоприятием общего строя жизни, Толстой связывает с утратой в поэте личного начала, которое было источником всего комплекса ощущений “Стихов о Прекрасной Даме” и вызывало к жизни “книги колдовского очарования”. Из несовместимости личного и “человеческого, великого” возникла у Толстого концепция жертвенности Блока. Трагическая судьба России, с которой он целиком связал свою судьбу, явилась, по мысли Толстого, источником крушения Блока как поэта. В духе такого понимания жертвенности Блока воспринял Толстой поэму “Двенадцать”: “Тогда казалось, можно было задохнуться от негодования и ярости: Блок стал большевиком!” Но: «Недавно я опять перечитал “Двенадцать”, – пишет Толстой, – и мне стало ясно все выше написанное. В “Двенадцати” Блок с небывалой у него до того силой пронзил ясновидящим взо-

ром грядущее. Теперь, – четыре года революции минуло, – вся она со всеми сумасшедшими мечтами, со всем буйством, ужасом и кровью лежит раздавленная и издыхающая, и вся она, как в дивном кристалле, включена в поэме “Двенадцать”. Но последнее – непонятные и кощунственные строки: Христос в белом венце – впереди двенадцати разбойников? До сих пор многие не могут понять этого заключительного видения поэмы (...)

Поэт, всю свою жизнь певший нам о нисхождении во тьму, о тоске и безнадежности русской, грешной ночи, – объявил, наконец, весть, радостней которой не было: Россия будет спасена; двенадцать разбойников, не ведавших, что творили, будут прощены. Пронзительным взором он проник в бездну бездн тьмы и там увидел не дьявола, но Христа, ведущего через мучительство разбойников ту, у которой плат окровавленный опущен на глаза.

Так любить, как возлюбил Россию Блок, мог бы только ангел, павший на землю, сердцу которого было слишком тяжело от любви».

В апреле 1918 г. журн. “Наш путь” перепечатывает “Двенадцать” вместе со стих. “Скифы” и статьей о них Р. Иванова-Разумника “Испытание в грозе и буре”. Реакцией на эту публикацию и вызвана запись поэта: «У меня Р.В. Иванов-Разумник. Рассказал, между прочим, что священник Введенской церкви Егоров говорил в проповеди после службы о “Нашем пути” и “Двенадцати” (Христос там, где его не ждут)» (ЗК₅₆. 13 июня 1918).

Эпитет “кощунственный” оказался наиболее употребимым в оценке образа Христа среди хуливших или просто не принявших поэму в целом. С такой характеристикой выступили в печати М. Алданов (Армагеддон. СПб. 1918. С. 89), И. Трубецкая (Печальная летопись. Телячий восторг // Новости дня. Вечерняя газета. 1918. № 22. 20 (7) апр.), А. Измайлов (“Двенадцать” // Петроградский голос. 1918. № 122. 5 июля), Ф. Зелинский (по воспоминаниям П. Пильского: Александр Блок // Сегодня. Рига, 1922. 6 авг.), П. Струве (“Двенадцать” Александра Блока // Русская мысль. София, 1921. Кн. 1 и 2. С. 233) и др.

Художнический интерес Блока к образу Христа неотделим от человеческого. Блок был далек от догматического вероисповедания. Он воспринял свойственное дворянско-интеллигентской среде, которой принадлежал, безразличное порою отношение к обрядовой стороне церковного православия, сложившееся на основе общего “ухода” “безбожного” XIX века от церкви и религии. Однако уже в начале 1900-х годов его отношение к религии меняется: начинается чрезвычайно интенсивная духовная жизнь (“покорность Богу и Платон”; и здесь же – “начало богоборчества” – СС-87. С. 342). Ему открываются глубинные сферы подлинных сущностей в связи с проникновением в духовный мир поэзии Вл. Соловьева, восприятием через него идей Платона и неоплатонизма, в связи с высочайшим накалом мистического переживания любви к Л.Д. Менделеевой. На становление мировоззрения Блока повлияло и знакомство с Мережковскими, участие в их религиозно-философских собраниях 1901–1902 гг. Религиозный опыт молодого Блока укрепляется также знакомством с заметками Б. Бугаева (А. Белого), полученными через Мережковских, и последовавшей вскоре перепиской и личной встречей с ним (Там же. С. 42–44).

Эти новые представления Блока о Боге, отразившиеся в дневниковых записях 1901–1902 гг., связаны с размышлениями о женственном начале мира и мистической любви, об искусстве и художнике. Блок замечает, что «точки соприкосновения “глубинной” религии с “глубинным” искусством неисчислимы», и приводит в качестве примера “несомненное как внутреннее, так и внешнее сходство между богослужебными обрядами вдохновенных иереев и игрой на сцене вдохновенных актеров; ибо и священнослужитель олицетворяет Христа, и актер совершает свою литургию” (Там же. С. 28). Мистическое понимание искусства и художника неотделимо у Блока от обрядово-христианских переживаний. Признавая влияние на свои взгляды Бугаева и Мережковских, Блок говорит и о собственной предрасположенности к сближению искусства и религии: “Да неужели же и я подхожу к отрицанию чистоты искусства, к неумолимому его переходу в религию. Эту

склонность ощущал я (только не мог формулировать), а Бугаев и Д. Мережковский и З. Гиппиус вскрыли давно..." (Там же. С. 44–45).

Однако уже в эти годы Блок, целомудренно охраняющий свою внутреннюю жизнь, сопротивляется истовому и как бы нарочитому христианству Д. Мережковского. Позднее он определит свое отношение к деятельности религиозно-философского общества в статье "Литературные итоги 1907 года": «Образованные и ехидные интеллигенты, посевшие в спорах о Христе и антихристе, дамы, супруги, дочери, свояченицы в приличных кофточках, многоумные философы, попы, лоснящиеся от самодовольного жира, вся эта невообразимая и безобразная каша, идиотское мелькание слов. (...) И все это становится модным, уже модным – доступным для приват-доцентских жен и для благотворительных дам. А на улице – ветер, проститутки мерзнут, люди голодают, людей вешают, а в стране – реакция, а в России – жить трудно, холодно, мерзко. (...) Но ведь они *говорят о Боге*, о том, о чем можно только плакать одному, шептать вдвоем, а они занимаются этим при обилии электрического света; и это – *тоже* потеря стыда, потеря реальности; лучше бы никогда ничем не интересовались и никакими "религиозными сомнениями" не мучились, если не умеют молчать и так смертельно любят соборно сплетничать о Боге» (СС-86, С. 210–211). А в письме к матери от 23 февраля 1909 г. скажет о Мережковских: "Ужасно они отвлеченные люди. А к их речам о Христе, которые теперь, судя по фельетонам, возобновились и постоянно способны возобновляться, как холера, я отношусь со скукой и досадой". В статье "Мережковский" (1909) Блок не скрывает своего раздражения, усматривая в его заклинаниях о Христе профанацию сокровенного: "Бог, Бог, Бог, Христос, Христос, Христос", положительно нет страницы без этих Имен, не с большой, а с огромной буквы написанных – такой огромной, что она все заслоняет, на все бросает свою крестообразную тень, точно вывеска "Какао" или "Угрин" на загородном, и без нее мертвом поле...". Отношение самого Блока к тому, что для него свято, находит выражение в следующей записи: «... насколько обо всем, что дохристианское, можно говорить, потому что это наше, здешнее, сейчас, настолько о Христовом, если что и ведаешь, лучше молчать (не как Мережковский), чтобы не вышло "беснования"» (СС-87, С. 99).

Огромное значение для духовных исканий Блока имела встреча в 1902 г. в религиозно-философском собрании с Е.П. Ивановым, глубоко и искренне верующим человеком, который сохранял религиозные традиции своей патриархальной семьи, восходящей по матери к старообрядческому купеческому роду (Максимов Д.Е. Александр Блок и Евгений Иванов // БС-1. С. 345). Именно ему Блок поверял свое сокровенное, свои сомнения и свой протест: "... не пойду врачеваться к Христу. Я Его *не знаю* и *не знал никогда*"; "Никогда не приму Христа" (см. письма Е.П. Иванову от 15 июня 1904; от 25 июня 1905). Эти и другие подобные высказывания дали повод современникам и более поздним критикам говорить о безбожии и кощунстве Блока. На одно такое обвинение, предъявленное А. Бельм, Блок ответил в письме к нему 15–17 авг. 1907: "Если я кощунствую, то кощунства мои *с избытком* покрываются *стоянием на страже*". Этой формулой – "стояние на страже" – Блок, как известно, определял религию (См.: ЗК₁₂. 18 янв. 1906).

Другие высказывания поэта, сделанные в то же время и часто в тех же письмах, снимающих категоричность первоначальных заявлений: "Не Вы причина моего бегства от Него. *Время* такое. Вы знаете Его, я верю этому. А Бельый уверяет меня, что я – с Ним"; «*Раздвоение* особенно. Ведь я "*иногда*" и Христом мучаюсь» (См. письмо Е.П. Иванову от 28 июня 1904). Поэт писал даже: «Милый Женя. Думаю теперь не так, как в предыдущем письме. Приписываю многое из него "рассудочной судороге", может быть – одной из *последних*» (См. письма Е.П. Иванову от 25 июня и 5 августа 1905). Сам Е.П. Иванов, потрясенный отрывками Блока, был способен, однако, о нем сказать: "За это внимание (к семье Е.П. Иванова. – *Ред.*) многое Бог простить может ему, если есть ему что прощать. Так он чист сердцем Бога зрячим..." (Иванов Е.П. Записи об Александре Блоке. 1905 // БС-1. С. 393).

Можно сказать, что антихристианский бунт Блока представляет лишь "голос" во внутреннем диалоге, знаменующем духовные искания поэта. Существует мнение, опирающе-

еся на широкий мифологический и исторический материал, что самый верный путь к Богу – через отречение, по крайней мере на время, от мыслей о Боге (*Eliade M. Sacrum. Mit. Historia. Kraków, 1970. С. 203*). Мережковский, размышляя о путях русской интеллигенции к Богу, учитывает и путь богоборческий: “От богоборчества есть два пути: к богоотступничеству и к богосынновству” (*Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 17 т. СПб., 1911. Т. 10. С. 314*). Сам Блок определил это противоречие так: “одним из великих парадоксов, которыми живут ищущие, можно считать то, что нет большей близости, чем наибольшая отдаленность...” (*СС-87. С. 28*). Опыт средневековых мистерий, которыми специально занимался Блок в 1906–1907 гг., также подсказывал ему, что и дьявол возможен только в оппозиции к Богу, или, как сказал Гёте, “и черти льют воду на Христову мельницу”. Это гётевское высказывание отзвучивает в дневниковой записи 12 марта 1918 г.: «“Красная гвардия” – “вода” на мельницу христианской церкви».

Подобно Достоевскому, Блок был сыном отступавшего от веры века, ему, как и Достоевскому, потребовались невероятные личные усилия, чтобы ее обрести. Однако если богоборчество и “вера в черта” у Достоевского воспринимались по преимуществу в русле исторического христианства, то “демонизм” Блока, из-за которого строгие сборники веры отлучали его от христианства, не был демонизмом в христианском осмыслении, не принадлежал исключительно христианской культуре. Его “демонизм” – попытка выхода за пределы христианского миропонимания, приобщение к “небожьюму”, “дохристову” миру (“дохристово чувство Рока”, как скажет он о Тютчеве в дневниковой записи от 3 декабря 1911 г.).

Особое место в этом “дохристовом” мире занимает “эллинское”, которое привлекает Блока своей идеей красоты и эроса, своей чувственной пластикой. Мотив гибельности красоты, подготовленный христианским мотивом погубляющей душу “страшной красоты” у Гоголя и Достоевского, приобретает у Блока по временам нехристианское звучание. Как художник Блок не ограничивается христианством: очевидно его тяготение к прамиру, прадуховности, к хаосу доисторическому, выход в эзотерические сферы. Как человек высочайших нравственных потенций, ощущающий свою призванность к исполнению долга, к “стоянию на страже”, к верности первой любви, – Блок глубоко проникнут христианской культурой, находится в ее лоне. Свой интерес к “дохристову”, “эллинскому” Блок трагически воспринимает как сопричастность внутренне враждебному, что также подтверждает его принадлежность к христианской культуре. Духовные искания Блока, его сложные отношения с христианством учтены в новейших исследованиях, посвященных разгадке образа Христа в поэме “Двенадцать” (*Гиждеу С.П. Образ Христа у Блока // Библия в культуре и искусстве. Вып. XXVIII. Випперовские чтения. 1995. М., 1995; Магомедова Д.М. Блок и Волошин (Две интерпретации мифа о бесовстве) // БС-11; Розенблюм Л.М. “Да. Так диктует вдохновенье...” (Явление Христа в поэме Блока “Двенадцать”) // Вопросы литературы. 1994. № 6; Dudec A. Motyw Chrystusa w twórczości Aleksandra Błoka // Musica Antiqua. Europae Orientalis. Acta Slavica. X Bydgoszcz, 1994 и др.).*

Богоборчество Блока питалось в значительной мере и антихристианским бунтом Ницше, также выходящим за пределы исторического христианства, утверждавшим в противовес ему аполлонизм и дионисийство, противопоставившим христианской этике античную эстетику, Богочеловеку – Человекобога. Ницшеанство, несмотря на сильнейший импульс его преодоления у Блока, сохраняло достаточно устойчивое влияние на его сознание. Однако ему ближе были Гёте и Вл. Соловьев, стремившиеся к синтезу христианства и дохристианских культур. С погружением в мир этих мыслителей и художников связан, видимо, особый интерес Блока к гностицизму, в котором поэт угадывал возможность примирения первобытного хаоса, античности и христианства и к которому тяготели его великие предшественники.

Гностицизм оказывает значительное воздействие на разработку темы и образа Христа у Блока. Гностические идеи и представления поэт воспринимает через литературную традицию, а также через ученых философов и филологов конца XIX – нач. XX в., преж-

де всего через Вл. Соловьева (чье учение о всеединстве и богочеловечестве опиралось на космологию и теологию гностиков) и Ф.Ф. Зелинского, лекции которого Блок слушал в университете и труды которого читал. Гностический тип мышления предполагает познание Бога через самопознание. Человек, земное создание, помещенное во тьму материи, но содержащее луч Божественного света (тело – темница духа, дух – свет в плену у тьмы), ищет путей воссоединения с полнотой Божественного первоначала. Отсюда ключевые слова и образы гностического мифа – путь, поиск, восхождение, преобразование, смена обликов, изменчивость видимого и незыблемость духовного, внутренняя раздвоенность, избранничество как результат внутренних усилий человека и т.п. – которые входят в психологический комплекс лирического героя Блока, связанный со сквозным для его творчества мифом “вочеловечения”.

Трактовку этого мифа у Блока определяют идеи и образы канонического Евангелия. В основе блоковской “трилогии вочеловечения”, запечатлевающей путь поэта (см. в письме к А. Белому от 6 июня 1911), лежит миф о Христе, “воплотившемся от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечившемся” (“Символ Веры”). Миф нужно понимать как “объективную правду о сущем” (ЗК. С. 104). Этот миф, заключающий в себе всечеловеческий опыт высшей просветляющей духовности, жертвенной любви и служения человечеству, спасения его ценой страдания, смерти на кресте и воскресения к новой жизни, нужен Блоку не только и не столько как “канва”, по которой художник может “ткать красивые и тонкие узоры” (СС-85. С. 611), но как сюжет самовоплощения, выражающий глубоко личное переживание. Миф не просто служит средством организации художественного замысла, но “проживается” Блоком, проявляя себя на протяжении всего жизненного и творческого пути. Иногда он уходит на глубины, в автобиографический подтекст, но в моменты наивысшего драматического напряжения миф о Христе неизменно выступает на передний план, вырастая в сюжет, отгесняя другие мифы, как, например, в стихотворениях “О легендах, о сказках, о тайнах...” (1902), “Мы странствовали с Ним по городам...” (1902), “Вот Он – Христос – в цепях и розах...” (1905), “Когда в листе сырой и ржавой...” (1907), “Ты отошла, и я в пустыне...” (1907), “Сон” (1910) и др. Названные стихотворения знаменуют вершины, а годы их создания – хронологические этапы мистериального переживания Христа Блоком, которое получит свое завершение в образах поэмы “Двенадцать”.

Основание для мифологического самоотождествления с Христом дает Священное Писание, указывая на человеческую природу (“вочеловечение”) Христа и божественное начало в человеке, созданном “по образу Божию”. Отсюда смысловая двойственность таких определений, как Сын Человеческий и Сын Божий, относимых как к Христу, так и к человеку. Лирическое самоуподобление Христу через миф “вочеловечения” у Блока, подготовленное идеей “обожения” человека у Вл. Соловьева, восходит к христологии Достоевского, трактующей Христа как идеал подлинной человечности, послуживший основой для создания “положительно прекрасного” героя – Князя Мышкина.

Центром духовных тяготений Блока в нравственном приближении к Христу становится первая из заповедей “Блаженств” – о “нищих духом” (Мф. V.3). Блок понимает эту заповедь в ее буквальном и в высоком христианском смысле – как отречение от всего, к чему привязан человек на земле: от имущества, дома, родных, от суетных дел и желаний, от самой души своей, ибо “Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную” (Ин. XII.25). Эти стихи отчеркнуты Блоком в принадлежащей ему Библии (ББО-3. С. 75). Отречение совершается во имя освобождения духа, осознания долга, во имя слияния с сущностью мира, великого смирения и мудрой простоты. “Отрекись от себя для себя, а не для России”, – приводит Блок в подтверждение своей мысли цитату из “Выбранных мест...” Гоголя, наряду с высказываниями Ибсена и Вл. Соловьева о том же в статье “Ирония” (1908). Для Блока имело значение и понимание “нищеты духа” как личностного самоутверждения, нашедшее отражение в книге О. Уайльда “Социализм и душа человека” (СПб., 1907), сохранившейся в библиотеке Блока (ББО-2. С. 322).

Евангельская формула “нищие духом” становится краеугольной в статье Блока “Безвременье” (1906). Здесь рождается тема “ухода”, которая станет ведущей в ряде произведений Блока (“Девушка розовой калитки и Муравьиный царь”, 1906; “Песня Судьбы”, 1908; “Соловьиный сад” 1914; в ряде стихотворений). Эту тему питают реальные жизненные впечатления: “уход” Л.Н. Толстого, который, по словам М.А. Бекетовой, “волновал и радовал” Блока (*Бекетова I. С. 141*); разрыв со своею средой и уход “в народ”, в традициях русского народничества, многообещающего молодого поэта, аристократа по рождению А.М. Добролюбова, а вслед за ним и другого поэта – Л. Семенова; а также литературные, легендарные и исторические образы “ухода”, отречения и смирения, такие как Король Лир, Франциск Ассизский, Юлиан Милостивый. Двух последних Блок упоминает в “Дневнике женщины, которую никто не любил” (1912, 1918), причем Юлиан – герой “Легенды о Св. Юлиане Странноприимце” Флобера, переведенной Блоком в 1914 г. (см. т. 12 наст. изд.).

Блоковское решение этой темы связано, прежде всего, с образом Христа, воплощающего вершину “нищеты духовной”, в своей земной жизни “не имеющего, где приклонить главу” (Мф. VIII.20), “друга мытарям и грешникам” (Мф. XI.19), умывающего ноги ученикам своим (Ин. XIII.5–14; из них 7–10 отчеркнуты Блоком в принадлежащей ему Библии (*ББО-1. С. 75*), пришедшего в мир не судить его, но спасти (Ин. XII.47), принявшего крестную муку и смерть (см. стих. “Вот Он – Христос – в цепях и розах...” 1905; “Ты отошла, и я в пустыне...” 1907; “Когда в листе сырой и ржавой...” 1907 и др.).

Стихотворение “Вот Он – Христос – в цепях и розах...” посвящено Евгению Иванову не только потому, что явилось откликом на разговоры с ним о Христе (см. *Иванов Е.П. Записи об Александре Блоке. 1905 // БС-1. С. 396*), но также потому, что тема стихотворения выражает человеческую сущность Е.П. Иванова, которого Блок в письме к А. Белому от 7 апр. 1904 г. характеризует как “юродивого, нищего духом”, почти что “блаженного”, за чистоту и тишину сердца, за редкую способность любви и самоотверженного служения.

Воплощающий Христа в этом стихотворении образ “хлебного злака”, подсказанный Е.П. Ивановым, который видел Христа “колосющимся”, “в полях грядущим” (*Там же. С. 396*), является в то же время вполне традиционным для христианской символики. Он опирается на первобытный миф о зерне, брошенном в землю, чтобы умереть и прорасти, принеся плод сторицею, – евангельская притча, раскрывающая смысл смерти и воскресения Христа (Ин. XII.24 – отчеркнуто Блоком в Библии – *ББО-1. С. 75*). Для Блока, видимо, имело значение и то, что эти слова евангельской притчи Достоевский взял эпиграфом к роману “Братья Карамазовы”, выразив тем самым одну из ведущих идей романа.

В стихотворении Блока этот миф реализуется в связи с темой “нищеты”, самоотречения, доходящего до самоуничтожения:

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый злак.

Без учета этой мифологической проекции стало возможным ошибочное толкование концовки стихотворения, якобы отводящей Христа от “живой жизни” в “полемику с Е.П. Ивановым” (*Максимов Д.Е. Александр Блок и Евгений Иванов // БС-1. С. 359*). Миф помогает прочесть и оптимистическую перспективу финального образа самоуничтожения.

Тема “ухода” и “нищеты” тесно связана у Блока с больной для него и доставшейся ему по наследству от предшествующих поколений русской интеллигенции проблемой отношений между народом и интеллигенцией. Идея самоотречения приобретает для Блока социальный смысл отказа от несправедливо, с его точки зрения, доставшихся ему бо-

гатств, в том числе и духовных, за счет прозябающего в нищете и темноте невежества народа. Блок болезненно переживает свою принадлежность к “сотне кающихся дворян”, принимая на себя вину своего класса перед народом (см. письмо А. Белому от 15–17 авг. 1907). Эти настроения поэта усугубляются под влиянием переписки с Н. Клюевым, начавшейся в 1907 г.: “Я над Клюевским письмом. Знаю все, что надо делать: отдать деньги, покаяться, раздарить смокинги, даже книги” (Дн. 6 дек. 1911), т.е. пойти путем А.М. Добролюбова.

“Народничество” и не отделимая от него “революционность” Блока тесно связаны с его религиозно-нравственными исканиями и во многом ими определяются. Имя Христа и революция, встретившись в сознании Блока еще до 1905 г., поначалу отторгают друг друга. Еще в 1904–1905 гг. Блок противопоставляет желанные ему “вихрь”, “огонь”, “разрушение старого” – “кротости” и “уступчивости”, воплощенным в Христе. Именно о таком Христе сказал Блок: “Никогда не приму...”. Но постепенно он проникается идеей революционной роли Христа, глубоко коренящейся в народных представлениях, особенно среди раскольников и сектантов. Отсюда его тяга к “расколу”: “Хочу заниматься русским расколом” (см. письмо матери от 20 сент. 1907).

В записи от 16–17 февр. 1909 г. Блок указывает ориентиры своего “раскольничества”, предполагая приблизиться к жизни российских глубин: “Поехать можно в Царицын на Волге – к Ионе Брихничеву. В Олонецкую губернию – к Клюеву. С Пришвиным поваландаться? К сектантам – в Россию” (ЗК₂₄. С. 131).

Интерес Блока к расколу, первый толчок которому дало общение с семьей Е.П. Иванова, питается перепиской с Клюевым, который становится для поэта воплощением “сжигающего” “буревестного” Христа клюевской поэзии (см.: *Городецкий С.* Воспоминания об Александре Блоке // *Воспоминания*, 1. С. 338). Идеи христианской революционности к концу первого десятилетия сближают его на время со старообрядческой сектой “голгофских христиан”, в журнале которой “Новая земля” Блок опубликовал несколько стихотворений. “Голгофская церковь” призывала к самопожертвованию, “Голгофе” во имя всеобщего освобождения (“воскрешения”); в эти понятия вкладывался не только религиозный, но и социальный смысл. «Христово христианство, – поясняет М. Пришвин, прибодившийся также к “голгофской” вере, – постоянная Голгофа. Великое распятие каждого. Принятие на себя, в свою совесть всего зла, в котором лежит мир... (...) Христос – Бог живых, на земле хочет создать царство свое – для человечества, соединенного с ним. Для земли он умер, чтобы ее спасти, ее обновить, с нее хотел снять древнее проклятие» (см.: *Пришвин М.М.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1982. Т. 1. С. 749; об отношениях Блока с Клюевым и о “голгофских христианах” см.: *Азадовский Е.М.* Вступит. статья к “Письмам Н.А. Клюева к Блоку” // *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 427–462; см. также: *Азадовский К.М.* Николай Клюев. М., 1990). В новейшей литературе о Блоке проникновению в образ Христа как сектантских, так и сатанических обертонов посвящены особые разделы трудов: *Эткинд А.* Хлыст. М. 1998 и *Слободнюк С.* “Идущие путями зла...” Дьяволы “серебряного века” (древний гностицизм и русская литература 1890–1930 годов). СПб. 1998.

Живым и глубоко личным откликом на “голгофскую” идею “сораспятия” стало стихотворение Блока “Когда в листе сырой и ржавой...” (1907) из цикла “Осенняя любовь”. Образ Христа, плывущего в челне, его облик (“В глазах такие же надежды, и то же рубище на нем...”) под сказаны Блоку образами сектантских духовных стихов. В драме “Песня Судьбы”, напитанной раскольничьими мотивами, тот же образ подплывающего, приближающегося по воде Христа отзовется несколько иначе, в соответствии с ситуацией (ожидание жениха): “И плывет к ней на льдине такой светлый... так и горит весь, так и сияет... будто сам Иисус Христос...” (Четв. картина). Раскольничьи мотивы слышны также во многих стихотворениях этого периода: “Задебранные лесом кручи...” (1907–1914); “Россия” (1908); “Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?” (1910) и др.

М. Пришвин высказал подозрение, что «Христос в поэме Блока “Двенадцать” – грациозный, легкий, украшенный розами, – есть обожествленный сам поэт Блок», и связал

это “самообожествление” с “мистически-хлыстовской” традицией, под влиянием которой, как он считает, находился Блок (*Пришвин М.М. Записки о творчестве // Контекст—1974. С. 353–354*). В этом не лишенном сарказма замечании есть доля истины.

В соотношении Христа с Поэтом для Блока важны две стороны: “Поэт – Христос” и “Христос – художник”. Первая из них, уподобляющая Поэта Христу, его жертвенный путь и страдания – Христовым, имеет длительную традицию в русской поэзии, восходящую к Лермонтову: “они венец терновый, увитый лаврами, надели на него, / Но иглы тайные сурово / Язвили славное чело”. Источником этого лермонтовского образа послужили, в свою очередь, стихи В.А. Жуковского из Послания к кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину (1814):

Пусть дружба нежными перстами
Из лавров свой венец свила;
В их зависть терния вплела;
И торжествует: растерзали
Их иглы славное чело –
Простым сердцам смертельно зло:
Поэт угаснул от печали.

Не исключено, что эти русские стихи явились откликом на сюжет и образы поэмы Гете “Торквато Тассо” (1790), в которой лавровый венок, сплетенный “нежными перстами” женщины и увенчавший чело поэта, становится знаком страдания, отверженности и изгнания. Этот образ входил в культурный кругозор Блока, редактировавшего в послереволюционные годы перевод гетевской поэмы, подготовленный В.А. Зоргенфреем (См. *Дн. 16 дек. 1920; 7–8 янв. 1921 и др.*).

Известно, что общественное признание Поэта с древних времен выражалось в увенчании лаврами (Данте, Петрарка) и розами (см., например, стих. А. Фета “В саду”, 1854). Но несмотря на это Поэт всегда не понят, одинок, гоним. Лавры и розы увенчания оборачиваются мученическим терновым венцом – знаком уподобления Христу в момент его бичевания и распятия. “Терновый венец” в русской поэтической традиции XIX в. становится главным атрибутом соотношения Поэта с Христом. См., например, стих. Ив. Сурикова “Поэту” – произведение послепушкинского времени:

Но ты, в венце своем терновом,
Тебе изранившем чело,
Прости врагам твоим суровым
Тебе содеянное зло!

У Блока поэтическая традиция отождествления Поэта с Христом в соединении с хлыстовско-голгофской идеей достигает высочайшего напряжения в образах со-распятия, выражающих страдание и со-страдание, воплощение и искупление. Происходит осуществление личной мистерии, сопредельной мистерии христианской. Этой мистерией проникнуты не только лирика, но и драмы Блока.

Блоковская мистерийная триада “вочеловечения” отражает три главные вехи пути Христа: пришествие Бога в мир (“от мгновений слишком яркого света”), страдание и распятие («через необходимый болотистый лес – к отчаянью, проклятиям, “возмездью”») и воскресение к новой жизни («рождению человека “общественного”, художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право (<...> глядываться в контуры “добра и зла”...») (Письмо А. Белому от 6 июня 1911).

Триада мистерию Христа Блок не относит исключительно к себе. Таким он видит путь любого большого поэта нового времени. Блоковское “Я – Христос” подразумевает “Поэт – Христос”. Об этом он говорит еще в самом начале своих раздумий о Поэте и, в частности, о близких ему поэтах – Тютчеве, Полонском, Фете и Вл. Соловьеве, которых уподобляет ученикам Христа, повторившим его участь: «Все Апостолы уже уго-

тованы на жертву и будут распяты “вверх пятами”, как ранний святитель. Но дальше ждет их то великое и непостижное слияние с прежним источником страданий и просветлений...» (СС-87. С. 27). Далее Блок эту мысль возводит в обобщение: “Вся близость между Богом, которому поклоняются, и духом, который поклоняется, становится очевидной в нашей недавней поэзии. Тоскованье всегда предполагает желание соединения – какую-то неудовлетворенную отделенность, порывание или непрерывное стремление воссоединиться” (Там же. С. 28).

Для поэмы “Двенадцать” наряду с темой “Поэт – Христос” весьма важное значение приобретает вторая тема: “Христос – художник”. Эта тема столь насыщенной традиции не имеет. Блок дает ключи к ней в наброске неосуществленной драмы об Иисусе, который он внес в дневник 7 января 1918 г., то есть уже во время работы над поэмой. Иисус здесь резко противопоставлен окружению и прежде всего – апостолам, которые “от мира сего” с его грубостью, страстями, грехом, в то время как Он сам – “не от мира сего” – “не мужчина, не женщина”, “задумчивый, рассеянный”. Имя “Симон” при втором упоминании, так же как и “апостол”, взято в кавычки, что означает “так называемый Симон” или “так называемый апостол” (ср. в поэме имена участников разыгравшейся драмы – Петька, Ванька, соотносимые с подлинными именами апостолов – Петр, Иоанн). На евангельские образы и ситуации отчетливо спроецированы текущие события и идеи (та же революция, большевики, “народное представительство” и т.п.). В этой атмосфере пошлости, мещанства, мелочных склок, трусости, предательства, проституции пребывает “Иисус – художник”, по определению Блока. Художник потому, что ему доступны глубинные ритмы мира, высшее чувство “добра и зла”, потому, что великая трещина мира “прошла через его сердце” (Гейне). При всей видимой отрешенности от мира (“пропускает их разговор сквозь уши”), он в то же время органически с ним связан: «все получает от народа. “Апостол” брякнет, а Иисус разовьет». Интересно сопоставить эти слова об Иисусе-художнике с дневниковой записью Блока-художника, сделанной 26 дек. 1911 г., в день, измучивший Блока своей бесплодностью, обилием посетителей и разговоров: “Чего-чего не было наговорено, а почти все – ненужное и лишнее, а что и нужно, то сказано и сделано бессознательно, а мною только намотано на ус”. А в статье “Интеллигенция и революция”, создававшейся одновременно с поэмой “Двенадцать”, Блок делает обобщение: “У художника все бытовое, житейское, быстро сменяющееся – найдет свое выражение потом, когда перегорит в жизни”.

Христа-художника в наброске драмы отличает “женственная восприимчивость”. Ему знаком тяжелый труд извлечения прекрасного из “загаженности, безотрадности форм” жизни. Блок приводит в этой связи слова Сократа из диалога Платона “Большой Иппий”: “χαλεπα та χαλά” (“Все прекрасное трудно”). Иисуса с Поэтом объединяет, наконец, Слово.

Он – “Грешный Иисус”, потому что художник и потому, что берет на себя грехи мира. Он “там, где его не ждут” (ЗК₅₆. С. 411), как Христос в книге Ренана “Жизнь Иисуса”, в романе А. Белого “Петербург”, у Достоевского или как в стих. Вл. Соловьева “Иммануэль” (1892), замеченном как важное и “свое” уже молодым Блоком (СС-87. С. 30):

Да! С нами Бог, – не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурног,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, теперь, – средь суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!

В статье “Стихия и культура” (1908) Блок приводит присланные ему народные час-

тушки, которые, будучи сопоставлены между собою, образуют сюжет поэмы “Двенадцать”. Вначале идут те, которые “пеньем сладкозвучным сердца погибших привлекают”:

Ты любовь, ты любовь,
Ты любовь святая,
От начала ты гонима,
Кровью политая

Затем – другие, выражающие «зачерепевший слой лавы» над жерлом вулкана»:

У нас ножики литые,
Гири кованые,
Мы ребята холостые,
Практикованные...
Пусть нас жарят и калят,
Размазуриков-ребят –
Мы начальству не уважим,
Лучше сядем в каземат...

Сопоставляя эти частушки, Блок комментирует их следующим образом: «В дни приближения грозы сливаются обе эти песни: ясно до ужаса, что те, кто поет про “литые ножики”, и те, кто поет про “святую любовь”, – не продадут друг друга, потому что стихия – с ними, они – дети одной грозы; потому что – земля одна, “земля Божья”, “земля – достояние всего народа» (СС-8₅. С. 358–359). Здесь начинает вызревать замысел поэмы “Двенадцать” и обретает свой смысл и контуры финальный образ: “... в сердце нашем отклонилась стрелка сейсмографа. Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, на легком, кружевном аэроплане, высоко над землей; а под нами – громыхающая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы” (Там же. С. 359).

Логическое завершение тема “Иисус – художник” и выражающие ее образы получают в речи “О назначении Поэта” – предсмертном завещании Блока.

Среди западных источников темы Христа как освободителя, защитника угнетенных, социального преобразователя следует назвать роман Флобера “Сентиментальное воспитание” (1869), который был настольной книгой в семье Бекетовых. Перевод этого романа, сделанный Е.Г. Бекетовой, сохраняет и по сей день свою художественную ценность. В сознании Блока этот роман занимает важное место. Он считает его “школой” целого поколения, к которому принадлежал и его отец:

Он тоже получил от детства
Флобера странное наследство –
Education sentimentale.

(см. наст. том, с. 56).

В статье “Крушение гуманизма” есть высказывание, раскрывающее огромное значение этого романа для Блока: «Во флюберовском “Сентиментальном воспитании” заключено древнее воспоминание, перед которым гуманные основы общежития начинают казаться пустой побрякушкой» (СС-8₆. С. 109). Флобер поставлен в этой статье в один ряд с такими значимыми для Блока революционными деятелями культуры, как Вагнер и Ибсен.

На этот роман как на источник образа Христа в “Двенадцати” в 1937 г. указывал В. Пяст (Пяст В. Вот откуда // Вопр. лит. 1972. № 8. С. 253). Однако он не учел того, что флюберовская трактовка революции, революционных идей и революционизации Христа носят иронический характер. Ассоциация Иисуса Христа с “Республикой”, “Прогрессом”, “Цивилизацией” взята Пястом из описания картины бездарного художника. “Она изображала Республику, или Прогресс, или Цивилизацию под видом Иисуса Христа, управляю-

щего паровозом, который мчится по девственному лесу” (Флобер Г. Соч.: В 4 т. М., 1971. Т. 3. С. 307).

В изображении Флобером революции 1848 г. узнаваемы основные темы поэмы “Двенадцать”: 1) революция как анархия, разрушительная стихия, разнузданность всех, скрытых при других условиях, побуждений и инстинктов низших классов; 2) отмена всех нравственных норм; 3) демагогия, спекуляция идеями, словами, лозунгами; 4) обыватели в революции, революция и проституция; 5) наконец, отмеченная Пястом тема революции и Христа, в решении которой Флобер высказывает свое ироническое отношение к идее совмещения христианства и социализма – см., например, выступление на собрании в “Клубе Разума” “патриота в синей блузе”: “Рабочий – священнослужитель так же, как основоположник социализма, наш общий учитель Иисус Христос! Настало время укрепить Царство Божие на земле! Евангелие – прямой путь к восемьдесят девятому году! После уничтожения рабства – освобождение пролетариата. Миновал век ненависти, скоро настанет век любви” (Там же. С. 312–313).

Иначе подходит к теме Христа и революции Э. Ренан в книге “Жизнь Иисуса” (1863), существенно повлиявшей на оформление замысла и образов поэмы “Двенадцать”. В дни работы над поэмой Блок неоднократно упоминает имя Ренана и название его книги “*Vie de Jésus*” (Дн. 7 янв., 11 янв. 1918; ЗК₅₆. 7 янв. 1918), которую он, видимо, читал по-французски. Французское издание книги Ренана сохранилось в библиотеке Блока (ББО-3. С. 141), в то время как русский перевод О. Крыловой (СПб.: Сириус, 1907) утрачен (ББО-3. С. 252).

Ренан изображает Христа революционером, стремящимся установить царство справедливости на земле. Он считает, что Евангелие, проповедующее любовь к народу, страдание к его слабостям и скорбям, создано для бедных. Эту глубокой давности историю о Христе Ренан представляет как картину “самой удивительной народной революции”. Книга Ренана является, по сути дела, социальной проповедью с позиций христианского социализма. Революционная концепция христианства в соединении с живым обаянием образа Христа-человека, созданного Ренаном, принесли автору и его книге широкую известность в годы осмысления прошедших и предчувствия грядущих революций. В январе 1918 г. Блок работает над драмой о Христе также в духе Ренана.

Весьма актуальным для Блока в год создания поэмы “Двенадцать” оказался и роман А. Барбюса “Огонь” (1916). Имя автора и название романа появляются в записях Блока в мае–июне в связи с намечавшимся, но не осуществленным переводом этого текста, за который взялся Б.А. Леман и в котором Блок был очень заинтересован (см. ЗК₅₆. 8 и 22 мая 1918), а также в связи со статьей о Барбюсе и его романе “*Le Feu*” (ЗК₅₆. 25 июня 1918). Была ли написана эта статья и кем – не установлено. Ясно только, что Блок, сам непосредственно столкнувшийся с событиями первой мировой войны, о которых пишет Барбюс, стал внимательным читателем этого романа. Наблюдения и размышления Блока о войне, сходные с барбюсовскими, см. в письмах к матери и Л.Д. Блок, авг. – сент. 1916; а также в статье “Интеллигенция и Революция”, написанной 9 янв. 1918 г., то есть во время работы над поэмой “Двенадцать”.

Несмотря на общую атеистическую направленность книги Барбюса, Блок привлекало в ней оправдание революции, которая возникает из глубин народного бедствия. Его внутреннему восприятию революции как свободной стихии отвечало изображение Барбюсом войны и спровоцированного ею мятежа в образах Апокалипсиса. Встречает он у Барбюса и глубоко близкую ему идею о брошенном в землю зерне, о необходимом посеве для грядущей жатвы: “Кажется, что эти выходы с того света копошатся во всех выбоинах, среди живых существ, которые брошены сюда и почти зарыты в землю, как зерна...” (Барбюс А. Огонь. М., 1973. С. 324). Как родственное себе воспринимает Блок и барбюсовское ощущение света сквозь тьму: “... под саваном мрака мне грезится какой-то великий свет” (Там же. С. 179). Непосредственным откликом на социальный вывод Барбюса – “Равенство – это великая формула людей” – является запись Блока 12 мая 1918 г.:

“Одно только делает человека человеком: знание о социальном неравенстве” (ЗК₅₆, С. 406) – и внесение этой мысли в анкету (“Что сейчас делать?...”): “... не забывать о социальном неравенстве (...). Знание о социальном неравенстве есть знание высокое, холодное и гневное” (СС-8_б, С. 59). Блок написал это 13 мая 1918 г.

Не мог не привлечь внимания Блока и использованный Барбюсом образ из Книги Исход, к которому он сам неоднократно обращался: “Это поистине огненный столп и облачный столп Библии” (Там же. С. 196). Стихи, содержащие этот образ, отмечены в Библии, принадлежащей Блоку, особым эмфатическим знаком: отчеркнуты двойной чертой и помечены на полях знаком №, переходящим в прямой крест: “Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем и ночью. Не отлучался столп облачный днем и столп огненный ночью от лица народа” (Исх. XIII. 21–22). Образ Господа, выводящего из тьмы рабства народ Моисея, как и вся Книга Исход, испещренная пометами Блока, имели для поэта исключительно важное значение и не могли не стимулировать его размышления о путях “исхода” из тьмы.

Воспринимая революцию как стихию и соотнося ее с могучими стихиями природы, Блок видит в ней также действие не менее могучих мистических сил. Свое ощущение мира и себя в дни работы над поэмой – “сильный шум внутри и кругом себя”, “частую физическую дрожь” – Блок связывал с Erdgeist'-ом (см. письмо А. Белому от 9 апр. 1918), имея в виду Дух Земли из “Фауста” Гете, где этот образ обозначает не только силы земной природы, но и таинственные потусторонние силы, имеющие над нею власть. В известном смысле Духом Земли оказывается и сам Мефистофель, деятельность которого направлена исключительно на земную жизнь, протекающую во времени и земном пространстве, в то время как небесные сферы и все мироздание в целом, а также сама вечность находятся в ведении Бога. Эти пласты, организующие мистерийное пространство “Фауста”, обнаруживаются и в поэме “Двенадцать”.

Источником мистерийного восприятия мира у Блока, как и у Гете, является средневековая мистерия, интерес к которой в послереволюционные годы у поэта вновь возрастает. Мистерия показывает столкновение и вечную борьбу сил неба и ада, Бога и Дьявола в библейско-евангельских образах и сюжетах: грехопадение человека, ослабленного Змием, его изгнание из Рая, земные пути человека, пролегающие между Раем и Адом, добром и злом, ангелами и бесами, двойственность человеческой души, отражение в ней борьбы тех же стихий божественного и бесовского. Вершиной мистерийного действия становится искупление виновного во зле человечества Спасителем – земная жизнь, распятие и воскресение Христа (“Мистерия Страстей Господних”). Завершается мистерия оправданием человека. Таким образом, обязательными жанрово-сюжетными элементами мистерии являются грехопадение, искупление и оправдание.

Как было уже замечено, мистерийная триада лежит в основе “трилогии вочеловечения” Блока. Она же определяет ключевые образы и мотивы поэмы “Двенадцать”. Бесовская стихия, разгулявшаяся в природе, в социальном мире (“в городе”) и в душах людей, приобретает поистине мистерийные масштабы (о “бесах” в поэме “Двенадцать” см.: Магомедова Д.М. Блок и Волошин: Две интерпретации мифа о бесовстве // БС-11. С. 39–49). Однако у Блока к традиционной мистерийной трактовке противостояния Христа и бесовской стихии подключаются образы и концепции гетевского “Фауста”, размышления над которым сопровождают его во время работы на поэмой (см. записи и реплики: Дн. 31 янв. 1918, в ЗК₅₆ 29 янв., 15 апр., 25 июня 1918; в упомянутом письме А. Белому; а также отклики гетевских образов в статьях 1918–1919 гг.: “Интеллигенция и Революция” (СС-8_б, С. 12); “Дневник женщины, которую никто не любил” (Там же. С. 35); “Катилина” (Там же. С. 90); “Крушение гуманизма” (Там же. С. 95–96)). В последней из названных статей Блок определяет Гете как уникального представителя культуры прошлого, который “различал во мраке очертания будущего”. Он отмечает также

характерную для Гете “загадочную двойственность” отношения ко всему (*Там же*. С. 96). Блоку близка обнимающая всего “Фауста” мысль Гете о плодотворности сил зла, перекликающаяся с одной из основных идей Шеллинга, обосновавшего необходимость и позитивную роль мирового зла. Дьявол (у Гете – Мефистофель) пробуждает человеческую активность, побуждает к действию и, в конечном счете, способствует продвижению вперед. Борясь против добра, Мефистофель, по сути дела, выступает на стороне добра и, таким образом, сотрудничает с Богом. Вот почему всеведущий Бог охотно посылает его к человеку.

О равновеликости и равном значении Бога и дьявола Блок размышляет уже в 1901–1902 гг.: “... нет разницы – бороться с дьяволом или с Богом – они равны и подобны; как источник обоих – одно Простое Единство, так следствие обоих – высшие пределы Добра и Зла – плюс ли, минус ли – одна и та же Бесконечность” (СС-87. С. 28).

Идея необходимости зла как элемента единого человеческого и космического существования, присутствие в мире дьявола наравне с Богом (Ормузд и Ариман), усвоенная Гете и немецкими романтиками, восходит к Якобу Беме и Сведенборгу, а через них – к зороастризму и манихейству, которые, в свою очередь, смыкаются в ряде идей с неоплатонизмом и гностицизмом. В Западную Европу эти древние представления приходят в XII–XIII вв. в виде альбигойских, катарских и прочих ересей, которые, в свою очередь, нашли отражение в “Божественной комедии” Данте.

Связь поэмы “Двенадцать” с “Фаустом” Гете не ограничивается общей ориентацией на мистику. Драма Гете, возможно, один из самых верных ключей (хотя и не единственный) к прочтению финала поэмы Блока. В предпоследней сцене второй части, иронически названной “Положение во гроб”, бесы под водительством Мефистофеля готовят для души Фауста место в аду, но ангелы, исполняя волю Господа, похищают ее, вступая с бесами в борьбу. Они забрасывают бесов копыной пурпурных роз, которые, как комментирует Мефистофель, “будто снегом заносят сильных чертей” (подстрочник мой. – *И.П.*). В переводе Н. Холодковского, который был в распоряжении Блока, это место звучит так:

Цветочками, как будто снежной тучей,
Хотят они засыпать ад кипучий...

(*Гете И.В. Фауст / Пер. Н. Холодковского. Пг., 1914. С. 230*). В Дневнике 1901–1902 гг. Блок цитирует заключительные стихи (о Вечно Женственном) из второй части “Фауста” в переводе А. Фета, который также сохранился в библиотеке Блока – *ББО-1. С. 226–232*).

Бесы по приказу Мефистофеля дуют на розы, чтобы они “скукожились” от бесовского смрада. Но розы от этого лишь ярче разгораются, и действие их таково, что черти скатываются в беспорядке в ад, к негодованию Мефистофеля, который, кстати, и сам испытал силу воздействия ангельских роз, парализующую зло. В сопровождающих это действие песнях ангелов раскрывается смысл и благая сила божественных роз:

Цветы вы небесные,
Огни благовестные, –
Любовь всюду шлете вы,
Блаженство даете вы,
Как сердце велит!
Глагол правды чистой
В лазури лучистой
Из уст вечной рати
И свет благодати
Повсюду разлит!

{...}

Пламя любви святой,
К свету направь свой путь!
Истины луч златой
Падшим целебен будь,
Чтобы от духа зла
Власть их твоя спасла –
В светлый блаженства рай
Всех съединяй!

(Пер. *Н. Холодковского*)

А в первой сцене первой части драмы, озаглавленной “Ночь”, хор ангелов, останавливая Фауста, готового выпить яд, славит Воскресение Христа и пробуждает в душе ге-

роя воспоминания детства, все самое чистое и светлое:

Христос воскрес!
Грехопадения,
Смерти и тления
След с поколения
Смыт и исчез.

(Пер. Б. Пастернака)

Таким образом, перебрасывается мост от начала к финалу трагедии: Христос искупает грехопадение и вместе с небесным воинством спасает грешные души. Их оружие – розы любви.

Гете в разговоре с Эккерманом 6 июня 1831 г., объясняя финал “Фауста”, заметил: “... говоря о сверхчувственном, едва только чаю, я мог бы расплыться, если бы не придал своим поэтическим озарениям благодетельно ограниченную, четкую формулу христианско-церковных преданий и образов” (*Эккерман И.П.* Разговоры с Гете. М., 1986. С. 431), то есть Гете, по сути дела, объясняет значение мифа для искусства вообще и христианского мифа для своего “Фауста”, в частности. Эти слова мог бы сказать о себе и Блок. Опора на христианскую символику помогает ему выйти в сферы сверхчувственного, в мир вечных сущностей, а ориентация на гетевскую трактовку христианского мифа дает полноту смысла пунктирно обозначенным и отдельно акцентированным образам.

В отличие от красных роз Гете, разгорающихся и опаляющих огнем чертей, розы блоковского Христа белые. Белый становится здесь цветом небесных сил и означает чистоту, невинность, свет, надежду, чаяние “нового неба и новой земли”, града небесного Иерусалима.

Католическая символика увенчивает Христа венком из роз трех цветов – белого, красного и золотого, воплощающих три ступени Его пути: от начала в Вифлееме и Назарете (явление Бога на земле среди людей, вочеловечившаяся божественность) к Кресту (искупительная жертва, кровь, страдание и смерть во имя любви) и к славе Воскресения (сияние вечности, красота и совершенство горнего мира) (см.: *Ратцингер Й.* Молитва по четкам – сердечная молитва Запада // Тысячелетие почитания Пресвятой Богородицы на Руси и в Германии. Мюнхен; Цюрих, 1990. С. 9–11).

Мистическая Роза Данте, символ Небесного Рая, всей Небесной иерархии во главе с Божественным Троицтвом, согласно католической и общехристианской традиции, является также золотой и белой, составленной из белых одежд пребывающих в Рае, их сияющих ликом и сверкающих золотом крыльев (Рай. Песни 30–33).

Роза в католической символике является и знаком Девы Марии. В народных духовных стихах и молитвах южной Германии ее называют “Розой таинственной”, “Прекрасным Розовым Садам”, “Розой без шипов” и т.п. (Тысячелетие почитания Пресвятой Богородицы... С. 126, 150, 166 и др.) В трирской песенке о Христе (Кельн, 1600) символ розы объединяет Христа и Марию: “Роза проросла / Из нежнейшего корня (...). Пречистая Мария, / Это Она принесла нам Цветок”. Знаменательна в проекции на “Двенадцать” Блока заключительная строфа этой песенки:

Цветок так мал,
благоухает так сладко,
Его ослепительное сияние
гонит прочь тьму.
Истинный Человек и истинный Бог
Избавит нас от всех скорбей,
Спасет от греха и смерти.

(Там же. С. 126).

Нет прямых свидетельств того, что Блок знал немецкие католические молитвы и ду-

ховную поэзию, хотя его внутренние глубинные связи с Германией и привязанность к курортному городку Бад-Наугейм, где он пережил раннюю влюбленность и куда неизменно возвращался, – факт биографии. Кроме того, он внимательно изучал искусство северной Италии, близкое по духу южнонемецкому и проникнутое сходной католической символикой. Блок мог также воспринять католическую традицию через того, кого он называл “учителем”, – Вл. Соловьева, пережившего сильнейшее увлечение католицизмом и впитавшего его образы и представления. “Розы” в поэзии Вл. Соловьева, имевшие значение для Блока, также, видимо, восходят к католической символике и обрядовости.

Кровь и страдания Христа в общехристианском восприятии символизированы красными розами, которые воображение верующих отождествляет с каплями крови, выступившими на челе Христа от вонзившихся колючек тернового венца (заметим попутно, что “венчик” – уменьшительное от “венец”, а не “венок”), как об этом сказано в стихотворении А.Н. Плещеева, положенном на музыку П.И. Чайковским и получившем широкую известность:

Был у Христа-младенца сад,
И много роз взрастил он в нем.
Он их усердно поливал,
Чтоб сплесть венки себе потом.

Когда же розы расцвели,
Детей еврейских создал Он.
Они сорвали по цветку,
И сад был весь опустошен.

– Как Ты сплетишь себе венки?
В Твоем саду нет больше роз!
– Но вы забыли, что шипы
Остались Мне, – сказал Христос.

И из шипов они сплели
Венок колючий для Него,
И капли крови вместо роз
Чело украсили Его.

Красные розы – это символ “страстей Христовых”, жертвенной любви и искупления через страдание и смерть на Кресте. Не этот смысл нужен был Блоку в поэме “Двенадцать”, хотя он сохраняется в целостном мифе за текстом. В текст Блок включает сознательно белый цвет, т.е. цвет “горний”, “божественный”, символизирующий пребывание Бога среди людей, Его любовь к ним и неизреченное милосердие, готовность взять на себя грехи и скорби мира. (О цветовой символике розы у Блока и в предшествующей культурной традиции см. коммент. к драме “Роза и Крест”, т. 7 наст. изд.; см. также: *Веселовский А.Н. Из поэтики розы // Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л., 1939; Топоров В.Н. Роза // Мифы народов мира. Т. 2. С. 386–387.*)

В Христе “Двенадцати” отразился и облик Христа из стихотворения 1905 г. “Вот он – Христос – в цепях и розах...”. Дальнейший текст этого стихотворения подсказывает, что “в цепях и розах” – лик Христа (“В простом окладе синего неба / Его икона смотрит в окно”). Цепи можно было бы трактовать как “незримые цепи” Вл. Соловьева из стих. “Хоть мы навек незримыми цепями..”, соединяющие Христа с Его божественными истоками. Однако можно предположить и другое: перевитые ветки терна, похожие на ветки розы с шипами, напоминают и перевитые цепи. Литературным прецедентом в этом отношении является эпизод из драмы Ибсена “Кесарь и Галилеянин” (1873), когда в момент признания Юлиана императором его голову, взамен золотого венца, обвивает цепью, снятой со своей шеи, один из его подданных. Этот мрачный символ тем более интересен, что голову юного Юлиана, участвующего в языческих оргиях в начале драмы, украшает венки из

роз. Следы влияния этой драмы на Блока обнаруживаются в его словах, обращенных к Е.П. Иванову в письме от 28 июня 1904 г., после его отречения от Христа: “Говорите, что на каком-нибудь повороте мне предстанет Галилеянин – пусть. Но, ради Бога, не теперь!” Соотносимость с Ибсеном налицо и в “Двенадцати” и, в частности, проявляются в признании “таинственной силы”, стоящей за земными событиями; в восприятии исторических и социальных катастроф как “бича Христовой кары”; в провидении “воскресения”, которое грядет за “смертью”; в отпущении грехов заблудшей душе, если “заблуждение суждено” свыше; наконец, в погружении героя во мрак, чтобы выйти к свету. Идеи и образы этой драмы Ибсена несомненно отложились в сознании Блока.

Христос в поэме Блока подчеркнута нематериален. Он – призрак, видение, открывшееся автору-поэту и читателю. Для “двенадцати” он “за вьюгой невидим”. Вьюга в поэме – не только символ разыгравшихся социальных и природных сил, но и стихия, выводящая в трансцендентный мир, в космос и вечность, выражающая радость “гибели”, “второго крещения”, знаменующая мотивы Апокалипсиса (о становлении блоковской мифологии “вьюги” см. в переписке А. Блока с А. Белым, 1903–1908 гг.; см. об этом: *Магомедова Д.М.* Переписка как целостный текст и источник сюжета // Динамическая поэтика. М., 1990. С. 259–260; см. также коммент. к циклу “Снежная Маска”, т. 2 наст. изд.). Неслучайно именно из вьюги рождается этот “нездешний” образ, воплощающий земные чаяния о свете, милосердии, истине (см. рассказ А.А. Блока о том, как возник образ Христа в поэме “Двенадцать” в воспоминаниях С.М. Алянского – *БС-1*. С. 444–445).

Образ Христа у Блока перекликается с образом Христа в романе А. Белого “Петербург” как по своей роли (“Вы все отрекаетесь от меня: я за всеми вами хожу. Отрекаетесь, а потом призываете...”), по месту появления (в центре земных страстей, в средоточии их – “городе”), так и по облику (“... кто-то печальный и длинный, весь обернутый в белый атлас”; “... свет заструился так грустно от чела его...”; “... склонилась лучистая маска, из-под белого кружева обнаружив горсть бороды, будто связку спелых колосьев” (*Белый А.* Петербург. М., 1981. С. 172–173)). На соотнесенность образа Христа А. Белого с Христом поэмы “Двенадцать” указывает Л.К. Долгополов в книге «Андрей Белый и его роман “Петербург”» (Л., 1988. с. 333). У Христа и Блока, и Белого был другой общий источник, с аналогичной трактовкой образа – Христос в романе А.М. Ремизова “Пруд”: “И кто это там посреди нищей толпы, кто это там в светлых одеждах на понурые головы возлагает руки свои, чей это голос, из скорбей выплывающий, над всеми звучит голосами: Мир вам” (*Ремизов А.М.* Пруд. СПб., 1908. С. 90).

Возможно, что образ Христа у Блока оформлялся также в соприкосновении с антропософским учением Р. Штейнера, которое с энтузиазмом насаждал А. Белый начиная с 1912 г. Блок не разделял штейнерианских увлечений А. Белого, не скрывая порой своего раздражения по поводу этой новой его одержимости: “... письмо от Бори – двенадцать страниц писчей бумаги, все – за Штейнера; красные чернила; все смута” (*Дн.* 2 янв. 1913). Но Блока не мог не привлекать интерес штейнерианства к Гете. Р. Штейнер называл свое учение “гетеанством 20-го столетия”. Э.К. Метнер, человек из круга Блока, посвятил изучению гетеанской линии в антропософии большой труд “Размышления о Гете. Кн. 1. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма” (М., 1914). Эта книга сохранилась в библиотеке Блока с дарственной надписью автора, хотя следов чтения ее Блоком не обнаружено. Видимо, Блок не был согласен с восприятием Гете Метнером в штейнерианском ключе, считая великого веймарца слишком земным человеком, несмотря на его уникальную способность проникать в духовные сущности. В дневнике 20 янв. 1913 г. Блок после длительного разговора с Метнером (“долго говорили”) записывает: «О “человечности” Гете, у которого были все возможности “улететь” (термин штейнерианцев. – *Ред.*), но который не улетел, работая над этим тяжело и сознательно».

Антропософия разрабатывала гностическую по сути идею о самопознании, о выявлении в себе “высшей” (“божественной”) сущности, о духовных путях личного нравствен-

ного совершенствования. Блок, предпочитая корневые религиозно-мистические системы – христианство, неоплатонизм, гностицизм, на которые антропософия опиралась, не мог согласиться с тем, что антропософия – принципиально новаторское учение: “Я возражаю, что этой подосновой люди не владеют и никогда не владели, не управляли” (СС-87. С. 210).

Восходящая к гностицизму штейнерианская идея “эфирного тела”, то есть преодоления человеком своей физической тяжести и обретения “божественной” легкости, перевоплощения в дух, также не казалась Блоку новой. Описанное А. Белым состояние освобождения от физической природы, когда человек может чувствовать свое “эфирное тело”. Блок сам испытывал неоднократно, но не мог принять в антропософии ее практический смысл, заключающийся в том, что к духовному освобождению может и должен прийти каждый, это духовная школа для всех, в то время как гностицизм – для “пневматиков”, то есть для малочисленной, высшей, духовно одаренной части человечества.

Христос Блока также наделен “эфирным телом” (“Нежной поступью надвьюжной...”), что в соответствующей традиции есть признак “божественности”. Любопытно заметить, что Блок, видимо, не знал одну из гностических версий, разработанную, в частности, Валентином (II в.н.э.): Иисус – совершенное земное воплощение небесного Христа (см.: *Новицкий Ор.* Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Киев, 1860. С. 61–71). В записи от 20 янв. 1913 г. он знаком вопроса выражает свое недоумение: «Иисус, для Штейнера, – тот, который “одержим Христом”?»». Самостоятельное допущение Блока отвечает этой версии.

Образ Христа создавался у Блока как бы сам собою, иногда даже наперекор воле автора (“... и другого пока нет; а надо Другого?” – ЗК₅₆. 18 февр. 1918; «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы “недостойны” Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой» – Дн. 20(7) февраля. 1918; “... я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак” – Дн. 10 марта 1918 и др.). В этой “ненависти” отозвалась, может быть, неприязнь ко всему женственному Ницше, ценившего превыше всего мужское, волевое начало и видевшего в “женственном” – “бабье”, слабое, покорное, бездарное, трусливое, приспособляющееся (*Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 594–595).

В то же время Блок понимал, что только таким, каким он создан, мог и должен был быть Христос в поэме “Двенадцать”. В письме к Ю.П. Анненкову от 12 авг. 1918 г., затрудняясь объяснить художнику образ Христа, допуская, что не сумел «сказать и в “Двенадцати”», он “по существу однако” от созданного им образа не отказывается, “несмотря на все критики”. Этот образ логически и поэтически завершает предшествующие поиски, ощущения, ориентации Блока в мировой религии, мифологии, философии, поэзии, социальной истории.

“Ненавистная” Блоку “женственность” Христа неизбежна и необходима в свете религиозно-философских исканий поэта. Не только Христос “Двенадцати” обладает этим качеством. “Женственностью” отмечен Христос в набросках неосуществленной драмы о Христе (“женственная восприимчивость”, “не мужчина, не женщина” – Дн. 7 янв. 1918). Эту же особенность отмечает Блок в Иисусе Л. Андреева в своем отзыве о его повести “Иуда Искариот и другие”: «женственная любовь его к “зеленой Галилее”»; «И для всех он – “нежный и прекрасный цветок, благоухающая роза ливанская”» (ст. “О реалистах”, 1907. – СС-86. С. 104).

В “женственном” облике представляет Блок Святого Духа Утешителя, опираясь на некоторые штрихи его образа в Третьей Книге Царств (XIX. 12): «Мы помним женственный лик этого Утешителя в страшном видении пророка Или и на раскольниковых иконах. Это “глас хлада тонка”, женственно-нежный образ Духа Святого, возносящий горе, обещающий нам, что времени больше не будет» (СС-85. С. 598). “Женское” воплощение этого образ получает в драмах “Король на площади” – в Дочери Зодчего: “Я послал вам Другого Утешителя – дочь мою...”; в “Песне Судьбы” – в образе Елены, которая произносит слова из видения Или-пророка, относя их к себе: “... пророк увидел Господа не в огне и

не в буре, но в гласе хлада тонка”. Христос в “Двенадцати” также не “огонь” и не “буря”, но “глас хлада тонка”.

Толковая Библия дает комментарий к этому месту, подчеркивая противопоставление стихии и нравственности: “Бог не есть стихийная сила, а духовное нравственное начало, для которого стихийные явления суть лишь средства проявления, но действия которого всегда запечатлены высшим нравственным характером, и основным законом действовани-я Божия в мире вообще и особенно к людям являются любовь и милосердие” (Толко-вая Библия в 3 томах. 2-е изд. Стокгольм, 1987. Т. 1. Третья Книга Царств. С. 460).

Представление о “женственном” облике Духа Святого не является индивидуально блоковским, но опирается на образы Писания, в частности, на некоторые черты Святого Духа в Третьей Книге Царств (указанные стихи и их богословское толкование), а также на толкование слов “Премудрость создала Себе дом” (Толковая Библия. Т. 1. Притчи Со-ломоновы. С. 452–454; см. также: *Лебедев Л.* Православное почитание Богоматери // Ты-сячелетие почитания Пресвятой Богородицы... С. 71), соединяющее Духа Святого с Бого-матерью, явившейся орудием воплощения Сына Божия, Его вместилищем.

Таким образом, Христос воплощается через Богородицу, одухотворяя Ее высшей бо-жественностью, уподобляя Ее Себе. Это восприятие находит отражение и в финале “Бо-жественной комедии” Данте: “Теперь взгляни на Ту, Чей лик с Христовым / Всего сход-ней...” (Рай. Песнь 32. 85–86).

Об отождествлении Марии и Христа в католическом сознании говорит молитвенный рефрен, объединяющий два имени: “Иисус, Мария”, что находит отражение и в баварской духовной песне “Мария шла терновым лесом”: Мария несла под сердцем Младенца, и в то время как она проходила терновник, на котором семь лет не было листвы, на нем “появи-лись розы”. В рефрене этой песни также объединяются имена “Иисус, Мария” (Тысяче-летие почитания Пресвятой Богородицы... С. 154).

Явление призрачной тени Христа на улицах завьюженного ночного города в поэме “Двенадцать” предвосхищено в ранних набросках явлением столь же призрачной Богоро-дицы в городских сумерках: “Только в Богородичный праздник по улицам проходила не-известная тень, возбуждавшая удивление многих. Когда ее хотели выследить, ее уже не было. Однажды заметили, как она слисалась с громадным стеном образом Божьей Мате-ри главного городского собора. Но не все поверили этому. У тех, кто еще сомневался, бы-ло беспокойно на душе” (Дн. 2 сент. 1902; см. также стих. из цикла “Город” “Ты прохо-дишь без улыбки...” , 1905).

О близости Христа и Царицы Небесной в поэтическом сознании Блока свидетельст-вует и черновой вариант второй строфы из стих. “Он занесен – сей жезл железный...” (1914), где наряду с каноническим “Сияние Ее лица” сохранилось и не зачеркнуто “Сия-нье Божьего Лица”:

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее лица. /Сиянье Божьего Лица.

Сам Христос, рожденный в земную жизнь Матерью-Девой – “Вечноженственным”, за-ключающим Премудрость Божию, которой в гностицистском мифе, а также в некоторых христианских версиях соответствует София (см., напр.: *Шинфлингер Т.* Лоретанская цер-ковь в Биркенштайне у Фишбаху: (Святынище Софии в Альпах) // Тысячелетие почитания Пресвятой Богородицы... С. 200–207), воспринимает ее черты. В.В. Розанов отмечает “жен-ственное” в иконографии Христа, обосновывая такую трактовку образа церковным догма-том: «В слегка склоненном лице, обрамленном длинными прядями волос, во взоре задумчи-вом, кротком, *нежном*, – *особенно нежном*, – мы не увидим сходства ни с одним из извест-ных нам фактически или исторически, лицом... *Такого нет – мужа, ни – героя...* (...) Нежное, прекрасное лицо, прекраснейшее на земле... Ничего мужского, мужественного; (...) вековой

наклон живописи все показывает нам одно и одно: *девство*, нежность, женственность, просвечивающую сквозь *мужские* признаки, почти только сквозь *налет* их, слабый, нетвердый. Но откуда же живописцы взяли свой *наклон*? Да из *слова*! Они линиями разъяснили то, что казалось *невероятным* и неправдоподобным в рассказе...; они *утвердили рассказ* и вместе догмат. “Отца вовсе нет, и в сына единственно могли перейти черты *матери-девы*” (разъяснение мне (...) М.П. Соловьева, великого знатока церковной живописи, о “*девообразности*” всех изображений Спасителя). “*Две природы*” в Нем... и “*полнота* в Нем *человечности*”, закругленная, завершенная, чего и *не может быть только в одном мужском или только в одном женском*. Таким образом и тайная поэзия евангельского слова, слога и твердый церковный догмат повелели *так* рисовать... С.А. Рачинский мне указывал в своей Татевской церкви совершенно *безбородый* Лик Спасителя, особенно им любимый, так как он несет в себе память *самой древней* традиции живописной. Но когда все так *нарисовалось*, тогда все и *разъяснилось*... Мы поклоняемся Деве в Муже» (Розанов В.В. Люди лунного света. Метафизика христианства. 2-е изд. СПб., 1913. С. 189–190).

“Древняя традиция”, о которой говорит В.В. Розанов, была известна Блоку. Понятие “женственного” становится краеугольным камнем мифологии и религии Блока, проникая собою раннюю лирику и прежде всего “Стихи о Прекрасной Даме”. Дневниковые записи 1902 г. свидетельствуют о том, что Блок осознанно принимает эту категорию как “устоявшееся наиболее начало” “мистической философии” своего “духа” (Дн. 26 июня 1902). Здесь же в тезисной форме он указывает на свой интерес к “обоснованию женственного начала в философии, теологии, изящной литературе, религиях” и на зависимость своего восприятия “женственного” от этой традиции: “Как оно отразилось в моем духе”. Следующие два тезиса («Внешняя его (женственного. – И.П.) форма (Антитеза). Я, как мужской коррелят “моего” женственного») говорят об усвоении Блоком древних философско-религиозных представлений об андрогине, т.е. о единстве мужского и женского начал, о тайне полноты, заключенной в Предвечном Божестве.

Согласно представлениям, лежащим в основе этого рассуждения Блока, первоначальное божественное единство распалось при сотворении мира и человека (Ева произведена путем отделения от Адама), но в человеческой прапамяти сохранился образ утраченной целостности как недостижимый идеал, утраченный рай, о котором неизбежно тоскует человек. Тайну полноты воплощает и Христос в своей двойственной женственно-мужской природе. Его функция Спасителя заключается в том, чтобы соединить разьединенное на земле, и тем самым обеспечить человечеству Царство Небесное, вернуть его в лоно божественного всеединства. Отсюда – огромное значение любви, которая позволяет приблизиться к первоначальному совершенству. Христианское “Бог есть любовь” подразумевает наличие в Боге противоположных сторон, которые объединены любовью в нерасторжимое целое. Слова венчального чина “Тайна сия велика есть”, неоднократно приводимые Блоком, содержат намек на тайну полноты, заключенной в Боге, к которой помогает приблизиться брак.

Интерес к этой стороне религиозно-философских учений подтверждается следующим рассуждением Блока: «Присматриваясь к земной природе (в обширном смысле), всю ее разделим на основании одного проникающего ее начала: это – фаллическое начало ПОЛА. Вместе с тем, это начало удовлетворяет основному признаку в нашем определении мифологии – двойственности (пол женский и мужской). Таким образом, на наш вопрос о том, что такое “земное небожительство”, мы получили ответ: земное небожительство выражается в понятии пола; это и есть опрокинутое небо, небо исковерканное, обезображенное» (Дн. 26 июня 1902).

Идея андрогина, восходящая к Платону (для Блока важен его образ круга, символизирующий единство противоположностей: “Συέντλω παυ εστι”), неоплатонизму, неопи-

* В круге заключено все (*др-греч*). Те же коннотации полноты и единства имеет круг Данте, вмещающий лик Христа, в финале “Божественной комедии” (Рай. Песнь 33. 137–138).

фагорейству и другим древним философиям и религиям, наиболее законченное выражение нашла в гностицизме и получила отклик в теологических построениях средневековья (Н. Кузанский), нашла отражение у Данте, дальше через Я. Беме – у Гете, немецких романтиков (Новалис, Риттер, Ф. Шлегель, Баадер) и, наконец, в учении о всеединстве, эресе, Душе Мира Софии Вл. Соловьева (*Eliade M. Sacrum. Mit. Historia. С. 203–242*).

Именно эту линию имел в виду Блок, когда говорил об «обосновании женственного начала в философии, теологии, изящной литературе, религиях». Стих Гете – *Das Ewig Weibliche*, – завершающий вторую часть «Фауста» и вырастающий в грандиозный символ, становится ключевым у Блока. Женской стихии воды, воплощенной в сиренах Гете и символизирующей благодать, красоту, искусство, спасение, Блок в записи от 15 апреля 1918 г. противопоставляет как мужское начало «огонь» революции («*Ohne Wasser ist kein Heil*»)* (*ЗКС₆. С. 400*). Романтическая версия этого образа также привлекает внимание Блока: «В романтической “Ундине” рыцарь все ищет вечную женственность, а она все рассыпается перед ним водяной струйкой...» (ср. «Снежной россыпью жемчужной...») (см. ст. «О реалистах» 1907).

От Гете и немецких романтиков ведут свое начало и образы «Вечной Женственности» в поэзии Тютчева, Полонского, Фета и Вл. Соловьева, которых Блок выделяет как познавших «тайну» Женственной Тени, Женской души, Женственного (*СС-87. С. 29–36*). В шуточном стих. «*Das Ewig Weibliche* (Слово увещательное к морским чертям)» (1898) Вл. Соловьев, обыгрывая одну из финальных сцен Второй части «Фауста», рисует совращение бесами Афродиты «мирской» и их поражение перед неземной красотой Афродиты Урании или Небесной, воплощающей Вечную Женственность. Соловьевскими категориями определяет Блок сюжеты и образы стихотворения Полонского «Рассказ волн»: «Не Афродита ли мирская лежит убитая на морском песке в непробудном сне? Не торжество ли Небесной? Отчего же ему грустно? Чьи мелькают паруса?» (*Там же. С. 37*).

Душа Мира, встреча с которой описана Вл. Соловьевым в поэме «Три свидания» (1898), знаменует для Блока «конец “тезы”» – лицезрение Вечной Женственности, непосредственный контакт с Нею. Как и у Вл. Соловьева («Дышали розами земля и неба круг»), Она является у Блока в обрамлении роз: «Уже начинает сквозить лицо среди небесных роз; различается голос; возникает диалог, подобный тому, который описан в “Трех свиданиях” Вл. Соловьева» (см. ст. «О современном состоянии русского символизма»).

В своих размышлениях о всеединстве, о нерасторжимой связи земного и небесного Блок вновь и вновь возвращается к образу Вл. Соловьева, потрясшему его еще в юности своею глубиной:

Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз Твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их.

(см. стих. «Мы сошлись с Тобой недаром...», 1892).

Главная идея этой строфы («свет из тьмы») пронизывает запись в *Дн.* от 26 июня 1902 г. Позднее Блок неоднократно будет ее цитировать (см., напр., в ст. «О драме»).

Образ из этого стихотворения откликнется в июле 1917 г., когда Блок, обдумывая предложение П.Б. Струве вступить в Лигу Русской Культуры, свяжет свое «тяготение» к «большевизму» и «анархизму» с желанием «ускорять “лики роз над черной глыбой”» (*Дн.* 30 июля 1917) и во имя этого отдаваться «стихии» и «гибели», то есть вновь прозвучит соловьевская мысль о свете, рождающемся из тьмы, приобретаая смысловой оттенок возро-

* Без воды нет блага (*до сл. здоровья – нем*).

ждения через “гибель”. В конце пути Вл. Соловьев Блоку так же необходим, как в начале. В образе Христа, венчающем не только поэму “Двенадцать”, но и очень важную линию в творческом и личностном развитии Блока, отзовется свет “Вечной Женственности” “Стихов о Прекрасной Даме”. Не об этом ли пронизательная мысль А. Белого: «... понятие Блока – понятие связь стихов о “Прекрасной Даме” с “Двенадцатью”...» (цит. по кн.: *Соловьев В. Поэт и его подвиг. М., 1971. С. 687*).

Замысел поэмы “Двенадцать”, а также и значение ведущих образов Блок раскрывает в статьях 1918–1920 гг., и прежде всего – в “Катилине” (22 апр.–17 мая 1918). Избегая давать прямые параллели “между миром языческим и миром христианским, между Венерой и Богородицей, между Христом и антихристом”, Блок тем не менее стремится увидеть эту “вечную канву”, по которой “расшиваются узоры человеческой жизни”. Обращаясь к страницам римской истории, он читает в них опыт “мировой Революции”.

Точкой отсчета нового времени становится рождение Иисуса Христа. Именно с этим событием соотнесена вся хронология падения Рима, от его начала, ознаменованного восстанием Катилины за 60 лет до Рождества Христова, и до его окончательного разрушения четыре с половиной столетия спустя. “Беспощадный приговор старой цивилизации” “прозвучал из Назарета”, с рождением Христа “перестало биться сердце Рима”. Однако потребовалось века, чтобы огромный “организм монархии” испустил последний свой дух. Итак, рождение Христа, упомянутое в статье Блока не менее десяти раз, становится центром, в котором сходятся концы и начала, крушение старого и рождение нового, величайшим событием человеческой истории, которое можно сравнить лишь с такими величайшими потрясениями, как мировая война и революция.

Блок отнюдь не идеализирует “беззаконника и убийцу” Катилину, который “таскался по улицам и притонам, сорил деньгами”, пировал со своей ватагой “головорезов”, был по уши в долгах, короче, “соединил все эти пороки в своем лице и довел их до легендарного уродства”. Блок исследует психологию превращения смутьяна и преступника в бунтаря и мятежника и показывает “простоту и ужас душевного строя обреченного революционера”. После заседания сената в храме Юпитера Статора, где прозвучала речь Цицерона против него, где все от него отвернулись, унизили его презрением, великая ярость овладела им и совершила с ним эту знаменательную “метаморфозу”: «Ему стало легко, ибо он “отрекся от старого мира” и “отряс прах” Рима от своих ног». И вот, тот же Катилина, “преступный предводитель развратной банды”, идет, “обезумевший от ярости”, “но ярость и неистовство сообщили его походке музыкальный ритм”, “в поступи этого человека – мятеж, восстание, фурии народного гнева”.

Катилина не только “посеял ветер”, то есть нанес первый удар по правильности и порядку жизни, но был подхвачен ветром, который “подул” в это время и “разросся в бурю, истребившую языческий старый мир. Его подхватил ветер, который подул перед рождением Иисуса Христа, вестника нового мира”.

Ритмы поступи Катилины, “этот неровный шаг обреченного, шаг революционера, шаг, в котором звучит буря ярости, разрешающаяся в прерывистых музыкальных звуках”, были услышаны Блоком в стихотворении Катулла “Аттис”, мифологический герой которого в своей ненависти к Венере убегает во фригийские рощи под покровительство богини Кибеллы и там оскорпляет себя. Совершается знаменательная метаморфоза, которая получает отражение в ритмической организации стиха: “трудное и мужественное” начало становится “более легким, как бы женственным”. Но после пробуждения наступает момент раскаяния, и стих “как бы растекается в лирических слезах, свойственных христианской душе...”. Именно Катулл с его ритмами и мифологией мужского и женского помогает Блоку-поэту почувствовать трагедию первой римской революции и соотнести ее со своим временем.

Блок, опираясь в своем историческом экскурсе на сочинения знаменитых римских писателей, и прежде всего, современников и врагов Катилины – Цицерона и Саллюстия,

не принимает звучащего у них осуждения Катилины. Ему ближе трактовка этой исторической личности в драме Ибсена “Катилина” (1850), в которой герой становится воплощением долга и борьбы за свободу. Однако и у Ибсена нет идеализации этого образа. Рядом с Катилиной проходят две женщины – “демоническая” и “тихая”. Первая ищет его гибели, другую – убивает он сам за то, что она, как ему кажется, “хотела его обречь на ужас полужизни”. “Убивший свою утреннюю звезду” и сам убитый другою, Катилина ждет пути “налево, в мрачный ад”, но душа его попадает, вместе с душою убитой жены, “направо, в Элизиум”. Около трех десятилетий спустя Ибсен издает переработанный вариант своей юношеской драмы, не нарушив, однако, “идей, образов и развития действия” и сохранив наивную условность финала: “достоинством Элизиума и сопричтенным любви оказывается именно бунтовщик и убийца самого святого, что было в жизни, – Катилина”.

Для Блока важно, что Ибсена не интересует политика, что бессмысленно связывать его на основании этой пьесы с “либералами”, “демократами”, “аристократами” и прочими или отлучать от них, что Ибсен редактирует и повторно издает эту драму “вне всяких революций”. Для большого художника имеет значение только “вечное”, общечеловеческое. Вот почему Блок с молчаливым достоинством сторонился и тех, кто видел в нем певца революции, и тех, кто обвинял его в предательстве и измене.

В драме Ибсена ошутимо влияние Гете, и не только в финале, который приводит на память финал “Фауста” (оправдание героя высшей силой, принятие его души в рай, где находится и душа его вечной возлюбленной), но и в развитии сюжета, образов, ведущей идеи. Катилина Ибсена воплощает гетевскую идею борьбы за свободу, которая подчеркнута в собственном признании Ибсена в письме к Брандесу, приведенном Блоком в статье: “Единственное, что я ценю в свободе, это – борьбу за нее; обладание же ею меня не интересует. (...) Всякое иное обладание свободой, исключаящее постоянное стремление к ней, мертво и бездушно. Ведь само понятие свободы тем и отличается, что все расширяется по мере того, как мы стараемся усвоить его себе. Поэтому если кто во время борьбы за свободу остановится и скажет: вот, я обрел ее, тот докажет как раз то, что ее утратил”. Для Блока чрезвычайно важна эта проекция на Гете, имени которого он в статье не называет, но переклички Ибсена с которым акцентирует.

Блоком подчеркнута и другая гетевская мысль – оправдание человека, его “соприченность любви”. Любовь становится сквозной темой всего, что пишет Блок в первые месяцы после революции. В статье “Интеллигенция и революция” (9 янв. 1918) он приводит уже звучавшие в “Песне Судьбы” (1908) слова из Первого Послания Иоанна: “Совершенная любовь изгоняет страх” (IV. 18) – в связи с мыслью о том, что не нужно бояться разрушений, все истинно ценное не может пропасть, “Вечные формы, нам открывшиеся, отнимаются только с сердцем и с головой” (СС-8₆. С. 16). Но любовь в трактовке Блока имеет и более универсальное, восходящее к приведенным выше образам Гете значение, – ею можно победить зло: “Любовь творит чудеса, музыка завораживает зверей. А вы (все мы) жили без музыки и без любви” (Там же. С. 16) (ср. противопоставление приведенных выше частушек из письма Клюева о “ножиках литых” и о “святой любви”).

В статье “Искусство и революция” (12 марта 1918) Блок размышляет о “ненавистнической любви” Вагнера к Христу и видит в этом противоречии особую его глубину, в противовес однолинейному мышлению обывателя, чуждого противоречий и связанного с ними чувства тревоги и беспokoйства.

Достоин внимания и тот факт, что в это же время (19–20 апр. 1918) Блок вновь обращается к Дневнику О.К. Соколовой и дорабатывает написанную еще в 1911 г. в качестве предисловия к предполагаемой публикации статью “Дневник женщины, которую никто не любил”.

Главный пафос этой статьи – любовь к отверженным, к тем, что прозябают “в нужде, горе, неудачах, невежестве, болезнях”. Образцами такой самоотверженной, истинно христианской любви Блок называет уже упомянутых выше Франциска Ассизского и Юлиана Милостивого, которые, с точки зрения Блока, представляли особую культуру и

“знали нечто кроме полноты земных великолепий”. Героиня “Дневника”, которую Блок не случайно сравнивает с Гретхен, воплощающей идею любви, “всю жизнь искала (Бога) и продолжает искать, а Бог был к ней, может быть, ближе, чем ко многим другим”. Эта очень важная для Блока мысль, родственная смыслу поэмы “Двенадцать”, явилась, возможно, откликом на идеи Мережковского. В частности, в статье “Грядущий Хам” (1906) Мережковский так толковал поношение Христа Белинским: “...если этот человек (Белинский. – *И.П.*), как свеча сгоревший перед Кем-то, Кого так и не узнал, не сумел назвать по имени, – и не был со Христом, то Христос был с ним” (*Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 17 т. СПб. 1911. Т. 11. С. 31*).

Да и в целом названная статья Мережковского имела для Блока весьма большое значение. Отголоски ее, в чем-то полемические, а в чем-то согласные, можно услышать в работах Блока “Народ и интеллигенция” (1908), “Интеллигенция и революция” (1918), “Катилина” (1918), “Крушение гуманизма” (1918). Мережковский в этой статье ставит проблемы, волновавшие и Блока: народ и интеллигенция, право народа на бунт, разрушение культуры и т.п. Он провидит здесь “страшное” лицо “хамства, идущего снизу – хулиганства, босаячества, черной сотни...” (*Там же. С. 35*). Им проведена параллель между его временем и эпохой падения Рима; с отсылкой на Герцена Мережковский называет имя Катилины, знаменующее начало гибели старого мира. Он назовет имена “великих отшельников” XIX в., которые составят “блоковский” ряд хранителей гуманизма во времена его “крушения” – “Ницше, Ибсен, Флобер и все еще самый юный из юных – старец Гете” (*Там же. С. 21*). Опровергая тезис Бакунина “Если есть Бог, то человек – раб”, Мережковский говорит о “совершенной любви”, которая есть “совершенная свобода”. Грядущего Христа, знаменующего любовь, он называет Освободителем и противопоставляет Его грядущему хаму: “Хама Грядущего победит Грядущий Христос”^{*}.

Объективная сложность образа Христа, осознаваемая самим поэтом, вынуждала Блока вступать в трудные объяснения по поводу этого образа поэмы. Когда Ю.П. Анненков, перед тем как приступить к иллюстрированию “Двенадцати”, попросил через С. Алянского объяснить, каким поэт видит в поэме Христа, тот с присущей ему доброжелательностью только и мог ответить: “Самое конкретное, что могу сказать о Христе: белое пятно впереди, белое, как снег, и оно маячит впереди, полумерещится – неотвязно; и там же бьется красный флаг, тоже маячит в темноте. Все это – досадует, влечет, дразнит, уводит вперед за пятном, которое убегает” (*ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 136*). Первые эскизы Ю. Анненкова не вполне удовлетворили Блока, и он пишет художнику 12 августа 1918 г.: «Он совсем не такой: маленький, согнулся, как пес, сзади, аккуратно несет флаг и уходит. “Христос с флагом” – это ведь – “и так и не так”. Знаете ли Вы (у меня – через всю жизнь), что, когда флаг бьется под ветром (за дождем или снегом и главное – за ночной темнотой), то *под ним* мыслится кто-то огромный, как-то к нему относящийся (не держит, не несет, а как – не умею сказать). Вообще это самое трудное, можно только найти, но сказать я не умею, как, может быть, хуже всего сумел сказать и в “Двенадцати” (по существу, однако, не отказываюсь, несмотря на все критики)» (*СС-88. С. 514*). Ю. Анненков, по мнению поэта, заземлил Христа и слишком “конкретизировал” его.

В письме Анненкову Блок сделал еще два замечания, связанные с образом Христа. Первое относится к рисунку с “убитой Катенькой” и указывает на то, что образ Христа внутренне слит со всем образным строем поэмы: «Если бы из левого верхнего угла “убийства Катеньки” дохнуло густым снегом и сквозь него – Христом, – это была бы *исчерпывающая обложка*” (*Там же*). Второе замечание тоже указывает на связь образа Христа с целостным контекстом поэмы и через внезапно возникшую мысль о Дюрере, придавшем

^{*} На значение этой фазы, завершающей статью Мережковского, для поэмы Блока, для ее финального образа указал С.С. Лесневский.

своему Христу черты покоряющей простонародности, привносит в трактовку образа элемент “мужицкого” демократизма: “{...} у Петьки с ножом хорош *кухонный нож* в руке; но рот опять старый. А на целое я опять – смотрел, смотрел и вдруг вспомнил: Христос... Дюрера! (т.е. нечто совершенно не относящееся сюда, *постороннее* воспоминание)” (*Там же*). В тот же день, когда было написано письмо Ю. Анненкову (12 авг. 1918 г.), Блок расказал С. Алянскому о том, в какой конкретно ситуации возник образ Христа (см. ниже, коммент. к ст. 327–335). Образ рожден интуицией поэта, появился неожиданно, как будто даже помимо воли автора и вместе с тем неотступно, как нечто непреложное и объективно данное, с чем приходится считаться. «Кружила метель, – передает свой разговор с Блоком в начале зимы 1920 г. Н.А. Павлович. – Фонарь тускло поблескивал сквозь столбы снега. Не было ни души. Только ветер, снег, фонарь... Всю дорогу мы говорили совсем о другом. Вдруг Блок сказал: “Так было, когда я писал “Двенадцать”».

“Смотрю! Христос! Я не поверил – не может быть Христос! Косой снег, такой же, как сейчас (он показал на вздрагивающий от ветра фонарь, на полосы снега, света и тени).

Он идет. Я всматриваюсь – нет, Христос! К сожалению, это был Христос – и я должен был написать” (*БС-1*. С. 487). Рассказ Н. Павлович подтверждается воспоминанием К.И. Чуковского: «Помню, как в июне в 1919 году Гумилев, в присутствии Блока, читал в Институте Истории Искусств лекцию о его поэзии и между прочим сказал, что конец поэмы “Двенадцать” (то место, где является Христос) кажется ему искусственно-приклеенным, что внезапное появление Христа есть чисто литературный эффект.

Блок слушал, как всегда, не меняя лица, но по окончании лекции сказал задумчиво и осторожно, словно к чему-то прислушиваясь:

– Мне тоже не нравится конец “Двенадцати”. Я хотел бы, чтобы конец был иной. Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: к сожалению, Христос» (*Чуковский К.* Александр Блок как человек и поэт. Пг.: А.Ф. Маркс, 1924. С. 27–28).

Для Н. Гумилева и вся поэма, как выразилась Н. Павлович, была “принципиально неприемлема” (*Павлович Н.А.* Воспоминания об Александре Блоке // *БС-1*. С. 473). «Помню фразу, – вспоминал Г.В. Иванов, – сказанную Гумилевым незадолго до их общей смерти, помню холодное, жесткое выражение его лица, когда он убежденно говорил: «Он, написав “Двенадцать”, вторично распял Христа и еще раз расстрелял Государя».

Я возразил, что, независимо от содержания, “Двенадцать”, как стихи, близки к гениальности. – “Тем хуже, если гениальна. Тем хуже и для поэзии, и для него самого. Дьявол, заметь, тоже гениален – тем хуже и для дьявола, и для нас”» (*Иванов Г.* Петербургские зимы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 218).

Блок, видимо, устал от частых разговоров и распросов об образе Христа в конце поэмы. «Волынский {...} мне говорил, – пишет А. Белый в своих набросках “К материалам о Блоке”, – что он имел много разговоров о 12-ти с Блоком; между прочим: когда заговорили о Христе (“в венчике Христос”), то Блок сказал: “Ах, оставьте: не говорите”» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 803).

М. Горький помогал Блоку, в частности, в связи с изданием “Двенадцати” в “Алконосте”: «Телефон от Алянского, – записывает Блок, – (письмо Горького к Луначарскому по поводу “Двенадцати” и “Алконоста”)» (*ЗК*₅₆. 31 окт. 1918 г.). Руководитель петроградского Госиздата И.И. Ионов проявлял чрезмерную настойчивость в намерении приостановить уже начатое печатание книг Блока в “Алконосте” (издательстве частном), для чего обратился к поэту с предложением, ставившим автора “Двенадцати” перед владельцем “Алконоста” С. Алянским в шекотливое положение. Вот как передает Блок свой разговор с Ионовым: «Вчера утром звонок:

– Здравсте. Говорит Ионов. Комиссар такой-то. Я хотел предложить перенести печатанье ваших книг в типографию, какую я укажу. Предлагаю издать “Двенадцать” в Петроградском совдепе.

– Не находите ли вы, что в “Двенадцати” – несколько запоздалая нота?

– Совершенно верно. Один товарищ уже говорил об этом, но мы все-таки решили издать все лучшие произведения русской литературы, хотя бы имеющие историческое значение. Подумайте и, когда решите, приезжайте ко мне в Смольный» (СС-87, С. 351). Несмотря на выгодные условия договора (Ионов предлагал издать “Двенадцать” тиражом в 50 тыс.), Блок, переговорив с Алянским и Анненковым, отказался от сделанного ему предложения, но через Горького искал поддержки у Луначарского. На следующий день после разговора Блока с Ионовым (6 января 1919 г.) Алянский и Анненков идут к Горькому, преподносят ему первое алконовостовское издание “Двенадцати”. «Очень знаменательно, что говорил Горький, – записывает по этому поводу Блок. – Он говорил с ними полчаса, очень доброжелательно, спрашивал, не встречает ли “Алконост” препятствий, узнав об Ионове и моих книгах, сказал, что такие факты надо собирать, что Ионов бездарен и многому навредил. Вообще сказал, что “Владимир Ильич, Анатолий Васильевич и я” держатся совсем другой точки зрения, что с такими явлениями надо бороться» (Там же. С. 352).

В передаче К.И. Чуковского известно суждение Горького о “Двенадцати”, высказанное в разговоре с самим Блоком: «Однажды Горький сказал ему, что считает его поэму сатирой. – Это самая злая сатира на все, что происходило в те дни. – Сатира? – спросил Блок и задумался. – Неужели сатира? Едва ли. Я думаю, что нет. Я не знаю» (Чуковский К Александр Блок как человек и поэт. С. 27). Известна и другая горьковская оценка поэмы, относящаяся к 1920 или 1921 г. Она была обнаружена в бумагах Горького С.Д. Балухатым и сообщена В.Н. Орлову 7 апреля 1938 г. В наброске статьи (или письма), где речь идет об издательстве “Всемирная литература” и о романтической литературе, “верующей в завтрашний день”, сквозящей “сиянием будущего”, Горький писал: «Современный литератор должен быть романтиком и писать примерно так, как написана поэма Блока “Двенадцать”, произведение, которое не позволяет рассматривать себя с точки зрения хулы или хвалы действительности» (СС-87, С. 511).

В числе тех, кто большевистской революции не принял, но принял, пусть и с оговорками, блоковские “Двенадцать”, был Ф.И. Шаляпин. «... произошло то, – рассуждает он, – что все “медали” обернулись в русской действительности своей оборотной стороной. “Свобода” превратилась в тиранию, “братство” – в гражданскую войну, а “равенство” привело к принижению всякого, кто смеет поднять голову выше уровня болота. Строительство приняло форму сплошного разрушения, и “любовь к будущему человечеству” вылилась в ненависть и попытку для современников.

Я очень люблю поэму Александра Блока – “Двенадцать” – несмотря на ее конец, которого я не чувствую: в большевистской процессии я Христа “в белом венчике из роз” не разглядел. Но в поэме Блока замечательное сплетение двух разнородных музыкальных тем. Там слышна сухая, механическая поступь революционной жандармерии:

Революционный держите шаг –
Неугомонный не дремлет враг...

Это – “Капитал”, Маркс, Лозанна, Ленин...» (Шаляпин Ф.И. Маска и душа. Париж. 1932. С. 289). Одновременно Шаляпина завораживает стихийно-национальное начало поэмы, ее “лихая, озорная русская завируха-метель:

В кружевном белье ходила?
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила?
Поблуди-ка, поблуди!
.....
Помнишь, Катя, офицера?
Не ушел он от ножа.
Аль забыла ты, холера,
Али память коротка?..

Это наш добрый знакомый – Яшка Изумрудов...” (Там же. С. 289–290).

Как и большинство современников Блока, Шаяпин отрицает, однако, родство революции и Христа, считая, что революция утвердила власть российского мещанства и пришибевых. «Мне кажется, что в российской жизни под большевиками этот второй, природный элемент чувствовался с гораздо большей силой, чем первый – командный и наносный элемент. Большевицкая практика оказалась еще страшнее большевицских теорий. И самая страшная, может быть, черта режима была та, что в большевизм влилось целиком все жуткое российское мещанство с его нестерпимой узостью и тупой самоуверенностью. (...) Пришел чеховский унтер Пришибеев с заметками о том, кто как живет, и пришел Федька-каторжник Достоевского со своим ножом. Кажется, это был генеральный смотр всем персонажам всей обличительной и сатирической русской литературы от Фонвизина до Зоценко» (*Там же*).

Поэма «Двенадцать» не оттолкнула от ее автора поэта-акмеиста Г. Адамовича. Об этом свидетельствует запись Блока от 7 апреля 1918 г.: «Георгий Викторович Адамович предлагает издать “Двенадцать” для начала нового издательства “Арзамас” (типа Некрасовского)» – имеется в виду издательство К.Ф. Некрасова (1914–1916 гг.). В мае 1918 г. Адамович писал Блоку: «Мне сейчас, в этом письме, невозможно говорить, что для меня с “Двенадцатью” связано и как я “привязался” к ним» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 562).

Среди тех, кто “совершенно неожиданно”, по выражению Блока (из письма к Н. Нолле-Коган), “отнесся сочувственно” к “Двенадцати”, нужно упомянуть “одну юную обрусевшую немку, приносившую Блоку свои русские стихи” (об этом факте сообщает Вл. Орлов в кн.: *Избранные работы в двух томах*. Л., 1982. Т. 2. С. 588). Осенью 1918 г. она, возвращаясь на родину, написала поэту письмо, в котором, в частности, говорилось: “В моем посещении вас для меня особенно ценно то, что я увидела, что мои мысли о русской революции, чаяния и чувства – не пустые фантазии, как казалось мне иногда в окружающей меня чуждой среде, – это или отблески, или зародыши тех мыслей, которые живут в умах лучших русских людей” (*Там же*).

1 апреля 1920 г. в записной книжке поэта появилась фраза: “Несколько своих мыслей (спасибо болезни)”. В этот день Блок в специальной «Записке о “Двенадцати”» изложил свое принципиальное понимание поэмы, раскрыл ее философские, политические и психологические корни. Первая мысль поэта: “(...) я, хотя и не мог бы написать того, что писал тогда, не отрекаюсь ни в чем от писаний того года” (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 298). Уместно напомнить, что когда 13 февраля 1921 г. на собрании в Доме литераторов в годовщину смерти Пушкина Блок произнес свою речь “О назначении поэта”, – «злободневность его речи, – пишет Н.А. Павлович, – почувствовали участники этого вечера (...) и многие начали злорадствовать... Один из них позволил себе в передней, когда Блок уходил, спросить его не без ехидства: “А как же с “Двенадцатью”?” И Блок ответил ему, что он ни от чего не отрекается и ничего не меняет в своем отношении к революции» (*БС-1*. С. 488). Об этом же эпизоде вспоминал К.А. Федин: «Когда в душевной передней толпились около вешалок, тесня со всех сторон Блока, к нему протолкался старый публицист, из тех, что составляли внутренний лик Дома литераторов. С очевидным удовлетворением, но с болезненной миной он посочувствовал Блоку:

– Какой вы шаг сделали после “Двенадцати”, Александр Александрович!

– Никакого, – ровно и строго отозвался Блок. – Я сейчас думаю так же, как думал, когда писал “Двенадцать»» (*Федин К. Писатель, искусство, время*. М., 1957. С. 40). К.И. Чуковский, многократно встречавшийся с Блоком в последние годы его жизни, свидетельствует: «В последнее время писали, будто Блок отрекся от “Двенадцати”. Это вздор. Всякий раз, как у него заходила речь об этой поэме с *обывателями*, с посторонними людьми, он считал своим долгом в самом начале беседы предупредить каждого, что он не изменил своих взглядов и не раскаивается в написании этих стихов. Он всегда любил эту поэму (...)» (*Чуковский К. Александр Блок как человек и поэт*. С. 28).

Подчеркивая внутреннюю связь “Двенадцати” с предшествующим творчеством, Блок указывает в “Записке...” на единство трижды повторявшейся психологической си-

туации, в результате которой появились на свет два лирических цикла стихов – “Снежная Маска” (1907) и “Кармен” (1914) – и поэма “Двенадцать”: «(...) в январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания “Двенадцати” я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг – шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому те, кто видит в “Двенадцати” политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, – будь они враги или друзья моей поэмы» (Памяти Александра Блока. Пб. 1922. С. 31; см. т.9 наст. изд.).

“Двенадцать” явились сложным поэтическим эквивалентом того, о чем гремел “разорванный ветром воздух” России на рубеже 1917–1918 гг. Понятие стихии – краеугольный камень романтической эстетики Блока. А так как, по Блоку, всякая стихия – начало творческое, – неожиданная, по первому впечатлению, параллель между циклами любовных стихов и революционной поэмой объясняет глубинную, скрытую от глаз связь дореволюционного творчества Блока и пореволюционного. «Если рассматривать мое творчество, как спираль, – говорил Блок полгода спустя после написания “Записки...”, – то “Двенадцать” будут на верхнем витке, соответствующем нижнему витку, где “Снежная маска”» (Павлович Н.А. Воспоминания об Александре Блоке. С. 487). Мысль о внутренней связи “Двенадцати” с предшествующей лирикой поэта существенно дополняется свидетельством Блока, восходящим к осени 1920 г. и переданным Н. Павловичем Андрею Белому: «“Стихи о Прекрасной Даме” – это было мне дано; я знаю, что это были откровения, и что это было подлинно: через меня было сказано, но потом все закрылось; я сам не знаю, что это, но это – из верного источника, от которого я сам отошел. *Незнакомка* есть уже совсем *другое*, прямо противоположное, темное, в том – голубое, а вокруг этого – пурпурово-серый круг; я знаю, что “12” вытекли из линии “Незнакомки”» (Белый А. К материалам о Блоке // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 808).

Если Блок восстает против сужения художественного смысла поэмы до рамок политики, то уже сама художественность толкуется им неотрывно от проблем современной действительности. «Если не жить современностью, – передает слова Блока его родственник, – нельзя писать (...) “Двенадцать” – какие бы они ни были – это лучшее, что я написал. Потому что тогда я жил современностью. Это продолжалось до весны 1918 года. А когда началась Красная армия и социалистическое строительство (он как будто поставил в кавычки эти последние слова), я больше не мог. И с тех пор не пишу» (Блок Г. Герои “Возмездия” // Русский современник. 1924. № 3. С. 184). «Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение “Двенадцати” к политике, – продолжает свою мысль поэт. – Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносившийся революционный циклон производит бурю во всех морях – природы, жизни и искусства (...) Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугой над ними. Я смотрел на радугу, когда писал “Двенадцать”; оттого в поэме осталась капля политики» (Памяти Александра Блока. С. 32).

В воспоминаниях Е.И. Замятина рассказывается о двух запомнившихся ему встречах с Блоком, которые косвенно и вместе с тем внятно говорят об отношении Замятина к автору “Двенадцати”. Первое воспоминание относится к 1918 г.: “(...) Стук в дверь – и в комнате Блок. Нынешнее его, рыцарское лицо – и смешная, плоская, американская кэпка. И от кэпки – мысль: два Блока – один настоящий, а другой – напаленный на этого настоящего, как плоская американская кэпка (...)»

До этой встречи, давно – я любил его. До этой встречи, недавно – я не любил его: он изменил, казалось, Прекрасной Даме, Дульцинее, он нашел ее в земной Альдонсе, поставил точку. И после этой встречи я понял: изменил только на минуту – только этот – в кэпке; другой – настоящий – верен, и его нельзя не любить” (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. Ед. хр. 30). Второй эпизод рассказывает о разговоре с поэтом летом 1920 г.: “(...) На каком-то засе-

дании – у меня в руках английский журнал, и там я увидел статью о переводе “Двенадцати” Блока – под заглавием: “A bolshevik poem”. Я показал Блоку статью. Он усмехнулся:

– Я не очень польщен.

И потом – разговор о большевизме.

– Большевизма и революции – нет ни в Москве, ни в Петербурге. Большевизм – настоящий, русский, набожный – где-то в глуби России, может быть в деревне. Да, наверное, там...» (*Там же*).

Поэт и прозаик П.С. Сухотин писал Блоку 26 июня 1920 г.: «Вы как-то сказали про мои стихи, что они для Вас непитательны (см. письмо Блока к П.С. Сухотину от 1 апреля 1914 г. – *О.С.*), а вот я Вашими питаюсь и уже навсегда неразрывная связь возникла меж Вами, где бы Вы ни были, и мною, сидящим в тульском медвежьем углу (...) Что Вы? Как Вы? О Вас я знаю только по “Соловьиному саду” и “Двенадцати”, по последней вещи Вы стали еще ближе, еще дороже, я совершенно уверен, что Вы единственный в наше время проносящий светлый дар свой в будущее. Другие – хороши нынче, завтра и еще, быть может, какое-то время, но уже над ними не задумается и не вздохнет идущая за нами младость. Если бы встал из мертвых Пушкин, он обнял бы Вас за Ваш подлинный, исключительный по глубине лиризм. Вы с ним от одних светлых истоков, может быть, оттого-то я Вас так и люблю» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 130).

«Не без радостного чувства прочитал я в свое время “Двенадцать”, – писал поэт и критик А.И. Тиняков, – ибо любимый мною поэт и уважаемый человек, хотя и не примыкал в этой поэме к пролетарской революции безусловно, но и не становился в ряды ее тупых и слепых врагов» (*Тиняков Александр*. Памяти А.А. Блока // *Последние новости*. Пг., 1923. № 33. 6 авг.). Тиняков вместе с тем критически отнесся к некоторым художественным решениям поэмы и, в частности, к образу Христа. «Старание представить Христа центральной личностью для современного движения, – пишет он в статье о “Двенадцати”, – следует определить как крупное и печальное заблуждение (...) Блок не отвергает и не осуждает революции, но утверждает только, что революция совершается не светлыми и чистыми героями, а людьми, над которыми властно царят темные звериные инстинкты и страсти» (*Чудаков Герасим [Тиняков А.]*). Пролетарская революция и буржуазная культура. Статьи 1918–1919 гг. Казань: Отд. Гос. Изд-во. 1920. С. 44–53).

Уже после смерти поэта Тиняков писал: «Но сам Ал. Блок понял нашу революцию весьма односторонне и, подобно М. Горькому, заметил и оттенил в ней только ее отрицательные черты. Вскоре после Октябрьского переворота он выпустил в свет великолепную в литературном отношении поэму “Двенадцать”, которую некоторые критики приняли прямо за откровение о русской революции. В этой поэме нет ни одного прямого упрека по адресу революции, но, тем не менее, вся она звучит, как обвинительный акт против революции. Вся суть нашей революции в этой поэме сведена к тому, что двенадцать красноармейцев убивают проститутку Катьку, которая изменила одному из них. Описав самыми яркими штрихами зверский вид, сумбурные настроения и преступные действия красноармейцев, Блок не только не осуждает их, но пытается, – хотя очень сбивчиво и в общем неудачно, – связать их симпатической связью с Христом, который будто бы идет впереди их “с красным флагом”. Нечего и говорить, что все это не очень складно, а по существу для революции обидно и, право, откровенную ругань Бальмонта и Гиппиус можно предпочесть такому двумысленному “апофеозу” революции» (*Тиняков А.И.* Русская литература и революция. Орел, 1923. С. 74–75).

В записной книжке Блока 20 июля 1920 г. появилась помета: “Вечером – Городецкий и Лар(иса) Мих(айловна) Раскольников(а) Рейснер), Е.Ф. Книпович и Оцуп”. В своих воспоминаниях об этой встрече Н.А. Оцуп пишет, как «Городецкий и Рейснер, только что приехавшие с юга, восторженно заговорили о “Двенадцати”» (*Оцуп Николай*. А.А. Блок. Из личных воспоминаний // *Сегодня*. Рига, 1927. № 180, 14 авг.). За два года до возвращения в Петроград, будучи на Кавказе, С. Городецкий в рецензии на “Двенадцать” дал высокую оценку поэме и вместе с тем сделал несколько критических замечаний: «Иногда же

получается срыв, эффект наизнанку, т.е. комический, как, например: “Товарищ! Гляди // В оба!” Это ведь почти Козьма Прутков. И если простительно воспоминание частушки “Черное море – белый пароход” в начале поэмы, то Прутков, конечно, обиден» (Кавказское слово. Тифлис, 1918. № 168. 10 авг.; цит. по кн.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 53). О своих разговорах с Блоком Городецкий впоследствии вспоминал: «(...) когда я ему говорил о значении “Двенадцати”, о том, как эта поэма принята на Кавказе, мне почудилось, что он не все знает об этой вещи, синтезирующей всю его поэзию (...) Для многих “Двенадцать” были более действенны, чем для него самого. Усталой души Блока хватило только на последний порыв» (*Городецкий Сергей*. Воспоминания об Александре Блоке // *Русские портреты*. М., 1978. С. 19). Вместе с тем, по мысли Городецкого, поэма “Двенадцать” при всей ее действительности не является отражением всей полноты и сущности революции: «Его “Двенадцать”, написанные в атмосфере саботажа, поистине подвиг. И если б он раскрыл уста и за двенадцатью увидел миллионы, – а это будет, этого все ждут, как праздника, – если б он допустил себя до радости понять все происходящее, то за судьбу поэзии можно было б быть спокойным. Ведь в нем, этом молчальнике, произошел стык старой пушкинской культуры и новой, пролетарской. Ведь он спаял золотой язык прошлого века с языком нашей улицы» (*Городецкий Сергей*. Литература и революция // *Известия*. Пг., 1920. № 182. 17 авг.). В письме к Блоку от 8 августа 1920 г., говоря о своем неудавшемся выступлении перед петроградской аудиторией, Городецкий называл его попыткой «начать стягивать концы раны, оторвавшей интеллигенцию от революции, – что делаешь и ты – “Двенадцатью”, и что, по-моему, первый долг твоего союза поэтов» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 61).

20 апреля 1921 г. Блоку прислали номер журнала “Русская мысль” (София, 1921, январь–февраль; кн. I и II / Ред. П. Струве), в котором внимание поэта привлекли статьи Петроника [П. Савицкого] “Идея родины в советской поэзии” и П. Струве «“Двенадцать” Александра Блока». Из статьи Петроника Блок делает в дневнике три выписки, никак их не комментируя: «Историко-литературное наблюдение: обе поэмы А. Блока, возникшие как отражение революции, “Скифы” и “Двенадцать”, являются в отношении к поэзии Блока, взятой как совокупность, некоторой кульминацией пушкинского начала в его творчестве, подлинным подобием “Клеветникам России” и “Медному всаднику” – несмотря на различия между обеими группами произведений, вытекшие из различия эпох (...)».

«У меня – “политические рассуждения в стихах”».

«Перечтя эти и подобные им стихи, невольно приходишь к заключению, в котором, как кажется, мерцает сияние некой, еще не раскрывшейся, но уже близкой Исторической Истины: никогда, быть может, за все существование российской поэзии, от “Слова о полку Игореве” и до наших дней, – идея Родины, идея России не вплеталась так тесно в кружево и узоры созвучий и образов религиозно-лирических и символических вдохновений, – как в этих стихах “советских поэтов”, стихах служителей того режима, который, казалось, отменил самое понятие Родины и воздвиг гонение на всех, кто в политической области исповедовал “любовь к Отечеству” и “народную гордость”».

Статью П. Струве по поводу софийского издания “Двенадцати” Блок выписал в дневник целиком. Начинается она с решительного заявления: «“Двенадцать” Александра Блока, по-видимому, самое сильное до сих пор отражение революции в литературе. (...) это подлинно *памятник* революционной эпохи. В этом произведении действительно отразилась революция, ее безбожие, ее бесчеловечность, ее (...) бессильный, непробудный грех». Автор замечал, что П. Сувчинский, написавший предисловие к софийскому изданию “Двенадцати”, недостаточно высоко оценивает творчество Блока с религиозной точки зрения, когда думает, будто “образ Христа в белом венчике из роз – неубедительный, тусклый, чужой, случайный и безответственный, даже недопустимо безответственный, кощунственный”. Возражая Сувчинскому, Струве утверждал, что “Двенадцать” – произведение религиозное, но именно с религиозной точки зрения, а значит, и с эстетической, полагает он, поэма, как и вся поэзия Блока, двойственна и противоречива: «... Правда изображения в “Двенадцати” Блока религиозно не освобождена от цинизма и кощунства

восприятия». «На правдивом изображении лица революции в “Двенадцати”, – заканчивал свою статью Струве, – лежит (...) соблазнительная печать “роковой пустоты” в религиозном отношении» (Русская мысль. 1921. Кн. I и II. С. 232–233).

Поэма Блока, при всей ее “греховности” для религиозно настроенного критика, задела живые струны в его душе. Позже он еще дважды обратится к ней: «Блок безмерно возлюбил Родину, – замечает Струве, – и здесь – источник “Скифов” и “Двенадцати”, источник блоковского “большевизма»» (Русская мысль. 1921. Кн. VIII–IX. С. 273). Другое высказывание вызвано было смертью поэта: «(...) “Двенадцать” – величайшее достижение Блока. В нем он мощно преодолел романтизм и лиризм, в совершенно новой, с о е й форме сравнялся с Бальзаком и Достоевским. С Бальзаком – в объективном, достигающем грандиозности, изображении мерзости и порока; с Достоевским кроме того – в духовном, пророческом видении, что в здешнем мире порок и мерзость смежны со святостью и чистотой в том смысле, что не внешняя человеческая стена, а только какая-то чудесная, незримая, внутренняя черта их разделяет в живой человеческой душе, за которую, в з е м н о м, неизбывно борются Бог и Дьявол, Мадонна и Содом» (*Струве Петр. In memoriam.* Рувль. Берлин, 1921. № 261. 25/12 сент.).

К.И. Чуковский характеризовал поэму “Двенадцать” как «национальную поэму о России, как естественное завершение того цикла патриотических “Стихов о России”, который ныне в его третьем томе носит название “Родина»» (*Чуковский К.* Книга об Александре Блоке. П.: Эпоха, 1922. С. 80). Определяя характер революционности Блока, Чуковский раньше всего видит в поэме “бедовую удаль”, “хмельное раздолье”, являющиеся, по мнению критика, солью блоковского понимания самой сущности России. “Недаром в этой поэме, – пишет он, – гуляет тот излюбленный Блоком отчаянный ветер, которым охвачены все его стихи о России” (*Там же.* С. 83). Поясняя свою мысль, Чуковский высказывает конкретные соображения, одинаково важные для понимания и оценки как поэмы, так и творчества Блока в целом: «Ужасались: “кто бы мог подумать, что рыцарь “Прекрасной Дамы”, певец “Соловьиного сада” опустится до такой низменной темы?” Но мы, следившие за творчеством Блока, знаем, что здесь не новый, а старый Блок и что тема “Двенадцати” есть давнившая его тема. В “Двенадцати” изображены: проститутка, лихач, кабак – но мы знаем, что именно этот мир проституток, лихачей, кабаков давно уже близок Блоку (...) Эти люди давно уже его братья по вьюге (...) Ведь даже кощунство “Двенадцати”, – эти их постоянные возгласы: “Эх, эх, без креста!”, “пальнем-ка пульей в святую Русь!” – давнишнее занятие Блока, который уже со времени “Балаганчика” чувствует “роковую отраду в попираньи заветных святынь” и про музу свою говорит, что она “смеется над верой” (...) Даже нож, которым в “Двенадцати” Петруха убивает соперника, есть тот самый русский национальный нож, который давно уже неотделим для Блока от русской вьюги и русской любви, о котором Блок задолго до “Двенадцати” сказал в стихотворении “Русь”: “И девушка на злого друга // Под снегом точит лезвие”.

Словом, чем больше мы всматриваемся, тем яснее для нас тот многозначительный факт, что в нынешней интернациональной России великий национальный поэт воспел революцию национальную» (*Там же.* С. 84).

К.И. Чуковский, как до него и Иванов-Разумник, рассматривает сюжет и образно-этический смысл “Двенадцати” как движение от тьмы к свету, как преображение низкого в высокое, в результате чего Россия, через революционный взрыв, придет к духовному обновлению. «Пусть эти двенадцать – громилы, полосующие женщин ножами, пусть он и сам говорит, что их место на каторге (“на спину б надо бубновый туз”), но ведь на то он и Блок, чтобы преображать самое гнусное в святое (...) Пусть громилы, но и с ними Христос» (*Там же.* С. 85–86).

Для Чуковского заключительные стихи о Христе – то, что оказывается заодно с красногвардейцами, – не оговорка, “не фраза”, а нечто глубоко прочувствованное и

пережитое, потому что выражено не только в словах, но и в “невыразимых” элементах поэмы – в ее ритмах. “Только те, кто глухи к его ритмам, могут говорить, будто превращение этих хулиганов в апостолов и появление во главе их – Иисуса Христа – есть ничем не оправданный, случайный эффект, органически не связанный с поэмой (...) Те же, кто вслушались в музыку поэмы, знают, что такое преобразование низменного в святое происходит не на последней странице, а с самого начала, с самого первого звука, потому что эта поэма, при всем своем вульгарном словаре и сюжете, по музыке своей торжественна и величава” (*Там же*. С. 86). Чуковский выдвинул мысль об органической двойственности поэмы Блока, или, как он выразился, “двойном ощущении”: «(...) Блок не был бы Блоком, если бы в этой поэме не чувствовалось и второго какого-то смысла, противоположного первому. Простой, недвуслужной любовью он не умел полюбить ни Прекрасную Даму, ни Незнакомку, ни родину, ни революцию (...) Часто он и сам не понимал, что такое у него написалось, анафема или осанна (...) Его “Двенадцать” будут понятны лишь тому, кто сумеет вместить его двойное ощущение революции, слить в один органический сплав омерзение и обожание» (*Там же*. С. 87). Однако “обожание у Блока взяло верх, – заключает Чуковский, – потому что он был поэт обожаний. Марсельеза у него всегда торжествовала над Augustin’ом” (*Там же*. С. 88).

В дневнике Чуковского – несколько мелких подробностей, характеризующих “Двенадцать” с не совсем обычной стороны: «Любопытно: когда мы ели суп, Блок взял мою ложку и стал есть. Я спросил: не противно? Он сказал: “Нисколько. До войны я был брезглив. После войны – ничего”. В моем представлении это как-то слилось с “Двенадцатью”. Не написал бы Двенадцати, если бы был брезглив» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 247). Относительно разговоров Блока с Чуковским насчет согласных в поэме – в частности, насчет блоковского “ж” и его написания с мягким знаком в слове “уж”, – а также о восприятии поэтических решений Блока Хлебниковым см.: *Там же*. С. 254, а кроме того – ниже с. 370 и 377 в этом томе.

М.С. Шагинян в документальной повести “Перемена” (1922–1923) поведала о своей жизни в условиях гражданской войны на Северном Кавказе и, в частности, о той моральной поддержке, какую оказал ей и ее товарищам Блок своей поэмой “Двенадцать”: «Долго за ночь, когда уж беседа умолкла, сидело собрание. Разбирали заветные книжки, привезенные из Советской России... Когда же впервые, контрабандой пробравшись через кордоны, зазвучали в маленькой комнате слова “Двенадцати” Блока, встало собрание, потрясенное острым волнением. Лучший поэт, чистейший, любимейший, дитя незакатных зорь романтической русской стихии, он, как верная стрелка барометра, падает, падает к “буре” орлиным певцом ее! Он, тончайший, все понимающий, – с нами! И любовь, как горячая искра, закипала слезами в глазах, ширла сердце (...)

Поздней парниковые юноши, вскормленные Пролеткультом, отвергали “Двенадцать”. Но те, кто пронес одиноко на юге России среди опустошительной клеветы и полного мрака свое упрямое сердце, знают, как помогли им “Двенадцать”. Искрой, зажегшейся от одного до другого, радугой, поясом вставшей от неба до неба, были “Двенадцать”, сказавшие сердцу:

– Не бойся ты, право! Любовь перешла к тем, кого именуют насильниками. В этом порукой тебе неподкупный русский поэт...» (*Шагинян М.* Человек и время. М., 1980. С. 609–610).

Родственное этому понимание “Двенадцати” обнаруживает и “Литературный дневник” М. Шагинян, который она вела в 1919 г. Отвечая одному из тех, кто порицал Блока за соединение божественной фигуры Христа с “дурной компанией”, она писала: «В заключение вы умоляете поэта не вести Христа в дурную компанию. Ах, Сергей Викторович! Поэты очень странные люди. У Гете, например, есть баллада “Бог и баядерка”. Там бог спасает проститутку, найдя в ней божественную душу. Гете не постеснялся ввести бо-

га в дом терпимости. Разумеется, приличнее было бы повести его в честный бюргерский дом, где мать семейства поит всех чаем, а отец читает детям вслух историю отечественного кролиководства. Но Гете этого не захотел. Почему? Может быть, потому, что из пряников и кроликов, хотя это сами по себе очень приятные вещи, – никак не скроишь ни баллады, ни поэмы!» (Шагинян М. Литературный дневник // Приазовский край. Ростов-на-Дону. 1919. 4 окт.).

Восторженную оценку “Двенадцати” находим в письме М. Шагинян к Блоку от 21 мая 1921 г.: «(...) С Вашими “Двенадцатью” связано самое глубокое, что пережито мной последние пять лет. При каждой встрече с Вами я хотела и не решалась задать Вам один вопрос; не без робости задаю его сейчас, в письме: Почему Вы нынче отрекаетесь от Правды с большой буквы (увиденной поэтом) ради правды с маленькой буквы, видимой всем людям? “Двенадцать” вовсе не о России (как Вы допускаете теперь толковать), но о революции. О том мгновении революции, когда – именно только на мгновение и *не* в плане истории – “абсолютное” притягивается к “относительному”, дотрагивается до него, и начинает казаться, что дальше все будет по-иному. Это мгновение обжигает душу и исчезает. Вы – единственный русский поэт ныне – запечатлели это мгновение так, как оно было. Для меня “Двенадцать” – символ веры, художественная формула сокровеннейшего религиозного опыта, который пережили многие из нас, “интеллигентов”, и почти все “простонародные” души в Октябрьскую революцию. Вы дали тончайшую, точнейшую реакцию на реальнейшую, но невесомую и невидимую действительность. Людям, пережившим ту правду, Ваши “Двенадцать” были связью, встречей друг с другом. Я жила на юге России, в самом глухом одиночестве, и когда контрабандой (через украинскую границу) к нам из красного Харькова в белый Ростов завезли скверную перепечатку “Двенадцати” Блока и она попала мне в руки, я (простите мне эту неприличную нескромность) молилась Богу над нею и плакала от счастья, что Вы *увидели и воплотили*. Ведь “Двенадцать” на самом деле не о них, а о нас, – о душе, которая поняла революцию, как чудо, и так поняв – уже и *совершила* ее. Потом дошла до нас и Ваша статья, кончающаяся заповедью “слушайте музыку революции”. Вы ведь не только “гуляка праздный”, забывающий все свое вчера; Вы умны, как Пушкин, у Вас ясное сознание, и Вы эту ясность отлагаете в кристаллах мысли. Почему же сейчас эта ясность уступила “здравому смыслу”, и Вы стараетесь сами себя предать? Ведь это чудь, что “революции больше нет”, что “большевизм выролдился” и т.д. Какое *нам-то* (и Вам – ясно видящему!) до этого дело! Да разве мы газетчики или лекари, чтоб считать пульс и смотреть на сыпь?

Историческое христианство прибавило только *одну* мудрость к личной мудрости Христа: оно дало от себя на нее ответ “credo ad absurdum”*. Оно доказало этим ответом, что полюбило и познало сущность любви. Если Вы увидели в земном лице свет Божий и этот свет полюбили, то что Вам за дело, что лицо девочки стало лицом бабищи, расплылось, обрюзгло, одряхлело. Для Вас *не это* было светом и *без этого* останется свет, если Вы любите. Ибо сущность любви – видеть и верить нетленно, до абсурда (абсурд этим и снимается). Революция исказилась, расплющилась, изнемогла, глядит не теми глазами. Что из того? Она дала нам пережить чудо, и надо возлюбить ее до конца. Тот, кто, увидев через нее свет, от нее сейчас отрекается, – отрекается от лучшей части своего духа.

Ради Бога, простите меня, что пишу все это. Простите хотя бы потому, что это мне больнее, чем Вам даже; и дороже, нежели Вы сами себе. Я не могу выносить собачьего лая, в котором мы все сейчас живем. *Никакое* внешнее насилие большевиков *никогда* не насильственнее для меня этого нашего лая, который держит душу и сознание в пределах какого-то куцега радиуса обыкновенного зрения на вещи, ну ни дать ни взять в длину собачьей цепи от конуры и до плошки с водой. Ведь это изо дня в день гипнотизирует, насилует и умаляет. То, что видно из конуры, – всякому видно. Этого ли зрения Вы выискуете? Вы видели *больше* них. И вдруг, увидев меньше, подумали, что “ошиблись”? Неуже-

* Верю до нелепости (лат.). – Ред

ли А. Блоку надо отчитываться перед собачьей будкой за то, что он прогуливался без цепочки на шею?» (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 753–754).

К этому времени Блок был уже тяжело болен и на письмо М. Шагинян не ответил.

М.М. Пришвин при жизни Блока печатно не высказывался о “Двенадцати”, однако в заметке «Большевик из Балаганчика» (Воля страны. 1918. 16 февр.) выступил против статьи “Интеллигенция и революция”, по поводу чего Блок записывает: «Г-н Пришвин хайт меня в “Воле страны”, как не хаял самый лютей враг. Письмо ему» (ЗК₅₆. 16 февр. 1918). Определения, которыми Пришвин награждает Блока, соответствуют фельетонному заголовку заметки – “скупающий барин”, “кающийся барин”, “земгусар”, “вождь пролетариев” и т.п.

В тот же день Блок отвечает своему оппоненту: «Михаил Михайлович, сегодня я прочел Вашу статью в “Воле страны”. Долго мы с Вами были в одном литературном лагере, но ни один литературный враг, злейший, даже Буренин, не сумел подобрать такого количества личной брани. Оставалось Вам еще намекнуть, как когда-то делал Розанов, на семейные обстоятельства.

Я на это не обижаюсь, но уж очень все это – мимо цели: статья личная и злая против статьи неличной и доброй.

По существу спорить не буду, я на правду Вашу (Пришвина, а не “Воли страны”) не нападаю; но у нас – слишком разные языки.

Неправда у Вас – “любимый поэт”. Как это может быть, когда тут же рядом “балаганчик” употребляется в ругательном значении, как искони употребляет это слово всякий журналист? Вы же не знаете того, что за “балаганчиком”, откуда он; не знаете, значит, и того, что за остальными стихами, и того, какую я люблю Россию, и т.д. Я не менялся, верен себе и своей любви, также – и в фельетоне, который Вам так ненавистен. Значит, надо сказать – не “любимый поэт”, а “самый ненавистный поэт”.

Александр Блок.

P.S. Будьте любезны, передайте в газету прилагаемую записку» (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 327–328).

Письмо косвенно проливает свет и на пришвинское отношение к “Двенадцати”, поскольку статья “Интеллигенция и революция” по сути – прозаический комментарий к поэме.

М.М. Пришвин заготовил ответное письмо, но не отослал его: «Александр Александрович, мой ответ [на Вашу статью в “Знамени Труда”] был не злой [как Вы пишете], а кроткий. [Именно только любимому человеку можно так написать, как я]. Если бы автор не был Блок, я написал бы, что он получает *ворованные* деньги, что земгусар ничего не делал на войне, а пьянствовал в тылу, что он ходит почему-то до сих пор в военной форме и еще много всего. [И это надо бы все написать, потому что Вы это заслужили]. О [Ваших] семейных отношениях земгусара я не мог ничего написать, потому что я этим не интересуюсь, все наши общие знакомые и друзья подтвердят Вам, что для этого не имею глаза и уха, и если что вижу и слышу, забываю немедленно.

Лев Толстой говорит, что писать нужно о том, что знаешь. Вы не знали, о чем Вы пишете, и в этом Ваш грех». И далее: «Сотую часть не передал я в своей статье того негодования, которое вызвала Ваша статья у Мережковского, у Гиппиус, у Ремизова, у Пяста. Прежде, чем сдать свой ответ [Вам] в типографию, я прочел его Ремизову, и он сказал: “ответ кроткий”».

Да, я русский, кроткий, незлобивый человек, но я, кажется, теперь подхожу к последней черте и молюсь по-новому: Боже, дай мне все понять, ничего не забыть и ничего не простить.

Еще напослед вот что: Вам больно от меня и мне больно от Вас, так больно, что я и не знаю, где Вы лично и где я лично – я к Вам, как к себе, а не то что Буренин к Вашему Балаганчику» (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 328).

21 сентября 1926 г. Пришвин записал в дневнике: «Есть люди, от которых является прозрение в своей ли неправоте, или даже в ничтожестве своем, и начинается борьба за восстановление себя самого, за выправление своей жизненной линии. Такой для меня Блок.

(...) Блок для меня – это человек, живущий “в духе”, редчайшее явление. Мне так же неловко с ним, как с людьми из народа: сектантами, высшими натурами. Это и плюс аристократизм стиха, в общем, какая-то мучительная снежная высота, на которой я не был, не могу быть, виновачусь в этом себе и утешаюсь своим долинным бытием без противопоставления.

Но мы встретились с Блоком в отношении к Октябрю. Горним своим глазом он разобрал в нем Интернационал, а я своим долинным чутьем понимал это как несчастную для всех нас смуту. Мне представлялось, что смута скоро кончится и начнется лучшая жизнь. Я и теперь так просто думаю: чем меньше жертв, тем лучше. Словом, я не чувствую “музыки” революции, хотя верю и знаю, что она была у немногих, знакомая мне музыка по моей юности (...).» (Там же. С. 331).

Трижды Пришвин высказывается непосредственно о “Двенадцати”, и каждый раз по поводу образа Христа. «Наконец, я понял теперь, почему в “Двенадцати” впереди идет Христос – это он, только Блок имел право так сказать: это он сам, Блок, принимая на себя весь грех дела и тем, сливаясь с Христом, мог послать Его вперед убийц: это есть Голгофа – стать впереди и принять их грех на себя. Только верно ли, что это Христос, а не сам Блок в вихре чувств закруженный, взлетевший до бога» (Там же. С. 330).

Догадка эта не оставляет писателя, и в 1929 г. он вновь записывает: «Я сильно подозреваю, что Христос в поэме Блока “Двенадцать” – грациозный, легкий, украшенный розами, – есть обоествленный сам поэт Блок, вождь пролетариев. Эту свою догадку я подтверждаю себе наблюдением мистически-хлыстовской среды, окружавшей поэта. Ведь было даже время незадолго перед этим, когда самый маленький петербургский поэт не только где-нибудь в “Аполлоне” или в “Золотом Руне”, а просто в “Копейке” или в “Биржевке” говорил: я – бог» (Пришвин М. Записи о творчестве // Контекст. 1974. Литературно-теоретические исследования. М., 1975. С. 353–354).

Много лет спустя с пафосом откровения Пришвин вновь отмечает в дневнике: «Боже мой! Я, кажется, только сейчас подхожу к тому, что сказал Блок в “Двенадцати”. Фигура в белом венчике есть последняя и крайняя попытка отстоять мировую культуру нашей революции. Как же я тогда этого не понимал, как медленно душа моя опознает современность» (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 334).

Дарственных надписей Блока на изданиях “Двенадцати” насчитывается около тридцати (см. раздел “Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях” в кн.: ЛН. Т. 92. Кн. 3). Некоторые из них содержат прямые или косвенные указания на само произведение. Так, на книге, преподнесенной Л.А. Дельмас, Блок написал: “Любови Александровне Дельмас от ее неизменного поклонника. Если бы Вы и не сочувствовали этой книге, я все-таки хотел бы подарить Вам и ее, потому что Вы – артистка милостию Божией, – и, служа Новому Миру Вашим искусством, сжигаете старый мир Вашим огнем. Александр Блок. Январь 1919 года. Петербург”.

Первое отдельное издание “Двенадцати” вышло со вступительной статьей Р.В. Иванова-Разумника, которому Блок и подарил эту книгу с надписью: “Недомыслящему Иванову-Разумнику от дряблого Александра Блока. СПб. 1918”. Смысл надписи состоит в том, что незадолго до этого П. Щеголев в уничижительной по отношению к Блоку и Иванову-Разумнику статье теми же словами характеризовал поэта и его первого интерпретатора: «Под бременем непобежденной художником действительности пал наш поэт прекрасной дамы, и что бы ни писал Иванов-Разумник, как бы ни славил он А.А. Блока, как трибуна и как Тиртея, приближившего к новым, скифским далям, современное творчество Блока не созвучно действительности и художественные восприятия его дряблы (...). И лево-эсеровское обретение А.А. Блока можно объяснить только недомыслием Иванова-Разумника: российская ирония отмстила почтенному критику, наслав на него Блока и

“двенадцать”» (*Шеголев П.* “Расея” Бориса Григорьева // *Григорьев Б.* “Расея”. П.: В.М. Ясный. 1918. С. 18–19).

«“⟨...⟩ На память о страшном годе” написал Блок на моем экземпляре “Двенадцати”», – сообщил В.А. Зоргенфрей (*Зоргенфрей В.А.* Александр Александрович Блок (По памяти за 15 лет, 1906–1921 гг.) // *Записки мечтателей.* 1922. № 6. С. 143).

По свидетельству К.И. Чуковского, сам Блок вслух «не читал “Двенадцати” – “у меня не выходит ⟨...⟩»» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 270). Это же подтверждает С.М. Алянский: «Мою просьбу прочитать поэму вслух Александр Александрович отклонил. Он сказал, что ни разу вслух “Двенадцать” не читал и прочитать не сумеет. Поэтому читает его жена – Любовь Дмитриевна, она актриса» (*Алянский С.М.* Встречи с Блоком // *Новый мир.* 1967. № 6. С. 167). «Блок говорил, – вспоминает Н. Павлович, – что никогда, даже для себя самого, не мог прочитать ее вслух – “Не умел”» (*БС-1.* С. 487).

Еще до выхода поэмы в свет Л.Д. Блок вела переговоры о публичном чтении “Двенадцати”: «Люба звонит в “Бродячую собаку” (“Привал комедьянтов”), – читаем мы в дневнике Блока от 21(8) февраля 1918 г., – и предлагает исполнять там мои “Двенадцать”». На следующий день новая запись: «Люба вечером в “Привале комедьянтов”. Сговорились читать “Двенадцать” в течение месяца за 900 руб. (“гвоздь программы”»» (*ЗК₅₆.* 22 февр. 1918).

Первое публичное чтение “Двенадцати”, отмеченное поэтом, состоялось на вечере кружка поэтов “Арзамас” 13 мая 1918 г. В этот день Блок дважды пометает в записной книжке – до начала вечера: «Вечер “Арзамаса” в Тенишевском училище. Люба читает “Двенадцать”» – и после вечера: «Люба, говорят, читала хорошо». Судя по пометам Блока в записных книжках, чтений было не менее девятнадцати: четырнадцать в 1918 г., одно чтение в 1919 г. и четыре в 1920 г. Восемь раз поэма читалась в “Привале комедиантов”, дважды в “Доме искусств” и по одному разу в “Арзамасе”, в Пажемском корпусе “рабочим левым с.-р.”» (*ЗК₅₆.* 18 мая 1918), “в казармах Московского полка (офицерское собрание) – Красной армии” (*ЗК₅₆.* 26 мая 1918), на открытии “Дома рабочих”, в Мариинском театре, в Летнем саду, в Театральном отделе Наркомпроса, в “Управлении чрезвычайного уполномоченного по топливу”.

Свое впечатление от одного из чтений в “Привале комедиантов” передает С.М. Алянский: “⟨...⟩ поэму она исполнила с таким искусством, какого мне впоследствии не пришлось услышать ни от одного прославленного артиста.

Л.Д. – профессиональная актриса, поэтому и исполнение поэмы было актерским: она использовала весь арсенал приемов, средств и красок актерского мастерства. Исполнение было острым и интересным, особенно пленяло сочетание низкого, красивого голоса актрисы с грубоватыми интонациями героев поэмы, в которых слышались то народная частушка, то народная песня. Главные и второстепенные героини поэмы, за исключением Христа, были показаны выпукло и искусно. А Христос так и остался в тумане.

Исполнительница пыталась показать и разнообразный музыкальный ритм поэмы, и нужно сказать, что ей часто это удавалось” (*БС-1.* С. 442). К.И. Чуковский в письме к Д.Е. Максимову рассказывал: «Любовь Дмитриевна читала “12” отчаянно, с какой-то “погибельной” удалью, словно она причастна их страстям и безумиям. В ней (когда она выступала с чтением этих стихов) было что-то от Катьки – и это привлекало Ал.Ал-ча. Однажды, когда она – в Доме искусств – закончила чтение и ушла в артистическую – Блок (не заметив, что в артистической нахожусь я) вошел туда и направился к “Любе” с такими влюбленными, восторженными глазами, каких я никогда у него не видел. ⟨...⟩ “отчаянное” чтение Люб.Дм. считал превосходным» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 270).

Сам поэт только однажды пишет о восхищении, которое он испытал, слушая чтение поэмы: «Удивительно Люба читала “Двенадцать”» (*ЗК₅₆.* 18 мая 1918). Когда же Алянский спросил Блока, как он сам относился к чтению Любови Дмитриевны, тот ответил: “Мне трудно об этом судить. Могу только сказать, что мне довелось слушать чтение Люб.Дм. Дмитриевны несколько раз, в различных аудиториях, и мне показалось, что поэма до слушателей доходит” (*БС-1.* С. 440).

По свидетельству М.А. Бекетовой, в “Арзамасе”, несмотря на демонстративный отказ ряда поэтов прийти на вечер, “поэма все же была прочитана и имела успех” (*Бекетова* 1₂. С. 257). Следующий вечер был устроен 18 мая 1918 г. в Пажеском корпусе, как пишет М. Бекетова, “в сочувствующей революционно-настроенной аудитории”. Среди слушателей было немало солдат и рабочих. “Многочисленная публика (...) восторженно приветствовала поэму, автора и читку. Впечатление было потрясающее, многие были тронуты до слез (...)” (*Там же*). Третье выступление состоялось в казармах Московского полка – перед Красной армией. Блок записывает: “Слушали очень внимательно” (*ЗК*₅₆. 26 мая 1918).

Выступление в Мариинском театре было организовано, как записано у Блока, “в пользу Школы журнализма” (*ЗК*₅₆. 4 июня 1918). Присутствовали “Люба, я, Амфитеатров, Пильский, Куприн, Шаляпин, Зелинский и т.д.” (*Там же*). На следующий день Блок отмечал: «Нас с Любой очень хвалит “Биржевка” за Мариинский театр (Коптяев)» (*ЗК*₅₆. 5 июня 1918). Репортер “Биржевки” свое впечатление от “вечера искусства” в Мариинском театре передает так: «Проф. Зелинский сказал горячее слово об искусстве (...) Стихотворение Блока “Двенадцать”, целую современную драму революции и развала, прочла г-жа Блок-Басаргина. В голосе – много тонов страсти, горечи, сарказма, отчаянья, страшных контрастов. То шепот, то крик, то описание, то вызов кому-то...» (*Коптяев А. Концерт “вечер искусства” // Новые ведомости. Веч. выпуск. Пг., 1918. № 79. 5 июня (24 мая)*). Вместе с тем единодушия в зале не было; “буржуазная публика шаляпинских концертов, – пишет М. Бекетова, – слушала очень внимательно, но, как и всегда в таких случаях, аплодировала только половина залы, другая враждебно молчала. В числе сочувствующих неожиданно оказался А.И. Куприн, который подошел к Любови Дмитриевне и выразил ей свое удовольствие, особенно похвалив ее за чтение” (*Бекетова* 1₂. С. 258).

По воспоминаниям П.М. Пильского, по инициативе которого и был организован этот “концерт искусства” в пользу “I Всероссийской Школы Журнализма”, профессор Ф.Ф. Зелинский поначалу вообще не хотел участвовать в вечере. «Фаддей Францевич был возмущен. Он не хочет стоять на одной программе с автором “12”. Это не поэма, а кошунство! Блок – кончен! Никогда с ним он не будет иметь никакого дела!» (*Пильский Петр. Александр Блок // Сегодня. Рига, 1922. 6 авг.*).

Последняя запись, относящаяся к чтению “Двенадцати”, сделана поэтом в дневнике 17 января 1921 г.: «Утренние, до ужаса острые мысли, среди глубины отчаянья и гибели. Научиться читать “Двенадцать”. Стать поэтом-куплетистом. Можно деньги и ордера иметь всегда...».

Н.К. Чуковский слушал чтение “Двенадцати” Л.Д. Блок в присутствии Блока. Он пишет, что Блок сидел на эстраде “печально опустив голову”, казалось, что “слушать ее ему было неприятно” (*Чуковский Ник. Что я помню о Блоке // Новый мир. 1967. № 2. С. 230*).

В большевистской печати “Двенадцать” получили в целом положительную оценку, не лишённую зачастую и критического пафоса. Одним из первых откликнулся на поэму журнал “Вестник жизни”, издававшийся ВЦИКом. В.М. Фриче в статье “Отражения революции 1917 г. в русской литературе” писал: «Своеобразную попытку вскрыть (...) психологию революционного рабочего, а также очертить огромность октябрьских событий представляет поэма А. Блока “Двенадцать”, местами приближающаяся к меткому и язвительному реализму народных частушек, местами – там, где изображается мировой масштаб событий, поднимающаяся до высокого и смелого одушевления (таков, например, конец поэмы, где рисуется Христос, идущий с красным флагом впереди “двенадцати”). Однако задача, которую поставил себе А. Блок, разрешена им лишь отчасти: герою его поэмы, лучители подсолнухов, темные гуляки и убийцы, не характерны для революционного пролетариата; они принадлежат не к авангарду революции, а к арьергарду ее, к столичной “голытьбе”, – но тем знаменательней подмеченный в них поэтом неподдельный революционный подъем» (*Вестник жизни. М. 1918. № 2. С. 31–32*).

Н. Осинский также отмечал противоречивую природу поэмы: «Отношение автора к своим “двенадцати” и к великой революции – противоречивое, двойственное (...). И белое видит автор, и черное (...)». На вопрос, кем же по своему социальному положению являются герои поэмы, автор статьи отвечает: “Красногвардейцы Блока – это петербургская голытьба, это не те рабочие, которые были главным ядром октябрьской революции, а тот ее деклассированный, полубосяцкий хвост, который, несомненно, составлял меньшую часть тогдашней красной гвардии”. Блок, по мнению Осинского, пишет о революции от имени и с точки зрения этой голытьбы, и несмотря на это критик делает вывод, что “Двенадцать” – “большое и ценное художественное произведение”. Пусть «революцию делают Ваньки и Петьки (...), но они делают великое дело. Пуская пули в святую Русь, восставая против бога, они ломают старую поповскую религию, и на обломках “паршивого” старого мира возникнет – так надеется поэт – новый мир и новая, свободная и чистая религия (...)» (*Осинский Н. Интеллигентский гимн октябрьской революции // Вечерние известия. М. 1918. 21 авг.*).

Высоко отозвалась о “Двенадцати” большевистская “Правда”. В статье о книге Блока “Россия и интеллигенция” поэт охарактеризован как интеллигент, “имевший достаточно нравственного мужества, чтобы почувствовать трагедию, и одаренный достаточно талантливой душой для того, чтобы в слиянии с народом и революцией достигнуть разрешения трагедии”. Блок глубоко вслушался в музыку революции, «и плодом этого явилось величайшее достижение его поэзии и, в то же время, русской поэзии после Пушкина, Некрасова, Тютчева – его поэма “Двенадцать”». В статье революционная публицистика Блока рассматривается как “комментарий” к поэме. «Лишь ознакомившись с ними (статьями Блока. – О.С.), можно понять, как удалось этому интеллигенту из интеллигентов переступить “недоступную черту” и в художественных образах выявить душу народа, или, что то же, душу революции» (*Правда. 1919. 18 янв.*).

Своеобычным отношением “Двенадцати” можно считать также использование в революционных целях отдельных стихов и строф поэмы. Командарм И.Э. Якир вспоминал, как босых и голодных “чудо-богатырей” из его дивизии времен Гражданской войны вдохновлял лозунг “Революционный держите шаг!” (*Дубинский И. Славные имена, славные страницы // Новый мир. 1962. № 2. С. 178*).

Газета “Правда” опубликовала статью Ф. Кона, в которой содержался призыв к революционному пролетариату защитить красный Петроград. Статья называлась: “Революционный держите шаг!” (*Правда. 1919. № 238. 24 окт.*).

В 1919 г. в Красноярске в условиях подполья, при власти Колчака, “Двенадцать” были изданы в виде листовки (см. иллюстрацию на с. 305). Возможно, что правитель Сибири познакомился с блоковской поэмой именно в этом “крамольном” издании. На эту мысль наводит эпизод, рассказанный писателем Всеволодом Ивановым. В 1919 г. ему довелось оказаться в компании с Колчаком. “Помешивая чай ложечкой, Колчак посмотрел на меня и спросил, думая, должно быть, не обо мне, а о чем-то другом:

– Итак, с вами переписывается Горький?

– Он написал мне два письма, – ответил я.

Колчак помолчал, помешал ложечкой, затем сказал задумчиво:

– И Горький, – опять, чуть помолчав, он добавил:

– И в особенности Блок – талантливы.

Затем, слегка вздохнув, он глотнул чаю и сказал:

– И все же их обоих, когда возьмем Москву, придется повесить.

И он опять вздохнул, словно сожалел, что вот, мол, хорошие люди, но придется вешать, чтоб не расползаться большевиков. Он опять вздохнул и добавил:

– Очень, очень талантливы” (*Иванов Вс. Собр. соч.: В 8 т. М., 1978. Т. 8. С. 291–292*).

А.В. Луначарский способствовал изданию поэмы в “Алконосте”, слушал поэму в исполнении Л.Д. Блок. Краткое суждение Луначарского о “Двенадцати” содержится в обзоре современной поэзии: “В свое время довольно интересный отклик на революцию дал

Александр Блок, который тоже примолк и вот уже год ничего не пишет (...) Революция обескуражила талантливых поэтов старшего поколения (...)» (*Луначарский А.* Новая поэзия // Известия. М., 1919. № 266. 27 нояб.).

По словам О.Д. Каменевой, Луначарский собирался писать о «Двенадцати» специально, но почему-то не сделал этого. Сочинил лишь, очевидно еще при жизни поэта, но не отправил адресату стихи под названием «Блоку Двенадцати», увидевшие свет только несколько десятилетий спустя (см. публикацию Н.А. Трифонова «Два стихотворения А.В. Луначарского» // Вопросы литературы. 1961. № 1. С. 201–204). Слабость поэмы «Двенадцать», по убеждению автора стихов, – в чрезмерно субъективном, наивно-романтическом изображении революции:

Ох ты, удаль! ох ты, мука!
Цель неясна, смерть ясна, –
К черту буден серых скупа –
Хоть минута – да красна!

Далекий от подлинных целей и задач революции, поэт воспел наиболее бессознательные ее элементы, подчинился хмельной стихии голытьбы, идущей по бездорожью:

Так идут державным шагом,
А поодаль ты, поэт,
За кроваво-красным стягом,
Подпевая их куплет.
Их жестокого ромаса
Подкупил тебя трагизм.
На победу мало шанса,
Чужд тебе социализм, –
Но объят ты ихней дрожью,
Их тревогой заражен
И идешь по бездорожью,
Тронут, слаб, заворожен...

Наименее обоснованным и уместным в «Двенадцати» Луначарский считал образ Христа:

Кто ведет? Христос жемчужный?
Кто там зоркий и живой
Над Европою недужной
Простирает разум свой?..

.....
Если б, маршем пропуская,
Видел первые ряды,
Ты запел бы, весь сгорая,
Гимн победы, не беды!
Но идешь ты только сзади,
Где волочит войско хвост,
Добр и чуток Христа ради,
Смутен, сложен, ясен, прост.

В кремлевской библиотеке В.И. Ленина среди прочих книг Блока находилась и поэма «Двенадцать» в трех изданиях (см. в кн.: Библиотека В.И. Ленина в Кремле. Каталог. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты. 1961. С. 483, 492).

Ленинские оценки «Двенадцати» воспроизведены в воспоминаниях большевика В.Н. Шульгина: «Как-то невзначай он спросил меня:

– Вы любите Блока?
– Да.

– Вот и Глеб (Г.М. Кржижановский. – *В.Ш.*) тоже свихнулся на Блоке, – сказал он. И вдруг произнес: – “В белом венчике из роз впереди Иисус Христос”. Вы понимаете? Объясните. – И, не дав мне сказать, понимаю ли я, кончил: – Не понимаю.

Он говорил о Блоке не только с Кржижановским и со мною. Как-то в 1955 свой разговор о Блоке с В.И. Лениным мне передала А.П. Кизас. Было это так. Я поделился с ней своими воспоминаниями о Ленине и слегка коснулся его отношения к писателю. Я не успел еще дойти до Блока, как она сказала:

– А вот в современных писателях ему было не все понятно. Блок, например.

Я остановился. Анна Петровна ряд лет работала в Совнарком. Она могла слышать замечания Ленина, она не один десяток раз говорила с ним.

– Как-то он спросил меня, – продолжала Анна Петровна. – “А вы Блока читали?” – “Да”. – “Понимаете?” – “Люблю”. – “А я не понимаю”.

Я просил ее подробнее рассказать. Подробностей она не помнила. Но разговор шел о “Двенадцати»» (*Шульгин В.* Воспоминания о В.И. Ленине // Молодая гвардия. 1957. № 3. С. 124).

Об антиномической сущности “Двенадцати” высказался Л. Троцкий в книге “Литература и революция” (М., 1923): «Блок принадлежал дооктябрьской литературе, но превозмог ее и вошел в сферу Октября “Двенадцатью”. Поэтому он и займет особое место в будущей истории русского художественного творчества. Нельзя позволить заслонять Блока тем мелким поэтическим и полупоэтическим бесам, которые увиваются вокруг его памяти...»

«Блок не “пошел в революцию”, но душевно равнялся по ней...»

“Тревожная хаотичность Блока тяготела к двум главным уклонам: мистическому и революционному. И на обоих уклонах не разрешалась до конца”.

“Россия раскололась на два – в этом и состоит революция. Блок одну половину назвал паршивым псом, а другую благословил теми благословениями, какие имелись в его распоряжении: стихом и Христом...”

«Конечно, Блок не наш. Но он рванулся к нам. Рванувшись, надорвался. Но плодом его прорыва явилось самое значительное произведение нашей эпохи. Поэма “Двенадцать” останется навсегда».

«Наиболее “чистый” из лириков, Блок не говорил о чистом искусстве и не ставил поэзию над жизнью. Наоборот, он признавал “нераздельность и неслиянность искусства, жизни и политики»» (цит. по кн.: Книга о книгах. 1924. № 7–8. С. 33).

В.Л. Львов-Рогачевский как бы подытоживал суждения о поэме критиков-марксистов: «(...) от его поэмы “Двенадцать” веет иронией, но не потому, что поэт слишком связан со старым, а потому, что нарождающееся новое слишком носит на себе следы отжившего старого, и это отжившее старое, вульгарное, отмечает скорбной улыбкой ирония Блока. Стоя на рубеже двух периодов, Блок отдает все свое сердце всечеловеческому братскому счастью, в которое он уверовал.

(...) Через муку, через движение, через дерзание, а не через смирение, застой и трепет придет наша страна к лучшему будущему» (*Львов-Рогачевский В.* Поэт-пророк. Памяти А. Блока // Книгоиздательство писателей в Москве. 1921. С. 44, 50).

Отклики на поэму литературной критики в центральной печати легко поделить на положительные и отрицательные. Критики, безоговорочно отвергшие “Двенадцать”, увидели в поэме прежде всего хвалу Октябрьской революции. Главный раздражитель для них – “большевизм” поэта. Н. Абрамович, оценивая поэму как “проклятое слово”, пишет: “Поэт большевизма Ал. Блок задумал воспеть кровь и грязь революции” (*Свобода*. 1918. № 45, 22(9) апр.). «Блок (...) уверовал в Россию, “обновленную” октябрьским переворотом» (*Газетти А.* Стихия и творчество: Русская литература перед лицом революции // Мысль. I. Пг., 1918. С. 246). «(...) вслед за Ясинским в стане большевиков оказались и не безызвестный беллетрист Серафимович и, что всего страннее и горестнее, один из крупнейших поэтов нашего времени А.А. Блок. Блок, которого мы знали как нежного певца “Прекрасной Дамы”, как тонкого изобразителя трепетных и неясных порывов, смутных

и полусонных настроений, дремотных воспоминаний; Блок с его непреодолимым тяготением в сторону экстатических прозрений и мистических осияний – выступил вдруг в роли панегириста российского большевизма в его наиболее отталкивающих проявлениях (...) В особенности тоскливо делается на душе, когда замечаешь, что этот рабий дух овладевает людьми, которые, казалось бы, имеют все данные для того, чтобы не поддаваться ему, когда он проникает в ту среду, которая в течение долгих лет неизменно стояла на страже идеалов истинной свободы, в том числе и в среду русских писателей (...) Не только для наивной старушки из поэмы Блока, не только для его двенадцати, но и для всех представителей российского большевизма высокий принцип “Вся власть Учредительному Собранию”, этому истинному и единственному выразителю интересов и воли всего русского народа, является настолько никчемным, что возвещающие о нем плакаты надлежало бы, по их мнению, употребить на “портянки для ребят”» (*Евгеньев-Максимов В.Е.* Во славу победителей. Фельетоны // *Еженедельник Народного Слова.* 1918. № 3. 7 апр. / 25 марта. С. 15, 16). Поэт, певший о Прекрасной Даме, о “чарах белой ночи”, о “гаинственных” масках, – пишет другой критик, – “неожиданно заговорил о страшной, кровавой были наших дней” (*Крючков Дм.* Революция и поэзия // *Вечернее Слово.* 1918. № 59. 17 (4) июня).

Критический обстрел “Двенадцати” ведется прежде всего по причине резко отрицательного отношения к самой революции, толкуемой как торжество не демократии, а “охлоса”, разнузданной толпы. “Нужно быть в последнем градусе революционной чесотки, – пишет А. Измайлов, – чтобы кощунственно уподобить, как это делает г. Иванов-Разумник, этих двенадцати – апостолам (...), поэма воплотила всего лишь тяжело-недоуменную растерянность поэта” (*Петроградский голос.* 1918. № 122. 5 июля). “Над обнищавшей, окровавленной, ограбленной и удушенной Россией мертвым стоном заливается солдатская частушка, торжествует та пошлятина специфически уличной и бульварной удачи, которую так хорошо изобразил в своей поэме Александр Блок. Только этот новый бард грязи и крови хотел озарить поэзией гульбу и разухабщину народных отбросов (...)” (*Аратов Вас.* В мертвом тупике // *Свобода.* 1918. № 40. 18/5 марта).

В широкий контекст пессимистических суждений о революционной действительности вписывается характеристика “Двенадцати” в статье М. Неведомского “Марево”: “Не бездонный ли и бескрайний обман и самообман все наше бытие? Не смешной ли оно мизраж и марево? О! оно скоро развеется, это марево, и пробуждение будет страшное...” (Утро Петрограда. 1918. № 5. 29 апр.). С этих “апокалипсических” позиций видятся автору статьи достоинства поэмы Блока, отразившей, по его мнению, “итог нашего бытия”: «(...) наряду со странными статьями и размышлениями о нашей революции (свидетельствующими об удивительно узкой, случайной среде, в которой автор черпал свои наблюдения), наряду со своими неудачными “зовами” (...) на столбцах левоэсеровского “Знамени Труда”, Александр Блок дал удивительную картину – итог нашего бытия. Он назвал ее “Двенадцать”» (*Там же*).

Ни один из антиреволюционно настроенных критиков не обошел стороной образа Христа в поэме. Блок «не удалился от правды, но кощунственно припел к “керенкам”, проституции, убийствам и нелепому жаргону – Христа» (*Абрамович Н.* Об одном проклятом слове // *Свобода.* 1918. № 45. 22 (9) апр.). Блок “кощунственно припел к материалу (...) крови, проституции, воровства и убийства – Христа (...)” (*Аратов Вас.* В мертвом тупике // *Свобода.* 1918. № 40, 18 (5) марта). «Никогда до “Двенадцати” Блок не кощунствовал бесстыдно, не славословил зверя, богохульно именуя его именем Христовым» (*Кадашев В.* Причастие бесу болотному // *Накануне.* М., 1918. № 6, май). “Поэт здесь не солгал, он видел... Только, конечно, не того, кого он назвал, но обезьянку, самозванца, который во всем старается походить на оригинал” (*Булгаков С.* На пиру богов: Современные диалоги. Киев: Летопись. 1918. С. 52). “(...) Христос на Голгофе, между двух разбойников, истекающий кровью по каплям, – размышлял Е. Замятин, – победитель, потому что Он распят, практически побежден. Но Христос, практически победивший, – Великий Инквизитор” (*Платонов Мих.* [Замятин Е.] Скифы ли? Мысль. I. Пг., 1918.

С. 286). Духовным предательством называет “Двенадцать” С.П. Каблуков в письме Вяч. Иванову, “и еще страшнее, – прибавляет он, – что граничит оно с хулою на Духа Святого...” (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 478).

Почему Блок ввел в поэму “увенчанного розами Спасителя, да еще с красным флагом”, спрашивала А.В. Тыркова (Безмолвная Русь // Наш век. 1918. № 45. 10 марта (25 февр.)). Возможно ли, чтобы Христос шел во главе “этой банды”? (Из письма И. Белоусова Л. Андрееву, – ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 478). Чем объяснить столь “страшное” совмещение варварского убийства и Иисуса Христа – задавался тем же вопросом В.Е. Евгеньев-Максимов. «Ничем иным, думается мне, как указанной выше рабьей психологией русского человека. Вскормленные и вспоенные в атмосфере многовекового рабства, многие из нас, не исключая и некоторых наиболее одаренных представителей современности, чувствуют какую-то органическую, я бы сказал, “нутряную” потребность кадить торжествующему насилию <...> Что же удивительного, что ныне, когда самодержавие сменилось охлократией, сумевшей восторжествовать над демократией, у разнузданного и развращенного охлоса нашлись не только свои вожди, искусно потакающие его низменным инстинктам, но и свои восторженные барды?» (Во славу победителей. С. 16).

Трижды в обличительном духе высказывается об авторе “Двенадцати” критик “Книжного угла” В. Ховин: “Довольно скифских гримас новоявленных певцов грядущего социализма!

Довольно Блоко-Иваново-Разумниковского словоблуда! <...>

Довольно лжемудрствований этих ренегатов побежденной и павшей культуры, вечерних рабов ее, ныне спешащих за победной колесницей победителя!” (Книжный угол. Пб., 1918. № 1. С. 7).

В статье “Безответные вопросы” В. Ховин называет Блока “левым эсером” и вопрошает: “Не стыдно ли, Александр Блок?..” (Там же. № 2. С. 25).

И еще: “Романтический темперамент современности ищет новых форм. И я сам, так недавно еще, переживавший остро поэта традиционной романтики, Александра Блока, сейчас решительно бегу от него” (Там же. № 3. С. 2).

Помимо В. Ховина еще два рецензента “Книжного угла” выступили с резкой критикой “Двенадцати”, в которых, как пишет Ф. Смирнов, “какие-то черные мессы частушками развеселыми сменяются” (Паноптикум // Книжный угол. 1918. № 3. С. 14).

В напечатанной здесь же заметке “Профессионалы” Е.П. Каменев громит “<...> разновидность стихоплетцев, натасканных на революции, так сказать, профессиональных певцов ее”. Первым среди “натасканных” называется Блок: “До последнего времени лауреатом такого стиля нам демонстрировали и провозглашали великого Блока (конференсье Иванов-Разумник <...>), резво разводившего трепака по лужам крови...” (Там же. С. 16).

Среди хулителей “Двенадцати” оказался и О.М. Брик. В заметке “Неуместное политиканство” он смешал “правых” и “левых”, поставив на одну доску Гиппиус с ее “Последними песнями” и Блока с его поэмой. Обоих критик порицал не за политику как таковую, а за то, что политика у них не стала художественным фактом, “из личного переживания” не превратилась “в поэтический материал” (Книжный угол. 1918. № 2. С. 29).

Печатно в числе первых отозвался на поэму Б.М. Эйхенбаум. В рецензии на стихи Маяковского читаем: «Необычайное явление – Блок, тихий поэт “лиры”, пишет громкую, кричащую и гудящую поэму “Двенадцать”, в которой учится у Маяковского. Это трагично, это почти вызывает слезы. Говорят, что эта поэма хороша. Я не знаю – я вижу, что Блок распинает себя на кресте революции, и могу взирать на это только с ужасом благоговения» (Трубный глас // Книжный угол. 1918. № 1. С. 3).

Со своим рецензентом редакция журнала, однако, не соглашается: «Редакция считает нужным оговориться, что она отнюдь не умиляется вместе с автором статьи “самораспятию” Ал. Блока, во-первых, потому, что не всякое и не во всех случаях самораспятие достойно умиления, а, во-вторых, и потому, что “видимость” блоковского “самораспятия” не внушает ей особого доверия. Ред.» (Там же).

Как “одно из самых значительных по художественной мысли произведений наших лет” характеризует поэму В.М. Жирмунский (из письма А.Л. Волынскому от 1 (14) июня 1918 г. – *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 479). П. Славнин о “Двенадцати” отозвался так: “Это безусловно самый замечательный отклик на дни нашей революционной жизни” (*Окно в Азию // Современное слово*. 1918. № 3541. 27 (14) апр.; см. также коммент. к стихотворению “Скифы”).

С восторженной оценкой “Двенадцати” выступил критик, скрывшийся за псевдонимом “Юний”. “(...) это, пожалуй, единственная действительно крупная (по своему значению) поэма о нашей современности (...)” (*Юний*. Двенадцать (Поэма, А. Блок) // *Я*. 1918. № 2. сентябрь. С. 4). Не “белое” или “черное”, не “правду” или “ложь” представляет собой поэма, а сопоставление, сложное единство, как и в самой революции, “белого и черного, правды и лжи, убийства и высшего идеала” – вот что такое “Двенадцать”, “вот мотив, красной нитью проходящий через всю поэму” (*Там же*).

Автор заметки не ограничивается простой констатацией единства двух противоположных начал, присутствующих в таком сложном явлении, как блоковский образ революции; разрешающий исход этому противостоянию он находит в самой революционной действительности: «Смылось ли это пятно (убийство Катьки. – *О.С.*)? Нет, оно осталось. Но оно не загрязнило собою того знамени, той вести, что несут двенадцать красногвардейцев миру. Ибо “в крови у них Мировой Пожар”, – и в этом их оправдание. Они несут великое, белое, чистое, – и это спасает их от грязного и черного. (...) Эти люди – синтез ведомых и ведущих. Они сочетают в себе идеологию вождей с действиями толпы. (...) они – символ русской современности, но символ, охватывающий и преобразующий действительность. И поэма Блока, рисующая нам этот символ, остается для будущих поколений памятником русской жизни, памятником мятежных лет, проведённых “в грозе и буре”» (*Там же*).

В рецензии на издание “Алконоста” Инн. Оксенов писал, что только теперь, «на третьем году после создания “Двенадцати”, можно судить и разбирать эту поэму более или менее бесстрастно». Как достоинство поэмы рецензент отмечает отсутствие в ней дурной тенденциозности: “...никакой апологии своих неясных по степени своей сознательности героев автор не дает”, они “показаны почти нагими. И это благо, что нет апологии, а стало быть, и тенденции”. Далее Оксенов говорит о романтико-преобразующей силе дарования поэта, что связывает “Двенадцать” со “Снежной Маской”: «(...) Блок в “Двенадцати” остается верен своему прежнему методу, восходящему к Достоевскому и примененному поэтом в “Незнакомке”: в самой грязной действительности являются самые светлые видения. Но идеал (Незнакомка, Христос) всегда является только вожатым...» (*Книга и революция*. 1920. № 5. С. 53–54).

По мнению критика, слишком книжно звучит в поэме формулировка революционных стремлений:

Пальнем-ка пульей в Святую Русь –
В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!
Эх, эх, без креста!...

«Об общественном значении “Двенадцати”, – считает рецензент, – ясно и убедительно написано Ивановым-Разумником» О рисунках Анненкова Оксенов замечал: есть удачные, “но вряд ли все это то, что нужно”.

Однако не все критики, сочувствовавшие революционным устремлениям, приняли “Двенадцать” и особенно образ Христа. И. Игнатов недоумевал, как можно примирить мировой пожар, социальное и духовное освобождение с “развратом” и “бессмысленной жестокостью” героев поэмы. Вслед за возгласами: “Эх, эх, позабавиться не грех!” и “От-

мыкайте погребца, гуляет нынче гольтьба!» – идет горестное признание Петьки: “Ох ты, горе-горькое! Скука скучная, смертная!” Из этого можно вывести, рассуждает Игнатов, что безнаказанность преступления не усыпляет совести преступника, грабежи и убийства не избавляют его от тяжелой тоски. “И состояние Петьки, – делается вывод, – состояние души народа, смутное, но мучительное сознание, что, несмотря на справедливость требований счастья и освобождения от давних оков, совершается что-то неладное, производится нарушение чего-то, без чего жить нельзя, уничтожается какая-то ценность, самая дорогая, самая близкая душе. Назвать ли ее человечностью, Божеством, совестью – но она составляет главное приобретение души, единственное духовное богатство” (Игнатов И. В порывах буйной слепоты // Свобода России. 1918. № 15, 28 (15) апр.). Подобным же образом рассуждает и П. Славнин. Высоко оценивая поэму в целом, он не соглашается с ее трактовкой Р. Ивановым-Разумником: «Белым венчиком из роз венчает поэт “азиатскую рожу” нашей революции. И впереди ставит благословляющую, ведущую фигуру Иисуса Христа (...) Могут ли в этом искать оправдание убийцы и грешники? Во всяком случае, ссылка г. Иванова-Разумника очень утешительна для убийц и грешников. Но только какие же надо иметь узкие монгольские глаза для того, чтобы спокойно видеть в убийцах наших дней каких-то завтрашних апостолов вселенского социализма» (Славнин П. Окно в Азию // Современное слово. 1918. 27 (4) апр.).

Наиболее пространный обзор откликов русской печати на “Двенадцать” при жизни поэта и вскоре после его кончины содержится в работе: Блок в критике современников (Аннотированная библиографическая хроника 1902–1921) / Сост. В.И. Якубович при участии Н.Г. Захаренко, В.В. Серебряковой, Л.С. Шепелевой // ЛН. Т. 92. Кн. 5. Если выделить разысканные на сегодня оценки поэмы в провинциальной печати, но они примечательны весьма малой долей негативных отзывов.

В числе самых первых здесь были Казань и Одесса. Казанская газета “За землю и волю” писала: «Среди двенадцати Блока, быть может, найдутся и оторвавшиеся от сохи, одетые в серые шинели, но большинство из них – фабричные рабочие, те, которые в будни гнули спины у станков и голодали (...) А теперь (...) вспыхнула революция, фабрика, быть может, закрылась, и пошли они “в красной гвардии служить»» (Блокнот. Россия в поэзии Александра Блока. По поводу поэмы “Двенадцать” // За землю и волю. Казань. 1918. № 123. 23/10 июня). Автор статьи так излагает свое понимание идейной сущности поэмы: “Не все они, конечно, служат идейно революции. Вид их весьма неказист, и так естественно шарахнуться от них в темном переулке (...) Но миллионы их, и (...) в душе их зажигается новое слово, они чувствуют веяние нового мира, даже, быть может, смутно признают свое мессианство (...) Сметая все на своем пути, круша и ломая веками создававшуюся жизнь, не знает удержу проснувшаяся в русском человеке душа Стеньки Разина (...) Высокий тон незнакомой светлой песни вторгается в мир через кровь и грязь, разбрызганную двенадцатью” (Там же).

Символом “грядущего освобождения” назвал поэму Блока одесский критик А. Муров: «В крови и страданиях истерзанной и распятой родины» Блоку пригрезилось “чудо из чудес”, и больше того, “чудо это он получил из красногвардейских рук» (Муров А. Поэма революции // Фигаро (Одесса). 1918. № 22. Ноябрь. С. 7). Б. Вальбе полагал, что “дивным прозрением интуиции” поэт заглядывает в будущее и видит там “освобождение человечества” (Вальбе Б. “Двенадцать”. Поэма Ал. Блока // Жизнь (Одесса). 1918. № 23. 2 нояб. С. 11). Высокую оценку дает “Двенадцати” К. Мочульский: “Поэма Блока – самое значительное, быть может, единственное из всего, что создала литература революции” (Поэма разрушения // Одесский листок. 1919. 27/14 сент.). Вологодский критик И. Евдокимов в большой статье «Поэма “Двенадцать” Александра Блока», напечатанной под псевдонимом “А. Георгиев”, писал: «Поэма “Двенадцать” в шуме и суете стремительно несущихся событий даже мало кому известна, но ее огонь, ее отраженное сияние рано или поздно получит всеобщее любовное признание, ибо это гениальная летопись Октября, его создание, наиболее яркое достижение русской литературы в 1918 году. Будущий

историк-художник, Ключевский нового строя делает ее настольной, чтобы яснее и зорче перед ним встало наше бурное, небывалое в истории время, его трепет таинственный и многогранный» (Известия (Вологда). 1919. № 84, 85, 16 и 17 апр.).

Самарский журнал “Зарево заводов” поместил в одном из номеров два материала о “Двенадцати”, привлекая внимание читателей из пролетарской среды к самому факту участия в революции крупнейшего современного поэта: “(...) когда зашумела гроза, когда Россия грозным и дивным виденьем встала на перепутье мира, когда многие, казалось, любящие и любимейшие отреклись от нее, Блок остался с нею (Рязанов Н. Заметки о поэзии Александра Блока // Зарево заводов (Самара). 1919. № 1. С. 60). Второй материал (автор С. Спаский) представляет собой обзор революционной поэзии, в котором, наряду с поэмой Блока, рассматриваются стихи В. Каменского, В. Маяковского, А. Белого, Н. Павлович, С. Есенина, Н. Клюева, М. Герасимова. Творчество этих поэтов противопоставляется поэзии “испугавшейся”, “отошедшей”, “открестившейся” от революции: “Смотрели на кровь рождения, – и со страхом показывали на нее друг другу, не понимая, что вот уже рожден в крови звонкоголосый младенец – новый мир. И только немногие протянули руки и радостно вышли на крутые пути во имя будущего (...) И на этот путь ступил замечательнейший русский поэт Александр Блок, об этом его последняя поэма” (Поэзия в современности // Зарево заводов (Самара) 1919. № 1. С. 64–65).

Панегирики поэме и венчающему ее образу не исключали и резкой разницы в его толковании “Блок революцию приемлет, – писал киевский критик, – ибо для него в революции, лишенной здешнего, земного смысла, есть смысл нездешний. И смысл этот оправдывает революцию. Христос, носитель правды, несознанной революционерами, но ими творимой, Христос, невидимый для своих апостолов, идет впереди восставших и собою оправдывает восстание” (Постова И. Революционная правда в русской поэзии // Рабочий журнал (Киев). 1919. № 1. С. 21).

Согласно Б. Черному из Сызрани, революция, изображенная у Блока – “земная”, “здешняя”, лишенная всякой мистики, хотя Христос и возглавляет революционный дозор: «(...) мировой пожар не озорство, не буйство, и всю серьезность, значительность этого дела Блок подчеркивает двумя словами – “Господи, благослови!” Впереди этого революционного войска (по мнению Блока) идет первый, провозгласивший мировой социализм, – Иисус Христос, а за ним 12 красноармейцев – эмблема красной армии (...)» (Черный Борис. Демократизация поэзии // Отклики (Сызрань). 1919. № 4. С. 17).

О восприятии “Двенадцати” на периферии рассказывает письмо журналиста Ю.А. Никольского из Симферополя: «(...) Я наладился совсем на ориентацию Струве, но вот прочел “Двенадцать” Блока и многое так забурлило, так забурлило, что стены не выдерживают, и этого “швабской крови” не понять. Не правда ли, прекрасная вещь? Но “прекрасное трудно” и немногие поймут, как голосят разные духи в снежной метели. Старушка и “товарищ поп”, все эти Петрухи и главное, главное несравненный язык, в двух или трех местах только срывающийся (например, в стихах о буржое-псе), все это ужели – “идеализация революции”? А если Христос идет, то ведь он *всегда идет* “поступью надвьюжной...” А откуда-то от совдепов: “Революционный держите шаг, неугомонный не дремлет враг”. Это – “революционный”, это “держите шаг” – какой языковой штрих русской революции, погнавший (...) одессизмами (...)» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 479).

Занимаясь в Литературной студии при Доме Искусств в Петрограде (студией руководил К.И. Чуковский), М.М. Зощенко в статье о Блоке “Конец рыцаря печального образа”, написанной для семинарского обсуждения, утверждал: «(...) новое слово в литературе сказали не пролеткультовцы, столь много кричавшие о пролетарской поэзии и пролетарском искусстве, а автор стихов о Прекрасной Даме, одним из первых услышавший “музыку революции”. Ал. Блок написал поэму “Двенадцать” о новом Петербурге после Октября 17 года. И в этой героической поэме казалось все новым от идеи до слов» (цит. по ст.: Зайдман А.Д. Литературные студии // Русская литература. 1973. № 1. С. 145). В.П. Катаев, тогда еще одесский журналист и начинающий писатель, в связи с “Двенадца-

тью” и “Скифами” характеризовал Блока как “настоящий талант {...} среди окружающей пошлости и претенциозности” (*Катаев В.* О новых поэмах Блока // *Огоньки* (Одесса). 1918. № 28. С. 11–12).

В изложении Потресова (Сергея Яблоновского), автора журнала “Руль” (Берлин, 1921), В.Г. Короленко в августе 1918 г. отозвался о “Двенадцати” так: “Если бы не Христос, то ведь картина такая верная и такая страшная. Но Христос говорит о большевистских симпатиях автора” (цит. по кн.: *Новая русская книга* (Берлин). 1923. № 5–6. С. 14).

В день смерти Блока, 7 августа 1921 г., из советской России уехал А.М. Ремизов. Факт этот, как явствует из воспоминаний писателя, не “разъединил” его и поэта, а “навечно” сблизил. Вопреки очевидной противоположности в отношении к революции, Блока и Ремизова глубоко роднила любовь к России, определившая, хотя и по-разному, их творческую и человеческую судьбу. Поэту на долю выпала “вихревая песня о взбаламученной, вздыбившейся России, а мне, – писал Ремизов, – погребальная над красной звуковой отшедшей Русью” (*Ремизов Ал.* АХРУ. Повесть петербургская // Берлин; Пб. Москва: З.И. Гржебин. 1922. С. 18). Любовью к России и Блоку, сохраненной до конца жизни, и объясняется отношение Ремизова к “Двенадцати”. «Редкий вечер не говорили мы с Блоком по телефону, – вспоминает Ремизов. – Однажды он мне сказал, что слышит музыку и пробует писать. Я понял – он в вихре слов, но каких, я не мог себе представить: революция разнослонна. Я в те дни писал прощальное слово о Московской Руси: “Вечная память!” {...} Когда я прочитал “Двенадцать”, меня поразила словесная материя – музыка уличных слов и выражений – подскреб слов неожиданных у Блока {...} В “Двенадцати” всего несколько книжных слов! Вот она какая музыка, подумал я. Какая выпала Блоку удача: по-другому передать улицу я не представляю возможным! Тут Блок оказался на высоте словесного выражения» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 132). Еще при жизни поэта Ремизов стал иллюстрировать поэму, хотел показать рисунок Блоку. «{...} скажите Блоку: – говорил он Е.Ф. Книпович, – нарисовал много картинок, на каждую строчку “Двенадцати” по картинке» (*Ремизов Ал.* АХРУ. Петербургская повесть. С. 15). В десятилетнюю годовщину смерти поэта он издал в единственном экземпляре книгу своих иллюстраций к “Двенадцати” (*РГАЛИ.* Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 37).

Помимо А.А. Ахматовой, З.Н. Гиппиус, Н.С. Гумилева и Ф.К. Сологуба, поэму не принял, с разной степенью активности, еще ряд поэтов.

“Певцом современного сатанизма” объявлял Блока его бывший друг, принявший священнический сан, С.М. Соловьев: “{...} Нам страшно то, что строгий и милосердный Христос заменился слащавым и жестоким лжехристом, национальным богом древней Скифии” (*Соловьев Сергей*, священник. Гонение на церковь // *Накануне*. 1918. № 6, май. С. 7).

Вяч.И. Иванов послал Блоку свою книгу “Младенчество” (Алконост. Пб., 1918) с надписью: “О Боже, возврати любовь и мир в его озлобленную душу”.

В числе первых резко критически отозвался о поэме Г.И. Чулков. В журнале “Народоправство” он назвал Блока безответственным лириком, который не имеет представления о том, что такое революция; “нежную музу” Блока “опоили зельем”, и она, “пьяная, запела, надрываясь, гнусную и бесстыдную частушку”. Чулков писал: “За прекрасным и светлым ангелом революции всегда петушком бежит мелкий бес, кривляка и обезьяна. И если этот спутник революции оттолкнет светлого духа и объявит себя вождем и руководителем, то прощай музыка, о которой мечтает лирик”. Революция, убежден Чулков, “себе изменила”, но Блок этого не понимает, потому что он – “романтик и лирик”, и Бог “простит ему его заблуждение” (*Чулков Георгий*. Красный призрак // *Народоправство*. 1918. № 23–24. С. 15).

В *ЭК*₅₆ Блока от 21 апреля 1918 г. есть помета: «У Любы днем Георгий Иванов (зовет нас выступать на вечер и хочет издавать Двенадцать)». Судя по воспоминаниям Г.В. Иванова, отношение его к поэме было неоднозначным. С одной стороны, он считал, что «независимо от содержания, “Двенадцать”, как стихи, близки к гениальности» (*Иванов*

Георгий. Петербургские зимы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова. 1952. С. 218), с другой – Блок будто бы «понял ошибку “Двенадцати” и ужаснулся ее непоправимости»; «Блок был уже без сознания. Он непрерывно бредил. Бредил об одном и том же: все ли экземпляры “Двенадцати” уничтожены? Не остался ли где-нибудь хоть один? – “Люба, хорошенько поищи, и сожги, все сожги”» (*Там же*. С. 210).

Чуждой самому Блоку считает поэму “Двенадцать” В.Г. Шершеневич: «⟨...⟩ много вспоминается стихов А. Блока, где явственно, с присущим только Блоку сатирическим темпераментом, поэт издевался над революцией ⟨...⟩ И вдруг странная метаморфоза. А. Блок в эсеровских газетах начинает взывать к погрому буржуазии ⟨...⟩ Мы не можем требовать, чтобы поэты были пророками, но воистину позорное и мерзкое зрелище видеть поэтов в роли прихвостней власть имущего!..” (*Шершеневич В. Вдруг революционное // Раннее утро. 1918. № 49. 28/15 марта*).

Шершеневичу отвечал Р. Ивнев: “Вадим Шершеневич пытается бросить тень на имена поэтов, которые имели мужество поплыть против течения буржуазно-интеллигентского большинства русского общества и которые усмотрели в октябрьских днях нечто большее, чем козни большевиков ⟨...⟩ И Блок, и Маяковский были всегда глубоко революционны: они были всегда (может быть, даже бессознательно) яростными врагами всего старого, ветхого, реакционного как в своем творчестве, так и в политике ⟨...⟩” (*Ивнев Р. Поэты и политика // Анархия. 1918. № 32, 31 марта*).

Шершеневич высказывается о “Двенадцати” и позже. В заметке “Путеводитель по поэзии 1918 года”, рекомендуя поэму воронежскому читателю, он писал: «⟨...⟩ Нашумевшая ⟨...⟩ поэма “Двенадцать”, несмотря на хорошую грубость и убедительность темперамента, может быть воспринята как особая форма “поэтического фельетона”, и для нас далеко не ясно, писал ли ее поэт серьезно или с издевкой» (*Огни (Воронеж). 1919, № 2, 3 марта*).

Кратко и недвусмысленно высказался о поэме в своих заметках “Три встречи с Блоком” К.Д. Бальмонт: «⟨...⟩ его жуткая и яркая поэма “Двенадцать” ⟨...⟩ когда-то очень заинтересовала и огорчила меня” (*Звено (Париж). 1921. 23 авг.*).

С развернутыми характеристиками “Двенадцати” выступили Н.Н. Асеев, А.Е. Крученых и М.А. Волошин.

Поэма Блока, по отзыву Н.Н. Асеева, совмещает в себе “все стороны его поэтического дарования” и является неизбежным следствием всего творческого пути поэта. Зачатки “злободневной гражданственности” Асеев усматривает уже в его ранних стихах: “красные лампы”, горевшие “зловещим огнем” современности, вырастают в огромные зарева костров, зажженных перед алтарем его настоящей родины – революции” (*Асеев Ник. Радуга революции. “Двенадцать” А. Блока // Воля (Владивосток). 1919, № 4. 16 окт.*). Асеев называет Блока “поэтом-бунтарем, поэтом-новатором”, который пытался было “уйти от серых будней предгрозового затишья в торжественную мглу средневековья”, но “вдруг почувствовал себя пробужденным в родной ему стихии, живописать которую предназначено ему от рождения” (*Там же*).

А.Е. Крученых в тифлисском “Фантастическом кабачке” прочитал о “Двенадцати” доклад, содержание которого изложено журналом “Орион”: «⟨...⟩ большей правды об этих “хамах”, более беспристрастной и проникновенной правды, чем та, которую сказал в своих Двенадцати Блок, никто никогда не скажет». В поэме, по мнению Крученых, “нет осуждения” и “нет оправдания”, а есть реальное изображение действительности. За шестым красногвардейского дозора видится движение революционных масс. И если вспомнить, что прежде жизнь этих масс протекала “под гнетом правых классов”, то нетрудно понять, почему они примкнули к “вождям идейного большевизма”, почему “бурный протест толпы, выливающийся нередко в уродливые и дикие формы, имеет глубокое и едва ли не законное основание”. Вопреки распространенному мнению о том, что “Двенадцать” – это “поэма разрушения”, Крученых ставит вопрос о созидательной энергии бло-

ковского произведения. Она не вызывает у него сомнений, и о героях поэмы говорится: “Пусть они каторжники от гражданственности (...), но если бы ничего кроме возможного бубнового туза на спинах Блок в них не прозревал, то едва ли предстало бы ему светлое видение Христова шествия сквозь вьюгу, стрельбу и мрак. Эти двенадцать, конечно, – большевизм, хотя, главным образом, только одна его стихия (...) Но Блок ее не отрицает. И я согласен с Блоком” (*Рафалович С.* Крученных и Двенадцать // *Орион* (Тифлис). 1919. № 1. С. 64–66).

“Блок – поэт бессознательный, – писал в пространной статье М.А. Волошин, – и притом поэт всем своим существом, в котором, как в раковине, звучат шумы океанов, и он часто сам не знает, кто и что говорит через него” (*Волошин М.* Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург // *Камена* (Харьков), 1919. Кн. 2. С. 20). Волошин ценит в Блоке не “замыслы” и “намерения”, а “откровения”, то “бессознательное”, что рождается “по ту сторону идей и целей поэта” (*Там же.* С. 12). С этих эстетических позиций и характеризуется в статье поэма в целом. Она “является одним из прекрасных художественных претворений революционной действительности” (*Там же.* С. 13). В ней Блок, по убеждению Волошина, не изменил ни “самому себе, ни своим приемам”, он “написал глубоко реальную (...) лирически-объективную вещь”. Иначе говоря, «Блок, уступивший свой голос большевикам красногвардейцам, остается подлинным Блоком “Прекрасной Дамы” и “Снежной Маски”». Особенно близки Блоку “Двенадцать”, считает автор статьи, “Снежной Маске”. В поэме “та же Петербургская зимняя ночь, та же Петербургская метель с теми ветряными переливами, перезвонами и ледяными колокольчиками, та же симфоническая полнота постоянно меняющихся ритмов, тот же винный и любовный угар, то же слепое человеческое сердце, потерявшее дорогу среди снежных вихрей, тот же неуловимый образ Распятого, скользящий в снежном пламени” (*Там же.*).

Волошин выступил против узко классового трактовки блоковского произведения: “(...) Говорят, что Блок – большевик (...), не думаю, чтобы он мог быть большевиком по программе, по существу, потому что какое дело такому поэту, как Блок, до остервенелой борьбы двух таких далеких ему человечески классов, как так называемые буржуазия и пролетариат, которые свои чисто личные и притом исключительно материальные счета хотят раздуть в мировое событие, при этом будучи в сущности друг на друга вполне похожи как жадностью к материальным благам и комфорту, так и своим невежеством, косностью и полным отсутствием идеи духовной Свободы” (*Там же.* С. 17).

Волошин оспаривает мнение, что Христос появляется в конце поэмы неожиданно. «Он невидимо присутствует и сквозит сквозь наваждения мира, как Прекрасная Дамы сквозит в чертах блудниц и незнакомок. После первого – “Эх, эх без креста” – Христос уже здесь” (*Там же.* С. 16). Красный флаг в руках у Христа – “в этом тоже нет никакой кощунственной двусмыслицы. Кровавый флаг – это новый крест Христа, символ его теперешних распятий”. Не смущает Волошина и тот факт, что “Блок дружит с большевиками”, потому что благодаря этому “из впечатлений того лагеря возникла эта прекрасная лирическая поэма”, являющаяся “милосердной представительницей за темную и заблудшую душу русской разиновщины” (*Там же.* С. 17). Волошин не видит ничего парадоксального в том, что в лирической поэме автор отстраняется от собственного “я”. Блок, читаем мы в конце статьи, “уступил свой голос сознательно глухонемой душе двенадцати великих людей, в темноте вьюжной ночи вершащих свое дело распада и в глубине темного сердца тоскующих о Христе, которого они распинают (...)” (*Там же.* С. 19–20).

Не разделяя определенно проявившейся революционности Блока, все же сумел оценить его поэму и М.А. Кузмин. «Крыло последних лет задело его близко и пророчески. Вся сущность Блока вспыхнула ярчайшим и прекраснейшим пламенем в “Двенадцати”» (*Кузмин М. А.* Блок // *Жизнь искусства.* 1921. № 804. 16–21 авг.).

Несколько неожиданной оказалась оценка поэмы, данная В. Брюсовым: «Самым сильным произведением Блока за революционный период осталась поэма “Двенадцать”,

конечно, антиреволюционная по духу, но где поэт все же соприкоснулся со стихией революции» (*Брюсов В.* Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // Печать и революция. 1922. Кн. 7. С. 50).

М.И. Цветаева в статье “Поэты с историей и поэты без истории” (1933) писала, что на протяжении всего своего пути Блок “не развивался, а разрывался”; путь Блока – «лишь бегство по кругу от самого себя (...) Лишь однажды Блоку удалось убежать от себя – на жестокую улицу Революции (...) В обессиленную физически и надорванную духовно личность Блока ворвалась стихия революции со своими песнями (...) Не забудем, что последнее слово “Двенадцати” Христос – одно из первых слов Блока» (*Цветаева М.* Соч. в двух томах. М., 1980. Т. 2. С. 439).

С.А. Есенин в той ожесточенной полемике, которая развернулась в печати вокруг поэмы “Двенадцать”, выступал всецело на стороне Блока. «Звонил Есенин, – записывает Блок, – рассказывал о вчерашнем “утре России” в Тенишевском зале. Гизетти и толпа кричали по адресу его, А. Белого и моему: “изменники”. Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно» (*ЗК₅₆*. 22 янв. 1918). Травля Блока Мережковскими отразилась позже в черновиках поэмы Есенина “Анна Снегина”:

Возмездье достигло рока,
Рассыпались звенья кольца.
Тогда Мережковские Блока
Считали за подлеца.

.....
“Двенадцать” вовсю гремело,
И разве забудет страна
[Как шла за великое дело]
Как ненавистью вскипела
Российская наша “шпана”.

(*Есенин С.А.* Собр. соч.:
В 6 т. М., 1978. Т. 3. С. 227).

По воспоминаниям И.И. Старцева, Есенин, приступая к написанию драматической поэмы на революционную тему “Страна негодяев” (1922), говорил о трудностях работы и ссылался при этом на поэму Блока: «Обдумывая поэму, он опасался впасть в отвлеченность, намереваясь подойти конкретно и вплотную к описываемым событиям. Ссылаясь на “Двенадцать” Блока, он говорил о том, как легко надорваться над простой с первого взгляда и космической по существу темой» (Воспоминания о Сергее Есенине. Сборник. М., 1965. С. 250).

В восприятии Б.Л. Пастернака Блок ассоциировался с образами стихии – ветра, бури, огня, вихря и т.д. “Черты действительности, – пишет Пастернак, – как током воздуха занесены вихрем блоковской впечатлительности в его книги” (*Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. Л., 1965. С. 694. (Б-ка поэта. Большая серия)). В четырех стихотворных отрывках под общим названием “Ветер” отражено пастернаковское восприятие Блока и его революционной поэмы. Образ ветра становится композиционным и смысловым центром, к которому стягиваются все другие образы:

Он ветрен, как ветер. Как ветер,
Шумевший в имени в дни,
Как там еще Филька-фалетер
Скакал в голове шестерни.

И жил еще дед якобинец,
Кристалльной души радикал,
От коего ни на мизинец
И ветреник внук не отстал.

Тот ветер, проникший под ребра
И в душу, в течение лет
Недоброю славой и доброй
Помянут в стихах и воспет.

Тот ветер повсюду. Он – дома,
В деревьях, в деревне, в дожде,
В поэзии третьего тома,
В “Двенадцати”, в смерти – везде.

В революционных произведениях В.В. Хлебникова (“Ладомир”, “Ночь перед Советами”, “Прачка”, “Настоящее” и др.) дальний отзвук “Двенадцати” явно присутствует. Написанная еще при жизни Блока поэма “Настоящее” (февраль 1921 г.) пронизана народнопесенными и, прежде всего, частушечными ритмами. “Голоса и песни улицы” (название одной из главок поэмы), разноголосица взвихренной России, “столичная голь” переключаются с “гольтьбой” и многоголосием революционного Петрограда в “Двенадцати”. В отдельных местах поэмы обнаруживаются и четко выраженные реминисценции, отсылающие нас к блоковскому первоисточнику. Так, например, знаменитые Петькины возгласы: “Ужь я времячко // Проведу, проведу... <...> Ужь я ножичком // Полосну, полосну!...” – своеобразно интерпретируются у Хлебникова в монологе прачки:

Я бы на живодерню
На одной веревке
Всех господ привела,
Да потом по горлу
Провела, провела!
А белье мое всполосну, всполосну!
А потом господ
Полосну, полосну!
И – их!
– Крови лужица!
– В глазах кружится!

(Хлебников Велимир. Собр. произведений в пяти томах.
Изд-во писателей в Ленинграде
1931. Т. 3. С. 273–274)

Поэма “Двенадцать” и своим содержанием, и своей поэтикой близко затронула В. Маяковского. По предположению В.Н. Орлова (*Орлов Вл. Поэма Александра Блока “Двенадцать”*. М., 1967. С. 190), не исключено, что даже название поэмы “150 000 000” (1919), первоначально озаглавленной “Иван”, Маяковский “дал в порядке полемики с Блоком”: у Блока героями нарождающегося нового мира оказываются двенадцать красногвардейцев, у Маяковского – весь российский народ; Ванька в “Двенадцати” – “сукин сын”, “буржуй”, Иван в “150 000 000” – эпический колосс, выступающий даже не от имени всего народа, а как бы самим народом (“Россия вся – единый Иван”).

Первое дошедшее до нас непосредственное высказывание Маяковского о “Двенадцати” относится к маю 1921 г., когда Блок выступал на вечерах поэзии с чтением своих стихов в Москве. На одном из таких вечеров, 5 мая 1921 г. в Доме печати, присутствовал Маяковский. К.И. Чуковский, выступивший перед чтением стихов с лекцией о Блоке, так передает впечатления от этого вечера: “Лекция о Блоке прошла оживленно. Слушали хорошо, задавали вопросы. <...> Блок читал, читал без конца <...> и имел огромный успех. <...> На лекции был Маяковский <...>; все наше действо казалось ему скукой и смертью. Он зевал, подкашивал вперед рифмы и ушел домой спать”. Через несколько месяцев, вспомнив о том вечере, Чуковский снова записывает: «Только что вспомнил <...>, что Маяковский в прошлом году в мае страшно бранил “Двенадцать”

Блока. Фу, какие немощные ритмы» (Из дневника К.И. Чуковского // *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 256–258).

Однако в статье “Умер Александр Блок” Маяковский называл творчество Блока “целой поэтической эпохой”, оказавшей “огромное влияние на всю современную поэзию”. Блок “честно и восторженно подошел к нашей великой революции”, но «тонким, изящным словам символиста не под силу было выдержать и поднять ее тяжелые реальнейшие, грубейшие образы. В своей знаменитой, переведенной на многие языки поэме “Двенадцать” Блок надорвался» (*Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 21).

В этой же статье Маяковский вспомнил о своей встрече с Блоком: «Помню, в первые дни революции проходил я мимо худой, согнутой солдатской фигуры, греющейся у разложенного перед Зимним костра. Меня окликнули. Это был Блок. Мы дошли до Детского подьезда. Спрашиваю: “Нравится?” – “Хорошо”, – сказал Блок, а потом прибавил: “У меня в деревне библиотеку сожгли”».

Вот это “хорошо” и это “библиотеку сожгли” было два ощущения революции, фантастически связанные в его поэме “Двенадцать”. Одни прочли в этой поэме сатиру на революцию, другие – славу ей.

Поэмой зачитывались белые, забыв, что “хорошо”, поэмой зачитывались красные, забыв проклятие тому, что “библиотека сгорела”. Символисту надо было разобраться, какое из этих ощущений сильнее в нем. Славить ли это “хорошо” или стенать над пожарищем, – Блок в своей поэзии не выбрал” (*Там же*. С. 21–22). Именно поэтому Маяковский назвал эпоху Блока “эпохой недавнего прошлого” (*Там же*).

Маяковский ищет диалога с Блоком, воссоздает сходные интонационные и звукоподражательные образы, рисуя такую же, как в “Двенадцати”, взвихренную картину революционной действительности. Обосновывая права гражданства нового языка поэзии, рожденного революцией и питаемого “корявым говором миллионов”, Маяковский в статье “Как делать стихи?” апеллирует к “Двенадцати” и приводит в качестве примера вместе со своими стихами из “Левого марша” (“Разворачивайтесь в марше!”) блоковские строки: “Революционный держите шаг!” и “Неугомонный не дремлет враг!” (*Маяковский В.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 85).

По свидетельству Н.А. Павлович, Блок с интересом относился к пролетарским поэтам, в них он думал «найти звук той стихии, которая заговорила с ним в 18-м году голосом “двенадцати”» (*Павлович Н.* Из воспоминаний об Александре Блоке // *Феникс*. М., 1922. Кн. 1. С. 155). Сами же эти поэты проявляли к Блоку сдержанность.

Н.Г. Полетаев, например, в письме к А. Белому так высказался о поэме: «Как беспомощна в сравнении с Вашей поэмой блоковская “Двенадцать”, как она реалистически протокольна и идейно беспомощна» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 484). Сторонним наблюдателем Октября охарактеризовал автора “Двенадцати” критик М. Торov, противопоставляя поэме Блока книгу революционных стихов В. Князева “Красное Евангелие”: «Сравнивая эту книгу с такой любопытной и тонкой попыткой поэта-интеллигента схватить дух октябрьской революции, как “Двенадцать” А. Блока, убеждаешься, насколько реальнее, проще, подлиннее “октябрь” В. Князева, нежели причудливо дополненные воображением наблюдения Блока со стороны» (*Вестник жизни*. 1918. № 2. С. 115).

Д. Бедный отнесся к поэме иначе, охарактеризовав ее словами: “Сильная вещь, революционная”. «Когда я читал, – говорил он, выступая перед молодыми писателями в 1933 г., – я подумал: “Какой у меня хороший ученик появился. Блок написал по-моему”. Когда эта поэма проскочила за кордон, то меня крыли за слова: “Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем”, и только через полтора месяца узнали, что это Блок написал. Он своим крупным чутьем угадал этот стиль. Значит, я правильно нащупал свой путь» // (*Бедный Демьян*. Революция дала нам правильную походку // *Неделя*. 1963. № 11. С. 3).

Блок был знаком с софийским издателем “Двенадцати” П.П. Сувчинским. В первой половине 1918 г., после выхода поэмы в свет, не раз встречался с ним, говорил по телефо-

ну. Есть основание предполагать, что в беседах речь шла и о “Двенадцати”. Написанное к софийскому изданию предисловие отбрасывает свет и на содержание бесед поэта и критика. «Сущность поэмы, – считает Сувчинский, – в трепетной первой части. Великое смятение, когда, казалось, все перестало стоять на ногах, все опрокинулось среди ветряной ночи “всего божьего света”, и одновременная растерянность всего “сознательного”, жалкая, неуклюжая, трусливая растерянность, бесстыдная даже – восчувствованы и претворены удивительно. Все “сознательное” скользит, падает, шарахается в сторону, хоронится, шепчется, в то время как ветер бесцеремонно “рвет, мнет и носит” последний символ прошлого “сознательного” владычества – большой плакат: “Вся власть Учредительному собранию”. Лишь двенадцать “бессознательных” человек, которым “ничего не жаль”, которые “ко всему готовы”, устояли и идут против ветра и бури, среди огней и метели, да бродяга, один на опустевших улицах, как ведущий призраком возвещает “черное, черное небо”, “черную злобу, святую злобу” грядущих дней {...} А. Блоку стало скучно, душно в мире своих чувственных видений и призраков. {...} С самим собой стало страшно. Хотелось чужого буйства, быть больше наблюдателем, чем самому переживать, А. Блок хотел вырваться из этого кольца, отрекаясь от прежних соблазнов эстетизма. Хотелось разрыва, но вышло продолжение. Желанного примитива в частушках “Двенадцати” нет, а есть, как всегда у Блока, чувственно-утонченное изображение любовного разгула...”» (Блок А. Двенадцать / С предисл. П. Сувчинского. София: Русско-болгарское книгоиздательство, 1920. С. 9–11).

Ряд откликов касались поэтики Блока.

18 сентября 1918 г. В.М. Жирмунский писал Б.М. Эйхенбауму: “У меня об Ахматовой и Блоке были любопытные идеи, но некогда работать и записывать их” (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр 432. Л. 15). Только в год смерти поэта Жирмунский смог приступить к работе о Блоке, в которой поделился своими идеями и относительно поэтики “Двенадцати”. Он оппорил утверждение Эйхенбаума. «Когда появилась поэма “Двенадцать”, некоторые критики указывали на то, что Блок становится здесь учеником Маяковского, очевидно – в фактуре стиха и в употреблении рифмы. Эти указания {...} совершенно несправедливы. Своеобразная художественная сила поэмы Блока, не имеющей в этом отношении ничего равного в русской поэзии, заключается в создании впечатления грандиозного неразрешенного диссонанса, как в современной музыке. На первом месте – указанный выше диссонанс в самом тематическом содержании – взлеты восторга, упоение разливом бунтарской стихии (“Пальнем-ка пулей в Святую Русь...”) и безнадежная тоска, господствующая над всеми взлетами чувства. Рядом с этим – кричащие противоречия в выборе словарного материала: в иррациональный, метафорический стиль современного поэта-романтика врываются неканонизированные, как бы еще не обработанные в художественном отношении элементы грубой повседневной речи, словесные обороты фабричной частушки и нового революционного языка. Наконец, решительное разрушение привычно гармонического и симметричного строения русского классического стиха: ритмическая свобода звуковых рядов, построенных по чисто тоническому принципу, меняющихся по числу ударений и по характеру стихотворного окончания; в связи с этим – деформация обычной строфы из четырех стихов с перекрестными рифмами в более свободные и изменчивые строфические образования и деканонизация точной рифмы со всем разнообразием своих приемов. Все эти элементы диссонанса, возведенного в главенствующий художественный принцип, были уже в творчестве самого Блока: расширение поэтического словаря “неканоничным” материалом – в цыганских и “реалистических” стихах третьего тома, деканонизация старых метрических норм и точной рифмы во второй книге, в особенности в отделах “Пузыри земли” и “Снежная маска”, где многое предвосхищает поэму “Двенадцать”. В этом смысле Блок отнюдь не ученик, а скорее учитель футуристов» (Жирмунский В.М. Поэтика Александра Блока // Теория литературы. Поэтика. Стилистика Л., 1977. С. 236–237).

Отметим также наблюдение Ю.Н. Тынянова, сделанное в 1921 г.: «{...} в “Двенадцати” последняя строфа высоким лирическим строем замыкает частушечные, намеренно

площадные формы. В ней не только высший пункт стихотворения – в ней весь эмоциональный план его, и, таким образом, самое произведение является как бы вариациями, колебаниями, уклонениями от темы конца» (*Тынянов Ю.* Проблемы стихотворного языка. М., 1965. С. 258).

Образ автора в художественной структуре поэмы рассматривал воронежский критик В. Матвеев. Он не сомневается, что Блок – на стороне революции. Однако открытого авторского отношения к происходящему в поэме нет. “Есть только революция. Художник, так сказать, вошел в свое создание, тесно слился с ним в один феномен бытия. Растворился, уничтожился (...). Тем подлиннее вышло произведение. Тем яснее выявилась революция. Предстала (...) такою, какая есть она на самом деле” (*Матвеев В.* Поэма А. Блока “Двенадцать” // Свободный час (Воронеж). 1919. № 1. С. 23).

В конце статьи “Радуга революции” Н. Асеев пытался понять своеобразие ритмической основы “Двенадцати”: “Не говоря о том, кто первый разбил традицию единообразия метрического вида произведения, мы опять-таки укажем, что сама жизнь заставила поэта прибегнуть к применению раздробленных ритмов, сама жизнь, не могущая, очевидно, вкладываться в спокойные рамки закрепленных форм поэтики сонета, рондо, триолета, баллады, и более того, также жизнь заставила Блока уйти от заранее заданного размера. Ямб, хорей, анапест, амфибрахий – ни один из них не удовлетворил поэта, он принужден был смешать их в общую массу строк, чтобы вылепить, не руководствуясь пропорциями размеров, асимметричное лицо своего времени” (Воля (Владивосток). 1919. № 5. 17 окт.).

В статье “А. Блок” О.Э. Мандельштам подчеркнул историческую проницательность автора “Двенадцати”: “Не надивисься историческому чутью Блока. Еще задолго до того, как он умолял слушать музыку революции, Блок слушал подземную музыку русской истории, там, где самое напряженное ухо улавливало только синкопическую паузу” (Россия. 1922. Кн. I. С. 28). “Двенадцать” – поэма о революции, и вместе с тем в вопросах стиля, считает Мандельштам, Блок и в этом произведении остается “просвещенным консервативом” (*Там же.* С. 29). Поэма Блока – «не что иное, как применение независимо от него сложившегося и ранее существовавшего литературного канона, а именно частушки. Поэма “Двенадцать” – монументальная драматическая частушка. Центр тяжести – в композиции, в расположении частей, благодаря которому переходы от одного частушечного строя к другому получают особую выразительность, и каждое колено поэмы является источником разряда новой драматической энергии, но сила “Двенадцати” не только в композиции, но и в самом материале, почерпнутом непосредственно из фольклора. Здесь схвачены и закреплены крылатые речения улицы, нередко эфемериды-однодневки вроде: “у ей керенки есть в чулке”, и с величайшим самообладанием вправлены в общую фактуру поэмы. Фольклористическая ценность “Двенадцати” напоминает разговоры младших персонажей в “Войне и мире”. Независимо от различных толкований, поэма “Двенадцать” бессмертна, как фольклор» (*Там же.*)

Действие поэмы происходит на улицах революционного Петрограда в первые дни января 1918 г., о чем косвенно свидетельствует упомянутый в первой главе поэмы плакат с лозунгом “Вся власть Учредительному Собранию!” Такие плакаты эсеры вывесили на улицах города 3 и 4 января 1918 г.

Ст. 1–2. Черный вечер. // Белый снег. Ст. 78. Черное, черное небо. – Подчеркнутая “чернота” вечернего Петрограда исключительно важна в поэме. В статье “Катилина”, близкой по пафосу к поэме “Двенадцать”, и в статье “Интеллигенция и революция” Блок воссоздает картину ночного города, на фоне которого рисуется действие во главе с “римским большевиком” Катилиной. Причем картине этой, при всей ее конкретности, поэт придает обобщенный смысл: “Представьте себе (...) темные улицы большого города, в котором часть жителей развратничает, половина спит, немногие мужи совета бодрствуют, верные своим полицейским обязанностям, и большая часть обывателей, как и всегда и

езде, не подозревает о том, что в мире что-нибудь происходит <...> Вот на этом-то черном фоне ночного города (революция, как все великие события, всегда подчеркивает черноту) – представьте себе ватагу, впереди которой идет обезумевший от ярости человек <...> в поступи этого человека – мятеж, восстание, фурии народного гнева” (СС-8₆, С. 84–85).

Ст. 1–6. Черный вечер ~ На всем Божьем свете! – Город Блока неотделим от ощущения катастрофичности свершающегося вселенского сдвига; в восприятии поэта он ассоциировался с природными стихиями – бури, ветра, снега, вьюги. В статье “Интеллигенция и революция”, писавшейся в те же дни, что и поэма, Блок утверждает: «Россия – буря. Демократия приходит “опоясанная бурей”, говорит Карлейль» (СС-8₆, С. 9). А в «Записке о “Двенадцати”» читаем: «<...> поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносющийся революционный циклон производит бурю во всех морях – природы, жизни и искусства <...> Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугую над ними. Я смотрел на радугу, когда писал “Двенадцать” <...>» (СС-8₃, С. 474). О соотносимости этих мотивов поэмы с апокалиптической атмосферой “Тьмы” Байрона см.: *Небольсин С.А.* Байрон и русские писатели конца XIX – начала XX вв. // Великий романтик. Байрон и мировая литература. М., 1991. С. 192.

Ст. 16. “Вся власть Учредительному Собранию!” – Учредительное собрание – парламентское учреждение. Заседание его проходило 5 января 1918 г. в Таврическом дворце в Петрограде. В ночь с 6 на 7 избранное населением Учредительное собрание декретом ВЦИК было распущено.

В день созыва Учредительного собрания Блок записывал в дневнике: «Почему “учредилка”? Потому что – как выбираю я, как все? Втемную выбираем, не понимаем. И почему другой может за меня быть? Я один за себя. Ложь выборная (не говоря о подкупах на выборах, которыми прогремели все их американцы и французы). <...> Инстинктивная ненависть к парламентам, учредительным собраниям и пр. Потому что рано или поздно некий Милюков произнесет: “Законопроект в третьем чтении отвергнут большинством”» (см. т. 12 наст. изд. Ср. в статье “Интеллигенция и революция” – т. 9 наст. изд.).

Ст. 27–30. Ветер хлесткий! ~ В воротник упрятал нос. – С присущей ему точностью Блок рисует реальную погоду первой декады января 1918 г.: 1 января: “Страшный мороз <...>” 3 января: “К вечеру – ураган (неизменный спутник переворотов)”. 5 января: “Аэроплан летает, несмотря на сильный мороз <...>” 6 января: “К вечеру – циклон”. 13 января: “Оттепель, ветер” (ЗК₅₆).

Ст. 31–36. А это кто? – Длинные волосы ~ Вития... – Оценку возгласам о гибели России Блок дает в статье “Интеллигенция и революция” (т. 9 наст. изд.) и в дневнике от 5 января 1918 г.

Ст. 37–44. А вон и долгополый ~ Брюхо на народ? – На 1-м Всероссийском поместном соборе Русской православной церкви (авг. 1917– сент. 1918) революция объявлялась “нашествием антихриста, беснующимся безбожием”. Декретом от 20 января 1918 г. церковь отделялась от государства, церковные и религиозные общества лишались права собственности. В январе 1918 г. Собор призвал верующих не подчиняться декретам советской власти. Ср. также суждения Блока о духовенстве в статье “Интеллигенция и революция”.

Ст. 82. Товарищ!... – С разными оттенками смысла слово “товарищ” встречается в поэме восемь раз. В статье “Памяти Августа Стриндберга” Блок это слово называет “именем” и пишет, что “теперь <...> оно особенно близко и нужно нам; с ним связаны заветные мысли о демократии; это – самое человеческое имя сейчас; брат и учитель – имена навсегда; сейчас, может быть, многим дороже имя товарищ: открытый и честный взгляд; правда, легко высказываемая в глаза; правый мир и правая ссора; пожатие широкой и грубой руки. Пока люди таковы, каковы они есть, ребячески неискренни и боязливы в выражении своих чувств, прекрасна форма общения, выражаемая словом товарищ” (СС-8₅, С. 468). В статье “Интеллигенция и революция” сказано: «Не стыдно ли прекрасное слово “товарищ” произносить в кавычках?» (СС-8₆, С. 19). Слово “товарищ” употреблено и в “Скифах”.

Ст. 85. Идут двенадцать человек. – Дозоры красногвардейцев после Октябрьского переворота постоянно несли караульную службу. Первичной организационной единицей Красной гвардии был десяток (чаще всего двенадцать бойцов плюс командир), четыре десятка составляли взвод, четыре взвода объединялись в дружину, а три дружины – в батальон (до шестисот человек) (Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 298). Общая сакральность числа “12” в мировой традиции (включая численность Христовых апостолов) поддерживается и подтекстом полночного рубежа дня и ночи. Это восходит, в пределах русского “серебряного века”, к политической лирике Брюсова (“Июль 1903”): “пробил последний, двенадцатый час... часы мировые окликнули нас... в грозную полночь окликнул нас зов (см. об этом: *Небольсин С.* Стилевые процессы и стилиевые традиции // Многообразие стилей советской литературы. Вопросы типологии. М., 1978. С. 47).

Ст. 88. На спину б надо бубновый туз! – Бубновый туз – красный или желтый лоскут в виде ромба на одежде каторжника (на спине).

Ст. 95. Керенки – бумажные деньги, выпускавшиеся в больших количествах при Временном правительстве Керенского и имевшие хождение в 1917–1920 гг.

Ст. 97. Был Ванька наш, а стал солдат! – То есть из красногвардейцев перешел в солдаты Керенского – ударные батальоны, которые формировал Керенский.

Ст. 98–99. – Ну, Ванька, сукин сын, буржуй, // Мою, попробуй, поцелуй! – Петька и Катька до появления “буржуя” Ваньки составляют пару, к которой приложимо суждение Блока о матросе и проститутке: «Матрос и проститутка были, есть и будут неразрывной классической парой, вроде Арлекина и Коломбины, пока существуют на свете флот и проституция; и если смотреть на это как на великое зло – и только, то жизни никогда не поймешь, никогда прямо и честно в ее лицо – всегда полузаплеванное, полупрекрасное – не посмотришь. Мы все отлично, в сущности, знаем, что матрос с проституткой нечто совершенно иное, чем “буржуй” с той же самой проституткой, что в этой комбинации может не быть тени какой бы то ни было грязи; что в ней может быть нечто даже очень высокое (...» (“О репертуаре коммунальных и государственных театров”).

С появлением Ваньки (*ст. 94*) складывается так называемый любовный треугольник – “он” (Петька), “она” (Катька) и “третье лицо” (Ванька), перекликающийся с классическим треугольником блоковской пьесы “Балаганчик”: Пьеро–Коломбина–Арлекин. «“Двенадцать” связаны с “Балаганчиком” текстуально: мотив гибели “картонной невесты” Пьеро, которая мчалась с Арлекином в “извозчичьих санях” и затем “упала в снег”, – повторяется, с многочисленными текстуальными параллелями, в драматической кульминации “Двенадцати”. Следы трактовки Арлекина как двойника Пьеро можно видеть в портрете Ваньки, который дан глазами Петрухи (“Вот так Ванька – он плечист! // Вот так Ванька – он речист!”)» (*Гаспаров Б.М., Лотман Ю.М.* Игровые мотивы в поэме “Двенадцать” // *Тезисы.* С. 53). См. также коммент. к ст. 164 и 199–200.

Ст. 107–108. Революционный держите шаг! // Неугомонный не дремлет враг! – На 9 января, в день тринадцатой годовщины “Кровавого воскресенья”, защитники Учредительного собрания готовили новое выступление. “При малейших попытках контрреволюционного мятежа, – говорилось в Обращении к населению Чрезвычайной комиссии, – революционные караулы будут действовать со всей решительностью (...) Гражданин, никаких выступлений, самосудов, выстрелов. Советская власть ждет от вас выдержки, спокойствия, твердости” (Листовки петроградских большевиков, 1917–1920. Л., 1957. Т. III. С. 148–149).

Ст. 110–113. Пальнем-ка пулей ~ “в толстозадую!.. – Сарказм насчет толстозадости России “восходит, возможно, к “Русским сказкам “Горького (лето 1917 г.), где необъятная толщина бабы Матрены, символизирующей Русь, есть, в свою очередь, полемика с тютчевским: “Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...” (Ср.: *Горький А.М.* Полн. собр. соч.: В 25 т. М., 1971. Т. 12. С. 234; *Небольсин С.* Прошлое и настоящее. М., 1986. С. 65, 289).

Ст. 122. Австрийское ружье! – Оружие, оставшееся от австрийцев, сдававшихся в плен в годы первой мировой войны.

Ст. 123–126. Мы на горе всем буржуям ~ Господи, благослови! – В заметках по поводу трактата Р. Вагнера “Искусство и Революция” в марте 1918 г. Блок употребляет выражение “мировой пожар” – в связи с революцией в Европе в 1848 г. (см. статью “Искусство и революция” в т. 10 наст. издания).

Ст. 127–130. Снег крутит, лихач кричит ~ Электрический фонарик // На оглобельках... – Такой фонарик в то время составлял гордость петроградских лихачей. Ср. у В. Шкловского – в повести “Жили-были”: “Потом появились лихачи. В дышлах выездов горела маленькая электрическая лампочка: она соединяла конскую морду и пар из ноздрей, сгущающийся на морозе, в круглое ослепительное пятно. Этот круг закрепился в памяти, потому что попал в стихи Блока” (*Шкловский В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1973. Т. 1. С. 52).

Ст. 143–144. Ах ты, Катя, моя Катя, // Толстоморденькая... – В письме к Ю.П. Анненкову, первому иллюстратору “Двенадцати”, Блок писал (12 августа 1918 г.) по поводу своей героини: «...Катюшка – здоровая, толстомордая, страстная, курносая русская девка: свежая, простая, добрая – здорово ругается, проливает слезы над романами, отчаянно целуется (...) Рот свежий, “масса зубов”, чувственный (...) “Толстомордость” очень важна (здоровая и чистая, даже – до детскости)».

Ст. 164. Шоколад Миньон жрала. – Строка введена в чистовик поэмы по совету жены автора – «вместо ею же уничтоженной “Юбкой улицу мела”» (*ЗК₅₆*). Л.Д. Блок указала поэту, что подобные Катюшке особы носят, по моде того времени, короткие юбки. Длинная же юбка влекла бы за собой “цыганский” мотив, увязывающий Катюшку в драматичном треугольнике между Петрухой и Ванькой с образом, восходящим к циклу “Кармен” 1914 г. См. об этом: *Небольсин С.* Прошлое и настоящее. М., 1986. С. 62, 65, 159–160. См. также коммент. к ст. 199–200.

Ст. 195–198. – Что, товарищ, ты не весел? ~ Или Катюшку пожалел? – Ср. с частушкой:

Что, товарищ, ты не весел,
Али на сердце печаль?
Не одну ль с тобою любим,
Не тебя ли пуще жаль?

(Русский фольклор. Материалы и исследования. III.
М.; Л.: АН СССР. 1958. С. 223)

Ст. 199–200. – Ох, товарищи, родные, // Эту девку я любил.. и ст. 238–239. Ужь я ножичком // Полосну, полосну!.. – Противоречивое единство образа Петьки, “любовь” и “кровавый хмель” в одном лице отвечает смыслу блоковской концепции революции. В статье “Стихия и культура”, вскрывая внутреннее родство двух противоположных по значению песен (сектантской про “святую любовь” и молодецкой про “ножики литые”), Блок в духе романтического максимализма приходит к выводу: «В дни приближения грозы сливаются обе эти песни: ясно до ужаса, что те, кто поет про “литые ножики”, и те, кто поет про “святую любовь”, – не продадут друг друга, потому что – стихия с ними, они – дети одной грозы (...)». Эта мысль, высказанная поэтом в 1908 г., дополняется двумя другими, относящимися к январю 1918 г. Одну из них воспроизводит К.И. Чуковский. В споре об Октябрьской революции Блок сказал: “А я у каждого красногвардейца вижу ангельские крылья за плечами” (*Чуковский К.* Александр Блок как человек и поэт. Пг.: А.Ф. Маркс. 1924. С. 21). О втором высказывании Блока вспоминает С. Анисимов: “В России чувство бунта всегда было святым (...) Я вижу нимб вокруг юного лица революции” (из кн.: *Орлов Вл.* Поэма Александра Блока “Двенадцать”. М., 1967. С. 206).

«Любовь красноармейца Петрухи к проститутке Кате, – писал В.М. Жирмунский в статье “Поэзия Александра Блока”, – внезапно вырастающая до размеров центрального

события “политической” поэмы, рассказана еще прежде в его цыганских стихах. Это – духовный максимализм в любви, который описал Достоевский словами Дмитрия Карамазова о Грушеньке (“у Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела...”) и который увлекает нас в любовной лирике III тома: “Ой, товарищи, родные, // Эту девку я любил...” (Об А. Блоке. С. 99).

Ст. 199–202. – *Ох, товарищи, родные ~ С этой девкой проводил...* и ст. 209–210. – *Ишь, стервец, завел шарманку, // Что ты, Петька, баба что ль?* – В диалоге Петьки с товарищами угадываются мотивы народной песни о Стеньке Разине – ср.: “Ночку с бабой провозжался – Сам наутро бабой стал” (см.: *Гаспаров Б.М., Лотман Ю.М.* Игровые мотивы в поэме “Двенадцать” // *Тезисы*. С. 55).

Ст. 205. *Из-за родинки пунцовой...* – По мнению И. Бунина, эта пунцовая родинка выдает в образе Петрухи не натуральную народность, а чисто блоковский “декадентский” лиризм (Бунин И. Воспоминания. Париж, 1950. С. 218–220; см. также: *Небольсин С.* Прошлое и настоящее. М., 1986. С. 64–65, 160).

Ст. 232–238. *Ужь я времячко ~ Ужь я ножичком...* (ср. ст. 47 – *Ужь мы плакали, плакали...*) – В обоих алконостовских изданиях поэмы “Двенадцать” 1918 г. наречие “уж” было напечатано с мягким знаком (“ужь”). К.И. Чуковский в разговоре с Блоком спросил: “Почему вы пишете ужь, а не уж?” Тот ответил: “Буренин высмеял стихотворение, где уж, приняв за живого ужа” (Из дневника К.И. Чуковского // *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 254).

Ст. 234–235. *Ужь я темячко // Почешу, почешу...* – На воровском жаргоне “почесать темя” значит “убить”. Ср. в поэме В. Каменского “Степан Разин”:

Ядреный лапоть,
Чеши затылок
у подлеца.

Зачнем
С низовья
Хватать,
Царапать

И шкуру драть –
Парчу с купца.

(*Долгополов Л.* Поэма Александра Блока
“Двенадцать”. Л., 1979. С. 58)

Ст. 246–248. *Не слышно шуму городского ..* и т.д. – Вариация начальных строк петербургского романа на слова Ф.Н. Глинки “Песнь узника” (1831):

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина,
И на штыке у часового
Горит двурогая луна.

«С “невской башней” принято связывать здание бывшей городской думы на Невском проспекте, верхняя часть которого (башня) возвышалась над окружающими зданиями» (*Долгополов Л.* “Двенадцать” А. Блока в издании “Алконоста”. М., 1980. С. 18).

Ст. 249. *Гуляй, ребята, без вина!* – Ко времени Октябрьской революции в Петрограде насчитывалось 570 винных складов и погребов, крупнейший из них – под зданиями Зимнего дворца и Эрмитажа. В ноябре начались “пьяные погромы”. Чтобы погасить пьянство и предотвратить взрыв Зимнего дворца, в ноябре 1917 г. Особый комитет по борьбе с пьяными погромами приказал отрядам наиболее сознательных балтийских матросов уничтожить запасы вина.

Ст. 252–257. *А рядом жметесь шерстью жесткой ~ Стоит за ним, поджавши хвост, ст. 303–311. Только нищий пес голодный ~ Пес холодный – пес безродный... и ст. 328. Позади – голодный пес.* – Многократно возникающий в поэме образ пса олицетворяет собой прежде всего отживающий мир (“Стоит буржуй, как пес голодный”, “Старый мир, как пес паршивый”). Помимо этого, однако, образ включает в себе и другой – философско-символический смысл. На следующий день после окончания поэмы, 29 января 1918 г., Блок помечает: “Я понял Faust’a. Knipte nicht, Pudel!” (ЗК₅₆). “Не ворчи, пудель” – с этими словами (пер. Н. Холодковского) главный герой “Фауста” Гете обращается к пуделю, который вскоре на глазах у изумленного Фауста превратится в злого духа, в дьявола, Мефистофеля. Как и в трагедии Гете, пес в поэме Блока – “выразитель темной, иррациональной стороны мира, взятой в ее извечном противостоянии стороне светлой, гармонической”, “извечное мировое зло в его противостоянии мировому добру (Пес – Христос)” (подробней об этом см. в кн.: Долгополов Л. Поэма Александра Блока “Двенадцать”. С. 92–95).

Ст. 274–275. *Вперед, вперед, вперед, // Рабочий народ!* – Вариация двух последних строк припева революционной песни “Варшавянка” – вольный перевод, выполненный Г.М. Кржижановским, польской патриотической песни на слова В. Свенцицкого (1883):

Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Ст. 297. *...Вдаль идут державным шагом.* – О связи “державного шага” дозорных в “Двенадцати” со стих. бельгийца Э. Верхарна “Шаги” (Блок перевел его в 1905 г. и опубликовал перевод в 1918 г.) см.: Блок А. Собр. соч.: В 6 т. М.; 1971. Т. 2. С. 337; Т. 3. С. 353; Небольсин С. Прошлое и настоящее. С. 300.

Ст. 327–335. *...Так идут державным шагом ~ Впереди – Исус Христос.* – О возникновении образа Христа в поэме Блок рассказал С. Алянскому 12 августа 1918 г.: “Случалось ли вам ходить по улицам города темной ночью в снежную метель или в дождь, когда ветер рвет и треплет все вокруг? Когда снежные хлопья слепят глаза?”

Идешь, едва держась на ногах, и думаешь: как бы тебя не опрокинуло, не смело... Ветер с такой силой раскачивает тяжелые висячие фонари, что кажется, вот-вот они сорвутся и вдребезги разобьются.

А снег вьется все сильней и сильней, завивая снежные столбы. Вьюге некуда деваться в узких улицах, она мечется во все стороны, накапливая силы, чтобы вырваться на простор. Но нет простора. Вьюга крутится, образуя белую пелену, сквозь которую все окружающее теряет свои очертания и как бы расплывается.

Вдруг в ближайшем переулке мелькнет светлое или освещенное пятно. Оно маячит и неуверенно тянет к себе. Быть может, это – большой плещущий флаг или сорванный ветром плакат?

Светлое пятно быстро растет, становится огромным и вдруг принимает неопределенную форму, превращаясь в силуэт чего-то идущего или плывущего в воздухе.

Прикованный и замороженный, тянешься за этим чудесным пятном, и нет сил оторваться от него.

Я люблю ходить по улицам города в такие ночи, когда природа буйствует.

Вот в одну такую на редкость вьюжную зимнюю ночь мне и привиделось светлое пятно; оно росло, становилось огромным. Оно волновало и влекло. За этим огромным мне мыслились Двенадцать и Христос” (БС-1. С. 444–445).

В более ранние годы Блок неоднократно обращался к образу Христа. В стих. “О легендах, о сказках, о тайнах...” (1902) говорится о Христе, пронесшем “вихри”:

О легендах, о сказках, о тайнах.
Был один Всепобедный Христос.
На пустынях, на думках случайных
Начертался и вихри пронес.

Весьма и содержательной представляется параллель между финалом “Двенадцати” и первым из цикла стихотворений “Осенняя любовь” (1907). В обоих произведениях Христос оказывается причтенным к миру отверженных и распятых. В стихотворении со страждущим нетерпением выражается надежда на сопричастность Христа “распятой высоте”, “восторгу мятежа” лирического героя Блока:

В глазах – такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой – будет ли причален
К моей распятой высоте?

Русская литературная традиция знает многочисленные примеры использования образа Христа как символа обновляющейся жизни, бунтарского духа. В стихотворном послании будущему декабристу В.Л. Давыдову Пушкин, выражая надежду на подобное, писал в 1821 г.:

Ужель надежды луч исчез?
Но нет! – мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся –
И я скажу: Христос воскрес.

В статье А. Бестужева-Марлинского 1833 г. о романе Н. Полевого “Клятва при гробе Господнем” образ Христа непосредственно увязывается с идеями революции. Отрывок о Христе, вырезанный цензурой из этой статьи, был впервые опубликован в блоковское время Н. Котляревским в книге “Декабристы” (СПб., 1907; см.: *Небольсин С. Александр Блок в современном западном литературоведении* // *Вопр. лит.* 1968. № 9. С. 195). С жертвенной деятельностью революционного демократа связывается образ Христа в стих. Некрасова о Чернышевском:

Его еще покамест не распяли,
Но час придет – он будет на кресте;
Его послал Бог гнева и печали
Царям земли напомнить о Христе.

Близкий Блоку Аполлон Григорьев награждает “спасителя” качествами бунтаря в стих. “Воззвание”:

Встань, о Боже! – не для них,
Рабов греха, жрецов кумира,
Но для отпадших и больных,
Томимых жаждой чад твоих, –
Встань, встань, спаситель мира!..

“Сыном толпы”, противостоящим сильным мира сего, предстает Христос в стих. А. Григорьева “Нет, не рожден я биться лбом...” (см.: *Орлов Вл. Поэма Александра Блока “Двенадцать”*. С. 106).

В стих. В. Крестовского “Париж. Июль, 1848” на баррикадах среди восставших оказывается Христос:

(...) там уж последний упал –
Конец их безумной надежде;
Но кто-то над павшими встал
В сияющей белой одежде:

Над облаком дыма, во мгле,
Стоял он на той баррикаде
С терновым венком на челе
И с мукой предсмертной во взгляде.

“По словам Л.Д. Блок, это стихотворение с отчеркнутыми Блоком строками лежало у него на столе, когда он работал над поэмой” (*Тимофеев Л.И.* Поэма “Двенадцать” и ее истолкователи // *Вопр. лит.* 1960. № 7. С. 119).

Двенадцатая глава поэмы с ее движением революционного дозора “вдаль” и, особенно, финал поэмы с образом Христа, перекликается с романом в стихах Н.А. Панова “Владимир Волгин” (на эту параллель указал М.Д. Эльзон). В заключительных строфах романа, в снах больного героя, происходит преображение старого мира:

Свет воссиял из облачной, волнистой
И легкой дымки; в нем стоял Христос
В одежде белой, нежно-серебристой,
В венке из белых ароматных роз.
У ног Его, во тьме, стонало море
Земных скорбей, людских мятежных зол...
С неизъяснимой благостью во взоре
Он по волнам стопою легкой шел.
Вдруг стоны моря превратились в звуки
Небесных песен, песен горних сил.
Он, подойдя к больному, возложил
Ему на темя, грудь и сердце руки...
Так в годы странствий и чудес земных
Христос повсюду исцелял больных.

(*Панов Н.А.* Владимир Волгин.
Роман в стихах. СПб., 1900. С. 396)

Из поэтов – современников Блока, интерпретировавших образ Христа в духе революционного обновления мира еще до “Двенадцати”, следует назвать прежде всего В. Маяковского и С. Есенина. В поэме “Облако в штанах” (1914–1915) лирический герой Маяковского, выступая в роли “тринадцатого апостола”, предтечи грядущей революции, берет на себя миссию “спасителя” – предводителя “голодных орд”:

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

А я у вас – его предтеча...

.....

И когда
приход его
мятежом оглашая,
выйдете к спасителю –
вам я
душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая! –
и окровавленную дам, как знамя.

О параллелизме между образностью “Двенадцати” и “Облака в штанах” см.: *Митин Г.* “Тринадцатый апостол”: (Верил ли Маяковский в Христа?) // *Московский литера-*

тор. 1997. Май. № 3. Через Маяковского блоковская символика возводится и к поэзии Державина, включая его оду “На взятие Измаила”, где с окровавленным флагом выступает ратоборец-священник (*Митин Г.* Манящий образ: (Русское Возрождение от Аввакума до наших дней) // Историческая газета. 1996. Июль. № 4–5).

В ряде революционных поэм 1917 г. (“Товарищ”, “Отчарь”, “Октоих”, “Пришествие”, “Преображение”) славит Христа Есенин, рисуя “зжидителя щедрого”, который, сойдя на землю, вместе с “взметнувшимся российским народом”, “рука с рукою” с рабочими идет на борьбу “за равенство и труд”.

А. Белый в стих. “Родине” (1917) космическими красками рисует картину разыгравшейся “буревои стихии” и участие в ней на стороне народа “сошедшего Христа”:

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез –
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Утверждая духовную связь русской революции с культурой прошлого, М. Герасимов в стих. “Мы все возьмем, мы все познаем...” (1917) сопрягает образ Христа с образом революционного Красного стяга:

Не мы ли были в Иудее,
Когда любви учил Христос?
.....
Не нам ли на горе Синая,
В неопалимой купине,
Как солнце, Красный стяг, сияя,
Явился в буре и огне?

Финал “Двенадцати” перекликается также с некоторыми произведениями зарубежной литературы. На одну из таких перекличек указывает польский исследователь В. Ледницкий в статье “Христос и революция в русской и польской поэзии” (*Travaux publiés par l’Institut d’études slaves. XVII. P., 1939. P. 99–121*). Поэму Блока он сближает с “Небожественной комедией” З. Красиньского (1835). «В финале поэмы возникает видение Христа – мстителя и карателя: “Как столп снежной белизны, стоит Он над пропастями, обеими руками опершись на крест, как мститель на саблю. Из переплетшихся молний Его терновый венец...” Но характеристика эта вложена Красиньским в уста ненавистного ему предводителя “черни”, безжалостного разрушителя феодального мира, которого карающий Христос в конечном счете и губит» (*Орлов Вл.* Поэма Александра Блока “Двенадцать”. С. 207).

Шведский исследователь Н.-О. Нильссон в книге “Ибсен в России” (*Nilsson N.Å. Ibsen in Russland. Stockholm, 1958*) и в статье “Стриндберг, Горький и Блок” (*Scandoslavica. Copenhagen, 1958. IV*), а также норвежец Мартин Наг в статье «Блок, Ибсен и “deus caritatis”» (*Edda. Oslo, 1964. № 4*) проводят параллель между финалом “Двенадцати” и заключительной сценой драмы “Бранд” Г. Ибсена. «Известно, – пишет М. Наг, – что еще в 1908 г., очерчивая в реферате “Генрих Ибсен” творческий путь норвежского писателя и определяя его заветы новой литературе, Блок особенно пристально всматривается именно в финал “Бранда”. В страшном разгуле снежной бури устремившемуся в горы мятежному герою этой поэмы некий Голос, как рупор высшей истины, вещает о присутствии и направляющей силе “dei caritatis” – “Бога милосердия”, – и мы, говорит Блок, обретаем надежду на веру, “ибо душа самого борца спасена”. Более того, здесь “продолжение пути, сужденного и нам, (...) эту нить мы обязаны найти”». В финале “Двенадцати”, как полагает М. Наг, мы и видим обещанное Блоком ранее обращение к опыту Ибсена (см.: *Небольсин С. Александр Блок в современном западном литературоведении. С. 194–195*).

Ст. 334. В белом венчике из роз... – По поводу этого образа мы находим у Блока следующую запись: «Часам к 8 вечера – к Петрову-Водкину, который согласен рисовать обложку для “Двенадцати”. (...) Замечание о живописи у поэтов (“В белом венчике из роз” – режет ухо). У А. Белого. Этого нет у Толстого и Пушкина» (ЗК₅₆. 25 февр. 1918).

Доподлинно не известно, что именно для поэта послужило первоисточником образа Христа “в белом венчике из роз”. Образ этот, как считает Д.Е. Максимов, «не имел прямой опоры в канонической церковной традиции: ни в православной, ни в католической иконографии Христос “в белом венчике из роз” не изображался, и лишь в крестьянском обиходе, в избах и церквях, его иконы украшались иногда бумажными розами. Живописный образ Христа из “Двенадцати” в какой-то мере мог быть навеян именно этими сохранившимися в памяти поэта зрительными впечатлениями. Впрочем, с ними вполне могло сочетаться и влияние средневекового аллегорического уподобления алой (у Данте – белой) розы Христовой крови и, конечно же, с идеей вечной женственности (ср. Мадонна, Sancta Rosa). Такие и подобные им совмещения в поэзии Блока давно уже имели место (см., например, в стихотворении “Вот он – Христос – в цепях и розах...”, где западно-христианский “агнец кроткий” совмещается с русскими березками и елками). В целом образ Христа в “Двенадцати”, несмотря на “кровавый флаг”, бесспорно, феминизирован Блоком (“нежной поступью”, “венчик из роз”), что вполне соответствует дневниковым записям Блока на эту тему: “не мужчина, не женщина”, “женственная восприимчивость”, “женственный призрак» (Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С. 142; подробнее об этом см. в коммент. на с. 338–341).

Попытку объяснить образ Христа “в белом венчике роз” предприняла Ф. Фламан. В заметке «По поводу одного до сих пор неясного стиха “Двенадцати” А. Блока» она пишет: «В марте 1902 г. Блок впервые встретился с Мережковскими. Он получил от них изложенное в ряде тезисов “апокалипсическое кредо” Б. Бугаева-Белого, где говорилось, в частности, о приличествующей поэзии Апокалипсиса символике цвета. А именно, сказал Бугаев в пункте 8, “христианство из розового должно стать белым”. Тезисы Б. Бугаева привлекли самое острое внимание Блока. Он воспроизвел их в дневниковой записи от 26 марта 1902 г., и именно эту символику Блок и внедрил много позже в финал “Двенадцати”, и Христос последних строк поэмы есть именно Христос Апокалипсиса, как последний понимался Блоком, и, конечно, не какое-то абстрактное обожествление революционного движения» (Revue des études slaves. P., 1966. Т. 45. P. 91–92; см. также: *Небольсин С.* Прошлое и настоящее. С. 144, 163, 182–183, 229–230, 298, где образ “венчика” соотносен с опытом немецкого романтика К. Brentano). Внешняя переключка между христианством, которое “из розового должно стать белым”, и Христом поэмы Блока, несомненно, существует. Косвенным подтверждением тому служат стихи А. Белого. В них поэт-символист неоднократно увенчивает Христа розами. В стих. “Вечный зов” (1903) читаем:

Проповедуя скорый конец,
я предстал, словно новый Христос,
возложивши терновый венец,
разукрашенный пламенем роз.

В стих. “Не тот” (в редакции 1914 г.) эти розы превращаются в “белые”:

Он, как новый Христос,
Просиявший учитель веселья,
В лепестках белых роз,
С чашей странного зелья.

По мнению А.Е. Горелова, строка “В белом венчике из роз” переключается «не только с началом стих. “Вот он – Христос – в цепях и розах”, но и с “нежными розами” отрывка пьесы “Незнакомка”:

Ее блеснули жемчуга.
И от иконы в нежных розах
Медлительно сошла Она...

В пьесе, вслед за этой строкой, произнесенной Поэтом, непрощенной и является в гостиную Незнакомка, ставшая “вечерней богородицей» (Горелов Анат. Гроза над соловьиным садом. Л., 1970. С. 464).

Общая же, и в “Двенадцати” сквозная, соразмерность-контраст света и тьмы, как и

образ прорыва света сквозь тьму, восходят у поэта и к библейской символике, и к неизменно-неустранимому сиянию звезд (stelle) над мирозданием в “Божественной комедии” Данте, и к детским опытам самого же Блока (см.: *Небольсин С.* Прошлое и настоящее. С. 69–70).

Иной подход связан с религиозно-философской критикой: «за фигурой Христа обнаруживается Другой, Антихрист (Б. Зайцев). Сын Бога не может быть ни “с кровавым флагом”, ни “в белом венчике из роз”, античном символе пиршества» (*Дарьялова Л.Н.* Русская литература XX века после Октября. Динамика размежеваний и схождения. Типы творчества (1917–1932). Калининград, 1998. С. 45).

ВОЗМЕЗДИЕ

(С. 21)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН_{I-1}* (первой редакции) – *ЗК₃₁*. Л. 4–7 (“Отец в гробу был сух и прям...”), “7.VI” (1910 г.) (над текстом); *ЧА_I* (первой редакции) – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 165–169, с заглавиями и датами: 1. (“1 декабря 1909 года.”), “13 VIII 1910 и прежде летом.” (на полях, перед текстом); 2. («“Отец” (первая редакция)»), “осень 1910” – на отдельном листе-обложке; *ЧН_{I-2}* (первой редакции) – *ЗК₃₁*. Л. 36–39, 40 об. (“Был жалок этот скудный одр...”), (осень и зима 1910 г.); *ЧН_{I-3}* (первой редакции) – *ЗК₃₁*, Л. 41 об.–42 (“Отец”); *ЧА_{II}* (второй редакции) – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 222–259 (“Возмездие (Варшавская поэма).”), “Начато в июне 1910 под Руновым на камне” (на полях, перед текстом); *БА_{II}* заключительной части второй редакции поэмы – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1–7, (“О, как смеялись вы над нами...”), “1911” (перед текстом, на листе-обложке); планы третьей редакции – *ЗК₃₂*. Л. 1 об. – 4; *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 85–96, с датами в разных местах текста (см. вместе с планами); *ЧН_{III}* (третьей редакции) – *Там же*. Л. 49 об. – 52, 53; 316 об.; 59 об. – 60; *ЗК₃₃*, Л. 17 об.; *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 61; 317 об.; 315 об.; 237; 238; 72 об.; 67 об.; 69–70; 66 об.; 62; 163–163 об.; 162; 162 об.; *ЗК₄₅*. Л. 5 об.; *ЗК₄₇*. Л. 6 об.; *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 320; *ЗК₄₈*. Л. 71 об.; *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 43 об., 43, 44 об., 2, печатаются под условной нумерацией (1)–(23); *ЧА_{III}* (третьей редакции) Пролога и Первой главы – *Там же*. Л. 3–11, 14–84, с датами в разных частях текста (см. в коммент. и разделе “Другие редакции и варианты”); *ЧА_{III}* (третьей редакции) Вступления во Вторую главу – *Там же*. Л. 148–161 (“Петербург. (Из второй главы. Вступление)”), “весна 1911.” (на обложке, перед текстом); *ЧА_{III}* (третьей редакции) Третьей главы – *Там же*. Л. 285–319, “9 сентября 1911.” (перед текстом); *БА_{III}* (третьей редакции) Пролога и Первой главы – *Там же*. Л. 98–147; *БА* отрывка “Хоть он юристом был, ~ Все не давалась ему!” из Первой главы (ст. 752–763), принадлежавший Я.П. Гребенщикову; *БА_{III}* (третьей редакции) Третьей главы – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 262–284, (“Отец(.) Глава III”); *БА* отрывка, заключающего Третью главу (“Когда ты загнан и забит...”), при нем – конверт с надписью рукой Блока: “Александр Андреевне Кублицкой-Пиоттух” – Государственный историко-литературный и природный музей-заповедник А.А. Блока “Шахматово”. КП 2208; *НР* Вступления во Вторую главу (рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, с правой автора) для сб. “Скрижаль. I” – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 8. Ед. хр. 4. Л. 76–81 (“Возмездие”) [Вторая глава]; *ЧА* Предисловия – *Там же*. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 172–179 («Поэма “Возмездие” была задумана и в главных чертах набросана...»), “12 VII 1919.” (после текста); *НР ЗМ* Предисловия и Третьей главы (рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, с правой автора), со вставками двух печатных фрагментов – “Страна – под бременем обид...” (из газеты) и “Когда ты загнан и забит...” (из альманаха “Сирин. III”) – *Там же*. Л. 179–217 (“Возмездие”). Предисловие и Третья глава (на листе-обложке); кор. *ЗМ* Предисловия и Третьей главы – *Там же*. Оп. 8. Ед. хр. 4. Л. 57–58, 84–89, “Июль 1919.” (после текста Предисловия), с перенесением авторской правки (неавторской рукой) и исправлением

опечаток; печ. текст Пролога и Первой главы из *PM* с авторской правкой – *T₉*. Л. 73–98, “1911–1916, 4 июня.” (после текста); печ. текст Предисловия и Третьей главы в журн. *ЗМ* с авторским исправлением – *ЛББ*. 94 1/126.

Впервые: Пролог и Первая глава – *PM*, 1917. Кн. 1. 1-я паг. С. 1–26; Вступление во Вторую главу – Скрижаль. Сб. 1. Пг., 1918. С. 47–52; Предисловие и Третья глава – *ЗМ*. 1921. № 2–3. С. 96–112. Фрагменты поэмы, выделенные Блоком в самостоятельные стихотворения, печатались в периодических изданиях в 1914, 1915 гг. и в составе сборников “Ямбы” (1919) и “Седое утро” (1920). См. коммент. в т. 3 и 4 наст. издания.

Черновые фрагменты, а также ранние редакции поэмы частично печатались в изданиях: Ал. Блок. Возмездие. Пб.: Алконост, 1922. С. 103–109; Памяти А.А. Блока. Пб., 1922. С. 101–106; А. Блок. Из творческого наследия // Русский современник. 1924. № 3. С. 143–146; *Книпович Е.Ф.* О литературном наследии Блока // Книга о книгах. 1924. № 7–8. С. 23–24; *Медведев П.* Драмы и поэмы Ал. Блока: Из истории их создания. Л., 1928. С. 202–203, 209–211 и др.; Записные книжки Ал. Блока. Л., 1930. С. 142, 144–145 и др.; *Блок А. СС-125*, С. 158–215 / Примеч. Иванова-Разумника Р.; Наше наследие. М., 1989. № 2. С. 77–79; Шахматовский вестник. К 75-летию со дня смерти А.А. Блока (1921–1996): Каталог. Вып. 1. М., 1996. № 6. С. 31.

Печатается – каждая из глав и Предисловие – по текстам авторских публикаций со следующими исправлениями:

- в Первой главе – ст. 280: “И сел бы прямо на троттуар!...” вместо “И сел бы прямо на тротуар!...” (по *ЧА_{III}* Третьей главы);
- ст. 293: “Теней неясных, вереницу” вместо “Теней неясных вереницу” (по *БА_{III}*);
- ст. 376: “Меж волей царской и Народной” вместо “Меж волей царской и народной” (по *БА_{III}*);
- после ст. 879 исключением ст.:
“А впрочем, как ни мерь, ни вешай,
Немного можешь ты постичь:
Всех к жизни брачной гонит леший,
Нужна кому-то эта дичь...” (по *T₉*);
- ст. 880: “Но все пошло неотвратимо” вместо “И все пошло неотвратимо” (по *T₉*);
- после слов “Конец первой главы.”: “1911–1916, 4 июня.” (по *T₉*);
- во Вступлении во Вторую главу – ст. 94: “Какие бури суждены?..” вместо “Какие бури суждены...” (по смыслу);
- в Предисловии – строка 134: “– *бесчувственному* сыну” вместо “– *бесчувственному сыну*” (по авторскому исправлению в печ. тексте);
- в Третьей главе – ст. 145: “Да! Песнь о *воле* слышим мы,” вместо “Да! Песнь о *воле* слышим мы,” (по *БА_{III}* и *НРЗМ*);
- с. 359: “Кишат быстыдные троттуары,” вместо “Кишат бесстыдные тротуары,” (по *ЧА_{III}*);
- ст. 423: “И мертвое засыпет тело,” вместо “И мертвое засыплет тело,” (по *НРЗМ*);
- ст. 432: “К ней тихо прислонился он...” вместо “К ней тихо прислонился он.” (по *НРЗМ*);
- ст. 442: “Послушать тишину ночную:” вместо “Послушать тишину ночную.” (по *ЧА_{II}* и *БА* отрывка “Когда ты загнан и забит...”).

Как писал Блок в 1919 г. в Предисловии, поэма была задумана в 1910 и в главных чертах набросана в 1911 г. Однако воплощение замысла растянулось на многие годы. Блок оставял задуманное, не находя форм его реализации, и вновь возвращался к работе над поэмой в 1912, 1913, 1914, 1916 годах, наконец, в последние месяцы жизни, считая замысел по-прежнему существенным. В своих “Rougon-Macquar’ax” “в малом масштабе” поэт

хотел рассказать о “двух-трех звеньях” рода на историческом фоне русской жизни (“Два-три звена, – и уж ясны // Заветы темной старины...”), выразить “революционные предчувствия” в “истинном мистическом сумраке годов”. Замысел поэмы обращен к “новому веку”; поэт стремился к воплощению роста нового в человеке, связей личности и движения истории: “... род, испытавший на себе возмездие истории, среды, эпохи, – начинает в свою очередь творить возмездие...” В замысле Блока сказались традиции русской литературы и гуманистической философии XIX в. в постановке проблем личности и времени, государства, истории.

Сохранился большой рукописный архив поэмы: более 300 листов разных уровней творческой работы. Это планы, черновые наброски и фрагменты, черновые автографы с многослойной правкой, беловые тексты и рукописные копии с авторской правкой. Сам поэт разделял работу над “Возмездием” на три главных этапа: в черновых рукописях поэмы им выделены три своеобразных раздела – первая, вторая и третья редакции (о чем сделан ряд помет и обозначений, в том числе – на специальных листах-обложках).

Первоначальный замысел произведения имел биографические истоки: в конце 1909 г. умер отец поэта А.Л. Блок. Еще находясь в Варшаве после похорон Александра Львовича, Блок писал матери 4 декабря: “Из всего, что я здесь вижу, и через посредство десятков людей, с которыми непрестанно разговариваю, для меня выясняется внутреннее обличье отца – во многом совсем по-новому. Все свидетельствует о благородстве и высоте его духа, о каком-то необыкновенном одиночестве и исключительной крупности натуры. Чувствую нежность к Спекторскому, который тоже впервые является как-то по-новому. Смерть, как всегда, многое объяснила, многое улучшила и многое лишнее вычеркнула”.

В письмах конца 1909 – начала 1910 гг. и потом в записных книжках Блок не однажды обращался к мыслям об отце, его незаурядной личности. Внимание и интерес проявлял Блок к ученой карьере отца, его трудам. В драматической судьбе А.Л. Блока поэт почувствовал нити всеобщих связей человека и его времени, о чем и захотел рассказать. Одним из первых современников, с кем Блок поделился замыслом поэмы об отце, стал юрист Е.В. Спекторский, ученик и сослуживец А.Л. Блока. В письме к Спекторскому 12 декабря 1911 г., говоря о его “прекрасной книге об отце” (Александр Львович Блок: Государствовед и философ. Варшава, 1911), Блок замечал: «Не чувствуя себя вправе рецензировать книгу (это было бы с моей стороны поступком дилетантским), я предпочитаю познакомить Вас с моими мыслями о том же предмете при помощи своих литературных работ. Надеюсь, что мне удастся представить на Ваш суд и мою “тень отца” и другую ее “апологию”, которая, увы, покажется кому-нибудь осуждением (без этого не обойтись), но будет для меня апологией, хотя и другого типа, чем Ваша, – “музыкальной” и, так сказать, “от противного”. Сообщая Вам это, прошу Вас лучше не говорить об этом посторонним: лучше, чтобы иные не предполагали ничего биографического, если им и попадетсЯ когда-нибудь в руки моя будущая книжка».

В ответном письме 17(30) декабря 1911 г. Спекторский писал: “Многоуважаемый Александр Александрович, я Вам очень благодарен за дружеские строки и буду ждать с нетерпением “тень отца” (ГЛМ. Ф. 8. № оф 4557/6). Об интересе к замыслу Блока Спекторский упоминал и в письме с почтовым штемпелем получения “30.12(1911)”: «Поздравляю Вашу супругу и Вас с Новым годом и желаю всего наилучшего. Буду с нетерпением ждать “тень отца”» (Там же. № оф 4557/7).

Первоначальный замысел лета и осени 1910 г., обозначенный впоследствии как “Первая редакция” с названием “Отец”, существенно отличался от тех контуров, которые произведение приобрело в последующей работе, уже в 1911 г. Вначале было задумано сравнительно небольшое произведение: не “мой Rougon-Macquar’ы”, а скорее не очень объемная лиро-эпическая поэма. О времени работы над этим замыслом свидетельствуют авторские пометы в рукописях и записных книжках. К лету 1910 г. относятся наброски и фрагменты в ЗК₃; авторскую датировку “13 VIII 1910 и прежде летом.” встречаем на 1-м листе фрагмента-рукописи первой редакции (ЧА_г. Л. 166), озаглавленного “1 декабря

1909 года” (дата смерти отца). Лист-обложка с заглавием – «“Отец” (первая редакция)» – также имеет дату, видимо, итоговую: “осень 1910”. Дата – “20 сент(ября)” – на следующем листе фрагмента-рукописи первой редакции (см. раздел “Другие редакции и варианты”. Л. 167).

Черновых материалов первого этапа работы, в отличие от последующих, сохранилось не так уж много. Между тем начальный этап работы был достаточно протяженным: лето и осень 1910 г. Это дает основание предполагать, что начальный замысел являлся предварительным этапом работы над теми контурами поэмы, которые она отчетливо приобрела во второй редакции, на следующем этапе, когда в задуманном уже четко прослеживается развернутый сюжет с рядом мотивов: описание похорон отца, распознавание сыном его духовного облика, “черный бред” сына над Вислой, то есть польская тема, разговор поэта-сына с читателем, обращение к сестре в эпилоге.

О тесной связи условно разделяемых этапов работы – над первой и второй редакциями – свидетельствует ряд помет. На 1-ом листе рукописи второй редакции (см. л. 222) Блок сделал запись: “Начато в июне 1910 под Руновым на камне.”, – тем самым объединяя выполненный к концу января 1911 г. замысел (вторую редакцию) с первоначальным. Отметим также близость описания похорон отца во фрагментах первой редакции – и в рукописи, и в *ЗК₃₁* – и в *ЧА_{II}* второй редакции. Наконец, в обложке 1-й редакции сохранились только четыре листа рукописи, и на последнем листе сделана отсылка к рукописи второй редакции (см. л. 169). Эта авторская помета для памяти – свидетельство органических связей первых двух уровней работы – первой и второй редакций. Части будущей картины, рисуемой в общем замысле, формировались именно на первом этапе работы, и эти уже состоявшиеся фрагменты поэт, естественно, использовал позднее, когда наступил момент более четкого прояснения “других” звеньев сюжета.

Рукопись второй редакции (*ЧА_{II}*) содержит немало мест с многослойной правкой первоначального текста, но в ряде случаев отчетливы признаки нового, второго, этапа творческой работы. Это, прежде всего, зачеркивания начальной нумерации главков (см. раздел “Другие редакции и варианты”. Л. 236 и 252). Композиционные изменения (перестановки эпизодов) также отразили перерастание первоначального замысла в новый, расширение ранее задуманного. Часть текста первого этапа оказалась основой главных сюжетных эпизодов второй редакции. Принципиальная близость первого и второго этапов работы, вероятно, привела к включению некоторой части материалов первой редакции во вторую; их “отслоение” невозможно в силу внутренних связей двух уровней творческого процесса (как, например, текста на л. 259 с мотивом жизни, “разыгранной, как фант”, который намечен еще – см. л. 166 – в летней рукописи 1910 г.).

И во временном отношении первый и второй этапы работы оказались сближенными, один продолжал другой: менее полугодом – с лета 1910-го по январь 1911 г. – понадобилось поэту для реализации замысла лирико-эпической поэмы об отце, о думах сына про отца, о вынесенных уроках жизни.

Гораздо более сложно соотношение второй и третьей редакций поэмы. Переход к новой ступени замысла – к эпическому повествованию не только об отце, но о трех звеньях рода – об отце, о сыне и о сыне сына – не случайно совпадает с новым творческим временем в жизни поэта: именно в пору кристаллизации замысла большой поэмы он пережил мировоззренческий перелом. Это открыло ему возможность поэтического осмысления итогов жизни: оценки “сыном” реальных ценностей, своего рода “приговора” “отцу” в перспективе смены эпох и поколений. Готовясь к воссозданию целой эпохи, породившей его героев, Блок пристально обдумывал пережитое, характер своих связей с жизнью, изучал русскую историю недавнего прошлого.

Коренное изменение в замысле поэмы – расширение ее сюжетных контуров – наступает в конце зимы – начале весны 1911 г. Существенные различия в задачах на новой ступени работы отчетливо проявляются в разграничении творческих рукописей разного времени: рукописи второй редакции, сохранившиеся в большом объеме, отнюдь не безраз-

дельно поглощены третьей редакцией, они различимо отделены поэтом от более позднего этапа работы. Тем не менее даже и большие отличия не отменяют граней переходимости, близости предшествующего с последующим. В ранней редакции многое было уже подготовлено и по-своему органично вошло в последующую ступень творчества. Материалы второй редакции (ЧА_{II}) оказались использованными поэтом при написании Третьей главы поэмы; в ее черновиках (ЧА_{III}) содержится множество отсылок к рукописи второй редакции – тем или иным фрагментам, которые в чем-то значительном остались почти неизменными. Главные сюжетные мотивы главы во многом существенном восходят к раннему замыслу поэмы.

Уже на раннем этапе, изначально, в творческих планах поэмы были заложены возможности развития замысла. Показательна как бы боковая ветвь его реализации (первой и второй редакции): из раннего текста Блок впоследствии вычленил отдельные стихотворения, вошедшие в один из значительнейших его циклов – “Ямбы” (1919). В него включены стихотворения “Когда мы встретились с тобой...”, “В огне и холоде тревог...”, начало работы над которыми относится к 1910 г. Здесь выступили связи замысла поэмы с главными линиями творчества Блока: звенья замысла оказались в одном ряду с другими произведениями этого же времени, а с другой стороны, так проявилась значимость достигнутого уже на раннем этапе воплощения.

Работа над второй редакцией продолжалась с осени 1910 г. до середины февраля 1911 г. В письмах поэта за январь неоднократно упоминается о поэме. Так, 3 января Блок сообщал матери: “Вчера я дописал (почти) поэму, которую давно пишу и хочу посвятить Ангелине”. В последующих письмах ей же 6 и 9 января поэт отмечал, что поэма еще не закончена: в это время им завершалась работа над третьим томом стихотворений. 21 января Блок вновь извещал мать: “Я все пишу поэму”. В письме от 23 января к Е.А. Зноско-Боровскому также упоминается о поэме: “Пишу поэму, но едва ли допишу так скоро”. О продолжении работы над поэмой Блок сообщал и в письме к матери 25 января: “Я очень деятельно пишу поэму, она разрастается”. В письме 30 января 1911 г. вновь о том же: “... пишу поэму, каждый день по маленькой главе. Доволен ей”.

Дату “1.1911” встречаем, между прочим, в хронологическом списке Блока для стихотворений “О, как смеялись вы над нами...”, “Страна под бременем обид...” и “Когда ты занан и забит...”, написанных вначале в составе второй редакции поэмы – главки 7, 9 и 11 (см. разд. “Другие редакции и варианты”).

31 января на л. 33 рукописи второй редакции (л. 257 по арх. нумерации) поэт произвел подсчет стихов в написанных до этого 11 главках: 269 стихов, – а в законченных 31 января 12, 13 и 14 главках соответственно – 24, 33 и 56 стихов. “Пока 382 стиха”, – подводился итог. 3 февраля Блок сообщал: “Поэма опять остановилась, надеюсь не надолго”. Возможно, в это время поэт правил написанное. Видимо, вскоре был написан эпилог поэмы, в рукописи получившей обозначение: “Последний отрывок” (см. его текст на л. 257–259). Впоследствии этот фрагмент переработан в два отдельных стихотворения: “Земное сердце стынет вновь...” и “В огне и холоде тревог...” В написании этой завершающей части второй редакции, по всей вероятности, была какая-то пауза: фрагменты ее разнятся по почерку, первый написан карандашом, второй чернилами. Можно предположить, что сначала закончить поэму должен был отрывок “Земное сердце стынет вновь...”. Как финал произведения он существует введением темы “моей” музыки, а не той, которая взята “напрокат” (см. главку 14). Однако столь значительная тема предстает в отрывке еще не вполне законченной. Действительно завершающим стал фрагмент “В огне и холоде тревог ~ Возмездья черный бриллиант!”. В нем в полную меру зазвучал не только мотив обращения к сестре (с ней поэта объединяет сопереживание у гроба отца, поэт напугует сестру), но и другой, не менее существенный: “моей музыки”. Такой финал органично подытоживал главные темы поэмы: “гнева” и “мятежа” в сердцах, мечты о “новом веке”. Тема поэта и “мира” (поэта и жизни) получила в финале воплощение в лирическом ключе: он написан от “лица” поэта-сына, героя всего произведения, в форме, соответствующей

природе лироэпического жанра. (См. подробнее: *Ревякина И.А.* Из творческой истории поэмы “Возмездие” // ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 642–644).

В реализации задуманного Блок столкнулся тем не менее с потребностью нарушить границы избранной формы: кроме лирической исповеди поэта-сына, он пользовался и приемом разговора с читателем (шутливо-иронического – о “своей музе”), но уже не от “лица” героя произведения, а повествователя. Поэт-автор испытывал возможности более широких рамок своей темы (“Но у меня – другая муза...”). Так в ожидаемом завершении работы над замыслом встала задача его внутреннего расширения: “я” поэта в его связях с миром (к этому времени обогатившихся по существу, о чем Блок так настойчиво говорил вскоре в письмах к близким) недостаточно полно выразилось в структуре все еще сравнительно небольшой поэмы. Работа над финалом поэмы приближала этап нового обдумывания ее замысла. То, что было замедлением работы в начале февраля (см. приведенные выше письма), стало необходимостью в первых числах марта. В это время Блок начал обдумывать замысел в новых сюжетных границах (“двух-трех” звеньев рода), и работа над ним началась с написания Пролога, где тема поэта и поэзии, поэта и мира стала вполне самостоятельной частью уже эпического сюжета. Свободные границы новой формы позволяли это. Так, работа над окончанием второй редакции стала подготовкой, переходным моментом к следующему этапу создания произведения. И Блок приступил к нему именно с темы поэта, которой завершалась работа на предыдущем этапе.

Подтверждение этому находим в особых акцентах темы в сохранившейся заключительной части белого автографа второй редакции (см. *БА_{II}*). Здесь в финале текста в полную силу звучит тема исторического Возмездия: “На непроглядный ужас жизни // Открой скорей, открой глаза, // Пока великая гроза // Все не сметет в твоей отчизне...” Поэтическая формула бунта-возмездия, обращенного поэтом-братом к сестре (“Возмездья черной бриллиант!”), заключавшая черновой текст второй редакции, получила новое наполнение. В беломом тексте этой же редакции (полностью не известен) она преобразуется, выводится на границы лиризма, становится самостоятельной темой поэзии-прозрения: “Сердца поэтов чутко внемяют, // В их беспокойстве – воли дремлют! // Так точно – черный бриллиант...” Поэт-брат уже обращался не только к сестре, но говорил от лица всех “певучих” и целых “несчастных поколений”, утверждая долг поэта-провидца. Так, на каждой ступени реализации замысла эпические тенденции его нарастали.

17 февраля 1911 г. в письме к матери Блок упоминал о поэме в связи с пояснением своих гражданских позиций: «Я яростно ненавижу русское правительство (“Новое время”), и поэма моя этим пропитана». Уже в написанном к этому моменту утверждаемое Блоком проявилось в трактовке польской темы: поэт полон сочувствия к болезненному ощущению поляками своего национального унижения, он столь резок в ненависти к самодержавным утеснителям, что впоследствии, в третьей редакции, вынужден отказать от ряда оценок из цензурных соображений. Со всем этим связывается и решение в “истинно мистическом духе” сквозной религиозно-нравственной темы: духовный кризис отца, “зарывание” им своей личности изображались в поэме как своеобразный стихийный протест против “страшного мира”. Так, “под бременем обид” поэт видел “загнанной” и личность, и целую “страну”.

С середины февраля Блок уже не писал поэму (см. упоминание в письме к В.А. Пясту 17 февраля: “И поэма остановилась.”), а размышлял над углублением замысла. Появился новый план, записанный в *ЗК₃₂* 24 февраля. Он, как и другой набросок плана, помеченный впоследствии “Весна 1911”, знаменателен расширением поэмы: в ней намечена предыстория героя-сына – в семье и на фоне победоносцевского периода. Поэт хотел раскрыть личность сына как “мятежную отрасль” рода, как “предвестника лучшего”. Замысел поэмы в это время рассматривался Блоком в качестве важной составляющей его творческого самоопределения вообще. Об этом шла речь в письме к матери 21 февраля: «Я чувствую, что у меня, наконец, на 31-м году определился очень важный перелом, что сказывается и на поэме и на моем чувстве мира. Я думаю, что последняя тень “декадент-

ства” отошла. Я определенно хочу жить и вижу впереди много простых, хороших и увлекательных возможностей – притом в том, в чем прежде их не видел (...) у меня есть определенный публицистический пафос и потребность общения с людьми – все более по существу (...). У меня есть очень много наблюдений (собственных) над искусством борьбы (...) Настоящей гениальностью обладает только один из виденных мной – голландец Ван-Риль. Он вдохновляет меня для поэмы гораздо более, чем Вячеслав Иванов. Впрочем, настоящее произведение искусства в наше время (и во всякое, вероятно) может возникнуть только тогда, когда 1) поддерживаешь непосредственное (не книжное) отношение с миром и 2) когда мое собственное искусство роднится с чужим (...) я имею потребность *расширить* круг своей жизни, которая до сих пор была *углублена* (за счет должного расширения)».

С начала марта Блок реализует новые планы, меняющие структуру поэмы: теперь в ней несколько “частей”. Точные даты на рукописях, а также более поздние, суммарные (например, “весна 1911”) позволяют проследить, как продвигалась работа. 1 и 2 марта 1911 г. писался Пролог: после ст. “В смятении падает у ног!” стоит дата – “1 марта 1911”, а в конце – “2 марта”. На обложке этой части рукописи (см. л.3) Блок пометил: “Вступление к поэме (март 1911). 8 страниц”. Название “Пролог” на той же обложке, заменяющее первое, появилось позднее, явно выделяясь по характеру написания. Здесь же поэт обозначил вводную часть поэмы в качестве отдельного произведения с названием “Народ и поэт” (так Пролог и печатался потом – см. об этом историю публикации частей поэмы, а также в т. 4 наст. изд.). Видимо, потребность самовыражения и творческой исповеди определили для поэта, ощутившего себя на новом жизненном и творческом рубеже, появление Пролога и других частей эпического сюжета, в которых зазвучала тема поэта. Это обусловило их двойное функционирование: не только в роли частей целого, но и самостоятельных стихотворений, которые через несколько лет были опубликованы.

В ближайшие после 1 марта дни Блок работал над историческим обрамлением сюжета. Прежде всего – над картиной “победоносцевского” периода. Поэт сосредоточен на том, с чем связана “демоничность” отца и сына: на духе мятежа и отрицания. В планах (см. с датой “Весна 1911”) и рабочих пометах этого времени Блок повторял мысль о зависимости отдельной судьбы от общего, о пропасти между личным и общественным как особенности состояния той эпохи, ее трагизма. На первых же листах рукописи, которая впоследствии определена как “Вступление” ко Второй главе, встречаются пометы с датами: на л. 153 – 14 марта, на л. 154 – 6 марта. Позднейшая авторская обложка этой части рукописи (л. 148) имеет дату: “весна 1911”. На первом листе – определяющая для понимания последовательности авторской работы помета: “Самое начало поэмы” (Л. 149). Позднее сделано уточнение: “Нет еще. Начало 2-й главы” (Там же).

В письмах начала марта поэт с удовлетворением сообщал, что работа над поэмой продвигается. Так, в письме А. Белому 3 марта 1911 г.: “Живу сосредоточенно. Пишу поэму”. В тот же день в письме к матери Блок упоминал: “Поэма стала опять подвигаться”. 8 марта поэт извещал мать о том, что он познакомил с поэмой сестру. Имелись в виду, вероятно, те части об “отце”, которые предназначались и для нового замысла. Блока радовало, что “поэма нравится” Ангелине, несмотря на “разницу наших воспитаний”. В мартовских письмах к матери Блок не раз упоминал о поэме. 11-го: “Поэма двигается понемногу”. И 16-го: “Поэма двигается медленно”. Творческое самочувствие Блока этой поры – интенсивного и плодотворного, как ему казалось, продолжения работы над поэмой – передает письмо к А. Белому 12 марта: «Сейчас – грустная минута. После напряжения многих дней – чувство одиночества. Один – и за плечами огромная жизнь – и позади, и впереди, и в настоящем. Уже “меня” (того ненужного, докучного, вечно самому себе нравящегося или не нравящегося “меня”) – мало осталось, почти нет, часто – вовсе нет; чаще и чаще. Но за плечами – все “мое” и “все не мое”, равно великое: “священная любовь”, и 9-е января, и Цусима – и над всем единый большой, строгий, милый святой крест. Настоящее – страшно важно, будущее – так огромно, что замирает сердце, – и один: бодрый, здо-

ровый, не “конченный”, отдохнувший. Так долго длилось “вочеловеченье” <...> более, чем когда-нибудь, мы на “флагманском корабле”; не знаю, какую работу исполняю я, – но исполняю, как-то каждый день готовлюсь к сражению».

Весной 1911 г. Блок работал не только над новым началом поэмы – темой Петербурга. Сохранился лист ранней обложки части рукописи будущей Первой главы – 63 об. – с датой и рабочим заголовком: «(К I части) Семья и появление “демона”. (весна 1911 – лето за границей)» (см. коммент. к л. 14). В рукописном архиве Первой главы по характеру написания и бумаге можно выделить немало отдельных фрагментов на тему о “семье” и появлении “демона”. Они сохранились в ЧА на л. 49 об., 51–53, 59 об. – 60, 61, 66 об., 67 об. (см. в разделе “Другие редакции и варианты” – Черновые наброски к третьей редакции). Сначала они не составляли цельного текста, но, определенно, были подчинены ясно обозначенной в рабочем заголовке теме. Намеченные в набросках мотивы стали в 1914 и 1916 гг. основой черногового автографа Первой главы. В этом убеждает, например, сравнение набросков на л. 49 об. – 52 (“Семья, как все. Понятий круг”... и далее) с текстом стихов 365–469. Некоторые из фрагментов и непосредственно вошли в рукопись как части органично рождающейся сложной и пестрой, мозаичной и цельной картины жизни. Так, текст ст. 443–469 составили именно такие наброски-фрагменты на л. 51–52, исправленные и включенные в ЧА. В 1914 и 1916 годах тема “семьи” и “демона” дополнилась новыми существенными деталями, и это закономерно: хотя тема в чем-то главным определилась с самого начала (см. в развернутом наброске на л. 59 об.–60 с надписью “Подсудимый” – разд. набросков, №(3)), ее включение в русло исторического сюжета потребовало новых акцентов и сопоставлений.

Вероятно, в апреле в интенсивной работе над поэмой наступил перерыв. Но мысли, связанные с произведением, не оставляли поэта. Так, в письме А. Белому 8 мая 1911 г. он замечал: «Все дело в том, есть ли сейчас в России *хоть один человек*, который здраво, честно, наяву и *по-божьи* (т.е. имея в себе в самых глубинах скрытое, но верное “ДА”) сумел бы сказать “НЕТ” всему настоящему; впрочем, я начал и сейчас же бросаю развивать ту длинную нить, которую я лелеял всю эту зиму и которой не оставляю. Пишу и хочу писать об этом...».

Под “длинной нитью”, которую поэт “лелеял всю эту зиму” и “которой не оставляю”, конечно, имеется в виду поэма. С позицией, выраженной в письме, явно перекликается черновой отрывок из рукописи Третьей главы, ставшей основой стих. “Да. Так диктует вдохновенье...” (см. “Другие редакции и варианты”. Л. 310–312), написанный осенью 1911 г. В нем поэт высказал свое “в самых глубинах скрытое” “да” и “нет”.

24 мая в письме к В.А. Пясту из Шахматова Блок признавался: “Я ничего не пишу и ничего не читаю”. 1 июня датирован только один из набросков к поэме (см. “Другие редакции и варианты”. Л. 316 об.).

О творческих задачах, которые соотносятся и с работой над поэмой (хотя об этом прямо и не говорится), Блок рассказал в письме А. Белому 6 июня: «... таков мой *путь*, что теперь, когда он пройден, я твердо уверен, что это должное и что все стихи вместе “*трилогия вочеловечения*” (от мгновения слишком яркого света – через необходимый болотистый лес – к отчаянию, проклятиям, “возмездию” и... – к рождению человека “общественного”, художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право изучать формы, сдержанно испытывать годный и негодный материал, вглядываться в контуры “добра и зла” – ценою утраты части души)».

Слова о праве художника, “мужественно глядящего в лицо миру”, “изучать формы, сдержанно испытывать годный и негодный материал” и т.д., являлись автокомментарием к опытам Блока этой поры. Поэт, ощущая себя на новом рубеже гражданственности, в более тесных, необходимых, непосредственных связях с современностью, общественной жизнью, выработывал новые принципы, вступив в новую полосу исканий. Эти слова – своеобразный самоанализ работы непосредственно над поэмой: именно она стала как бы экспериментальной мастерской планов и новых методов творчества. 13 июня в письме

В.В. Гиппиусу Блок, сообщая о своих ближайших и самых важных планах, упоминал и о поэме: “На эту зиму я надеюсь: во-первых, предполагается рано или поздно журнал. Во-вторых, я хочу дописать большую поэму, которую начал давно и которую люблю (...) – С лирическими стихами расстанусь – до старости”.

Новые наброски Блок делал летом, находясь за границей: в июле в Абервраке и в августе в Париже (см. наброски на 59 об. – л. 60, 61 и в ЗК₃₃). В письмах к матери поэт взволнованно сообщал о поразивших его контрастах европейской жизни: росте богатства и нищеты, приготовлениях к войне, дипломатическом торге, пошлости буржуазного быта, духовной бедности, безработице и забастовках. Все это в своеобразном преломлении нашло отражение в поэме. Прежде всего, во вступлении к Первой главе о “железном” девятнадцатом веке и двадцатом, когда – “Еще страшнее жизни мгла...”. Эта часть поэмы писалась осенью 1911 г. Впечатления от Парижа, где поэт видел на сожженных от жары скверах “массу детей – бледных, с английской болезнью”, где его поразили приводящие в ужас напряженные лица (см. в письме матери 4 сентября нов. ст.), угадываются в тексте фрагмента со слов “Читатель, ты жестоко судишь...” (ЧА_{III}, Л. 309–312), ставшего позднее основой стих. “Да. Так диктует вдохновенье...” Вернувшись в Петербург в первых числах сентября, Блок вскоре возобновил работу над поэмой: начальный лист черновой рукописи Третьей главы (ЧА_{III}) имеет дату: 9 сентября 1911. Текст главы – на л. 265–319, имел обложку с заголовком: “Отец, Польша. (Третья редакция (осень 1911)). 35 стр.” (Л. 220). Многие в новой редакции сохраняются из прежнего текста, но меняются пропорции лирической темы, появляются новые фрагменты. Композиционно текст в целом подчиняется более строгому эпическому разворачиванию событий.

Так, повествование в “Варшавской поэме” велось от первого лица: поэта-сына. Внутренний строй поэмы, пульсирующий переборами, сменой эпизодов, был обусловлен раскрытием переживаний героя-автора. Такова поэма-исповедь. Компоненты поэмы об “отце и Польше” в переработанном виде уже иные. Остаются “отец” и печальное описание его похорон, униженная и “лелеющая” месь “Варшава”, но повествует о них уже поэт-автор, он же рассказывает и о “сыне”: его “черном бреде” над Вислой (ст. 373–432). Поэма-исповедь преобразуется в поэму суда над жизнью. Лирическое “изложение” событий, которое развивалось импульсивно, сменяется другой последовательностью и тональностью. Череда картин и эпизодов ведет к глубинам жизни, к “иным мирам”. Обрела самостоятельность тема поэта – в лирических отступлениях: они становятся важной частью структуры заново создаваемого целого. В этих новых частях обобщены итоги жизни отца, а также переживаемое сыном. Рассказ о жизни отца довершен лирическим отступлением о погубленном “гении” его души (ст. 293–317), а далее тема его судьбы вводится в историко-философский и нравственный планы изображения: уже не только личность, но и “страна под бременем обид” (см. ст. 317–356). Расширение темы поэта, начавшись с работы над Прологом, проявилось и в написании фрагмента будущего стих. “Да. Так диктует вдохновенье...”. С темой поэта связан и завершающий аккорд главы: Блок закончил ее отрывком “Когда ты загнан и забит...” из второй редакции. Если в ранней редакции поэмы “вечностный” аспект суда над жизнью (нравственно-религиозный) раскрывался вместе с темой “сестры” (“Лишь ты напоминала мне (...) что мир – жилище Бога, // О холоде и об огне.” – Л. 225), то теперь он принадлежит поэту. Провозглашение именно от его лица – “А мир – прекрасен, как всегда.” – усиливает универсальную значимость прежнего текста: в “истинном мистическом сумраке годов” поэту сопутствует “голос Возмездия”.

Трудные поиски завершения Третьей главы отразились в сложном, многослойном характере последних листов ее черновика (Л. 308–313). Текст “прерывается” отсылкой ко второй редакции, его вариантность проявляется в исключении фрагмента, который становится основой отдельного стихотворения. По всей вероятности, довершение третьей “части” в ряде деталей относится к 1914 г., когда поэт выделил из черновой рукописи все еще не сложившегося произведения несколько “отдельных стихотворений”, используя разные уровни работы (и вторую, и третью редакции).

Осенью 1911 г. Блок обдумывал планы поэмы, перерабатывал вторую редакцию для “третьей части”, продолжал набрасывать фрагменты “первой части”. Ряд планов, составленных в 1911 г. – зимой, весной и осенью (см. их в разделе планов: ЗК₃₃, Л. 1–4 об.; на л. 95, 89–90, 91–94, 88), позволяет судить, что новый замысел был ориентирован на эпические пропорции. Поэт уделял много внимания исторической достоверности и возможности намеченных сюжетных линий. Он подготавливал изображение событий поэмы и с точки зрения космически-универсальных законов – “духа” истории и народа, “музыкальных” начал.

С этим связаны в планах и набросках мотивы “сна”, “трех мазурок” – возмездия (ср. выделение символических “лейтмотивов” “мазурки” и “пехоты” в плане от 21 февраля 1913 г., делающее их как бы основой всей намеченной канвы). Тот же смысл содержит и обращение Блока к образу “демона”, к символически толкуемым темам и образам русской литературы XIX в. Показательна запись в Дн 17 октября 1911 г.: “Стадия поэмы (семидесятые годы, о двух полусах в искусстве, семейное, Чацкий, Демон).

Надо, побеждая восторги (частые) и усталость (редкую – я здоров), писать задумчиво. Э т о написать (что я задумал) – надо”.

Важной частью работы над эпическим замыслом стало изучение исторических источников. Блок читал исторические труды, воспоминания, документы о русско-турецкой войне, о народническом движении, всей эпохе 70–90-х гг. XIX в. Поэт начал специальную тетрадь, озаглавленную “Матерьялы для поэмы”, с конспектами исторических работ, выписками, заметками “моего”. Тетрадь бережно хранилась поэтом, в 1919 г. она обозначена в “списке моих работ”, чем выделена ее ценность в творческом архиве. Направленность работы Блока над источниками, подчиненность размышлениям о времени и человеке, о “духе” истории, “мести стихий”, выражена в Дн записью 20 октября 1911 г.: «... надо читать “для работы” с мыслью и планом, ранее готовым, и все время проверять себя – не рушатся ли планы под тяжестью накапливаемых фактов и обобщений. Если нет, – хвала им, и пусть воплощаются и принимают каменные формы». Дневник ближайших дней содержит упоминания о работах, конспекты которых вошли в “Матерьялы для поэмы” или связаны с интересующей Блока эпохой. 22 октября Блок записал: “Днем читал воспоминания Л.Ф. Пантелеева”. А на следующий день: «Почитывал Туна (<...> Все эти вечера читаю “Александра I” (Мережковского)». 25 октября – Блок отметил в дневнике: “... читаю трогательную записку Савенковой и интересные воспоминания князя Мещерского”. В тот же день Блок признавался и в мучительных трудностях обдумывания своих планов: “Все одно – холодная луна и Александр I: все это так, так – до возвращения 80-го и 905-го года. Медленно идет жизнь (<...> мучительный вихрь мыслей, сомнений во всем и в себе, в своих силах, наплывающие образы из невоплощающейся поэмы. Если бы уметь помолиться о форме”.

Свидетелем интереса Блока к изучению русской истории конца XIX в. был В.Н. Княжнин, впоследствии вспоминая: «К 1911 г. относится, по крайней мере на мой личный взгляд, некое неожиданное увлечение А.А. общественностью. Частью, этот интерес к “государственным преступлениям в России” (так назывались три тома и четыре приложения к ним, изданные журналом “Русская Историческая Библиотека”) (<...> вызван был необходимостью подготовки к более достоверному освещению политического фона событий, совершающихся в 1-й гл. “Возмездия”. Но был и какой-то другой, самостоятельный интерес к этой стороне русской жизни. А.А. скупил целую серию революционных книжек, выпущенных в предшествующие годы, попрятавшихся в глубь прилавков букинистов за время активного напора реакции 1907–1909 гг. и снова вынырнувших на свет в 1911 г. Ко мне, любителю книг, он неоднократно обращался и устно, и письменно, прося, если увижу, купить для него то или другое недостающее. У меня до сих пор хранится листок каталога этой “Русской Ист. Библ.” с пометками А.А., что есть и чего не хватает» (*Княжнин В.Н. Александр Александрович Блок. Пб., 1922. С. 110–111*).

К осени 1911 г. Блок уже познакомился с историческими источниками о русско-турецкой войне. Вскоре им была начата часть Первой главы, связанная с этим временем. В

ходе работы она получила специальное тематическое обозначение. На л. 40 об. *ЧА_{III}* сохранился рабочий заголовок, а также позднее приписанные дата и запись об объеме текста: “Турецкая война. (К “Первой части”). (осень 1911) [18] 19 стр.”. Этот лист служил обложкой для текста на л. 24–38 (с авторской нумерацией 1–19). На них – черновой текст ст. 87–213 Первой главы. Вся часть главы о победном возвращении русских войск в столицу и о “видениях войны” в рукописи однако не однородна: она писалась не только осенью 1911 г., но и в марте 1912 г. (см. коммент. к л.24.)

Осенью был закончен фрагмент Первой главы о девятнадцатом веке: ст. 1–52 (см. их на л. 1–5). Последующая часть вступления в главу, о веке двадцатом – ст. 53–83, относится к декабрю 1914 г. В *Хр. ук.* *Т₈* поэт обозначил время написания фрагмента “Век девятнадцатый, железный...” ноябрем 1911 г. С датой “осень 1911 г.” он записан набело в *Т₈*. Черновой текст фрагмента хранился вместе с частью о турецкой войне, в связи с чем заголовки на общей обложке (Л. 40 об.) был дополнен: «Турецкая война и вступл(ение) – о XIX веке. (К “Первой части.”)».

На протяжении всего 1911 г. Блок упорно работал над поэмой, испытывая, однако, и мучительные затруднения. Сознавалась им также и неизбежность неторопливого творчества: трезвого и мужественного испытания новых эпических форм (см. об этом запись в *Дн* 17 октября). Видимо, не случайно этот момент акцентирован в Прологе, когда говорится о “неспешном” (трудном, несуетном) познании всего, “Что в мире свято, что в нем грешно”.

Замедления в работе тяжело переживались Блоком, о чем знали его друзья. Так, Г.И. Чулков писал жене (Н.Г. Чулковой) 5 ноября 1911 г.: “... пришел Блок (<...>). Жалуется, что с тех пор, как получил наследство, перестал писать. Новых стихов у него нет, и поэму свою никак не может окончить” (*ДН*. Т. 92. Кн. 3. С. 387).

В конце 1911 г. явилась потребность оглянуться на проделанную работу, сопоставить ее с общим замыслом. 25 ноября, после чтения вновь написанных частей поэмы матери и тетке, сделана запись в дневнике: “Читал вечером им поэму, новую переделку. Совершенно слабо, не годится, неужели ничего не выйдет? Надо *план* и *сюжет*”. 3 декабря поэт записал в дневнике новый, “выясняющийся”, по его словам, план: «Мама дала мне совет – окончить поэму тем, что “сына” поднимают на штыки на баррикаде.

План – четыре части – выясняется.

I – “Демон” (не я, а Достоевский так назвал, а если не назвал, то è ben trovato (хорошо придумано. – *итал.* – *Ред.*)),

II – Детство, III – Смерть отца, IV – Война и революция, – гибель сына).

Через 2 дня, 5 декабря, Блок писал матери: “Твои соображения о баррикаде меня до сих пор поддерживают в хорошем настроении относительно поэмы. Кажется, план готов и вот-вот начну писать”.

Об интересе поэта к собиранию материалов по Турецкой войне свидетельствует запись в дневнике 17 декабря: “Третьего дня читал рассказы офицеров о турецкой войне – мерзость и скука, но *лучше* Л. Андреева” (имеется в виду одновременно читаемый “Сашка Жегулев”). К началу марта 1912 г. у автора созрел план продолжения той части Первой главы, которая связана с Турецкой войной. 2 марта он записывал в дневнике: “Подумываю о поэме.”; 4-го: “Днем – пишу поэму”. В письме А.И. Арсенишвили от 8 марта 1912 г. сообщалось: “Я сейчас пишу поэму и поглощен ею...”

И на этот раз непосредственной работе предшествовали раздумья, накопление материала, определенная “пауза”. 26 февраля в дневнике записано: “Поэма – ни с места”. Можно предположить, что с планами поэмы связана дневниковая запись 31 декабря 1911 г. о Маше Добролюбовой (сестре поэта А.М. Добролюбова). В ней отразился интерес поэта к эпохе революции 1905 г.

В рукописях Первой главы “Возмездия” к периоду мартовской работы относится хотя и небольшой, но цельный и значительный фрагмент на л. 32–37 об. Он соответствует ст. 165–210. Отрывок завершает описание возвращения русских войск в 1878 г. в Петер-

бург. На полях л. 33 – важная для датировки именно мартом запись, сделанная теми же чернилами, что и текст: «См(отри) рассказ З.Н. Гиппиус “Нет возврата”, который я читал вчера на ночь 5 марта 1912». При сравнительно небольшом объеме “мартовский” фрагмент является своего рода ключевым в философско-поэтическом обобщении изображаемого. Именно в этом фрагменте Блок рассказывает о том, как проявилась война и ее испытания в “обычных прежде, лицах”: “Все крещены огнем и делом...”. Поэт как бы предугадывает рождение героического в истории, его интересуется разгадка того, как совершается в жизни “чреда событий мировых”. Так, в качестве завершения военной темы создается фрагмент, важный именно в эпико-символических проекциях произведения: не только в изображении широкого фона истории, но прежде всего во внутреннем течении сюжета, где раскрывается созидание и разрушение личностей в движении истории. Фрагмент дополняет произведение штрихами, которые являлись контрастными раскрытию темы “демона”. Хотя написанное Блоком соответствовало главным проекциям плана конца 1911 г. (подсказанного матерью), но еще не являлось его непосредственным осуществлением. Возможно, этим объясняется недовольство поэта тем, что сделано в 1911 г.: общие контуры произведения требовали уточнения, для чего нужны были новые усилия, поиски, наблюдения. Итак, в творческих размышлениях Блока весны 1912 г. поэма опять занимала значительное место.

Однако после марта поэт непосредственно над текстом уже не работал. Реализация большого плана конца 1911 г. откладывалась. В мае Блок сообщил А. Белому о новом замысле: “У меня мысли театральные, то есть хочу вернуться к драме”. Речь шла о драме “Роза и Крест”. 30 мая 1912 г., перечисляя в дневниковой записи все, он “делал и писал” в этот год до июня, Блок упоминал и о том, “что должно быть сделано”: среди другого им подчеркнуто – “Поэма!..” С сожалением он замечал об оставленном “Возмездии” в письме А.М. Ремизову 9 октября: “Кажется, все это могу написать – и оперу, и пьесу, и свою большую поэму, – а не знаю, за что взяться”. Во второй половине года Блок не вернулся к написанию поэмы, продолжая, видимо, лишь подготовительные работы к ней. Упоминание о поэме содержится в дневниковой записи 18 декабря 1912 г.: “Вечером от 6 до 1 часу ночи – Н.П. Ге, я читал ему поэму, которую не открывал с Верховского, ему и мне понравилось, особенно – об отце и вступление. Война – хуже”. Встреча с Ю.Н. Верховским, судя по записи в дневнике, состоялась 26 сентября.

25 февраля 1913 г. в письме к жене поэт сообщал: “Думаю о поэме”. Там же поэт замечал: «... “Жизнь проходит, как пехота”, но в шаг ее врывается мазурка (лейтмотив поэмы)». Так цитировался недавно составленный план, имевший дату “21 февраля 1913”. О возможном продолжении поэмы Блок сообщал 25 февраля Ю.Н. Верховскому: “Пьеса готова, кажется, примусь за поэму”.

Вновь написанный план во многом детализировал тот, который был записан в дневнике 3 декабря 1911 г. Но в нем выделено лейтмотивное, “музыкальное”, начало (“Два лейтмотива: один – жизнь идет, как пехота, безнадежно. Другой – мазурка”). В отличие от других планов (например, составленного летом или в начале осени 1911 г., который был вскоре осуществлен), этот план на ряд ближайших лет остался только программой: реализация его еще не находила в творческом воображении достаточно сильных толчков.

Если февральский план – это обращение Блока к замыслу поэмы в целом, то другие планы осени 1913 г. отражают раздумья поэта над частями целого: над еще не оконченной Первой главой, над содержанием Второй главы. Осенью 1913 г. Блок обращался и к размышлениям над Третьей главой. Об этом свидетельствует авторская помета на л. 248 *ЧА_{III}*: фрагмент второй редакции – иронический разговор с читателем поэта-сына о своей музе – Блок оценил: “Очень нравится. Осень 1913”.

К осенним планам 1913 г. поэт вернулся через год.

Особый момент кристаллизации замысла относится к февралю 1914 г., когда Блок, возвращаясь к черновикам, выделил ряд фрагментов ранней редакции (второй, главным образом), но также и более поздней в качестве уже самостоятельных произведений. Тог-

да в T_8 он записал стихотворения “Когда ты загнан и забит..”, “Земное сердце стынет вновь..”, “О, как смеялись вы над нами..”, “Моей сестре” (“В огне и холоде тревог..”), “Современнику” (“Да. Так диктует вдохновенье..”), “Когда мы встретились с тобой..” Между тем, они являлись фрагментами поэмы. Эту связь поэт отметил в T_8 , оговорив в заглавии или после текста “Из поэмы”. С датой 4 декабря 1914 г. в тетради стихотворений записаны “Два века”: в основе этого текста – фрагмент 1911 г. о девятнадцатом веке, переработанный в более объемное целое. Этот, а также и другие части поэмы – “Пролог”, под названием “Народ и поэт”, фрагмент “Страна под бременем обид...” под заглавием “Над Варшавой” – в 1914 и 1915 г. появились в печати как самостоятельные произведения, однако без каких-либо оговорок о связи с неизвестным для читателя замыслом поэмы.

Встретившийся с Блоком весной 1914 г., В.В. Гиппиус вспоминал: «Блок спросил, читал ли я стихи его, напечатанные в “Сирине”, и стал расспрашивать о впечатлении от каждого. Я назвал прежде всего “Когда ты загнан и забит...”, еще не зная, что это – отрывок из “Возмездия”. Блок сказал об этом. Видно было, что он придает особое значение своей работе над поэмой, и проверить впечатление от напечатанного отрывка ему важно» (*Гиппиус В.В.* От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 340).

Ряд фрагментов выделен Блоком из ранней редакции поэмы: “Земное сердце стынет вновь..”, “Моей сестре”, “Когда мы встретились с тобой..”, “О, как смеялись вы над нами..”. Будучи частями лирической исповеди поэта-сына, они уже осенью 1911 г. фактически были исключены из нового эпического замысла: в черновой рукописи Третьей главы их нет. Именно эти фрагменты в первоначальной редакции были решающими в теме революционного возмездия страшному миру. Их исключение из поэмы являлось подступом к иному решению лейтмотивной темы возмездия (“Что ж человек? ~ Какие огненные дали открылись взору твоему?!”) не в формах лиризма, а эпичности. То, как “созревает” “новая порода”, “угль превращается в алмаз”, поэт намеревался показывать в диалектике жизни, в облике представителей разных поколений “рода”. Лирические формы воплощения замысла отодвигались на второй план.

Однако и на новом этапе реализации планов поэмы она не освобождалась от лиризма. Напротив, в теме поэта и мира он был значим.

5 февраля 1914 г. Блок записал в тетрадь автографов стих. “О, я хочу безумно жить...” (замысел его относился к 1909 г.) с пометой: “к поэме” (см. об этом в т. 3 наст. изд.). Таким образом, поэт продолжал работу и над лирической частью поэмы. В качестве самостоятельных произведений Блок выделил в 1914 г. и такие фрагменты поэмы, которые были оставлены им в тексте поэмы: Пролог, вступление к Первой главе о девятнадцатом веке, “Когда ты загнан и забит...” и “Страна под бременем обид...”. То, что поэт допускал возможность их двойной роли – как частей большого целого и как самостоятельных стихотворений – говорит об особой закономерности создания поэмы. Ее художественный мир в формах лиризма получал законченность и воплощение раньше и быстрее, чем сюжетно-эпическая часть. Именно в этих лирических частях находили решение исходные темы, но в то же время несомненны были и большие трудности в реализации эпического замысла, соединяющего гуманистические идеи поэта с материалом истории. Об этом говорят многочисленность планов поэмы, многократное возвращение к ним, а также протяженность работы над отдельными частями. Так, завершить Первую главу не удалось в 1911 г. Не закончил ее поэт и в последующие 1912, 1913 и 1914 годы. И только в 1916 она, наконец, была дописана, причем в короткий срок.

Хронологию работы над Первой главой позволяют восстановить как авторские датировки отдельных фрагментов, упоминания в записных книжках, дневниках, так и археографические признаки бумаги, чернил, почерка.

$Ч_{AIII}$ главы с внешней стороны представляет сложную мозаику больших тематических фрагментов, написанных в разное время и объединенных на последнем этапе работы. По характеру бумаги, а также способу написания достаточно четко отделимы по бу-

маге (плотной, белой) и чернилам фрагменты работы весной 1911 г.: Пролог, вступление к Первой главе, частично – тема семьи и появления “демона” (ст. 702–714, л. 69–70). Это подтверждают и авторские даты на отдельных листах.

От этого самого раннего текста по внешним признакам (бумаге и пр.) отличима часть главы, над которой Блок работал в 1914 г. Тогда написан большой фрагмент: ст. 724–909, л. 71–83. Именно он соответствует октябрьскому плану 1913 г., где выделена тема “демона” как “предвестника” 1 Марта. В составе рукописи фрагменты 1911 и 1914 г., написанные чернилами, являются более ранними ее частями, чем окружающий текст, написанный позднее, в 1916 г., карандашом. Видимо, сначала эти фрагменты находились в одной обложке с другими частями текста, близкими им тематически. Одна из рабочих обложек главы имела такое тематическое обозначение:

«(к 1 части)

Семья и появление “демона”».

Далее следовали даты работы: “(весна 1911 – лето – за границей) – август 1914.” (Л. 63 об.).

Упоминания о работе над поэмой в 1914 г., несомненно, “первой частью” и также “третьей”, содержатся в *ЗК₄₄*. 22 августа поэт записал: “Поэма (Александр Львович)”, а 24-го того же месяца – “Поэма”. Сохранились сведения о намерении Блока издать в 1914 г. фрагмент поэмы. Листы с заголовками подготовленной рукописи оказались в *ЧА* “Двенадцати”. На л. 5 об. (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 135) находится запись:

«рукопись 13 страниц

Отрывки из поэмы

“Возмездие”».

Там же, на л. 6 об. – другая запись, вероятно, для титульного листа: “Для сборника в пользу семей русских волонтеров на западном фронте”. Возможно, этот план издания относился к осени 1914 г., когда Блок участвовал в работе благотворительного Комитета помощи семьям запасных, собирал пожертвования. См. об этом в *ЗК₄₄* 30 и 31 июля и в первых числах августа. Ср. запись в дневнике А.А. Ахматовой 5 августа 1914 г.: “Блок в это время ходит по семьям мобилизованных для оказания им помощи” (*Ахматова А. Избранное*. М., 1974. С. 495). Другие сведения об этом предполагаемом издании не известны. Можно предположить, что с этим проектом издания (не осуществленным) связан сохранившийся беловой текст заключительной части второй редакции поэмы (см. *БА_{II}*).

О работе над “Возмездием” в мае и июне 1916 г. Блок оставил ряд записей в *ЗК₄₈*: 10 мая – “Начал писать.”; 19 мая – “Первую половину дня я писал.”; 27 мая – “Пишу.”; 29 мая – “Пишу, пишу.”; 1 июня – “Пишу.”; 3 июня – “Пишу, пишу.”; 4 июня – последняя запись: «Окончена и связана с Прологом Первая глава. Всего – 1019 стихов (“Демон”, обе части – 1139 стихов, “Боярин Орша” – 1066, “Бал” – 658, “Эда” – 683, “Цыгане” – семь глав – 1208)». 3 июня Блок так оценил свою работу над поэмой: “Поэма обозначает переход от личного к общему. Вот главная ее мысль. Формула вместительна, на первый взгляд – растяжима, неясна, многозначна. Но это, надеюсь, только на первый взгляд.

Осознавая себя как художник, я опять говорю как бы общим словом. Но – да подтвердит верность моих формул – действительность”.

Всего с 10 мая по 4 июня было написано больше половины Первой главы: в *ЧА_{III}* она имеет более 920 стихов, из них были впервые написаны или существенно изменены более 480. По ходу работы поэт выставил даты на листах *ЧА*: на л. 53 – 10 мая, л. 62 – 1 июня, л. 68 – 29 мая, а на л. 22 – запись: “День окончания 1-й главы 4 июля 1916”.

Поздний этап работы резко выделяется в рукописи и характером бумаги (плотная, желтая), и написанием – простым карандашом. Рукопись в целом также содержит карандашную правку (в верхнем слое текста) этого же завершающего периода ее создания.

Итак, судя по всем данным, при завершении главы написаны: стихи 81–88 (Л. 22–23), 211–442 (Л. 36–50), 460–466 (Л. 52), 471–474 (Л. 53), 479–701 (Л. 53–59, 62–68), 718–723 (Л. 70), 840–843 (Л. 78), вставка после ст. 879 (Л. 80), 908–925 (Л. 84). Объединяющей всю эту

работу над главой была тема “революции”, как поэт ее обозначил на ранней обложке (л. 63 об., см. об этом выше). Там же есть и суммарная авторская дата “май 1916” (См. подробно о хронологии создания поэмы в работах первых исследователей истории ее текста: *Медведев П.* Драммы и поэмы Ал. Блока: Из истории их создания. Л., 1928. С. 195–233; (Иванов-Разумник Р.В.) Приложения: Возмездие //СС-125, С. 168–219.)

В день окончания Первой главы – 4 июня – Блок, удовлетворенный результатом, писал матери: «... Сейчас, наконец, окончена мною “Первая глава” поэмы “Возмездие”. С “Прологом” она составляет 1019 стихов. Если принять во внимание статистику поэм, написанных четырехстопным ямбом, то выходит: у Лермонтова обе части “Демона” – 1139 стихов, “Боярин Орша” – 1066 стихов, у Боратынского “Бал” – 658 стихов, “Эдда” – 683 стиха и только “Наложница” (цыганка) – семь глав – 1208 стихов. Если, таким образом, мне удастся написать еще 2 или 3 главы и эпилог (что требуется по плану), то это может разрастись до размеров Онегина. Каково бы ни было качество, в количестве работы я в эти дни превзошел даже некоторых прилежных стихотворцев». К началу лета 1916 г., по всей вероятности, относится и *БА_{III}* Первой главы. Существенных изменений в сравнении с *ЧА_{III}* он не содержит.

Возможно, завершив Первую главу, Блок думал продолжить в это время работу над поэмой. В письме к матери 16 июня 1916 г. поэт так объяснял нежелание выезжать из Петрограда: «... не еду потому, что надеюсь (может быть, и тщетно) еще что-нибудь написать. Глухое лето без особых беспокойств в городе, где перед глазами пестрит, но ничего по-настоящему не принимаешь к сердцу, – кажется, единственное условие, при котором я могу по-настоящему работать (так было когда-то с “Вольными мыслями”, потом – с “Розой и Крестом”, теперь – с поэмой)». О поэме Блок упоминал в *ЗК₄₈* 28 июня 1916 г.: “Поэма остается неоконченной. Техника того, что написано последним, слабовата уже”. Однако продолжить работу Блоку не удалось – 7 июля 1916 г. он был призван в армию, – и готовилась Первая глава к изданию уже без него.

Переговоры с журналом “Русская мысль” велись матерью поэта при посредстве Л.Я. Гуревич. В ноябре А.А. Кублицкая-Пиоттук писала Л.А. Дельмас: “... вчера я прочла поэму вслух Любови Яковлевне Гуревич. Она пришла в такой восторг, что я даже не ожидала, и повезет завтра Струве поэму сама (...) Она Струве знает давно. А я сегодня вечером должна ей послать переписанное” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 469). Вскоре мать сообщила Блоку о возможности публикации поэмы, на что он отвечал: “Сейчас мало думаю о таких вещах, но, вероятно, буду рад, если это случится”. Об обмене письмами с поэтом по поводу посылки “Возмездия” в “Русскую мысль” впоследствии вспоминал редактор журнала П.Б. Струве (см.: *Русская мысль*. София, 1921. № 10–12. С. 88, а также: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 471). Вероятно, в конце ноября мать писала Блоку о пожелании редактора изменить в тексте имя Анны Павловны (Вревской) “Ольгой Павловной”, чтобы избежать прямого намека на А.П. Философова. Блок ответил согласием. Но послание Блока не было получено, о чем известно из его следующего письма 7 декабря 1916 г.: “Мама, вероятно, ты получаешь не все письма, например, не получила открытку, в которой написано, что Ольга Павловна вполне допустима. Вообще известие о том, что поэма пошла, мне приятно”.

Пролог и Первая глава “Возмездия” появились в первом номере журнала за 1917 г.

В обстановке начавшихся в России революционных событий Блок не однажды обращался к самооценкам своего творчества, определению своих позиций, а в связи с этим часто упоминал и “Возмездие”. Так, 15 апреля 1917 г. он писал матери: “Все-таки мне нельзя отказать в некоторой прозорливости и в том, что я чувствую современность. То, что происходит, – происходит в духе моей тревоги”. С этим перекликается самооценка в *ЗК₄₉* 30 апреля: “Внимательное чтение моих книг и поэмы вчера и сегодня убеждает меня в том, что я стоящий сочинитель”. 2 мая Блок упоминал о поэме тоже в связи с общими оценками своего творчества в письме к матери: “Я перечитывал внимательно свои книги и поэму, и мне они понравились”.

В рабочих планах Блока весны 1917 г. предполагалось и написание “Возмездия”. Об этом говорит, в частности, одна из майских записей в *ЗК*₄₉, где Блок, объясняя бессмысленность своего пребывания в инженерно-строительной дружине, писал: «... я не отступлюсь от своего “дезертирства”: я семь месяцев валял дурака. Если меня спросят, “что я делал во время великой войны”, я смогу, однако, ответить, что я делал дело: редактировал Ап. Григорьева, ставил “Розу и Крест” и писал “Возмездие”».

О планах, связанных с продолжением “Возмездия”, слышал от Блока М.В. Бабенчиков летом 1917 г.: «С каждым днем я чувствовал, что Ал.Ал., все больше и больше уходя в себя, копил силы для какой-то новой работы. Что это за работа, я тогда не знал, а только смутно догадывался о ней по его отрывочным замечаниям.

– Хотя я сейчас ничего не пишу, – говорил он мне, – но мысли идут, нить не прерывается.

– Я хорошо знаю, что *надо* писать, и буду писать. И когда я снова вернусь к литературе, то продолжу начатое в третьем томе, главное – тему “Новой Америки”. Вот и поэма также на очереди (Блок имел в виду неоконченное “Возмездие”)» (*Бабенчиков М.В. Отважная красота // Звезда. 1968. № 3. С. 196–197*).

К мыслям о поэме Блок возвращался и в период работы в следственной комиссии. 18 июня 1917 г. он записал в дневнике: “Ключевский 4-м периодом русской истории считает период с начала XVII века до начала царствования Александра II (1613–1855). (Вот, вот – реализм, научность моей поэмы, моих мыслей с 1909 года!)”. Слишком занятый общественной деятельностью в это время, Блок не мог, однако, непосредственно приступить к продолжению поэмы, да и другие творческие планы оттесняли прежний замысел.

Вскоре после окончания “Двенадцати” Блок вновь обратился к “Возмездию”. К 19 февраля 1918 г. им был подготовлен отрывок из Второй главы для публикации в альманахе “Скрижаль” (см. *ЗК*₅₆). Текст, написанный в 1911 г., был существенно сокращен. В печатном тексте вступления во Вторую главу нет описания Петербурга (в *ЧА*_{III} оно многими деталями напоминало пушкинское), сокращен отрывок с петровской темой, вызывавший ассоциации с “Петербургом” А. Белого. “Поразительные совпадения” поэмы с “Петербургом” (имелось в виду, конечно, вступление во Вторую главу) Блок заметил давно и сделал об этом запись в дневнике 23 февраля 1913 г.

Помета Блока в *ЗК*₅₆ от 17 февраля 1918 г.: «Переписать главы “Возмездия”...», – видимо означала намерение внести текст поэмы в тетрадь стихотворений как законченный. Можно предположить, что к этому времени относятся также пометы и правка карандашом в *БА*_{III} Первой главы (см. в разд. “Другие редакции и варианты”). Позднее поэт включил в *Т*₉ печатный текст Первой главы, сделал в нем сокращение четырех стихов, а в *Хр. ук. Т*₉ оставил запись о внесении и остальных частей текста:

“Не переписано:

1) Вступление к II Главе

Возмездие (108 строк). март 1911.

– Сборник “Скрижаль” 1918 г.

2) Отец (к III Главе “Возмездия”) – сент. 1911.

– Записки мечтателей”.

В конце 1918 г. поэт подготовил к изданию цикл “Ямбы”, большую часть которого составили стихи, входившие в ранние редакции “Возмездия”. Предлагая новый цикл В.С. Миролубову, Блок писал 5 декабря 1918 г.: “Если напечатаете их, буду очень рад, так как мне они кажутся одними из лучших моих стихов”. Выраженное в стихах цикла, созвучное поэме, автор считал важными в разговоре с читателем. Этим циклом он как бы устанавливал связь между собой прежним и уже пережившим революцию, выделяя в прошлом особенно близкое современности. Стихотворения, выделенные из поэмы, не однажды звучали в концертных выступлениях поэта: в перечне стихов для чтения перед слушателями встречаем “О, как смеялись вы над нами...”, “Земное сердце стынет вьюнь...”, “В огне и холоде тревог...” (*ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 134*). О чтении Блоком “Когда ты

загнан и забит...” (заключительного отрывка Третьей главы) на вечере в пользу Лазарета деятелей искусств в 1915 г. свидетельствует упоминание в письме А.А. Кублицкой-Пиотух к М.П. Ивановой от 29 марта (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 445).

Готовясь к публичному чтению Третьей главы поэмы на литературном вечере в петербургском Доме искусств (Студии Издательства “Всемирная литература”) 12 июля 1919 г. (см. запись в *ЗК*₆₀), Блок написал Предисловие к главе – своеобразную статью о замысле в целом, заканчивать который к этому моменту он не считал уже нужным (см. Предисловие). 26 июля Блок читал поэму в аудитории “Петербургского кооператива” (Невский, 96), как отмечено в *ЗК*₆₀. Публичные чтения поэмы состоялись также в 1920 и 1921 годах (см. об этом далее по отзывам в печати и воспоминаниям).

Блок сдалел о незаконченности поэмы. В мае 1920 г. на отдельном оттиске из “Русской мысли”, подаренном Н.А. Нолле-Коган, он сделал надпись: “Надежде Александровне Нолле еще одна вещь, из которой должно было выйти много, а вышло так мало” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 351). Образы незавершенного произведения не покидали поэта, он продолжал знакомить с ними близких себе людей, о чем вспоминала Е.Ф. Книпович: «У меня сохранились записи о том, как он читал нам главу “Возмездия” об отце. И я хорошо помню этот душный июльский вечер 1920 г. и ворчанье дальней грозы и голос Блока, прерывающийся от подступающих слез, и вдруг – дружное пение матросов на реке» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 39). Далее мемуаристка приводила среди в чем-то “нелюбимых” поэтом стихов (“неожиданно” для себя) строфу из Пролога “Пусть церковь темная пуста ~ Свою обедню отслужу”.

В последний год жизни Блок все-таки возобновил работу над поэмой: в январе 1921 г., потом в апреле и со второй половины мая по июль им сделаны наброски к продолжению замысла. (См. об этом в наст. томе коммент. к черновикам продолжения Второй и Третьей глав “Возмездия”.) Свидетелем новых творческих попыток Блока была Н.А. Павлович. «В минуты надежды на возврат творчества он мечтал, – вспоминала она, – окончить “Возмездие”. Ему хотелось увидеть в русской поэзии возрождение поэмы с бытом и фабулой» (*Павлович Н.* Из воспоминаний об Александре Блоке // *Феникс*. 1922. Кн. 1. С. 157).

Июльские наброски к поэме были последним, что Блок написал в стихах.

Друзья и близкие Блока были знакомы уже с ранней редакцией поэмы. Судя по упоминаниям в дневнике и в рукописях, закончив “варшавский” вариант “Возмездия”, поэт читал его Вл. Пясту, С.М. Городецкому, сестре Ангелине и, конечно, матери и М.А. Бекетовой. В дневнике Е.П. Иванова – запись 27 января 1911 г.: «К Блоку ходил: он читал “Варшавскую поэму” свою» (*ИРЛИ*. Ф. 662. Ед.хр. 31. Л. 24). Читал Блок раннюю редакцию поэмы и на одном из собраний на “Башне” Вяч. Иванова. Об этом вспоминал впоследствии С.М. Городецкий: «Помню первое чтение “Возмездия”, в присутствии немногих, у Вячеслава Иванова. Поэма произвела ошеломляющее впечатление (...) Меня она поразила свежестью зрения, богатством быта, предметностью, – всеми этими запретными для всякого символиста вещами. Но наш учитель глядел грозой и метал громы. Он видел разложение, распад, как результат богоотступничества, номинализма, как говорили мы немного позднее, – преступление и гибель в этой поэме. Блок сидел подавленным. Он не умел защищаться. Он спорить мог только музыкально. И когда Вячеслав пошел в атаку, развернув все знамена символизма, неопит реализма сдался почти без сопротивления. Поэма легла в стол, где пробыла до последних лет, когда Блок сделал попытку, если не докончить, то привести ее в порядок» (*Городецкий С.* Воспоминания об А. Блоке // *Печать и революция*. 1922. Кн. 1. С. 86; см. также: *Воспоминания*, 2. С. 340).

Этим не закончился спор Вяч. Иванова с Блоком по поводу поэмы. В 1913 г. он начал работу над своей поэмой “Младенчество” (опубликована в 1921 г.). Как подчеркнуто позднее исследователями, “в панораме русской поэзии 10-х годов” “Младенчество” Ива-

нова «непримиримо противостоит “Возмездию” Блока как противоположный ему полюс. Оба поэта обращаются к предистории своей жизни, к воспоминаниям о своих отцах, к теме рода и судеб рода – но делают это в споре друг с другом. Самое слово “возмездие” говорит о мятежной трагедии; “младенчество” – о созерцательной идиллии (...) Звуковые образы “Возмездия” – “неустанный рев машины”, и “выюги завыванье”; фон “Младенчества” – “святой безмолвия язык”, укромная и мирная тишина колыбели и могилы. “Возмездие” хранит память о романтике Байрона, “Младенчество” – о романтике Новалиса и Жуковского (...) Накануне революции пути двух поэтов далеко расходятся: Блок выбирает “богоотступничество” и “богоборство”, Вячеслав Иванов выбирает “богопокорность”» (см. вступит. статью С.С. Аверинцева в кн.: Вячеслав Иванов. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Малая серия. М., 1978. С. 51–52).

В процессе работы над новым, эпическим замыслом Блок вновь знакомит близких с фрагментами поэмы. 8 марта 1911 г. Е.П. Иванов записал в дневнике: “Был вчера у Блока. Он читал поэму. Изумительна как теперь стала она. Удивительно! Классическое произведение” (*ИРЛИ*. Ф. 662. Ед.хр. 32. Л. 3 об.).

Судя по отзыву С.М. Городецкого в его письме к Блоку 27 марта 1911 г., он слушал в чтении поэта также вступление ко Второй главе; отзыв его содержит оценку картин именно этой части, написанной в начале того же марта. Письмо является, как ясно из его содержания, дополнением к устному суждению. “Мне хочется, – обращался Городецкий, – написать тебе, что вздумалось еще про твою поэму.

А(лександр) III изображен великолепно и, что самое главное, по-своему. Тут творческий процесс у тебя образцовый (...) ты пошел дальше и нашел неотмеченное (водянистость). Но не с Петром. Сейчас уже есть шаблон мыслить о Петре – Серов, Добужинский и, наконец, Ауслендер. У тебя есть один образ прямо оттуда: выкаченные глаза (...) Не найдешь ли нового чего? Все дело в какой-нибудь новой гениальной мелочи.

Вспоминая твоё чтение, все больше радуюсь, что ты пишешь такую хорошую вещь” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 52).

В дневнике есть упоминание о чтении поэмы в 1912 г. Ю.Н. Верховскому и Н.П. Ге (см. выше). В воспоминаниях Б.А. Садовского говорится: «Часто Блок читает мне свои новые стихи. Первую часть “Возмездия” узнал я задолго до ее появления в “Русской мысли”» (*Садовской Борис*. Встречи // *Звезда*. 1968. № 3. С. 185).

В.Н. Княжнин, узнав от Блока об окончании Первой главы “Возмездия” 6 или 8 июня 1916 г., в шуточной форме сообщал эту литературную новость В.Э. Мейерхольду около 9 июня: “Немчин же родом, Блок – во Петрограде, тростию вельми пишет и до тысячи с полтысящью стихов песни, поемой зовомой у еллинов, в столбцах есть” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 464).

В конце ноября 1916 г. мать поэта познакомилась с Первой главой Л.Я. Гуревич, которая восторженно отзывалась на новое произведение Блока. Свои впечатления Гуревич передавала в пространном письме к Блоку 5 декабря: «Александра Андреевна уже написала Вам, что она прочла мне Вашу поэму, которую я отвезла затем в “Русскую мысль” (...) То время, которое Вы изображаете, я помню так ясно: мне было 12 лет в 1878 году (...) И я не нахожу слов, чтобы передать свое впечатление, одновременно волнующее и проливающее в душу какой-то нежный покой или, мож(ет) быть, чувство освобождения. Время, и мною пережитое и мне памятное, такое еще близкое – ибо жизнь пронесилась так скоро и несмотря на все, что в ней было, легко, как сон, – это время вдруг отлилось на моих глазах в прекрасное, прозрачное произведение искусства... Мне вспомнились тогда же, при чтении, строки Толстого в одном из писем к А.А. Толстой: “Странно и приятно думать, что то время, которое я помню..., – уже история. Так и видишь, что колебание фигур на этой картине прекращается и все устанавливается в торжественном покое истины и красоты”. Толстой писал это потому, что эпоха 30-х годов, после изучения ее по документам, уже отливалась в его собственное художественное произведение, освобождающее прошедшую историческую эпоху от плена и тления, устанавливающее ее фигуры в

“торжественном покое истины и красоты”. (...) мечта дожить до того времени, когда литература выйдет из туманов, все не умирала в душе.

И вот туман совсем рассеивается в Вашей новой вещи. Я слышу в ней веяние нашего времени, теперешнего, – не вечное только, но и современное: 70-е годы, о которых здесь говорится, не могли посмотреть на себя такими глазами; все пережитое за последние 25 лет кажется необходимым для того, чтобы родилась эта вещь. А прозрачность – та самая, о которой можно было только мечтать за все эти годы. И такая радость, такой восторг был в моей душе, когда я слушала, – тот восторг, который дает во все годы только настоящее искусство...» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 470).

Появление “Возмездия” в печати вызвало самые разные отклики у современников. Как нечто очень значительное воспринял новое произведение В.М. Гейштор, писавший Вл. Пясту 17 февраля 1917 г.: «Только что (...) просмотрел “Русскую мысль” и прочел “Возмездие” (автобиографию или вернее патрографию) Ал. Блока. И странно сквозит в блоковских музыкальных строках подлинный лик Пушкина. Впрочем, это тема не скоропалительного письма» (*Там же*. С. 471).

Показательно, что в первые же месяцы поэтические выражения из поэмы воспринимались как афоризмы. Так, В.А. Зоргенфрей писал В.В. Розанову 31 марта: “... Блок приходится верить, он лучше нас видит начала и концы...”, – имея в виду один из стихов Пролога (*Там же*. С. 472).

Ю.А. Никольский, сообщая 17 мая 1917 г. Л.Я. Гуревич о тревожных событиях, явно нараставшем кризисе, прибегал к стихам из вступления к Первой главе: “Что за несчастный народ такой природно коммунистический, что у него в крове нет чувства собственности, и прежде всего собственности на отечество, вечно витающий в какой-то мечте?! И опять, как аккомпанемент, из Блока: “Не ведаем: над нашим станом, // Как встарь, повита даль туманом // И пахнет гарью...”” (*Там же*. С. 473).

В упомянутом письме к Розанову В.А. Зоргенфрей в то же время отрицательно отзывался о поэме в целом: «Нет, Блок злоупотребляет рецептом Пушкина: “Всякая поэзия, прости Господи, должна быть глуповата»» (*Там же*. С. 472). В этой позиции отразилось, по всей вероятности, несогласие с блоковской оценкой современной ситуации, с тем, что, как писал Зоргенфрей позднее, “Блок всецело отдался новому потоку” (*ЗМ*. 1922. № 6. С. 140–141). О неприятии Зоргенфреем поэмы “Возмездие” позднее вспоминал Г.П. Блок в письме к Б.А. Садовскому 14 августа 1922 г., сам разделяя эту оценку: “Удивительная вещь. Соединение трех элементов: подлинной гениальности (Пушкинского размаха), подлинного (в медицинском смысле) сумасшествия и подлинной глупости. Последнее объяснил мне и так именно определил Зоргенфрей, большой друг покойного, благоговевший перед ним” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 472).

Первая оценка в печати – статья Д.И. Выгодского “У новой грани. (Поэма Ал. Блока “Возмездие”)” (*Новая жизнь*. 1917. 28 апр. (11 мая). № 9). В появившихся частях поэмы – Прологе и Первой главе – критик увидел черты, знаменательные для Блока: «... Он закончил свой путь, по которому шел до сих пор, и ныне стоит у грани, за которой должно начаться нечто новое (...) поэма является лучшим подтверждением этого. Если в итоге прошлого стоят его собственные слова: – Что же? Не “общественно”? – Знаю. – Что? “Декадентство”? – Пожалуй. – Что? “Непонятно”? – Пускай, – то в том лице, который он нам показывает ныне, все эти черты получили обратное значение: это вовсе не декадентство, это совершенно понятно и это, прежде всего, общественно”. Выгодский выделял в поэме исторические эпизоды и образы (1-е марта, народовольцев), видел в этом “большую общественную ценность” произведения. Высоко оценивался Пролог: «В Прологе, составляющем лучшие строки поэмы, сквозит философская мудрость зрелого человека, порвавшего со всеми грехами, соблазнами, суетами и тревожностями молодости, вдруг увидевшего, как прост и как понятен ответ на когда-то мучившие “проклятые вопросы”, как прост и ясен для созерцающего взора весь мир». В позиции Блока критик подчеркивал перемену: “Из поэта-романтика, мечтающего и порыва-

ющегося, глубоко субъективного и эгоцентрического, Блок становится поэтом реалистически настроенным, объективно воспринимающим явления мира. Однако этот перелом оказывается не таким коренным (...) основная черта его прежней поэзии – созерцательность, романтическая бездеятельность, присуща ему и теперь...” Выгодского покрывал поэтический талант Блока: “Пристальность, которою Блок всегда обладал в большой степени, носила прежде всего характер по преимуществу интроспективный, но была почти целиком направлена внутрь, в себя (...) Зоркость поэта и теперь так же велика (...) хотя она во много раз расширила свое поле (...) поистине понимает “вечное мгновение”, в минутном и случайном провидя истинное и вечное”. Писал критик также о пушкинской традиции, влиянии на поэта романа в стихах, “формы, единственной навсегда”, как он ее называл: “Тень Пушкина то в виде современного, модного в поэзии сегодняшнего дня, стилизованного “пушкинианства”, то в виде действительно пушкинского творческого духа все время витает над страницами поэмы. Она и в общем здании общественно-бытового романа, и в лирико-философских отступлениях от прямого повествования, и в реализме некоторых картин, и в построении описаний и образов, и, наконец, часто в технических приемах стихотворства».

Краткий отзыв на поэму содержался в воспоминаниях о событиях 1881 г. И. Новикова “В эти дни. Первое марта”. Взяв эпиграфом строку поэмы “Все издалёка предвещало...” (из конца Первой главы), он писал: «Строки эти из новой недавно появившейся (и замечательной) поэмы А. Блока “Возмездие” вспоминались мне не раз на улицах Москвы Первого марта, в день годовщины того далекого уже теперь события...» Под текстом воспоминаний стояла дата: 17 июля 1917 г. (Народоправство. 1917. № 5. 1 авг. С. 6).

В литературной жизни первых советских лет особое место занимали авторские вечера и чтения перед достаточно широкими аудиториями. Они поддерживали пишущих материально (гонорарами, редкими в условиях кризиса издательского дела) и морально (особой формой связи с читающей публикой), а также служили пробуждению общекультурных интересов в бурном общественными событиями времени. Среди многих были и выступления Блока, замеченные современниками. Поэт читал разные свои произведения, в том числе фрагменты “Возмездия”. Раньше публикации Третьей главы (в 1921 г.) Блок выступал с ее чтением. В печатном отчете о вечере 12 июля 1919 г. отмечалось: «...”Возмездие” рождено стремлением выяснить основную струю в хаосе событий и чисел, где зорким может быть только поэт”. А по поводу Предисловия подчеркивалось, что оно дает представление об “истоках творчества” и отношении поэта “к судьбе родины” (Жизнь искусства. Пг., 1919. № 190. 16 июля. С. 1).

Как это, так и последующие чтения частей поэмы запомнились современникам, краткие отклики на них помещались в прессе. Об одном из чтений (вероятно, состоявшемся 12 февраля 1920 г.) вспоминал Конст. Федин. Молодой писатель воспринял его в ряду и в непосредственной связи с другими выступлениями поэта: «Я услышал его первый раз в конце 1919 года (...) Он говорил о крушении гуманизма, о судьбах цивилизации и культуры. Слова его были набатом во время пожара, но слушателей, казалось, сковывал не ужас его слов, а красота его веры в них (...) Я вышел после чтения на улицу, как после концерта, как после Бетховена, и позже, слушая Блока, всегда переживал бетховенское состояние трагедийных смен счастья и отчаяния, ликования молодой крови и обреченной любви, и тьмы небытия.

Такое чувство я переживал и тогда, когда слушал грозную речь Блока “О назначении поэта” и особенно – когда Блок читал “Возмездие” в Доме искусств. Поэма была произнесена как признание из тех, какие высказываются, наверное, только в предчувствии смерти. Я тогда увидел Блока очень большим, громадным. И я понял, что для него искусство было вечной битвой, в которой он каждое мгновение готов был положить свою душу» (Федин Конст. Горький среди нас. М., 1968. С. 39–40). И еще одно впечатление не изгладилось в памяти Федина от чтения поэмы Блоком: в ней “все перенасыщено действи-

тельно основой основ его поэтической темы – распадом старого мира” (*Федин Конст.* Писатель. Искусство. Время. М., 1980. С. 44).

О выступлении Блока 29 июля 1920 г., в Петрограде, “в переполненном белом зале на Чернышевской площади, 2”, писала молодая поэтесса Анна Радлова в заметке “Вечер Александра Блока”: «На вечере, устроенном “Алконостом”, Блок читал фрагменты поэмы “Возмездие” (...) Со времени “Евгения Онегина” в русской поэзии не было такого мастерского изображения э п о х и...». По мнению рецензентки, “Блоку дано не только знание тайного, но и власть претворять тайное в явное”: в “Возмездии” – «ключ к “Двенадцати”», поэма «наполнена тяжелой и душной предгрозовой тишиной, пророческим предчувствием революции. И если бы знали мы “Возмездие”, то поняли бы, что “Двенадцать” лишь разрешение аккорда, ужас и радость наконец грянувшей бури. И так же, как блестящие и победно успокоенные 20-ые годы прошлого столетия мы называем Пушкинским временем, так наши потопки с правом, ибо они будут знать “Возмездие”, “Скифы” и “Двенадцать”, назовут наши будущие годы временем Блоковским» (*Жизнь искусства.* 1920. № 520. 3 авг. С. 1).

Не остались без внимания прессы авторские чтения поэмы осенью 1920 г. В хронике деятельности Блока в качестве участника публичных выступлений членов Союза писателей (помещенной в журн. “Дом Искусств”) упомянуты чтения “Возмездия” 4 сентября в Доме Искусств, а также 29 – на юбилее М.А. Кузмина (Дом Искусств. 1921. № 1. [Март]. С. 74).

Читал Блок большие фрагменты “Возмездия” во время поездок в Москву в 1920 и 1921 гг. Как вспоминал Н.С. Ашукин, 9 мая 1920 г. в доме Ю.К. Балтрушайтиса “за чаем” поэт “прочитал 3-ью главу”: “Я хотел, – сказал Блок, – показать (...) приближение революционной грозы (...) теперь, когда совершилась революция, продолжать поэму я не буду” (*Ашукин Н.С.* Заметки о виденном и слышанном. 1914–1933 / Публ. и коммент. Е.А. Муравьевой; [Предисловие] Н. Богомолова // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 199). 14 мая Предисловие и Третья глава звучали на выступлении Блока в Доме искусств, а 16 – в Политехническом музее, что предварялось сообщением в “Известиях” (1920. № 104. 15 мая).

П. Антокольский запомнил блоковское чтение “Возмездия” в мае 1921 г., во время последней поездки в Москву: «В Доме искусств на Поварской (...) Блока представил слушателям хозяин этого дома, поэт Иван Рукавишников (...) Оба они представляли из себя (...) знаменательное сочетание: высокого столичного духа и русской губернской провинции (...) Александр Блок читал прозаическое предисловие к “Возмездию”. Читал сумрачно и веско, особенно веско и горестно прозвучало: “Нам, счастливейшим или несчастным детям своего века, приходится помнить всю свою жизнь; все годы наши резко окрашены для нас, – увьи! – забыть их нельзя, – они окрашены слишком неизгладимо...” Читал он и Третью, еще не напечатанную тогда главу поэмы. И здесь удивляло намеренно русское произнесение французских слов. “Эдюкасьон сантиманталь” он сказал как человек, не знавший или презирующий законы французского языка, не по-дворянски, не по-петербургски, а жестко выговаривая каждую букву, без носового “эн”, без дифтонгов, как семинарист или Базаров, – тот самый Блок, который русскую мебель производил по-французски “мэбль”, а “тротуар” в стихах считал двусложным словом, на этот раз намеренно щеголял обратным. Сидевшая рядом со мною тонкая ценительница дикции ахнула от негодования.

Он казался здоровяком, с загорелым, кирпичного цвета, лицом, обветренный, крепкий, широкоплечий, не то скандинав – шкипер дальнего плавания, не то спортсмен-эстонец. Но впечатление это было обманчивым. Как это очень скоро выяснилось, Блок уже в ту весну был неизлечимо болен» (*Антокольский П.* Пути поэтов. Очерки. М., 1965. С. 275–276).

Слушавшая Блока 14 мая 1920 г. М. Цветаева позднее писала: “Мы сидели вместе: Вячеслав Иванов, Княжнин и я. (...) я была так взволнована чтением Блока, что даже не сообразила сразу, куда они меня ведут (...) Неожиданно увидев Александра Александровича рядом с собой, я убежала. Это было для меня примерно то же, что увидеть рядом с собой ожившего Лермонтова” (*БС-1.* С. 454).

Оценки этого выступления Вяч. Ивановым, высказанные на занятиях “Кружка поэзии” (который он вел в Москве с февраля 1920 г.), были записаны тогда же Ф.И. Коган:

“...Вячеслав Иванов делится с нами своими впечатлениями от вечера (...) Он советует всем пойти послушать Блока. «Ведь это большое явление в нашей литературной жизни”. Прочитанная Блоком поэма “Возмездие” кажется Вячеславу Иванову “неубедительной, – самая фабула неясна, хотя некоторые страницы и блистательны, но пушкинская форма не подходит к современной сложности, она кажется золотой ризой на мертвее... Лирические же стихи Блока великолепны, закончены, поэтичны» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 496).

Этот вечер вспоминала также поэтесса О.А. Мочалова: «...он протискивался сквозь жадную толпу слушательниц и слушателей во Дворце Искусства. Была весна и я стояла с букетом сирени, сорванным для него в нашем уходящем саду. Когда Блок проходил мимо, я протянула ему букет и пробормотала: возьмите... Он ответил: не надо. И опять – улыбка. Нет, обязательно (...) Он взял, внимательно посмотрел на лиловые ветки и сказал: “Это дворянская сирень”. Читал он в этот день главы из “Возмездия” и статью о ритме событий» (т.е. Предисловие к поэме. – *Ред*) (Там же. С. 497–498).

Первым откликом на появление Третьей главы в печати стала информация, которую поместил о только что вышедших произведениях журн. “Летопись Дома литераторов”: «Третья глава “Возмездия” и вступление к поэме (“Младенчество”) Вяч. Иванова принадлежат к страницам, вполне достойным этих прекраснейших поэтов» (1921. № 2. 15 июня).

Существенные оценки поэмы, хотя, как правило, краткие, были высказаны вскоре после смерти поэта. С ней связывали сложность творческого развития Блока, значительность исканий, а в незавершенности видели трагическую обреченность его судьбы. Раскованно писала об этом пресса русского зарубежья, не стесненная цензурой.

В статье-некрологе “На кресте (Памяти А. Блока)” В. Валериан называл “Возмездие” “удивительной повестью любви к родине”, последним подвигом и творчества, и жизни поэта (Новая русская жизнь. Гельсингфорс, 1921. № 193. 25 авг.).

П. Губер, откликаясь на публикацию поэмы в “Записках мечтателей”, писал, что в последней главе есть “превосходные, достойные Лермонтова стихи. В их (...) суровом, обнаженном лаконизме (...) окончательно созревший и возмужавший талант первого лирического поэта нашей эпохи, подобно тому, как в прозе авторского предисловия (...) можно узнать самого искреннего из современных мыслителей” (Жизнь искусства. 1921. № 806. 30 авг. С. 12–13).

Лиро-эпический характер произведения привлек внимание рецензента (под псевд. Москвич) рижской газеты “Новый путь”. По его определению, “Возмездие”, являясь достижением “эпического Блока”, “особенно четко выявляет лирическую манеру поэта” (1921. № 185. 14 сент.). Ю. Никольский (в статье “Порок”, посвященной памяти Блока) выделял в поэме, сопоставляя ее со стих. “Новая Америка”, блоковское ожидание перемен в судьбе России (Общее дело. Париж, 1921. № 429. 19 сент.).

Упоминалась поэма в статье Г. Струве “Памяти А.А. Блока” (Русская мысль. София, 1921. № 8–9. Авг.–сент.). Критик подчеркивал трагизм мировосприятия Блока, его приверженность идее вечного возвращения: «...кто-то сказал о нем: наследник Пушкина. Да, читая “Возмездие”, мы не можем не возводить Блока к Пушкину (...) Но (...) Блок повернул к Пушкину лишь совсем недавно. Изошел же он от Лермонтова, от которого потянулась в русской поэзии своя особая линия: через Фета и Влад. Соловьева к Александру Блоку» (С. 273). В “Возмездии” у Блока, как и у названных поэтов, по мнению Струве, – «то же “кольцевое” представление о жизни». Поэму сближает с этой “особой линией в русской поэзии” “та же обреченность” (С. 274). Струве оценивал мастерство Блока: “столь отличное от ранних произведений”, «пушкински-строгое, классически-простое, “невское” (как Нева, играют пэаны в сковывающем граните ямбов)». Деклараций поэта о “прекрасном” в мире (Пролога и завершающего фрагмента Третьей главы) критик не принимал: “Как-то неубедительно звучат слова поэта, обращенные к художнику в самом себе” (Там же).

Отклик на публикацию Третьей главы “Возмездия” и Предисловия к ней содержала статья Э. Голлербаха «Автопортреты (По поводу “Записок Мечтателей” и “Переписки из двух углов)» (Новый мир. Берлин, 1921. № 200. 20 окт.). В “драгоценном фрагменте боль-

шой автобиографической поэмы” Голлербах находил особый смысл: она интересна как “исповедь”, – и подчеркивал: “...Блок признается, что не чувствует ни нужды, ни охоты заканчивать свое произведение. Это (...) весьма симптоматично”. Выделял Голлербах и мысль Блока о соответствии “ритма поэмы” (с ним связан четырехстопный ямб) напряженному ритму времени “неслыханных перемен”.

На отдельное посмертное издание поэмы – *Блок А. Возмездие*. Пб.: Алконост, 1922 – откликнулся в “Голосе России” (Берлин. 1922. № 1019. 30 июля) критик под псевдонимом “Л-р”. «“Возмездие”, – писал он, – есть живой памятник трагически оборванной жизни поэта глубоких прозрений, заглушенных ночью мглою русской жизни». Ритмический строй произведения он определял как “трагический ямб (...) в котором слышится железная поступь рока истории”. Поэма, подчеркивал критик, и не могла быть закончена: «Где было взять Блоку последних лет, увидевшему вместо пресуствления “угля в алмаз” новую чудовищно-ироническую гримасу истории, нужную веру? Блок умер от непереносимости для чуткой души вида этой искаженной гримасы, и еще раньше умерла его поэзия. Безвременно умер и замысел “Возмездия”, от которого сохранился лишь приступ». Сходно высказывался об алконостовском издании и критик М.С.[М.Л. Слоним]. Подчеркивая значительность произведения, он писал: «Поэма эта, напечатанная в 1916 г. в “Русской Мысли”, была недостаточно оценена. Это – поэма целого поколения, напоминающая и по широте и по слиянности замысла с певучей образностью стиха пушкинского “Евгения Онегина”. К несчастью для русской литературы, она осталась не законченной и из второй части ее имеются лишь фрагменты» (Воля России. Прага, 1922. № 1. С. 85).

По поводу отдельного издания произведения выступал также К. Мочульский (см.: Последние новости. Париж, 1922. № 700. 30 июля). Как и “Двенадцать”, “Скифы”, “Стихи о России”, поэму он считал “еще настоящим”: “Всего значения – исторического и художественного – поэмы (...) нам, современникам, не постичь. Только настроение торжественности, почти благоговения, охватывающее нас при приближении к ней, свидетельствует об ее огромности. Мы бессильны охватить целое – не потому ли, что эта эпопея лицом обращена к будущему?”. Отмечено Мочульским и присутствие пушкинского начала в произведении: «Можно сделать ложное заключение: “романтик” и “символист” Блок возвращается к традиции “русского классицизма” (...) Никакого сознательного усвоения классической поэтики у него не было и не могло быть. Он, влекомый музыкой, к пушкинской изобразительности пришел “невольн”». Критик размышлял и о незавершенности замысла: «...“Возмездие” могло бы быть эпопеей конца XIX и начала XX века (...) И притом в невиданно-грандиозном синтезе. Но, незаконченная, она распадается на ряд картин и эпизодов».

Над обзором посмертной русской зарубежной критики о Блоке 1921–1922 гг. работал рано умерший Л.Н. Лунц, связанный с кружком писателей “Серапионовы братья”. Его так и не завершённую работу Конст. Федин считал “лучшей статьей” о Блоке этих лет – “самой лирической, самой скорбной” (Книга и революция. 1922. № 1). В обзоре Лунца упоминалось и об оценках “Возмездия”: «...мысль, проходящая уже решительно через все книги, статьи и заметки о Блоке: трагическая судьба поэта. Всюду Блок назван “трагическим”, “обреченным пророком”, “в пути погибшим” (...) И почти всюду “Возмездие” является конечной целью, до которой поэт не дошел, погиб в пути» (Лунц Л.Н. Литература о Блоке. 1921–1922 // РГАЛИ. Ф. 2578. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 5).

Подобные выводы делал также В.Ф. Ходасевич через десятилетие после смерти Блока в статье “Ни сны, ни явь (*Памяти Блока*)”: «В 1920 году Блок жаловался Чуковскому, что он “оглох” (...) и потому ему больше не о чем писать стихи. Думаю, что глухота поразила его еще в 1919 году (...) как видно из предисловия к “Возмездию”, именно в июле 1919 года Блок пришел к убеждению, что ему едва ли удастся окончить эту поэму (...) Таким образом, наступление “глухоты” можно датировать прекращением работы над “Возмездием»» (Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996–1997. Т. 2. С. 218).

Интерес современников к незавершенному произведению Блока выразился в публикации после смерти поэта черновых материалов поэмы: в “Записках мечтателей” – 1921. № 5 и в отдельном издании поэмы (“Алконост”, 1922). «...Отрывки “Возмездия”, – писала Е.Ф. Книпович, – (...) вот то огромное наследие Блока, одно исчерпывающее описание которого могло бы послужить темой для специального исследования (...) Варианты и не вошедшие в поэму “Возмездие” отрывки не равноценны по своим художественным достоинствам, но среди них есть строки, не уступающие “каноническому” тексту поэмы, как например, отрывок, посвященный “Горю от ума”» (Книпович Е.Ф. О литературном наследии Блока // Книга о книгах. 1924. № 7–8. С. 23–24).

Различны мемуарные оценки “Возмездия”. Много внимания уделял поэме в своих мемуарно-критических работах К.И. Чуковский. Он выделял в ней органическое чувство красоты мира, свойственное Блоку: «В начале поэмы (...) обращаясь к художнику, Блок говорил: “Сотри случайные черты, // И ты увидишь: мир прекрасен.” И в конце поэмы повторял то же самое, говоря, что умудренный художник, несмотря на всю свою тоску, может в минуту прозрения постичь, что “Мир прекрасен, как всегда”.

Мир прекрасен, но его загаживает человеческий шлак. Стоит только этому шлаку перегореть в революции, и красота мира будет явлена всем» (Жизнь искусства. 1925. № 48. С. 4). Однако Чуковский подчеркивал и проявление разрушительно-демонических начал в мироотношении поэта: «Как все другие произведения Блока, его поэма “Возмездие” есть поэма о гибели. Блок изображает в ней свой родительский дом, который понемногу разрушается. Этот дом и есть герой поэмы (...) Всю поэму можно назвать “Дом, который рухнул”. Блок, как истинный поэт катастроф, четко отмечает каждый новый удар, расшатывающий эту твердыню» (Там же. С. 5).

После выхода отдельного издания поэмы Блока в 1922 г. И.Б. Березарк интересовался судьбой отца Александра Блока и свидетельствовал: «Я слышал, что В.В. Есипов был его другом. При мне он познакомился с поэмой Блока; прочитав ее, старый профессор перекрестился и заплакал. “Все точно, – сказал он, – даже удивительно. Я не думал, что можно быть столь правдивым в стихах”» (Березарк И.Б. Отец Александра Блока // Русская литература. 1977. № 3. С. 190).

Неоднозначно высказывалась о поэме А.А. Ахматова. По свидетельствам Л.К. Чуковской – не однажды критически. Ей не нравилась первая глава: “Встреча войск – так и Слуцкий мог написать (...) – А вступление? – Да, – вяло ответила (...) видимо, не очень помня” (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 392). Однако по-другому воспринимала Ахматова третью главу: «Вообще все не люблю, кроме Вступления и Варшавы. Великолепная Варшава, пан Мороз... Вот у кого были отчетливые периоды – это у Блока. “Нечаянная радость” и “Снежная маска” – это ведь было совсем новое. В 16-м году он перестал писать» (Там же. С. 218). Незавершенность поэмы Ахматова объясняла тем, что Блок последовал канонам. Считая свою “Поэму без героя” “антионегинской вещью”, она размышляла: «...в представлении многих поэма как жанр очень канонизирована. А с поэмой происходят вещи поразительные. Вспомним первую русскую поэму “Евгений Онегин” (...) Пушкин нашел для нее особую 14-строчную строфу, особую интонацию. Казалось бы, и строфа, и интонация, так счастливо найденные, должны были укорениться в русской поэзии. А вышел “Евгений Онегин” и вслед за собой опустил слагбаум. Кто ни пытался воспользоваться пушкинской “разработкой”, терпел неудачу. Даже Лермонтов, не говоря уже о Баратынском. Даже позднее Блок – в “Возмездии”. И только Некрасов понял, что нужно искать новые пути (...) Понял это и Блок, услышав на улицах Петрограда новые ритмы (...) Мы сразу увидели это в поэме “Двенадцать”» (разговор записан Д. Хренковым в 1965 г.; ср. со сходными суждениями в разговоре с Д.Е. Максимовым; цит. по: Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 350).

А. Белый ценил в замысле “Возмездия” стремление передать “неслиянность и нераздельность всего”, высказанное Блоком в Предисловии к поэме. Тому же он пытался следо-

вать в своих “Воспоминаниях об Александре Александровиче Блоке”, подчеркивая, что идет за ним в воссоздании времени – «не спроста в духе сравнения А.А., который, в предисловии к поэме “Возмездие”, характеризуя стихию России 1910–1911 годов, ищет характеристики в разнообразных факторах общих и индивидуальных...» (ЗМ. 1922. № 6. С. 70).

По-своему осознавая Блока эпохи революционных лет, Г.И. Чулков толковал “Возмездие” как нечто существенное для поэта, но бесспорно проявлявшее пессимизм и безнадежность его отношения к жизни. «Первая глава (...), – писал Чулков, – дает материал для понимания мыслей Блока о так называемой европейской цивилизации XIX века. В основу этой цивилизации была положена, как известно, идея прогресса. Поэтому уместно вспомнить, что в предисловии к “Возмездию” наш лирик откровенно признается, что концепция его поэмы возникла под давлением все растущей в нем ненависти к разным теориям прогресса”. Чулков делал вывод: «...у Блока в душе не было ничего, кроме все более и более растущего огромного “нет”. Он уже тогда ничему не говорил “да”, ничего не утверждал, кроме слепой стихии...» (*Воспоминания*, 2. С. 349, 357).

Совсем другие акценты (возможно, вызванные уже другой эпохой) выделены в более поздних воспоминаниях младшего современника Блока М.В. Бабенчикова, которому осталось памятным отношение к поэту и его новому произведению в кругах студенческой молодежи в начале 1917 г.: «События 1917 года совпали, – писал он, – со вторичным подъемом общего для моих сверстников увлечения Блоком (...) “Возмездие” вышло как нельзя кстати. Накаленный воздух тех дней дышал предгрозовыми надеждами, и слово “месть” готово было вот-вот сорваться с народных уст.

Уже в самом начале января произошли массовые аресты рабочих вождей, в ответ на которые по всей стране прокатилась волна бурных митингов и забастовок.

Правительство окончательно потеряло почву и оказалось не в силах противостоять напору народного гнева.

В подобной политической обстановке “Возмездие” Блока, как поэма, “полная революционных предчувствий” и “пропитанная ненавистью к самодержавию”, естественно, должна была прозвучать с особенной силой.

Вместе с тем “Возмездие” поразило многих из нас своей свежестью и реализмом, невольно заставившим вспомнить бессмертные “онегинские” строфы.

(...) Важно то, что в момент нашего вторичного острого соприкосновения с поэзией Блока мы рассматривали ее тогда как “евангелие борьбы”» (*Бабенчиков М.В. Отважная красота // Звезда. 1968. № 3. С. 191–192*).

С.А. Есенин принял идеи “Возмездия” как выражение исторических чаяний Блока. В набросках поэмы “Анна Снегина” он интерпретировал блоковскую идею возмездия старому миру при характеристике эпохи Октября: “Возмезжье достигло рока, // Рассыпались звенья кольца...” (*Есенин С.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1978. Т. 3. С. 227*).

В мемуарно-дневниковых записях А. Белого (они долгое время не публиковались) сохранилось свидетельство Н.А. Павлович, близкой поэту в последние годы, об особой важности попыток возвращения к работе над поэмой: ей представлялась несомненной их связь с религиозным опытом Блока, в котором сталкивались образы “тьмы” и “сферы Чистейшего Неба”. А. Белый записывал 31 августа 1921 г. беседу с Павлович вскоре после смерти поэта: «Н.А. Павлович почему-то казалось, что А.А. умер на рубеже огромного периода в своей жизни, что многое в нем, где-то в глубине начало заново перестраиваться, но что этого не знали ни его друзья, ни его родственники, ни жена (...) она увидела в III части “Возмездия” отзвуки этого мира А.А. Ей показалось тогда, что “Возмездие” некий порог: в зависимости от того, как А.А. справится с ходом поэмы, с тоном поэмы, зависит все его будущее: “Он должен был иначе кончить “Возмездие”. Другое должно было в нем прозвучать...”» (*ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 807–808; см. также: Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 466*).

Много лет оставаясь в планах Блока, поэма концентрировала важные линии его творческих устремлений. Именно потому в письмах поэта не однажды встречаются авто-

цитаты из поэмы. Так, интерпретируя мысли вступления к Первой главе (о веке девятнадцатом и двадцатом), Блок в письме к матери от 17 апреля 1917 г. размышлял о происходящем после февральских событий: «Если история будет продолжать свои чрезвычайные игры, то, пожалуй, все люди отобьются от дела и культура погибнет окончательно, что и будет возмездием, может быть справедливым, за “гуманизм” прошлого века. За уродливое пристрастие к “малым делам” история мстит истерическим нагромождением событий и фактов, безобразное количество фактов только оглушительно, всегда антимузыкально, т.е. бессмысленно».

Факт обращения Блока к Прологу как своей поэтической декларации, заключающей наиболее существенное в его творческих позициях, предстает в воспоминаниях М. Мурашова об одной полемической “встрече” Блока с С. Есениным. Яростный спор об искусстве возник перед литературным совещанием 3 июля 1916 г. в редакции литературных альманахов. Его вызвала репродукция картины Яна Стыки “Пожар в Риме (Нерон, поджигающий Рим)”. “Горячо высказывались писатели, возмущенно клеймили того, кто совмещал поэзию с пытками”, – вспоминал Мурашов. Ответом С. Есенина на спор явился стих. “Слушай, поганое сердце...”, записанное в альбом Мурашова. На следующем редакционном совещании – через 10 дней – Мурашов, рассказав обо всем Блоку, показал ему “страшное”, по его оценке, стихотворение Есенина: «А. Блок медленно читал это стихотворение, очевидно, и не раз, а затем покачал головой, позвал к себе Сергея и спросил:

– Сергей Александрович, вы серьезно написали (...)

– Серьезно, – чуть слышно ответил Есенин.

– Тогда я вам отвечу, – вкрадчиво сказал Блок.

На другой странице этого же альбома Александр Александрович написал ответ Есенину – отрывок из поэмы “Возмездие” (...): “Жизнь – без начала и конца...” (до слов “И ты увидишь: мир прекрасен”. – *Ред.*). После текста была проставлена дата: 13.VII.1916. (*Воспоминания*, 2. С. 112, 114).

Эпиграф – *Юность – это возмездие. Ибсен* – Слова Сольнеса, героя драмы Г. Ибсена “Строитель Сольнес” (1 действие), в переводе А. и П. Ганзен.

К этому символическому образу-мотиву Блок обращался не раз: в письмах, в статьях. Впервые мотив “возмездия” появляется у Блока в статьях 1908 г. “О театре” и “Генрих Ибсен”, где приводится цитата из драмы “Строитель Сольнес”, ставшая затем эпиграфом к поэме. Таким образом, смысловая преемственность мотива в статьях и в поэме совершенно несомненна, так как ориентирована на один и тот же источник.

Мотив с самого начала нес в себе по меньшей мере два содержательных аспекта. Во-первых, социально-исторический, связанный с темой грядущего обновления жизни, что особенно очевидно в статье “О театре”. Предрекая возрождение “народного театра” и появление в недалеком будущем “новой, живой, требовательной и дерзкой” театральной аудитории (“юности”), Блок говорил о встрече художника с юностью как о разрешении противоречий старой жизни. В то же время эта встреча может оказаться для художника роковой (“окрылит или погубит”). Предчувствие равной возможности гибели или возрождения для современного художника при встрече с неизвестным будущим и выражено цитатой из Ибсена “Юность – это возмездие”.

Во-вторых, для Блока важен нравственно-философский аспект мотива. Он становится явным в статье “Генрих Ибсен”. Здесь Блок интерпретирует ибсеновскую формулу, соединив ее с цитатой из Апокалипсиса (Откр. II,40). Разъясняя смысл драмы “Строитель Сольнес”, Блок утверждает, что в ее основе лежит “одна из мировых истин”, “равных по значению, быть может, закону всемирного тяготения”. По Блоку, эта истина заключается в том, что “человек может достигнуть вершины славы, свершить много великих дел, может облагодетельствовать человечество, но – горе ему, если на своем восходящем пути он изменит юности, или, как сказано в Новом завете, “оставит первую любовь свою”. Неминуемо, в час урочный и роковой, постучится к нему в двери “Юность” – дерзкая и

нежная Гильда в дорожной пыли. Горе ему, если он потушил свой огонь, продал свое королевство, если ему *нечем* ответить на ее упорный взгляд, на ее святое требование: “Королевство на стол, Строитель!”. Е.Б. Тагер указывал, что в таком понимании “возмездие” означает не столько “наказание” (внешняя карающая сила), сколько “расплату” – внутреннее осознание человеком своей вины перед собственной совестью (см.: Тагер Е.Б. Мотивы “возмездия” и “страшного мира” в лирике Блока // *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 87). Пробуждение в душе павшего человека голоса совести, воспоминание-знание о мире высших нравственных ценностей, об изначальном предназначении личности, осознание собственного падения и измены этому предназначению – все эти мотивы играют определяющую роль в стихотворном цикле “Возмездие” (см.: Тагер Е.Б. Указ. соч. С. 86–88; Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // *Максимов II*. С. 124–131; см. также коммент. к разделу “Возмездие” в т. 3 наст. изд.).

Полисемантичность нравственно-философского аспекта мотива “возмездия” восходит к его изначальному религиозному смыслу. Сопоставление всех случаев употребления слова “возмездие” в Священном писании показывает, что это понятие совмещает в себе противоположные по смыслу значения: либо “кара”, либо “награда” (см.: Симфония. Т. 1. Изд. Московской патриархии, 1988. С. 430–431).

В поэме получают развитие разные смысловые аспекты мотива “возмездия”. С наибольшей полнотой в реализованной части текста воплощена нравственно-философская проблематика. Она – в истории падения отца героя, его пути от “демона” до “Гарпагона”, в его измене первой любви (разрыве с матерью героя), этической деградации и измене идеалам юности (“Так, с жизнью счет сводя печальный, // Презревши молодости пыл, // Сей Фауст, когда-то радикальный, // “Правел”, слабел... и всё забыл...” (ст. 269–272)). Мотивы пробуждения голоса совести, воспоминания о высоком жизненном призвании воплощены в Третьей главе, они также – в описании музыкальных импровизаций отца (ст. 280 и др.). Связь мотива “возмездия” с образами “музыки-воспоминания” прослеживается и в циклах “Возмездие”, “Страшный мир”, “Арфы и скрипки”. Впервые на эту соотношенность обратил внимание Д.Е. Максимов при разборе стих. “Двойник”, где воспоминание о “позабытом напеве” является началом самоотчуждения осознанного зла, предпосылкой к самоочищению (см.: Максимов Д.Е. Об одном стихотворении (“Двойник”) // *Максимов II*. С. 174–176). Особая роль музыкальных образов в развитии темы “возмездия” мотивирована представлениями Блока о “музыке” как изначальной творческой силе бытия (см. об этом ниже).

История распада семейных связей, утрата домашнего очага, отчуждение сына от отца также осмыслены как расплата-возмездие. Сын в этой части поэмы воплощает собой именно юность, напомнившую отцу о его нравственной вине.

Личные судьбы героев, по замыслу Блока, должны были находиться в поэме в сложном соотношении с судьбами национальной и всемирной истории. Проблема исторической вины ставится в поэме многообразно. Один из важнейших поворотов темы – революционное возмездие – раскрывается многообразно в поэме (предчувствие “невиданных мятежей” и сходка народовольцев в Первой главе, упоминание о грядущих “бурях”, “Цусиме и Девятом января во Второй главе), но не доведен до финальной сюжетной реализации. В Предисловии Блок намечал этот возможный финал: гибель последнего представителя рода в освободительной борьбе (“И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот”).

Однако в судьбе последнего “отпрыска рода” скрещивается влияние русской и польской освободительной стихии. С этой точки зрения особого внимания заслуживает так называемый “польский” аспект проблемы “возмездия”. “Польская” тема зазвучала с раннего этапа работы над произведением (подзаголовки второй редакции “Варшавская поэма” не только обозначает место действия, но и указывает на глубинную связь “польской” темы с проблемой исторического возмездия). В ранней рукописи (*ЧА_{II}*) историческое возмездие понимается как “месть” униженной Польши (“страна под бременем обид”) стране-поработителю. В то же время прослеживается несомненный параллелизм темы духовно-

го падения личности и страны “под игом наглого насилия”. “Не непосредственная драма порабощения наглой силой, а духовное падение, безмолвие “народного гения”, отречение от идеала, предательство обленившейся совести – вот что поистине трагично для Блока” (*Тагер Е.Б.* Мотивы “возмездия” и “страшного мира” в лирике Блока. С. 89).

В Предисловии, написанном в 1919 г., появляется еще один аспект “польской” темы, на этот раз – в связи с мотивом “мазурки” (подробнее о нем см. с. 436–438 наст. т.). Понять, почему мазурка стала для Блока лейтмотивом “возмездия”, помогают связанные с ней имена исторических персонажей – Марина Мнишек, с одной стороны, и Костюшка и Мицкевич, с другой. Они воплощают разные, даже прямо противоположные исторические роли, как по отношению к России, так и по отношению к Польше. Марина Мнишек – персонафицированный образ исторической вины Польши перед Россией, Костюшка и Мицкевич – своего рода ответ на историческую вину России перед Польшей. Таким образом, речь идет о взаимной расплате и взаимной исторической вине Польши и России друг перед другом. Этот вопрос, как и необходимость искупления “братской вины”, с особой силой звучал в русской публицистике эпохи первой мировой войны. Ср., например, точку зрения Вяч. Иванова, высказанную в статье “Славянская мировщина” (1914): “И как эпически проста кровавая летопись этой семейной вражды! Триста лет назад взял грех на душу брат Лех: пошел на русского брата, чтобы не веществу лишь, но и духовно разорить его и как бы исторгнуть из него живое сердце. Он покусился на его святая святых, на его православную душу. Весы истории перекачнулись, и вот, к концу XVIII века, Россия (о, к счастью, не народ русский, не сокровенная и безмолвствующая душа его, а власть правящая и народу внеположная) совершает не покусение только, но действительное историческое преступление, которое – именно потому, что оно облечлось в осуществление и действие, – бессильно было затронуть духовную и бессмертную личность Польши, когда видимая и осязаемая плоть ее была растерзана на части” (*Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М., 1917. С. 21).

Разрешение взаимного противостояния в поэме намечено на “третьем” пути: не в непосредственном столкновении стран и народов, а в рождении ребенка от русского героя польской девушкой, – того самого последнего “отпрыска рода”, который, по мысли Блока, “готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества”.

Наконец, мотив “возмездия” разрабатывается в поэме в плане эсхатологического мифа. Речь идет о судьбе человеческой культуры, построенной на индивидуалистических основах (“И в каждом сердце, в мысли каждой – // Свой произвол и свой закон...”), о ее способности так или иначе противостоять Мировому Хаосу (“Жизнь без начала и конца”) и гибели. Эти мотивы последовательно развиваются в Прологе, переосмысляющем конкретно-исторические события и индивидуальные судьбы героев в аспекте универсальных и вечных законов человеческого бытия. С этой точки зрения объяснимо обращение Блока к образам тетралогии Р. Вагнера “Кольцо нибелунга” (подробнее см. ниже), в которой ставится проблема трагической обреченности индивидуалистической, незаконно отпавшей от мирового целого культуры перед лицом грядущей мировой катастрофы. Концепция тетралогии Вагнера, по формулировке А.Ф. Лосева, заключается в том, что “жизнь, построенная на самопревознесении, на самообожествлении, на самодержавии отдельного индивидуума, – незаконная жизнь, а построенная на ней культура подлежит уничтожению. Такой индивидуум и такая культура несовместимы с вечными законами космического бытия, вырастающего из своих собственных глубин и самостоятельно порождающего свое собственное оформление. Всякое другое оформление – временное, мнимое, иллюзорное. Оно должно погибнуть и понести величайшее возмездие” (*Лосев А.Ф.* Проблема Рихарда Вагнера в прошлом и настоящем // Вопросы эстетики. 1968. № 8. С. 165–166). Вагнеровская тема обреченности самоодвоящего героизма получает у Блока новый смысловой поворот. Мотив “руки народной”, ограничивающей героическое своеволие (ст. 30–31), совершенно немислим у Вагнера

(по крайней мере, в его музыкальных драмах), но вполне объясним в поэме, воссоздающей поворотный момент в русской национальной истории.

Образы вагнеровской тетралогии в Прологе вводятся в контекст апокалипсических аллюзий. Начало Пролога ориентировано на последнюю главу Апокалипсиса: “Се, грядущего, и возмездие *Мое со Мною*, чтобы воздать каждому по делам его. Я есмь Альфа и Омега, *начало и конец, первый и последний. Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его*, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. *А вне – псы и чародеи, и любодее, и убийцы, и идолослужители, и всякий, любящий и делающий неправду. Я, Иисус, послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя. И Дух и невеста говорят: прииди! (...)* Жажущий пусть приходит, и жаляющий пусть берет воду жизни даром” (Откр. XXII. 12–17) (курсив наш. – *Ред.*). Тема твердого нравственного различения добра и зла (“начал” и “концов”, “света” и “тьмы”), выбор между “Божьим лицом” и “сумраком”, “адом” и раем”, способность личности противостоять силе зла и Хаоса – все эти мотивы, безусловно, восходят к Апокалипсису, и прямо связаны с темой будущего возмездия.

Мотив “возмездия” в его апокалипсическом аспекте разрабатывался также в творчестве Андрея Белого и Вяч. Иванова.

А. Белому принадлежит небольшой стихотворный цикл “Возмездие” (1901), вошедший в сборник “Золото в лазури” (1904). Центральный образ пророка, явившегося слишком рано, не сумевшего найти путь к людям и приносящего искупительную жертву на кресте, был истолкован Блоком в 1903 г. в духе соловьевской теории любви как единственно реального для современного человека пути к преодолению отчуждения личности от мира. В письме к А. Белому от 18 июня (1 июля) 1903 г. он писал: “Непременный удел зовущих на брань народы или общества – стоянье “идолом над кручей, раздирая одежды свои” (цитата из “Возмездия” А. Белого. – *Ред.*). Потому что рано (...). Удел зовущего на брань отдельное лицо стократ завидней, потому что никогда не получится в ответ меньше, чем эхо”.

Вяч. Иванов в стихотворении “Весы” (1904) и “Астролог” (1905) истолковывал катастрофические события человеческой истории как воплощение заранее предначертанных событий. “Возмездие” раскрывается в них как следствие “искушений” и “испытаний”, посланных человечеству “Божьим промыслом” (см. подробнее: *Доценко С.Н.* Проблема историзма в цикле Вяч. Иванова “Година гнева” // *БС-8. С. 78–87; Магомедова Д.М.* Проблема возмездия в творчестве Вяч. Иванова и Ал. Блока // *Магомедова Д.М.* Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 152–163).

ПРОЛОГ

(С. 21)

Ст. 1–7. Жизнь – без начала и конца. ~ Где стерегут нас ад и рай. – В направлении поэтических размышлений Блока об исходных вопросах миропонимания – а именно на это ориентирована неслучайная формула “начал и концов” (она восходит к Откр. I. 8, часто встречается в философской публицистике конца XIX – начала XX в.) – ясно прослеживается такой источник, как философия всеединства Вл. Соловьева. В своеобразной иерархии – единстве “земного” (“безначальной” жизни) и “мира иного” (ад и рай) – узнается мысль Соловьева о “реальном соединении Божества с человечеством”, столь важная в его религиозной философии (см.: *Соловьев В.С.* Чтения о Богочеловечестве // *Соловьев В.С.* Собр. соч.: В 9 т. СПб., [1901–1907]. Т. 3; см. публикацию в кн.: *Акулинин В.Н.* Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому. Новосибирск, 1990. С. 135; см. пометы Блока на т. 3 указ. изд. – *ББО-2. С. 242–249*). Далее в императивном дополнении веры знанием (“твердо веруй” и “знай”) прослеживается определенное отношение к положению Соловьева о “свободном отношении разума к религиозному содержанию,

свободном усвоении и развитии разумом этого содержания” (см.: *Соловьев В.С. Кризис западной философии // Указ. изд. Т. 1; ББО-2. С. 237–241*). В последующем развитии поэтической мысли Пролога также ощутимы переклички с идеями Соловьева. По времени создания Пролог отделен всего несколькими месяцами от статьи Блока “Рыцарь-монах” (дек. 1910 г.), которой поэт откликнулся на десятую годовщину смерти философа. Реализация позднейшего замысла поэмы именно с такого вступления (с философско-религиозных медитаций), возможно, явилась своеобразным откликом на ту критику, с которой “обрушился”, по воспоминаниям С. Городецкого, на раннюю редакцию произведения Вяч. Иванов (см. выше).

Ст. 2. Нас всех подстерегает случай. – Начало поэмы связано с активно обсуждавшейся в литературе и философии конца XIX – начала XX в. проблемой соотношения необходимости и случайности в человеческой жизни (см.: *Келдыш В.А. Новое в критическом реализме 900-х годов // Русская литература конца XIX – начала XX в. 1901–1907. М., 1971. С. 93–126*). Для художника-реалиста, сложившегося под воздействием концепции жесткой детерминированности человека средой, особенно остро стоял вопрос о “сопротивлении среде”, о поисках активной силы внутри личности и об акцентировании роли случая в жизни человека (ср. начало рассказа Л. Толстого “После бала”: “Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае”). Однако для художника-символиста, исходившего из противоположной концепции – безграничной свободы самоценной человеческой личности (ср. тезис “Мир прекрасен, мир волшебен, ты свободен”, – как первопринцип символистского мироощущения, сформулированный Блоком в докладе 1910 г. “О современном состоянии русского символизма”), вопрос стоит иначе: имеет ли безгранично свободный человек этический критерий (“бесстрастной меры”) для различения добра и зла, существуют ли внутренние границы для свободной от внешних ограничений героической личности. Отсюда – пристальный интерес Блока к творчеству Р. Вагнера, показавшего в тетралогии “Кольцо нибелунга” обреченность самодовлеющего, этически аморфного индивидуалистического героизма (см. также ниже, с. 411–414).

Ст. 8–9. Тебе дано бесстрастной мерой // Измерить всё, что видишь ты. – В пафосе “художественного знания” можно видеть своеобразную проекцию “цельного знания” у Вл. Соловьева: “Мистическое знание, – подчеркивал он, – нуждается в знании естественном, так как само по себе оно, во-первых, не имеет действительности для нашего природного сознания, а, во-вторых, само по себе, без природного и рационального элемента, оно не полно, ибо выражает лишь безусловную сущность и безусловное существование предмета, не выражая его актуального или феноменального бытия...” (*Соловьев В.С. Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 383–384*. См. пометы Блока на этом томе: *ББО-2. С. 241–242*). Несомненно и другие источники и традиции.

Пролог стал одной из поэтических деклараций Блока зрелой поры, когда утверждались связи его творчества с миром, современностью, когда поэт все большее значение придавал общественным вопросам. Пролог перекликался постановкой вопросов о “долге” художника, о необходимости знания для него подлинных ценностей мира и человека со статьями “Три вопроса” (1908), “Душа писателя” (1909), “О современном состоянии русского символизма” (1910), “Литературный разговор” (1910). Отстаивая высокое назначение поэзии, суверенность и самодостаточность ее (“Измерить все...”), Блок продолжал традиции классической русской литературы, прежде всего, пушкинские. И жанрово-стилистическими особенностями темы поэта и поэзии – пророческой исповедальностью, возвышенной торжественностью, гражданской и бытийной значительностью – Пролог близок пушкинскому подходу к теме (см.: *Мицк З.Г. Блок и Пушкин // УЗ ТГУ. 1973. Вып. 306. С. 263–264; Максимов И. С. 67–68, 409*).

Ст. 12. И ты увидишь: мир прекрасен. – В связи с вечными, мировыми истинами, которые поэт провозглашает в Прологе (см. выше), сущностная наполненность этого

стиха – религиозно-христианская. Тема полноты и совершенства бытия как Творения Божия – представляет одну из главных в русской классической традиции. Она по-своему представлена у Пушкина, Лермонтова и др. Лермонтовское “В небесах – торжественно и чудно...” (“Выхожу один я на дорогу...”), так же, как многое у Пушкина, – это восхищение “отрадой бытия” (“Я видел тень блаженства...”). Это не отменяло трагического демонизма поэта, в чем с ним (в соединении несоединимого – см. формулу “неслиянности” и “единства” в коммент. к Предисловию) сопоставим своей внутренней сложностью Блок.

Ст. 13. Познай, где свет, поймешь, где тьма. – Ср. в поэме В.Я. Брюсова “Царю Северного полюса”: “Пойми, пойми, все тайны в нас, // В нас сумрак и рассвет...”. Возможна также переключка со стихами Е. Баратынского: “Две области – сияния и тьмы – // Исследовать равно стремимся мы” (“Благословен святое возвестивший...”, 1839).

Ст. 16. ...Сквозь жар души, сквозь хлад ума. – Ср. пушкинское: “Ума холодных наблюдений // И сердца горестных замет” (“Евгений Онегин”, посвящение, ст. 16–17). См. об этом: *УЗ ТГУ*. 1973. Вып. 306. С. 266.

Ст. 17–24. Так Зигфрид правит меч над горном ~ В смятеньи падает у ног! – Зигфрид, Тотунг (волшебный меч героя), Миме – образы оперно-драматического цикла Р. Вагнера “Кольцо нибелунга”, созданного на основе древнегерманского эпоса “Песня о Нибелунгах”. Вагнеровские реминисценции, в частности, мотивы “ковки меча”, занимают важное место в блоковской символике действенного, героического отношения к жизни. См. об этом в коммент. к стих. “Поет, краснея, медь. Над горном...” (1904), “Бред” (1905), “За холмом отзвенели упругие латы...” (1907) (наст. изд., т. 2). Сопоставление пути художника, исполняющего высокий “долг” творчества, с путем героя (Зигфрида), раскрытое Блоком в Прологе, получило развитие в статье “От Ибсена к Стриндбергу” (1912): “С Ибсеном произошло то же, что с Зигфридом (...) Ибсен поднимает над своими Нибелунгами бич сатиры”... См. об этом: *Максимов И.* С. 347. О вагнеровских ассоциациях в Прологе к “Возмездью” см.: *Бекетова I.* С. 132; *Письма к родным, 2.* С. 428–429; *Белый, 2.* С. 276; *Волков С., Редько Р. А.* Блок и некоторые музыкально-эстетические проблемы его времени // Блок и музыка. Л.; М., 1972. С. 90–96; *Хонрова Т.* Музыка в жизни и творчестве А. Блока. Л., 1974. С. 47–56; *Мицк З. Г.* Блок и Пушкин // *УЗ ТГУ*. 1973. Вып. 306. С. 264; *Магомедова Д. М.* Блок и Вагнер // *Магомедова Д. М.* Автобиографический миф в творчестве А. А. Блока. М., 1997. С. 85–110.

Образковки меча в Прологе исследователи возводят к сцене из первого действия оперы “Зигфрид”. Впервые отражение ее см. в стих. “Поет, краснея, медь...”. Вагнеровские реминисценции Пролога связаны с новыми идейно-эстетическими позициями поэта: это одновременно и апофеоз героического отношения к миру, и осознание этого героизма как составной части общего действия (*Магомедова Д. М.* Указ. соч. С. 91).

Образ “кующего” являлся распространенным в поэзии рубежа XIX и XX в., воплощая передовые и революционные чаяния современников. Вероятно, что Блок воспринимал широкий литературный контекст образа-символа, связанного также с творчеством В.Я. Брюсова, Э. Верхарна.

В утверждении Блоком действенного, героического отношения к жизни также есть соловьевские истоки. “Сознательное убеждение, – писал философ, – в том, что настоящее состояние человечества не таково, каким быть должно, значит для меня, что оно должно быть изменено, преобразовано (...) Пришло время не бегать от мира, а идти в мир, чтобы преобразить его” (*Соловьев В. С.* Письма: В 3 т. СПб. 1911. Т. 3. С. 38–39). Это в заветах Соловьева Блок выделял и в статье “Рыцарь-монах”.

Ст. 25. Кто меч скует? – Не знавший страха. – Воспроизводится ситуация из третьей оперы тетралогии Вагнера “Кольцо нибелунга” “Зигфрид” (1 действие). Согласно заклетью, наложенному верховным богом Вотаном, сковать волшебный меч из обломков для свободного героя может только тот, кто сам не знает страха. Строка почти дословно воспроизводит фрагменты диалога между Странником (Вотаном) и карликом Миме, при-

чем в немецком подлиннике, а не в русском, не очень точном, переводе:

М и м е : Wer schweißt nun das Schwert,
Schaff ich es nicht? <...>

W a n d e r e r (W o t a n): Jetzt, Fafners kühner Bezwingler,
Hör, verfallner Zwerg:
“Nur wer das Fürchten nie erfuhr,
Schmiedet Notung neu”*

(Вагнер Рихард. Зигфрид. М., 1972. С. 90–92).

В библиотеке Блока сохранился немецкий текст всех частей “Кольца нибелунга”. См.: Wagner R. Siegfried: 2-er Tag aus der Trilogie “Der Ring des Niebelungen”. Mainz etc. 1876 (ББО-3. С. 158).

Ст. 27. ... лишь умный раб... – Ср. с евангельским текстом: “...будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий. Кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время? Блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так...” (Мф. XXIV. 44–46). Мыслью о необходимости духовного “послушания” для творчества эта часть Пролога близка статье “О современном состоянии русского символизма” (1910).

Ст. 28. ...Из глины созданный и праха... – Ср. библейское выражение: “И создал Господь Бог человека из праха земного...” (Быт. II. 7).

Ст. 29. ...И мир – он страшен для меня. – Ср. с оценками “бездомного” двадцатого века в Первой главе “Возмездия”: “Еще страшнее жизни мгла...” (ст. 54 и далее). О безгеройности своей эпохи, “кризисе индивидуализма” Блок писал в статьях “Безвременье” (1906), “Ирония” (1908), “Стихия и культура” (1908). Ср. мотив “бессилия” современника в стих. “Идут часы, и дни, и годы...” (1910): “Вот меч. Он – был. Но он – не нужен. // Кто обессилил руку мне? (т. 3 наст. изд.).

Ст. 30–31. Герой уж не разит свободно – // Его рука – в руке народной... – Ср. в Дн 27 марта 1919 г. набросок статьи “Крушение гуманизма”: “Лицо Европы озаряется совершенно новым светом, когда на арену истории выступают “массы”, народ – бессознательный носитель духа музыки. Черты этого лица искажаются тревогой, которая растет в течение всего века”. Вопрос о значении личности в эпоху нарастающего движения масс стал ключевым для многих писателей и философов со второй половины XIX в. См., например, запись в дневнике В.Г. Короленко 19 сентября 1887 г. (Короленко В.Г. О литературе. М. 1957. С. 415). Особую остроту вопрос приобрел после событий первой русской революции. Тогда вышел, в частности, перевод книги Г. Лебона “Психология социализма” (СПб. 1908). Как исследователь социальной психологии, он “выдвинул один из первых вариантов теории “массового общества”: предвещал наступление “эры масс и связанный с этим

* М и м е : Кто скует меч,
Что я не смог? <...>

С т р а н н и к (В о т а н): Теперь, Фафнера отважный победитель,
Слушай, погибший карлик:
“Только тот, кто страха не знал никогда,
Вновь Нотунг скует”.

Ср. перевод В. Коломийцева, в котором “Зигфрид” ставился на петербургской сцене:

М и м е : Кто справится там,
Где я не смог?

В о т а н (С т р а н н и к): Знай, змея храбрый противник,
Знай, погибший гном:
Тот лишь, кто страху вовсе чужд,
Нотунг вновь скует.

“упадок цивилизации” (см.: *Ольшанский Д.* Густав Лебон: каким виделся социализм на рубеже XIX–XX веков // Литературное обозрение. 1991. № 6. С. 76). Общемировой вопрос получал разрешение в это время и в художественном творчестве (см.: “Губернатор”, “Анатэма” Л. Андреева, “Исповедь” М. Горького), и в публицистике (“Грядущий хам” Д.С. Мережковского, “Разрушение личности” М. Горького). О кризисе героического индивидуализма, трагическом разрыве интеллигенции и народа писал и Блок, откликаясь на события революционных лет, в статьях “Народ и интеллигенция”, “Стихия и культура”. Новизну и особенности его позиции в Прологе к “Возмездью” отмечала З.Г. Минц, указывая на переключку с пушкинской традицией, на связь с “Кольцом нибелунга” Р. Вагнера: “Наступает эпоха, когда борьба со злом (“драконом”), как и всякое вообще волевое действие (спасение “царевны”), не может исходить из “личности” (“героя”) – на арену истории выходят пробуждающиеся массы. В этом смысле “Пролог” дает не то чтобы полемическое, но <...> осознанно иное, чем в “Полтаве”, решение вопроса о том, кто в силах “ковать булат” (“сковать меч”) истории” (*Минц З.Г.* Блок и Пушкин. С. 264–265). См. также: *Магомедова Д.М.* Указ. соч. С. 204.

Ст. 32. ...Стоит над миром столб огня... – Образ восходит к Апокалипсису: “И видел я другого Ангела (<...> сходящего с неба (<...>) и ноги его как столпы огненные (<...>) поставил он правую ногу свою на море, а левую на землю” (Откр. X. 1–2). См. примечания К.М. Азадовского и Н.В. Котрелева в кн.: *Блок А.А.* Изборник. М., 1989. С. 272.

Ст. 33–34. ...И в каждом сердце ~ Свой произвол и свой закон – Д.Е. Максимов видел в этих стихах изображение характерного для русской действительности рубежа XX столетия “разгула стихий и в экономическом, и в идейно-психологическом отношении”, сопоставляя их с оценкой Блоком “современных сомнений, противоречий, шатания пьяных умов и брожения праздных сил” в статье “О драме” (1907). В литературном контексте эпохи им отмечена переключка Блока со стихотворениями Н.М. Минского “Два пути” (1901) и В.Я. Брюсова “Неколебимой истине...” (1901), также выразившими нигилистическую тенденцию эпохи (*Максимов И.* С. 54–55).

Ст. 35–36. Над всей Европою дракон, // Разинув пасть, томится жаждой... – См. об этом в коммент. к пятому стихотворению цикла “На поле Куликовом” в т. 3 наст. изд. Евангельский образ дракона широко использовался писателями-символистами: см. также стих. Блока “Поднимались из тьмы погребов...”, статью “Рыцарь-монах”, роман Андрея Белого “Петербург”.

Образ дракона также восходит к тетралогии Р. Вагнера “Кольцо нибелунга”. Дракон Фафнер стережет в пещере клад (золото Рейна) – символ мирового могущества и власти. Смертельный удар Фафнеру наносит волшебным мечом Нотунгом Зигфрид, после чего, слизнув с пальца каплю его крови, обретает дар чтения тайных мыслей и понимания языка зверей и птиц. Одновременно Зигфрид завладевает кольцом нибелунга, в котором и заключено все золото Рейна, и получает власть над миром.

Однако для Блока было существенно и переосмысление вагнеровского мифа в стихотворении Вл. Соловьева “Дракон” (1900) с подзаголовком “Зигфриду”. Это стихотворение, отсутствовавшее в 3-м издании “Стихотворений” Вл. Соловьева, Блок своей рукой вписал на последнюю страницу сборника (см.: *Максимов Д.* Блок и Соловьев (По материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1981. С. 149). Скорее всего, Блоку был близок не столько злободневный контекст стихотворения (посылка войск в Китай для усмирения восстания германским императором Вильгельмом II), сколько тема грядущих апокалипсических катастроф и героического противостояния наступающему Хаосу:

Из-за кругов небес незримых
Дракон явил свое чело, –
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Вагнеровский миф о герое, поражающем дракона, переосмыслен Вл. Соловьевым в духе христианской апокалиптической символики. Борьба светлых и темных сил в XII главе Апокалипсиса предстает в образах “Жены, облеченной в солнце” (Богоматери, Софии), которая готовится родить младенца, будущего пастыря народов, а, с другой стороны – Дракона (дьявола, сатаны), ожидающего появления младенца, чтобы немедленно его пожрать. Борьба Михаила и его Ангелов с Драконом и его воинством приводит к низвержению Дракона и пророчеству о спасении мира. Однако Дракон не погибает, а повергается на землю и продолжает преследовать Жену, родившую младенца; борьба с Драконом продолжается до последнего Страшного суда. В стихотворении Вл. Соловьева героическая борьба с мировым злом оказывается воплощением религиозно-спасительной миссии, образ Зигфрида (героя-спасителя) представляется ее олицетворением:

Полно любовью Божье лоно,
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч – одно.

Ст. 37–38. Кто нанесет ему удар?... // Не ведаем... – Ср. со ст. 25 (“Кто меч скует?”), а также ст. 77 Первой главы (“Что ж, человек?”). Обращенность Блока к поиску ответа о “сыне нового века” – очевидна и участника невиданных событий – отражена также в статьях, предшествовавших созданию Пролога: “Горький о Мессине” (1909) и др. Образный мотив “незнания” содержит тему “творческой интуиции”, важную для Блока в понимании законов искусства.

Ст. 38–39. ...над нашим станом, // Как встарь, повита даль туманом... – Образ связан с фольклорными источниками: ср. в “Сказании о Мамаевом побоище” изображение тумана над Непрядвой как предвестия грозных событий. Сходные образы – в цикле “На поле Куликовом”, в статье “Народ и интеллигенция”. См. об этом: *Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков.* М.; Л., 1964. С. 102.

Ст. 40. ...И пахнет гарью. Там – пожар. – Автоцитата. Ср. в Пятой картине “Песни Судьбы”: “...там пожар! Гарью пахнет! (...) пахнет гарью!”. Ср. также в стих. “Опять с вековой тоскою...” (1908): “Я вижу над Русью далече // Широкий и тихий пожар”.

Ст. 43–44. Вот – голову его на блюде // Царю плясунья подает... – Образ восходит к евангельскому рассказу о царе Ироде и пророке Иоанне Крестителе: Мф. XIV. 1–12; Мк. VI. 14–29. См. также использование евангельского образа в “Письмах о поэзии” (1908). Ср. со стих. “Холодный ветер из лагуны...” (1909), где образ Иоанна Крестителя тождествен лирическому “я” поэта. Как и в этом стихотворении, поэтическая интерпретация предания включает ассоциации с драмой О. Уайльда “Саломея” (1893), пользовавшейся широкой известностью в модернистских кругах в 1900-е годы. См. об этом в коммент. т. 3 наст. изд., с. 736–737.

Ст. 45–46. .. Там – он на эшафоте черном // Слагает голову свою .. – Образ содержит пушкинские ассоциации: см. стих. “Андрей Шенье” (1825).

Ст. 51–56. Пусть церковь темная пуста ~ Свою обедню отслужу. – Текст близок к автоцитированию. См. в стих. “Ты прошла голубыми путями...” (1901): “Но с глубокою верою в Бога // Мне и темная церковь светла”. Тему духовного подвигничества см. в статье Блока “О современном состоянии русского символизма” (1910).

Ст. 57–58. Ты, поразившая Денницу, // Благослови на здешний путь! – Библейский миф о Деннице, сыне Зари (Ис. XIV. 12–15), бывшем ангеле, отпавшем от Бога и поверженном в ад («Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: “взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоту облачных, буду подобен Всевышнему”). Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней») соединяется у Блока с апокалиптическим образом “Жены, облеченной в Солнце” (Богоматери-Софии), перед

лицом которой низвергается Дракон (см. также выше). Обращает на себя внимание смещение акцентов у Блока по сравнению с библейским первоисточником: Жена в Откровении Иоанна Богослова – лицо спасаемое и страдательное (“А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога... И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона...” – Откр. XII. 6–7). У Блока Женственному началу принадлежит не страдательная, а активная роль (ср. аналогичную роль Елены в финале “Песни Судьбы”). Упоминание о Деннице подготавливает тему Демона – падшего ангела в тексте поэмы. Ср. также пересказ легенды о Деннице по книге: *Les sectes et sociétés Secrets du compte de conteur de cantelen*, édit. 1720. Paris. (*Дн* 5 янв. 1921).

Высказано предположение, что блоковский образ “поразившей Денницу” восходит к стихотворению Вл. Соловьева “Знамение” (“Одно, навек одно! Пускай в уснувшем храме...”, 1898). См. об этом примечания к кн.: *Блок А.А.* Изборник. С. 272.

Ср. также с трагическим образом художника (самого процесса творчества) в статье “О современном состоянии русского символизма”: “Мы обязаны, в качестве художников, ясно созерцать все священные разговоры (...) и свержение Антихриста, как Беллини и Бетато”. Трактовкой “здешнего пути” своего творчества как личной темы в символистской школе поэзии, в отличие от “чужих”, Пролог близок полемической статье “Открытое письмо Мережковскому (1910)”: “Чем больше чувствуешь связь с родиной, тем реальнее и охотней представляешь ее себе, как живой организм; мы имеем на это право, потому что мы, писатели, должны смотреть жизни как можно пристальнее в глаза...”

Ст. 60. ... Из книги жизни повернуть. – Ср. выражение из Апокалипсиса: “И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими” (Откр. XX. 12; см. также: I, 1; XIII. 8).

Ст. 65–67. ... О том, как зреет гнев в сердцах ~ Как в каждом дышит дух народа... – Мотивы, связанные с идеей “возмездия”, нашли выражение и в цикле “Ямбы”, большая часть которых создавалась в ходе написания поэмы. См. стих. “Когда мы встретились с тобой...”, “Земное сердце стынет вновь...”, “В огне и холоде тревог...”. См. об этом *Миц З.Г.* Блок и Пушкин. С. 248; см. также коммент. к разд. “Ямбы” в т. 3 наст. изд.

Ст. 71. ... Заветы темной старины... – Стих содержит пушкинскую реминисценцию. См. в поэме “Руслан и Людмила”: “Преданья старины глубокой” (Песнь первая и шестая); “Преданья темной старины” (Эпилог). Ср. также с пушкинским мотивом сказки в стих. “Сны”: т. 3 наст. изд., с. 180–181, 947.

Ст. 72–73. ... Созрела новая порода, – // Угль превращается в алмаз. – В планах поэмы Блок намечал показать историю рода, каждое из звеньев которого является своеобразным “отбором” среды, истории, предвестием будущего. См. план весны 1911 г. “Последний первенец”, представляющий последний “отбор” (когда “Угль превращается в алмаз”), как писал Блок в Предисловии к Третьей главе в 1919 г., “готовы ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества”. К размышлениям о “новом отборе”, производимом революцией, Блок обращался не однажды в статьях послереволюционного периода. М.Г. Петрова отметила родственность воззрений на личность и историю Блока и Н.К. Михайловского, ссылаясь на статьи последнего из серии “Борьба за индивидуальность”: “Главное в рассуждениях Михайловского – устремленность рода в будущее с исторической миссией создать более совершенную личность, способную починить “естественный ход жизни” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 87). Это сопоставление дает основание для вывода о том, что “Возмездие” – это “поэма продолжения”, а не “конца” (*Там же*. С. 87–88), как утверждает некоторые исследователи. Ср.: *Долгополов Л.К.* Александр Блок. Личность и творчество. Л., 1980. С. 132.

По предположению З.Г. Миц, образ “Угль превращается в алмаз” подсказан обсуждением вопроса об искусственном образовании алмаза из угля и графита, дискуссии о чем проходили в научных кругах в конце XIX – начале XX в. Блок мог знать об этом из книги Д.И. Менделеева “Основы химии” (СПб., 1906), где описывались опыты Муассо-

на, Руссо, Хрушова и др., пытавшихся решить проблему практически. Книга имеется в библиотеке Блока. З.Г. Минц писала и о широком генезисе образа: в нем возможны реминисценции стихотворения Ц. Норвида “В альбом” (1861), опубликованного на русском языке в 1905 г. См.: *Тезисы*. С. 49. Образная интерпретация превращения угля в алмаз была популярной в поэзии начала века. См., например, “поэму в сонетах” “Спор” (1908) Вяч. Иванова:

Как мертвый уголь, перекален расколом,
Ожив, родит ковчезек солнц – алмаз, –
Слеза скупая канула из глаз
И в скляницу легла живым кристалом.

В качестве вероятного источника для символистов можно назвать притчу Ницше из книги “Так говорил Заратустра” (Часть третья. О старых и новых скрижалях. Гл. 29), содержащую противопоставление угля и алмаза:

– Зачем ты так тверд! – сказал однажды древесный уголь алмазу. – Разве мы не близкие родственники?

– Зачем так мягки? О братья мои, так спрашиваю я вас: разве вы не мои братья? (...)

А если ваша твердость не хочет сверкать и резать и рассекать, – как можете вы когда-нибудь вместе со мною – созидать?

Все создающие именно тверды”.

(*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского. 3-е изд. СПб., 1907).

При внешнем тематическом сходстве реальный смысл притчи Ницше далек от содержания блоковского фрагмента. Ницше противопоставляет “твердую” элитарную натуру “сверхчеловека” дряблой и нежизнеспособной человеческой природе. Блок делает акцент не на различии пород, а на превращении, совершенствовании человека в пределах одного рода. И главное отличие “угля” от “алмаза” не твердость, как у Ницше, а свет: “заветам темной старины” противопоставлен огонь (“алмаз горит издалека”).

Гораздо ближе Блоку оказалась антитеза “некрасивого” куска угля и алмаза как воплощения красоты, ставшая лейтмотивом статьи В.С. Соловьева “Красота в природе” (1889), прочитанной Блоком еще в 1905 г. Во втором разделе статьи В.С. Соловьев аргументировал свое предствление о сущности красоты: “Красота алмаза, несколько не свойственная его веществу (ибо это вещество то же самое, что и в некрасивом куске угля), очевидно, зависит от игры световых лучей в его кристаллах” (*Соловьев В.С.* Собр. соч. Т. 6. С. 37). В принадлежащем ему томе Соловьева Блок отчеркнул этот фрагмент (*ББО-2*. С. 259). От Соловьева Блок воспринял противопоставление угля и алмаза в их отношении к свету. Далее Соловьев углубляет толкование этой антитезы, усматривая в них борьбу “темной материи”, “темной стихии природы” и “светлой силы”. По Соловьеву, именно в алмазе “в неслиянном и нераздельном соединении вещества и света оба сохраняют свою природу. Но ни то, ни другое не видно в своей отдельности, а видна одна светоносная материя и воплощенный свет, – просветленный уголь и окаменевшая радуга”. (*Соловьев В.С.* Указ. соч. С. 38). Следовательно, с соловьевской концепцией оказывается связана и антитеза тьмы и света, “сумрака неминуемого” и “ясности Божьего лица” в начале Пролога, а также тема “нераздельности и неслиянности” в Предисловии к поэме (подробнее см.: *Магомедова Д.М.* “Угль превращается в алмаз...” (Блок и Ницше) // *Магомедова Д.М.* Автобиографический миф в творчестве А. Блока. С. 173–181).

К Соловьеву восходит и близкая Блоку разработка этой темы в стихотворении Вяч. Иванова “Алмаз” (1904), из сб. “Прозрачность” (Блок посвятил этой книге рецензию, а также главу в статье “Творчество Вячеслава Иванова”). Стихотворение Иванова соединяет в себе мотивы просветления, существенные для Блока, и в то же время – мотив “твердости”, важный для Ницше. Но, в отличие от Ницше, “твердость” понимается

Ивановым как нравственная стойкость, крепость в вере:

Когда, сердца пронзив, Прозрачность
Исполнит солнцем темных нас,
Мы возблестим, как угля мрачность,
Преображенная в алмаз. <...>
Всепроницаемой святыней
Луча Божественное Да,
Стань в сердце жертвенной твердыней,
Солнцедробящая звезда!

Ст. 77–80. Так бей ~ Алмаз горит издалека ~ Дроби ~ камня! – Образ содержит автореминисценции. См.: “Когда я создавал героя, // Кремьень дробя, пласты деля...” (“Когда я создавал героя...”, 1907); “Тихо я в темные кудри влетаю // Тайных стихов драгоценный алмаз” (“Девушка из Spoleto”, 1909). Ср. также в статье “Немые свидетели” (1909): “Современная культура слушает голос руды в глубоких земных недрах”. Возможна генетическая связь образа с евангельскими нравственными заповедями: “...вера, если не имеет дел, мертва сама по себе” (Иак. II. 17) и “камень веры”. Вероятны реминисценции стих. Г. Ибсена “Рудокон” в переводе А. и П. Ганзен (см. об этом в т. 2 наст. изд. коммент. к стих. “Когда я создавал героя...”). Ср. также с сонетом Петрарки “О красоте твоей молчать стыжусь, Мадонна...” в переводе Д.С. Мережковского:

Как часто я гранить тебе сонет хочу,
Но слишком тверд алмаз, напилот изменяет...

Перевод записан в “Мосей декламации” (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. I. Ед. хр. 175).

ПЕРВАЯ ГЛАВА

(С. 24)

Ст. 1–2. Век девятнадцатый, железный, // Воистину жестокий век! – К характеристике XIX в. как века “позитивизма”, века “железного”, который “похоронил человеческий голос в грохоте машин” (статья “Ирония”, 1908), Блок обращался неоднократно (статьи “Генрих Ибсен” (1908), “Молнии искусства” (1909–1920), письмо к матери 7 дек. 1916 г.). Следует иметь в виду и соответствующую традицию: ср. стих. Пушкина “Разговор Книгопродавца с Поэтом” (1824): “...в сей век железный // Без денег и свободы нет”, стих. Баратынского “Последний поэт” (1835): “Век шествует путем своим железным...”, стих. Полонского “Юбилей Шиллера” (1862): “Но, вперед шагая с каждым веком, // Что мы видим в наш железный век?”. Эпитет “железный” у Блока – один из важнейших для характеристики “страшного мира” (ср. стих. “На железной дороге”, 1910; см. также коммент. к ст. 63–64). Ср. также в поэме Д.С. Мережковского “Смерть”:

О век могучий, век суровый
Железа, денег и машин,
Твой дух промышленно-торговый
Царит, как полный властелин <...>
О, век наш будничный и серый!
Расчет и польза – твой кумир,
Тобою властвует банкир.

(Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т.
М., 1914. Т. 23. С. 50–51)

Ср. параллель “Возмездия” с некоторыми мотивами “Гамлета”: «И не под влиянием ли “юношеской” концепции вечного образа и “гамлетовского” понимания судьбы юности – взят у Блока эпиграф для поэмы, перекликающейся с шекспировской трагедией и своим

сюжетом (судьба сына – возмездие за судьбу отца) и лейтмотивом времени (“века”), звучащим в знаменитом вступлении к “Возмездию”?» (Пинский Л.Е. Шекспир. М., 1971. С. 142).

Ст. 8. ...*Бескровных душ и слабых тел!* – ср. в Предисловии к поэме: “Был человек – и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка”; ср. также ст. 34. Близкие мотивы есть и в статье “Безвременье” (1906).

Ст. 20. *Рекамье* Юлия-Аделаида (Récamier) (1777–1849) – хозяйка парижского салона, в котором бывали Констан, Шатобриан, Ламартин и др.

Ст. 23–24. *Под знаком равенства и братства // Здесь зрели темные дела...* – “Свобода, равенство и братство!” – лозунг Великой Французской революции. Разочарование в идеалах французской революции – общее место русской и европейской культуры XIX в.; так, Достоевский в “Зимних заметках о летних впечатлениях” (1863), разбирая последовательно, что в западном обществе осталось от этого лозунга, приходит к выводу, что все “сбредило и лопнуло, как мыльный пузырь” (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 5. С. 78).

Ст. 25. ...*Он жил безвольно...* – Понятие *воля* (во всей полноте значений) важно для размышлений Блока о цивилизации, культуре, их судьбах в прошлом и будущем; см., например, “*quantum satis* Бранда воли” (в Третьей главе “Возмездия”). См. также в Первой главе – о “воле царской и Народной” (ст. 376); “... не было, к несчастью, // В нем только воли этой ...” (ст. 698–699).

Ст. 32. *Гуманистический туман...* – Понятие “гуманизм” в системе идей Блока определяет культуру прошлого века, в частности, культуру интеллигентскую: «Ведь я (...) с молоком матери впитал в себя дух русского “гуманизма”. Дед мой – А.Н. Бекетов, ректор СПб. университета, и я по происхождению и по крови “гуманист”, т.е., как говорят теперь, – “интеллигент» (письмо В.В. Розанову 17 февр. 1909). См. также статью Блока “Крушение гуманизма” (1919). К понятию “туман” см. далее коммент. к ст. 54.

Ст. 35–36. ...*И Ангел сам священной брани // Казалось, отлетел от нас...* – Возможно, реминисценция из Апокалипсиса: “И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!” (Откр. VIII. 13). Ангел – вождь воинства Господня – упоминается в книге Иисуса Навина (Нав. V. 13–15).

Ст. 47. *Роланд* – герой “Песни о Роланде”, французского героического эпоса; когда в схватке с сарацинами отряд Роланда терпит поражение, герой трижды трубит в свой знаменитый рог (Олифан) и король Карл спешит ему на помощь. Ср. в отрывке “Два века”, напечатанном в газете “Русское слово” (25 дек. 1914):

Нет, то не рог Роланда слышен,
То звук громовый труб иных!

Ст. 54. ...*Еще страшнее жизни мгла...* – По замечанию исследователя, «через все поэтические размышления Блока о гибели культуры, о будущем проходит один мотив – мотив окутавшего страну тумана, дыма, мглы (...) В поэме мотив этот расширяется, становясь синонимическим обозначением “страшного мира” ...» (Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX и начала XX века. М.; Л., 1964. С. 102).

Ст. 56. *Тень Люциферова крыла...* – *Люцифер* – “сын зари” (Ис. XIV. 12); у отцов церкви – обозначение дьявола, Денницы. Возможно, восходит к “Божественной комедии” Данте (Ад, песнь XXXIV), где Люцифер – владыка последнего круга Ада. См. также коммент. к ст. 376–378.

Ст. 59–60. ...*Кометы грозной и хвостатой // Ужасный призрак в вышине...* – Характерный для Блока, символический, почти сквозной образ – призрак кометы 1910 г. Ср. стих. “Комета” (1910), а также упоминание кометы Галлея в записной книжке (11–12 мая 1910 г.) и в письмах к матери 11, 13 и 22 января 1910 г.

Ст. 61. ...*Безжалостный конец Мессины...* – Землетрясение в Мессине (15 дек. 1908) имело для Блока символическое значение; ср. в статье “Стихия и культура” (1908): “Пе-

ред лицом разбушевавшейся стихии приспущен надменный флаг культуры»; «Ученые сказали только, что югу Италии и впредь угрожают землетрясения, что там не отвердела земная кора. А уверены ли мы в том, что довольно отвердела “земная кора” над другой, такой же страшной, не подземной, а земной стихией – стихией народности?» Ср. также в статье “Горький о Мессине” (1909): ... Сицилийское и калабрийское землетрясение – событие мировой важности (...) – оно изменило нашу жизнь (...) нужно быть слепым духовно, незаинтересованным в жизни космоса и нечувствительным к ежедневному трепету хаоса, чтобы полагать, что формирование земли идет независимо и своим чередом, никак не влияя на образование души человека и человеческого быта”. Блок участвовал в книге “Италии: Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине” (СПб., 1909, стих. “Мэри”).

Ст. 63–64. ...неустанный рев машины, // Кующей гибель день и ночь... – Ср. стих. “Фабрика” (1903); статью “Молнии искусства” (1909): “знаете ли вы, что каждая гайка в машине, каждый поворот винта, каждое новое завоевание техники плодит всемирную чернь?” Ср. в статье “Стихия и культура” (1908): “Человеческая культура становится все более железной, все более машинной; все более походит на гигантскую лабораторию, в которой готовится месть стихии ...”. Ср. также в “Песне Судьбы” (1907–1908): “Машиной заменен // Пытливый дух!”

Ст. 67. ...И первый взлет аэроплана... – Об интересе Блока к развитию авиации есть много сведений в мемуарной и исследовательской литературе. “С самых первых проб самолетов на Коломяжском аэродроме, – свидетельствует Вл. Пяст, – в знакомых Блоку с детства по прогулкам местах, – он – неизменный их посетитель” (*Воспоминания*, 1. С. 382). Ср. стих. “Авиатор” (1910–1912); в “Предисловии” к циклу статей “Молнии искусства” (1918): “Час фарса пробил, когда поднялся от земли первый аэроплан. Воздух завоеван – величественное зрелище; жалкий франтик взвился над облаками ...”. См. также коммент. к Предисловию.

Ст. 92–213. Но в половине сентября ~ В тур превращать, или в коней... – Ср. описание возвращения гвардии в Петербург в прозаическом Плате первой части “Возмездия”.

Ст. 97. ...И Забалканский, и Сенная... – Забалканский (бывш. Обуховский и Царско-сельский) проспект назван так в 1878 г. в честь возвращения русских войск с турецкой войны.

Ст. 99–108. ...Крик, ругань, давка площадная ~ Царица, двор и высший свет! – Ср. в “Евгении Онегине” гл. VI:

Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сани, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики...

или в гл. V:

Лай мосек, чмокать девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.

З.Г. Минц видит связь “Возмездия” с “Евгением Онегиным” между прочим и в “бытовых описаниях, часто переходящих в перечисление реалий” (*Минц З.Г.* Блок и Пушкин // *УЗ ТГУ*. Вып. 306. Тарту, 1973. С. 265).

Ст. 102. Новодевичий – женский монастырь в Петербурге, близ Московской заставы, учрежден в 1845 г.

Ст. 108. Царица – Мария Александровна (1824–1880), супруга имп. Александра II.

Ст. 112. ...От рубежей чужой земли... – По мнению В.Н. Орлова, реминисценция из стих. А. Фета “Всю ночь гремел овраг соседний...”: “И сила думы уносила // За рубежи родной земли” (СС-8з, С. 617).

Ст. 118. ...Три Плевны, Шипка и Дубняк... – Блок называет места главных сражений в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Плевна штурмовалась русскими войсками трижды: 8 июля, 18 июля и 30 августа 1877 г.; пала после осады 28 ноября 1877 г.

Ст. 121. Вон – павловцы, вон – гренадеры... – Павловский и Гренадерский лейб-гвардейские полки; среди отличий, присвоенных им, – знаки на шапках с надписью “За Горный Дубняк, 12 октября 1877 г.”

Ст. 124. ...Блестит Георгий там и тут... – Орден св. Георгия (4-й степени) вручался исключительно за боевые заслуги.

Ст. 137. И в час торжественный возврата... – З.Г. Минц возводит эту строчку к строке из “Демона” Лермонтова (“И в час торжественный заката...”) (Минц З.Г. Функция реминисценций в поэтике А. Блока // УЗ ТГУ. Вып. 358. Тарту, 1975. С. 393).

Ст. 175–178. Иль, в самом деле, люди эти ~ за что в них вера? – Ср. помету Блока в черновике с указанием рассказа З. Гишпиус “Нет возврата”; в этом рассказе брат и сестра возвращаются с русско-японской войны, но родные их ощущают, что морально, духовно герои остались на войне, откуда “нет возврата”.

Ст. 179–183. В глазах любого офицера // Горят заемные огни. – Ср. в “Матерьялах для поэмы”: “В глазах солдат и офицеров, возвратившихся с войны, еще стоят – раны, бледные лица, возбужденные глаза, зарева, белое знамя, взвившееся при свете пылающих соломенных избушек Горного Дубняка”. См. коммент. к “Матерьялам для поэмы”.

Ст. 187. Белый Генерал – Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882); прозвание получил в Хивинском походе (за белый цвет мундира). Участник штурма и осады Плевны, атаки на турецкую армию близ Шипки и окружения армии Весселя-паши. “Храбрость и неукротимая отвага Скобелева сделали даже нарицательными” (Сборник военных рассказов. СПб, 1878. Т. 1. С. 215).

Ст. 193–194. ...как полковое знамя // Из рук убитый не пускал... – В “Сборнике военных рассказов” (Т. 4. С. 30–31) содержатся сведения о геройской смерти знаменщика Митрофана Иванова: “Смертельно раненный, он все-таки не мог решиться расстаться с доверенной ему святынею, несмотря на уговоры окружающих его ассистентов, и только за несколько секунд до своей смерти передал он его из рук в руки одному из окружавших его унтер-офицеров”.

Ст. 253–254. Вся жизнь в столице, как пехота, // Гремит по камню мостовых... – Ср. в “Планах поэмы”: “Два лейтмотива: один – жизнь идет, как пехота, безнадежно ...”.

Ст. 265–266 ...Ты мог бы некий знак заметить, // Которого не знаешь ты .. – Имеется в виду знак опасности, выставившийся на конспиративной квартире, обнаруженной жандармами; ср. в черновом наброске-конспекте № (22) на л. 43 об.: “Знак в окне” (См. разд. “Другие редакции и варианты” и примеч. к ним).

Ст. 275–278. Ты занят всякими делами ~ И твой скрывается может рок... – Здесь и далее отразилось чтение Блоком воспоминаний Ольги Спиридоновны Любатович (1853–1917), входившей в тайное общество “Земля и Воля” 1870-х годов и “Народную Волю”. Ср.: “(...) мы засиделись далеко за полночь, и если бы кто-нибудь из мирных петербуржцев заглянул случайно в эту комнату, тесно набитую народом, то, судя по внешности, он никак не подумал бы, что перед ним кучка самых крупных заговорщиков (...)” (Любатович О.С. Далекое и Недавнее. Воспоминания из жизни революционеров 1878–1881 гг. // Былое. 1906. № 5. С. 215. См. также указанный выше набросок-конспект Блока и коммент. к нему).

Ст. 283–284. Смеркается. Спустились шторы. // Набита комната людьми... – Блок соединил в одну сцену несколько эпизодов из воспоминаний О. Любатович: первую ее встречу с Сергеем Михайловичем Кравчинским (1851–1895) в августе 1878 г. в день похорон Мезенцева (см. коммент. к с. 106), в “комнатке близ Забалканского проспекта” (Бы-

лое. 1906. № 5. С. 212), приход Кравчинского на квартиру, где находилась Софья Львовна Перовская (1853–1881), бежавшая от жандармов с вокзала в Новгороде (*Там же*. С. 222–223), и встречу Нового 1880 года (*Там же*. № 6. С. 123–124), на которой Кравчинского не было. И.Б. Березарк в статье “Отец Александра Блока”, ссылаясь на разговор с В.В. Есиповым (близким к А.Л. Блоку), состоявшийся в 1922 г., пишет, что А.Л. Блок “посещал народольческие кружки и был знаком с Софьей Перовской” (Русская литература. 1977. № 3. С. 190).

Ст. 300–310. ...Средь прочих – женщина сидит ~ Горит отвагой и печалью... – Ср. портрет С. Перовской в воспоминаниях О. Любатович: “...ее маленькое круглое личико с большим лбом ребенка невольно поражаало взгляд, рельефно выделяясь на фоне простого черного платья, окаймленное широким белым отложным воротничком. Оно дышало молодостью и жизнью” (Былое. 1906. № 5. С. 222). Ср. в указанном выше черновом наброске-конспекте «Перовская Соф(ья) Льв(овна) – маленькое круглое лицо и большой ребяческий лоб. “Пророк” Мейербера. Осенью 1878 Перовская бежала с Новгор(одского) вокзала и приехала в Пб (квартира Малиновской). Черное платье, широкий белый воротник».

Ст. 314–326. ...В своих движениях уверен ~ Меланхолической гримасой. – Портрет С. Кравчинского; в воспоминаниях О. Любатович отмечены “крупная мужественная фигура и оригинальная голова”; “он был одет джентльменом, в руках держал высокий цилиндр, а наполеоновская бородка придавала ему вид иностранца” (*Там же*. С. 212); ср. далее: “открытое, смелое, оригинальное лицо, неправильные ломаные линии которого словно красили его своим уродством. Да, он был и красавец и урод. Мягкие, коротко подстриженные темнорусые волосы крупными волнами обрамляли его необычно большую голову и большой прекрасный открытый лоб (...) Крупный рот с сочными свежими губами порой раскрывался в широкую добрую улыбку, порой передергивался какой-то меланхолически-нервной гримасой” (*Там же*. С. 213). Ср. в черновых набросках: “Сергей Кравчинский – в руках высокий цилиндр, наполеоновская бородка: красавец и урод; меланхолически-нервная гримаса”.

Ст. 321. ...Наполеоновской бородкой... – Как у франц. императора Наполеона III (1808–1873).

Ст. 333–334. ...”Поздравляю вас // С побегом...” – Этих слов в воспоминаниях Любатович нет.

Ст. 336–338. И вдруг – без видимой причины – // На этом странно-белом лбу // Легли глубоко две морщины... – Ср. портрет С. Кравчинского у О. Любатович: “...широкие, короткие темные брови разделены были двумя глубокими вертикальными складками над переносьем...” (*Там же*. С. 213).

Ст. 339–354. Заря погасла. И мужчины ~ Зажгло суровые глаза... – Ср. в воспоминаниях О. Любатович: «Когда ром зажгли и потушили свечи, картина получилась волшебная; трепетное пламя, то вспыхивая, то замирая, освещало суровые лица обступивших его мужчин (...) Морозов вынул свой кинжал, за ним другой, третий, их положили, скрестив, на чашу, и без предупреждения, по везапному порыву, грянул могучий торжественный напев известной гайдамацкой песни: “Гой не дивуйтесь, добрые люди, що на Украйне повстанье”». – (*Там же*. № 6. С. 123–124).

Ст. 368. Дворяне – все родня друг другу... – Блок неоднократно обращался к теме судьбы дворянства и дворянской культуры (см., например, Предисловие к “Праматери” Грильпарцера). Ср.: «Кровную связь с этой (дворянской. – *Ред.*) культурой (...) Блок ощущал постоянно – то как дар истории, то как цепи, которые необходимо порвать, то как “демоническое” проклятие духовной избранности» (*Минц З.Г., Лесневский С.С.* [Вступительная статья] // *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 643).

Ст. 376–378. ...Меж волей царской и Народной // Они испытывали боль // Нередко от обеих волей. – Характерное для Блока разграничение различных значений слова “воля” и указание на особую важность “Народной воли”. Ср. неопубликованные записки

А.Н. Бекетова: "...на этом полудиком море землепашцев – вернее сказать, черносошных, – фабричных и тому подобных, плавают тоненькая, раздробленная пленочка людей цивилизованных (...) Это цивилизованное меньшинство находится между двух огней. С одной стороны на него давит устарелое, немощное самодержавие, с другой – стихийное, невменяемое море черносошников" (*Бекетов А.Н. Размышления и думы // ИРЛИ. Ф. 462. Л. 31; запись от 22 февр. 1889 г.*) Ср. также ст. 383 (о русской жизни): "Она всегда – меж двух огней".

Ст. 402–403. ...Когда в любом семействе дверь // Открыта настежь зимней вьюге... – Ср. в статье "Безвременье" (1906): "Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет. Двери открыты на вьюжную площадь". Ср. также в стих. "Второе крещение" (1907): "Открыли дверь мою метели..."

Ст. 414. "Княгиня Марья Алексевна" – реминисценция из "Горя от ума" Грибоедова (Д. IV, Явл. 15). Подробнее о восприятии Блоком Грибоедова см. в статье: *Долгополов Л.К., Лавров А.В.* Грибоедов в литературе и литературной критике конца XIX и начала XX века // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиция. Л., 1977. С. 126–129.

Ст. 426. ...гостеприимный старый дом... – Ср. также ст. 473 ("Очаг семейный и уют"); ст. 527 ("И жизнь, при помощи уюта, // В свою вернется колею"); ст. 535 ("В гостеприимном добром доме..."); ст. 721 ("И в дом к ним приглашен...") и др. О теме дома у Блока пишет К. Чуковский: "...поэма "Возмездие" есть поэма о гибели. Блок изображает в ней свой родительский дом, который понемногу разрушается. Этот дом и есть герой поэмы, – не отдельный человек, но весь дом" (*Чуковский К.* Александр Блок как человек и поэт. Л., 1924. С. 17). Ср. также: «...такие характеристики персонажа, как уход/неуход из дома и отношение к быту, "укладу", для Блока символически многозначны" (*Мицц З.* С. 121).

Ст. 433. "Народная Воля" – нелегальная газета (1879–1885), издавалась в Петербурге, вышло 12 номеров; характеристику см.: Сводный каталог русской нелегальной запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания. Ч. 6. Периодические издания. № 2258–2369. [М., 1971]. С. 837–838.

Ст. 447–448. Глава семьи – сороковых // Годов соратник... – Ср. в книге М. Бекетовой "Александр Блок" (1930): "Все три брата (Алексей, Николай и Андрей. – *Ред.*) проявляли склонность к общественной деятельности и восприняли гуманные идеи сороковых годов..." (С. 15); см. также развернутую характеристику А.Н. Бекетова у М. Бекетовой (*ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 652–661*). М. Бекетовой принадлежит также книга об А.Н. Бекетове, предназначавшаяся для серии "Жизнь замечательных людей" (*ИРЛИ. Ф. 462. № 18*). Ср. характеристику А.Н. Бекетова в "Автобиографии" Блока "Дед мой (...) принадлежал к тем идеалистам чистой воды, которых наше время уже почти не знает. Собственно, нам уже непонятны своеобразные и часто анекдотические рассказы о таких дворянах-шести-десятичниках, как Салтыков-Щедрин или мой дед, об их отношении к императору Александру II, о собраниях Литературного фонда, о борелевских обедах, о хорошем французском и русском языке, об учащейся молодежи конца семидесятых годов". З.Г. Мицц сближает человека 40-х годов у Блока и Достоевского (В кн.: *Достоевский и его время. Л., 1971. С. 246*). Достоевский в молодости был близок с братьями Бекетовыми. См.: *Поддубная Р.Н.* Кружок Бекетовых в идейных исканиях Достоевского // *Вопр. рус. лит.* Львов, 1974. Вып. 2/24.

Ст. 451–452. ...Он с николаевских времен / Стоит на страже просвещения... – А.Н. Бекетов был сторонником автономии университетов, основал женские курсы (Бес-тужевские) и, как пишет М.А. Бекетова, "беспрестанно тревожил власти" (*ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 657–658*).

Ст. 458. ...В еде ценить умеет нежность... – Ср. "Шахматово. Семейная хроника" М.А. Бекетовой: "Хорошая еда считалась в бекетовском доме очень важным делом (...) Отец ел немного, но любил все изысканное и первосортное" (*ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 679–680*).

Ст. 459–460. ...*Язык французский и Париж // Ему своих, пожалуй, ближе...* – У Блока эта характерная черта деда отмечена в “Автобиографии”: «Встречая знакомого мужа, дед брал его за плечо и начал свою речь словами: “Eh bien, mon petit...”». Ср. рукописные наброски А.Н. Бекетова: “По-моему, крестьян наших освободили французские идеи XVIII столетия и Великая фр(анцузская) революция» (ИРЛИ. Ф. 462. № 76. Л. 2). Сходные мотивы в стих. “Светлый сон, ты не обманешь...” (1904); “Деды дремлют и лелеют // Сны французских баррикад”; “Сладко вспомнить за обедом // Старый пламенный Париж”. Ср. характеристику А.Н. Бекетова, данную М.А. Бекетовой: “То ли дело французы! Этих он любил страстно, а к Парижу питал особую нежность” (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 655).

Ст. 464. ...*В душе он – старый барин русский...* – Ср. неопубликованные заметки М.А. Бекетовой: “Отец мой происходил из богатых дворян, сохранивших привычки больших бар” (Бекетова М. Записки старой тетки // ИРЛИ. Ф. 462. № 8).

Ст. 467. *Борель – петербургский ресторатор (Б. Морская, 18).*

Ст. 474–478. *В семье нечопорно растут ~ Меньшья – скачет и поет...* – Ср. у М. Бекетовой: «“В семье нечопорно росли” не три, а четыре дочки (...) Старшая – Катя (Екатерина Андреевна), будущая писательница, умерла, когда поэту было 11 лет, от нее осталась у него бледный облик, не попавший в поэму» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 646); ср. в неопубликованных заметках М. Бекетовой: «Всех больше нянчилась со своим племянником та самая “тетя Катя”, о которой даже и не упоминается в “Возмездии»» (ИРЛИ. Ф. 463. № 12. Л. 20).

Ст. 475–476. ...*старшая – томится // И над кипсэком мужа ждет...* – М.А. Бекетова замечает: “...Блок, характеризовавший эту сестру Бекетову метким двустишием (...), в дальнейшем изменил ее облик, дав ей в мужа лохматого студента с демократическими наклонностями. За такого Соф(ья) Андр(еевна) не только никогда бы не вышла замуж, но и смотреть на него бы не стала” (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 742); *кипсэк* – (англ. keersake) – роскошно иллюстрированное, подарочное издание.

Ст. 477. ...*Второй – всегда не лень учиться...* – М.А. Бекетова относит эту характеристику к себе и старшей сестре Кате (не попавшей в поэму), замечая при этом, что в поэме третья сестра (Александра Андреевна, мать Блока), превратилась в меньшую, а четвертая – автор хроники – оказалась старше ее. Эта перестановка, по словам М. Бекетовой, “имела полное основание, так как и в детские, и в молодые годы я часто играла роль старшей сестры для Аси” (ЛН. Т. 92. Кн. 37 С. 646–647).

Ст. 478–482. ...*Меньшья – скачет и поет ~ Вводит начальницу в испуг...* – Характеристика Александры Андреевны, матери поэта, неоднократно встречается в книгах и рукописях М.А. Бекетовой: “Была она добрая, ласковая и необыкновенно веселая девочка. Ее проказы и шалости оживляли дом и смешили нас, сестер, до упаду. Но все это уживалось с капризным, причудливым характером, что объяснялось ее нервозностью и крайней впечатлительностью” (Бекетова I. С. 25). Эпизод с косоплеткой М.А. Бекетова связывает со старшей сестрой Катей (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 650).

Ст. 490–492. ...*Внезапно руку предложил // Вихрастый идеальный мальчик; // Ее готовят под венец...* – “Вихрастый идеальный мальчик” несет в себе черты первого жениха Александры Андреевны, а не старшей сестры, – Михаила Федоровича Шутца. «Рассказы об этом студенте, из которого вышел впоследствии дельный чиновник, вероятно, послужили основой для типа мужа старшей сестры в “Возмездии»» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 668). Возможно, Блок, как пишет М.А. Бекетова, не хотел введением фигуры первого жениха осложнять линию “Александра – демон”; кроме того, «облик мужа старшей сестры в “Возмездии” вообще очень типичен для того времени и, быть может, только случайно совпал с обликом Шутца» (Там же).

Ст. 508. ...*“Луч света в царство темноты” ...* – Ср. заглавие статьи Н.А. Добролюбова “Луч света в темном царстве” (1860).

Ст. 573. ...*И, на посту не стоя “славном” ...* – Перифразированные строки С.Я. Надсона из стих. “Над могилой И.С. Тургенева” (1883): “И нет тебе смены на славном посту”.

Ср. заглавие сборника в честь Н.К. Михайловского “На славном посту” (СПб., 1900). “Славные посты” полемически упоминает Блок в статье “Судьба Аполлона Григорьева” (1916).

Ст. 580. ...”не моего романа”... – Цитата из “Горя от ума” А.С. Грибоедова (Д. Ш. явл. 1).

Ст. 594–596. ...И в нашу дружную семью // Явился незнакомец странный. – Мотив, многократно встречающийся в Планах поэмы: «В дружной семье появляется “странный незнакомец”» (окт. 1911); “... 1-е марта. (...) Около этого времени в семье появляется черная птица: молодой мрачный (байронист) – предвестие индивидуализма, неудачник Александр Львович Блок” (10 окт. 1911); «В семью является демон, чтобы родить сына (первый “отбор”» (21 нояб. 1913); «Уже кругом – 1 марта. И вот предвестием входит в семью “демон”» (окт. 1913). См. разд. “Другие редакции и варианты”.

Ст. 596–600. Встань, выйди поутру на луг ~ Гнездо припрятано в кустах... – Ср. стих. “Коршун” (1916), вышедшее из черновиков поэмы. К этому месту относится следующая запись в мемуарах М.А. Бекетовой: “...в первой главе есть отрывок, картина, которую поэт мог наблюдать только в Шахматове (далее приводятся цитированные строки. – Ред.)” (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 787).

Ст. 616. На вечерах у Ольги Вревской. – Прототип Ольги Вревской – Анна Павловна Философова (1837–1912), общественная деятельница, одна из активных участниц женского движения 60–70-х годов. Вместе с А.Н. Бекетовым участвовала в создании женских курсов (см.: Памяти А.П. Философовой. Пг., 1915. Т. 1. С. 179–182). В 1912–1913 гг. Блок встречался и переписывался с сыном А.П. – Д.В. Философовым – и с ее биографом – А.В. Тырковой (см.: Тыркова А.В. А.П. Философова и ее время. Пг., 1915). В дневнике Блока отмечен день смерти Философовой (“вчера вечером скончалась А.П. Философова” – 17 марта 1912 г.) и участие в панихиде по ней (запись 19 марта). Среди венков на панихиде по Философовой был и венок от Бекетовых (Памяти А.П. Философовой. Пг., 1915. Т. 2. С. 105. 2-я паг.). Имя Ольга, вместо Анна (так было у Блока в рукописи), было введено по просьбе редакции РМ, когда Первая глава готовилась к печати. См. письма Блока к А.А. Кублицкой-Пиоттух от 2 и 7 дек. 1916 г., а также авторскую помету на л. 65 ЧА_{III} Первой главы.

Ст. 618. Больной и грустный Достоевский... – О восприятии Блоком Ф.М. Достоевского в связи с работой над “Возмездием” см. коммент. к “Матерьялам...” (в наст. томе). Биограф А.П. Философовой пишет: “И сумрачный тайновед Достоевский частенько будет сидеть по вечерам в ее синей гостиной, выслушивать признания, срывающиеся с языка стремительно-искренней хозяйки, через нее присматриваться к передовым людям, с которыми она была дружна” (Памяти А.П. Философовой. Т. 1. С. 231).

Ст. 622. ...Для “Дневника”. – “Дневник писателя” Ф.М. Достоевского; ср. запись в дневнике Блока 28 марта 1919 г.: «Мы уже знаем, что значит быть вне политики: это значит – стыдливо закрывать глаза на гоголевскую “Переписку с друзьями”, на “Дневник писателя” Достоевского ...».

Ст. 623. Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – юрист, государственный деятель, публицист. С 1880 по 1905 – обер-прокурор Св. Синода, с 1872 – член Государственного Совета. В статье “Ирония” (1908) и в “Планах поэмы” время с 1880 по 1905 гг. Блок называл “победоносцевским периодом”. Развернутый образ Победоносцева дан в статье Блока “Солнце над Россией” (1908); см. также начало Второй главы “Возмездия”. Дружба Достоевского с Победоносцевым была, по-видимому, известна А.Н. Бекетову, Е.Г. Бекетовой, А.А. Кублицкой-Пиоттух и М.А. Бекетовой, чьи воспоминания отразились в “Возмездии” и в “Матерьялах для поэмы”.

Ст. 624–625. С простертой дланью вдохновенно // Полонский здесь читал стихи. – Ср. в статье “Вечера искусств” (1908): “Но почему потрясали сердца: Майков со своей сухой и изящной декламацией, Полонский с торжественно протянутой и романтически дрожащей рукой в грязной белой перчатке ...”. Полонский Яков Петрович (1819–1898) – один

из близких Блоку поэтов. А.В. Тыркова упоминает Полонского в числе посетителей А.П. Философовой (Памяти А.П. Философовой. Т. 1. С. 274).

Ст. 634–635. ...Ну, словом, можно встретить здесь // Различных состояний смесь. – О разнородном составе гостей А.П. Философовой говорится у А.В. Тырковой: “С кем только ни была дружна Анна Павловна! (...) Кавалергарды и курсистки, профессора и жены министров, писатели и чиновники, передовые женщины и обер-полицмейстер, все они в пестрой смене перебиваются в гостиных этой своеобразной красавицы, и каждого из них по-своему сумеет Анна Павловна привлечь и пригреть” (Памяти А.П. Философовой, Т. 1. С. 231).

Ст. 668–669. ...В салоне Вревской был как свой // Один ученый молодой. – “На ее вечерах бывал и А.Л. Там встретился он с Достоевским, которого поразила наружность молодого человека. Как говорили тогда, Достоевский собирался изобразить его в одном из своих романов в качестве главного действующего лица” (Бекетова I. С. 25). В.В. Есипов также свидетельствует, что Достоевский имел такой замысел (см.: Березарк И.Б. Отец Александра Блока // Русская литература. 1977. № 3. С. 188–192).

Ст. 674–678. Раз (он гостиной проходил) ~ “Похож на Байрона”. – Ср. запись в дневнике Блока 3 ноября 1911 г.: «План – четыре части – выясняется. 1 – “Демон” (не я, а Достоевский так назвал, а если не назвал, то è ben trovato...)».*

Ст. 691. . .” Он – Байрон, значит – демон...” – О демонизме в связи с пониманием характера А.Л. см. дневниковую запись Блока 27 декабря 1911 г.; ср. также во второй редакции поэмы:

И, может быть, в преданьях темных
Его слепой души впотьмах –
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брезжит память эта,
Тот странен и с людьми не схож {...}
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог... (см. л. 247)

М.А. Бекетова писала об Александре Львовиче: «Из русских писателей он особенно любил Достоевского и Лермонтова. К “Демону” у него было особенное отношение. Он исключительно ценил не только поэму Лермонтова, но и оперу Рубинштейна, которую знал наизусть и беспрестанно играл в собственном своем переложении ...» (Бекетова I₂. С. 23); “...трудно нам было тогда понять этого демона жестокости и эгоизма...” (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 752). Исследователи видят в описании “демона” влияние Грибоедова (см.: Долгополов Л.К., Лавров А.В. Грибоедов в литературе и литературной критике конца XIX – начала XX в. // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., “Наука”, 1977), Пушкина (см.: Миц 3.Г. Блок и Пушкин // УЗ ТГУ. 1973. Вып. 21. С. 242–246; здесь же указана связь со ст. 10: “Нейрастения, скука, сплин”), Лермонтова, Врубеля и др. Ю.Н. Чумаков видит в отце онегинско-чаадаевский тип героя, сближая его с персонажем поэмы Полонского “Свежее преданье” Камковым (Чумаков Ю.Н. Ал. Блок и Я. Полонский. “Возмездие” и “Свежее преданье” // Тез. 1 Всесоюзной (III) конференции “Творчество Блока и русская культура XX века”. Тарту, 1975).

Ст. 733–734. ...Но вежливость он соблюдал // И дамам ручки целовал... – Ср. в “Евгении Онегине” А.С. Пушкина (Гл. 2. Строфа V): “Он дамам к ручке не подходит...”.

Ст. 736–737. Его блестящему уму // Противоречия прощали... – М.А. Бекетова пишет: “Отец Блока был весь создан из противоречий, и вместе с тем он был человек не-

* Хорошо придумано (ср.: Se non è vero, è ben trovato – Если это и не правда, то хорошо придумано. – итал. – Ред.).

обыкновенный...” (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 756). Ср. в “Автобиографии” Блока: “Судьба его исполнена сложных противоречий”. Ср. также в кн.: *Спекторский Е.* Александр Львович Блок: государствовед и философ. Варшава, 1911; книга сохранилась в библиотеке Блока, есть пометы поэта – см. *ББО-2*. С. 285–287): “Он был как бы живым воплощением мысли Платона о том, что в человеческой душе противоборствуют друг другу разные начала...” (С. 7).

Ст. 754–755. ...Констан дружил // В нем с Пушкиным и Штейн – с Флобером. – Ср. в “Автобиографии” Блока: “Выдающийся музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист – отец мой считал себя учеником Флобера”. *Штейн* Лоренц фон (1815–1890) – немецкий юрист, государствовед и экономист; книга А.Л. Блока “Государственная власть в европейском обществе” (СПб., 1880) имела подзаголовок: “Взгляд на политическую теорию Лоренца Штейна и на французские политические порядки”. Ср.: «Образцом для него некоторое время был Флобер, этот беспримерный виртуоз и мученик лапидарного, мраморного стиля. И в своей книге о Лоренце Штейне он прямо-таки подражал стилю его первого романа (“Мадам Бовари”))» (*Спекторский Е.* Указ. соч. С. 10).

Ст. 759–760. ...Он, утверждая, отрицал // И утверждал он, отрицая – Ср.: “Ирония властно толкала его мысль на путь критики всякого рода иллюзий, и притом критики, дающей отрицательные, более или менее безотрадные плоды (...) Но вместе с тем она сопровождалась какою-то грустью, какою-то тоской по иллюзии, каким-то желанием все-таки не расстаться окончательно с мечтою и верить в нее. Благодаря этому А.Л. был одновременно и реалистом, и идеалистом” (*Спекторский Е.* Указ. соч. С. 12).

Ст. 778–779. ...И на покорную рояль // Властительно ложжились руки... – По словам М.А. Бекетовой, “отец поэта был талантливейший пианист с серьезными вкусами. Его любимцами были Бетховен и Шуман (...) исполнение Александра Львовича отличалось точностью, свободой, силой. Но главное его обаяние заключалось в какой-то стихийно-демонической страстности; получалось впечатление вдохновенного порыва, стремительного полета, не передаваемого словами” (*Бекетова I*₂. С. 22). О музыкальных импровизациях А.Л. Блока со слов А.И. Яцимирского пишет И.Б. Березарк (Русская литература. 1977. № 3. С. 191).

Ст. 801–901. ...Он стал // Своим в семье ~ Он скромно предложил ей руку, // Связал ее с своей судьбой... – По словам М.А. Бекетовой, «мрачный демонический облик Александра Львовича вместе с присущим ему обаянием в общем верно очерчен в поэме “Возмездие” (...) роман между отцом и матерью происходил не совсем так, как изобразил его поэт, и самый облик отца несколько идеализирован. Но III глава есть точное воспроизведение действительности» (*Бекетова I*₂. С. 24).

Ст. 840–845. “Нет, он не любит, он играет ~ Как будто сам чего-то ждет...” – В воспоминаниях М.А. Бекетовой приведены стихи Александры Андреевны 1883 года, близкие по мотивам строчкам Блока:

Как мучилась тяжко, всем сердцем любя
Того, кто терзал беспощадно тебя.

(ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 742)

Ст. 894. ...диссертацией блестящей... – В качестве диссертации А.Л. Блок защитил в Петербургском университете 12 октября 1880 г. книгу “Государственная власть в европейском обществе” (издана в том же году в Петербурге).

Ст. 900–905. ...Он скромно предложил ей руку ~ Делила книжные труды... – М.А. Бекетова замечала об этом месте поэмы: “Это точное изложение фактов, но скука, о которой говорится (...) есть только пламя байронизма, в который одел поэт своего отца. Весь роман его с Асей представлен соответственно этому и получил образное истолкование.

В действительности вся инициатива, весь истинный пыл далеко не увядшей и еще не тронутой разочарованием души были на стороне страстно влюбленного жениха – чувст-

во невесты к нему было еще детское, незрелое и неглубокое – так что все прекрасное описание ее любви относится не к ней, а к тому образу, который создала фантазия поэта” (Бекетова М. Разрозненные материалы о жизни и творчестве Блока // ИРЛИ. Ф. 462. № 12. Л. 3 об.). Ср. в ее книге: “В конце зимы Александр Львович сделал Асе предложение, но она ему отказала, после чего он даже перестал бывать у нас в доме. Ася не каялась в своем поступке, но мать наша (...) стала говорить Асе, что она оттолкнула необыкновенного человека, с которым могла бы быть счастлива, как ни с кем (...) Было вторичное предложение Александра Львовича, на этот раз принятое Асей, а потом и родителями”; см. далее там же: «Его демонское очарование овладело ее нежной душой, ястребиные крылья (вспомните “Возмездие”) распростерлись над своей жертвой (...) Она уже подпала под его власть, полюбила его и предалась своей судьбе» (Бекетова И. С. 120–121).

Ст. 922–925. Вдруг – возвращается она... // Что с ней? Как стан прозрачный тонок! // Худа, измучена бледна... // И на руках – лежит ребенок. – Осенью 1880 г. А.Л. Блок закончил магистерскую диссертацию и приехал защищать ее в Петербург, взяв с собой беременную жену. “Сестра поразила нас с первого взгляда: она была почти неизвестна. Красота ее поблекла, самый характер изменился. Из беззаботной хохотушки она превратилась в тихую, робкую женщину болезненного и жалкого вида (...) На время родов отец уговорил Александра Львовича оставить жену у нас” (Бекетова И. С. 32). В мемуарах “Шахматово. Семейная хроника” она же пишет: “Ее жалкий вид и не свойственный ей отпечаток покорности и запуганности до того поразили меня, что, вместо того, чтобы радоваться ее приезду, я долго не могла прийти в себя и справиться с припадком нервной дрожи, которая меня охватила” (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 753).

ВТОРАЯ ГЛАВА

(Вступление)

(С. 45)

Ст. 1. В те годы дальние, глухие... – Ср. стих. “Рожденные в года глухие...” (1914).

Ст. 3–4. ...Победоносцев над Россией // Простер совиные крыла... – Ср.: “Он (Победоносцев. – Ред.) понимал, что в невежестве миллионов – залог успеха их, ночных сов, зловещих ворон, шумящих черными крыльями жутко над тихой долиной смерти” (Современная речь. 11 марта 1907 г.; подпись П.Ш.) См. коммент. к Первой главе, ст. 623.

Ст. 8–9. ...заглянув ей в очи // Стеклянным взором колдуна... – В.Н. Орлов (СС-83. С. 622–623) сравнивает эти строки со следующим местом из статьи А. Белого “Луг зеленый”: “Пелена черной смерти. .. занавешивает просыпающуюся Россию, эту Красавицу, спавшую доселе глубоким сном ... Россия уподоблялась символическому образу спящей пани Катерины, душу которой украл страшный колдун...” (Бельй А. Луг зеленый. М., 1910. С. 6; колдун и пани Катерина – персонажи повести Гоголя “Страшная месть”).

Ст. 10. ...Под умный говор сказки чудной... – К этому стиху в черновике есть запись: «“Усни под говор чудных снов” Лерм(онтов)» – строка из поэмы “Мцыри” (XXIII).

Ст. 11–12. ...Уснуть красавице не трудно, – // И затуманилась она... – “Спящая красавица” – «сюжет, вошедший с детства в один из самых существенных поэтических “мифов” творчества Блока» (см.: Котрелев Н.В., Мицц З.Г. Вступительная статья к публикации “Блок в неизданной переписке и дневниках современников” // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 157). «Сам Блок связал формирование автобиографического героя (маленького внука в “Возмездии”) с образом именно пушкинской царевны...» (Мицц З.Г. Функция реминисценций в поэтике А. Блока // УЗ ТГУ. 1975. Вып. 358. С. 395).

Ст. 41–42. Востока страшная заря // В те годы чуть еще алела... – Речь идет, видимо, о будущей войне с Японией.

Ст. 51. ...царь – огромный, водянистый... – Александр III (1845–1894; на престоле с 1881).

Ст. 64. “князь” – кличка татарина-старьевщика.

Ст. 75–76. О, город мой неуловимый, // Зачем над бездной ты возник?.. – Ср. в “Медном всаднике” Пушкина: “О мощный властелин судьбы! // Не так ли ты над самой бездной, // На высоте, уздой железной // Россию поднял на дыбы?”

Ст. 90. *Державный Основатель* – Петр I.

Ст. 107–108. ...*Гроза Артуром и Цусимой*, // *Гроза Девятым января...* – Артур – крепость Порт-Артур (ныне Люйшунь, Китай), которую русские войска под командованием ген. Р.И. Кондратенко обороняли с 27 января по 20 декабря 1904 г. (ст. стиль) во время русско-японской войны; крепость была сдана; *Цусима* – место морского сражения в русско-японской войне; 14–15 мая 1905 г. (ст. стиль) тихоокеанские эскадры под командованием вице-адмирала З.П. Рождественского были разгромлены, и Россия была вынуждена начать мирные переговоры. *Девятое января* 1905 г. (“кровавое воскресенье”) – день расстрела царскими войсками демонстрации в Петербурге (участвовало 140 тыс. человек, свъше тысячи убитых, 2 тысячи ранено). Ср. письмо Блока А. Белому, написанное во время работы над второй главой “Возмездия” 12 марта 1911 г.: «Но за плечами – все “мое” и все “не мое”, равно великое: “священная любовь”, и 9-е января, и Цусима – единый большой, строгий, милый, святой крест».

ПРЕДИСЛОВИЕ

(С. 48)

Стр. 14. *С Коммиссаржевской умерла лирическая нота на сцене...* – Памяти актрисы была посвящена статья Блока “Вера Федоровна Коммиссаржевская”, опубликованная в “Речи” 12 февраля 1910 г., на третий день после ее кончины. 7 марта Блок выступил с речью на траурном вечере в зале Петербургской городской думы. Речь заканчивалась стих. “Пришла порою полуночной...”, посвященным актрисе.

... *с Врубелем – громадный личный мир художника...* – См. статью Блока “Памяти Врубеля” (1910). О “безумном упорстве, ненасытности исканий” художника Блок писал в Третьей главе “Возмездия” (ст. 303–312). Эти стихи, впервые написанные в составе второй редакции, до 31 января 1911 г. (см. в разд. “Другие редакции и варианты”: ЧАII, Л. 246–247), передавали впечатления поэта от недавних утраты.

Стр. 16. *С Толстым умерла человеческая нежность...* – С подобной оценкой Блок воспринял и воспоминания М. Горького о Толстом. См. заметку о чтении Горького в ЗК₆₀ (19 июля 1919).

Стр. 18. ...*1910 год – это кризис символизма, о котором тогда очень много писали ~ так и в противоположном.* – Кризис символизма обсуждался в 1910 г. в полемически остро и широко развернувшейся дискуссии. Центром ее стали появившиеся в журн. “Аполлон” (№ 8, май–июнь) статьи Вяч. Иванова “Заветы символизма” и Блока “О современном состоянии русского символизма”. Против их “взаимно дополняющих статей” выступил В. Брюсов, ему возражал А. Белый, в дискуссию вступили С. Городецкий и Д. Мережковский. О несостоятельности символизма писали в это время Л.Я. Гуревич (Русская мысль. № 5), С.А. Адрианов (Вестник Европы. № 10). Со статьей, озаглавленной словами Блока “Быть или не быть русскому символизму?”, в журн. “Современный мир” (№ 10) выступил В. Львов-Рогачевский. Он откликнулся и на книгу Эллиса “Русские символисты. Бальмонт, В. Брюсов, А. Белый” (М., 1910). См. подробнее о развернувшейся в этом году в журн. “Аполлон” полемике между представителями символизма и сторонниками акмеизма в кн.: *Корецкая И.* Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 333–341. См. также коммент. в т. 8 наст. изд.

Стр. 19. *В этом году яственно дали о себе знать направления ~ акмеизм, эгофутуризм и первые начатки футуризма.* – В январе 1910 г. в “Аполлоне” (№ 4) появилась статья М.А. Кузмина “О прекрасной ясности”, сыгравшая роль ранней акмеистической

декларации, а в конце года В.М. Жирмунский (Современный мир. № 10) писал о литературной молодежи “Цеха поэтов” как о “преодолевших символизм”. В мае 1910 г. в Петербурге вышел первый сборник футуристов “Садок судей” (В. Каменский, Д. Бурлюк, Е. Гуро, В. Хлебников и др.). И. Северянин, отстаивавший впоследствии право первенства в футуризме, выпустил книжку “Колье принцессы. Первая тетрадь третьего тома стихов” (СПб., 1910).

Стр. 22. Лозунгом первого из этих направлений ~ “первозданный Адам”. – Критическое отношение Блока к акмеизму (“адамизму”), интерес к футуризму проявился уже в 1912–1913 гг., о чем свидетельствуют записи в дневнике – 21 ноября, 1912 г., 12 января, 25 марта, 20 апреля, 4 мая 1913 г. и др. См. также статью “Без божества, без вдохновения” (1921).

Стр. 26. Я помню ночные разговоры ~ нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики. – Ср. также далее: “трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего...” Формула “нераздельность и неслиянность” впервые появляется у Блока в 1905 г. в рецензии на книгу Н. Минского “Религия будущего” (т. 7 наст. изд.). Эта формула восходит к ряду источников. Наиболее древний из них – Символ веры, принятый на Халкидонском (IV Вселенском) соборе и утвердивший принцип “неслитности” и “нераздельности” Слова и плоти во Христе (см.: Деяния Вселенских соборов. Казань, 1868. Т. 3. С. 42). Формула “нераздельность и неслиянность” неоднократно использовалась в произведениях Вл. Соловьева (“Красота в природе”, “Россия и вселенская церковь”) для обозначения одного из глубинных принципов бытия, под которым философ подразумевал сочетание “всеединого, абсолютного, нераздельного” с “полной свободой составных частей в совершенном единстве целого” (Соловьев В.С. Собр. соч. В 9 т. СПб., Т. 6. С. 297). Специфика блоковского понимания этой формулы связана с “неклассическим” отношением к проблеме противоречия. В отличие от классического стремления к “гармонизации”, снятию противоречий в примиряющем синтезе, “неклассическое” мышление исходит из трагической неразрешимости противоречий. Вместо диалектического “снятия противоречий”, неклассическая картина мира утверждает принцип “дополнительности”, согласно которому каждая из сторон антиномии заведомо неполна и требует дополняющей ее противоположности” (см.: Бройтман С.Н. Источники формулы “нераздельности и неслиянности” у Блока // БС ИРЛИ-2. С. 79–88).

Стр. 30. ... что было легко и возможно в истинном мистическом сумраке годов, предшествовавших первой революции... – См. об этом в статье “О современном состоянии русского символизма” (1910): «...в противовес суждению вульгарной критики о том, будто “нас захватила революция”, мы противопоставляем обратное суждение: революция совершалась не только в этом, но и в иных мирах; она и была одним из проявлений помрачения золота и торжества лилового сумрака, то есть тех событий, свидетелями которых мы были в наших собственных душах. Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России». В воспоминаниях о Блоке и общих с ним “юношеских устремлениях к заре” А. Белый свидетельствовал, что “аргонавты” “сочувствовали революционным партиям и смеялись над октябризмом и кадетизмом” (ЗМ. 1922. № 6. С. 95, 113).

Стр. 31. в неистинном мистическом похмелье, которое наступило вслед за нею. – Близкие оценки – в статье “Стихия и культура” (1908): “Цвет интеллигенции, цвет культуры пребывает в вечном аполлиническом сне, или – в муравьином сне”. Ср. размышления Блока в дневнике (19 марта 1912): «Лучше вся жестокость цивилизации, все “безбожие” “экономической” культуры, чем ужас призраков – времен отошедших; самый светлый человек может пасть мертвым пред неуязвимым призраком, но он вынесет чудовищность и ужас реальности. Реальности надо нам, страшнее мистики нет ничего на свете» (см. об этом: Максимов П. С. 424–425).

Стр. 35. Ясно стал слышен северный жесткий голос Стриндберга... – В жизни и творчестве шведского писателя Блок видел важное, знаменательное для своего времени явление. Он писал об этом в статье “Памяти Августа Стриндберга” (1912). Знакомство с

“творениями” А. Стриндберга Блок относил к числу “событий, явлений и веяний, особенно сильно повлиявших” на него. См. об этом в “Автобиографии” (1915).

Стр. 37. Весной 1911 года П.Н. Милюков прочел интереснейшую лекцию... – Лекцию Милюкова “Вооруженный мир и ограничение вооружений” Блок слушал 22 марта. На следующий день он писал матери: “Лекция Милюкова была для меня очень нужна”.

Стр. 38. В одной из московских газет ~ “Близость большой войны”. – Статья А.П. Мертваго “Вооруженный мир, близость большой войны” была напечатана в газ. “Утро России” (1911. № 245. 25 окт.). В ней говорилось о неизбежности войны между Россией и Германией. Блок хранил статью в своем архиве. См. запись в дневнике от 18 июня 1921 г., начинающуюся со слов «Что я собирал в своих “архивах” (и не храню больше...»

Стр. 39. В Киеве ~ убийство Андрея Ющинского ~ вопрос об употреблении евреями христианской крови. – Речь идет об убийстве тринадцатилетнего Андрея Ющинского и провокационном процессе по этому поводу против М. Бейлиса. Газетные вырезки о процессе Блок хранил в своем архиве. См. указанную выше запись в дневнике 18 июня 1921 г. Поэт подписал воззвание “К русскому обществу (По поводу кровавого навета на евреев)”, с которым выступили в связи с процессом Бейлиса представители русской интеллигенции – М. Горький, В.Г. Короленко и др. (Речь. 1911. № 329. 30 нояб.).

Стр. 41. Летом этого года, исключительно жарким, так что трава горела на корню... – Ср. в ЗК₃₂ (17 мая 1911): “... пыльная и жаркая весна...” См. газетные сводки погоды за первую половину лета. Характерное сообщение “Русских ведомостей” 3 июля 1911 г. (№ 152): “Пенза. Озимые от жары пропали, яровые плохи. Вятка. Жаркая погода сменилась холодами”. 23 июля та же газета сообщала о неурожае в Самаре и Царицыне из-за засухи (№ 169).

Стр. 42. ... в Лондоне происходили грандиозные забастовки железнодорожных рабочих... – Блок следил за этим событием, находясь в Бретани (на севере Франции). 20 августа (н. ст.) 1911 г. он писал матери: «Сегодня английские стачки кончаются (по-видимому), но вчера бастовало до 250000 рабочих. Это – “всемирный рекорд”, говорят парижские газеты и выражают удивление, что стачка достигла таких размеров в самой демократической стране! (...) где рабочие доведены до иступления двенадцатичасовым рабочим днем (в доках) и низкой платой и где все силы идут на держание в кулаке колони и на постройку “супер-дреднаутов”».

Стр. 43. ... в Средиземном море – разыгрался знаменитый эпизод “Пантера – Агадир”. – 1 июня 1911 г. Германия направила в марокканский порт Агадир канонерку “Пантера”. Эта акция явилась выражением крайнего обострения франко-немецких противоречий в связи с претензиями Германии на раздел Марокко: открытые там запасы железной руды и меди представляли большой интерес для военной промышленности как Германии, так и Франции. Захватом столицы Марокко Фецца Франция окончательно уничтожила независимость страны. Против требования Германии предоставить ей марокканский порт Агадир выступила Англия, считая, что захват Агадира ставит под угрозу морской путь вокруг Африки. Возникший конфликт особенно обострился в связи с заявлением английского министра финансов Ллойд Джорджа, открыто угрожавшего Германии войной. Напряженное положение и угроза войны между европейскими странами вызвали в Германии волну рабочих демонстраций. Находясь в Бретани, Блок писал матери о своих впечатлениях по поводу военных приготовлений 12 и 20 августа (н. ст.).

Стр. 45. Неразрывно со всем этим связан для меня расцвет французской борьбы в петербургских цирках... – По свидетельству М.А. Бекетовой, Блок в эту зиму “увлекался французской борьбой, на которую ходил в соседний цирк. Все нравы и обычаи этого спорта он изучил. Вид борьбы не только занимал, но и бодрил его” (Бекетова I₂. С. 146). Об увлечении французской борьбой Блок писал в связи с планами поэмы матери 21 февраля 1911 г.: «Меня очень увлекает борьба и всякое укрепление мускулов, и эти интересы уже заняли определенное место в моей жизни; довольно неожиданно для меня (год назад я был от этого очень далек) – с этим связалось художественное творчество (...) В по-

яснение могу сказать, что в этом – мой *европеизм*. Европа должна облечь в формы и плоть то глубокое и все ускользящее содержание, которым исполнена всякая русская душа. Отсюда – постоянное требование формы, мое в частности; форма – плоть идеи; в мировом оркестре искусств не последнее место занимает искусство “легкой атлетики” и та самая “французская борьба”, которая есть точный сколок с древней борьбы в Греции и Риме».

Стр. 47. ...никогда не забуду борьбы безобразного русского тяжеловеса с голландцем... – Об этом Блок также писал матери 21 февраля 1911 г.: “У меня есть очень много наблюдений (собственных) над искусством борьбы (...) над способностью к этому искусству разных национальностей (всего бездарнее, разумеется, русские и итальянцы – и это при большом богатстве внешних данных! (...)) Настоящей гениальностью обладает только один из виденных мной – голландец Ван-Риль”. О выступлении голландского борца в цирке “Модерн” петербургские газеты сообщали в январе 1911 г.

Стр. 51. В этом именно году, наконец, была в особенной моде у нас авиация; – все мы помним ряд красивых воздушных петьель, полетов вниз головой, – падений и смертей талантливых и бездарных авиаторов. – О полетах авиатора Латама на моноплане “Антуанетты” Блок рассказывал матери в письме 21 апреля 1910 г., упоминая о миллионной толпе. О том же он писал матери 24 апреля. Впечатлениями “Авиационной недели”, проходившей в мае 1911 г., во время которой разбился В.Ф. Смит, один из первых русских летчиков, вызвано стих. “Авиатор” (1910–1912). К авиационным событиям в это время привлечено внимание прессы. См., в частности, статью “Воздухоплавательные катастрофы” (Вестник знания. 1911. № 8), “Воздухоплавание в наши дни” (Современный мир. 1912. № 7). См. подробнее: *Чурсина Л.И.* Блок и авиация: По материалам периодики начала XX в. // *БС ИРЛИ-2.* С. 221–227.

Стр. 54. ...осенью, в Киеве убит был Столыпин, что знаменовало окончательный переход управления страной из рук полудворянских, получиновичьих в руки департамента полиции. – Ср. об этом в статье “Интеллигенция и революция” (1918): «Столыпинская рука слабела. Когда не стало этого последнего дворянина, власть, по выражению одного весьма сановного лица, перешла к “поденщикам”...»

П.А. Столыпин был смертельно ранен 1 сентября 1911 г. Д.Г. Богровым во время торжественного спектакля в Киевском оперном театре в присутствии царя Николая II. Богров, будучи членом партии эсеров, находился в связях с охранкой. После убийства он был повешен. Подоплека убийства Столыпина осталась непроясненной и дала повод для разных предположений. См.: *Мушин А.* Дмитрий Богров и убийство Столыпина / С предисл. В.Л. Бурцева. Париж, 1914. Существует предположение, что Столыпин стал жертвой грызны в “верхах” и что Богров явился объективно исполнителем плана охранки, которая решила убить премьера, пугавшего царя и некоторых его приближенных своими “бонапартистскими” замашками. См. позднейшие воспоминания и исследования: *Бок М.П.* Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Н.-Й., 1953; *Зеньковский А.В.* Правда о Столыпине. Н.-Й., 1956; *Петр Столыпин* / Сост. Г.И. Лыццов. М., 1997.

Стр. 57. Все эти факты ~ имеют один музыкальный смысл. – К моменту написания Предисловия взгляды Блока на историю культуры, искусство и его роль в жизни человека сложились в своеобразную философскую систему. Она нашла выражение и в его последних статьях и докладах, близких по времени Предисловию. См.: “Катилина” (1918), “Крушение гуманизма” (1919), “О назначении поэта” (1921).

“Дух музыки”, “музыка” – центральная символическая категория блоковской философии культуры. Она не может быть однозначно истолкована в понятиях и носит мифопоэтический характер (см.: *Гольцев В.* О музыкальном восприятии мира у Блока // *О Блоке.* М.: Никитинские субботники, 1929. С. 263–269; *Максимов П.* С. 376–381; *Поцпеня Д.М.* Проза Блока. Л. 1976. С. 16–77; *Волков С., Редько Р. А.* Блок и некоторые музыкально-эстетические проблемы его времени // *Блок и музыка.* М.; Л. 1972. С. 85–114; *Хопрова Т.В.* Музыка в жизни и творчестве А. Блока. Л. 1974; *Магомедова Д.М.*

Концепция “музыки” в мировоззрении и творчестве А. Блока. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.

Значение символа-категории “музыка” никогда не сводилось у Блока к музыке-искусству – Блок был лишен музыкального слуха, хотя и обладал, по свидетельству М.А. Бекетовой, “поразительным чувством ритма”, и неоднократно подчеркивал, что почти не знает музыки и не понимает ее (ср. его письма к А. Белому от 3 января 1903 г. и Л.А. Дельмас от 2 марта 1914). Формирование представлений о “духе музыки” как изначальной творческой сущности бытия начинается у Блока в ранний период его творчества, в первую очередь – под влиянием непосредственного, интуитивного “звукового” восприятия мира (см.: *Глебов Игорь [Асафьев Б.В.] Видение мира в духе музыки: (Поэзия Александра Блока) // Блок и музыка. С. 8–57*). В то же время художественно-философская мысль Блока формировалась под влиянием пифагорейско-платоновского мифа о “музыке сфер”, шопенгауэровского учения о музыке (непосредственном отражении иррациональной Мировой Воли), романтических представлений о музыке как наиболее совершенном средстве интуитивного познания мира (Шеллинг, Новалис, Шлегель, Тик, Вакенродер, Гофман, а также русская романтическая традиция: Гоголь, В.Ф. Одоевский, Тютчев, Фет). Особое значение для зрелого Блока имели идеи книги молодого Ф. Ницше “Рождение трагедии из духа музыки”, с которой Блок познакомился в конце 1906 г. (см. *ЗК₁₅*). Предложенная Ницше антиномия Аполлона и Диониса (соответственно: Космоса и Хаоса, упорядоченности и стихии, сна и опьянения, цельности и раздробленности, пластики и музыки и т.д.) нашла отклик и развитие в творчестве “младших” символистов, в первую очередь – у А.Белого и Вяч. Иванова. Соединение символа “стихии”, активно формировавшегося в этот период в сознании Блока, с категорией “музыки” произошло во многом под влиянием идей “Рождения трагедии”. Не менее важной для Блока оказалась интерпретация идей Ницше в публицистике Вяч. Иванова, который трансформировал антиномию Диониса и Аполлона в антиномию “соборности” и “индивидуализма” (см.: *Паперный В.М. Блок и Ницше // Типология русской литературы и проблемы русско-эстонских литературных связей. Тр. по рус. и слав. филологии. XXXI. УЗ ТГУ. 1979. № 491. С. 91–92*). Столь же существенны для Блока впечатления, связанные с непосредственным восприятием музыки Р. Вагнера, особенно его тетралогии “Кольцо нибелунга” и теоретических трактатов “Опера и драма” и “Искусство и революция”, в которых предрекалась гибель индивидуалистической культуры и рождение нового, синтетического всенародного искусства будущего. В значительной степени под воздействием вагнеровских впечатлений в творчестве Блока возник в 1908 г. символ “мирового оркестра”, ставший с этих пор определяющим в его концепции “музыки” и занявший одно из центральных мест в его мифопоэтической картине мира.

“Мировой оркестр” символизирует у Блока универсальное единство космического, исторического и индивидуального бытия. Участие личности в жизни мирового целого означает не только влияние мировых законов на отдельную личность, но и обратное влияние личности или единичного события на общее состояние мира (символы “оркестра” и “скрипок”, “настроенных” или “расстроенных”). Иными словами, личное начало, не растворяясь в общем, не отрицая себя, выступает как необходимый момент жизни целого.

Эти мировоззренческие особенности стали у Блока принципом художественного видения мира. Так, принцип “многоголосия” в III томе лирики, отличается от I и II томов. Целостность I тома основана на едином лирическом сюжете, объединяющем все стихотворения. Во II томе циклы приобретают известную образную и сюжетную автономию, но в их расположении наблюдается определенное поступательное движение, раскрывающее логику пути. В III томе не только автономны циклы, но и в самом их расположении почти нет направленности, поступательности: они сосуществуют как бы одновременно, каждый из циклов является не универсальной декларацией, а “голосом” в развернутой и многоликой картине современного человеческого бытия. Именно так решается вопрос о соотношении частного и всеобщего в Предисловии: сопоставление разрозненных и разно-

родных фактов и событий из разных областей жизни оказывается необходимым путем к выявлению целостного облика эпохи во всем ее многообразии и противоречиях (ср. аналогичное высказывание Блока в статье “Катилина”: “Я прибегаю к сопоставлениям явлений, взятых из областей жизни, казалось бы, не имеющих между собой ничего общего. (...) Я убежден, что только при помощи таких и подобных таким сопоставлений можно найти ключ к эпохе, можно почувствовать ее трепет, уяснить себе ее смысл”).

Андрей Белый, цитируя комментируемые строки Предисловия, отмечал, что принцип выявления единого смысла в разнохарактерных событиях и фактах эпохи был характерен для крупнейших культурфилософов конца XIX – начала XX веков (*Воспоминания*, I. С. 266).

О близости блоковского принципа “сопоставления фактов из всех областей жизни с “органической критикой” А. Григорьева см.: *Благой Д.Д.* Александр Блок и Аполлон Григорьев // О Блоке. М., 1929. С. 155–157; *Максимов И. С.* 392.

Стр. 67. ...простейшим выражением ритма того времени ~ был ямб. Вероятно, потому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба... – Вопросам соотношения метра, ритма и смысла уделялось немало внимания в символистских кругах. Им было посвящено несколько заседаний Общества ревнителей художественного слова (см.: Аполлон. 1911. № 9. С. 142–143; № 10. С. 156–157; 1912. № 3. С. 39–41; *Альтман М.С.* Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановым // *УЗ ТГУ*. 1968. Вып. 209. С. 325; Ритмический кружок // Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 350–353). Обращение Блока к ямба в “Возмездии” связано с сознательным следованием пушкинской традиции. В метрическом сходстве поэтов видели “следствие глубоких созвучий творческого духа”, как писал П.Н. Медведев (Памяти А.А. Блока. Пб., 1922. С. 64). См. также: *Мицц З.Г.* Блок и Пушкин // *УЗ ТГУ*. 1973. Вып. 306. С. 260; *Максимов И. С.* 143.

Стремление к смысловой интерпретации стихотворного ритма неоднократно декларировалось в послереволюционной прозе Блока. Так, в “Катилине” (1918), проводя аналогию между современной ему эпохой и древним миром заговора Катилины, Блок утверждал, что уловить ритм этой эпохи ему более всего помогли галлиамбы стихотворения Катутла “Аттис”: “Личная страсть Катутла, как страсть всякого поэта, была насыщена духом эпохи; ее судьба, ее ритм, ее размеры, так же, как ритм и размеры стихов поэта, были внушены ему его временем”. В “Крушении гуманизма” Блок также подчеркнул, что верность художников “духу музыки” своей эпохи заключается в “той степени совершенства, с которой жизнь мира отразилась в их ритмах”. Об особой значимости ямба для Блока свидетельствует и то, что именно в это время, в 1919 году он формирует и выпускает отдельной книжкой цикл “Ямбы”, (см. т. 3 наст. изд.). Ориентированность Блока на традиции пушкинской поэтической культуры демонстрируют его сопоставления собственного произведения с поэмами Пушкина, Баратынского, Лермонтова (см. письмо к матери 4 июня 1916 г. и запись от того же числа в *ЗК₄₈*). Необходимо учитывать и интерпретацию ямба как самого “антилирического” размера, неличного, закрывающего лицо лирика “маской” эпического, сатирического или трагического поэта, в статьях Вяч. Иванова (“Поэт и Чернь”, 1904; “Спорады”, 1908).

Стр. 86. ...потери тех бесконечно высоких свойств, которые в свое время сияли, как лучшие алмазы в человеческой короне (как, например, свойства гуманные, добродетели, безупречная честность, высокая нравственность и проч.). – Эти мысли Блок развивал в статье “Крушение гуманизма” (1919).

Стр. 93. Был человек – и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка. – Ср. блоковский приговор человеку XIX столетия, выраженный в Прологе и Вступлении к Первой главе “Возмездия”, а также в статьях “Ирония” (1908), “Стихия и культура” (1909), в незавершенном цикле статей “Молнии искусства”. Поэт по-своему воспринимал некоторые выводы о личности буржуазной эпохи, сформулированные русской общественной и литературной мыслью XX в. Их можно встретить и у Д.С. Мережковского, и у Иванова-Разумника. См., например, статью Иванова-Разумника “О смысле жизни” (1908).

Стр. 98. ...последний первенец (...) готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества. – В блоковской концепции личности, противостоящей упрощенному рационализму позитивистских теорий “прогресса”, а также идеям марксистского детерминизма, оказались органически усвоенными принципы понимания личности, выработанные в теории и практике народничества 70-х годов, прежде всего, их “этический идеализм”. В “портретах” С.Л. Перовской, С.М. Степняка-Кравчинского, намеченных в Первой главе, легко узнаются высокие нравственные требования, которые предъявляли к личности сознательного борца Н.К. Михайловский, В.Г. Короленко. М.Г. Петрова, разрабатывая эту тему, отмечает “знаменательное совпадение” между рассказом Короленко “Не страшное” и Предисловием Блока: «Короленко знал историческую и нравственную цену людей, которые “погибали, но не гнулись”. В рассказе “Не страшное” (...) есть вставная новелла о семидесятилетнем, который отошел от своих товарищей (имелись в виду народовольцы), ибо они “голыми руками за колеса истории хватаются» (...) Знаменательное совпадение с “Возмездием”! “Последний первенец” “готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества” (...) Авторская ирония, как и у Короленко, имеет обратный заряд: она направлена против “теорий прогресса”, игнорирующих человеческую личность. У Короленко и у Блока безрассудство тех, кто погиб под колесами истории, как раз и оказывается вписанным “в общий смысл жизни” (“Не страшное” Короленко) или в нарастающий мотив возмездия» (Петрова М.Г. Блок и народническая демократия // ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 92–93; см. также коммент. к Первой главе).

Мысль Блока полемически направлена также против известного положения Э. Золя о соотношении личности и среды в человеческой истории. Рассматривая человека с позиций жесткой детерминированности природными законами, Золя видел цель и смысл развития человечества в познании и использовании этих законов: “В этом и заключается наша роль, как существ разумных, проникнуть в причину вещей, чтобы подчинить их своей власти и привести их в состояние послушных колес” (Вестник Европы. 1879. № 9. С. 420). Блок противопоставлял позитивистскому биологическому детерминизму Золя концепцию активного волевого воздействия личности на среду и историю (см.: Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX– начала XX веков. М.; Л., 1964. С. 90).

Стр. 103. ...все растущей во мне ненависти к различным теориям прогресса. – Ср. суждение Блока об ограниченности “сторонников прогресса” в статье “Стихия и культура”: “Люди культуры, сторонники прогресса, отборные интеллигенты – с пеной у рта строят машины, двигают вперед науку, в тайной злобе, стараясь забыть и не слушать гул стихий земных и подземных, пробуждающийся то там, то здесь”. Ср. помету в ЗК₃₀ 26 марта 1910), касающуюся доклада Вяч. Иванова “Заветы символизма”: “Теза. Мир волшебен – противоположность позитивизму и утилитаризму”.

Неприятие “позитивизма” было свойственно многим современникам Блока из символистских кругов. Уже на рубеже двух столетий оптимистические теории исторического прогресса, характерные для просветительства, западного позитивизма и русской демократической традиции XIX в., были подвергнуты сомнению и критике. Разочарование в идее прогресса особенно усилилось в результате Первой мировой войны, опрокинувшей всякие надежды на позитивное развитие человечества. С другой стороны, еще в начале XX в. в русском символизме усилился интерес к идее циклического движения человеческой истории, в частности, к идее “вечного возвращения”. В русской культурфилософской традиции критика теорий прогресса велась Ап. Григорьевым, К. Леонтьевым, Л. Толстым, Л. Шестовым. В творческом сознании Блока идея поступательного развития (“пути”) постоянно сосуществовала с идеей “вечного возвращения”, кругового движения, кошмара повторяемости, закрывающей путь к обновлению жизни (см. подробнее: Максимов И. С. 79–93).

Наиболее полно Блок выразил свою культурно-философскую концепцию, принципиально разделив понятия “цивилизации” и “культуры”, в статье “Крушение гуманизма”

(1919). Для Блока очевидна несостоятельность позитивистских теорий из-за их механицизма; поэт придавал большое значение пониманию сложности в развитии истории. Своего рода итоговую характеристику позитивизм получил в дневниковой записи Блока 31 марта 1919 г., где он противопоставлен постижению действительности в “духе музыки”. См. также: *БС-1.С.* 185; *Максимов П. С.* 297, 419; *Небольсин С.А.* Комментарии // *Блок Александр.* Поэмы. М., 1986. С. 123–124.

*Стр. 105. Таковую идею я хотел воплотить в моих “Rougon-Macquar’ax” ~ в коротком обрывке рода русского... – “Ругон-Маккары” – двадцатитомная серия романов Эмиля Золя, излагающая историю одной семьи; в широком смысле, что имеется в виду Блоком, – история рода, семьи со сложными и трагическими перипетиями “возвышения” и “краха”. В блоковской концепции “концентрических кругов” с связей судеб личности со средой и историческим процессом – видны соприкосновения с теорией “экспериментального романа” Золя. “Физиологический аспект”, по мнению Л.К. Долгополова, проступает в стремлении Блока уподобить человеческое общество, а вслед за ним и произведение искусства – живому организму, идеально развитому человеческому телу. Однако Блок, солидаризируясь с Золя в восприятии среды, пошел дальше в оценке возможностей и назначения личности. См. об этом: *Долгополов Л.К.* Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX в. С. 89–95.*

*Стр. 107. Путем катастроф и падений мои “Rougon-Macquar’ы” постепенно освобождаются от русско-дворянского éducation sentimentale... – Т.е. от русско-дворянского “воспитания чувств”. Приверженность Блока к употреблению этого понятия именно на французском языке вызвана связью дворянского воспитания с восприятием французских культурных традиций. См. об этом в “Автобиографии” (1915); см. также в воспоминаниях М.А. Бекетовой “Шахматово. Семейная хроника” (*ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 663 и след.). О точном переводе Блоком этого понятия см. в воспоминаниях Е.Ф. Книпович “Об Александре Блоке” (*ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 21).*

Д.Е. Максимов писал о “переключках и совпадениях” “путей Блока и других русских и западных авторов или созданных ими и внутренне связанных с ними эпохальных героев”, что имеет отношение к героям “Возмездия”: «Здесь возникает полная возможность сблизить Блока – в обобщающем динамическом аспекте, а не только (...) статически и в частности – со Львом Толстым (<...> Достоевским (в особенности путь Алеши Карамазова, идущего от уединенности религиозных созерцаний в широкий и трагический мир), Флобером (особенно “Воспитание чувств”), Ибсенем (особенно “Пер Гюнт”, “Строитель Сольнес”), Стриндбергом и героями многочисленных, хорошо изученных “романов воспитания”, главной темой которых является становление человека» (*Максимов П.* С. 46–47).

Стр. 109. ...“уголь превращается в алмаз”... – неточная автоцитата из Пролога к “Возмездию”. См. коммент. на с. 416.

...Россия – в новую Америку... Ср. стих. “Новая Америка” (1913), где говорится о будущем расцвете творческих сил России.

Стр. 116. ...первая ласточка “индивидуализма”... – Ранее замысла поэмы, в статье “Ирония” (1908) Блок писал об “иронии” – «болезни личности, болезни “индивидуализма”».

*Стр. 118. ...болезнью века, начинающимся fin de siècle. – Современникам 90-х годов XIX в. представлялось, что они переживают эпоху “безвременья”, кризис в общественной и духовной жизни. Широко употреблялось понятие “конца века”, обозначая явления депрессии в психологии, искусстве, политике. В.Г. Короленко в 1893 г. следующим образом отзывался о “Дневнике” М. Башкирцевой: “...какой-то неприятный, нездоровый тон лежит на всех ее признаниях. Это настоящий тип того, что называется у нас теперь fin de siècle, характеризующий конец больного, изверившегося и разочарованного буржуазного века” (*Короленко В.Г.* Письма к П.С. Ивановской. М., 1930. С. 35). Ср. переживание А. Бельм “конца века” в “Воспоминаниях о Блоке” (1922): “эстетизм стал мне формой*

освобождения от воли – к бесцельностям жизни (...) шестнадцатилетний – я чувствовал старцем себя...” (Андрей Белый о Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 30).

Стр. 123. ... лишь одно из звеньев ~ в страстную и грешную ночь в лоно какой-то тихой и женственной дочери чужого народа. – Об автобиографической достоверности этой части сюжета поэмы писала в воспоминаниях о Блоке Н.А. Павлович: «Он рассказывал мне (...) о поездке в Варшаву, о сестре Ангелине, о реальной встрече с той девушкой, которой посвящены проникновенные предсмертные его строки в незавершенных набросках “Возмездия”. Мне он имени не называл (...) Я предполагаю, что встреча с “Марией” относится не к пребыванию в Варшаве после смерти отца, а ко времени работы в инженерно-строительной дружине, к годам I империалистической войны (...) Разговор о простой девушке и ребенке (...) был у нас в октябре 1920 г....» (БС-1. С. 486–487). Ср. запись в ЗК₂₉ 10 декабря 1909 г. среди других о событиях и встречах в Варшаве: “У польки”. Автобиографичность “версии о сыне” ставится под сомнение в книге Л.К. Долгополова “Александр Блок. Личность и творчество” (Л., 1980. С. 132). Другой подход у М.Г. Петровой: по ее мнению, в версии о сыне надо видеть связь “личного” и “творческого” в судьбе Блока, подвергать которую сомнению нет смысла. См.: ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 117. См. также набросок к продолжению Третьей главы.

Стр. 136. В эпилоге должен быть изображен младенец ~ взойду на черный эшафот. – Эпилог остался в набросках, вследствие чего он по-разному толкуется исследователями. В образе сына, потомка “потерянных поколений”, Д.Е. Максимов видел “вершину” сложившегося чертежа поэмы и духовной жизни самого поэта: «Поэма (...) что бы ни говорили ее противники (например, Анна Ахматова) об архаизме, то есть вторичности ее художественной фактуры, есть подвиг поэтической воли и мысли (...) Блок, преодолевая современные ему эстетически запреты, имел смелость вернуться к испытанному “пушкинскому” оружию...» Исследователь признавал справедливым упрек Блоку в том, что “он суживает действие освободительного процесса” до пределов эволюции интеллигентского рода, видел неубедительной и предполагавшуюся Блоком развязку, “которая должна была внести в реалистически построенную поэму условно-символическое решение проблемы” (встреча героя-интеллекта с простой женщиной). Однако “проблема пути как развития личности в истории и как эволюция поколений действительно лежит в основе этой поэмы” (Максимов П. С. 146–147). В суждении М.Г. Петровой последнее звено замысла поэмы выражает утверждающий пафос ее: “сыну” как раз и суждено “обновить род” воплотить “волю к подвигу”. Близость Блоку “этического идеализма” (Н.К. Михайловского) позволяет оспорить соображения Л.К. Долгополова о “Возмездии” как о “поэме конца” (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 93, 117)..

По мнению С.А. Небольсина, намеченный Блоком в Предисловии к Третьей главе «образ юноши-борца перед лицом “мирового водоворота” соотносим с размышлениями о “равнодушии природы” у Пушкина в “Брожу ли я вдоль улиц шумных...” и у Гёте в “Прологе для театра” из “Фауста»» (в кн.: Александр Блок. Поэмы. М., 1986. С. 124). Исследователь подчеркивает: «Что бы ни говорили, а стремление “наконец, ухватиться, слабой человеческой рукой за колесо, которым движется история”, сблизает близкого к концу Блока с Пушкинными и Гете, с классическим реализмом гораздо теснее, чем с Ницше. Трудно не услышать здесь переключки позднего Блока с идеалами ранней юности: борьба человека-пловца с равнодушным Мировым океаном (речь идет о юношеской миниатюре будущего поэта 1895 г. в домашнем журнале “Вестник”. – Ред.). И никак нельзя пренебречь здесь явным восприятием великой пушкинской идеи: человек как “властелин судьбы”, молодая жизнь у гробового входа, не парализованная близостью “конца” (Небольсин С. Прошлое и настоящее: Статьи о литературе. М., 1986. С. 151, 162). Ср. также с мотивом “растущего сына” в черновике стих. “Россия” (см.: наст. изд., т. 3, с. 512, 933).

Стр. 148. Вся поэма должна сопровождаться определенным лейтмотивом “возмездия”; этот лейтмотив есть м а з у р к а (...) мазурка разгулялась... – Лейтмотивность,

“музыкальность” замысла поэмы выражена уже в ее планах, в чем проявилось своеобразие художественного мышления Блока. З.Г. Минц замечала: «Блок широко воссоздает исторический фон, обращаясь к традициям реалистической, прежде всего пушкинской поэмы. Однако общая концепция и структура образов во многом расходятся с этой традицией. Каждая эпоха, по мысли Блока, – этап в становлении космически универсального “духа музыки”. Поэтому история, быт, с одной стороны, и культура, характеры героев – с другой, не связаны причинно-следственной связью. Это параллельные, “соответственные”, глубоко родственные друг другу выявления *универсальной причины* – “единого музыкального напора” времени {...} точно выписанные детали эпохи – одновременно и символы каких-то других (“соответственных” им) событий или “духа времени” в целом: сцена возвращения войск с русско-турецкой войны в первой главе – символ жизни, идущей, “как пехота, безнадежно” (...) лейтмотив мазурки – символ грядущего “возмездия”...» (История русской литературы: В 4 т. Л., 1983. Т. 4. С. 539). См. также об этом: *Максимова И.* С. 144.

Литературный круг источников темы “мазурки” весьма обширен. Мазурка упоминается почти во всех описаниях дворянских балов, от Пушкина (“Евгений Онегин”) до Я.П. Полонского (“Свежее преданье”) и Л.Н. Толстого (“Детство”, “Отрочество”, “Война и мир”, “После бала” и т.д.). С этой точки зрения, мазурка – один из символов русского дворянского бытового уклада (см. об этом: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий. Л., 1980. С. 79–89). При этом бал, танцы и, в частности, мазурка, как в реальном быту, так и в литературе воспринимались как противопоставление праздника жизни ее будням, свободы и раскованности поведения повседневной иерархической регламентации и, наконец, как воплощение молодости, красоты и любви. Блок хорошо представлял себе всю литературно-бытовую традицию, связанную с образом мазурки в XIX в. Однако противопоставление в планах поэмы мазурки и пехоты позволяет выделить среди названных источников рассказ Толстого “После бала”, впервые опубликованный в “Посмертных художественных произведениях Льва Николаевича Толстого” (М., 1911. Т. 1) и тогда же прочитанный Блоком (в дневнике 1911 г. он зафиксировал получение этого тома 7 ноября). Противопоставление в двух частях этого рассказа мазурки на губернском балу, связанной для героя с расцветом его любви к героине, к миру и жизни в целом, и военной музыки во время экзекуции, воплощающей жестокое античеловеческое начало, безусловно, перекликается с намеченными Блоком лейтмотивами мазурки и пехоты. Однако соотношение этих мотивов у Блока и Толстого различно. У Толстого речь идет о разрушении праздника жизни в соприкосновении с тупой и злобной механизированной силой социального зла. Мазурка у Блока символизирует скорее непрекращающиеся, хотя и кратковременные, попытки разрушить безнадежную непобедимость зла, внести в жизнь мгновения ярко переживаемого счастья.

С точки зрения музыкальной традиции, мазурка была своеобразным танцем-символом, утверждающим самобытность польской культуры (см.: Музыкальный энциклопедический словарь. М. 1990. С. 319). В то же время мазурка нашла широкое воплощение в русской инструментальной (М.И. Глинка, М.А. Балакирев, А.К. Лядов, А.Н. Скрябин) и особенно оперной музыке. Имя Марины Мнишек в связи с темой мазурки в Предисловии подсказывает ближайший источник музыкальных впечатлений Блока: оперу Мусоргского “Борис Годунов”, в которой партия Марины представляет “развернутую цепь музыкальных характеристик, звенья которой – короткие эпизоды в стиле мазурки, полонеза” (*Шагинян Р.* Оперная драматургия Мусоргского. М., 1981. С. 114). Второй русский музыкальный источник, связанный с “польской” темой – опера М.И. Глинки “Жизнь за царя, или Иван Сусанин”, где тема мазурки “разработана столь широко и интенсивно в различных ее элементах, что она приобретает лейтмотивное значение” (*Протопопов Вл.* “Иван Сусанин” Глинки. М., 1961. С. 248). Тема мазурки проходит через весь “польский” (2-й) акт оперы, звучит при каждом появлении поляков во всех остальных актах. И в первом, и во втором случае тема “мазурки” связана у Мусоргского и Глинки с темой польской аг-

рессии, с периодом Смутного времени на Руси (о связи “мазурки” с темой взаимной исторической вины и взаимного исторического возмездия России и Польши см. выше, в коммент. к эпиграфу).

Блок слышал “Бориса Годунова” на сцене Музыкальной драмы в 1914 г. (см.: ЗК_{41,42,44}.25 марта). Документальных подтверждений знакомства Блока с оперой “Иван Сусанин” нет, однако партия Вани (сына Сусанина) входила в репертуар Л.А. Дельмас, что позволяет предполагать, что Блок мог знать по крайней мере отдельные фрагменты этой оперы.

Стр. 149. ...танец, который носил на своих крыльях... – Символический мотив “окрыленности” связан у Блока с выражением “музыкального” состояния мира – пробуждением стихийных сил жизни. Ср. в дневниковой записи 18 января 1918 г. (предшествовавшей написанию Предисловия): “Вот что я еще понял: эту рабочую сторону большевизма, которая за летучей, за крылатой. Тут-то и нужна помощь. Крылья у народа есть...”

Стр. 150. Марину... – Марина Мнишек (ок. 1588 – ок. 1614) стала женой первого, а потом второго Лжедмитриев, претендовавших на русский престол.

...Костюшку с протянутой к небесам десницей... – Костюшка Тадеуш (1746–1817), вождь польского национально-освободительного движения.

Стр. 151. ... Мицкевича на русских и парижских балах. – Ср. в письме Блока матери 20 августа 1911 г. (нов. ст.) об отношении “славянского” к западной цивилизации: “Я надеюсь наблюдать это тайное вторжение славянского пафоса (его отрасли, самой существенной для меня теперь) в одном уголке Парижа: на задворках Notre Dame, за моргом, есть островок, где жили Бодлар и Теофиль Готье; теперь там в старом доме – польская библиотека и при ней – маленький музей Мицкевича (который читал в Париже лекции в 40-х годах). Иначе говоря, на этом островке, мало обитаемом и тихом, хотя и в центре Парижа, как бы поставлен знак; это – один из ферментов будущего – волшебное зеркало, в котором можно видеть духов Байрона, Мицкевича, революции французской и славянской и т.д. и т.д.” Ср. также запись в дневнике 14 ноября 1911 г.

Стр. 154. ...знаменитой veuve Cliquot... – вдовы Клико (*фр.*), марка французского шампанского, по фамилии владелицы фирмы. “Клико” как узнаваемая деталь культурного быта встречается в русской литературе уже в первой трети XIX в. См. у Пушкина в “Евгении Онегине” (дважды): “Вдовы Клико или Мозта // Благословенное вино // В бутылке мерзлой для поэта // На стол тотчас принесено “(Гл. четвертая, строфа XLV); “Сначала эти заговоры // Между Лафитом и Клико // Лишь были дружеские споры...” (Десятая гл., строфа XVII). См. также “Дневнике писателя” Ф.М. Достоевского за 1876 г. (октябрь, гл. 1, раздел III – очерк “Два самоубийства”): “Если самоубийство не удастся, то пустьoberутся все отпраздновать мое воскресение из мертвых с бокалами Клико” (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л. 1981. Т. 23. С. 145).

Стр. 155. ...цыганские, апухтинские годы... – По имени поэта А.Н. Апухтина (1840–1893), часто писавшего в духе и формах “цыганского романа”.

Стр. 157. ...над занесенными снегом польскими клеверными полями. – В стихах эпизод не воссоздан, остался в замыслах поэта. См. набросок к Третьей главе (*ЧА*_{III}. Л. 319).

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

(С. 52)

Ст. 1–4. Отец лежит в “Аллее Роз”, ~ От берегов родного моря... – В сюжете Третьей главы Блок поэтически переосмыслил события своей поездки (он выехал из Петербурга 30 ноября 1909 г.) в Варшаву к умирающему отцу, участия в похоронах А.Л. Блока. Письма об отце, адресованные к матери и жене (времены пребывания в Варшаве), дневниковые записи последующих лет, вызванные интересом к “пестрой” жизни Александра Львовича, а также его научным трудам, несомненно, свидетельствовали о том, что

новое узнавание Блоком трагической судьбы отца стало для него важным фактом духовной биографии. В переживаниях “сына”, как и в облике “отца”, героев поэмы “Возмездие”, этих двух звеньях “рода”, поэт отразил многое из истории своей семьи, из своих отношений с отцом. См. воспоминания, переписку и исследования о семье поэта и о его отце: *Бекетова I; Блок Г. Герои “Возмездия” // Русский современник. 1924. № 3; Бекетова М.А. А. Блок и его мать. Л., 1925; см. также переиздания в кн.: Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 205–346; Измайльская В. Д. Проблема “Возмездия” // О Блоке. М., 1929; Березарк И.В. Отец Александра Блока // Русская литература. 1977. № 3. Небольсин С. Из родословной А.А. Блока // Прометей. 1983. № 13. С. 279–295; Письма отца к Блоку (1892–1908); Блок в переписке Блоков и Качаловых; Воспоминания Е.А. Боброва и Е.С. Герцог об А.Л. Блоке // ЛН. Т. 92. Кн. 1; Бекетова М.А. Шахматово. Семейная хроника (гл. XIV “Отец поэта Александр Львович Блок”) // ЛН. Т. 92. Кн. 3, С. 753–757; Шоломова С.Б. Эскизы к портрету отца Александра Блока. Статья 1 // БС-6.*

Ст. 5, 8. Жандармы, рельсы, фонари, (...) Задворки польские России... – Венский конгресс 1814–1815 гг. произвел передел Польши: часть ее земель в качестве Королевства Польского была передана Российской империи, ряд территорий отошел к Пруссии и к Австрийской монархии. Блок, приехав в Варшаву в конце 1909 г., оказался свидетелем обострения национальных чувств поляков. Как раз в это время – с конца ноября 1909 г. – в Варшаве и четырех губерниях Королевства Польского было введено положение чрезвычайной усиленной охраны. Применение этих мер было одним из проявлений имперской политики, направленной к усмирению взрывоопасной национальной окраины.

Ст. 11–12. ...Коперник сам лелеет месть, // Склоняясь над пустою сферой... – Памятник польскому астроному Копернику установлен в Краковском Предместии Варшавы в 1830 г. по модели датского скульптора Торвальдсена. См. также ст. 393–394.

Стр. 27. ...Мост через Вислу, как тюрьма... – Имеется в виду мост через Вислу Кербедзя. Его металлические конструкции истолкованы обобщенно-поэтически в духе главных идейных мотивов произведения. Ср. суждение польского исследователя о важности “варшавских” впечатлений поэта в замысле всего произведения: их “получал Блок путем непосредственного восприятия и личного ощущения Варшавы” (*Бялокозович Б. Родственность, преемственность, современность. О польско-русских и польско-советских литературных связях. М., 1988. С. 166–167*).

Ст. 31–35. ...Мечтается о чем-то чудном ~ Ему мерещится заря... – Герой-сын выступает наследником юношеских чаяний самого поэта, его “соловьевства”, мистических переживаний. См.: *Лавров А.В. Мифотворчество “аргонавтов” // Миф. Фольклор. Литература. Л. 1978. С. 162. Ср. с мироощущением близкого Блоку А. Белого: «Появились вдруг “видящие” среди “невидящих” (...) слагая естественно братство зари (...) все казалось им новым, охваченным зорями космической и исторической важности: борьба света с тьмой (...) еще не сгущенной до явных событий истории, подготовляющей их...» (Андрей Белый о Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 32).*

Ст. 54–56. В чужой Варшаве // С ним разговаривать о праве, // Юристов с ним критиковать!... – Отчужденность от отца в детстве и позднее подчеркивалась Блоком в письмах к матери. Так, 17 апреля 1908 г. он писал о встрече с отцом: “Вечером придет А(лександр) Л(ьвович) и, пожалуй, надолго помешает мне работать и гулять. Господи, как с ним скучно и ничего нет общего”.

А.Л. Блок знакомил сына со своими учеными трудами еще в 1900 г., когда тот был студентом-юристом. В сентябре, получив от отца лекции и его сочинения, сын отвечал ему: “...не знаю, когда мне удастся прочесть все это”.

Начало Третьей главы (поездка сына к умирающему отцу, картины дороги и вокзала) еще выдержаны в “бытовых” тонах пушкинского романа в стихах. Ср. отдаленное сходство с началом I главы “Евгения Онегина”: герой едет проститься с умирающим, представляя скуку встречи: “с большим сидеть и день и ночь” (ср.: “И злую мысль не отогнать: // “Он жив еще! ~ С ним разговаривать о праве...”), но находит его “на столе”. Пос-

ледующее развитие темы “конца” дворянского рода связано с переходом от бытовых тонов к лирико-исповедальным. См. об этом в работе З.Г. Минц “Блок и Пушкин”: «Чем дальше “уклад” дворянской жизни и ближе катастрофа, тем отчетливее ноты, роднящие III главу с “Медным всадником»» (*УЗ ТГУ*. 1973. Вып. 306. С. 270. См. также: *Долгополов Л.К.* Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX вв. М.; Л., 1964. С. 85–86.

Ст. 70 В пять он умер. – По словам М.А. Бекетовой, прибыв в Варшаву 1 декабря 1909 г. вечером, Блок “уже не застал отца в живых, он опоздал всего на несколько часов” (*Бекетова I₂*. С. 127).

Ст. 80. (С ним кто-то неотлучно рядом... – Возможно, прообразом этой “тени” явилась сестра Блока по отцу Ангелина. О ее участии в похоронах писала Е.С. Герцог, дочь юриста, с семьей которого был близок А.Л. Блок: “Похороны А.Л. были торжественные и грустные. Было много его коллег, много венков, говорили речи. Но мало было душевной печали. Плакала Ангелина, плакали мы, потеряв друга, был очень удручен Спекторский” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 306).

Ст. 97–98 . Он хочет осторожно снять // Кольцо с руки оцепенелой . – Эпизод имел реальную основу. См. в *ЗК₂₉* (1 декабря 1909): “Снятие кольца”. Современники отмечали, что, по преданиям семьи Блока, это кольцо приносило счастье. См. в статье И. Березарка “Отец Александра Блока” (*Русская литература*. 1977. № 3. С. 190).

Ст. 113. Да, сын любил тогда отца... – М.А. Бекетова сопровождала эти строки таким комментарием: “И действительно – после всех тяжелых впечатлений, которые остались от посещений отца в Петербурге, Ал. Ал. оценил после его смерти то, что было в нем глубокого и крупного” (*Бекетова I₂*. С. 127). О том же писал Блок матери 4 декабря 1909 г. из Варшавы.

Ст. 135. (Чтоб он, воскреснув, встать не мог). – См. заметку Блока в *ЗК₅₃*, сделанную 13 июля 1917 г., о частичном совпадении этого стиха с лермонтовским “Чтоб встать он из гроба не мог...” (“Воздушный корабль”, 1840): “Ложь, что мысли повторяются. Каждая мысль нова, потому что ее окружает и оформляет новое”.

Ст. 144. Кладбище называлось: “Воля”. – По названию района Варшавы.

Ст. 176, 181. ...Отца он никогда не знал (...). Отец ходил к нему, как гость... – См. об этом: *Бекетова I₂*. С. 33, 34. См. также в переиздании: *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке / Сост. В.П. Енишерлова и С.С. Лесневского. М., 1990. С. 40, 42.

Ст. 179–180. ...Столь чуждые во всех путях // (Быть может, кроме самых тайных). – Ср. с мыслью поэта о своей “кровной” связи с отцом в “Автобиографии” (1915): “Я встречался с ним мало, но помню его кровно”. Если в Первой главе “Возмездия” получила раскрытие материнская (бекетовская) линия “родового начала” поэта (“уютная петербургская и шахматовская домашность”, по выражению исследователя), то в Третьей – иное, отцовское: “самосознание”, полное “мучительных противоречий”. Выделяя их “нераздельность”, С.А. Небольсин ссылается на малоизвестную дарственную надпись Блока середины 1900-х г., в которой он “роднит себя с демоническим корнем”: «На экземпляре тех самых “Стихов о Прекрасной Даме”, что вполне позволяли обреченно сознаваться в романтической разнеженности, и с обращением к тому самому человеку, который, очевидно, представлял род со стороны демонического мужества, поэт пишет нечто неожиданное. Надпись гласит: “Уважаемому профессору Александру Львовичу Блоку, в знак духовного родства”. (...) Блок настаивает на том, от чего только что отрекался. Место “вырождения” опять занимает возвышенное духовное “сродство”. Пусть родство не “принцам”, но все же суровым северянам-балтийцам, путешественникам, “рыцарям”...» (*Небольсин С.* Преемственность и ответственность. Из русских родословных // *Небольсин С.* Прошлое и настоящее: Статьи о литературе. М., 1986. С. 161).

Ст. 189–191. И только добрый льстивый взор, // Бывало, упал украдкой // На сына... – Несмотря на отчужденное отношение юного Блока к отцу, тот, как свидетельствуют его письма к близким и сыну, проявлял заботу о нем, интерес к его занятиям, здоро-

вью. См.: “Письма отца к Блоку (1892–1908)” ; “Блок в переписке Блоков и Качаловых” – ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 249–293.

Ст. 222–224. Он тоже получил от детства // Флобера странное наследство – // *Education sentimentale*. – Творчество Г. Флобера и роман “Воспитание чувств” (“*Education sentimentale*”) с его высоким этическим строем ценилось в кругу бекетовской семьи. В “Автобиографии” (1915) Блок, рассказывая о культурной среде, в которой он рос, упоминал о переводах Флобера не только бабушкой, но и матерью, а также о том, что его отец “считал себя учеником Флобера”. Бабушка поэта Е.Г. Бекетова осуществила первый перевод романа. Под названием “Сентиментальное воспитание” перевод вышел в 1890-е годы в издательстве Пантелеева. Об отношении к нему Блока см.: *Бекетова М.А. Шахматово. Семейная хроника // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 663.* Творчество Флобера Блок расценивал в ряду самых значительных явлений “великого искусства XIX века”, несущих “дух музыки”. См. об этом в статье “Крушение гуманизма” (1919). Блок употреблял оригинальное, французское, заглавие романа Флобера, ибо только оно содержит все смыслы, важные для него: как формирование культуры чувства, так и сентиментальность; ни один русский перевод эти смыслы не объединял.

Ст. 249–250. ...Он “свел на нет” // *Всё, что мы в жизни ценим строго...* – Биографическая черта А.Л. Блока. О его странной скуности, при значительном достатке, вспоминали близкие ему люди. Сб. об этом в воспоминаниях Е.А. Боброва // ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 300; *Бекетова М.А. Шахматово. Семейная хроника // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 754.*

Ст. 270–274. ...Презревши молодости пыл ~ Слова: “свобода” и “еврей” .. – Ср. в драме Блока “Незнакомка” о трагедии Поэта: “...он все забыл”. Мотив “памяти” – “забвения” присутствует во многих произведениях Блока, в частности, в стихотворениях цикла “Возмездие” третьего тома лирики (например, “Забывшие Тебя”, “Я сегодня не помню, что было вчера...”). См. об этом в кн.: *Максимов И. С. 126–128).*

В противоречивом облике “отца” и здесь отражены черты А.Л. Блока. Современники отмечали его блестящую эрудицию, оригинальность научных воззрений, артистизм, широту интересов. Радикализмом отмечена его первая книга “Государственная власть в европейском обществе: Взгляд на политическую теорию Лоренца Штейна и на французские политические порядки” (СПб., 1880). Вторая работа А.Л. Блока “Политическая литература в России и о России: Вступление в курс русского государственного права” (Варшава, 1884) привлекла внимание критики: отмечались ее литературные достоинства, поэтическая настроенность автора, его способность к предвидению будущего, оригинальность взглядов на русскую интеллигенцию. Последние 20 лет своей жизни А.Л. Блок трудился над сочинением, посвященным классификации наук. В “Автобиографии” (1915) Блок писал об этом: “...свои непрерывно развивающиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формы, которых искал, в этом искании сжатых форм было что-то судорожное и страшное, как во всем душевном и физическом облике его”.

Есть сведения о том, что в 1907 г. А.Л. Блок баллотировался на выборах в Думу по списку “Союза русского народа” (см.: *Орлов В. Александр Блок. М., 1956. С. 12).* По мнению польского исследователя А. Галиса, поэт, находясь в Варшаве, мог быть свидетелем отношения разных общественных групп к личности и заслугам А.Л. Блока. Некролог в духе торжественного панегирика поместила официальная газета “Варшавский дневник” (1909. № 344; см.: *ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 6. Ед. хр. 70).* Однако на его кончину откликнулась и либеральная “Речь” (1909. № 33. 4(17) декабря), а в органе прогрессивной русской интеллигенции “Варшавское утро” появилась заметка о покойном, осуждавшая его за национализм и реакционность (см.: *Galis Adam. Osiemnaście dni Aleksandra Bloka w Warszawie. Warszawa, 1976. С. 136–137).* См. также: *Звезда. 1978. № 4.* Об эволюции политических взглядов А.Л. Блока и характере его воззрений в конце жизни см.: *Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков. С. 95–96.* Блок внимательно читал книгу об отце его ученика Е. Спекторского

“Александр Львович Блок: Государствовед и философ” (Варшава, 1911). Сохранился ее экземпляр с пометами поэта.

Ст. 288. Гарпагон – герой комедии Мольера “Скупой”.

Ст. 293–300. Он знал иных мгновений // Незабываемую власть ~ И Шумана будили звуки ~ Он ведал холод за спиной... – «У А.И. Яцимирского, – как писал о близко знавшем А.Л. Блока И.Б. Березарк, – беседовавшего с Блоком, приехавшим на похороны отца, создалось впечатление, что поэт был знаком с музыкой отца: как-то особенно звучали импровизации Александра Львовича на тему мазурки. Может, под влиянием этих импровизаций и возник предполагаемый лейтмотив к поэме “Возмездие”» (Березарк И. Отец Александра Блока // Русская литература. 1977. № 3. С. 190).

Ст. 307–310. ...Всю жизнь его – уже поэта // Священная объемлет дрожь ~ В нем почивает некий бог... – Ср. описание поэтического вдохновенья в статье “Памяти Врубеля” (1910).

Ст. 311–312. ...Его опустошает Демон, // Над коим Врубель изнемог... – См. там же. Современники, отмечая черты автобиографичности в сюжетной линии “отца”, однако не приувеличивали этого, говоря и о художественном пересоздании поэтом жизненного материала. К. Мочульский писал о романтизации облика А.Л. Блока в поэме. См.: Блок А. Собр. соч.: В 12 т. / Сост., общая редакция, комментарии – С.С. Лесневский. М., 1997. Т. 2. Книга-альбом. С. 21.

Ст. 325–327. И лишь о сыне, ренегате, ~ Да шлет отец врагу проклятье... – Блока интересовала история Польши, ее национально-освободительное движение, польская литература, русского-польские отношения. Обо всем этом немало свидетельств в его записных книжках и дневниках (см. ЗК_{6,14,32} и др., Дн. 1911 г.). В период работы над “Возмездием” Блок собирал материалы по истории России и Польши, особенно о периоде, который предшествовал восстанию 1863 г. Это событие отмечено им позднее в синхронистических таблицах XIX в. Одним из поляков-“ренегатов”, офицеров царской армии, участвовавших в расправах с побежденными, был генерал К. Розадовский: он стал военным комендантом Варшавы, царь пожаловал ему титул графа. С семьей Розадовских Блок имел личные связи; один из них, граф А.И. Розадовский, был шафером невесты на свадьбе Блока и потом переписывался с поэтом (см. ЛН. Т. 89. С. 121).

Ст. 333–336. Не также ль и тебя, Варшава, ~ Военных русских пошляков? – О национальном унижении Польши как проявлении имперской политики в ранней (“варшавской”) редакции поэмы говорилось резче (см. ранний вариант главки 9 Второй редакции – ЧА_{II}. Л. 236). Можно предположить, что некоторое приглушение обличительной интонации уже в процессе работы было вызвано цензурными соображениями.

Ст. 337. Жизнь глухо кроется в подпольи, // Молчат магнатские дворцы... – По словам польского исследователя А. Галиса (см. выше), Блок «почувствовал и передал атмосферу Варшавы того времени словами, которые звучат как эхо “Бездомных людей” Анджея Струга».

Ст. 339–347. ...Лишь Пан-Мороз во все концы // Свирепо рыщет ~ Иль вздернет Пан взбеженный повод... – В символическом образе ожившего памятника отмечают “глубинные связи и отталкивания” от “Медного всадника” и “Полтавы” Пушкина. См.: Мицц З.Г. Блок и Пушкин: «Пушкинский всадник связан для Блока с темой исторического “целого”, героических (“Полтава”), хотя и трагических для личности (“Медный всадник”), усилий Петра. Блоковский “Пан-Мороз” – сила антигосударственная, мятежная, несущая мечты о “мести” “забытой Богом и истерзанной Польши” (...) Блок с глубокой симпатией изображает эту страну (...) Упоминаемые в “Предисловии” 1919 г. Марина Мнишек (...) и Мицкевич (...) – звенья той борьбы с русским самодержавием, к которой Блок прислушивался уже в 1910-х гг., изобразив ее в тех самых тонах “снежной бури”, в каких он позже нарисует Октябрь» (С. 271).

Ст. 348–350. ...И четко повторит чугуи // Удары мерзлого копыта // По опустелой мостовой... – В особенностях звукописи Блок опирался на пушкинский пример, что так-

же обосновывает сопоставимость его образа с Медным всадником. Ср. пушкинские стихи из Части второй “Медного всадника”: “Бежит и слышит (...) // Тяжело-звонкое скаканье // По потрясенной мостовой”.

Ст. 358. “Новый Свет” – название одной из центральных улиц Варшавы.

Ст. 388. “Краковское Предместье” – улица в Варшаве.

Ст. 398–401. *На миг скользнул ослепший взор // По православному собору ~ Его построив, не достроил...* – Имеется в виду строительство собора Александра Невского (по проекту Л.Н. Бенуа) на Саксонской площади (пляц Саски), переименованной по этому случаю в Соборную. Возведение православного собора, не католического, в центре Варшавы воспринималось как вызов национальным чувствам поляков. См. об этом в раннем варианте текста (главка 9-я): “Там, где пленял бы граждан взоры // Лишь католический собор...” А. Галис сообщает в названной выше книге подробности, которые, по всей вероятности, знал Блок: строительство собора затянулось (началось в 1894 и продолжалось до 1912 г.); пять больших куполов и отдельно стоящую колокольню предполагалось покрыть золотом, но по Варшаве циркулировали слухи о чудовищных хищениях, о чем сообщало “Варшавское утро”, русская газета прогрессивной ориентации. См. в кн. А. Галиса, с. 25. Около 1920 г. собор был снесен (как только Польша получила независимость). См.: Бенуа Александр. Мои воспоминания. В пяти книгах. 2-е изд., доп. М., 1993. Кн. 1–3. С. 416.

Ст. 431. ...*Саксонского, должно быть, сада...* – парк в Варшаве.

Ст. 458–459. ...*что жизнь – безмерно боле, // Чем quantum satis* Бранда воли... – “Квантум сатис” (лат.) – должная мера, “столько, сколько ты считаешь достаточным”, – принцип Бранда, героя одноименной драмы Г. Ибсена. Ибсеновский герой – носитель идеи аскетического и религиозного подвижничества, говорит о пределе насыщения. В жертву Богу и высшим принципам он приносит любовь, естественные человеческие стремления. В норвежском оригинале со словами “quantum satis” рифмуется восклицание некоего “Голоса” свыше: “это – Деус Каритатис”, то есть Бог милосердия и человеколюбия. Именно эту сверхбрандовскую меру вслед за Ибсеном и подразумевает Блок в поэме “Возмездие”. Блок, рассматривая творчество Ибсена как “великую книгу жизни”, связывал с пьесой “Бранд” один из переломных моментов пути писателя: он, взошедший “на горные вершины Бранда”, делает “решительный шаг” – возвращается “с горы к людям”, «к “родной” и “близкой” действительности». – См. статью “Генрих Ибсен” (1908). Этот подход перекликался с борьбой мнений вокруг пьесы в русской критике. В полемике столкнулись сторонники “героического” пастора Бранда, обличавшего рыхлое современное общество, призывавшего к “Богу высот”, и противники, осуждавшие этого протестантского проповедника за бесчеловечность и жестокость: поклоняясь “Богу высот” и “Долгу”, он на деле презирал людей, все обыкновенное и нормальное в них. См. об этом: Розанов В.В. Ибсен и Пушкин – “Анджело” и “Бранд” (1907) // Розанов В.В. Среди художников. СПб., 1914. Жесткую прямолинейность Бранда осуждал И.Ф. Анненский. См. его статью “Бранд-Ибсен” (1907).

О разных значениях слова-понятия “воля”, оттенки которого были существенны для Блока, см. в коммент. к ст. 25, 376–378 Первой главы.

Ст. 460. ...*А мир – прекрасен, как всегда.* – Ср. в Прологе (ст. 11–12): “Сотри случайные черты – // И ты увидишь: мир прекрасен”. И Пролог, и заключительный фрагмент Третьей главы (со слов “Когда ты загнан и забит...”) печатались Блоком в качестве отдельных поэтических деклараций. Значимость их, как и новизна для определенного этапа творчества поэта, проявились в защите “земного” назначения поэзии (см., например, ст. 59–60 в Прологе: “Позволь хоть малую страницу // Из книги жизни повернуть”), а также в утверждении вечно-прекрасного – Божественного – в самой жизни. В таком осмыслении связей искусства и действительности выразилось восприятие Блоком традиций русской литературы XIX в., начиная с пушкинских. В статье “Интеллигенция и революция” (1918) поэт прямо связывал формулу “жизнь прекрасна” с традициями большого русско-

го искусства прошлого века: “Великие художники русские – Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой – погружались во мрак, они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет (...) они знали, что рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна”. См. об этом также в коммент. к ст. 12 Пролога.

Эстетические позиции Блока 1910-х годов содержали полемику с символистским декантенством, в частности, с тем скептицизмом в отношении к действительности, который провозглашался Ф. Сологубом как неотъемлемое свойство творчества вообще. Блоковский пафос жизнеутверждения в “Возмездии” (“...мир – прекрасен...”) был вызовом сологубовскому отношению к реальности: ироническому “да” и лирическому – “нет”. См. его формулы-декларации, получившие известность: Предисловие к переводам П. Верлена (*Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Ф. Сологубом.* СПб., 1908. С. 4), статью “Демон поэтов” (*Собр. соч. Т. X.* СПб.: Шиповник. С. 177).

⟨ЧЕРНОВИКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ПОЭМЫ “ВОЗМЕЗДИЕ”⟩

(С. 63)

Автографы: ЧА₁ (Второй главы) и ЧА₂ (Третьей главы) – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 140. 37 л. – (17 л. – чистых); без заглавия, “(11)24 января 1921” (перед текстом).

Печаталось (посмертно): *Блок А.* Черновые наброски к поэме “Возмездие” / С примеч. ред. // *ЗМ.* 1922. № 5. С. 5–16; *Блок Александр* Возмездие. Пб.: Алконост. 1922. С. 69–77, 97–99; *СС-12₅*. С. 80–88, 106–108 (с примеч. Р. Иванова-Разумника – С. 205, 216–217).

Печатается по черновым автографам.

Листки с набросками продолжения поэмы остались после смерти Блока в настольном бюваре, часть из них – вне сюжетной последовательности написанного. По всей вероятности, это было результатом перерывов в работе, после которых, возвращаясь к ней, поэт мог перекладывать листы, обдумывая вновь те или иные эпизоды. К продолжению Второй главы – ЧА₁ относится текст на л. 1–15, 18 с набросками о детстве и отрочестве героя. Именно такие темы намечались для этой главы в планах 1911 и 1913 г. (См. разд. “Другие редакции и варианты”).

Сюжетно-хронологические связи эпизодов определяют расположение листов в следующей последовательности: 1–10, 15, 18, 11–14. На остальных листках бювара – 16, 17, 19, 20 – наброски к продолжению Третьей главы (ЧА₂) с эпизодами “варшавских”, после похорон отца, впечатлений и встреч повзрослевшего героя. Такое продолжение главы обозначалось в планах 1910-х гг. и было подтверждено в Предисловии к поэме, написанном в 1919 г. Смысловая последовательность эпизодов связывает их в таком порядке листов: 19, 17, 20, 16. Сюжетная реконструкция набросков Второй и Третьей глав была осуществлена в первых посмертных публикациях набросков при участии жены и матери поэта. См. об этом ниже.

Датировать продолжение работы над “Возмездием” позволяет ряд авторских записей, а также свидетельства современников. В редакционном предварении посмертной публикации набросков, написанном, вероятно, С.М. Алянским, отмечалось: «Печатаемые черновые наброски к поэме “Возмездие” относятся к январю и июню 1921 года (...) В январе 1921 года Александр Александрович подготовил незаконченную поэму к печати и увидел возможность довести ее до конца» (*ЗМ.* 1922. № 5. С. 5). В некотором противоречии с этим свидетельством публикация набросков сопровождалась после текста датой: “Январь – Июль 1921 г.” (*Там же.* С. 16) Намерение автора работать над поэмой отражает две январские дневниковые записи. Одна – 14 января – вероятно, связана еще с завершением подготовки к печати Третьей главы и Предисловия: “Н.А. Павлович (Пяст хочет со мной помириться; ей о поэ-

ме – все-таки не действует”. 18 января Блок записал: «Утром в постели: мысли об окончании “Возмездия”. Непосредственное возобновление работы над поэмой отмечает запись в Дн. от 24 января: «“Возмездие” (продолжено?)» (СС-87. С. 400). Ту же дату встречаем в начале ЧА₁. Однородность рукописи на первых десяти листах по особенностям почерка, бумаги, чернил позволяет предполагать, что большая часть продолжения Второй главы – ЧА₁, л. 1–10 – была написана в ближайшие дни после начала работы.

По всей вероятности, с начала февраля, когда Блок приступил к написанию статьи “О назначении поэта” (развернутый ее набросок в дневнике находится под датой 7 февраля), в работе над поэмой наступил перерыв. Тему детства героя продолжает текст на л. 15. Однако он отличается от предыдущего (на л. с 1 по 10) и по бумаге, и по характеру написания: не чернилами, а карандашом. На полях л. 15 слева – запись: “Что со мной? Болезнь?” Судя по ней, текст на л. 15 относится к середине апреля: ведь именно в середине этого месяца проявились, как вспоминали современники – М.А. Бекетова, С.М. Алянский – первые признаки смертельной болезни. (см.: *Бекетова I. С. 293; Воспоминания, 2. С. 305*; см. также переиздание: *Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке / Сост. В.П. Енишерлова, С.С. Лесневского. М., 1990. С. 194*). Вероятно, одновременно с текстом л. 15 были написаны восемь последних стихов на л. 10: они однородны этому тексту по характеру написания – карандашом, а, главное, посвящены той же теме – детства, возможно, с них и возобновилась работа после перерыва.

Стихотворные наброски на л. 18, а также стихотворный и прозаический текст на л. 11–14 объединяет другая тема – отрочества героя. Точных данных о времени написания этих фрагментов нет. Можно только предполагать, основываясь на явных тематических перекличках этого текста, как и текста л. 15 (о детстве), с очерком “Ни сны, ни явь”, который писался в марте, что он близок ему по времени создания. Однако, если он не был написан в апреле, то, вероятно, относится уже к концу мая, когда Блок вернулся из поездки в Москву. П.Н. Медведев, а позднее Иванов-Разумник относили наброски о подрастающем герое к более позднему времени, возможно, основываясь на воспоминаниях Л.Д. Блок. Медведев считал, что после января, когда были написаны первые десять листов – «далеко не завершенные, но пленительные стихи о “бредовом голосе”, о “блаженном вечере века”, о “русской деревенской глуши” и о “третьем звене рода – о внуке”, растущем, как в “голубом весеннем сне”», – наступил “новый перерыв”: “до июля, когда уже больной поэт, лежа в постели, снова с лихорадочной поспешностью берется за поэму” (*Медведев П. Драммы и поэмы Ал. Блока. Из истории их создания. Л., 1928. С. 232*). Иванов-Разумник высказывал предположение, что все, кроме первых десяти листов, писалось “по-видимому в мае–июле 1921 года” (СС-12₅. С. 205). Оба исследователя отнесли помету на л. 15 (“Что со мной? Болезнь?”) к самочувствию поэта уже в июле месяце (что не вполне убедительно, так как сомнений в болезни – а такова именно интонация записи – у Блока в это время уже не было).

Наброски эпизодов к продолжению Третьей главы более отрывочны, чем ко Второй, почти все написаны карандашом. Отличаются они от ЧА₁ и по характеру бумаги. Сюжетная последовательность отрывков выстраивается на основе, прежде всего, части плана от 21 февраля 1913 г.: «Смерть отца. Тоска, мороз, ночь. В т о р а я м а з у р к а. “Ее” явление. Зачат сын» (см. Планы третьей редакции в разд. “Другие редакции и варианты”). Иванов-Разумник, в отличие от реконструкции отрывков в порядке листов 19, 17, 16, 20, осуществленной в первой журнальной публикации, а потом в отдельном издании поэмы в 1922 г., впервые предложил иную последовательность в двух последних эпизодах, которая отвечает порядку листов – 19, 17, 20, 16. Он обосновывал это так: “Предложенная в настоящем издании (т.е. в СС-12₅. – *Ред.*) реконструкция порядка этих отрывков кажется более правдоподобной и естественной, поскольку в последнем, заключительном отрывке идет речь о смерти героя поэмы. Впрочем, следует еще раз подчеркнуть всю условность таких реконструктивных попыток и обратить внимание на то, что все листки с продолжением Третьей главы остались в бюваре поэта в случайном порядке” (СС-12₅. С. 217).

Точных данных о времени написания набросков к Третьей главе нет – ни в дневниках, ни в записных книжках. Трагические мотивы набросков – тоска, смерть – были близки самочувствию Блока уже в мае 1921 г. Как отмечала М.А. Бекетова, настроение поэта в пору московского пребывания было тяжелым: “Многие слышали от него, что он готовится к смерти” (*Бекетова I. С. 294*). Несомненно, со слов Л.Д. Блок, тетка поэта писала об этом в последующее время: «Во второй половине мая, после облегчения, последовавшего за первым припадком сердечной болезни, и позднее, во все периоды улучшения, Ал.Ал. занимался писанием тех отрывков в стихах и прозе, которые напечатаны в новом (отдельном посмертном. – *Ред.*) издании поэмы “Возмездие”» (*Там же. С. 298*). Упоминание о желании работать встречаем в письме Блока 20 мая 1921 г. (после возвращения из Москвы) Н.А. Нолле-Коган. С горечью извещая ее о своем нездоровьи, поэт писал: “Выгоды моего положения заключаются в том, что я так никого и не видал и никуда не ходил – ни в театры, ни в заседания; вследствие этого у меня появились в голове некоторые мысли, и я даже пробую писать” (*ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 354*). Небольшой объем набросков к продолжению Третьей главы позволяет предполагать, что работа над ними приостановилась в начале июня, а затем – в июле – поэт обращался к сделанным наброскам, вновь обдумывая их, не оставляя мучительно не удававшегося замысла.

Попытка Блока вернуться в начале 1921 г. к поэме приходится на последний в его жизни творческий подъем. В.А. Зоргенфрей вспоминал: «В самом начале 1921 года почувствовал он, по его словам, что “что-то начало в нем шевелиться, части остановившегося механизма приходят в движение”, раннею весной стал уверенно говорить о приближении иных, допускающих творческую деятельность условий – и тогда же заболел смертельно» (*Зоргенфрей В.А. Александр Александрович Блок: (По памяти за 15 лет. 1906–1921 гг.) // ЗМ. 1922. № 6. С. 144*).

Наброски к продолжению “Возмездия” тематически перекликаются с другими произведениями – очерком “Ни сны, ни явь”, статьей “О назначении поэта”, – над которыми Блок работал зимой и весной последнего года жизни. Как и эти позднейшие создания поэта, наброски находятся в русле его размышлений над трагедией разрыва между настоящим и прошлым, над судьбами культуры в новых общественных условиях, над уроками пушкинских традиций в современности. Не случайно в дневнике за январь соседствуют записи о поэме и Пушкине. Так, на два дня позднее разговора с Н.А. Павлович о “Возмездии” – 17 января – Блок записал: «Утренние, до ужаса острые мысли, среди глубины отчаяния и гибели.

Научиться читать “Двенадцать”. Стать поэтом-куплетистом. Можно деньги и ордена иметь всегда...

О Чапыгине – спасает наш язык (“Гориславич”).

О Пушкине: в наше, газетное время (...) его хрустальный звук различит только кто умеет. Подражать ему нельзя; можно только “сбросить с корабля современности” (“сверхбиржевка” футуристов, они же – “мировая революция”). И все вздор перед Пушкиным...» (*СС-87. С. 397–398*). Следует отметить близость поэмы и статьи “О назначении поэта” в постановке проблем – ответственности культуры, судеб личности в “водвороте истории”, сквозная тема поэмы о “роде, испытывшем на себе возмездие истории, среды, эпохи”, который “начинает, в свою очередь, творить возмездие” (см. Предисловие к Третьей главе), по-своему интерпретируется и в статье. В черновиках ее Блок писал о цели искусства: «...испытывать сердца, производить отбор в грудях человеческого шлама, добывать нечеловеческое – звездное, демоническое, ангельское, даже и только звериное – из быстро идущей на убыль породы, которая носит название “человеческого рода”, явно несовершенна и должна быть заменена более совершенной породой существ» (*СС-87. С. 405–406; см. также в т. 9 наст. изд.*).

Мотивы, важные для позднейших набросков “Возмездия”, явно узнаются в очерке “Ни сны, ни явь”: и в этом, одном из последних замыслов поэта, его творческое воображение погружено в предысторию современности, в культурные истоки своего времени.

О трудностях возобновления работы над поэмой вспоминала, частично используя свои дневниковые записи, Е.Ф. Книпович: «Вся тоска героя “Возмездия” (...) – это тоска о том, что наяву “Я не свершил того... Того, что должен был свершить”, не его меч ударил со звоном о хрусталь стены.

Обо всем этом мы говорили позже – в первые месяцы 1921 года, когда Блок вернулся к работе над “Возмездием”. Тогда он согласился со мной, что “спящая красавица” – второй главы “Возмездия” – не только “отзвук” спящей красавицы и Людмилы, но еще пани Катерины, а колдун – это и колдун из “Страшной мести”.

И когда он меня спросил – или пожаловался, – почему ему внутренне “не дается” судьба уже взрослого героя, я ответила: это потому, что герой не пишет стихов, – и на несколько удивленное “как?” напонила ему не забытые мной его слова о том, что художник платит случайной жизнью за неслучайности пути. А если нет “пути” – то случайная жизнь теряет смысл и значение. Ответом был внимательный взгляд» (*Книпович Е.* Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 38–39).

Новые наброски к “Возмездию”, последние усилия творческой мысли поэта в постижении “истории рода”, каждое из поколений которого несет “дух времени”, остро интересовали современников. Именно поэтому вскоре после смерти Блока наброски к поэме, так и не завершённой, появились в “Записках мечтателей” при участии близких – матери и жены, – а также друзей поэта, прежде всего С.М. Алянского. Как он писал позднее, Блок, один из вдохновителей “Записок мечтателей”, не однажды справлялся об очередных номерах журнала, в частности, о пятом (*Воспоминания*, 2. С. 317). В нем и появились последние наброски продолжения поэмы, а состав номера, как и четвертого, был изменен: часть материалов в том и другом была посвящена памяти поэта. В публикации набросков в отдельном издании поэмы, предпринятом “Алконостом”, принимали участие, кроме П.Н. Медведева, жена и мать Блока. Об этом позволяет судить наборный экземпляр издания: одни из его материалов переписаны рукой Л.Д. Блок, другие – рукой матери поэта (см.: *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 8. Ед. хр. 3. Л. 1–40; Ед. хр. 4. Л. 1–52, 76–81, 91–108). Свидетельством внимания современников к незавершённому замыслу стала также реконструкция Второй главы, предпринятая Ивановым-Разумником. См.: *Иванов-Разумник*. Личность. Творчество. Роль в культуре. Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. 2. С. 7–18.

⟨ЧЕРНОВИКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВТОРОЙ ГЛАВЫ⟩

(С. 63)

Ст. 1–22. К чему мечтою беспокойной ~ Покорствуй, буйная мечта... – Темой творчества как “служения”, а также раскрытием драматизма “бремени творчества” отрывок перекликается со статьей “О назначении поэта”. Особая тональность темы, “непокорность” вдохновения, возможно, отражает трудность возвращения Блока именно к замыслу “Возмездия”. Как вспоминала Н.А. Павлович, разговоры Блока о поэме в последний год жизни “часто бывали мучительными и сложными”, “навязчивой” была мысль о том, что «он “оглох” творчески и кончен как поэт. Иногда он раздражался, если ему в этом противоречили. Отгалкивал каждое слово о возвращении творчества, считая, что эти разговоры только бередят его рану. А иногда сам заговаривал о продолжении “Воз-

мездия»» (БС-1. С. 486). Ст. 5, 6, 10 содержат автореминисценцию. См. в отрывке “(Об искусстве и критике)” (1920): “Теоретики теряют (...) надежду взнудать искусство, засунуть в стиснутые зубы художнику мундштук науки”.

Ст. 23–37. *Сошли туман и темнота. ~ Над всей Европой закомтил.* – Основные мотивы отрывка близки Вступлению в Первую главу “Возмездия” – поэтическому изображению XIX в.

Ст. 29. *...Туманного плаща времен.* – Ср. сходный образ в стих. “Забывшие Тебя” (1908): “Свой плащ скрутило время...” См. об этом: *Кожевникова Н.А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986. С. 82; *Блок Александр.* Стихотворения. Книга третья (1907–1916) / Подгот. текста и коммент. Н.В. Лощинской, С.Ю. Ясенского; Общ. ред., послесл. Ю.К. Герасимова. СПб., 1994. С. 370.

Ст. 30. *Зарыты в землю бунтари...* – Речь идет о деятелях революционного народнического движения.

Ст. 32–33. *...Вооруженный мир как бремя // Несут безропотно цари...* – Рост вооружений в Европе к началу 1890-х годов принял угрожающий характер. 12 августа 1898 г. русское правительство выступило с предложениями о сокращении вооружений и созыве международной конференции по вопросу о всеобщем мире. В Высочайшем рескрипте, обращенном к правительствам европейских стран, говорилось: “Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств (...) Настоящее время весьма благоприятно для изыскания, путем международного обсуждения, наиболее действенных средств обеспечить всем народам истинный и прочный мир и, прежде всего, положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений...” (Новое время. 1898. № 8071. 17 авг.).

Ст. 34, 36–37. *И Крупн ~ Над всей Европой закомтил.* – Мощный сталелитейный, а затем и машиностроительный концерн по имени его зачинателя Круппа (Фридриха, ум. в 1826 г.) был основан в 1810 г. близ Эссена в рейнской провинции Пруссии. Развитие его охватило горнодобывающую, сталелитейную промышленность, машиностроение, производство вооружения. Как производитель пушек, концерн имел всемирную репутацию, участвовал в создании военного потенциала Пруссии в период франко-прусской войны. До 1885 г. поставил 34 государствам более 200 тыс. орудий. Возможно, ирония Блока вобрала в себя и то впечатление, которое на современников произвела речь В.Ф. Эрна “От Канта к Круппу” в первые дни войны 1914 г. Философ размышлял о господстве рационализма в обыденном сознании, об утилитарном отношении к высшим ценностям духа, влекущем за собой катастрофические последствия и в мире материальном (см. об этом позднейшую перепечатку статьи Эрна. – Вопросы философии. 1989. № 9). “Тема Круппа” не однажды вставала в размышлениях современников над причинами первой мировой войны. См., например, статьи М.П. Павловича “Две династии (Круппы и Гогенцоллерны)”, “Военная индустрия и заводы Шнейдера во Франции”, напечатанные в “Летописи” (1916. № 3 и 4).

Ст. 44. *...маклаки...* – Здесь – промышленяющие на торгах перекупщики, барышники.

Ст. 46. *(Но начисто свели лески)* – М.А. Бекетова видела в этом упоминании конкретные события истории подмосковного Шахматова до его покупки А.Н. Бекетовым (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 683).

Ст. 47–50. *И старики ~ Неподалеку от Москвы* – Ср. историю приобретения Шахматова дедом Блока А.Н. Бекетовым – в книгах М.А. Бекетовой о Блоке и в ее воспоминаниях “Шахматова. Семейная хроника” (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 645–646, 682–683).

Ст. 51–131. *Огромный тополь серебристый ~ Ласкало солнце...* – М.А. Бекетова узнавала в этих описаниях приметы пейзажа Шахматова и всего обихода бекетовской усадьбы в годы детства и отрочества поэта (Там же. С. 682–686, 688–700). Текст содержит реминисценции из ранних стихотворений Блока: “Моей матери” (“Тихо. И будет всё ти-

ше...”), “Старость мертвая бродит вокруг...”, “В туманах, над сверканьем рос...” (т. 2 наст. изд.). Ср. также с поздними статьями: “Ни сны, ни явь”, “Исповедь язычника”.

Ст. 132–140 *Он был заботой женской ~ И строй возвышенной души.* – Ср. описание традиций семьи в “Автобиографии” (1915), а также рассказы о детстве Блока в биографических книгах о нем М.А. Бекетовой, в ее воспоминаниях “Шахматово. Семейная хроника” (*Там же.* С. 766–767).

Ст. 141–160. *Уж осень, хлеб обмолотили, ~ Предлинной кажется ему,* – Ср.: *Бекетова М.А.* Шахматово. Семейная хроника. С. 787). См. также ее объяснение: “Рязанцы всегда приходили в Московскую губернию ко времени молотьбы” (*Там же.* С. 734).

Ст. 167–168. *(Пред ним встают) идей Платона // Великолепные миры...* – Автобиографический исток наброска вскрывают воспоминания самого Блока о событиях своей жизни 1897–1901 гг., о “мистическом лете” 1900 г.: “Начинается чтение книг; история философии. Мистика начинается. <...> Начинается покорность Богу и Платон” (запись в Дн. 30(17) августа 1918). Ср. в воспоминаниях М.А. Бекетовой: “Блок прошел два курса юридического факультета, перешел на филологический и увлекся классической древностью и философией Платона...” (*ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 769).

В письме к отцу от 1 декабря 1900 г. Блок сообщал о занятиях Платоном: “Все еще я читаю и перечитываю первый том его творений в соловьевском переводе – Сократические диалоги”. Блок читал Платона не только в русских переводах. В оригинале он прочитал по меньшей мере два диалога Платона: “Апологию Сократа” в VII классе гимназии (см.: *Кумпан К.А.* О преподавании “древних языков” во Введенской гимназии // *БС ИРЛИ-2.* С. 156) и “Пир”. На I курсе историко-филологического факультета Блок занимался разбором этого диалога в семинаре проф. В.К. Ернштедта. В русском переводе Блок читал диалоги Платона по изданию: *Платон.* Творения. М. 1899–1903. Т. 1–2 (*ББО-2.* С. 191–194), – на страницах которого имеются его многочисленные пометы на полях как текстов философа, так и приложенной к первому тому статьи Вл. Соловьева “Жизнь и произведения Платона (Предварительный очерк)”. Особенно интенсивны пометы на полях диалогов “Гиппий Большой” и “Пир”.

Юношеское увлечение Платоном стало не только важнейшим событием его духовной жизни, но и определило некоторые его поступки: под влиянием занятий древней философией, и прежде всего Платоном, Блок окончательно решил оставить юридический факультет и перейти на историко-филологический. В эпитафии к “Философской поэме” (1900), развивающей платоновскую идею о дуализме души и тела, Блок называл Платона “божественным учителем”. Стих. “АГРАФА ДОГМАТА” (1900) самим заглавием отсылает к Платону: по разъяснению Блока, речь идет о “сокровенном учении древнегреческого философа” (т. 1 наст. изд.). Блок использовал начало приписываемого Платону стих. “Астеру” (“Ты смотришь на звезды, Звезда моя!..”) в качестве эпитафии к стихотворениям “Темнеет небо. Туч гряда...”, “Ночь. Город угомонился...” и к сборнику “Ночные часы”. К Платону восходят существенные для Блока идеи “двоемирия”, мотивы “прапамяти” (*ἀνσμνήσις*), “вечного возвращения”, метемпсихоза (переселения душ). С платоновской музыкальной эстетикой связана зарождающаяся в эти годы блоковская концепция “музыки”: речь идет об истолковании мира как гармонии сфер, а также о слиянии любви и музыки в платоновской картине мира (диалоги “Тимей” и “Государство”; см.: *Лосев А.Ф.* Античная музыкальная эстетика. М. 1960. С. 25–31, 138–170).

Ст. 169–171. *И гимназистам, не забывшим ~ “Вы – соль земли!”* – Мф. V. 13. Ср. с резко негативной характеристикой “полупросвещенных” в старой школе в статье “Интеллигенция и революция” (1918): «Что нахрюкали, то и спрашивается: <...> *Низшая школа:* “Слушайся наставников и почитай директора”, “Ябедничай на скверных мальчишек”. “Получай лучшие отметки”. <...> *Высшая школа:* “Вы – соль земли”. “Существование Бога доказать невозможно”. “Человечество движется по пути прогресса...”. См. также статью “Крушение гуманизма” (1919).

Ст. 172–173. *Семь лет гимназии толстовской, // Латынь и греки* – См. в наст. т. об этом в “Матерьялах для поэмы”.

Ст. 174–183. *Растет, растет его волнение, ~ Его восторгу нет конца меры нет* – Ср. план третьей редакции (24 февраля 1911 г. – наст. т., разд. “Другие редакции и варианты”): “У моего героя не было событий...” и далее, а также мотивы ранней лирики Блока: “Окрай небес – звезда омега...” (1899), “Ныне, полный блаженства...” (1901), “Все бытие и сущее согласно...” (1901), “Стою на царственном пути...” (1901) и др.

Ст. 187 – Стр. 224. *Высокий белый конь, почуя ~ он перестает быть мальчиком.* – Жена и тетка Блока видели в этом наброске воспоминания поэта о его собственных юношеских переживаниях (см.: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 770). Ср. в воспоминаниях Н.А. Павлович о планах Блока продолжить работу над “Возмездием”: «Он рассказывал мне о своем детстве в Шахматове, о юности, когда в бешеной скачке он “загонял коня” (“А ведь любил его – тоже демонизм”)...» (БС-1. С. 486). Ср. сходные биографические мотивы в “Исповеди язычника” (1918).

⟨ЧЕРНОВИКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ⟩

(С. 71)

Ст. 1–14. *Так у решетки сада длинной ~ В объятьях холода свинцовых....* – Четыре точки в конце ст. 2 и 14, вероятно, отмечают незавершенность текста, необходимость развятия намеченного. Содержание отрывка сопоставимо с планом поэмы, имеющим дату 21 февраля 1913 г. Ср. со сказанным о Третьей главе в Предисловии. Ср. также наброски тех же мотивов в ЧА_{III} (раздел “Черновые наброски к третьей редакции” №(6), ⟨7⟩ на л. 317 об., 315 об.).

Ст. 15–24. *Вдруг – бешеная голова ~ мазурка...* – Ср. лейтмотив “возмездия” в Предисловии к поэме.

Ст. 25–28. *Из-под копыт, уж занесенных ~ Из снежной тучи буревой...* – З.Г. Минц отметила в отрывке ноты, близкие “Медному всаднику” А.С. Пушкина: «Герой, как пушкинский Евгений, теряет все и оказывается отданным во власть природных стихий (...) – Это – “осколок” пушкинского образа...» (Минц З.Г. Блок и Пушкин // УЗ ТГУ. 1973. Вып. 306. С. 270–271).

Ст. 29–32. *...Встает виденье девы юной, ~ Простая девушка пред ним* – О сюжетном мотиве встречи героя с простой девушкой Блок рассказывал Н.А. Павлович, по ее воспоминаниям, в октябре 1920 г.: «Он рассказывал мне (...) о поездке в Варшаву (...) о реальной встрече с той девушкой, которой посвящены проникновенные предсмертные его строки в незаконченных набросках “Возмездия”. Мне он имени ее не называл. Он говорил о конце рода, о справедливости возмездия, о том, что у него никогда не будет ребенка» (БС-1. С. 486–487). Эпизод встречи героя с простой девушкой намечен еще в планах 1913 г. (см. наст. том). Исследователи ставят под сомнение точную автобиографичность эпизода. См. об этом: Долгополов Л.К. Александр Блок. Личность и творчество. Л., 1980. С. 125–126. См. также мнение С.А. Небольсина: “В набросках продолжения главы Блок резко отступает от автобиографической канвы к вымышленным положениям и образам, тесно связанным с замыслом эпикола...” (Блок А. Поэмы. М. 1986. С. 126). Полемику по этому вопросу см.: ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 117. См. также коммент. к Предисловию.

Ст. 39–52 – *Мария, нежная Мария ~ – Нет, нет. Мария, не о ней.* – Наброски продолжают мотив встречи с простой девушкой, относящийся к сюжету Третьей главы. Ст. “Мария, нежная Мария” воспринят В.Н. Орловым как реминисценция из пушкинской “Полтавы”: “Мария, бедная Мария!” (см. Песнь третья).

Другие редакции и варианты

Черновой набросок первой редакции (ЧН₁₋₁ЗК₃₁)

(С. 139)

Дата перед текстом: “7 VI” (1910 г.). Ср. с авторской пометой на первом листе ЧА_{II}: “Начато в июне 1910 под Руновым на камне” (Л. 222).

Впервые: СС-12₅. С. 165–166.

Черновой автограф первой редакции (ЧА_I ИРЛИ)

(С. 141)

Дата перед текстом: “13 VIII 1910 и прежде летом”. Ср. авторские даты на л. 165–167 (см. коммент. к тексту).

Впервые: СС-12₅. С. 166–167.

Черновой набросок первой редакции (ЧН₁₋₂ЗК₃₁)

(С. 147)

Датируется по сопоставлению с предшествующей и последующей записями осенью 1910 г. (ранее текста – запись с датой 6 октября 1910 г., после текста – запись, датированная 9 XI.). См. коммент. к тексту.

Впервые: СС-12₅. С. 167–170.

Черновой автограф второй редакции (ЧА_{II} ИРЛИ)

(С. 148)

Над второй редакцией поэмы Блок работал с лета 1910 г. до февраля–марта 1911 г. См. даты на л. 222, 257. В рукописи самостоятельная авторская пагинация: л. 1–35. Эпиграф ранней редакции (разделенный поэтом на два стихотворения) имеет перед текстом помету “Последний отрывок”: см. л. 33 (л. 257 общей пагинации).

Впервые отдельные фрагменты публиковались в изданиях: Русский современник. 1924. № 3. С. 143–145 и в кн.: *Медведев П.* Драмы и поэмы Ал. Блока. Из истории их создания. Л., 1928. С. 209–213; затем без эпилога (включая ст. 382) – СС-12₅. С. 171–181; ст. 383–413, составляющие эпилог (“Последний отрывок”), – впервые в статье И.А. Ревякиной “Из творческой истории поэмы “Возмездие” (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 643–644).

В полном объеме печатается впервые.

Ст. 57–68. Тогда мы встретились ~ О холоде и об огне. – Текст стал основой стих. “Когда мы встретились с тобой...” (1910–1914) (т. 3 наст. изд.). См. историко-литературный коммент. к нему: т. 3 наст. изд. С. 705–707.

Ст. 117–145. Правдивы вы ~ И чувства и мечты свои. – Текст стал основой стих. “О, как смеялись вы над нами...” (1911) (т. 3 наст. изд.). См. историко-литературный коммент. к нему: т. 3 наст. изд. С. 692–696.

Ст. 126. Где небо кроют мглою бесы... – Выражение содержит реминисценции из стих. Пушкина “Зимний вечер” (1825) – “Буря мглою небо кроет...” – и “Бесы” (1830) – “Мутно небо (...) // Мчатся бесы рой за роем...”

Ст. 131–132. Где торжествует нигилизм – // Беспольный спутник “стилизаций”... – О духовном нигилизме – “иронии” и о “холодных словах” декадентской литературы, не способной на подвиг самопожертвования, когда “торжествуют схема, отвлеченность, книжность”, – Блок писал в статьях “Письма о поэзии”, “Вопросы, вопросы и вопросы”, “Ирония” (1908). Явления подражательности, эклектизма, книжности в символистской и околосимволистской литературе на рубеже 1910-х гг., связанные с общественной депрессией, обсуждались критиками разных общественных пристрастий. Д.Н. Овсяннико-Куликовский писал о беллетристике этого времени: “Современные писатели не хотят быть на-

блюдателями (...) заняты (...) личными делами: (...) разрабатывают “вековечные философские проблемы (...) поднимают пресловутую “половую проблему” (...) углубляются в свое самочувствие, “миропонимание”, “мироотношение” (...) наконец: они “стилизуют” (Бюллетени книжных и литературных новостей. 1910. № 3. 15 окт.). В отзыве Г.И. Чулкова в “Утре России” на “Литературный альманах” книгоиздательства “Аполлон” (СПб, 1912) отмечалось: «...характерно (...) для “Аполлона”, который всегда лелеял стилизацию в лице милого повествователя Ауслендера и М.А. Кузмина (...) Период “бури и натиска” русского символизма завершился, и последние два-три года мы наблюдаем в сфере нашей юной поэзии расцвет академизма и эклектизма” (цитируется по газетной вырезке – РГА-ЛИ. Ф. 66 (И.А. Белоусова). Ед. хр. 1632. Л. 17).

Ст. 133–136. Где “Новым Временем” смердит, ~ Лишь офицер, жандарм – и жид... – Ср. о «духе “Нового Времени”» и противостоящем ему «духе русского “гуманизма”» в письмах Блока В.В. Розанову 17 и 20 февраля 1909 г., которыми поэт отвечал на его статьи “Трагическое остроумие” и “Попы, жандармы и Блок” (Новое время. 1909. 9 и 16 февр.): “Великая тайна, и для меня очень страшная, – то, что во многих русских писателях (и в Вас теперь) сплетаются такие непримиримые противоречия, как дух глубины и пылкости и дух... “Нового Времени”. (...) моя кровь говорит мне, что смертная казнь и всякое уничтожение и унижение личности – дело страшное, и потому я (это – непосредственный вывод (...)) не желаю встречаться с Пуришкевичем или Меньшиковым (...) или военным, я не пойду к Пасхальной заутрене к Исакию, потому что не могу различить, что блестит: солдатская каска или икона, что болтается – жандармская епитрахиль или поповская ногайка”.

Ст. 137–138. Где память вечную Толстого // Стремится омрачить жена... – Уход Л.Н. Толстого из Ясной Поляны в 1910 г., разрыв с женой С.А. Толстой и детьми, (ожесточенно борющимися за влияние на него), смерть писателя стали предметом шумного обсуждения в печати. 10 ноября Блок писал матери: “...я эти дни читаю все газеты (...) все известия и мнения оскорбительны (...) Относительно семьи я (...) не совсем с тобой согласен. Иначе говоря, *эта* пошлость не так вредна, как другие некоторые...” “Омрачившими” память Толстого современники считали претензии С.А. Толстой по поводу завещания, составленного писателем в последний год жизни. Эта сторона “яснополянской трагедии” также стала достоянием печати. См., например: Бюллетени книжных и литературных новостей. 1910. № 6. 1 дек.

Ст. 146–147. Пусть зреет гнев. Пускай уста // Поэтов не узнают мира. – См. далее развитие мотива гнева, мятежа, возмездия в эпилоге второй редакции поэмы – ст. 383–410.

Ст. 294–297. Тебе, читатель, надоело, // Что я тяну вступленья нить ~ Чтоб истину установить. – Обращаясь к прямому разговору с читателем, Блок пользуется приемами пушкинского романа в стихах. Ср. в “Евгении Онегине”: гл. IV, строфы XVIII, XX и др. См. об этом далее в коммент. к главке 14.

Ст. 303–308. Ему увидеть в сне тревожном ~ // Ты, Софья... – Ср. об этом в статье “О драме” (1907) – т. 7. наст. изд. Мнение о том, что Грибоедов увидел “Горе от ума” во сне, основано на свидетельстве самого автора. См. письмо Грибоедова к Неизвестному (А.А. Шаховскому?) 17 ноября 1820 г. (Грибоедов А.С. Соч., М.; Л. 1959. С. 532–533). О том же со слов Грибоедова рассказал Ф.В. Булгарин (А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 342).

Ст. 308–317. Вестница небес, // Или бесенок мелкий в юбке? ~ В сердцах – все та же полутьма... – О неразгаданности “Горя от ума” Блок писал и позднее. См. “Размышления о скудости нашего репертуара” (1918), “О списке русских авторов” (1919).

Ст. 321. Он был... печерским богомазом... – М.А. Врубель в 1884 и несколько последующих лет работал над реставрацией фресок Кирилловской церкви (XII в.) Киево-Печерской лавры и Владимирского собора в Киеве.

Ст. 327–382. С тобою связь я стал терять ~ Но у меня – другая Муза, // А эту – взял я напрокат. – Вся 14-я главка написана в духе “полу-смешных, полу-печальных”

строк “Евгения Онегина” (см. в гл. V изображение имени Татьяны Лариной), а с другой стороны – сатирически злых сцен “Горя от ума” Грибоедова. Опора на традиции (“взятые напрокат”) выражена в обращении к ситуациям, известным по этим классическим произведениям: ироническое обращение к читателю, описание нравов дворянской старины, персонажей этого круга. Резвая плясунья – “негодница” напоминает Софью Фамусову (“бесенок мелкий в юбке”) и обладает сходством с Ольгой Лариной. В главе – пушкинская цитата (“...высоким слогом // Я придушу тебя в углу!” – ср. у Пушкина: “...соседа // Душу трагедией в углу” –), Блок использует и словарь романа в стихах: “мчу стремглав”, “дева”, “надуться” и др. См. об этом: *УЗ ТГУ*. 1973. Вып. 306. С. 262–263.

Ст. 383–413. Земное сердце стынет вновь. ~ Возмездья черный бриллиант! – Эпиграф второй редакции поэмы стал основой стих. “Земное сердце стынет вновь...” (1911–1914) и “В огне и холоде тревог...” (1910–1914). См. историко-литературный коммент. к ним: т. 3 наст. изд. С. 708–714.

*Беловой автограф заключительной части
второй редакции (БА_{II} РГАЛИ)*

(С. 169)

БА_{II} РГАЛИ – на листах разной бумаги, которой Блок пользовался в 1911 г. (см. в примеч. к тексту, с. 169). Листы с авторской нумерацией (13–19) сохранили следы перегибов пополам, имеют отдельную обложку. Авторская дата “1911.” в нескольких местах текста. Изменение нумерации одного из листов – [12] 14 – свидетельствует о работе автора над последовательностью фрагментов в их общей композиции. Завершенное единство текста выражено авторской подписью и датой в конце него. *БА_{II}* представляет заключительную часть текста, в полном объеме не обнаруженного.

Соотнесение белового отрывка (всего в нем 133 ст.) со второй редакцией поэмы определяется по содержательной связи с текстом *ЧА_{II}*. Повествование в *БА_{II}* однотипно с сюжетом “варшавской поэмы”: оно ведется в лирико-исповедальной интонации, как и в *ЧА_{II}*, от лица поэта-сына, участника событий (в третьей редакции “сын” – уже не поэт-повествователь, а один из “героев” того “рода”, история которого развертывается на широком фоне). В *БА_{II}* вошли те части ранней редакции, которые позднее стали отдельными стихотворениями, и больше не включались в текст поэмы: “О, как смеялись вы над нами...”, “Земное сердце стынет вновь...”, “В огне и холоде тревог...”. Фрагмент на л. 13 представляет в переработанном виде главу 7 *ЧА_{II}* (ср. на л. 229–231); текст на л. 16–17 написан на основе главок 9 и 10 в *ЧА_{II}*; заключительный отрывок на л. 18–19 является переработкой раннего эпилога второй редакции (ср. на л. 257–259). Фрагмент на л. 14–15 связан с текстом, известным по черновой рукописи третьей главы на л. 309–312.

Работа над *БА_{II}* – беловой рукописью заключительной части второй редакции – велась в 1911 г. (как обозначено несколько раз автором), по всей вероятности, осенью (к осени относятся черновики текста на л. 14 и 15).

Печатается как цельная часть второй редакции поэмы впервые.

Ст. 1–17. О, как смеялись вы над нами ~ И чувства и мечты свои. – См. коммент. к ст. 117–145 *ЧА_{II}*.

Ст. 26–57. Но так велит мне вдохновенье: ~ Дням настоящим молвить: Н е т! – Текст стал основой стих. “Да. Так диктует вдохновенье...” Ср. черновой текст в *ЧА_{III}* на л. 309–312 (осень 1911 г.). Историко-литературный коммент. см. в т. 3 наст. изд., с. 699–704.

Ст. 58–97. Страна – под бременем обид ~ Звонит в холодном чулуе! – Текст стал основой стих. “Над Варшавой” (“Страна – под бременем обид...”). Ср. с текстом ст. 206–242 в *ЧА_{II}* на л. 239–242. Историко-литературный коммент. см. в т. 4 наст. изд.

Ст. 98–133. ...Год минул. Сердце стынет вновь, ~ В горах не запоет кирка. – Текст стал основой стих. “Земное сердце стынет вновь...” и “В огне и холоде тревог...” Ср. с текстом ст. 389–414 в *ЧА_{II}* на л. 257–259.

Стр. 175. Он ко всему относился как поэт, был мистиком, в окружающей тревоге видел предвестие конца мира. – В облике “моего героя” Блок передает черты собственной духовной биографии – приверженность мистической философии, идеям соловьевства, с которыми связано начало его творчества (эпоха “стихов о Прекрасной Даме”). См. об этом также в коммент. к <Черновикам продолжения второй главы>: ст. 167–168, 174–183.

...красивые женщины “с вечно смятой розой на груди” ... – Ср. в стих. “Май жестокий с белыми ночами..”: “Женщины с безумными очами, // С вечно смятой розой на груди!” (наст. изд., т. 3).

Каждый “безумствовал”, каждый хотел разрушить семью, домашний очаг... – Ср. в статье “Безвременье” (1906) о прежней и новой России, вступившей в полосу потрясений. Первая воплощается в образах домашнего уюта, семейного мира, вторая – потухших очагов и разрушенного дома: “Нет больше домашнего очага (...) Двери открыты на вьюжную площадь” (наст. изд., т. 7). Ср. в Первой главе “Возмездия” ст. 471–473. См. об этом в статье: Минц З.Г. Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 226–227.

Герой мой с головой ушел ~ в то неопределенно-бурное мирозерцание, которое смеялось над всем... – Ср. в статье “Ирония” (1908): «Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью (...) Эта болезнь (...) может быть названа “иронией” (наст. изд., т. 8).

С. 175–176 ...что отец его находится при смерти ~ бросился в Варшаву. – Известие о болезни А.Л. Блока поэт получил от его ученика Е.В. Спекторского. См. об этом в примеч. к письмам Блока к Спекторскому (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 299).

Одиночество в вагоне. – Ср. записи в ЗК₃₁ от 30 ноября и 1 декабря 1909 г.

“Жандармы, рельсы, фонари” ... Первые впечатления Варшавы. – См. черновой набросок первой редакции (ЧН₁₋₂ ЗК₃₁. Л. 38 об.): “Жандармы, рельсы и огни...” и далее.

Пролог ~ ребенок золотокудрый на руках. – Эта часть плана реализована Блоком в 1911, 1912 и 1916 г. См. раздел о творческой истории поэмы в наст. томе. Ср. в тексте Первой главы ст. 924–925. Первоначально план Первой главы (третьей редакции поэмы) намечался Блоком летом 1911 г. – см. “План первой части. (1878–1882)”.

Глава II. ~ о приближающейся кончине отца. – См. первоначальный план этой части поэмы среди планов, составленных весной 1911 г. (Л. 95: “Семья начинает тяготить...”), и в октябре 1911 г. (Л. 88). См. о “так и не написанной” Второй главе в Предисловии – наст. том, с. 50.

Глава III. ~ Зачат сын. – В работе над Третьей главой Блок использовал ранний замысел поэмы: см. раздел “Другие редакции и варианты”. Полностью этот план не был осуществлен. Ср. с планом Третьей главы в Предисловии; см. также наброски продолжения главы (наст. том, с. 71–73) и ЗК₂₉ (запись от 10 дек. 1909).

Глава IV. ~ Баррикада. – Ср. запись в Дн. от 3 декабря 1911 г. нового плана поэмы и совета матери – «окончить поэму тем, что “сына” поднимают на штыки на баррикаде».

Эпилог. Третья мазурка. ~ Два лейтмотива ~ Другой – мазурка. – Ср. наброски к третьей редакции (Л. 319 в ЧА_{III} Третьей главы и л. 238 в разд. черновых набросков третьей редакции № (9)), относящиеся к осени 1911 г., а также наброски 1921 г. к продолжению Третьей главы поэмы (наст. том, с. 71–73). Символический лейтмотив мазурки поэт в Предисловии объяснял как лейтмотив “возмездия” (см. наст. том, с. 51, 436–438).

Дед светел. В семью ~ (первый “отбор”), – Ср. те же темы в плане от 10 октября 1911 г.

Детство и юность сына. ~ Любо в ь. – Ср. с планами, составленными в октябре 1911 г. (л. 88–94).

Опять война – и за нею революция. – Имеются в виду русско-японская война и революция 1905–1907 гг. Началом реализации этого плана можно считать Вступление ко Второй главе.

Встреча – как рыцарь, закованный в броню – лица не видно. Безумие холодной страсти. – Ср. в Предисловии о “сыне” “демона”, “наследнике его мятежных порываний и болезненных падений” (наст. том, с. 50). О противоречиях психологии и духовности людей “бездомного” ХХ века Блок писал в статьях “Безвременье”, “Ирония”; ср.: “Исчезает лицо...” (наст. изд. Т. 7, 8). Ср. образ рыцаря, закованного в броню, в стих. “Снежная дева” (“Она пришла из дикой дали...”, 1907).

В 70-х годах жизнь идет “ровно” ~ почва под ногами. – Ср. с более ранним наброском этих эпизодов в плане, написан 10 октября 1911 г. (со слов “Вся суть в том, что прелесть той семьи...” далее – л. 92). См. изображение 70-х годов в Первой главе: ст. 365–556.

С. 176–177. Уже кругом – 1 марта. ~ появляется “странный незнакомец”... – См. Первая глава, ст. 587–913. Ср. в Предисловии: “Первая глава развивается в 70-х годах...” и далее (наст. том, с. 50).

И ребенка окружили всеми заботами ~ сумерки с трескающимся льдом и ветром. – Частично этот замысел Блок начал осуществлять в набросках 1921 г. (см. наброски продолжения Второй главы в наст. томе, с. 68). Автобиографический характер плана во многих деталях подтверждают мемуарные книги М.А. Бекетовой. (См.: *Бекетова I, Бекетова II, Бекетова II; Бекетова М.А.* Шахматово. Семейная хроника // ЛН. Т. 92. Кн. 3).

Петербург рождается новый, напророченный “обскурантом” Достоевским. – В статье “Безвременье” (1906) Блок писал об открытиях Достоевского-художника, о значении поставленных им вопросов русской жизни, в частности, для поэтов и писателей символистского круга. Об отношении к Достоевскому как “обскуранту” см. в “Матерьялах для поэмы” и коммент. к ним.

П л а н п е р в о й ч а с т и ~ хуже смерти – воровство интендантов. – Этот план был воплощен Блоком в Первой главе, см. ст. 87–256. Об изучении Блоком исторических и художественно-документальных источников о русско-турецкой войне см. в “Матерьялах для поэмы”

С. 178. В этой поэме я хочу указать на пропасть между общественным и личным ~ становится все глубже. – Ср. с записью в ходе работы над Первой главой: “Вот суть: Зависимость личной жизни от общей” (см. варианты ЧА_{III} Первой главы. Л. 23; наст. том, с. 203).

Начало – на рубеже 70–80-х годов. ~ чувства – простые и строгие. – Ср. с оценкой наследия раннего звена “единой цепи рода” в Предисловии: “...ценою, наконец, потери тех бесконечно высоких свойств, которые в свое время сияли...” (наст. том, с. 49).

Реформы отшумели. – Речь идет о реформе 1861 г. и последующем либеральном законодательстве: земской реформе 1864 г., реформе просвещения, цензурного устава и др. Блок изучал эпоху реформ, в частности, по кн. С.С. Татищева “Император Александр II, его жизнь и царствование. 2 тома” (СПб., 1903). См. в “Матерьялах для поэмы”

Еще жива память об измене Каткова. – Катков М.Н. (1818–1887), публицист, издатель “Русского вестника”, “Московских ведомостей”. В 30-х годах примыкал к кружку Н.В. Станкевича, в 50–60-е гг. занимал умеренно-либеральные позиции, с начала 60-х был апологетом правительственного курса, одним из вдохновителей контрреформ: восстано-

вления предварительной цензуры, введения сословных принципов в начальной и средней школе, отмены автономии университетов и др.

Рядом “злится” Щедрин. – Ср. в “Матерьялах для поэмы”.

Все заволакивается. 1-е марта. ~ готов зашуметь н а р о д. – План частично осуществлен в Первой главе (ст. 666–925) и Вступлении во Вторую главу.

То были г е р о и еще (дракон, спящая царевна). – См. запись из “Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях” А.С. Пушкина (наст. том, с. 187). Символический мотив сна использован во Вступлении во Вторую главу (ст. 1–13). Блок обращается к нему в статьях: “Солнце над Россией” (1908), “Народ и интеллигенция” (1909).

Профессор лучших времен Петерб(ургского) университета ~ берег Россию. – См. историю “дворянской семьи”, живущей “под петербургским небом” в Первой главе (ст. 365–556). Ср. с характеристикой А.Н. Бекетова в “Автобиографии” (1915).

Ну, а “Народная Воля”? – Ср. в плане, написанном 21 февраля 1913 г.: “Турецкая война и 1 марта” (Л. 85). Об изучении Блоком исторических, документальных и других источников о народолюбцах см. в “Матерьялах для поэмы” (конспекты книг А. Туна, С.Г. Сватикова и др.).

Итак – священен кабинет деда ~ Брэма... – Ср. с воспоминаниями детства в “Автобиографии” (1915). “Жизнь животных” – известнейшее в России сочинение немецкого зоолога А.Э. Брэма (1829–1884).

Гроб качается ~ мертвым сном... – Из “Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях” А.С. Пушкина: “Гроб качается хрустальный. // И в хрустальном гробе том // Спит царевна вечным сном”. Отрывок имеет печать биографических воспоминаний. Ср. свидетельство М.А. Бекетовой: “Няня Сося (...) читала ему вслух. Блок любил слушать пушкинские сказки” (Бекетова II. С. 35).

С. 179. ... Кот Мурлыка... – литературный псевдоним Н.П. Вагнера (1829–1907), зоолога и автора популярных “Сказок Кота Мурлыки”.

Топелиус Закрис (1818–1898) – финский писатель, автор сказок для детей, писал на шведском языке. В 1915–1916 гг. Блок переводил его сочинения (см. т. 11 наст. изд.).

...на другом конце квартиры веселится молодежь. ~ и Милютинская закваска... – Часть несущественного плана Второй главы. Ср. с описанием обстановки дома А.Н. Бекетова, ректора Петербургского университета в годы детства будущего поэта в мемуарных книгах М.А. Бекетовой: Блок переносил в детство “сына” свидетельства близких, традиции собственной семьи. *Милютинская закваска* – по имени Д.А. Милютина (1816–1912), фельдмаршала русской армии, военного министра (1861–1881), пользовавшегося репутацией либерала и реформатора военного дела.

Семья начинает тяготить. ~ Вино. – Из несущественных планов Второй главы.

На фоне каждой семьи встанут ее мятежные отрасли ~ предвестники и лучи его. – Ср. с размышлениями Блока в Предисловии о том, как развиваются “звенья единой цепи рода”, как “род, испытавший на себе возмездие истории (...) начинает (...) творить возмездие...” (наст. том, с. 50). Эту концепцию личности в “водвороте” истории Блок полнее всего выразил в облике “Отца”: см. Первую и Третью главы.

Черновые наброски к третьей редакции (ЧН_{III} ИРЛИ, ЗК_{33, 45, 47, 48})

(С. 177)

Черновые наброски к третьей редакции поэмы сохранились в ЧА_{III} (выделяются по характеру написания), по большей части на оборотных листах (см. примеч. в сносках), а также в записных книжках. Многие из них сопровождаются авторскими датами.

Впервые (частично) – *Медведев П.* Драммы и поэмы Ал. Блока. Из истории их создания. Л., 1928. С. 199; большая часть – *СС-12₅*. С. 192–200.

(4)

С. 182. Он стал, как пришшая комета, // Средь узаконенных планет. – Ср. у А.С. Пушкина: “Как беззаконная комета // В кругу расчисленном светил” (“Портрет”, 1828).

(6)

С. 182. Сын спускается по Краковскому предместью, в том самом месте... – Вероятна связь наброска с воспоминаниями о пребывании Блока в декабрьские дни 1909 г. в Варшаве. См. в записной книжке от 9 декабря: “Бродил один.” и 10-го: “У польки”. Ср. с наброском на л. 315 об. № (7): “И вот – я иду по Варшаве (Сакс(онский) сад) –”. Автобиографичность эпизода встречи героя с польской девушкой “из простых” и зачатия “сына” вызывает разное понимание исследователей. См. об этом в коммент. к Предисловию.

С. 183. Все так ужасно, что личная гибель, ~ Это – возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир. – Л.К. Долгополов видел в этой “исчерпанности личности” у Блока основу толкования “Возмездия” как “поэмы конца” (*Долгополов Л.К.* Александр Блок. Личность и творчество. Л., 1980 С. 132). По мнению М.Г. Петровой, в таком подходе сказывается недооценка устремленности замысла в грядущее, значимости мотива, связанного с последним звеном рода. “Возмездие”, по ее определению, “поэма продолжения” (*ЛН.* Т. 92. Кн. 4. С. 87–88, 117). См. об этом также в коммент. к Предисловию.

(9)

С. 184. Три мазурки... – Набросок касается лейтмотива “возмездия”, философско-романтической концепции восприятия мира в его едином музыкальном звучании. См. Предисловие и коммент. к нему.

(15)

С. 187. “Ветер, ветер! Ты могуч ~ Спит царевна мертвым сном”. – Отрывок из “Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях” А.С. Пушкина воспроизведен по памяти, не всегда точно. Пушкинский текст использован при описании детства героя (см. план на л. 93 с авторской нумерацией IX). В том же плане мотив “спящей царевны” – на л. VIII. В трансформированном виде он вошел во Вступление ко Второй главе (см. текст).

(22)

Конспект в *ЧА_{III}* третьей редакции Первой главы. Л. 43об., 43, 44.

Датируется до начала работы над темой 1 марта 1881 г. в Первой главе – предположительно 1914–1916 гг.

Впервые: *СС-12₅*. С. 188–189.

Конспект мемуаров О.С. Любатович “Далекое и Недавнее. Воспоминания из жизни революционеров 1878–1881”. (Былое. 1906. № 5–6). Записи фактов и цитат Блок в ряде случаев сопровождает попутными замечаниями (см. об этом далее). Мемуары использованы в описании сцен с народовольцами в Первой главе. См. коммент. к ней.

С. 190. П е р о в с к а я ~ ребяческий лоб. (...) Черное платье ~ воротник. – См. облик С.Л. Перовской в воспоминаниях Любатович: Былое. 1906. № 5. С. 222–223.

“Пророк” Мейербера. – Любатович рассказывала о посещении группой народо-вольцев оперы Мейербера – “любимой в революционных кругах”. Так было ознаменовано прощание с Перовской (по инициативе С. Кравчинского), собравшейся ехать в Харьков, чтобы помочь товарищам, попавшим в тюрьму. См.: Былое. 1906. № 5. С. 224.

Чудовского? – Попутная запись, не связанная с воспоминаниями Любатович.
Осенью 1878 Перовская бежала ~ (квартира Малиновской). – См. о побеге: Былое. 1906. № 5. С. 222–223. Квартира Малиновской была одной из конспиративных квартир народников в Петербурге. См.: *Там же*. С. 222, 225.

Сергей К р а в ч и н с к и й ~ гримаса. – Запись воспроизводит облик С. Кравчинского по воспоминаниям Любатович. См.: *Там же*. С. 212–213.

Комната набитая народом. Сдержанные речи. – См.: *Там же*. С. 210 и след. Запись передает общую характеристику, которую Любатович дает стилю жизни и поведению в среде революционных народников.

Крупные аресты 1878. – См.: *Там же*. С. 227, 236. Любатович рассказывает об арестах 1878 г. как одном из критических моментов в развитии народнического движения.

Плеханов был против царубийства. – См.: *Там же*. С. 221–222.

Стефанович, Дейч, Плех(анов) ~ “Черный Передел”. – О переломном моменте народнического движения, расколе в связи с разногласиями по вопросам тактики (обращению к террору и царубийству), о позициях Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча, Г.В. Плеханова В. Засулич рассказывается в обеих частях воспоминаний Любатович. См.: Былое. 1906. № 5. С. 221–222; № 6. С. 109–110.

“Вспышко-пускательство”. – См. Былое. 1906. № 6. С. 109–110: «...хотя большинство примкнувших к “Черному Пределу” старых членов “Земли и Воли” занимались исключительно культурной мирной деятельностью, в программу этой организации входило и бунтарство, или как раньше называли на севере – вспышко-пускательство; следовательно, в идее насилия им не было чуждо...»

“Программа – знамя ~ новых борцов”. – Неточное цитирование, см.: Былое. 1906. № 6. С. 111. Любатович характеризует обстановку в среде революционных народников после раскола на Липецком съезде: “К сожалению, у собравшихся не было достаточно свободного времени, чтобы (...) закончить и оформить эту программу, хотя все понимали, что программа – знамя, и что только она одна на смену погибающих может собрать новых борцов”.

Литературное ~ динамитное дело. – Об этих формах работы народников Любатович упоминает в связи с наступившим кризисом движения. См.: *Там же*. С. 111.

Кибальчич ~ занят какой-то думой. – Запись выделяет общие особенности психологического облика Н.И. Кибальчича. См.: *Там же*. С. 119.

Выход №№ “Народной воли” ~ готовность к бою. – Запись, близкая к цитате. См.: *Там же*. С. 129. Любатович, говоря о трудностях подготовки новой народнической программы после раскола в партии, отмечала: “...программа была отдана в набор, а задержать ее выход – значило задержать весь номер, правильное же появление номеров “Народной Воли” было, так сказать, равносильно появлению адмиральского флага на броненосце, знаменующего его готовность к бою”.

Знак в окне. – Об этом, одном из условных знаков конспирации Любатович упоминала в связи с подробными описаниями событий, участницей которых она являлась. См.: *Там же*. С. 115.

Халтурин ~ вдыхал ~ удушил(ивые) газы. – О самоотверженности С.Н. Халтурина в подготовке взрыва в Зимнем дворце Любатович рассказывала с искренним восхищением. См.: *Там же*. С. 127.

№-ж ж е н к у в з я т ь, № 6, стр. 124. – Блок выделил одну из деталей встречи нового – 1880 г. – группой народовольцев в Петербурге. См. *Там же*. См. так же коммент. к Первой главе (ст. 339–348).

Осенью 1878 ~ Геся Гельфман ~ (Литовск(ий) замок). – Ср. запись о Гельфман в дневнике 19 октября 1911 г. О трагической судьбе Гельфман Любатович рассказывает подробно. См.: *Там же*. С. 132–134.

Другое: К и б а л ь ч и ч ~ летательного аппарата. – Запись не связана с воспоминаниями Любатович.

Есть статья Щ е г о л е в а... – См.: *Щеголев П.Е.* После 1-го марта 1881 года // *Былое.* 1907. № 3(15), март. С. 290–302.

Т е м н о в л а с ы й. (о С. Кравчинском) – Ср. *Былое.* 1906. № 5. С. 212–213. См. запись о Кравчинском выше.

(23)

С. 191. Дидя возвращается из заседания... – Домашнее прозвище деда Блока по материнской линии – А.Н. Бекетова.

...кнут хлопает по крышке кареты. – См. “Матерьялы к поэме” и коммент.– с. 506.

Тургенев боится, что потерял популярность у молодежи. – Вероятно, суждение из бекетовского круга (старшего поколения). Подобные мнения высказывались в критике о Тургенева поздних лет. Например, по поводу романа “Новь”.

Варианты черного автографа (ЧА_{III} ИРЛИ)

ПРОЛОГ

(С. 191)

ЧА_{III} – на л. 4–10 авторской пагинации ЧА_{III} третьей редакции. Рукопись имеет также отдельную от других частей чернового текста поэмы авторскую пагинацию: л. 1–8. Заглавие – на отдельном листе. См. коммент. к л. 4. В заглавии “Народ и поэт” исследователи видят переключку, с оттенком полемики, с названием стих. Пушкина “Поэт и толпа” (1828). См.: *УЗ ТГУ.* 1973. Вып. 306. С. 263.

Впервые фрагменты ЧА_{III} Пролога публиковались в кн.: *Медведев П.* Драммы и поэмы Ал. Блока. Из истории их создания. Л., 1928. С. 214–215; затем – *СС-125.* С. 181–183.

Ст. 20–22, вар. в. И млату голос вторит в лад (...). Труд кончен. Брошен тяжкий млат. – Ср. у Пушкина в “Полтаве” (Песнь первая): “Так тяжкий млат, // Дробя стекло, кует булат”. Пушкинская реминисценция, по мнению З.Г. Минц, обусловлена связью Пролога с кругом идей пушкинской поэмы – героя и героического деяния в истории (*УЗ ТГУ.* 1973. Вып. 306. С. 264–265).

Ст. 49. Лишь сам себе судья последний... – Ср. в стих. Пушкина “Поэту” (“Поэт! не дорожи любовью народной...”, 1830): “Ты сам свой высший суд...”. Перефразирование пушкинского выражения вызвано близостью к пушкинской теме свободы личности художника.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

(С. 197)

ЧА_{III} Первой главы написан на л. 14–84 авторской пагинации (полулисты разного сорта бумаги – белой плотной, желтоватой, как плотной, так и более тонкой). Текст создавался в разное время – с 1911 по 1916 г. Отдельные части текста датированы Блоком (см. в примеч. к тексту вариантов). О времени создания каждой из частей Первой главы – см. также в описании истории создания поэмы.

Текст ст. 1–52 – на 5 листах (с 14 по 18) – с авторской нумерацией синим карандашом; перечеркнут красным карандашом, видимо, после того, как был перебелен в 1914 г.

для газ. “Русское слово”. На л. 14 – помета тем же карандашом: “Отдельн(ое) стих(отворение) и правка в стихе 20. Текст стихов 53–80 написан впервые в декабре 1914 г. на 4-х листах (с 19 по 23); отличается сортом бумаги, характером чернил. Текст перечеркнут красным карандашом после того, как был переписан набело для газетной публикации стих. “Два века”. Сверху л. 19 авторская запись тем же карандашом: “дек(абрь) 1914 – для “Рус(ского) Слова”. Стихи 81–83 написаны карандашом в 1916 г. на л. 22 (последний лист черновика, который выделен как стих. “Два века”). Ст. 84–92 начаты (текст чернилами на л. 24) в 1911, переписаны в 1914 (л. 23), правились карандашом в 1916 г. В основе текста ст. 87–213 – большой фрагмент, написанный осенью 1911 и весной 1912 г. Содержит позднейшую правку карандашом (первоначально написан чернилами).

Впервые опубликовано: *СС-12₅*. С. 181–190, с примечаниями Р.В. Иванова-Разумника.

После ст. 374. “Либерализм”! “Хоть имя дико” – Ср. в стих. Вл. Соловьева “Панмонголизм” (1894): “Панмонголизм! Хоть имя дико, // Но мне ласкает слух оно”.

ВТОРАЯ ГЛАВА

(С. 240)

ЧА_{III} Вступления во Вторую главу написан на л. 149–161 авторской пагинации. Л. 148 являлся обложкой первоначального текста, на л. 149 – начало наброска к ранней редакции. На л. 162 – наброски продолжения Второй главы (см. текст в разделе набросков третьей редакции – №₁₆). Работа над главой велась в марте 1911 г.

Впервые черновые фрагменты, не вошедшие в сборник “Скрижаль”, опубликованы в посмертном издании поэмы: *Блок Ал. Возмездие*. Пб.: Алконост, 1922. В подготовке издания принимали участие Л.Д. Блок и А.А. Кублицкая-Пиоттух. См. переписанные ими фрагменты Второй главы – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 8. Ед. хр. 3, 4.

Против ст. 8–14 на полях. (Усни под говор чудных слов) Лерм(онтов) – См. поэму М.Ю. Лермонтова “Мицри” (1840), строфу XXIII: “Усни <...> Пройдут года, пройдут века // Под говор чудных снов”.

После ст. 76, вар. б. Беги от этих зыбких мест ~ Что Петербург – глава России... – Отрывок содержит описание Петербурга в духе Достоевского. Ср. с блоковским представлением о верованиях Достоевского, связанных с идеями Петербурга и российской государственности, в статье “Безвременье” (1906): “... он забрел на конец света, где, в сущности, нет ничего, кроме болот <...> Кто-то уверил его, что там будто бы находится столица России, что туда стянулись интересы империи, что оттуда правят ее судьбами” (наст. изд., т. 8). См. об этом в кн.: Достоевский и его время. Л., 1971. С. 230–231; *Долгополов Л.К. На рубеже веков*. Л., 1985. С. 188–191.

Вм. 92–94. Как в страшном сне, но наяву ~ Мертвец и город – заодно... – Отрывок содержит полемически переосмысленные ассоциации с пушкинскими “Полтавой” и “Медным всадником”. Ср. в “Полтаве” – “Выходит Петр. Его глаза // Сияют. Лик его ужасен <...> Он прекрасен...” Ср. в “Медном всаднике”: “Природой здесь нам суждено // В Европу прорубить окно...” По мнению Л.К. Долгополова, негативное освещение Блоком петербургской темы связано с отрицательным отношением к власти рационализма и механической культуры. См. в его кн.: *На рубеже веков*. Л. 1985. С. 189–190. Блоковский подход к теме сопоставим с ее решением другими поэтами-символистами. См.: *Жирмунский В. Поэзия Александра Блока*. Пб., 1922. С. 31; *Орлов В. Поэт и город. Александр Блок и Петербург*. Л., 1980; *История русской литературы: В 4 т.* Л., 1983. Т. 4. С. 453.

Вм. 99–100. Спешил, поднявши воротник ~ Везла чухонка молоко... – Ср. с пушкинский приемом бытовых описаний. См. об этом: *УЗ ТГУ*. 1973. Вып. 306. С. 265.

ЧА_{III} Третьей главы написан осенью 1911 г.: см. помету на л. 287 перед текстом: “9 сентября.” В работе использовался текст второй редакции поэмы. См. авторские пометы на л. 312, 313, 315 об. Продолжение текста намечено на л. 319.

Впервые частично опубликовано – СС-12₅, С. 205–214, с примеч. Иванова-Разумника.

После ст. 292 (на полях л. 312). !О! О! О! Трескотня⟨.⟩ Мист⟨ический⟩ анархизм! – Идеи мистического анархизма (см. книгу Г. Чулкова “О мистическом анархизме” и альманахах “Факелы. I”) стали предметом обсуждения в 1905–1908 гг.; дискуссия вокруг них вернулась в журн. “Весы”. См. подробно об этой попытке сочетать мистические и общественные идеи, что обладало некоторой привлекательностью, созвучием с духовными запросами эпохи, в кн.: Лавров А В Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 219–227. Негативное отношение Блока к мистическому анархизму (“напыщенная риторика”) см. в ЗК₁₆: 1 августа 1907 г.

После ст. 460 (С. 260). Цынцырны – цынцырны – цынцырны – цынцы – Строка звукоподражания, по всей вероятности, в ритме мазурки.

После ст. 460 (С. 261) И за тебя, моя свобода, // Взойду на черный эшафот. – То, что развитие рода завершает герой из “случайного семейства”, сближает “Возмездие” с историей дворянского рода у Достоевского – в “Подростке”, “Братьях Карамазовых”. Но воззрения Блока начала 1910-х г. и полемичны по отношению к Достоевскому. Основное в этой полемике – «сама концепция “возмездия”». В ней все: и интернациональный пафос (Мария, мать младенца – полячка ⟨...⟩) и этический пафос ⟨...⟩ мужественной личности ⟨...⟩ и, наконец, общий революционный дух поэмы ⟨...⟩ решительно противопоставит и “почвенническим” воззрениям Достоевского, и его этическим взглядам, и его концепции русской государственности» (Достоевский и его время. Л., 1971. С. 246–247).

СТИХОТВОРЕНИЯ

СКИФЫ

(“Миллионы – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы...”)

(С. 77)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА ИРЛИ – Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 137. “29.1–30.1” (над текстом, первая дата – карандашом, вторая – чернилами), “1918” (над текстом слева, красным карандашом), без эпиграфа (опубл.: СС-12₅. С. 135–143); БАП ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 138. “30 января 1918”, без эпиграфа (опубл. частично: Медведев П. Драммы и поэмы Ал. Блока. Л., 1928. С. 191–192). БА ст. 21–30 – ЧукР, “30 января 1918”, заглавие: «Отрывок из “Скифов”» (опубл. ЧукП. С. 183, факсимиле; наборный оттиск без правки – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 205, “30 января 1918” (дата – автограф под текстом), без эпиграфа. Печ. текст журн. “Наш путь” – ИРЛИ. ЛББ. 94¹/₁₅₂, эпиграф вписан; печ. вырезка (из газ. “Знамя труда”) – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 3; печ. текст (из журн. “Наш путь”) – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 4–5; БАП – Т₁₀. Л. 13–15. “30 января 1918”; эпиграф вписан; БА₁ ст. 3–8 – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 2, “1920”, заглавие: «Из “Скифов” 1918 г.»; БА₂ ст. 73–76 – Там же. Л. 3, “9 мая 1920”, без заглавия.

Впервые: Знамя труда. 1918. № 137. 20(7) февраля.

Публикации: Наш путь. 1918. № 1. С. 78–80; Блок А.А. Двенадцать. Скифы. СПб.: Революционный социализм. 1918. Блок А.А. Скифы. Двенадцать // Испытание в грозе и буре. Берлин: Скифы. 1920. С. 45–46.

Перепечатки: Русская дума. 1918. № 7. С. 21–22; Вестник знания. 1918. № 10. С. 9–10; Отд. оттиск. Творчество. Владивосток. 1920. № 3. С. 1–2; в кн.: Солнечный путь. Сборник художественной поэзии. Кисловодск. 1921. С. 14–30 (см. также с. 301).

Печатается по тексту T_{10} с восстановлением знака в ст. 5. и 55 и правкой ошибок в строке 1 (у Блока: Милльоны), 35 (у Блока: гальский) и 63 (у Блока: дышет – что, Впрочем, могло быть у Блока и осознанным стилевым решением).

Черновой автограф стихотворения представляет собой запись на листках из записной книжки (возможно, уничтоженной Блоком). На обороте – деловые записи (см. в томе записных книжек). *ЧА* имеет две даты – о начале и конце работы: первая, “29.I”, тем же карандашом, каким написан текст *ЧА*, вторая, “30.I”, черными чернилами, которыми черновой текст перебеливался (см.: *БАП ИРЛИ*). К ним красным карандашом приписано: “1918”. Черновой текст отражает два этапа работы над произведением: сначала записывались опорные слова с большими пробелами между ними; попутно намечались строфы. В ходе дальнейшей работы Блок вписывал в эти пробелы новые стихи. Во втором слове частично правились варианты первого; нередко ранние варианты оставались незачеркнутыми.

Черновой текст отличался от перебеленного (*БАП ИРЛИ*) последовательностью нескольких строф: вторую строфу составляли ст. 13–16 основного текста (в раннем варианте), третью строфу – ст. 5–8, четвертую – ст. 9–12; пятая строфа *ЧА* соответствовала 5-ой строфе основного текста.

На отдельном листе написан ранний вариант 7-й строфы (ст. 25–28), ее место в *ЧА* не отмечено. Переписывая текст и правя его на следующий день в *БАП ИРЛИ*, Блок фактически завершил работу над текстом. В дальнейшем расхождения обнаруживаются только в пунктуации и в стихах 40-м, вариативность которого сохранялась и в *БАП T_{10}*.

Публикации имеют ряд пунктуационных особенностей. Возможно, стихотворение публиковалось по авторским спискам (не дошедшим до нас).

Все прижизненные публикации не имели эпиграфа. Он вписан автором в уже опубликованный текст в журн. “Новый путь” (экземпляр, сохранившийся в библиотеке Блока). Этот последний момент работы отражает *БА* в T_{10} , куда Блок также вписал эпиграф (с изменением во втором стихе).

Заглавие стихотворения, история его создания тесно связаны с группировкой литераторов, издавших в Петрограде в 1917–1918 гг. два выпуска сборника “Скифы”. Второй сборник вышел в январе 1918 г., Блок познакомился с ним тогда же и выписал из него в дневник стихотворение А. Белого. Идеологами группы “Скифы”, куда входили А. Белый, С. Есенин, Н. Клюев, Е. Лундберг, П. Орешин и др., были левозерновский публицист С.Д. Мстиславский (Масловский) и критик Иванов-Разумник, с которым Блок был близок в середине 1917 г. (об отношениях Иванова-Разумника и Блока см. в их переписке и вступительной статье к ней А.В. Лаврова: *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 366–414). Свою позицию “Скифы” называли “духовным максимализмом”; А.В. Лавров объясняет ее так: «“Вечную революционность” “скифы” противопоставляли “реформизму” и “духу Компромисса”, “святое безумие” – “благоразумию”, “искания непримиренного и непримиримого духа” – умеренности, трезвости и бескрылости “всесветного Мещанина”, который “губит искусство – в эстетстве, науку – в схоластике, жизнь – в прозябании, революцию – в мелком реформаторстве”. Беспредельная устремленность “скифов” к грядущему, к “революции духа”, открывающейся за реальность революции социальной, к “духовному преображению” глубоко импонировали Блоку, воспринимавшему революцию не столько в общественно-политическом, сколько в духовном, “музыкальном”, отчасти даже эсхатологическом аспекте, увидевшему в ней прежде всего мятежную бурю, стихийный мировой пожар...» (*Там же*. С. 376). В воспоминаниях о Блоке Иванов-Разумник писал: “Идея духовного максимализма, катастрофизма, динамизма – была для Блока тождественна со стихийностью мирового процесса; только случайным отсутствием Александра Александровича из Петербурга и спешностью печатания сборника объяснялось отсутствие имени Блока в “Скифах” (*Иванов-Разумник*. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг. 1923. С. 223–224). Блок упоминает о сборнике “Скифы” в письме к Иванову-Разумнику от 26 апреля 1917 г. В конце 1917 – начале 1918 г. “Скифы” как группа и вместе с ними Блок воссоеди-

няются сначала на страницах левозсеровской газеты “Знамя труда”, затем на страницах левозсеровского журн. “Наш путь”, литературный отдел обоих изданий редактировал Иванов-Разумник. Блоковское стих. “Скифы” предполагалось напечатать в третьем выпуске сборника, который не был осуществлен. Создание стих. “Скифы” отчасти связано с этим предполагавшимся изданием; Иванов-Разумник вспоминал свою беседу с Блоком о стихотворении Брюсова “Древние скифы”, которое открывало первый выпуск сборника “Скифы”: “Тогда мы говорили с Александром Александровичем, насколько эти брюсовские “Скифы” мало подходят к духу сборника (...), говорили и о том, какие “Скифы” должны бы были быть напечатанными, чтобы скифы были скифами, не “древними”, а вечными. А.А. Блок напомнил об этом разговоре, когда в начале восемнадцатого года дал мне прочесть только что написанных своих “Скифов»” (Там же. С. 224).

Творческая среда “скифов” и “скифская” идеология были весьма важны для А. Блока именно в пору работы поэта над “Скифами”. “Небольшая группа писателей (...) была настроена революционно... Сам я участвовал в этой группе, и травля, которую понимали против нее, мне очень памятна.” – писал Блок в 1920 году (СС-125 С. 133).

Революционность “Скифов”, как и революционность самого Блока в 1917–1918 гг., имела не только злободневно-политические, но и глубинно-философские, культурологические предпосылки. В “скифской” периодике (это, в первую очередь, – сборники “Скифы” 1917 и 1918 годов, “Литература и революция” – “спецвыпуск” газеты “Дело народа”, под редакцией Иванова-Разумника, выходящий в свет летом и осенью 1917 г.; газ. “Знамя труда” 1917–1918 гг., журн. “Наш путь” 1918 г.), даже в чисто художественных по жанровой установке произведениях участников группировки, датированных 1917–1918 гг., бросается в глаза глубинная разработка историко-философской и культурфилософской проблематики. В деятельности группы активно участвуют теоретики литературы, критики, эссеисты – Иванов-Разумник, С.Д. Мстиславский, Е.Г. Лундберг, К. Эрберг (К.А. Сюнненберг), молодой музыковед Арс. Авраамов, начинающий философ А.З. Штейнберг. В пору сближения со “скифством” Н.А. Клюев и С.А. Есенин не только претворяют в стихотворных строках, но и теоретически рефлектируют свой интерес к народной культуре, ее историческим истокам и задачам (см. об этом: *Базанов В.* Древнерусские ключи к “Ключам Марии” Есенина // Миф. Фольклор. Литература. Л., 1976. С. 204–249). Наконец, Александр Блок и Андрей Белый связаны со “скифством” не только как поэты, но и как авторы статей эстетико-философского содержания.

Отнюдь не случайно стала детищем “скифства” Вольная философская Ассоциация (см.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 380–382, С. 412–413; *Гаген-Торн Н.* Вольфила: Вольная философская ассоциация в Ленинграде в 1920–1922 гг. // *Вопр. философии.* 1990. № 4. С. 88–104; *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж: Синтаксис, 1991. С. 20–107).

“Восхождение нового мирозерцания – вот что мы должны проповедовать” – эти слова А.И. Герцена, любимые и часто повторяемые Ивановым-Разумником, могли бы стать эпиграфом ко всему явлению “скифства”. Неистовый пафос группировки был основан на вере в революционно-мессианское предназначение России, в высший символический смысл отечественных событий 1917 г. Русскую революцию “Скифы” восприняли не столько как социально-политическое потрясение, сколько как пролог к революции Духа, начало новой, огромной исторической эпохи, “третьего тома мировой истории”. И, подобно “первым томам” – “античному” и “христиано-европейскому”, – эпоха эта должна была создать новый тип личности, выработать новую, универсальную систему ценностей, принести с собою новое понимание добра и зла. Сам Иванов-Разумник подчеркивал: философские поиски “скифства” одушевлены идеей созидания “новой веры и нового знания, идущих на смену старому знанию и старой вере христианства: (*Иванов-Разумник* Россия и Инония, Берлин: Скифы, 1920. С. 8). О “дружественном пире” христианства и язычества в духе, близком “скифству”, задумывался, еще до стих. “Скифы”, и сам Блок – при доработке и подготовке к печати стих. “Измучен бурей вдохновенья...” в 1916 г. (т. 1 наст. изд.). См. также: *Блок А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 1. С. 441.

Среди самых значимых для “скифской” идеологии проблем была и проблема России и Европы, их исторической преемственности и, в известном смысле, духовного противостояния. В сознании “Скифов” проблема России и Европы была тесно связана с проблемой культуры и цивилизации. Впрочем, обе проблемы и неразрывная их взаимосвязь отнюдь не были духовным достоянием только “скифства”, скорее, наоборот – “скифство” было одной из последних по времени попыток разрешить эти вопросы. Поставлены же они были значительно раньше.

В 1922 г. Ф.А. Степун писал о русской философии: “она вся, от Ивана Киреевского до Владимира Соловьева и Льва Толстого посвящена вопросу обезбоженья европейской культуры, то есть вопросу европейской цивилизации” (*Степун Ф. Освальд Шпенглер и Закат Европы // Освальд Шпенглер и закат Европы. М.: Берег, 1922. С. 29*). Здесь же Степун указывал: русская философия XIX в., параллельно с Фр. Ницше, разгадала “с пророческой силой образ этой цивилизации, как образ уготованной Европе смерти” (*Там же. С. 15*).

Ф.А. Степун сформулировал то, что для людей его культурной формации, для той части русской творческой интеллигенции 1900-х–1910-х гг., которая была близка к кругам искателей нового религиозного сознания, к художественно-философским исканиям “младосимволистов”, символистов-“соловьевцев”, отнюдь не нуждалось в доказательствах, было, скорее, общим местом, неотъемлемой посылкой собственного философского творчества.

Тема духовного оскудения Европы, вырождения европейской культуры от высокого великолетия Средневековья и Ренессанса – до “плоской”, “буржуазной”, позитивистской по своей философской основе, технократической, “машинной” цивилизации XIX в.; тема пагубности рационализма как основного принципа мышления Европы и глубинной причины ее “вырождения” была значима для многих русских писателей и мыслителей XIX в., причем, как правило, Европе –местилищу великого прошлого и духовно оскудевшего настоящего –противопоставлялась Россия – страна исторически молодая, живущая иными, высокими началами, поиском духовного Абсолюта или социальной справедливости; приговор европейской цивилизации, как правило, сочетался с глубокой верой в будущее русской духовности и культуры, в “свет с Востока”, видимый всему миру. Эта общая “почвенническая” установка у разных авторов получала различное воплощение; в этом ряду могут быть перечислены и И.В. Киреевский с его убеждением: “Европа высказалась вполне. В девятнадцатом веке она, можно сказать, закончила круг своего развития, начавшийся в девятом. Россия... была постоянно останавливаема на пути своего просвещения, так что для настоящего времени могла она сберечь не полное и досказанное его выражение...” (*Киреевский И. Критика и эстетика. М., 1979. С. 255*), и вечный оппонент русских славянофилов А.И. Герцен с его не менее стойкой, чем у Киреевского, уверенностью: “роль *теперешней* Европы кончена... она разлагается с неизменною быстротой. ...погибнут *государства*, погибнут учреждения, римские, христианские, феодальные и умеренно-парламентарные...”, причем, “если революционный социализм не в состоянии будет докопать вырождающийся общественный строй, его доконает Россия” (*Герцен А. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1957. Т. 12. С. 167, 177*).

“Русский вопрос” понят Герценом как «новое пришествие варваров, чующих агонию, возвещающих старому миру “*memento mori*”» (*Там же. С. 177*), причем “страшное влияние”, которое Россия оказывает на Европу – “признак полудикой силы, необузданной, но могучей юности” (*Там же. С. 183*).

К размышлению Киреевского о роли русской духовности в будущем развитии человечества, к пророчествам Герцена о роли России в социально-политическом будущем Европы, в общем духовном развитии России XIX в. добавились и историко-философские идеи Ф.И. Тютчева, высказанные в лирике и незавершенных историсофских трактатах (см. *ЛН. Т. 97. Кн. 1. С. 183–230*), и публицистика Ф.М. Достоевского с саркастическими портретами “брибри” и “мабишь” – детищ “цивилизованной” Европы XIX в. (“Зимние заметки о летних впечатлениях” (1863)), с верой в будущее России как духовного светоча бу-

дущего человечества (см.: “Дневник писателя” (1876–1881)); сокрушительная критика форм и норм “цивилизованной” жизни в прозе Л.Н. Толстого; историко-философские идеи Н.Я. Данилевского, изложенные в книге “Россия и Европа” (1869), концепции К.Н. Леонтьева, разработанные в книге “Восток, Россия и славянство” (1885–1886), а в самом конце века – многочисленные труды В.С. Соловьева, посвященные проблеме России – великой соединительницы Востока и Запада, могущей дать человечеству духовный синтез наследия двух великих цивилизаций. В трудах Соловьева к проблеме России и Европы добавлен еще один важный аспект: проблема “панмонголизма”, мистической опасности “дальневосточного” нашествия на Европу. Философ уверен, что “дальняя Азия, столько раз выславшая опустошительные полчища своих кочевников на христианский мир, готовится... одолеть нас своими культурными и духовными силами, сосредоточенными в китайском государстве и буддийской религии” (*Соловьев Вл. Собрание сочинений*. СПб., [б.г.]. Т. 5. С. 410; см. также труд философа: “Китай и Европа” (1890)). Кроме того, в историко-философских работах В.С. Соловьева развита по-своему унаследованная от Ф.М. Достоевского тема “всеотзывчивости” русского человека как значимой черты национального мышления; “...будь верна себе, своей национальной особенностью и в силу ее будь универсальна” – по Соловьеву, именно такой завет оставила России вся ее история послепетровского периода (*Там же*. Т. 6, С. 669).

Таким образом, русский XIX в. оставил в наследство “веку серебряному”, прежде всего художественно-философской культуре “младосимволизма”, широкий спектр традиций почвенничества, противостоявших миру вырождающейся и гибнущей позитивистской цивилизации. Предшественником “скифской” идеологии стал А.И. Герцен. А.В. Лавров считает, что контуры “скифского” мироощущения впервые обозначились в статье Иванова-Разумника “Человек и культура (Дорожные мысли и впечатления)” (1912), в которой “утверждая “глубокую ненормальность” открывшегося ему стиля европейской жизни, Иванов-Разумник обнаруживает себя носителем своего рода “почвеннических” убеждений, но с ярко выраженным революционным уклоном” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 376). Отдельные аспекты “скифского” мироощущения сформировались в цикле статей Иванова-Разумника о Герцене. Так, в статье “Герцен и Михайловский” (1905) исследовано содержание понятия “мещанство” у Герцена (важнейшее здесь: восприятие “мещанства” как “общей уюсти понятий и плоскости чувствований”, которая в XIX веке “переступила сословную черту и различалась широким потоком по всей Европе” (*Иванов-Разумник*. А.И. Герцен. 1870–1920. Пг.: Колос, 1920. С. 49) и уверенность в том, что “мещанство – окончательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие” (*Там же*. С. 50). Здесь же ставится вопрос о возможности иного, “не мещанского” пути развития для России – в отличие от Европы.

В статьях “Драмы Герцена” (1912), “Герцен о демократии и мещанстве” (1912), “Герцен и революция 1848 года” (1912), “Философия истории Герцена” (1908) Иванов-Разумник пишет об остром интересе Герцена к эпохам “глобального” слома системы ценностей, к моментам, когда “с всемирным грохотом рушился старый мир – старый Рим, – когда что-то новое, неведомое поднималось на развалинах старого. ...Так будет и в величайшей всемирной революции будущего... крушение старого мира близко... надо создавать новое содержание для новых форм” (*Там же*. С. 79). С проблемой смены исторических эпох для Герцена тесно связана тема “нового варварства”, несущего с собой залог нового мирозерцания, новой жизни и культуры.

“...Варварство младенчества, полное неустроенных, но здоровых сил, заменит старческое варварство; дикая, свежая мощь распахнется в молодой груди юных народов и начнется новый круг событий и третий том всемирной истории”, – цитирует Иванов-Разумник герценовское предсказание эпохи европейских революций 1848–1849 гг. и, перенося его на предреволюционную ситуацию в России 1910-ых гг., заключает: “Этот третий том – социализм. ...И вот мы читаем теперь предисловие в этому третьему тому” (*Там же*. С. 108–109).

Еще важнее проблема “обновления крови” культуры будет для соратников Иванова-Разумника по “скифству” – А.А. Блока и Андрея Белого.

“Революционное почвенничество” Герцена и, особенно, Иванова-Разумника имело эсхатологический оттенок, с уверенностью в том, что возникновение “мира нового” невозможно без крушения “мира старого”, без истребления “всех социально-политических ценностей “христиано-европейской эпохи””; уверенность в том, что “старый мир” заслуживает своей участи ожесточенным сопротивлением “миру новому”.

У Герцена есть несколько эпистолярных высказываний, чрезвычайно значимых для Иванова-Разумника, цитируемых им много раз, в различных статьях. Так, письмо Герцена Н.Х. Кетчеру и Н.М. Сатину от 5–8 ноября 1848 г. цитируется в статьях “Драмы Герцена”, “Герцен и революция 1848 года”. Но особо важно для нас то, что эти же фрагменты возникают в статье “Благоразумные и безумные (Герцен о наших днях)”, впервые опубликованной в газете “Знамя труда” 9 января 1918 г., то есть – в пору интенсивной работы Блока над “Скифами”. В январе 1918 г. Е.Г. Лундберг, участник группировки “Скифы”, заносит в дневник: “Иванов-Разумник читает вслух замечательные отрывки из писем Герцена 1848–1849 годов” (*Лундберг Е.* Записки писателя. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. Т. 1. С. 118). Напомним, что блоковские “Скифы” были завершены после разговора с Ивановым-Разумником в редакции газеты “Знамя труда” (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 377). “Замечательные отрывки из писем Герцена” представляются тесно связанными по историко-философской проблематике и тональности со стихотворением Блока.

“Или Европа падает под ужасными ударами социализма... или Европа, какова она есть, со всей своей рутинной вместо идей, со своею старческой дряхлостью вместо энергии, – победит социализм и, как вторая Византия, станет влачиться в длительной апатии... Будь возможен третий исход, он был бы хаосом всемирной войны без победы с чьей-либо стороны...” (цит. по *Иванов-Разумник.* Год революции. СПб.: Революционный социализм, 1918. С. 203) – предсказывал Герцен. “Теперь дайте место безумию, бешенству крови, которыми или Европа себя убьет, или реакция... теперь миллион отсюда, миллион оттуда, с иголками и другими пружинами. Теперь пойдут озера крови, моря крови, горы трупов... а там тиф, голод, пожары, пустыри. А! господа консерваторы, вы не хотели даже такой бледной республики, как февральская, не хотели подслащенной демократии... Вы хотели порядка. Будет вам за то война семилетняя, тридцатилетняя...” (цит. по: *Иванов-Разумник* А.И. Герцен. 1870–1920. С. 8–9).

Однако нельзя связывать содержание этого стихотворения только с идеологией скифства. Эта идеология лишь разбудила и по-новому оформила заветные мысли Блока о стихии и культуре, которые он развивал в цикле статей “Россия и интеллигенция”. Эти статьи Блок в начале 1918 г. систематически перепечатывал на страницах газеты “Знамя труда” и готовил отдельным изданием (см.: *Блок А.* Россия и интеллигенция. М., 1918).

Многие из “скифских” тезисов Блок мог слышать от Иванова-Разумника еще в 1914 г., в пору их первого сближения, многочасовых бесед в издательстве “Сирия” (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 372). Вероятней, однако, возвращение критика и поэта к этой культурфилософской проблематике именно в первые послеоктябрьские недели, на рубеже 1917–1918 гг.

Представляется возможным также, что в разговорах среди “скифов” в пору работы Блока над “январской” трилогией упоминалась статья А.И. Герцена “Старый мир в России”. В частности, строки этой статьи, высоко ценимой Ивановым-Разумником: “Россия точно так же может овладеть Европою до Атлантического океана, как и подвергнуться европейскому нашествию до Урала. В первом случае Европа должна быть разрозненной. Во втором – тесно сплоченной” (*Герцен А.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 12. С. 177–178), – могли, в свете политической обстановки первых недель 1918 г. и эсхатологических настроений, которым, по свидетельству Е.Г. Лундберга, были охвачены участники группировки в эти недели, казаться пророческими.

А.В. Луначарский в 1928 г. писал: “Блок только находил в Иванове-Разумнике подтверждение своих собственных настроений” (СС-12, С. 43). Это верно: истоки темы России и Европы в творчестве и творческой философии Блока значительно шире, тема эта проходит почти через все творчество поэта, особенно значима она для критической прозы Блока. Тема “Россия и Европа в мировосприятии Александра Блока” посвящена монография Р.Д. Клюге (ФРГ) (*Kluge R.D. Westeuropa und Rußland im Weltbild Aleksandr Bloks*. München. 1967), о различных аспектах и традициях блоковского почвенничества см. также: Максимов И. С. 339–355; Минц З. Ал. Блок и Л.Н. Толстой // УЗ ТГУ. 1962. Вып. 119. С. 232–278; Минц З. Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 217–247; Минц З. Александр Блок и традиции русской демократической литературы XIX века. Тарту, 1973. Уже в статье “Девушка розовой калитки и муравьиный царь” (1906) возникает тема России и Европы, кристаллизуется блоковское убеждение: «Здесь нет “заветного”, потому что “завет” обращен лицом к будущему. Неподвижный рыцарь – Запад – все забыл... И стал он благообразен, как пастор, брит и бледен» (СС-8₅, С. 89). В этой же статье, в смежной с нею по времени и, отчасти, по проблематике статье “Поэзия заговоров и заклинаний” (1906) прекрасному прошлому европейской культуры противопоставлена русская народная словесность, ее полужазыческая магия и наивная мистика, воспринятые Блоком как “руда” культуры будущего, скрытая в недрах России, в “зачарованном кольце жизни народной души, которая до сих пор осталась первобытной” (СС-8₅, С. 38).

Проблема “Россия и Европы” была художественно-философским сознанием 1900-х–1910-х гг. воспринята творчески, развита и осложнена. Так, в середине 1900-х годов в отечественном литературном процессе начинает звучать мысль об “усталости”, “книжности”, чрезмерной утонченности не только европейской – но и русской культуры того времени. В.И. Иванов обозначил это состояние культуры емким определением “александрийство”. Сопоставление отечественной культурной современности с развитой, утонченной, вырождающейся культурой позднего эллинизма привело за собою антимическую тему “грядущего варварства”.

Напряженным ожиданием и поиском “грядущих варваров”, долженствующих разрушить старую культуру и создать новую, принципиально иную, исторически юную и полную жизненной силы, – наполняется отечественная культура во второй половине 1900-х годов (см. об этом: *Корецкая И. К истории “Грядущих гуннов” Брюсова // Динамическая поэтика. От замысла к воплощению. М., 1990. С. 177–191*).

Отечественная эстетическая мысль примеряла “грядущему варварству” различные исторические маски, в том числе – маску “скифа” (см., прежде всего, цикл В.И. Иванова “Парижские эпиграммы” (1891)). И хотя в творчестве Блока образ “скифа” появится лишь в стихах 1918 г., но этот образ окажется в глубинном родстве с важнейшим для блоковской творческой философии мотивом “стихий народной”.

На генетическую связь стих. “Скифы” со статьями “Народ и интеллигенция” (1908), “Стихия и культура” (1908) указывал А. Альтшулер (*Альтшулер А. Ненавидящая любовь: (Заметки о “Скифах” А. Блока) // Вопр. лит. 1972. № 2. С. 68–78*). Исследователь подчеркивал: связь эта тем более значима и тем более явственна, что в 1918 г. Блок перепечатывает обе статьи 1908 г. в газете “Знамя труда”. Самая пронзительная нота обеих статей – пророческое предупреждение о тайной слабости “культуры”, о беспечности ее “аполлинического сна” (СС-8₅, С. 354), о возможности и реальности грядущей гибели культуры под натиском “стихий”.

Строка Г. Ибсена “Юность – это возмездие”, избранная эпиграфом к поэме “Возмездие”, выражает глубинный принцип мышления и мироощущения Блока. В данном случае натиск “стихий” на старый мир – есть форма возмездия исторической юности. При сопоставлении “Скифов” со статьями “Народ и интеллигенция”, “Стихия и культура” сразу же встает вопрос о еще одном смысловом пласте стихотворения, еще одном его лирическом адресате. Противостояние политико-географическое в стихотворении “Скифы” осложнено и размыто противостоянием историко-философским.

Иванов-Разумник в статье “Испытание в грозе и буре” (1918) подчеркивал: в стихотворении Блока речь идет не о географической России, но о “народной душе” России: «...знает поэт, что “пригожая Европа” есть и в России (культурные либералы, мещане социалисты)”, что противостоит “духовному максимализму” “скифства” – именно Европа символическая, “Европа под знаком либеральной культуры”» (Иванов-Разумник Александр Блок. Андрей Белый. Пг.: Алконост. 1919. С. 155).

А. Альтшулер в статье, упомянутой выше, обратил внимание на черновой вариант третьей строки “Скифов”: “Да, жулики, да, азиаты, мы” (СС-8з, С. 630), возвел эту строку к реплике Л.Д. Блок, записанной А.А. Блоком: “Народ талантливый, но жулик” (Дн 4 янв. 1918). В дневниковой записи 7 января 1918 г., в плане пьесы о Христе, появляется это же слово, относится оно к характеристике Иуды: “Жулик (то есть великая нежность в душе, великая требовательность)”. Неполное и неточное, для Блока в январе 1918 г. слово это означает многое. В дневниковой записи от 4 января 1918 г. за репликой Л.Д. Блок следует фраза: “Разрушают (церкви, Кремль...) только из озорства. Я спросил, нет ли таких, которые разрушают во имя высших ценностей”. Весь контекст разговора связывает реплику Л.Д. Блок с очень важной и больной не только для Блока, но и для всей русской интеллигенции в 1917–1918 гг. темой – темой подлинного облика и образа народа.

Это – сквозная тема дневников и записных книжек Блока во второй половине 1917 г., это – внутренняя тема “январской трилогии” (прежде всего – статьи “Интеллигенция и революция”). Дневники 1917 г. полны полемики с “либеральной” периодикой тех месяцев (журналы П.Б. Струве “Русская мысль” и “Русская свобода”, журнал Г.И. Чулкова “Народоправство”). Трагическая эмпирика весны–лета–осени 1917 г. заставляет либеральную интеллигенцию сомневаться в истинности возвышенно-идеального образа русского народа (что весьма драматично для самих усомнившихся).

Такие сомнения посещают и Блока: уже 26 мая 1917 г. в письме матери в Шахматово он тревожится о ней, живущей в имении, и добавляет вскользь: “...кадеты правы, и Горький с “двумя душами” прав, и в большевизме есть страшная правда”. Если “правда большевизма” – правда исторического возмездия “стихий”, напряженно ожидаемая Блоком, предначертанная им еще в статьях 1908 г., то “правда” о “двух душах” в письме от 26 мая 1917 г. – явный отклик на фельетон А.М. Горького, появившийся в газете “Новая жизнь” 18 мая 1917 г., в котором Горький, давая краткий обзор эмпирики революционных месяцев, пишет, что реальное течение революции подтверждает его худшие опасения, сформулированные в статье “Две души” (см.: *Горький М. Две души //* Летопись. 1915: Декабрь. С. 123–134), реально свидетельствует о наличии “азиатского начала”, стихийно-жестокое, в русской душе (см. *Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре*. Пг.: Культура и свобода, 1918. С. 40–41). В эти же месяцы “кадетские публикации” (среди них – П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, А.С. Изгоев и др.) ведут в статьях неустанную борьбу с идеализацией “стихийности”, с преклонением интеллигенции перед волей “стихий”.

Так, в мае 1917 г. журн. “Русская свобода” пишет: “Русские большевизм и максимализм есть порождение азиатской души, отвращающейся от западных путей культурного развития и культурного творчества. (...) Русский революционный социализм легко переходит в извращенный русский messiаниззм. ...В русской революционной стихии вечно рождается разгоряченная мечта о царстве Божием на земле, царстве всечеловеческом, которое раскроется миру из пожара, загоревшегося в России. (...) Основана эта идея на преклонении перед народом и народной стихийностью (...) / *Бердяев Н. Интернационал и единство человечества //* Русская свобода. 1917. № 3. С. 10). В своих предостережениях против “народопоклонства” некоторые либеральные публикации заходят крайне далеко, тональность статей начинает противоречить всем традиционным представлениям о народе, всему “кодексу гражданской чести” русской интеллигенции конца XIX – начала XX в.

Так, в июне 1917 г. В. Муравьев пишет: “Разве можно вывести Россию в таком виде на суд Европы? Там культура веков (...) А мы (...) ничего не находим лучшего, как ввести в общечеловеческий дворец пьяного и распущенного камаринского мужика.

И русская интеллигенция с ее утонченным умом и нежной исстрадавшейся душой должна терпеть пытку, видеть, как от ее имени, во славу самых священных заветов ее, он пляшет, выплевывая семечки, в непристойном безнравии, перед миром.

(...) Неужели же это – новое слово, которое мы несем человечеству?” (*Муравьев В. Лжеосвобождение // Русская свобода. 1917. № 9. С. 5.*) Этот номер журн. “Русская свобода” был получен и внимательно прочитан Блоком (см.: *СС-87, С. 291*). 19 июня 1917 г. в дневнике поэта появляется запись: “Какое *право* имеем мы (мозг страны) нашим дрянным буржуазным недоверием оскорблять умный, спокойный и много знающий революционный народ?... Нет, я не удивлюсь еще раз, если нас пережут во имя ПОРЯДКА”. В позднейших записях (июль–сентябрь 1917 г.) Блок ведет мучительную борьбу с самим собою, с собственным внутренним голосом. Убеждение в том, что “народ – наверху” (8 июля 1917) подвергается натиску драматических новостей, давлению аргументации “либералов”, попытке собственными сомнениями. Драматический конфликт историко-философской установки и эмпирики готов разрешиться острой жалостью к “бедным, озлобленным, темным, обиженным” (6 авг. 1917, стремлением открыть “в этой жестокости хоть ее несчастную, униженную сторону”.

Сближение с литературной группировкой “Скифы”, мессианский пафос и эсхатологический восторг “скифской” идеологии помогают Блоку вытеснить из сознания противоречия и мучительные опасения. Общим ответом на предостережения “кадетской” периодики становится статья “Интеллигенция и революция”, но тема “защиты” “народной души” звучит и в стихотворении “Скифы”. “Пестумы”, от которых может не остаться следа в ходе мировых катаклизмов, – это не только европейские, но и русские “кремли, дворцы, картины, книги” (*СС-86, С. 16*), старые усадьбы, гибнущие в огне революции. И блоковский призыв “Придите к нам!” – есть не только призыв к Европе “демократическим миром” смыть “позор (...) военного патриотизма” (*СС-87, С. 317*), но и убеждение 1908 г., высказанное в письме К.С. Станиславскому в связи с резко отрицательной оценкой П.Б. Струве статьи “Народ и интеллигенция”: “*Не откроем сердца – погибнем... Полтора стомиллионная сила пойдет на нас, сколько бы штыков мы ни выставили, какой бы “Великой России” (по Струве) ни воздвигли. Свято нас растопчет; будь наша культура – семи пядей во лбу, не останется от нее камня на камне*” (*СС-88, С. 265*). Эта же строка блоковского стихотворения связана идейной и ассоциативной связью со строками статьи “Интеллигенция и революция”: “Как аукнется – так и откликнется... Чем дальше будет гордиться и ехидствовать интеллигенция, тем страшнее и кровавее может стать кругом” (*СС-86, С. 19*).

Строка “Товарищи! Мы станем – братья!” также может являться откликом на типичное для либеральной периодики 1917 г. противопоставление революционного понятия “товарищества” и христианского братства; может быть понята как отклик на статью Н.А. Бердяева, посвященную этой проблеме, и опубликованную 8 января 1918 г. «За эти месяцы в России, – писал философ, – слово “товарищ” приобрело смехотворное и почти постыдное значение. С ним связано у нас истребление гражданства и окончательное отрицание братства любви. Класс в лице “товарища” восстал на человека...» (*Бердяев Н. Класс и человек // Народопрямство. 1918. № 20. С. 3.*)

Этому смысловому пласту блоковских “Скифов” придает дополнительную глубину то обстоятельство, что большинство российских “либералов” “веховской” ориентации (особенно активно – Н.А. Бердяев) в своей философской и публицистической практике старались пересмотреть традиционную мифологию “России и Европы”, отойти от апологии “духовного максимализма” России, ее вечной “тяги к Абсолюту”. “Либералы” призывали русских интеллигентов “усвоить себе некоторые западные добродетели, оставаясь русскими” (*Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности.*

М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. С. V). Вскоре после опубликования “Скифов” в журн. “Русская мысль” появится статья Бердяева “Идеи и жизнь”, где революционная действительность определена как “гибель русских иллюзий” и с предельной силой выражено требование: наконец, понять, что “народу” поклоняться нельзя (...) “народ” нужно просвещать, подымать, приобщать к цивилизации. (...) Пора уже отказаться от той русской иллюзии, что русским нужно исключительно самое конечное и последнее. Пора излечиться от утопий, от зловредной социальной мечтательности, пора религиозно смиряться перед реализмом, перед правами относительного и среднего” (*Бердяев Н. Идеи и жизнь // Русская мысль. 1918. № 1–2. С. 105*). Требование смирения “перед законом цивилизации, перед культурой” (*Там же. С. 105*), призыв к “постепеновству” – в корне, философски противоречит и противостоит “духовному максимализму”, “бездничеству” “скифской” идеологии, в том числе – блоковскому требованию в статье “Интеллигенция и революция” “*Переделать все*” (*СС-86. С. 16*).

Значимо и то, что “либералы” в годы первой мировой войны, а также – после февраля 1917 г. стояли за продолжение войны до победного конца. Это было язвительно отмечено Ивановым-Разумником в статье “Испытание огнем”; среди тех, кому инкриминируется “позор военного патриотизма”, названы С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон, В.И. Иванов, В.Ф. Эрн (см.: *Иванов-Разумник Испытание огнем // Скифы. Сборник 1. Пг., 1917. С. 278–282*). После февральской революции 1917 г. “либералы” пытались дать в статьях философское обоснование необходимости политического сближения и духовного взаимопроникновения России и европейских стран – прежде всего, Англии. Эта тема значима для статьи С.Н. Булгакова “Человечность против человекобожия” (1917), о которой есть упоминание в дневнике Блока 30 июля 1917 г., для книги В.И. Иванова “Родное и вселенское” (1917).

Стихотворение “Скифы” было написано в два дня – 29 и 30 января 1918 г., на волне того творческого подъема, который начался у Блока в январе 1918 г., в момент создания поэмы “Двенадцать” и статьи “Интеллигенция и революция”.

Дневники и записные книжки Блока этих дней переполнены записями и заметками, связанными с политикой. И содержание “Скифов” обнаруживает самое непосредственное касательство к политике. А. Белый назвал “Скифы” “манифестом от лица русской нации, (...) написанным в брестские дни”, тем самым указав на связь стихотворения с важнейшим политическим событием этих дней – переговорами о мире в Брест-Литовске. Об этом же связи писал Иванов-Разумник, также назвавший “Скифы” “поэтическим манифестом русского поэта, направленным на Запад, в лицо Европы”. В комментариях к “Скифам” Иванов-Разумник справедливо отмечал, что его содержание тесно перекликается с записью в дневнике Блока от 11 января 1918 г.: «“Результат” брестских переговоров (т.е. никакого результата, по словам “Новой жизни”, которая на большевиков негодует). Никакого – хорошо-с. Но позор 3 1/2 лет (“война”, “патриотизм”) надо смыть. Тычь, тычь в карту, рвань немецкая, подлый буржуй. Артачься, Англия и Франция. Мы свою историческую миссию выполним. Если вы хоть “демократическим миром” не смоее позора вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, значит вы уже не арийцы больше. И мы широко откроем ворота на Восток». В этой записи отражено то же отношение к переговорам о мире, которое мы находим в стих. “Скифы”.

Сразу после прихода к власти Советское правительство выдвинуло в качестве первоочередной задачи выход из войны, которую Российская империя с августа 1914 г. вела в союзе с Англией, Италией, Францией, Китаем и Японией (так называемые державы Согласия). 26 октября (8 ноября) 1917 г. Второй Всероссийский съезд Советов принимает “Декрет о мире”, где сказано: “Справедливым или демократическим миром (...) Правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно” (Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 2). Требование демократического мира без аннексий и контрибуций и выдвинула советская сторона на переговорах о мире, начавшихся 19 ноября (1 декабря) в ставке германской армии – Брест-Литовске. Бывшие союзники, к которым большевики обратились с призывом поддержать переговоры, отказались от участия в них, и переговоры приняли характер сепаратных между Россией и Германией. Выход России из блока держав Соглашения лишил ее поддержки союзников и породил множество слухов о том, что Германия намерена воспользоваться изоляцией России для ее завоевания, что создавало атмосферу напряженного ожидания готовящегося германского вторжения. Кроме того, на переговорах в Брест-Литовске Германия, которая к этому моменту оккупировала Польшу, Литву, часть Латвии и Белоруссии, не только не принимала условия мира без аннексий и контрибуций, выдвинутые русской делегацией, но всячески стремилась закрепить территориальные захваты, предлагая заключить мир аннексионный. В середине января ситуация несколько изменилась благодаря начавшимся революционным выступлениям в самой Германии. 19 января Блок отмечает в *ЭК*₅₆: “Первые настоящие вести о революции в Германии”. Возникшая на короткий момент надежда, что пролетариату Германии удастся склонить правительство принять условия демократического мира, угасла к концу января 1918 г., когда революционные волнения были подавлены. В этих условиях советская делегация во главе с Л.Д. Троцким приняла решение, встретившее неодобрение В.И. Ленина, об одностороннем прекращении войны без принятия условий аннексионного мира, выдвинутых Германией. Российским войскам был отдан приказ о полной демобилизации по всей линии фронта. Смысл этого шага резюмировал заголовок в газете “Новые ведомости”, который Блок переписывает в *ЭК*₅₆ 29 января, когда была начата работа над “Скифами”: “*Война прекращена, мир не подписан*”. Острота политической ситуации заключалась в том, что для Германии открывалась возможность беспрепятственных завоеваний. Именно в этой ситуации прозвучали слова Блока, обращенные к Европе – “придите в мирные объятия”. Сам Блок воспринимал “Скифы” как обращение, способное оказать влияние на ход событий. Поэтому он придавал такое значение скорейшему опубликованию стихотворения. “Скифы”, оконченные в один день с поэмой “Двенадцать”, опубликованы раньше. По воспоминаниям Иванова-Разумника, Блок “торопил” с их печатанием, “а то поздно будет” – ожидали наступления германцев и занятия ими Петербурга” (*Иванов-Разумник Вершины*. С. 224.)

В своем стихотворении Блок обращается к Европе в целом, между тем как Брестские переговоры касались отношений России и Германии. Выход России из блока держав Соглашения поставил ее во враждебные отношения с союзниками, настаивавшими на том, чтобы Россия держала второй фронт против Германии. Кроме того, за время войны Россия сделала у союзников большие денежные займы. Советским правительством был издан декрет об аннулировании государственных займов, обнародованный 28 января (10 февраля) 1918 г. Декрет мог создать благоприятную почву для объединения бывших союзников на почве общих экономических претензий к России. Так возникала угроза общеевропейской войны против русской революции.

В газетах конца 1917 – начала 1918 г. активно обсуждался еще один важный вопрос внешней политики: активизация Японии и Китая. 4 декабря 1917 г. в газете “Вечерний час” со ссылкой на неофициальное заявление Л. Троцкого приведено заявление: “чем скорее мы кончим войну с немцами, тем скорее будем готовы встретить новую опасность с востока в лице Японии, если таковая выступит против нас”. Ситуация достигла еще большего напряжения после того, как 1 (14 января) в порт Владивосток без предупреждения вошли японские военные суда. Это грозило войной.

“Вчера в Петербурге, – как сообщала газета “Новые ведомости” 20 января 1918 г., – появился слух о предстоящем, будто бы, на днях вооруженном выступлении Япо-

нии против России”. В этом же номере помещена заметка о назревающем столкновении с Китаем: “В осведомленных кругах говорят, что в настоящий момент назревает конфликт между советской властью и Китаем”. О том, что эти опасения разделял и Блок, свидетельствует его более поздняя – от 4 марта (19 февраля) – запись в дневнике. “Китай и Япония (будто бы – по немецким и английским газетам) уже при дверах”. Таким образом, конкретная политическая ситуация, в которой находилось молодое советское государство, таила угрозу как со стороны Европы, так и со стороны Азии. К этому следует добавить унаследованное еще от Вл. Соловьева представление о “желтой опасности” с Востока, сопровождавшее все развитие поэта в XX в. (См. т. 3 наст. изд., коммент. к стих. “Петроградское небо мутилось дождем...”) В этих условиях “Скифы” приобретали в глазах Блока характер и историософского предвидения, и политического манифеста от лица нации.

Хотя в истории создания стихотворения все указанные политические события имели первостепенное значение, политический смысл “Скифов” едва ли возможно абсолютизировать; по мере увеличения исторической дистанции политический подтекст стихотворения почти полностью выветрился. Только в работе Р.Д. Смирнова отмечается связь “Скифов” с ленинским Декретом о мире (*Смирнов Р.Д.* Революционно-патриотическая ода А.А. Блока “Скифы” (К вопросу о работе поэта над образами) // Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова. Краткие сообщения о научно-исследовательских работах за 1960 г. Иркутск, 1962. С. 218–225), и в работе М. Пьяных (Слушайте революцию. Поэзия Александра Блока советской эпохи. М., 1980. С. 102–116) была предпринята попытка указать на политические реалии стихотворения. В целом же в работах последних лет связь “Скифов” с политикой стала осознаваться как нечто принижающее значение стихотворения. В статье М. Альтшулера “Ненавидящая любовь” об этих реалиях сказано: «...”Ужасы войны”, “мирные объятия”, призыв вложить “старый меч в ножны” – не столько “реальная война” и призыв к разоружению, сколько извечная духовная “война” культуры и стихии, где сама революция представляется разрешением вековой распри “черной и белой кости”, интеллигенции и народа» (*Альтшулер М.* Ненавидящая любовь... С. 74). Таким образом, здесь на первый план выдвигается связь “скифства” Блока начала 1918 г. с основной темой его статей о народе и интеллигенции. Подробнее об этом см.: *Иванова Е.В.* Блоковские “Скифы”: Политические и идеологические источники” // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 5. С. 421–430.

“Скифы” Блока во многом перекликаются с декларацией, открывающей первый сборник “Скифы”, где скифов, олицетворение здорового варварства, носителей мятежного максимализма, жажды жизни противопоставляют больной, склеротической Европе. Именно это стихотворение подтверждало для современников солидарность Блока с указанной группой писателей, что подчеркивалось в откликах на него.

Первый из известных откликов на стих. “Скифы”, принадлежавший одному из участников сборника “Скифы” и сотруднику “Знамени Труда” Е.Г. Лундбергу, зафиксирован Блоком в дневнике на следующий день после опубликования стихотворения 21(8) февраля 1918 г.: «Лундберг: “Скифы” соответствуют “Клеветникам России”». В опубликованных позднее дневниках Лундберга под февралем 1918 записано: «В “Знамени труда” напечатаны “Скифы” А.А. Блока. Какую дугообразную дорогу прошел народ от пушкинского “Клеветникам России” до блоковских “Скифов”: “кто устоит в неравном споре – / Кичливый лях иль верный росс”, – так упрощенно, государственно, национально спрашивал Пушкин, Блок выдвигает тот же вопрос в плоскости культуры, рафинируя его, доводя до напряжения едва ли не религиозного. (...) Пушкин угрожал Западу – поражением. Блок угрожает моральным отвержением. “Слепыя славы власть, свирепый дар героев” уже не пленяет Блока. Поэмы его о России глубоко бескорыстны, в противоположность мужественной практичности Пушкина» (*Лундберг Е.* Записки писателя. Берлин, 1922. С. 139).

А. Белый откликнулся на произведение в письме к Блоку от 17 марта 1918 г.: «Скифы (стихи) огромны и эпохальны, как “Куликово поле”» (*Блок и Белый*. С. 335).

Иванов-Разумник, один из идеологов группы “Скифы”, автор манифеста, открывавшего оба выпуска сборника “Скифы”, в специальной статье дал развернутую характеристику идейного содержания стихотворения, которое он назвал “поэтическим манифестом русского поэта, направленным на Запад, в лицо Европы” (“Знамя труда. 1918. 17(4) апр.). Основные мысли этой статьи легли в основу последующей работы того же автора о Блоке – “Испытание в грозе и буре”, где Иванов-Разумник разбирает “Скифы” и “Двенадцать” одновременно. Эта статья опубликована в том же номере журн. “Наш путь” (1918. № 1. Апр.), где перепечатаны из журн. “Знамя Труда” стих. “Скифы” и поэма “Двенадцать”. Иванов-Разумник писал, что воззрения Блока на роль России как посредницы между монголами и Европой восходят к Пушкину, который за сто лет до Блока “другими словами говорил о том же”, например, в письме к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г.: “У нас своя особая миссия: Россия своим громадным пространством поглотила победу монголов. Татары не дерзнули перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отступили в свои пустыни – и христианская цивилизация была спасена...”. Эти воззрения Пушкина, по мнению Иванова-Разумника, через Тютчева, и Вл. Соловьева были восприняты Блоком. Вл. Соловьев в статье “Национальный вопрос в России” писал о России: “... в великом споре Востока и Запада она не должна стоять на одной стороне, представлять одну из спорящих партий, – она имеет в этом деле обязанность посредническую и примирительную, должна быть в высшем смысле третейским судьей этого спора” (*Соловьев Вл. Соч.* Т. 5. С. 20).

Статью Иванова-Разумника Блок внимательно изучал, сохранился экземпляр с его пометами (*ЛББ.1/152*). Эта же статья в качестве вступительной была напечатана в отдельном издании поэмы “Двенадцать” и стих. “Скифы” (Берлин, 1920).

Последующие отклики на стих. “Скифы” появляются уже после опубликования поэмы “Двенадцать” и, как правило, рассматривают эти произведения в одном ряду. Критик, скрывшийся за инициалами Б.Б. Р-в [С. Бобров], увидел в “Скифах” продолжение “Двенадцати”, обращение от имени красногвардейцев к Европе. Содержание “Скифов” в статье передается так: «Мы предлагаем Европе “от ужасов войны” прийти в наши “мирные объятия”, ибо иначе, грозит поэт, орды гуннов, желтолицее варварство, сметет Европу, а мы, русские красногвардейцы, будем лишь посматривать на этот бой “своими узкими глазами”». Критик задает вопрос: “... Каким это образом уживается категория Христа (в финале “Двенадцати”. – *Ред.*) с этим унылым и безбожным торгашеством? На это Блок ответа не дает” (*Жизнь*. 1918. 16(3) июня).

П. Славнин, посвятивший стихотворению статью “Окно в Азию”, рассматривает его содержание в связи с платформой журн. “Наш путь”, «руководителями и сотрудниками которого являются социалисты-революционеры “монгольской расы”», видит в стихотворении “черты искаженного славянофильства, тут и анархизм, и футуризм, и лево- и эсерство и социализм” (*Современное слово*. 1918. 27(14)апр.).

В одном ряду с поэмой “Двенадцать” рассматривал стих. “Скифы” Блокнот в статье “Россия в поэзии Александра Блока”: “Странно и причудливо переплетаются на лице древней Руси суровый Христос с азиатской рожой (...), крепкий, как вековые леса, раскольник с широкоскулым татаринном”. Автор статьи приходит к выводу, что Блок сквозь события сегодняшние “провидит иной свет” (За землю и волю. Казань, 1918. 23(10) июня). В статье А. Дермана “Литературно-революционный модерн” “Скифы” оцениваются в одном ряду не только с поэмой “Двенадцать”, но и со статьей “Интеллигенция и революция”. Подчеркивая, что Блок приветствовал не Февральскую революцию, а именно Октябрьскую, Дерман писал: «но совершился большевистский переворот, и Блок написал поэму “Двенадцать”, оду “Скифы”, ряд статей – и все во славу красногвардейца и в помрачение интеллигенции (...) Он в новой фазе революции обрел свое, кровное не его “взглядам”, а его личной, индивидуалистической потребности» (Понедельник “Народно-

го слова”. 1918. 24 июня). В статье Н. Вишнякова “Образец легкомыслия”, подписанной Ник. Ст-н, содержание стихотворения Блока рассматривается в единстве с идейной платформой группы писателей, выпустивших два выпуска сборника “Скифы”, сотрудничавших вместе с Блоком на страницах эсеровской газеты “Знамя труда” и в журн. “Наш путь”: «Но что делать, если Европа не захочет насытиться русским “максимализмом” и вообще “принять его!? – О, тогда трепещи, непокорная старая Европа, – комически грозно вещают г. Иванов и г. Блок (в стихах “Скифы”). Мы, русские, тогда уйдем на Урал и “очищаем место бою стальных машин, где дышит интеграл” (?), мы соединимся с монголами, азиатами, и с ними совместно путем насилия обольшевичим всю европейскую буржуазию» (Новый вечерний час. № 126. 29 июня 1918). А. Гизетти упоминал стихотворение Блока в одном ряду с его же “беспомощной статьей” “Стихия и культура” (Мысль. сб. 1. Пг., 1918. С. 46) Е.И. Замятин (под псевдонимом М. Платонов) писал о Блоке и Иванове-Разумнике: “...Это не упрямые и вольные скифы: вольные скифы не преклоняются ни пред чем, вольные скифы не побегут за победоносцами, за грубой силой” (Там же. С. 292; см. также: Платонов М. [Замятин Е.И.]. Домашние и дикие // Дело народа. 1918. 4 мая (21 апр.). Ф. Смирнов в статье “Паноптикум” также связывает Блока с другими участниками группы “Скифы”, которых упрекает в позерстве: «Скиф, как известно всем, существо весьма загадочное, и скифствующие современники наши, определенно на этой загадочности спекулируют, ибо кто разберет, “скифны” они или “не скифны”. Недаром говорят они то на мистическом, то на пьяно-апашском, то на отчаянно-декадентском наречии». Прочитывая ст. 21–24 из стих. “Скифы”, Ф. Смирнов заключает: «Скифства буйного здесь как будто маловато, но не больше его и в “Двенадцати”», а автора стихотворения он называет “душой, в крахмалку одетой”, т.е. типичным интеллигентом (Книжный угол. 1918. № 3. С. 14.). Н. Рязанов в “Заметках о поэзии Александра Блока” содержание стих. “Скифы” излагал так: “Россия была тысячелетним щитом Европы, ибо Россия любила. Не она ли сроднилась со всем великолепием западной культуры, но Европа сама разорвала свой драгоценный плащ, потоки крови ослепили мудрые старые глаза. И Россия не хочет больше участвовать в этой мировой крови” (Зарево заводов. Самара. 1919. № 1. С. 60).

М. Лапин в статье “Язык скифов” соглашается видеть в “Скифах” параллель к “Клеветникам России”, но указывает на связь “Скифов” и с другим произведением: «Мне кажется, что эту поэму гораздо правильнее рассматривать не как революционное бунтарство, не как интернационалистический призыв, а скорее – как художественное изображение той же самой картины, которая много раньше была набросана М. Горьким в психологическом очерке “Две души” (...). Да, тут две души, две России. Причудливое сочетание противоположных мотивов” (Эхо. Владивосток, 1919. № 14. 16 марта).

М.А. Волошин, признавший преемственную связь “Скифов” со стих. “Клеветниками России”, выделял конкретный политический смысл стихотворения Блока: «“Скифы” полны теми условными лжами, которыми русская Революция хочет прикрыть и оправдать Брестский мир». Волошин отмечал самобытный характер блоковского “скифства”, которое проникнуто “духом русского большевизма, но отнюдь не партийного, социал-демократического большевизма, а того гораздо более глубокого чисто русского состояния духа, в котором перемешано и славянофильство, и восхваление своего варварства в противовес гнилому Западу, и чисто русская антигосударственность” (Поэзия и революция: А. Блок и И. Эренбург // Камена. Харьков, 1919. № 2. С. 18, 20).

Политический смысл “Скифов”, подчеркивал в своем отзыве Г. Вяткин, для которого – «это своего рода революционный манифест, исторический документ, это по своей прямоте и правоте, может быть, первое и последнее слово, обращенное к “культурной Европе” от лица молодой России» (Искусство. Омск, 1921. № 1. С. 40). В статье Петроника [П. Савицкого] “Идея Родины в Советской поэзии”, опубликованной в первом номере эмигрантской “Русской мысли”, начавшей с 1921 г. издаваться в Софии, отмечалось патриотическое звучание стихотворения, которое “проникнуто напряженной

и острой идеей отечества» (С. 218). Само произведение рассматривалось как продолжение традиций русской классической поэзии и причислялось к той «особой историко-политической поэзии, которой отдал дань Пушкин в (...) произведениях “захвата исторического»» (*Там же*).

Своеобразно блоковское скифство понимал П.Н. Медведев, который писал: «В блоковском скифстве бросается в глаза его жертвенный характер. Это – менее всего национальный задор и упоение и больше всего – тяжелая историческая судьба, “наследье родовое”, неизбежность “пути в тоске безбрежной”, историческое возмездие. И не бежать, и не прятаться от него зовет Блок. Нужно принять и до конца пройти этот путь вместе с русским народом» (в сб. Памяти А.А. Блока. Пб., 1922. С. 55).

Связь стих. “Скифы” с конкретными политическими событиями января 1918 г. была для современников настолько очевидна, что они считали излишним ее комментировать. В.М. Жирмунский в статье, опубликованной уже после смерти Блока, отмечал, что по сравнению с поэмой “Двенадцать” “Скифы” “гораздо дальше отстоят от первичного и подлинного творческого переживания, гораздо рациональнее и тенденциознее” (в сб.: *Об А. Блоке* С. 101). Политический смысл “Скифов” начали пояснять уже после смерти Блока. Так, В. Львов-Рогачевский писал, что Блок здесь «... проклял тот Запад, который, глумясь над “Скифами”, сознательно во имя культуры пытался раздавить восставшую страну, поверившую в братство народов» (*Львов-Рогачевский В. Поэт-пророк. М., 1921. С. 21*). В отклике на смерть Блока Д. Рубинштейн выражал убеждение, что в “Скифах” Блок призвал русскую интеллигенцию «идти вместе с “варварами” и “монголами”, стирающими прогнившие святыни» (*Труд. 1921. 10 авг.*).

Ряд критиков, писавших о Блоке в траурные дни, склонен был трактовать содержание “Скифов” более отвлеченно. Р. Куллэ видел в “Скифах” и поэме “Двенадцать” “два громадных памятника последних грез мессианства” (Александр Блок // *Военная мысль. Ташкент, 1921. № 3. С. 293*). В некрологе, помещенном в астраханской газете “Профессиональная жизнь” Д. [Усов] главным содержанием “Скифов” назвал противопоставление одряхлевшей Европы и дикого русского Востока” (1921. 25 авг.). Поэт С. Городецкий назвал “Скифы” “громом над буржуазной Европой” (Александр Блок. 1880 – 1921 // *Искусство. Баку, 1921. № 2/3. С. 58*). С. Ратомский в письме из Берлина “Кризис культуры” обратил внимание на интерес к стихотворению Блока у западного читателя. Он цитирует литературное приложение к газете “Times” от 20 января 1921 г., где сказано, что “Скифы” «открывают новую эпоху в русской литературе. “Скифство” есть своего рода синтез славянофильства и западничества. По мнению “скифов”, Россия – отдельная часть света, мост между Европой и Азией. И только Россия может спасти Европу, только она может примирить Восток и Запад» (*Печать и революция. 1921. № 1. С. 175*). Ратомский так определял источники, под влиянием которых складывалось мировоззрение Блока, отразившееся в “Скифах”: «... Разве не чувствуется в “Скифах” Блока Достоевский с его страстной любовью–ненавистью к Европе?» (*Там же. С. 176*).

Г. Адамович не придавал серьезного значения стихотворению Блока. «“Скифы”, – писал он, – посредственные ямбы под Брюсова, ни в какое сравнение с “Двенадцатью” идти не могут. Вся связь между ними та, что они появились в одной книжке журнала» (*Цех поэтов. Берлин, 1923. Кн. 4. С. 71*).

М.В. Бабенчиков, общавшийся с Блоком в период, предшествовавший созданию стихотворения, в своей книге о Блоке писал о том, что заставило Блока создать “Скифы”: «... всегдашняя боязнь Блока, что “взрослые” и “зрелые”, “мудрые” помешают “младенцу” – пролетариату» (*Бабенчиков М. А. Блок и Россия. М.; Пг: ГИЗ. 1923. С. 72*). Развернутую характеристику идеологии стих. “Скифы” дал в предисловии к отдельному изданию стихотворения, выпущенному симферопольским издательством, С. Мокульский, частично опиравшийся на статью Иванова-Разумника. С. Мокульский утверждал, что “Скифы” – “произведение чисто литературное, мало доступное и по своему замыслу и по своему язы-

ку широким читательским массам и потому нуждается в историко-литературном комментарии. В “Скифах” больше политики и больше философии, чем в “Двенадцати” (Мокульский С. Блок и революция // Блок А. Скифы. Симферополь, 1923. С. 17). В истолковании стихотворения Мокульский выдвигал на первый план его программный и политический, манифестарный характер: «Содержание “Скифов” – воззвание революционного русского народа к реакционному, хищному, “гнилому” Западу; призыв прекратить братоубийственную войну и слиться с русским народом в общем порыве, направленном к ниспровержению старого мира и к созданию новой культуры на основах любви, труда и мира» (Там же. С. 18). Свообразие взгляда Блока на миссию России С. Мокульский видел в том, что у Блока Россия не просто защищает Европу от монгольской опасности: «Роль Европы и России теперь переменялись. Ранее Россия стояла на страже против европейской революции; теперь Европа стоит на страже против русской революции. (...) Для революционной России не существует старой расовой вражды монголов и Европы, не существует антиномии Востока и Запада. В ее руках ныне – судьба всего человечества, которому она несет освобождение от вековых уз. Такова миссия новой, “скифской” России» (Там же. С. 20–21).

Стихотворение “Скифы” высоко ценило ближайшее окружение Блока по сотрудничеству в левозеролевских изданиях – Иванов-Разумник и А. Белый, которые отдавали этому стихотворению предпочтение перед поэмой “Двенадцать”. А. Белый записывал в дневнике: «Р(азумник) В(асильевич) вчера сказал мне, что он “Скифы” любит более “Двенадцати”. Я – тоже» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 798).

А.В. Луначарский в недатированном наброске отмечал и другие источники блоковского “скифства”: «“Скифы” А. Блока оказались в глубоком родстве с (...) мистическим анархизмом, археологически окрашенным и искавшим себе пояснения, корней и красок в своеобразно отпрепарированной доисторической эпохе развития России» (ЛН. Т. 74. С. 45). Ученица Вяч. Иванова, одного из теоретиков “мистического анархизма”, Ф.И. Коган записала, что он «большое значение придает “Скифам” Блока» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 496).

Интересны отклики “либералов” на “январскую трилогию” Блока, их оценка его гражданской позиции в 1917–1918 гг. в пору сближения со “скифством”. С.Н. Булгаков в трагическом диалоге “На пиру богов. Pro и contra” точно определяет важную внутреннюю тему блоковского творчества 1918 г. Не раз предостерегавший в статьях 1917–1918 гг. против поклонения “стихий”, философ, пишет: “Совсем уж зачернили народ наш, спасибо, хоть иные поэты вступились за его душу – вот, Блоку спасибо (...) Мы должны теперь выдержать борьбу за душу народную, – прежде всего, в сердцах своих, в тайниках своего духа не соблазниться о нем” (Булгаков С. На пиру богов. Pro и contra // София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. С. 56–58).

Н.А. Бердяев в 1923 г., перерабатывая свою публицистику 1917–1918 гг. в единую книгу, даст открытую итоговую оценку “скифства” в целом: “У русских есть соблазн почувствовать себя скифами и противополжить себя эллинам. Скифская идеология народилась у нас во время революции. Она явилась формой одержимости революционной стихией людей, способных к поэтизированию и мистифицированию этой стихии. (...) Современные скифы поют гимны не сверхкультурному, а докультурному состоянию... В России скифская идеология есть своего рода языческий национализм, уходящий корнями в нехристианский и антихристианский мессианизм. Скифы должны искупить грехи свои подчинением культуре...” (Бердяев Н. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж. IMCA-PRESS, 1970. С. 228–229).

Сам Блок скоро охладел к этому стихотворению. А. Белый записал в дневнике слова Иванова-Разумника: Блок «не любил “Скифов”. После того, как Р(азумник) В(асильевич) провел параллель между “Скифами” и “О чем шумите вы, народные витии”, – Блок сказал, что он теперь понимает, почему он холоден к “Скифам”: у Пушкина он холодно отмечает “О чем шумите вы” и наоборот – очень любит “Медного всадника»» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 798).

Н.А. Павлович писала в воспоминаниях, что тогда же ею было написано шуточное стихотворение “Наш мудрый Калита – Валерий Брюсов”, построенное на образах блоковского стихотворения “Скифы” (*БС-1*. С. 468–469).

В записной книжке Блока вклеена вырезка из газеты “Знамя борьбы” от 18 мая 1918 г. с сообщением о вечере поэтов, который должен состояться в помещении Пажеского корпуса (Садовая, 26), где после вступительного слова Иванова-Разумника Блок должен был читать стихотворение “Скифы” (*ЗК₅₆*. Л. 68).

Эпиграф – *Панмонголизм ~ ласкает слух оно...* – из стих. Вл. Соловьева “Панмонголизм” заставил многих современников увидеть в “Скифах” влияние идей этого философа. А.Л. Слонимский отметил, что в “Скифах” сказывается соловьевская вера в “Россию Христа”, в “свет с Востока”, и называет его произведение “почти славянофильским” (*Слонимский А.* Блок и Вл. Соловьев // Об Александре Блоке. Пб.: Картонный домик. 1921. С. 270). Р. Куллэ писал: “Скифы отвечают на другой вопрос, идущий от Вл. Соловьева о желтой опасности” (*Куллэ Р.* Указ. соч. С. 293). С.М. Городецкий считал, что в “Скифах” Блок “возвращается к своему учителю Вл. Соловьеву” (*Городецкий С.* Указ. соч. С. 58). Противоположной точки зрения придерживался М. Волошин, писавший: “Эпиграф немного неудачен; он направляет мысль по ложному следу...” (Камена. 1919. № 2. С. 18).

Эпиграф появился не сразу, он был впервые вписан Блоком на экземпляре журн. “Наш путь” под влиянием статьи Иванова-Разумника “Испытание в грозе и буре”, опубликованной в том же номере (*ЛББ*. 94 1/152). Но Блок при этом цитирует стихотворение Вл. Соловьева в другой редакции, нежели Иванов-Разумник. Л.К. Долгополов и О.В. Миллер, впервые обратившие внимание на это, писали: «Скорее всего цитата в статье Иванова-Разумника натолкнула Блока на мысль взять эпиграф к “Скифам” из “Панмонголизма”, вариант же строки он выбрал другой, тот, который считал наиболее авторитетным или который больше импонировал его литературному вкусу» (*Долгополов Л.К., Миллер О.В.* “Имя” или “слово”? // Русская литература, 1980. № 3. С. 218). Но расхождение с Ивановым-Разумником касаются не только первого стиха, где Блок вместо “слово” написал “имя”; в журн. “Наш путь” Блок вписал вторую строфу “мне ласкает слух оно”, а в *T₁₀* – “нам ласкает слух оно”.

Ст. 1. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. – Петроник [П. Савицкий] замечал: «Интересно, что аналогия между “Клеветниками России” и “Скифами” замечается даже в деталях. Пушкинскому вопросу: “Иль мало нас?” соответствует блоковское утверждение: “Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы» (Русская мысль. София, 1921. № 1. С. 222).

Ст. 3. Да, Скифы – мы! – Конец XIX – начало XX в. – эпоха оживленных споров в области изучения скифской проблемы (*Семенов-Зусер С.А.* Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947). Д.И. Иловайский считал скифов предками славян: “...главную массу скифов Восточной Европы составляют, вероятно, народы славянские” (*Иловайский Д.* Разыскания о начале Руси. 1882. С. 78). Одним из видных скифологов был А.С. Лаппо-Данилевский, в семинаре у которого занимался Иванов-Разумник. Он делил скифов на западных и восточных, считая, что группа западных скифов “может быть, была славянского происхождения” (*Лаппо-Данилевский А.С.* Скифские древности. Пб., 1887. С. 9).

Ст. 3–4. Да, азиаты – мы ~ очами! – Хотя 8 мая 1918 г. Блок отметил в *ЗК₅₆* (в искомой, видимо, передаче третьего лица), что С.Ф. Ольденбург оспаривает “азиатство” скифов в смысле их принадлежности к монголоидам, представление о скифах как монголоидах существовало. Примесь монгольских черт отмечал у скифов Лаппо-Данилевский (*Там же*. С. 10). Во вступительном манифесте к сборнику “Скифы”, одним из авторов которого был Иванов-Разумник, сказано о скифах: “... племя – таинственного, легендой повитого корня, с запада на восток, потоком упорным, победным потоком брошенное в просторы желтолицых, узкоглазых, глотающих вино из черепов – варварских орд” (Скифы. Сб. 1. Пб., 1917. С. VII). Блок разделял, вероятно, эту точку зрения на происхождение ски-

фов, о чем свидетельствует его запись в дневнике, сделанная незадолго до написания стихотворения, 11 января 1918 г.: “А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом; мы скинемся азиатами”. При жизни Блока, в годы его студенчества, наиболее полный свод известий и домыслов о скифах из библейских времен, античности и раннего средневековья составил проф. В.В. Латышев (См.: *Латышев В.В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. 1, 2. СПб., 1893–1906; перепечатано с дополнениями и указателями в журн. “Вестник древней истории”. 1947–1949. Обзор античных и западноевропейских представлений о скифах – включая и взгляд на них как на азиатов и монголоидов, – а также и сведения о зарубежном восприятии России как “Скифии” и о “мифопоэтическом” сведении своей самобытности к азиатским корням у иных народов Европы, которое находило выражение в европейской поэзии рубежа XIX – XX в., см.: *Небольсин С.А.* Пушкин и европейская традиция. М., 1999.

Ст. 5. Для вас ~ единый час. – По мнению М. Волошина, эта строка перекликается со стих. “Скиф пляшет” из “Парижских эпиграмм” Вяч. Иванова, где скиф, обращаясь к европейцу, говорит:

Ваши веки – только годы,
Где заносят непогоды
Безымянные гроба.

(*Волошин М.* Указ. соч. С. 18).

Ст. 11–12. ... провал // И Лиссабона, и Мессины! – столица Португалии Лиссабон была разрушена в результате сильных землетрясений в XIV и XVIII в. Мессина – порт на о. Сицилия, остров разделяет с Апеннинским полуостровом Мессинский пролив. В результате землетрясения в Мессинском проливе в 1908 г. Город Мессина был также сильно разрушен. Блок придавал этому землетрясению исключительно важное значение в своих размышлениях о судьбах европейской цивилизации, о чем писал в статье “Стихия и культура” (1908). К этой теме он возвращается в статье “Горький о Мессине” (1909): “...сицилийское и калабрийское землетрясение – событие мировой важности, и оценить его мы доселе не в состоянии. Что бы ни говорили, как бы ни локализовали его значение – оно изменило нашу жизнь. Как изменило, определить мы не можем, но невозможно не верить, что оно отозвалось и еще отзовется на события нашей внешней, а особенно внутренней жизни”.

Ст. 17–18. – Вот – срок настал ~ обиды множит... – Ряд исследователей видит в этих стихах след знакомства Блока с научными интерпретациями “Слова о полку Игореве”, где есть слова: “Встала Обида... вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами...” Заслуживает внимания вариант этой строки в *ЧА ИРЛИ*:

Вот – срок настал. Крылами бьет Беда,
И каждый день Обиды множит,

где и Беда и Обида пишутся с прописной буквы. И. Смирнов указывает на комментарии А.А. Потебни как на источник блоковских сведений. В строке из *ЧА ИРЛИ* И. Смирнов видит «...единение двух образов “Слова: – Беды и Обиды (Беда упоминается в другой строке: “Уже бо бды его пасет птицъ по дубию”). Вокруг чтения этой строки возник спор. А.Н. Веселовский предлагал конъектуру: “обида” вместо “беда”. А.А. Потебня возражал ему: “Беда в смысле мифологической личности тоже понятна и нельзя доказать, что автор “Слова о полку Игореве” знал только Обиду, а не Беду”». И. Смирнов считает, что мнение Потебни разделял Блок: «Отсюда ясна замена плещущей крылами Обиды “бедой” у Блока и перемещение “обиды” в соседнюю строку» (*Смирнов И.* Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX – начала XX вв. // *БС-4.* С. 254).

Пестум – древнегреческая колония в Южной Италии, разгромленная в IX в. арабским племенем сарацинов.

Ст. 21. О, старый мир! – Исторические катаклизмы, вызванные первой мировой войной и последующими революциями, Блок воспринимал как предвестия гибели христианской цивилизации, отчего в статьях этих лет повторяется отождествление переживаемого исторического момента с эпохой зарождения христианства на развалинах язычества. Например, в статье “Катилина” (1918) Блок объяснял, что под “старым миром” он подразумевает «не тот “языческий” старый мир, где действовал и жил Катилина, а этот “христианский” старый мир, где живем и действуем мы» (СС-86. С. 70). Эти мысли Блока, возможно, складывались не без влияния Иванова-Разумника, сходно осмыслявшего происходящие события. В связи со стих. “Скифы” Иванов-Разумник писал о миссии России по отношению к Европе: «Взорвать изнутри старый мир Европы своим “скифством”, своим духовным и социальным “максимализмом”, – сделать то самое, что когда-то старый мир сделал в обратном направлении с духовным и социальным максимализмом христианства. Старый мир вошел в это “варварство” и взорвал его изнутри: он омещанил собою христианство. И вот теперь миссия новой России – насытить духом максимализма “культурный” старый мир. Ибо только этот духовный максимализм, это “скифство” – открывают путь к тому подлинному освобождению человека, которое так и не удалось христианству, ибо само христианство “не удалось» (Иванов-Разумник. Испытание в грозе и буре. С. 198).

Ст. 5. Для вас – века – Ср. со стих. “Хор татар”: “Идут века...”

Ст. 23–24. ...Эдип // Пред Сфинксом... – В трагедии Софокла “Царь-Эдип” фиванский царевич Эдип должен был разгадать загадку злого чудовища Сфинкса, чтобы спасти Фивы от гибели. Загадка Сфинкса: “кто утром ходит на четырех, днем на двух, а вечером на трех?” была отгадана Эдипом, ответившим, что это Человек, в детстве ползающий на четвереньках, потом встающий на две ноги и в старости опирающийся на клюку. Упоминание о Сфинксе и его загадке Иванов-Разумник склонен был истолковать символически: тот, кто не поймет смысл появления Христа в финале “Двенадцати”, «не почувствует и не поймет всей глубины “древней загадки”, ныне снова предлагаемой “старому миру”. А кто поймет – тот и разгадает ее правильно. Ибо древняя разгадка – все та же, и гласит она: человек. В свое время христианская революция рождала в мир “нового человека”, духовно свободного(...) Ныне грядет революция социальная и ее благая весть – прежняя: освобождение человека. На этот раз освобождение полное: физическое, социальное, духовное» (Иванов-Разумник. Указ. соч. С. 13).

Ст. 25. Россия – сфинкс. – Ср. у А.И. Герцена, в главе XXX четвертой части “Былого и Дум”: “Чаадаев и славяне (славянофилы. – *Ред.*) ровно стояли перед неразгаданным сфинксом русской жизни...”. О восприятии России как сфинкса см.: *Ронен О.* Россия – Сфинкс. К истории крылатого уподобления // Новое литературное обозрение. 1996. № 17; в названной статье первое упоминание России как Сфинкса приписано И.С. Тургеневу (в его переписке 1850 г.) и Бруно Бауэру в его книге “Русская церковь” (1854).

Ст. 26. ... И обливаясь черной кровью... – См. цикл стихотворений Блока “Черная кровь” (т. 3 наст. изд.), а также наброски 1917 года (наст. том с. 99) и начало поэмы “Возмездие”.

Ст. 40. ... И Кельна дымные громады... – готический собор в г. Кельне (XII–XIX вв.).

Ст. 43–44 ... хрустнет ваш скелет // В тяжелых, нежных наших лапах? – Петроник [П. Савицкий] писал по поводу этих строк: “...поэт переоценивает силу России и в этом смысле, быть может, вводит в заблуждение своих соотечественников. Действительно ли мы настолько сильны (...)? Об этом можно спорить, здесь допустимы сомнения” (Русская мысль. София, 1921. № 1. С. 222–223). П. Перцов, процитировав эти строки, задавал вопрос: “Не видел ли поэт сквозь дым примерещившихся ему гуннских пожаров, наши грядущие “наполеоновские войны” – тот размах универсализма, который неизбежно вырвется

из кипящего во всю русского, славянского, восточного котла, – и может залить благоспитанный Запад...” (Перцов П. Ранний Блок. М. 1922. С. 63–64).

Ст. 52. Товарищи! Мы станем – братья! – Мокульский назвал эту строку трансформацией «лозунга русской революции “мир и братство народов”» (Мокульский С. Блок и революция // Блок А. Скифы. С. 21). В статье “Гейне в России” (1919), говоря о “неразрывных узлах духовного товарищества”, Блок пояснял: “еще товарищества, не братства”, тем самым как бы намеча градацию этих понятий. В статье Иванова-Разумника из второго сборника “Скифы” Блок отчеркнул фразу на с. 225: “И верят поэты, что настанет час, быть может еще и далекий, когда весь мир отзовется на наш призыв, когда на звон мирового колокола, на свет лучей красного солнца Братства придут все народы, откликнется все сущее в мире...”. Слово “товарищ” было для Блока и его современников новым. Н. Устрялов писал: «После революции слово “товарищ” вошло, как известно, у нас (в) государственной, общественной и даже частный обиход. Узами “товарищества” словесно спаялась революционная Россия, и можно было бы ожидать, что такая спайка, действительно, есть залог русского могущества, силы русской революции. В самом деле, люди стали как бы “братьями”, и достигнуто Россией то, чего, в свое время не смогла достичь революция французская: осуществления третьего лозунга великой триады: “свобода, равенство, братство” (...) “Товарищ” – категория не правовая, а чисто моральная. Она знаменует собою высшую, внутреннюю связь человека с человеком. В своей “идее” эта категория преодолевает собою самое государство, как внешнюю, принудительную организацию, и постулирует свободный союз человечества, основанный на любви, на братстве. Как известно, о таком союзе издавна мечтали утописты и поэты всех стран, и еще в детстве человечества его слух услаждали преданиями о Золотом веке» (Устрялов Н. “Товарищ” и “гражданин” // Народоправство. 1917. № 12. 16 окт. С. 16–17).

Ст. 59–60. Расступимся! ~ *Мы очищаем место бою...* – В.С. Федоров сопоставляет эти строки с записью в записной книжке 29 января в день начала работы над “Скифами”, содержащей цитату из трагедии Гете “Фауст”: «Азия и Европа. Я понял Faust’a “Kunste nicht, Pudel”¹. Блок подразумевает, по мнению В.С. Федорова, идею плотины, упоминаемую в “Фаусте”. «Образ “плотины”, – пишет исследователь, – неожиданно открыл перед Блоком свой загадочный смысл, еще раз актуализировав бесконечную глубину гетевского шедевра. Поэту стало казаться, что именно идея фаустовской “плотины” пророчески предвосхищала грядущую роль России в “мировой Революции»» (БС-б. С. 40).

Ст. 61. Идите все, идите за Урал! – О соотносимости этой строки с мыслью А.И. Герцена о возможности “европейского нашествия до Урала” см. стр. 466 наст. тома.

Ст. 69–72. Не сдвинемся, ~ братьев жарить!.. – Гунны – кочевой азиатский народ, прославившийся опустошительными набегами на Запад. В поэзии русского символизма гунны стали олицетворением варварских племен, призванных смести дряхлеющую европейскую цивилизацию и влить в ее жилы молодой заряд здорового варварства. Так осмыслил гуннов Вяч. Иванов в стих. “Кочевники красоты” из сборника “Прозрачность” и В. Брюсов в стих. “Грядущие гунны”.

Ст. 74. На братский пир труда и мира. – О связи этого и последующих стихов с наиболее ранним у Блока обозначением мотива “дружественного пира” между язычеством и утомленной культурой (в стих. “Измучен бурей вдохновенья...” (1900), которое Блок дорабатывал и готовил к печати в 1916 и 1918 гг.) см.: Блок А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 1. С. 441.

Ст. 76. Сзывает варварская лира! – М. Волошин писал об этой строке Блока: “в одном только он ошибается, когда называет свою лиру – *варварской*. Это неверно. Лира Блока глубоко культурна, утонченна и преисполнена оттенков, о чем бы он не писал, как бы голосам мира не отдавал свою симфоническую, лунную душу” (Волошин М. Указ. соч., С. 20).

¹ Не ворчи, пудель (нем).

З. ГИППИУС

(при получении "Последних стихов")
("Женщина, безумная горячка!..")

(С 81)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА ИРЛИ* – Ф. 654. Оп. 1, Ед. хр. 103, "1–6 июня 1918"; *БАП РГБ*. Ф. 423. К. 1. Ед. хр. 12, "1 июня 1918", заглавие: "З. Гиппиус", подзаголовок отсутствует; *БА РНБ*. Ф. 481. Оп. 1. Ед. хр. 253 на обороте обложки книги: *А. Блок*. Двенадцать. Скифы. СПб.: Революционный социализм. 1918, "1 июня 1918", заглавие: "З. Гиппиус"; *БА Т₁₀*. Л. 15 об.– 16, "1.VI.1919", заглавие: "З. Гиппиус (при получении последних стихов)", последняя строка зачеркнута.

Корректурный оттиск – *ИРЛИ* Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 204, "июнь, 1918", заглавие "З. Гиппиус"; корректурный оттиск – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 2, "июнь, 1918", заглавие: "З. Гиппиус".

При жизни не публиковалось. Впервые: *Блок А* Собр. соч., Берлин: Алконост, 1923. Т. 4. С. 134.

Печатается по *T₁₀* с восстановлением последней строки.

ЧА ИРЛИ на листках из записной книжки (не сохранившейся); на обороте листов заметки делового характера. *ЧА ИРЛИ* имеет две даты: карандашом в правом верхнем углу "1 июня", тем же карандашом написан и текст; вторая дата в правом нижнем углу: "6 июня", к ней красным карандашом приписано "1918". Последний слой *ЧА ИРЛИ* приводит текст близко к окончательному *БА РНБ*; в *T₁₀* текст получает подзаголовок, последняя строка зачеркнута, Блок во всех автографах проставлял дату начала работы над стихотворением: "1 июня". В корректурном оттиске *РГАЛИ* строфы набраны со сдвигом.

Стихотворение было послано А. Белому в ответ на его предложение прислать стихи для редактируемого им альманаха, составленного из стихотворений революционной тематики. О программе издания Белый писал: "... совершенно не важна тенденция; важна органическая (пусть внутренняя) связь с переживаемым (революционным) периодом времени" (*Блок и Белый*. С. 337–338). 5 сентября 1918 г. Блок послал в альманах в числе восьми других (перечень см.: *ЗК*. С. 425) "новое стихотворение, посвященное Зин(аиде) Николаевне" (*Блок и Белый*. С. 338). Возможно, корректурный оттиск *РГАЛИ* относится к этому неосуществившемуся изданию, поскольку в оттиске после стихотворения "З. Гиппиус" следует текст ее обращения к А. Белому и А. Блоку "Идущий" ("По торцам оледенелым, в майский утренний мороз..."), где Гиппиус спорит с их отношением к Октябрьской революции. При этом страница перечеркнута красным карандашом и сделана приписка (возможно, Блоком): "не надо". Вторая попытка опубликовать стихотворение относится к 1920 г. Корректурный оттиск *ИРЛИ* имеет приписку Блока: «Было набрано в сентябре 1920 для № Запис(ок) Мечт(ателей) изд(ательства) "Алконост"».

Заглавие – *Гиппиус* (по мужу Мережковская) Зинаида Николаевна (1869–1945) – поэтесса, прозаик, критик. После революции эмигрировала. История отношений Блока с Мережковскими началась в период сотрудничества Блока в возглавляемом ими журнале "Новый путь" и знала как периоды сближения, так и периоды расхождения (см.: *Мицк З.Г.* Блок в полемике с Мережковскими // *БС-4*. С. 116–222; *Фарбер Л.* Переписка из двух миров // *Нева*. 1971. № 8. С. 184–186). В процессе острого политического разделения в среде интеллигенции после Октябрьского переворота Мережковские оказались во враждебном Блоку стане. Резкие нападки на Блока с их стороны начались после публикации его статьи "Интеллигенция и революция". 26 января 1918 г. Блок записывает в дневнике: "Мережковские прозрачно намекают на будущий бойкот". Поэма "Двенадцать" усилила эту враждебность. З. Гиппиус дважды выступила в печати против Блока, опубликовав под своим постоянным псевдонимом "А. Крайний" статьи: "Люди и нелюди" (*Новые ведомости*. 1918. № 43. 10 апр.); "Неприличия" (*Современное слово*. 1918. № 3554. 16 июня).

Стихотворение написано в ответ на присланные ею стихи. 31 мая Блок отмечает в записной книжке: “Вечером мне прислали книжку стихов от З.Н. Гиппиус”. По воспоминаниям З. Гиппиус, это был сборник: *Гиппиус З. Последние стихи. 1914–1918*. Пб., 1918, посланный без всякого сопроводительного письма, на котором, по словам Гиппиус, было написано: «...на первой странице – стихотворение, ему посвященное: “Все это было, кажется, в последний – в последний вечер, в вешний час...”» (*Гиппиус З. Живые лица*, Вып. 1, Прага, 1925. С. 65). Экземпляр книги в библиотеке Блока не сохранился, но текст стихотворения опубликован в кн.: *Гиппиус З.Н. Стихи. Дневник. 1911–1921 // Слово* (Берлин). 1922. С. 96; приводится также в кн. “Живые лица” (С. 55–56). В этом стихотворении Гиппиус напоминает Блоку о дружественном характере их последнего свидания, но заканчивает его словами:

Я не прошу. Душа твоя невинна.
Я не прошу ей – никогда.

Блок первоначально решил отвечать Гиппиус большим письмом, черновик которого, датированный 31(18) мая 1918 г., вклеен в его дневник (*ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 318. Лл. 50–51*). Здесь Блок писал о своих расхождениях с Мережковскими и подводил итог их многолетней дружбе. К письму сделана приписка Блока: “Получив книжку Гиппиус, я собирался ей ответить. Но решил – в стихах”. По окончании работы над стихотворением, 6 июня Блок отметил в *ЗК*₅₆: “Отвечаю З. Гиппиус”. Однако датой создания Блок считал 1 июня, именно она проставлена под всеми авторскими воспроизведениями стихотворения. Текст стихотворения был надписан Блоком на сб.: *Блок А. Двенадцать. Скифы*. СПб.: Революционный социализм. 1918; отправлен З. Гиппиус и сохранился в ее архиве (*РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 253*).

Отклики современников появились после опубликования стихотворения. М.В. Бабенчиков отмечал, что ответ Блока З. Гиппиус «...навсегда останется в русской поэзии, как одно из лучших признаний “взыскательного” художника, парализовавшего действие яда клеветы смелым и открытым заявлением своего “взгляда” на будущее, своего прозрения вдаль” (*Бабенчиков М. А. Блок и Россия*. М., Л., 1923. С. 83). С. М. Городецкий, взяв эпиграфом три заключительные строки стихотворения, писал о них: “Наверное, многие из считающих себя читателями Блока прочтут эти Блоковские строки впервые. Мистики с озлоблением, материалисты с удовлетворением” (*Городецкий С. Борьба за Блока // Известия ЦИК СССР. № 180, 8 авг. 1926*).

...*Вам – зеленоглазую найдой ~ у ирландских скал* . – намек на стих. Гиппиус “Почему”, где есть строки:

О, Ирландия, океанная,
Мной невиданная страна!
Почему ее зыбь туманная
В ясность здешнюю вплетена.

(*Гиппиус З. Последние стихи. С. 44*)

Веет знамя – Интернационал! – Знамя Интернационала Блок противопоставляет знамени, воспетому в стихах Гиппиус:

Три поля на знамени нашем, три поля:
Зеленое – Белое – Алое.
Да здравствует молодость, правда и воля –
Вперед! Нас зовет Небывалое!

(*Гиппиус З. Последние стихи. С. 18*)

Интернационал – один из лозунгов левых эсеров, в газете которых “Знамя труда” Блок сотрудничал в этот период. В статье “Две России” Иванова-Разумника, возглавлявшего литературный отдел “Знамени труда”, в начале 1918 г. Блок отметил слова: «Для на-

родной души нет свободы без третьей ее ступени – свободы мировой, всенародной и “международной”, “интернациональной”, как говорят теперь временным глиняным словом. Но за временным словом этим народные поэты чувят вечное: “на земле мир, в человеках благоволение”. Всемирность русской революции – вот что пророчески предвидят народные поэты...”» (ЛББ. 94 1/129. С. 224). “Ненавидеть интернационализм – не знать и не чувствовать силы национальной”, – записал Блок в дневнике 5 января 1918 г. Таким образом, строка об интернациональном знамени русской революции означала для Блока то же, что и строка о мировом пожаре из поэмы “Двенадцать”. Впоследствии настроения, запечатленные в этом стихотворении, стали чуждыми Блоку. Переписывая стихотворение в *T₁₀*, он вычеркнул последнюю строку. К.И. Чуковский вспоминал, что в последние годы «если он о чем сожалел, то о своем стихотворном послании к Гиппиус. “Там было одно такое слово, которое я теперь не люблю”, – говорил он мне в марте 1921 года» (Чуковский К. Последние годы Блока // ЗМ. 1922. № 6. С. 161).

ЗИНАИДЕ НИКОЛАЕВНЕ

(“Вы жизнь по-прежнему нисколько...”)

(С. 82)

Автограф: БА – на обороте авантюла книги: *Блок А Катилина*. Пб.: Алконост, 1919 (ГЛМ Книжные фонды). Дата: “май 1919”. Перед текстом – посвящение: “Зинаиде Николаевне Александр Блок”. Неавт. машинопись – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 432, “май 1919”.

Впервые: *СС-124*. С. 211.

Печатается по тексту БА ГЛМ.

Стихотворение продолжает обмен посланиями с З.Н. Гиппиус, см. коммент. к стих. “З. Гиппиус”. В апреле 1918 г. отношения с Мережковскими были прерваны. 3 октября 1918 г. Блок отмечает в *ЗК₅₆* встречу в трамвае с З.Н. Гиппиус. 16 января 1919 г. там же Блок вспоминал содержание их краткой беседы: «З. Гиппиус сказала, что она встретилась со мной “как с поэтом”, а как с “политическим деятелем – незнакома”». В мае 1919 г. Блок регулярно встречается с Д.С. Мережковским в издательстве “Всемирная литература”. Мережковский передал Блоку следующее стихотворное послание Гиппиус:

Б (ывшему) рыцарю Прекрасной Дамы
Впереди 12-ти не шел Христос:
Так мне сказали сами хамы.
Но зато в Кронштадте пьяный матрос
Танцевал польку с Прекрасной Дамой.
Говорят – он умер... А если и нет?
Вам не жаль Дамы, бедный поэт?

Текст послания вложен в конверт без адреса (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 93). На листе приписка рукой Блока: “Д.С. Мережковский передал мне 7 мая 1919 года”. В ответ на обращение Гиппиус и написано стихотворение Блока.

Кикану – модный танец в предреволюционные и в первые послереволюционные годы. ...*швырять в них солью анекдота...* – В дневнике С.П. Каблукова 24 апреля 1919 г. со слов З.Н. Гиппиус сделана запись, объясняющая смысл этой реплики. С.П. Каблуков записал: «Кронштадтское “чудо”. На танцев(альном) вечере некий сильно пьяный матрос пригласил девицу на танец. Она отказала, т.к. он был пьян зело. Тогда он сказал – “хорошо! Не хочешь, так я найду себе пару!”. И, сняв икону Богородицы, пустился с нею в непристойный пляс. И через час внезапно умер. Смерть его была странная. Случай произвел впечатление». (*РНБ*. Ф. 332. Дневник 1919 года, часть 1-я. С. 106). Возможно, Блок знал об этом эпизоде.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

(“Я живу в отдаленном скиту...”)

(С. 83)

Автографы: I. Ария невесты. – *ЧА ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 4, “3.XI.1919”, заглавие: “(невеста ждет жениха) Куликово поле после 2-го”; *БА – Т₁₀*. Л. 16 об. – 17, “3.XI.1919”, заглавие: “Ария для кантаты Ю. Шапорина – после 2-го (Невеста ждет жениха)”.

Впервые: *Блок А.* Неизданные стихотворения: 1897–1919 / Ред. и примеч. П. Медведева. Л.: Жизнь искусства, 1926. С. 142.

Печатается по *Т₁₀*.

II. Хор татар – *ЧА ИРЛИ* – Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 1–3, “14.XI.1919”, заглавие: “Хор татар. Куликово поле (после 1)”; *БА – Т₁₀*. Л. 17–17 об., заглавие “Хор татар для кантаты (после 1-го)”.

Впервые – *Блок А.* Неизданные стихотворения: 1897–1919 / Ред. и примеч. П. Медведева. Л.: Жизнь искусства, 1926. С. 142–143.

Печатается по *Т₁₀*.

ЧА ИРЛИ – карандашные записи на отдельных листках, соседствующие с записями делового характера. Здесь же задана ритмическая схема первого и второго стихотворения, вероятно, предложенная композитором Ю. Шапориным, “Ария невесты” – переработка стихотворения Блока “Я живу в отдаленном скиту...”. Текст черновика написан карандашом, которым проставлена и дата начала работы – 3 ноября 1919 г. Последние две строки текста “Хор татар” написаны теми же чернилами, что и текст *БА Т₁₀*, этими же чернилами проставлена дата 14 ноября 1919 г., которую следует считать датой окончательного оформления текста. *БА* текста, который Блок передал Ю. Шапорину, не известен.

Тексты написаны Блоком по просьбе композитора Ю. Шапорина, работавшего над кантатой на стихи Блока “Куликово поле”. На листке *ЧА ИРЛИ* содержится запись Блока: «Шапорин окончательно заказал мне для кантаты “Куликово поле”. 23.VIII.1919». Шапорин торопил Блока с написанием текста, о чем свидетельствует запись в *ЗК₆₀* от 2 ноября: “Тексты для кантаты Шапорина (не успел)”. Работа была начата лишь на следующий день. В день завершения работы, 14 ноября, Блок записывает: “Шапорину – дополнение к Куликово полю” (*Там же*). “Ария невесты” – авторская переработка стих. “Я живу в отдаленном скиту...” (1905) см. т. 1 наст. изд.

При жизни Блока кантата написана не была. Ю. Шапорин осуществил свое намерение в 1938 г.

ENJAMBEMENTS

(“Давид Самуилович! Едва...”)

(С. 85)

Автографы: *БА* первоначального текста – *ЧукР*; опубл. – *ЧукП* С. 216 (факсимиле). Датировано: “21 ноября 1919”; заглавие с ошибкой (Enjambements), исправленной самим Блоком Enjambements; рукой Чуковского приписан текст экспромта в окончательной редакции;

БА окончательного текста – альбом Д.С. Левина (собрание Ю.Д. Левина, С.-Петербург), “21 ноября 1919 года”; заглавие – написано с ошибкой (Enjambements), исправленной Блоком; опубл.: Прометей. Вып. 4. М., 1967. С. 416 (факсимиле).

Впервые: *СС-12₁₂*.

Печатается по тексту *БА* в альбоме Д.С. Левина.

Первая редакция была написана в альбоме Д.С. Левина, где Блок ошибочно назвал Левина Давидом Соломоновичем. Текст был вырван из альбома Левина и вклеен в альма-

нах “Чукоккала” К.И. Чуковским, сделавшим на том же листе приписку: “Листок со стихами Блока, вырванный из альбома Давида Соломоновича Левина, когда оказалось, что Давид Соломонович – не Соломонович, а Самойлович” (ЧукП. С. 239). Вместо первоначального текста в альбом Левина был вписан окончательный текст экспромта.

Левин Давид Самуилович (1891–1928) – заведующий хозяйственно-техническим отделом издательства “Всемирная литература” (о нем см.: Левин Ю.Д. Поэты о дровах // Прометей. Вып. 4. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 415–419). В собрании Ю.Д. Левина хранится еще книга: Блок А Стихотворения. Книга первая (1898–1904). Пб.: Земля, 1918, с дарственной надписью: “Давиду Самойловичу Левину на добрую память от автора. Май 1919”.

Об обстоятельствах создания экспромта К.И. Чуковский писал в дневнике 23 ноября 1919 г.: “Очень забавен эпизод со стихами (...) служащему нашей конторы, Давиду Самойловичу Левину. Когда-то он снабдил Блока дровами, всех остальных обманул. Но и Блок, и обманутые чувствуют какую-то надежду – авось придет еще дров. Теперь Левин завел альбом и ему наперебой сочиняют стишки о дровах – Блок, Гумилев, Лернер” (ЛН. Т.92. Кн. 2. С. 249). Позднее он написал об этом же в воспоминаниях: Д.С. Левин «...очень милый молодой человек, каким-то чудом добывший для “всемирных литераторов” дрова из Совнархоза, однажды обратился к Александру Александровичу с просьбой вписать в его альбом какой-нибудь стихотворный экспромт. Блок тотчас же исполнил его просьбу» (ЧукП. С. 216).

Enjambements – перенос (от фр. enjamber – перешагнуть) – несовпадение строчечного и смыслового членения стиха. В данном случае экспромт строится на так называемом строчном переносе, когда фраза, начатая в одной строке, заканчивается в следующей.

... голова пойдет у Вас кру́гом – работая над этой строкой, Блок не случайно добивался переноса ударения кру́гом вместо кругом (см. авторское примечание к первоначальному тексту). Блок записал в дневник замечание, сделанное ему по поводу стиха в драме “Роза и крест” А. Ремизовым: “Голова идет кру́гом (а не кругом).

... не раз, и не два ~ “Дрова”. – поскольку Д.С. Левин был хозяйственником издательства, то большинство записей в его альбоме варьировали темы предметов первой необходимости, добытие которых находилось в компетенции Левина. Первая запись сделана Н.О. Лернером 7 (20) ноября 1919 г. Тему дров, которую подхватывает в своем экспромте Блок, открыло следующее стихотворение Н.С. Гумилева, написанное 20 октября 1919 г.:

Левин, Левин, ты суров,
Мы без дров,
Ты ж высчитываешь триста
Обесцененных рублей
С каталей
Виртуозней даже Листа.
В пятисотенный альбом
Я влеком
И пишу строфой Ронсара,
Но у бледных губ моих
Стынет стих
Серебристой стружкой пара.
Ах, надежда все жива
На дрова
От финляндцев иль от чукчей,
А при градусах пяти,
Уж прости
Сочинять нельзя мне лучше.

... святые слова “Дрова”. – Ср. запись в ЗК₆₀ Блока от 20 августа 1919: “Дрова, дрова!”

СЦЕНА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ
“ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА”

(“В конце ж шестого тома Гейне, там...”)

(С. 86)

Автографы: *ЧА ИРЛИ* – форзац и внутренняя сторона обложки кн.: *Уэллс Г.* Война в воздухе // Собр. соч. Пб., 1919. Т. 9. – *ИРЛИ. ЛББ.* 94 1/138.

Заглавие: “Отрыв(ки) ист(орических) карт(ин), соч(инение) Амфитеатрова”.

БА – *ЧукР.* С. 281–285. Сцена из

Впервые: *СС-12₄*

Печатается по БА *ЧукР.*

ЧА ИРЛИ – карандашом на форзаце и внутренней стороне обложки книги из личной библиотеки Блока; текст не имеет некоторых прозаических вставок и примечаний, впервые появившихся в “Чукоккале”. Имена действующих лиц написаны с сокращениями: Бл(ок), Чук(овский), Тих(онов) и т.д.; БА Чукоккала обнаруживает ряд расхождений с *ЧА*, это заставляет предположить, что текст воспроизводился по памяти. В *T₁₀* вписано заглавие «Диалог между членами коллегии “Всемирной литературы” (в альбоме у Чуковского), весна 1920?».

Написано в ноябре–начале декабря 1919 г. 11 ноября в ЗК₆₀ Блока отмечено: «“Картины”. Читал Амфитеатров»; 30 декабря там же: “Гейне в Англии”. К.И. Чуковский вспоминал: «Пародия эта вызвана моей нерадивостью. Редактируя для “Всемирной литературы” сочинения Гейне, Блок предложил мне написать нечто вроде предисловия к “Английским отрывкам” поэта. Я согласился, но, отвлеченный другими занятиями, не мог исполнить обещания. Чтобы побудить меня к выполнению моего обязательства, Блок и написал свою пьеску» (*ЧукП.* С. 204–205).

На обложке статьи “Гейне в России” Блок записал: «Чуковский. Гейне в Англии – VI т.? (26.VIII условились “через 3 месяца”» (*ИРЛИ.* Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 303). Срок договоренности истекал в конце ноября, когда и было написано стихотворение.

Исторические картины – особый драматический жанр, который М. Горький надеялся использовать в просветительных целях. При отделе театров и зрелищ Наркомпроса была создана секция Исторических картин, которую возглавлял Горький. По воспоминаниям К.И. Чуковского, “эта секция ставила себе целью побудить русских драматургов писать пьесы по определенному плану для просвещения широких читательских масс. Пьесы заимствовались по большей части из всемирной истории” (*ЧукП.* С. 204). По заданию секции Блок написал историческую картину “Рамзес”.

“*Всемирная литература*” – издательство, созданное по инициативе М. Горького в 1919 г.: Блок редактировал для “Всемирной литературы” собрание сочинений Г. Гейне. Часть сотрудников издательства были одновременно сотрудниками секции Исторических картин, вследствие чего, по воспоминаниям К.И. Чуковского, «часто бывало так, что после заседания “Всемирной литературы” некоторые из нас, не сходя с места, продолжали заседать с Горьким уже в качестве Правления Союза художественных деятелей или в качестве Секции исторических картин» (*ЧукП.* С. 204).

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) – писатель, публицист, критик. В первые годы Советской власти сотрудник издательства “Всемирная литература”, писал

пьесы по заданию секции Исторических картин. Впоследствии – эмигрант. К.И. Чуковский вспоминал, что на одном из заседаний секции Исторических картин Амфитеатров «... прочитал нам свою талантливую, но аляповатую пьесу “Васька Буслаев” в псевдорусском стиле. В числе слушавших пьесу Амфитеатрова был Александр Александрович Блок (...) Я тогда же заметил, как коробила Блока ее фальшивая словесная ткань. Под впечатлением этой пьесы Блок решил написать пародию на те “Исторические картины”, которые изготовлялись нами для секции (...) В примечании Блок указал, что его “Сцена” по структуре стиха и по некоторым оборотам языка приписывается Амфитеатрову. Действительно, такие слова, как: вестимо, аль не в подьем, натужьтесь, точно пародируют лексику амфитеатровского “Васьки Буслаева» (ЧукП. С. 204–206). А.В. Амфитеатров в воспоминаниях относит написание исторической картины “Василий Буслаев” к весне 1919 г.: “Мне было предложено написать картину новгородского веча. Обдумывая ее, я сперва рассчитывал показать Ваську Буслаева лишь как необходимую, но проходящую фигуру, типическую подробность вечевой бури, но, мало-помалу былинный образ этого воплотителя русского хаоса так захватил меня, что вместо заказной картины, я стал писать вот этого Василия Буслаева” (*Амфитеатров А.В.* Василий Буслаев. Представление в 4-х действиях. Ревель-Берлин // Библиофил, 1922. Предисловие. С. VII). Высказывания Блока о пьесе Амфитеатрова не сохранились. В Большом Драматическом театре в сезон 1920–1921 гг., когда Блок заведовал там репертуаром, предполагалось поставить пьесу “Василий Буслаев” (Жизнь искусства. 1920. № 442. 4 мая). По воспоминаниям А. Амфитеатрова, “постановка приостановилась за трудностью массовых сцен, для которых театр не мог найти настоящих статистов, и за неимением настоящего исполнителя на заглавную роль” (*Амфитеатров А.В.* Василий Буслаев. С. VIII). Из Большого Драматического театра пьеса была передана в Петроградский драматический театр (Жизнь искусства. 1921. № 702–705. 26–29 марта).

В конце ж шестого тома ~ в Англии... – Блок редактировал шестой том собрания сочинений Г. Гейне (Пб.: Всемирная литература. 1922), увидевший свет уже после смерти Блока. В том вошли третья и четвертая часть “Путевых картин” Гейне и “Английские отрывки”. Для этого тома Блок заказал Чуковскому статью, которая не была написана. Сохранился набросок статьи А. Блока «Об “Английских отрывках” Гейне».

Тихонов Александр Николаевич (псевдоним: Н. Серебров; 1880–1956) – писатель. Вместе с Горьким возглавлял издательство “Всемирная литература” К.И. Чуковский писал о комментируемом стихотворении Блока: “... тонко охарактеризован своей речевой манерой Александр Николаевич Тихонов (Серебров), единственный среди нас деловой человек, очень властный и требовательный. На заседании нашей коллегии он всегда говорил сжато, отрывисто – и только о деле. Блок чудесно отразил его характер в ритмическом рисунке его фраз. Реплики этого лица, – указал он в примечании к пьеске, – имеет только мужские окончания. И придал каждой реплике сухую обрывчатость” (ЧукП. С. 205).

... Лозинский ~ один Чуковский говорить. . – *Лозинский* Михаил Леонидович (1886–1955) – поэт, переводчик;

Вольнский (Флексер) Аким Львович (1861–1926) – литературный и театральный критик;

Гумилев Николай Степанович (1886–1921) – поэт.

Эти строки К.И. Чуковский прокомментировал следующим образом: «Во “Всемирной литературе” я в то время (совместно с Евг. Замятиным) заведовал англо-американским отделом, А.Л. Вольнский – итальянским, Н. Гумилев – французским, Лозинский – испанским. Основываясь на известной поговорке, что испанский язык создан для разговора с богом, французский – для разговора с королем, итальянский – с возлюбленной, а по-английски можно говорить только с лошадьми, Блок в шутку снабдил каждого из нас именно этими собеседниками» (ЧукП. С. 205).

Пролеткульт – литературное объединение (1917–1932), ставившее целью создание особой, пролетарской культуры.

Студия – литературная студия при издательстве “Всемирная литература”, которой руководил К.И. Чуковский (см.: *Зейдман А.Д.* Литературные студии “Всемирной литературы” и “Дома искусств” (1919–1921 гг.) // *Русская литература.* 1973. № 1. С. 241–247).

Петрокомпромисс – искаженное Петронаркомпрос (Петроградский Народный комиссариат просвещения).

Оцуп Николай Авдиевич (1894–1958) – поэт-критик, один из основоположников акмеизма. “Фамилия поэта Оцупа, упоминаемого Блоком, предположительно расшифровывается им как название одного из современных учреждений” (*ЧукП.* С. 205).

Эссеисы – от англ. essays – очерки. «Строки об “эссеисах”, – вспоминал К.И. Чуковский, – намекают на сделанную мною незадолго до того предложение в коллегии “Всемирной литературы” не переводить слова эссею неподходящим словом “опыт”, а ввести его в русский язык в качестве технического термина “эссеи”» (*ЧукП.* С. 205).

Я “Принципы” пишу! ~ Воздухоплавание... – К.И. Чуковский вспоминал: «...Блок с удивительной точностью (нисколько не утрируя) перечисляет те до смешного разнообразные темы, над которыми мне, как и многим из нас, приходилось в ту пору работать. “Принципы”, указанные им, – это книжка “Принципы художественного перевода”, которую я в то время писал совместно с Н. Гумилевым. “Гржебинские списки” – списки ста лучших русских книг для издательства З.И. Гржебина, руководимого Горьким» (*ЧукП.* С. 205), Книга К.И. Чуковского и Н. Гумилева “Принципы художественного перевода” (Пб, 1919) создавались ими как пособие для переводчиков издательства “Всемирная литература”.

Гржебинские списки – список ста лучших книг, которые намеревался издать З.И. Гржебин, неоднократно упоминаются в дневнике Чуковского (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 248, 249). Известен список, составленный для Гржебина Блоком (наст. изд., т. 10).

Персея инсценирую! – историческая картина “Храбрый Персей”, написанная для секции Исторических картин (*РГБ.* Ф. 620. Карт. 14. Ед. хр. 28).

Некрасов ~ Еще не сдан! – Чуковский работал над двумя книгами о Некрасове: “Некрасов как художник” (Пб.: Эпоха, 1922) и “Поэт и палач” (Некрасов и Муравьев) (Пб.: Эпоха, 1922), а также готовил к печати сборник: Некрасов Н. Стихотворения. Пб, 1920.

Введенский Иринарх Иванович (1813–1855) – переводчик, критик, педагог; один из первых переводчиков Диккенса, которого знал лично. Редактируя для собрания сочинений Диккенса переводы Введенского, Чуковский пришел к выводу, что они не соответствуют подлиннику. “Автором он склонен считать скорее себя, – писал Чуковский, – чем Диккенса. Иначе он не сочинял бы целых страниц отсебятины, которая в течение полувека считается у нас сочинением Диккенса” (*Чуковский К.И., Гумилев Н.С.* Принципы художественного перевода. С. 20).

Шевченко – К.И. Чуковский был автором статьи: Шевченко // *Русская мысль.* 1911. № 4–5, и предисловия к кн.: *Шевченко.* Собр. соч. СПб., 1911. Т. 2.

Воздухоплавание – Чуковский был автором статьи “Авиация и поэзия” (1911). Для секции исторических картин писал сценарии по истории воздухоплавания.

Уитман (Уитмен) Уолт (1819–1892) – американский поэт. В 1919 г. Чуковский выпустил книгу о нем: Уитман Уолт. Поэзия грядущей демократии. 4-е изд. Пб., 1919.

Вольнский ~ нервно! – К.И. Чуковский отмечал типичность этой реплики Вольнского: «Аким Вольнский, например, очень любил слово “нервно” (в его произношении “негвно”), охотно применяя это слово к написанным мною статьям» (*ЧукП.* С. 205).

Замятин Евгений Иванович (1884–1937) – писатель, вместе с Чуковским возглавлял во “Всемирной литературе” англо-американский отдел.

Брайдо Евгений Максимович (1882–1939) – музыковед; “медоточиво-любезный профессор, всегда поддакивал тому, что говорили другие, и присоединялся ко всякому большинству голосов” (*ЧукП.* С. 205).

Антон – швейцар издательства “Всемирная литература”. Упомянут в дневнике К.И. Чуковского: “усатый меланхоличный Антон” (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 248).

Аддисон Джозеф (1672–1719) и Стиль Ричард (1671–1728) – английские писатели, чьи имена тесно связаны между собой благодаря их сотрудничеству в журналах “Spectator”, “Guardian”, “Tatler”.

Евдокия Петровна Струкова – секретарь издательства “Всемирная литература”.

Вентоз – название третьего зимнего месяца по республиканскому календарю Великой французской революции.

В АЛЬБОМ ЧУКОВСКОМУ

(“Нет, клянусь, довольна Роза...”)

(С. 89)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА ИРЛИ* – Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 1. “6.XII.1919”; *БАП ИРЛИ* – Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 2, “Чуковскому”; *БА ЧукР*. Авторизованная машинопись – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 3, “Чуковскому”; авторизованная машинопись – *T₁₀*. Л. 19, “6.XII.1920” (исправлено: “6.XII.1919”) “Чуковскому”.

Впервые: *Летопись Дома литераторов*. 1921. № 2. С. 6 (без заглавия).

Печатается по *T₁₀* с восстановлением знака (запятая после “гляди” в ст. 26).

Нижний слой *ЧА ИРЛИ* является первоначальной редакцией. Черновик датирован “6.XII.1919”. В *БАП ИРЛИ* первоначальная редакция подвергнута правке, в результате которой текст приведен к основному. Здесь появилось и заглавие. Ст. 1–6, 9–16, 25–30, 35–36, 42, 45 вписаны; в *ЧукР* текст не имеет даты, но рукой К.И. Чуковского приписано: получено 8 декабря 1919 года”. Вероятно, описка в дате (см. ниже цитату из дневника Чуковского). В *T₁₀* вклеен лист машинописи, вероятно, сделанной по просьбе Блока Чуковским, в которой рукой Блока исправлены опечатки, ошибка в дате и изменено заглавие. Сохранился здесь же второй экземпляр машинописи, без правки.

При жизни Блока не публиковалось.

По воспоминаниям В.А. Рождественского, “стихи имели большой успех в недрах издательства” (*Воспоминания*, 2. С. 205).

Есть сведения о чтении стихотворения К.И. Чуковским на вечере памяти Блока 22 октября 1921 г., где приводится текст послания, а также и высказывание Чуковского о нем: “В этом смехе чувствовался плач. Повторение одних и тех же рифм и смешило, и угнетало, как однообразная боль... Замечательно, что Блок не побоялся ввести в эту шутку свои любимые романтические образы: соловьиный сад, голубой цветок, Незнакомку” (*Летопись Дома литераторов*. С. 6).

Стихотворение предназначалось для альбома “Чукоккала”, Блок отвечает в нем на стихотворное послание К. Чуковского “Мое гражданское негодование при чтении стихов Ал. Блока и Н. Гумилева, посвященных дровянику Давиду Самойловичу Левину”, которое, в свою очередь, было вызвано стих. “Enjambements” (см. коммент. к нему). 2 декабря Блок отметил в *ЗК₆₀*: “Попросить стихотворение Чуковского”. В архиве Блока сохранился текст стих. “Мое гражданское негодование...”, к которому Блок сделал приписку: “Чуковский – нам с Гумилевым по поводу написанных нами в альбом Левина стихотворений о дровах” (декабрь 1919 – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 85). 6 декабря Блок записывает: “Ответ Чуковскому в стихах”; эта же дата и на *ЧА ИРЛИ*. Чуковскому стихотворение было передано 8 декабря, о чем свидетельствует запись в его дневнике: “Вчера я получил прелестные стихи от Блока о розе, капусте и Брюсове, очень меня обрадовавшие” (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 251).

Роза – Розалия Васильевна Рура. По воспоминаниям К.И. Чуковского, это была «...тучная торговка, постоянно сидевшая на мраморной лестнице нашей “Всемирной” с

папиросами и хлебными лепешками, которые она продавала нам по безбожной цене” (ЧукП. С. 218). Роза Рура неоднократно упоминается в записных книжках Блока. В альбоме Р.В. Руры сохранилась запись Блока: «Розе Васильевне – привет! Всегда Вас первую привык встречать во “Всемирной литературе” А. Блок. Ноябрь 1920» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 42. Ед. хр. 69). В.А. Рождественский также вспоминал о Розе Рура: «В нашем издательстве, как и в каждом советском учреждении той поры, существовал свой “хозяйственник”, занимавшийся мелкими бытовыми вопросами – статьей, для полугодичных 1919–1920 годов немаловажной. Это место занимала многим памятная Роза Васильевна, существо неопределенного возраста и необъятных размеров. Закутанная в добрый десяток платков, завязанных толстым узлом на поясище, седая и краснощекая, торжественно восседала она за небольшим столиком, на котором были соблазнительно разложены папиросы, мелкая галантерея и немудреные пласти той поры. В своей частной торговой политике была она тверда и непреклонна, произвольно и неожиданно вздувая при этом и без того немалые цены. Она же выполняла по ею же самой установленной таксе мелкие поручения и выдавала небольшие ссуды, как правило – только за неделю до общеиздательского выплатного дня (...) Эта Роза Васильевна упомянута Блоком (...) в шуточных стихах о “предметах первой необходимости” (...) Всем было известно, что к Блоку монументальная Роза Васильевна питала особое расположение» (Воспоминания, 2. С. 203–205).

... *Истоцала кошелек...* – К. Чуковский записал в альбом Р. Руры стихотворение, где есть строки:

Мы все к тебе толпою
Летим, как мотыльки,
Открывши пред тобою
Сердца и кошельки.

(ИРЛИ Л. 3 об.)

Верь, безумный ~ паек! – Блок использует образы шуточного стихотворения К. Чуковского:

Поверят ли влюбленные потомки,
Что наш магический, наш светозарный Блок
Мог променять объятья Незнакомки
На дровяной паек!

(ЧукП С 205)

Поэза – маркиз Поэза, герой трагедии Шиллера “Дон Карлос”, олицетворение благородства и возвышенного романтизма.

Вялой прозой ~ сад поблек. . – Блок отвечает на послание Чуковского:

Ты ль это, Блок? Стыдись! Уже не роза,
Не Соловьинный сад,
А скудные дары из Совнархоза
Тебя манят!

Совнархоз – Совет народного хозяйства.

Голубой цветок – образ из романа Новалиса “Генрих фон Офтердинген”, ставший символом романтического искусства. Работая над переводами Г. Гейне, Блок в докладе “О иудаизме у Гейне”, который был прочитан 27 декабря 1919 г., использует следующую цитату из Гейне: “После самых смертоносных ударов, нанесенных мною увлечению романтической поэзией в Германии, меня самого вновь охватила безграничная тоска по голубому цветку”.

...(*Книг чтоб не было ~ погоди!*) – К.И. Чуковский записал в дневнике: Блок «сообщил мне, что в его шуточном послании ко мне строчку о Брюсове сочинила его жена, – “лучшую в сущности строчку”» (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 251). О содержании этой строчки Чу-

ковский писал в примечаниях: “Из Москвы до нас донесся неверный слух, будто Брюсов, работавший тогда в Наркомпросе, готовит декрет о том, чтобы частным лицам, обладающим книгами, было оставлено не более ста книг, а остальные должны быть конфискованы и отданы в общее пользование” (*ЧукП.* С. 218). Этот слух Блок упоминает в *ЗК*₆₀ 10 октября 1919 г.: “О будущем декрете, сочиненном Брюсовым”. В 1918–1919 гг. Брюсов был заведующим Московским библиотечным отделом Наркомпроса. В отчетном докладе Брюсова за 1918 г. сказано о его деятельности на этом посту: “... работа в Петербурге и Москве сводится, главным образом, к охране и учету книжных богатств республики, к централизации распыленных, реквизированных и беспризорных частных и общественных библиотек в Книжных фондах (в Петербурге и Москве), к распределению части Книжного фонда по разным академическим и народно-просветительным библиотекам и пополнению государственных книгохранилищ” (Библиотечное обозрение. 1920. Кн. 2. С. 183). В архиве Брюсова сохранился текст “Инструкции о порядке реквизиции частных библиотек Народного комиссариата по просвещению”, написанной рукой Брюсова, где сказано: “Библиотекой признается собрание книг свыше 500 томов разных названий. Томом считается книга свыше 80 страниц...”. И далее: “В распоряжении частного лица собрание книг свыше 2000 томов разных названий, а в распоряжении общества – свыше 15000 томов может оставлено только под условием письменного на то разрешения Библиотечного отдела” *РГБ.* Ф. 386. Карт. 115. Ед.хр. 29. Л. 5). Текст этой Инструкции был утвержден на коллегии Наркомпроса 27 декабря 1918 г. и издан Литературно-Издательским Отделом Наркомпроса в Москве в 1919 г., под ним стоит подпись М.Н. Покровского, В. Покровского и Заведующего Московским Библиотечным Отделом В. Брюсова (текст – собрание Р.Л. Щербакова. Москва). Эта инструкция и стала поводом для слухов.

... *Но носящему котомки...* – В библиотеке Блока на книге *Гернес М* Культура доисторического прошлого. М., 1913. Ч. 1 на с. 1 отчеркнута фраза: “Кроме того, одинаково как у мужчин, так и у женщин, обычно на плечах висит кожаный мешок, куда они прячут съедобные предметы, попавшиеся им по дороге”. На полях помета Блока: “Напр(имер) у обитателей Петербурга в 1919 году по Р.Х.” (*ЛББ.* 94 2/55).

... *Здравствую и посейчас...* – К.И. Чуковский в комментариях к этой строке писал: «Он как будто и сам удивлялся, что мы еще живы, и словно дразнил кого-то своей необыкновенной живучестью “Здравствую и посейчас. Да-с”. Но это был лишь временный приступ веселости, и вскоре он понял, что не ему похвалиться живучестью. В своем последнем письме ко мне, отрекаясь от этой бодрой строки, Блок писал: “Сейчас у меня ни души, ни тела, нет, я болен, как не был никогда еще: жар не прекращается, и все всегда болит... Итак, здравствую и посейчас сказать уже нельзя...” (Летопись Дома литераторов. С. 6). Полный текст цитируемого письма Блока Чуковскому см.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 242.

ПРОДОЛЖЕНИЕ “СТИХОВ О ПРЕДМЕТАХ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ” (В АЛЬБОМ ЧУКОВСКОМУ)

Стихотворение, приписываемое Брюсову
 (“Скользили мы путем трамвайным...”)

(С. 91)

Автографы: *ЧА ИРЛИ.* Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 106. Л. 2 об.; дата под текстом: “10 декабря”; заглавие: «Продолжение “Стихов о Предметах Первой Необходимости”». Стихотворение, приписываемое В. Брюсову; *БА–ЧукР.* Л. 221, опубли. в кн.: *ЧукП.* С. 221 (факсимиле); *ЛН.* Т. 92. Кн. 1. С. 523 (факсимиле). *БА ИРЛИ – Т₁₀.* Л. 20–20 об., “10.XII.1920”, исправлено: “10.XII.1919”, с заглавием: «Продолжение “Стихов о Предметах Первой Необходимости”» (в альбом Чуковскому). Стихотворение, приписываемое В. Брюсову.

Впервые: *Русский современник*, 1924, № 3. С. 143; *Красная газета* (вечерний выпуск), 1924, 24 окт.

Печатается по тексту *T*₁₀.

ЧА ИРЛИ отражает два этапа работы. Черными чернилами записан текст чернового наброска с большими пробелами без даты и заглавия. Карандашная правка приводит текст к окончательному виду. Часть текста вписана в пробелы, строфы 2 и 3 вписаны на полях. Карандашом проставлена дата “10 декабря” и заглавие, первоначально: «Продолжение “Стихов о Предметах Первой Необходимости”», затем вписан подзаголовок: “Стихотворение, приписываемое В. Брюсову”.

11 декабря стихотворение было передано Чуковскому, записавшему в дневнике: “Блок принес в подарок для Чукоккалы новое стихотворение: пародию на Брюсова – отличное” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 251).

Продолжение “Стихов о Предметах Первой Необходимости”. – Предметы первой необходимости – керосин, дрова, продукты и т.п., распределялись в 1919 г. по карточкам. В *ЗК*₆₀ Блока 11 августа 1919 упоминается Бюро по распределению предметов первой необходимости. Под “Стихами о Предметах Первой Необходимости” Блок понимает цикл шуточных посланий в альбоме Д.С. Левина о дровах (см. коммент. к стих. “Enjambements”) и свое стихотворное послание “В альбом Чуковскому” (“Нет, клянусь, довольно Роза...”) (см. коммент. к нему).

Стихотворение, приписываемое В. Брюсову. – К. Чуковский назвал стихотворение “пародией на Брюсова” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 251), однако соотнести стихотворение Блока с конкретным стихотворением Брюсова затруднительно. Ближе всего оно к стих. “Памяти Е.И.П.” из сборника “Третья стража”, оканчивающегося словами:

И мы молча прошли, я – на Запад,
Он – на Восток.

Блок использует также отдельные брюсовские выражения “час побед”, “являли вид” и др.

Скользили мы путем трамвайным... – Об обстоятельствах создания стихотворения К.И. Чуковский вспоминал: «Как-то зимою мы шли с ним (Блоком. – *Ред.*) по рельсам трамвая и говорили, помню, о “Двенадцати” (...) Я сказал ему, что теперь, когда Катька ушла из публичного дома и сделалась “барышней”, поступила на казенную службу, его “Двенадцать” уже устарели, так как ныне “Прекрасная Дама”, Россия, воплощается уже не в образе пьяной и падшей девки, но в образе комиссариатской девицы. “Россию, как пьяную и падшую вы еще могли полюбить, но эту?..” Он ничего не ответил, и мы заговорили о другом. Но через несколько дней он принес мне листочек, где в виде пародии на стихотворение Брюсова была изображена эта новая Прекрасная Дама, – последняя из воспетых им женщин» (*Чуковский К* Последние годы Блока // *ЗМ* 1922, № 6. С. 165–166).

...Ее – с усердьем чрезвычайным... – Женский образ этого стихотворения К. Чуковский связывал со своей беседой с Блоком о “Двенадцати” (см. выше). В этой связи Чуковский писал: “Женщины, которых он пел, всегда были для него не только женщинами, но огромными символами чего-то иного (...) И вот, в конце этого длинного ряда появилась у него новая женщина, воплощение новой России” (*Там же*. С. 166).

...Сопровождал, как тигр, матрос... – Образ матроса помогает понять высказывание Блока, записанное через несколько дней после создания стихотворения, 3 января 1920 г., К.И. Чуковским: “Прежде матросы б(ы)ли в стиле Маяковского. Теперь их стиль – Игорь Северянин” (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 251). См. также коммент. к стих. “Зинаиде Николаевне” (с. 483 наст. тома).

...Светился, как ацетилен... – Ацетилен – газ, который во времена Блока использовали в автомобильных фарах (о Блоке и автомобилизме см.: Нева. 1984. № 2. С. 197–198).

“ХОТЕЛ Я. ВОРОТЯСЬ ДОМОЙ...”

(С. 92)

Местонахождение автографа неизвестно. Копия рукой Л.Д. Блок – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 433; дата: “июнь 1920”; заглавие отсутствует.

Впервые: *СС-12₄*

Печатается по копии *ИРЛИ*.

Экспромт обращен к поэтессе и переводчице Радловой Анне Дмитриевне (1891–1949). Радлова была восторженной почитательницей Блока. В заметке об его вечере она писала: «И так же, как блестящие и победно успокоенные 20-е годы прошлого столетия мы называем Пушкинским временем, так наши потомки с правом, ибо они будут знать “Возмездие”, “Скифы” и “Двенадцать”, назовут наши бушующие годы временем Блоковским» (*Жизнь искусства*. 1920. № 520. 3 авг.). А. Радлова выпустила в 1920 г. в издательстве “Алконост” сборник стихов “Корабли”, которые были написаны под влиянием Блока. Э. Голлербах в рецензии на сборник писал, что “подделка даже под величайшего поэта современности не составляет никакого приобретения” (*Ego* [Э. Голлербах]. Рец. на кн.: *Радлова А. Корабли*. П., 1920 // *Вестник литературы*. 1921. № 3. С. 9. По сведениям В.Н. Орлова, источник которых не указан (*СС-8₃*. С. 646), экспромт был записан в альбом Радловой. Альбом запирался на ключик и нечаянно замкнулся в руках Блока.

НАДЕЖДЕ ПАВЛОВИЧ

(“Яблони сада вырваны...”)

(С. 93)

Местонахождение автографа неизвестно. Копия рукой Н.А. Павлович – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 435. Л. 1, “авг. 1920”, заглавие: “Надежде Павлович”.

Впервые приведено в воспоминаниях Н. Павлович: альм. “Феникс”. Вып. I. 1922. С. 154. Печатается по копии *ИРЛИ*.

Павлович Надежда Александровна (1895–1980) – поэтесса, секретарь Союза поэтов в период, когда Блок был его председателем (1920–1921).

По воспоминаниям Н.А. Павлович, четверостишие «Блок написал на книгу “За гранью прошлых дней”, которую подарил мне осенью 1920 г. (книга у меня в 30-х годах украдена)» (*Павлович Н. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // БС-1*. С.464). Датировка, которую предлагает Павлович, может быть уточнена. Блок получил авторские экземпляры сборника “За гранью прошлых дней” 24 августа 1920 г. Часть надписей на этой книге датирована августом (Л.Д. Блок, Е.Ф. Книпович, С.М. Алянскому), часть – сентябрем (Н.С. Гумилеву, П.С. Сухотину, К.И. Чуковскому) и даже декабрем (Ю.Н. Верховскому, Н.А. Нолле). В *ЗК₆₁*, 25 августа отмечено: “Стихи Н.А. Павлович”. Вероятно, это была дата написания стихотворения.

Яблони сада вырваны ~ сладостна боль ее. – Павлович вспоминала, что четверостишие написано в ответ на ее стихотворение:

У сада – есть яблони,
У женщины – есть дети,
А у меня – только песни,
И мне – больно.

Опубл.: *ЗМ*. 1921. № 2/3. С. 133. Копия стихотворения с иной пунктуацией сохранилась в архиве Блока: *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 435. Л. 1.

... *Дети у женщины взяты...* – отзвуки разговора Блока с Павлович, о котором она писала в воспоминаниях: «В то время шли бытовые толки о том, что детей будут отбирать у матерей для коммунистического воспитания. Мы с М.М. Шкапской зашли к Але-

ксандре Андреевне, которая возмущалась самой возможностью этого. Шкапская волновалась – для нее это был вопрос личного порядка. Александр Александрович долго не вмешивался в спор, а потом неожиданно сказал: “А, может быть, было бы лучше, если бы меня... вот так взяли в свое время...”» (*Павлович Н.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // *БС-1*. С. 463–464).

М.И. БЕНКЕНДОРФ

(Надпись) на “Седом Утре”)

(“Вы предназначены не мне...”)

(С. 94)

ЧА ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 107. Л. 1, “23.Х.1920”, заглавие: “М.И.Б.”; *БА Т₁₀*. Л. 21, “23.Х.1920”; заглавие: М.И. Бенкендорф (надпись на “Седом утре”). Местонахождение книги с автографом неизвестно.

Впервые: сб.: Памяти А.А. Блока. Пб., 1922. с. 7.

Печатается по *Т₁₀*. Л. 21.

ЧА ИРЛИ отражает два этапа работы: фиолетовым карандашом сделан первоначальный набросок; правка простым карандашом приводит текст к окончательной редакции. В последнем стихе правка красным карандашом.

Бенкендорф Мария Игнатьевна, урожденная Закревская, во втором браке баронесса Будберг (1892–1974) – секретарь секции Исторических картин, возглавлявшейся Горьким и размещавшейся в здании издательства “Всемирная литература”. М.И. Бенкендорф неоднократно упоминается Блоком в дневнике и в записных книжках. 30 ноября 1920 г. Блок отметил в *ЗК₆₁*: “Книжка – М.И. Бенкендорф”. О посвящении Блока стало известно К.И. Чуковскому, собиравшему материалы для задуманной им работы о Блоке. Блок остался недоволен разглашением текста, что стало известно М.И. Бенкендорф, которая писала Блоку 7 декабря 1920 г.: «Милый Александр Александрович! Может быть напрасно я Вам пишу это письмо. – Но пусть будет так. – Мне не хочется, чтоб Вы думали, что Ваше “Седое утро” с моими стихами мною хвастливо рекламируется. – Чуковский просто соврал, когда говорил, что я ему об этом сказала. – Его увидел на моем столе в тот день, когда я принесла его домой, – я имела неосторожность не сразу его спрятать. – Я не знаю, отчего и не хочу знать отчего, но я отношусь к Вам совсем по-иному, чем обыкновенно отношусь к людям и для меня это как-то очень ценно и как-то волнует. – И нестерпимо не хочется, чтоб из всего вышла какая-то густая пошлость. Вот, Александр Александрович. Ваша Мария Бенкендорф» (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 154).

Л.А.Д.

(Надпись) на “Седом Утре”)

(“Едва в глубоких снах мне снова...”)

(С. 95)

Автографы: *ЧА ИРЛИ₁* – Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 107. Л. 1 об., “23.Х.1920”; посвящение: “Л.А.Д.”; *ЧА ИРЛИ₂* – Там же. Ед.хр. 108. Л. 1. “23–24.Х.1920”, посвящение: “Л.А.Д.”; *БА* – на обороте титульного листа книги: *Блок А.* Седое утро. Пг. 1918 (собрание И.А. Фазцевской, Ленинград), “23.Х.1920”, заглавие: “Л.А.Д.” *БА Т₁₀*. Л. 21 об., “23–24.Х.1920”, заглавие: “Л.А.Д.” (надпись на “Седом утре”).

Впервые: Памяти А.А. Блока. Пб., 1922. С. 8.

Печатается по *Т₁₀*.

ЧА ИРЛИ содержит наброски начала стихотворения и первоначальную черновую редакцию; при переписывании текста во втором *ЧА* появляются новые стихи и работа над

текстом продолжена. В последнем слое текст приведен к окончательной редакции. Черновые автографы имеют посвящение “Л.А.Д.”, написанное в правой стороне листа, ставшие уже в *БА* заглавием. Даты в *ЧА* записаны под посвящением. *БА* переписывался *ЧА ИРЛИ*₂, хотя появились пунктуационные варианты и поставлена дата первого *ЧА*. Окончательное оформление текста происходит в *T*₁₀, где заглавие получает подзаголовок.

Дельмас (по мужу Андреева) Любовь Александровна (1884–1969) – оперная певица, близкий друг Блока. Л.А. Дельмас посвящено несколько стихотворений Блока (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 64–67), к ней обращен цикл стихотворений “Кармен”. Общенье с Дельмас в последние годы жизни Блока было очень интенсивным, она была своим человеком в доме Блока и его матери. Поэт дарил ей почти все сборники своих стихов.

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

(“Имя Пушкинского Дома..”)

(С. 96)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА ИРЛИ* – Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 319. Л. 41–42, “5.П.1921”, без заглавия (опubl.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1947. С. 30); *БА ИРЛИ*₁ – Альбом Пушкинского Дома. Р. I. Оп. 12. Ед.хр. 282. “5.П.1921”, заглавие: “Пушкинскому Дому”; *БА РГАЛИ* – Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 62, “5 февраля 1921 года”, заглавие: “Пушкинскому Дому”; *БА ИРЛИ*₂ – *T*₁₀. Л. 22–23, “5 февраля 1921”, заглавие: “В альбом Пушкинского Дома”; *АС* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 427, “23 января/5 февраля 1921 года” (рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух); заглавие отсутствует; авторизованный список – *ЧукР* (рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух с припиской Блока). “29 января/11 февраля 1921”, заглавие и посвящение: ^а “Пушкинскому Дому”. ^б Посвящается Пушкинскому Дому. ^в “Пушкинскому Дому”. Написано для альбома в альбом Пушкинского Дома. Опubl.: *ЧукП* (факсимиле).

Впервые: Дом искусств. 1921. № 2. С. 1–2. Дата: “29 января/11 февраля 1921 год”.

Печатается по тексту *БА ИРЛИ*₁.

ЧА ИРЛИ – черными чернилами. Первоначальный слой текста с большими пробелами, в которые вписано недостающее. Работа над текстом здесь в основном завершена, но текст окончательного оформления не получает. *БА РГАЛИ* – окончательное оформление текста, предназначавшегося для воспроизведения в альбом Пушкинского Дома. Авторизованные списки *ИРЛИ*, *ЧукР*, *БА ИРЛИ* воспроизводят текст *БА РГАЛИ*. Идентичен им и текст неавторизованного списка, сделанного А.А. Кублицкой-Пиоттух, посланный в письме к М.А. Бекетовой (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 7. Ед.хр. 18. Л. 85 об.–86). Исправленный текст стихотворения с вариантами в ст. 19, 21 Блок вписывает в *T*₁₀, что произошло после записи *ЧукР*, сделанной 29 января/11 февраля 1921 (поскольку в Чукоккале Блок еще обнаруживал колебания в выборе заглавия, а в *T*₁₀ заглавие уже не имеет вариантов), но не позднее 15 марта (дата следующего стихотворения в *T*₁₀). С текста *T*₁₀ А.А. Кублицкая-Пиоттух сделала копию (неавторизованную), отосланную М.П. Ивановой (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 544. Л. 20).

Стихотворение написано по просьбе сотрудницы Пушкинского Дома Евлаллии Павловны Казанович (1886–1942). В дневнике Блок записал 5 февраля 1921 г.: “Позвонила библиотекарьша Пушк(инского) Дома. Завела альбом Пушк(инского) Дома” (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 319. Л. 41). На этом же листе *ЧА* стихотворения. В дневнике Казанович в этот день также сделана запись: “Звонила Блоку, прося его написать что-нибудь в альбом, который я предназначаю Пушк(инскому) Дому; один я уже завела, и в нем уже есть записи некоторых московских литераторов и ученых, и наших здешних. Но для поэтов и художников я отыскала другой, тоже старинный, но лучше первого. Блок обещал и думаю, что не для того только, чтобы отделаться” (*РНБ*. Ф. 326. Оп. 1. Ед.хр. 20. Л. 107).

В эти дни Блок работал над речью “О назначении поэта”, которую он произнес 11 февраля в Доме литераторов. Черновики речи в дневниках Блока непосредственно предшествуют стихотворению. Содержание стихотворения связано с размышлениями Блока о Пушкине в 1921 г., запечатленными в статье.

Черновой вариант стихотворения был написан в тот же день. 8 февраля А.А. Кублицкая-Пиоттх, посылая М.А. Бекетовой список стихотворения, писала о Блоке: “А пока он написал стихи для Пушкинского альбома Пушкинского Дома в Академии наук... (не вздумай никому показывать эти стихи)” (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 7. Ед.хр. 18. Л. 83 об.–85 об.). 16 февраля мать Блока писала М.П. Ивановой: “Саша написал стихи о Пушкине для Альбома Пушкинского Дома в Академии наук. Стихи мне нравятся” (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 544). Здесь же неавторизованная копия стихотворения, сделанная А.А. Кублицкой-Пиоттх (*Там же*. Л. 20). Установить, к какому из писем она была приложена, не представляется возможным. Авторизованный список стихотворения рукой А.А. Кублицкой-Пиоттх вклеен в Чукоккалу. К.И. Чуковский вспоминал: «Оно скопировано рукой его матери и только подписано им. Как-то, придя к нему через несколько дней после того, как он произнес в Доме литераторов свое незабвенное слово о Пушкине, я узнал от его матери, Александры Андреевны, что “Сашенька” кроме того, написал о Пушкине стихи. Александра Андреевна ликовала: он давно уже не писал ни одной стихотворной строки, и вот, как ей показалось, поэтическое вдохновение снова и надолго – вернулось к нему. Но Александр Александрович был сумрачен. “Да, написал... Кто-то позвонил по телефону и попросил написать в альбом Пушкинского Дома стихотворение о Пушкине. Я написал, но, кажется, вышло плохо. Отвык, не писал уже несколько лет”» (*ЧукП*. С. 223). Речь Блока “О назначении поэта” была прочитана в Доме литераторов в годовщину смерти Пушкина 29 января (11 февр.). Е.П. Казанович присутствовала на вечере и записала о нем в дневнике: “Кони был трафаретен, Блок – скучен, только стихи Кузмина были милы...” (*РНБ*. Ф. 326. Оп. 1. Ед.хр. 20. Л. 108). На вечере к Блоку она не подошла, и только 20 марта позвонила по телефону, о чем записала в дневнике: “Никак не ожидала, чтобы Блок так быстро исполнил мою просьбу о стихах в альбом. Оказывается, в тот самый вечер, когда я с ним говорила по телефону, он написал специальные для альбома стихи, посвященные Пушкинскому Дому! Какой милый. Мы условились, что я зайду с альбомом, но до вчерашнего дня я, по обыкновению, не выбралась, а вчера узнала, что стихи давно написаны и ждали меня” (*Там же*. Л. 110). Эта запись помогает установить дату внесения стихотворения в альбом (*БА ИРЛИ*) – 19 марта. К этому времени относится и автограф на кн.: *Временник Пушкинского Дома* (СПб., 1913) из библиотеки Блока: “Певцу Пушкинского Дома Александру Блоку. Нестор Котляревский. Е. Казанович. Март 1921”.

Сведений о чтении стихотворения современниками нет. Публикация в журнале “Дом искусства” вряд ли происходила при участии Блока, так как дата стихотворения расходится со всеми автографами и авторизованными списками и совпадает только с *ЧукР*.

Единственный прижизненный отзыв о стихотворении принадлежит А.А. Кублицкой-Пиоттх, которая писала М.П. Ивановой: “Стихи мне нравятся” (*РГАЛИ*. Ф. 55. Ед.хр. 544. Л. 18).

Стихотворение Блока упоминается А.А. Ахматовой:

Когда он Пушкинскому Дому
Прощаясь, помахал рукой...
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

(*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 696).

Пушкинский Дом – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Во времена Блока это учреждение, основанное в 1905 г., только органи-

зывалось, главным образом с целью хранения рукописей, архива и книг Пушкина, а также материалов, связанных с его жизнью и творчеством, тем самым приближаясь к музею или архивохранилищу. Первое упоминание о посещении Пушкинского Дома Блоком, навестившим работавшего там своего друга В.Н. Княжнина, относится к 8 июня 1916 г. (см. запись в записной книжке). Тогда же Блок познакомился и с экспонатами Пушкинского Дома, которые кратко перечислил в записной книжке: “Ганнибал, Державин – мудрость, холод и пустота государственности, с глазами Д.И. Менделеева в старости, Пушкинская библиотека”. Позднее Блок также посещал Пушкинский Дом и был знаком с рядом его сотрудников – Б.Л. Модзалевским, Н.А. Котляревским, В.А. Рышковым (см.: *Лощинская Н.В.* Александр Блок и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 13–36). Евлалия Павловна Казанович, по просьбе которой написано стихотворение, была одной из первых сотрудниц “Пушкинского Дома”; до 1929 г. она заведовала его библиотекой. Альбом в кожаном переплете, который был заведен ею и который открывался стихотворением Блока, продолжали пополнять своими произведениями литераторы. Сразу после Блока Анна Ахматова вписала стих. “Смуглый отрок бродил по аллеям...” Далее шли стихи А. Белого, М. Кузьмина, О. Мандельштама, М. Волошина и др.

В Академии наук – с апреля 1918 г. Пушкинский Дом был включен в число академических учреждений.

Это – звоны ледохода ~ На недвижном скакуне, а также *...С белой площади Сената*. – До 1921 г. Пушкинский Дом помещался по адресу: Университетская наб., 5 и выходил фасадом на р. Неву, напротив Сенатской площади, где находятся упоминаемый Блоком памятник Петру I; на правом берегу – статуя Сфинкса.

Всадник бронзовый, летящий / На недвижном скакуне... – памятник Петру I на Сенатской площади, так называемый Медный Всадник, работы скульптора Э. Фальконе. Друг Блока Е.П. Иванов, чье воображение на протяжении всей жизни было поглощено образом Медного Всадника, связывал этот образ в стихотворении Блока “Пушкинскому Дому” с “Петербургской поэмой”*: “Петербургская поэма” в ее первоначальном виде является, по нашему мнению, все же чрезвычайно важным памятником, запечатлевающим в себе первое явление, а в последующих изменениях – приближение к последнему предсмертному явлению этого Всадника в творчестве Блока”. Иванов отмечал, что памятник Петру I в стих. “Пушкинскому Дому” «...совсем не тот, чем в “Петербургской поэме”, где имя Петра только лишь “алеет на латах” от зари, а сам он как Сатана» (*БС-1*. С. 377).

...Как мы черный день встречали... – Ср. сходный образ в тексте арии для кантаты Ю. Шапорина: “Боже, в черные ночи и дни...” (1919). Символ “черный день” должен был знаменовать у Блока и настроения одного из его стихотворных сборников последних лет (*Дн.* 6 февр. 1921 г.; см. также наст. том, с. 83). Об этом замысле Блока вспоминает и В.А. Зоргенфрей: «Следующий сборник (после “Седого утра”), куда войдут “Двенадцать” и “Скифы”, я назову “Черный день”» (*ЗМ.* 1922. № 6. С. 144). О связи этой образности с предсмертным стихотворением Некрасова “Черный день! Как нищий просит хлеба...” см.: *Небольсин С.* Запрещенный и искаженный Александр Блок // Наш современник. 1991. № 8. С. 184; *Небольсин С.* Прошлое и настоящее. М., 1986. С. 149. Наконец, символика “черного дня”, “черного солнца” в мировой художественной традиции посвящены труды: *Сыркин А.Я.* “Черное солнце” // Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1965. Вып. 80; *Гаспаров М.Л.* Поэт и культура: три поэтики Осипа Мандельштама // *Devisu.* 1993. №10.

Т а й н у ю с в о б о д у ~ вослед тебе! – слова “тайную свободу” выделены Блоком, как цитата из стих. А.С. Пушкина “К.Н.Я. Плюсковой”:

* Первоначальное название произведения, которое Блок позднее превратил в стихотворения “Петр” и “Поединок”.

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

В дневнике Блока эта цитата встречается и толкуется в записях, сделанных между 2 и 5 февраля 1921 г., представляющих собой наброски к речи “О назначении поэта”.

Что за пламенные дали ~ грядущие века. – К.И. Чуковский процитировал эти строки, писал: “Но, конечно, революция, которую он пел, была не та революция, которая совершалась вокруг, а другая – подлинная, огненная. Едва только ему показалось, что совершающаяся вокруг не похожа на воспетую им, что это не ветер, но штиль, который только притворяется ветром, он отрекся от нее навсегда и снова стал томиться о ветре” (Чуковский К.И. Книга об Александре Блоке. Пб.: Эпоха, 1922. С. 88).

...Уходя в ночную тьму... – ср. в стих. Блока “31 декабря 1900”: “Я за тобою, гость случайный, / Как прежде – в ночь...”

Другие редакции и варианты

Варианты ЧА (после 40).

Если жар души растрачен – образ из стих. М.Ю. Лермонтова “Благодарность” (“за жар души, растраченный в пустыне”), который использован и в эпиграфе к циклу “Заклятие огнем и мраком” (1907), т.2 наст. изд.

К.И. ЧУКОВСКОМУ

(“Как всегда, были смешаны чувства...”)

(С. 98)

Автографы; ; опубл.: *ЧукП.* С. 225 (факсимиле), “март 1921”, “К.И. Чуковскому”; *БА – Т₁₀.* С. 43. “15.III.21”. “В альбом Чуковскому”.

Впервые в кн.: *Чуковский К.* Александр Блок как человек и поэт. Пг. 1924. С. 47.

Печатается по тексту *БА Т₁₀.*

Написано по просьбе К.И. Чуковского для его альбома “Чукоккала”. На тексте стихотворения в *ЧукР* рукой Чуковского примечание: «Сочинено на заседании Всемирной литературы 15 марта 1921 г. во время доклада Е.М. Браудо “О музыке в произведениях романтиков” – по поводу встречи с дочерью Кропоткина 11 марта» (опубл.: *ЧукП.* С. 224–225). Чуковский писал: «самое позднее стихотворение Блока, написанное им в Чукоккале, возникло у меня на глазах. Оно было создано в 1921 году на заседании “Всемирной”, во время нудного доклада одного красноречивого (...). Чтобы дать Блоку возможность отвлечься от этих банальностей, я пододвинул к нему свой альманах и сказал: “напишите стихи”» (*ЧукП.* С. 224).

...*Кронштадт палил...* – Восстание в Кронштадте продолжалось с 28 февраля по 18 марта 1921 г. К. Чуковский вспоминал в связи с созданием этого стихотворения разговор с Блоком во время Кронштадтских событий: «В марте этого года мы проходили с ним по Дворцовой площади и слушали как громяют кронштадтские орудия. “Для меня и это тишина, – сказал он. – Меня клонит в сон под этот грохот...”» (*Чуковский К.* Последние годы Блока “” *ЗМ.* № 6. С. 158).

Вдруг – среди приемной советской... – Речь идет об Управлении Петроградского совета, помещавшегося по адресу: Дворцовая площадь, 6 (см. письмо К. Чуковского Блоку от 18 декабря 1919 г. – *ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 240).

...*Смех и брови ~ Рюриковны.* – “Накануне, – вспоминал К. Чуковский, – мы блуждали по весеннему Питеру и встретили в одном из учреждений дочь знаменитого анархиста, князя П.А. Кропоткина, Александру Петровну, с которой я был издавна знаком. Об этой-то встрече Блок и написал в своем последнем экспромте” (*ЧукП.* С. 224).

...висит надпись. – Текст объявления сохранился в архиве К.И. Чуковского:

“О порядке сожжения трупов в Петроградском государственном крематориуме. Временные правила.

1. Сожженным в Крематориуме имеет право быть каждый умерший гражданин, выразивший до своей смерти об этом желание, или родственники которого подали о сожжении соответствующее заявление в районный Похоронный отдел.

2. Для сожжения требуется представление тех же документов, как и для захоронения на кладбище.

3. Сожжение не сопровождается религиозными обрядами. Но по желанию родственников религиозные обряды допускаются в стенах Крематориума священнослужителями того или иного религиозного культа по частному соглашению родственников со священнослужителями.

4. Пепел от сожжения трупа пересыпается в урну и запаивается. Урна с пеплом, по желанию родственников, может быть либо установлена в колумбариях Крематориума, либо захоронена на кладбище, либо выдана на руки родственникам.

5. Сожжение трупа производится бесплатно, равным образом бесплатно производится отпуск гроба, ткани и доставка трупа в Крематориум соответствующим районным похоронным отделом.

6. Кремационная печь функционирует в течение круглых суток.

28 декабря 1920

Отдел Управления Петроградского
Губисполкома”

НАБРОСКИ 1917 г.

“И ШЕЛ И ШЕЛ...”

(С. 99)

Печатается по дневнику Блока (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 318. Л. 52); отрывок вписан в дневник под 25(12) мая 1918 г. Перед подборкой, в которую входит текст наброска, общая помета: “Вот что я пробовал в конце 1917 (вихрь зацвел)”. В строке 8 возможно чтение: “Женщина на лошади – в пруд”.

Впервые: *Блок А. Неизданные стихотворения. 1897–1919 / Ред. и примечания П. Медведева // Жизнь искусства. 1920. С. 138.*

Набросок, вероятно, переписан в дневник из несохранившейся записной книжки. В обзоре Е.Ф. Книпович “О литературном наследии Блока” упомянуты строки 8 и 10 как набросок отдельного стихотворения 1917 г.: “Женщина на коне, фонтан” (Книга о книгах. 1924. № 7/8. С. 24).

“В СВОИХ МЫ ПРИХОТЯХ НЕВОЛЬНЫ...”

(С. 99)

Печатается по тексту дневника Блока (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Л. 52 об.) без даты; в подборке набросков под общим заглавием: “Еще проба:”. В строке 3 возможно чтение: “Дитя, нам горестно и больно”.

Впервые: *Блок А. Неизданные стихотворения 1897–1919 гг., Л., 1926. с. 138.*

Вероятно, набросок переписан в дневник из несохранившейся записной книжки. Е.Ф. Книпович в обзоре “О литературном наследии Блока” датировала отрывок 1917 годом (Книга о книгах. 1924. № 7/8. С. 25).

“НА БЕЛОЙ ЛЬДИНЕ – МОРЖИЙ КЛЫК”

(С. 100)

Печатается по тексту дневника Блока (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 318. Л. 53), без даты, в подборке набросков с общей пометой: “Еще: (см. *ЗК₄₈*)”.

Черновой набросок переписан из *ЗК₄₈*. Ср. с набросками в *ЗК_{45, 47, 48}*, которые положительно связаны с работой над поэмой “Возмездие”: см. в разделе набросков к *ЧА_{III}*, № (18), (19), (21).

“К СТЕНЕ ПРИЕМНОГО ПОКОЯ...”

(С. 100)

Печатается по тексту дневника Блока (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 318. Л. 53), без даты; в подборке набросков с общей пометой: “Еще: (см. *ЗК₄₈*)”.

Черновой набросок переписан в дневник из *ЗК₄₈*

РУССКИЙ БРЕД

(“Зачинайся, русский бред...”)

(С. 100)

Печатается по дневнику Блока (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 318. Л. 53 об). Строки 1–7 черными чернилами; 8–18 красными чернилами, с датой: “8.IV.1919”; заглавие: “Русский бред”.

Впервые: *Блок А. Неизданные стихотворения. 1898–1919. С. 140.*

Вероятно, набросок вписан в дневник из несохранившихся записных книжек. Строки 8–18 приписаны позднее. Е.Ф. Книпович в обзоре “О литературном наследии Блока” описывает как наброски двух самостоятельных стихотворений (Книга о книгах. 1924. № 7/8. С. 25), датируя первую часть “Русский бред” – 1918 г., а вторую “Есть одно, что в ней скончалось...” – 1919 годом. В *Дн.* 4 марта 1919 г. Блок связывает стихотворный размер этих набросков – хорей – с грядущей своей кончиной-гибелью: “У меня непроизвольно появляются хорей – значит, может быть, погибну”. (Ср.: *Небольсин С. Прошлое и настоящее. С. 68–69, 290.*)

“ТЫ НЕ ПОЛУЧИШЬ НИЧЕГО...”

(С. 100)

Печатается впервые по тексту дневника Блока (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 318. Л. 54). Без даты, в подборке с пометой: “Старое”.

Здесь Блок припоминает свое стих. “По-православному” (1908), обращенное к Л.Д. Блока (см. т. IV наст. изд.). Отрывок выписан в дневник в числе набросков из записных книжек, вероятно, с целью продолжить работу над ними. После пробела – запись:

“1903. Нам довелось еще подняться

10.VII Spude!

18.VII Жницы входят на двор (зап. кн. № 6)”.

ШУМ СМЕРТИ

(“Я вошел туда. Толпа гудела...”)

(С. 101)

Печатается по тексту дневника Блока (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 318. Л. 54 об.), без даты; в подборке набросков под общим заглавием: “Еще проба”.

Впервые: *Блок А. Неизданные стихотворения. 1897–1926. Л., 1926. С. 140.*

Черновой набросок переписан в дневник из несохранившейся записной книжки. В обзоре Е.Ф. Книпович “О литературном наследии Блока” назван “Старая цыганка на эстраде” (Книга о книгах. 1925. № 7/8. С. 25). Заглавие “Шум смерти” приписано позже.

Создание стихотворения, возможно, связано с посещением цыган, о котором вспоминала Н.И. Комаровская: «Однажды вечером у Качаловых собралось несколько его друзей. В числе гостей – Блок и цыганка Даша, приятельница Василия Ивановича. Голос у Даши низкий, глубокий, чудесного тембра. Гитарист тронул струны.

Даша поет “Утро туманное, утро седое”. Слова эти поставлены Блоком как эпитафия к “Седому утру”. У Блока губы плотно сжаты, глаза опущены, казалось, чтобы никто не прочел вспыхнувшего в них огня. По изменчивому лицу пробегают волны нахлынувших чувств. В дальнейших встречах с Блоком я всегда видела его таким, когда он слушал музыку» (Комаровская Н.И. Александр Блок в Большом драматическом театре // Театр и жизнь. Л.; М., 1957. С. 273).

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРЬЯЛЫ ДЛЯ ПОЭМЫ

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139.

Впервые: *СС-125*, С. 146–157.

Начало работы над “Матерьялами” обозначено в тексте (12 окт(ября) 1911 г.) – Блок ведет записи в особой тетради, которую заполняет вплоть до 1913 г. (отмечая перерыв в работе – “Большой перерыв – праздность”, с. 114, иногда – даты записей: “15.XII” – записи из “Сборника военных рассказов”). 19 октября 1911 г. он отмечает в дневнике: «Читать надо не слишком много и, главное, творчески. Когда дело идет о “чтении для работы” (т.е. попадает много добросовестного и бездарного), то надо напрягать силы, чтобы вырвать у беззубого автора членораздельное слово, которое найдется у *всякого*, от избытка ли его куриных чувств или оттого, что сам матерьял его говорит за себя. (...) При этом надо читать “для работы” с мыслью и планом, ранее готовыми, и все время проверять себя – не руются ли планы под тяжестью накапливаемых фактов и обобщений».

В соответствии с этой установкой, Блок часто передает мысль источника, а не цитирует его (например, “ужас дипломатических переговоров 1875–77 гг.” из книги Татищева, с. 104); иногда поэт обозначает цитируемое явление или сюжет, не раскрывая его подробно (например, “современное и дореформенное гланье” у Щедрина, с. 103). Блок нередко выражает свое отношение к цитируемому источнику – (см.: “это и Мещерский!” – по поводу выписанной из “Воспоминаний” фразы, с. 111; или ироническое “одного сицилиста” с пометой: “почти так пишет г. Татищев”, с. 106; или словом, заменяющим конспектирование: “новая дипломатическая *катавасия*” – из книги Татищева, с. 105). В “Матерьялах” встречается и прямо блоковский текст: под пометой “Моё” Блок записывает художественное впечатление от прочитанного (с. 112). Характер записей свидетельствует о том, что Блок возвращается к своим конспектам, что-то вписывая на полях, под строкой; встречается и запись: “Эту книгу надо иметь!” (о книге А. Туна, с. 111).

Некоторые книги, цитированные Блоком, были в его библиотеке – ни одна не сохранилась, поэтому оказалось невозможно сравнить конспект с отметками в книге.

Все даты в комментариях указаны по старому стилю.

С. 102. Последние годы А(лександра) II. – В записях, посвященных Александру II, отразились рассказы А.Н. Бекетова, деда Блока, бывавшего в конце 70-х годов в Зимнем дворце на придворных балах и преподававшего ботанику сыновьям Александра II Сергею и Павлу (см.: *Бекетова М.А.* Шахматово. Семейная хроника // *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 660). Возможно, в этих характеристиках Александра II отразились и разговоры с Д.В. Кузьминым-Караваевым; ср. в дневнике 1911 года: “Об Александре II. То, что не надо записывать, – очень мне непонятное и чего я все равно не забуду” (17 окт.); ср. также запись 6 ноября, где после “мыслей Кузьмина-Караваева” о Петре следует: “Об Александрах I и II”. В дневниковой записи 19 октября 1911 г. Александр II охарактеризован как “блестящий, отчаявшийся, изнуренный царствованием, большой и страстный человек”.

Его зовут... бодрилка... – Ср. в мемуарах А.Н. Бенуа: «...Друг нашего дома писатель Дмитрий Васильевич Григорович прямо глумился над государем, называл его “бодрилой”

и уморительно имитировал его басок и картавость» (Александр II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 365).

Дворец (до взрыва) запущен .. – Имеется в виду взрыв в Зимнем дворце, подготовленный С.Н. Халтурным и А.А. Квятковским, 5 февраля 1880 г. О запущенности дворца пишет А.Н. Бенуа: “...Хоть и буффоным, но все же угрожающим доказательством этого чудовищного беспорядка послужило то, что при ревизии дворца после взрыва где-то на чердаке была обнаружена корова, приведенная туда каким-то служащим, нуждавшимся в свежем молоке для своего ребенка!” (Там же. С. 366).

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888) – министр двора с 1870 по 1882 гг. Возможно, “старый Адлерберг”; – это Владимир Федорович (1791–1884), отец Александра Владимировича; в таком случае информатор Блока ошибся, так как Владимир Федорович был министром двора до 1870 г.

Павел Александрович (1860–1918) – великий князь, сын Александра II.

Филиппов – владелец булочных в Москве и Петербурге.

Александр ездит ~ в Михайловский дворец... – Михайловский дворец – резиденция великой княгини Екатерины Михайловны (1827–1894), двоюродной сестры Александра II.

... *б(?) казаков конвойцев кругом (на этом пути и застало его 1 марта)*. – Ср.: “...Государя граф Лорис-Меликов убедил сряду два воскресенья откладывать развод; но 1-го марта, несмотря на новые убеждения графа отложить развод, Государь настоял и поехал в манеж в сопровождении шести конвойных (число их было увеличено против первоначальных двух вследствие усиленных просьб графа Лорис-Меликова)” (*Богучарский В.Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. М., 1912. С. 67; там же подробное описание покушения. Книга была в библиотеке Блока; приведенные строки (со слов “шести”) подчеркнуты Блоком). *1 марта* 1881 г. – день убийства Александра II народолюбцами.

Турецкая война 1887–1878 ~ (Александр) обещал не брать англичанам. – Война с Турцией была объявлена манифестом царя 12 апреля 1877 г. В начале 1878 г. русские войска остановились в трех переходах от Константинополя; в России и за рубежом живо обсуждалось вероятное вступление русских войск в столицу Турции – см., например, “Дневник писателя” Достоевского (дек. 1877), статьи Н.Я. Данилевского в газ. “Русский мир” (осенью и в декабре 1877 г.) и статьи в газ. “Новое время” (например, 10 января 1878 г. – “Следует ли нам вступать в Константинополь?”). Англия была весьма обеспокоена возможностью взятия Константинополя русскими и отправила свою эскадру в Мраморное море.

Горный Дубняк – селение в Болгарии; 12 октября 1877 г. взято русскими войсками.

Романовский Евгений Осипович (1853–1918) – минералог, друг семьи Бекетовых; очевидно, его рассказы тоже отразились в комментируемых записях. О нем см. воспоминания М.А. Бекетовой “Шахматово. Семейная хроника” (С. 757–762). В дневнике 1912 и 1913 гг. отмечены встречи поэта с Романовским.

... *“шампанские либералы”, обеды Лит(ературного) Фонда, 19 февраля...* – Речь идет о традиции отмечать торжественными обедами памятные годовщины (в том числе и день освобождения крестьян 19 февраля); эта традиция существовала, в частности, среди членов правления Литературного фонда. Ср., например, письмо К.Д. Кавелина В.П. Гаевскому от 21 января 1884 г.: “Мы у того же Донона обедали в стариковском кружке раз в месяц...” (РНБ. Ф. 171. Ед. хр. 123).

... *“Новое время” описывает, как тело обмывали на соломе*. – “Длинный стол, накрытый белым, стоял наискосок от угла. Влево от него, к противоположной стене, на полу лежала солома, и четыре человека, стоя на коленях, вокруг чего-то усердно возились... Сохрани нас, Боже, видеть такую ужасную картину...” (*Незнакомец* [Суворин А.С.] Памяти Ф.М. Достоевского (О похоронах) // Новое время. 1881. 1 февр. № 1771).

... *венки “певцу ун(ижненных) и оск(орбленных)”*. В день отпевания (31 янв.) и похорон (1 февр.) провожавшие (25–30 тысяч человек), как сообщается в брошюре “Федор Михай-

лович Достоевский” (издание Хлебникова, 1881), несли около 70 венков, в том числе самый красивый – от студентов Петербургского университета; на ленте было отпечатано: “Униженные и оскорбленные”, “Преступление и наказание”, “Записки из Мертвого Дома”, “Речь в Москве” и “Братья Карамазовы”. Впереди студентов, несших венки, шел ректор университета А.Н. Бекетов.

Палкин – содержатель трактиров в Петербурге; название знаменитого трактира на Невском проспекте.

Отношение ~ как теперь к Розанову. – В статье “Народ и интеллигенция” (1909) Блок пишет о либеральной интеллигенции, “давшей Достоевскому умереть в нищете”; в статье “Интеллигенция и революция” (1918) поэт возвращается к этой теме: «Достоевского при жизни трювили, а после смерти назвали “певцом униженных и оскорбленных”». Ср. замечание С.М. Соловьева: “Вообще Достоевский был любимым писателем Блока” (Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 42). Отрицательное отношение либеральной интеллигенции к Достоевскому подтверждается, в частности, письмом польского студента И.К. Земацкого, который, описывая своему корреспонденту студенческий бал и перечисляя почетных гостей, замечает, что Некрасов был избран единогласно, а Достоевского не пригласили, “т.к. он изменил первоначальному своему либерализму” (письмо от 20 февр. 1876 г. // *ЛН*. Т. 53–54. С. 203). Ср. также: “Уже Достоевский был не по вкусу нашим родителям (...)” (*Бекетова II*. С. 100). Об отношении к Розанову – ср. запись самого Розанова в “Опавших листьях”: “Не понимаю, почему меня так ненавидят в литературе” (Опавшие листья. М., 1913. С. 365). В дневнике Блока (24 дек. 1911 г.) есть запись «об “изгнании” Розанова из “Русского слова”»: «Человека, которого Бог наградила талантом, маленьким или большим, *непрерменно, без исключений*, на известном этапе его жизни начинают поносить и преследовать – все или некоторые. (...) Так должно, ничего не поделавшись, талант, – обязанность, а не право. И “нововременство” даром не проходит». Ср. также в статье Блока “Судьба Аполлона Григорьева” (1916): «Розанов не умер, и ему не могут простить того, что он сотрудничает в каком-то “Новом времени”». Характеристику отношений Блока и Розанова см. в статье: *Беляев С.А., Флейшман Л.С.* Из блоковской переписки // *БС-2*; Там же – письма Розанова Блоку; см. также письма Блока к Розанову.

С. 102–103. ... “хлеб полей _ _ _ _ впрок” ... – Из стих. Некрасова “На родине” (1855): “Ах, странно так я создан небесами, // Таков мой рок, // Что хлеб полей, возделанных рабами, // Нейдет мне впрок!”

С. 104 Прянишников – Очевидно имеется в виду Иван Михайлович Прянишников (ум. в 1879 г.) – естествоиспытатель. О нем см.: *Бекетова М.А.* Шахматово. Семейная хроника (С. 762–765).

Донон – петербургский ресторатор.

Стасколевич Михаил Матвеевич (1826–1911) – юрист, публицист, издатель журнала “Вестник Европы”.

Коши Александр Федорович (1844–1927) – юрист, литератор. Блок встречался с Коши в 1918–1921 гг. *Присяжный поверенный* – адвокат, представляющий на следствии и в суде интересы одной из сторон.

Карапчевский (Карабчевский) Николай Платонович (1851–1925) – юрист, литератор.

Нечлаев Василий Михайлович (1860 – после 1917) – юрист, судебный деятель.

Философова – см. коммент. к ст. 616.

Л.Ф. Пантелеев (он дворянин, хотя не старый) заведовал делами на приисках *Базилевского*. – Пантелеев Лонгин Федорович (1840–1919) – в годы учения в Петербургском университете участвовал в революционном движении и был сослан в Сибирь (в 1865 г.; в 1874 г. был восстановлен в правах, а в 1876 г. вернулся в Петербург); его отец (Пантелеев Федор Савельевич, умер в 1840 г.) – начальник инвалидной команды в Сольвычегодске, выслужил дворянский чин долгой службой в нижних чинах. *Базилевский* Виктор Иванович – золотопромышленник; Пантелеев служил у него в Красноярске с 1870 по 1874 гг.

Котырло Василий Игнатъевич – Учился в Петербургском университете, был сослан на каторгу, впоследствии – на поселении в Красноярске.

Похож на демона. – См. коммент. к ст. 691.

Милютин Дмитрий Александрович (1825–1912) – граф, военный министр в 1861–1881 гг.

Лорис-Меликов – см. коммент. к с. 104.

Убийца Дрентельна – Мирский Леон Филиппович (1859–1919 или 1920); *Дрентельн* Александр Романович (1820–1888) – в 1878–1880 гг. – шеф жандармов, начальник III отделения, с 1881 г. – киевский генерал-губернатор. Мирский покушался (безуспешно) на жизнь Дрентельна в 1879 г.

Их тут же арестовали. Это уже – см. щедринскую “С(овременную) идиллию”. – В гл. XXII “Современной идиллии” один из персонажей рассказывает о том, как разговаривал с приятелем в ресторане “об транзите, об рубле, о бюджете”, как возле них оказался “неизвестный мужчина”, указавший на собеседников околоточному, и как они были арестованы (*Салтыков-Щедрин М.Е.* Полн. собр. соч. СПб., 1895. Т. XI. С. 241–242; далее страницы по этому изданию).

Там же – “топография” Петербурга. – В гл. I “Современной идиллии” герои гуляют по Петербургу, благонамеренно восхищаясь архитектурой и памятниками, подчеркивая “заботливость городской думы” и избегая сколько-нибудь “неподходящих” разговоров (*Указ. соч.* С. 12 и след.).

Щедрин, 1881. – Полное собрание сочинений М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина). 3-е изд. Т. I–XII. СПб.: Наследники автора. 1894–1895. Издание упомянуто в каталоге Библиотеки Блока, но не сохранилось. Упоминания Салтыкова-Щедрина в записях Блока связаны, как правило, с характеристикой эпохи 60–70-х годов XIX в. В сентябре 1908 г. в записной книжке появляется ряд – “Щедрин, Белинский, Добролюбов, (Гл. Успенский?)”; все это – “вкусная интеллигентская жвачка” (эта запись соседствует с другими – размышлениями об интеллигенции и народе в XIX и XX в.). В первой главе “Возмездия”, “Матерьялах для поэмы”, в “Плане первой части” создается устойчивый образ Салтыкова-Щедрина: “уже больной Щедрин”, «Циник, вечно “злится”», “рядом злится Щедрин”. Дважды – в первой главе поэмы и в “Автобиографии” – имя Щедрина появляется рядом с именем деда поэта – А.Н. Бекетова: “(...) нам уже непонятны своеобразные и часто анекдотические рассказы о таких дворянах-шестидесятниках, как Салтыков-Щедрин или мой дед, об их отношении к императору Александру II, о собраниях литературного фонда, о борелевских обедах, о хорошем французском и русском языке, об учащейся молодежи конца семидесятых годов. Вся эта эпоха русской истории отошла безвозвратно, пафос ее утрачен, и самый ритм показался бы нам чрезвычайно неторопливым” (“Автобиография”, 1915). Эти “своеобразные и часто анекдотические рассказы” отразились в первой главе “Возмездия”, где Блок пытался воссоздать дух эпохи 70-х годов. См. также в “Плане первой части”: «Тогда и казалось, что есть и было на самом деле только две силы: сила тупой и темной “византийской” реакции – и сила светлая – русский либерализм». Блок читал т. XI издания, включавший “Современную идиллию” и “Письма к тетиньке”. “Современная идиллия” упоминается в “Плане первой части”. “Письма к тетиньке” начаты Щедриным в 1881 г., после убийства Александра II. Блок цитирует письма I–III. “Тетинька” на языке Щедрина – русская интеллигенция; “домочадцы” – обыватели.

...с атурами и контурами... – *atour (фр.)* – убор, туалет; *contour (фр.)* – контур, очертание, фигура; у Щедрина: “...виноваты ли вы, что до сорока пяти лет сохранили атуры и контуры, от которых мгновенно шалеют *les messieurs*”? (господа (*фр.*) – *Ред.*) (с. 325).

Тетинька с атурами ~ в пользу курсисток. – “...зачем вы, тетинька, к болгарам едете? зачем вы хотите присутствовать на процессе Засулич? зачем вы концерты в пользу курсисток устраиваете?” (С. 323); в годы русско-турецкой войны в Болгарию и Сербию отправлялись общественные делегации и добровольцы; о процессе Засулич см. коммент.

к с. 106; концерты в пользу курсисток – распространенная в те годы форма либерально-демократического движения.

“Вы, милая тетинька ~ А у вас скребет”. – С. 332.

“Мера в предательстве”... – “Стало быть, во всем должна быть мера, милая тетенька. Мера – в парении чувств и мыслей и мера – в предательстве” (С. 334).

Дорот – петербургский ресторатор. У Щедрина: “Заседем к Дороте; я себе спрошу ботвиньи, вы – мороженого...” (С. 334).

На point'e – на Стрелке Елагина острова в Петербурге.

Современное и дореформенное лганье... – “Мы всегда были охотники полгать, но не могу скрыть, что между прежним, так сказать, дореформенным лганьем и нынешним – такая же разница, как между лимоном, только что сорванным с дерева, и лимоном выжатым. Прежнее лганье было сочное, пахучее, ядреное; нынешнее лганье – дряблое, безуханное, вымученное” (С. 343).

“Веселие Руси есть лгати”. – У Щедрина о “дореформенных лгунах”: «Они лгали не от нужды, а потому, что “веселие Руси есть лгати”» (С. 343). Перефразировка известного выражения князя Владимира “Руси есть веселие пить” (“Повесть временных лет”, 6494(986) г.).

О недохождении писем... В Письме третьем (редакция, заменившая запрещенную) Щедрин намекает на цензурное запрещение сентябрьского “Письма к тетиньке”; в частности, приводит ответ “одного знакомого почтового чиновника”: “Которые письма не нужно, чтобы доходили, те всегда у нас пропадают” (С. 372).

“Сплошные сумерки”... – “Атмосфера словно арестантским чем-то насыщена; света нет, голосов не слышать; сплошные сумерки, в которых витают какие-то вялые существа” (С. 375).

О литературе... – Ср. у Щедрина: «Такая же тоскливая вялость и в литературе. Трихинные-то голоса по преимуществу в ней и раздаются. В былое время только один хлев на всю литературу полагался, а нынче их считают десятками. И везде раздается победоносное хрюканье, везде кого-нибудь чавкают. Мысль потускнела, утратила всякий вкус к “общечеловеческому”; только и слышишь окрики по части благоустройства и благочиния. Страстность заменена животненною злобою, диалектика – обвинениями в неблагонадежности... Может ли быть что-нибудь более омерзительное? И право, никто, кажется, не жалует, что уровень литературы так низко пал” (С. 376).

“Кнут стучит по крышке кареты”... – В письме третьем Щедрин описывает возвращение в Петербург из-за границы: “Едем: на улицах чуть брезжит, сверху – изморозь, лошади едва ногами перебирают, кнут так и стучит по крышке кареты” (С. 379). Ср. также вставки к I главе “Возмездия”: “Дидя возвращается из заседания, кнут хлопает по крышке кареты” (см. наст. том, с. 191).

“Общество хочет жить”. – “Но обществу до всех этих (...) превыспренности дела нет; общество хочет жить. (...) Именно эта идея и господствует надо всем. То есть идея об ограждении человеческой породы от могущих угрожать ей случайностей исчезновения” (С. 385–386).

С. 104. С.С. Татищев. *“Имп(ератор) Ал(ександр) II, его жизнь и царств(ование)”*. 2 т., изд. Суворина. 1903, ц. 7 р. – В дневнике Блока 19 октября 1911 г. упоминается “чиновная и антикрамольная книга Татищева об Александре II”. Татищев Сергей Спиридонович (1846–1906) – дипломат, публицист, историк. Служил в Министерстве иностранных дел, участвовал добровольцем в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.; биограф Татищева говорит о внешнеполитической части книги: “Областью, в которой действительно чувствовал себя Татищев полным хозяином, была внешняя политика. Инкубацию русско-турецкой войны 1877–1878 гг., т.е. предшествовавшие ей дипломатические переговоры, не только изучил Татищев документально, но сам в них участвовал и пережил их всем своим существом. Главнейших политических деятелей, и своих, и чужих, знал он лично. О Сан-Стефанском договоре давал ему указания граф Н.П. Игнатьев, а Берлинский конгресс

(...) изложен им на основании бумаг главного деятеля – графа Петра Алексеевича Шувалова” (*Карцов Ю.С.* Сергей Спиридонович Татищев. Страница воспоминаний. Пг., 1916. С. 40). С 1881 г. – чиновник особых поручений при министре внутренних дел; сотрудничал как историк в III Отделении (написал для закрытого пользования исследование “Социально-революционное движение в России. 1861–1881”); в цитированной книге Ю. Карцова говорится и об этой стороне деятельности Татищева: “С вопросом революционного движения в России знаком был Татищев близко и непосредственно и несколько раз принимался писать его историю. Департамент полиции предоставил в его распоряжение свои богатые архивы. В результате отдел террора вышел у него рельефным и законченным” (*Там же*). В библиотеке Блока книга Татищева отсутствует.

Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823–1889) – государственный деятель. С 1865 по 1880 – *обер-прокурор Св. Синода*, с 1866 по 1880 – министр народного просвещения. На этом посту Толстой сменил либерального реформатора А.В. Головина в связи с общим ужесточением правительственной политики после покушения Каракозова. С 1880 г. – член Государственного Совета, с 1882 г. – министр внутренних дел и шеф жандармов. В 1871 г. провел реформу среднего образования, заключающуюся в значительном усилении преподавания латинского и греческого языков в гимназиях, причем только выпускникам классических гимназий было предоставлено право поступать в университеты; в “Исповеди язычника” (1918) Блок упоминает “толстовскую классическую систему преподавания”, которая в гимназические годы поэта “вырождалась и умирала”; ср. в набросках продолжения II главы “Возмездия”: “Семь лет гимназии толстовской // Латынь и греки...”

Победоносцев – см. коммент. к ст. 623 поэмы.

Каракозов Дмитрий Владимирович (1842–1866) – сын помещика Саратовской губ. В 1861 г. исключен из числа студентов Казанского университета за участие в студенческих волнениях, в 1863 г. принят в Московский университет. За покушение на Александра II предан Верховному уголовному суду, приговорен к смерти и повешен 3 сентября 1866 г. О покушении Каракозова Татищев сообщает: “4-го апреля 1866 года, в четвертом часу дня, император Александр после обычной прогулки в Летнем саду, в сопровождении племянника, герцога Николая Лейхтенбергского, и племянницы, принцессы Марии Баденской, сиделся в коляску, когда неизвестный человек выстрелил в него из пистолета. В эту минуту стоявший в толпе крестьянин Осип Комиссаров ударил убийцу по руке и пуля пролетела мимо. Преступник задержан на месте и по приказанию императора отведен в III Отделение” (Император Александр II. Его жизнь и царствование. С.С. Татищева. СПб., 1903–1904. Т. 2. С. 4).

...гр(аф) Д. Толстой испросил ~ универ(ситетского) устава (1863 г.). – точная цитата из Татищева (Т. 2. С. 262). *Делянов Иван Давыдович*, граф (1818–1897) – государственный деятель. С 1861 г. – член Главного управления цензуры; в 1861–1882 гг. – директор Публичной библиотеки; в 1886–1897 – министр. В 1871 г. вместе с Д. Толстым (см. выше) провел реформу среднего образования. *Университетский устав 1863 года* был утвержден царем 18 июня 1863 г.; составлен в результате широкого и гласного обсуждения в университетских советах, в комиссии попечителей и профессоров всех университетов, с привлечением иностранных ученых, и обсужден в Государственном совете. Центральная идея устава, проведенного министром народного просвещения А.В. Головинным, – автономия профессорской корпорации. Главным органом университетского самоуправления являлся Совет. Был расширен и обновлен состав профессоров. *Пересмотр устава 1863 г.* потребовался правительству в связи с усилением университетских волнений. Особое совещание министров 1874 г. пришло к заключению, что “автономия профессорских коллегий” должна быть ограничена, “правительственный контроль за направлением преподавания надлежит быть усилен”, должен быть введен “правильный дисциплинарный строй” и “стеснен дальнейший приток учащихся мало подготовленных в научном отношении и притом не обеспеченных и материально”. Новый устав был введен лишь в 1884 г. М.А. Бекетова вспоминает, что А.Н. Бекетов защищал университетский устав 1863 г. (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 657).

“Периодически повторявшиеся ~ недост(аточных) товарищей...” – Т. 2. С. 263; замечание в скобках принадлежит Блоку; между *завед(ений)* и *вменено* пропущено: “рассмотренными в Комитете министров и удостоившимися высочайшего утверждения”. Подчеркнуто Блоком.

Волнения почти во всех ~ по случаю 50-летия). – Ср.: “В начале 1869 года император Александр, по случаю исполнившегося полувековья со дня основания С.-Петербургского университета, учредил в нем 100 стипендий, названных императорскими...” (Т. 2. С. 263); далее Татищев, процитировав “Высочайшую грамоту С.-Петербургскому университету, 8 февраля 1969 г.”, продолжает: “Но волнения среди студентов не прекращались. В марте они распространились почти на все высшие учебные заведения в Петербурге и других городах, что вынудило правительство усугубить строгие меры к их обузданию” (*Там же*). Слова *почти во всех* подчеркнуты Блоком.

Новый устав ~ 30 июля 1871. – Т. 2. С. 275 На десяти предшествующих страницах Татищев излагает суть *классической системы* (выражение подчеркнуто Блоком) и ход обсуждения реформы среднего образования в “особом присутствии”.

1880 – граф Д.А. Толстой уволен ~ назначен ст(атс)-секр(етарь) *А.А. Сабуров*. – Т. 2. С. 283; Д.А. Толстой уволен по представлению М.Т. Лорис-Меликова. *Сабуров* Андрей Александрович (1838–1916) – с апреля 1880 по март 1881 г. управлял министерством народного просвещения.

Ужас дипломат(ических) ~ Бисмарк – обманул. – Здесь отразилось чтение XXVII гл. (“Вторая Восточная война. 1877–1878”) книги С.С. Татищева. Речь идет о переговорах между тремя союзными дворами (русским, австрийским и немецким) с участием послов Великобритании, Франции и Италии, а также о конференции в Константинополе уполномоченных европейских держав в Турции в декабре 1876 – январе 1877 гг. “Ужас” в конспекте Блока может означать поражение русской дипломатии и в тройственных переговорах, и на конференции, которая “разошлась, не достигнув цели” (Т. 2. С. 363). В переговорах участвовали канцлер Александр Михайлович *Горчаков* (1798–1883), барон Александр Генрихович *Жоини* (1817–1888), старший советник министерства иностранных дел, временно управлявший министерством во время отпуска Горчакова в июне 1875 г.; *Андраши* Юлий, граф (1823–1890) – министр иностранных дел Австро-Венгрии, и *Бисмарк* Отто фон Шёнхаузен, князь (1815–1898) – рейхсканцлер. Татищев неоднократно упоминает тайные намерения Андраши и особенно Бисмарка, который, лицемерно выражая приверженность Германии к России, подстрекал русских к войне и, кроме того, своим “зловным доносом” (Т. 2. С. 359), обвинявшим Россию в тайной враждебности Австрии (Т. 2. С. 358), затормозил заключение договора России с Австро-Венгрией (Т. 2. С. 362). Бисмарк упоминается также в статьях Блока “Девушка розовой калитки и муравьиный царь” и “Памяти Августа Стриндберга”. О *бескорыстии Александра* Татищев говорит несколько раз (Т. 2. С. 296, 310, 326, 334 и др.), сообщая при этом о тайном договоре между австрийским и русским императорами, предусматривавшем присоединение к Австрии и России различных пограничных областей в случае поражения Турции (Т. 2. С. 316).

7 апр(еля) 1877 года ~ на Ник(олаевском) вокз(але). – В т. 2 (С. 372–375) Татищев сообщает о нескольких смотрах, произведенных Александром II войскам, о подписании манифеста об объявлении войны Турции и молебне в Кишиневе с войсками, о пребывании царя в Москве и торжественном возвращении в Петербург. “Столица готовила царю торжественную и задшевную встречу. Войска были расставлены шпалерами по Невскому проспекту; генералы и офицеры гвардии собрались на Николаевском вокзале” (Т. 2. С. 375). *Николай Николаевич*, великий князь, в отличие от своего одноименного сына именованный Старшим (1831–1891), – третий сын Николая I. Член Государственного совета, генерал-инспектор по инженерной части и по кавалерии; участвовал в Крымской войне; в войне 1877–1878 гг. состоял главнокомандующим армии, действовавшей на европейском театре войны.

Военные действия открылись ~ начало облож(ения) Карса. – Т. 2. С. 385–386. У Татищева более подробно изложено начало военных действий, приводятся, кроме записан-

ных Блоком, еще несколько фамилий русских военачальников. *Дризен* Александр Федорович (1824–1892), барон – генерал-адъютант, командир 2-го армейского корпуса; *Ванновский* Петр Семенович (1822–1904) – генерал-адъютант, командовал 12 армейским корпусом; *Радецкий* Федор Федорович (1820–1890) – генерал-адъютант, командир 8-го корпуса, участник обороны Шипкинского перевала и взятия в плен армии Весселя-паши; *Лорис-Меликов* Михаил Тарнелович (1825–1888) – генерал, государственный деятель, командовал отдельным корпусом на турецкой войне, взял штурмом Ардаган, потом Карс. После взрыва в Зимнем дворце (5 февраля 1880 г., см. коммент. к с. 102) назначен главным начальником Верховной распорядительной комиссии: имел чрезвычайные полномочия, являясь своего рода диктатором (“диктатура сердца”). С августа 1880 г. – министр внутренних дел. Разработал план особой комиссии с участием выборных представителей, 17 февраля 1881 г. Александр II согласился на этот план. После царевубийства 1 марта под давлением Победоносцева ушел в отставку (7 мая).

С 105. В июле первые неудачи под Плевной (на этом умер Никитенко). – Ср.: “На европейском театре войны первую неудачу было отражение Османом-пашою 8 июля дивизии генерала Шильдер-Шульднера при нападении ее на Плевну. Предпринятая десять дней спустя вторичная попытка овладеть этим городом соединенными силами 9-го и 11-го корпусов окончилась еще более чувствительною неудачею (...) Урон наш в этом бою простирался до 6000 человек убитыми и ранеными” (Т. 2. С. 395). О смерти литератора Александра Васильевича *Никитенко* (21 июля 1877 г.; р. в 1804 г.) Татищев не сообщает. Возможный источник Блока – комментарий М.К. Лемке в издании: *Никитенко А.В. Записки и дневник 1826–1877 гг.* СПб., 1905. Т. 1–2 книга была в Библиотеке Блока, не сохранилась). Последняя запись в Дневнике Никитенко (20 июля 1877 г.): “...неудача в Малой Азии, проиграно сражение при Плевне и какое-то мрачное молчание, лишающее нас сведений об ...” За этим следует комментарий: “На этом дневник заканчивается. 21 июля Никитенко тихо скончался от грудной жабы” (Никитенко. Т. 2. С. 583).

Шипка – (...) генерал Гурко по овладении Шипкинским перевалом и долиною Тунджи с городами Казанлыком, Эски-Загрою и Иени-Загрою встретился со значительно превосходившею отряд его числом армию Сулеймана-паши и, оттесненный ею, вынужден был отступить за Балканы, удержав, однако, за нами горные перевалы, в том числе и важнейший из них – Шипкинский” (*Татищев*. Т. 2. С. 395–396).

Главная кварт(ира) ~ Климат. – Главная квартира вел. кн. Николая Николаевича была перенесена из Тырнова в Горный Студень; о природных условиях Белы (город в Болгарии, где остановился Александр II) Татищев сообщает мнение лейб-медика С.П. Боткина, находившего климат Белы “нездоровым и способствующим усилению лихорадки, которую уже начал страдать император” (Т. 2. С. 396). “Невзирая на невыносимый летний зной, а потом ненастную осень, на все лишения, сопряженные с походной жизнью в дикой, опустошенной стране, на болезненное состояние своего здоровья, – он решился с христианским смирением нести крест, им самим на себя возложенный...” (Т. 2. С. 397). См. далее в записи Блока: *жара* – “Труднее прежнего переносил он стоявшую невыносимую жару, доходившую до 30° Реомюра в тени” (Т. 2. С. 399).

Атака Шипки ~ второй Севастополь? – “9 августа Сулейман-паша с большими силами атаковал перевал на Шипке (...) В шестидневном бою генерал Радецкий отстоял перевал (...) Но потери наши были огромны. Генерал Драгомиров тяжело ранен, генерал Держинский убит, одних раненых было до 2500 человек, не считая убитых” (Т. 2. С. 398). *Драгомиров* Михаил Иванович (1830–1905) в войну 1877–1878 гг. командовал 14 пехотной дивизией, которая первой переправилась через Дунай под огнем турок. 12 августа 1877 г. во время обороны Шипки опасно ранен в ногу и принужден был оставить действующую армию. Записанное Блоком восклицание царя приведено на с. 399; имеется в виду сдача Севастополя и поражение России в Крымской войне (1854–1855 гг.).

12 октября взят Горный Дубняк ~ вокруг Османа-паши. – Сообщая о взятии с бою Горного Дубняка, Татищев пишет: “В этом деле гвардия покрыла себя славой, но победа

стоила больших жертв: более 2.500 человек выбыло из строя” (Т. 2. С. 405); далее там же: “После усиленной бомбардировки 16-го сдался Телиш; 20-го занят Дольний Дубняк. Таким образом вокруг Османа-Паши стягивалось железное кольцо. К концу октября Плевна была уже обложена со всех сторон”.

В начале ноября взят Карс. – Крепость Карс (на малоазиатском фронте) была взята ночным приступом с 5 на 6 ноября (Т. 2. С. 408).

Конец ноября – взятие Плевны и сдача Осм(ана)-паши. – 22 ноября Осман-паша пытался прорваться сквозь кольцо русских войск, но был отброшен к занятой уже русскими Плевне и вынужден был сдаться со всей армией (Т. 2. С. 410–411).

Царь возвращается ~ в Каз(анский) собор. – Ср. у Татищева: “С кликами восторга, со слезами умиления, встречала он (Россия. – *Ред.*) возвращавшегося из армии царственного подвижника. (...) Государь, сопровождаемый великими князьями Сергеем Александровичем и Константином Константиновичем, прибыл в свою столицу 10-го декабря, в 10 часов утра” (Т. 12. С. 416). *Мария Александровна* – супруга императора Александра II.

12 дек(абря) – торж(ественное) праздн(ование) ~ по эт(ому) поводу. – «В этот день Комитету о раненых присвоено название “Александровского”, а один из ветеранов достопамятной эпохи, председатель комитета министров генерал-адъютант П.Н. Игнатьев возведен с нисходящим потомством в графское Российской империи достоинство (...) Государь явил свою милость отечественной печати, освободив ее органы от действия тяготевших над ними предостережений” (Т. 2. С. 418).

Накануне Рождества царь получает весть о восьмидневном переходе Балкан ген(ералом) Гурко. – Как сообщает Татищев, на Рождество царь находился в Москве, где, принимая делегации от московского дворянства и земства, прочитал им следующую телеграмму главнокомандующего: “Генерал Гурко после восьмидневной гигантской борьбы с горами, морозами, снегом, бурями и метелями, перешел через Балканы, спустился в Софийскую долину и 19-го декабря, после упорного боя у Ташкисена, продолжавшегося до 6 часов вечера, овладел этою укрепленною позициею” (Т. 2. С. 418–419). *Гурко* (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828–1901) – генерал-фельдмаршал; командуя передовым отрядом, совершил в июле 1877 г. успешный поход в Забалканье, за что получил чин генерал-адъютанта. В октябре возглавил отряд войск гвардии, с которым овладел турецкими опорными пунктами Горный Дубняк и Телиш, чем завершил окружение Плевны; во главе 70-тысячного отряда совершил переход через Балканы, занял Софию и разбил турок под Ташкисеном и под Филиппополем (3–5 янв. 1878 г.), занял Адрианополь.

В нач(але) января русск(ая) армия у Филиппополя и Адрианополя, и турки просят мира – “В трехдневном упорном бою под Филиппополем с 3-го по 5-е января Гурко разбил наголову и рассеял армию Сулейман-паши (...) Струков занял Адрианополь без выстрела 8-го января; 10-го вступил туда Скобелев, а 14-го прибыл по железной дороге из Германлы великий князь-главнокомандующий с главной квартирой. Сила сопротивления турок была сломлена. Порта молила о пощаде, о мире” (Т. 2. С. 420).

Новая дипломатическая катавасия. – Татищев излагает события, связанные с европейской реакцией на окончание русско-турецкой войны: поздравления из Берлина; выжидательную политику венского двора; надежды сент-жемского двора на то, что Россия воздержится от занятия Константинополя и Галлиполи; обращение Турции к европейским державам с просьбой о посредничестве для заключения мира и отклонение этой просьбы; составление русских условий мира и изложение этих условий; требование Англией и Австрией участия всех держав, подписавших Парижский трактат 1856 г., в составлении условий мира; подписание 19 января предварительных условий мира между Россией и Турцией; попытка Греции вступить в войну против Турции; румынский протест против возвращения России части Бессарабии, отторгнутой по Парижскому трактату 1856 г.; переговоры с Англией и Турцией о возможном введении русских войск в Константинополь (Т. 2. С. 422–454).

Парад 19 февр(аля)... – Татищев приводит письмо вел. кн. Николая Николаевича царю: “Церемония 19-го числа на параде была чудная, величественная. Она вовек у нас не изгладится из памяти! Гвардия была блистательна и представилась могучими богатырями. Церемониального марша я в жизни не видал такого: все иностранцы были глубоко поражены, и действительно, с таким войском ничего нет невозможного, как они это на деле доказали. К тому же обстановка местности парада была поразительная, у стен Константинополя и в виду Св. Софии!” (Т. 2. С. 467).

Сан-Стефанский мирный трактат. – подписан 19 февраля 1878 г. в Сан-Стефано (предместье Константинополя). Условия трактата приводятся в книге Татищева на с. 465.

Перед Берл(инским) Конгрессом – русское правит(ельство) опас(ается) войны с Англией и Австрией. – Берлинский конгресс проходил под председательством Бисмарка с 1 июня по 1 июля 1878 г. Ср. далее: “Не прерывая доверительных переговоров с Веною, у нас начали деятельно готовиться к войне не только с Англиею, но и с Австриею” (Т. 2. С. 474). Татищев цитирует письмо Александра II вел. князю Николаю Николаевичу: “Англичане не хотят допустить прямой сделки нашей с Турциею и ищут теперь всякий предлог, чтоб довести до разрыва с нами. Дай Бог, чтоб до этого не дошло, ибо в таком случае нам пришлось бы иметь дело по всем вероятностям и с Австриею...” (Т. 2. С. 454–455).

...англ(ийская) эскадра в Босфоре – Ср. у Татищева: “Английская эскадра (...) в Босфор не вступала и высадок не производила” (Т. 2. С. 457). “Сам великий князь не мог взять в толк, что, собственно, следует понимать под Босфором: пролив этого имени или Мраморное море и Дарданеллы” (Т. 2. С. 457).

В начале февраля 1879 г. наши войска двинулись из-за границы. – “Возвращение русских войск в отечество началось после (...) смотра (...) 5 августа (...) Одна часть войск отплыла на судах морем в Одессу и Севастополь; другая отступила сухим путем в направлении к границам Восточной Румелии и Болгарии” (Т. 2. С. 514). Далее отступление было приостановлено. 27 января 1879 г. подписан окончательный мирный договор России с Турцией, 10 марта все турецкие владения в Европе и Азии очищены от русских войск (Т. 2. С. 518).

Весь 1879 г. – козни Бисмарка ~ переписка Вильг(ельма) с Александром. – Как пишет Татищев, “Бисмарк почти прервал всякие личные сношения с русским послом в Берлине, (...) внушал немецкой официозной печати язвительные статьи против России и в особенности против русского канцлера (...)” (Т. 2. С. 536); узнав о готовящейся встрече Александра II и его дяди, императора Вильгельма I, Бисмарк “сделал все, что мог, чтобы помешать” (Т. 2. С. 543) встрече двух императоров; старался убедить Вильгельма, что это “несогласно с его достоинством” (Т. 2. С. 544), так как письмо Александра II содержит “несомненную угрозу и дерзкий вызов”, а Россия усиленно вооружается, готовясь напасть на Германию (*Там же*). *Уламывание старого Вильгельма* – речь идет о стремлении канцлера Бисмарка уговорить Вильгельма подписать тайный договор Германии с Австро-Венгрией, направленный против России; после некоторого сопротивления под угрозой отставки Бисмарка и всего кабинета министров германский император подписал этот тайный договор, после чего послал Александру II составленное Бисмарком письмо, в котором “истина перемешана с ложью и (...) искусно затемнена разными отступлениями” (Т. 2. С. 570).

Герцен издает в Лондоне “Колокол” ~ “внутренний мир”. – “Первые шесть лет царствования императора Александра II протекли среди глубокого мира внутреннего. В продолжение их никто в России не посягал на государственный порядок, общественное спокойствие ни разу не было нарушено (...) Даже эмигрант Герцен, основавший русскую типографию в Лондоне и издававший с половины 1857 года ежемесячный журнал “Колокол”, не шел в оппозиции своей далее отстаивания освобождения крестьян с землею, установления свободы слова и печати и отмены телесных наказаний” (Т. 2. С. 580). Здесь же Татищев приводит ссылку на № 1 “Колокола” (от 1 июля 1857 г.); очевидно, имеется в ви-

ду следующее место из “Предисловия” к № 1, написанного Герценом: “В отношении к России мы хотим страстно, со всей силой последнего верования, – чтоб с нее спали наконец ненужные старые свивальники, мешающие могучему развитию ее. Для этого мы теперь, как в 1855 году, считаем первым необходимым, неотлагаемым шагом:

ОСВОБОЖДЕНИЕ СЛОВА ОТ ЦЕНЗУРЫ!
ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН ОТ ПОМЕЩИКОВ!
ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОДАТНОГО СОСТОЯНИЯ ОТ ПОБоев!”

(Колокол. М.: АН СССР. 1962. Вып. I. С. 1)

Слово *далее* подчеркнуто Блоком.

1861 год. *Прокламации ~ высылка под надз(ор) полиц(ии)*. – “... как только разгорелась в Варшаве польская смута, в непосредственной связи с нею начали проявляться и в России признаки революционного настроения некоторой, хотя и весьма небольшой, части русского общества. В начале весны 1861 года в Петербурге разбрасывались летучие листки, отпечатанные в тайной типографии и требовавшие независимости Польши и созвания учредительного собрания или земского собора для начертания конституции для России {...} Появление последнего листка совпало с беспорядками, происшедшими осенью 1861 года среди студентов Петербургского университета, скоро распространившимися и на все провинциальные университеты. Последствием их было исключение из университетов значительного числа студентов, участников беспорядков, и высылки их под надзор полиции в разные города Империи” (Т. 2. С. 580–581).

С. 105–106. 1862 – “усиление брожения” ~ “Молодежь отрезвилась”. – «В течение 1862 года брожение, охватившее так называемые передовые круги и в частности учащуюся молодежь, не только не улеглось и не успокоилось, но приняло еще большие размеры. {...} Подпольные листки самого возмутительного содержания продолжали появляться в большом числе. Их рассылали по почте, разбрасывали по улицам столицы и даже в Зимнем дворце, в ночь под Светлое Христово Воскресенье, во время заутрени. Листок “Молодая Россия” прямо звал к бунту, кровавому и беспощадному, ко всеобщей резне с целью переустройства общества на иных началах и провозглашения в России социальной и демократической республики» (Т. 2. С. 581; слово *даже* подчеркнуто Блоком). Текст упоминаемых Татищевым воззваний напечатан с сокращениями в кн.: Лемке М. Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевского. СПб., 1907 (см. коммент. к с.113 наст. тома). Далее у Татищева: “Вслед за появлением этого воззвания вспыхнули в Петербурге пожары, в короткое время принявшие огромные размеры и повторившиеся в различных местностях Империи. Такой оборот дела побудил правительство прибегнуть к чрезвычайным и энергичным мерам. По высочайшему повелению закрыты воскресные школы, приостановлено издание печатных органов, виновных в распространении разрушительных учений, и для расследования революционных сообществ, так нагло заявлявших о своем существовании, образована особая следственная комиссия под председательством статс-секретаря князя А.Ф. Голицына. Комиссия эта произвела ряд обысков и многочисленные аресты. Лица, избличенные в преступных деяниях, преданы суду Сената, приговорившего главнейших из них, в том числе писателя Чернышевского, к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь в каторжную работу на продолжительный срок, а менее виновных – к поселению в Сибирь” (Т. 2. С. 581–582). Татищев продолжает: “Не столько, однако, эти меры строгости, сколько вспыхнувший в начале 1863 года мятеж в Царстве Польском и в Западном крае произвел в настроении русского общества коренной и спасительный перелом. Совращенная с правого пути, русская молодежь очнулась, отрезвилась и примкнула к единодушному выражению патриотических чувств всех званий и состояний русского народа {...}” (Т. 2. С. 582). Восклидательный знак после слов “Молодежь отрезвилась” принадлежит Блоку.

С. 106. “Ишутинский кружок” в Москве ~ назн(ачен) Д. Толстой. – Татищев (Т. 2. С. 583–584) излагает программу ишутинского кружка: 1) пропаганда между сельским населением, с объявлением, что земля составляет собственность всего народа; 2) возбужде-

ние крестьян против землевладельцев, дворянства и вообще против властей; 3) устройство разных школ, артелей, мастерских, переплетных, швейных и иных ассоциаций, дабы посредством их сблизиться с народом и внушать ему учения социализма; 4) заведение в провинции библиотек, бесплатных школ и разных обществ, на началах коммунизма, для привлечения и подготвления новых членов; 5) распространение в народе социалистических учений чрез воспитанников семинарий и сельских учителей; 6) социально-революционная пропаганда на Волге. Ср. далее: «Члены Ишутинского кружка верховым уголовным судом приговорены к каторжным работам на разные сроки; значительное число их единомышленников высланы в разные города под надзор полиции. Запрещены окончательно два органа так называемого передового направления: “Современник” и “Русское слово”». Во главе III Отделения поставлен граф П.А. Шувалов, а во главе столичной полиции – генерал-адъютант Трепов. Наконец, министром народного просвещения назначен обер-прокурор Св. Синода граф Д.А. Толстой» (Т. 2. С. 584). Эти же события излагаются на с. 7–8 второго тома книги Татищева. *Шувалов* Петр Андреевич, граф (1827–1889), с 1866 по 1873 г. – шеф жандармов и управляющий III отделением, с 1874 – посол в Лондоне, один из представителей России на Берлинском конгрессе. *Трепов* Федор Федорович (1803–1889), с 1866 по 1878 г. – петербургский обер-полицмейстер; *Толстой Д.А.* – см. коммент. к с.104.

1869. Обнаружено в Москве “Общество народной расправы” – “главный зачинщик” Нечаев – в 1871 – его процесс. – Ср.: «На след образовавшегося в 1869 году в Москве тайного сообщества под именем “Общества Народной Расправы”, преследовавшего прямо революционные цели, навело полицию убийство одного из участников, заподозренного товарищами в измене. Следствие по этому делу, – главный зачинщик которого, Нечаев, успел бежать за границу и выдан лишь два года спустя швейцарским правительством – произведено было судебными властями на точном основании нового устава уголовного судопроизводства» (Т. 2. С. 586–587). *Нечаев* Сергей Геннадиевич (1847–1882) – автор “Катехизиса революционера”; организовал убийство студента Иванова в Москве (об этом идет речь у Татищева).

Начало 70-х годов – пропаганда в “народе” и среди рабочих. – Ср.: “С начала семидесятых годов отдельные личности из социалистов искали сближения с простонародьем, водворяясь в деревнях и приручивая себя к деятельности сельских учителей, волостных писарей, фельдшеров и других профессий, близких к крестьянскому быту. В 1872 году петербургские кружки занялись систематическим совращением рабочих столичных фабрик и заводов. С этой целью они поселялись в частях города, где жили рабочие” (Т. 2. С. 588).

Ул(ичная) демонстрация ~ гроб несут на руках до кладбища. – “Заведена в Петербурге осенью 1877 года тайная типография, печатавшая возмутительные листки и брошюры. Были даже попытки производить уличные демонстрации. Та, что устроена была на площади пред Казанским собором при выходе из храма после обедни в Николин день, 6-го декабря 1876 года, не нашла ни малейшего отклика в толпе и тотчас же была подавлена полицией, арестовавшею два десятка ее участников. Но в марте того же года по случаю похорон умершего в доме предварительного заключения одного из обвиняемых социалистов, собралась большая толпа молодежи, силой овладевшая гробом и демонстративно пронесшая его по улицам столицы вплоть до самого кладбища” (Т. 2. С. 594).

Начало ряда политичес(еских) процессов ~ Шумная демонстр(ация) в ее честь. – «Ряд политических процессов в Особом присутствии Сената по делам о государственных преступлениях открылся в январе 1877 года делом о “демонстрации на Казанской площади” (21 подсудимый); за ним следовали: дело “о кружке московских пропагандистов” (50 подсудимых), дело “Южно-русского рабочего союза” (15 подсудимых) и шесть дел по разным отдельным случаям (24 подсудимых) (...) В половине сентября начался и продолжался до половины января следующего 1878 года процесс “о революционной пропаганде в

Империи”, привлекая на скамью подсудимых 193 лица (...) На другой день после состоявшегося приговора Особого присутствия Сената, 24 января 1878 года Вера Засулич выстрелом из пистолета тяжело ранила петербургского градоначальника генерал-адъютанта Трепова (...) Демонстративно приветствовала толпа молодежи 31-го марта оправдательный вердикт, вынесенный присяжными Вере Засулич по обвинению в покушении на убийство генерал-адъютанта Трепова. Освобожденная из-под стражи, подсудимая была уведена единомышленниками посреди невообразимого смятения, при чем в полицию было сделано несколько выстрелов” (Т. 2. С. 596–598). Засулич Вера Ивановна (1849–1919) – стреляла в Трепова, желая отомстить ему за поступок с заключенным Боголюбковым (А.С. Емельяновым), арестованным во время разгона демонстрации перед Казанским собором: во время посещения градоначальником дома предварительного заключения Боголюбов не снял перед ним шапки; Трепов замахнулся на него кулаком, отправил его в карцер и приказал наказать розгами. Председателем суда в процессе Засулич был А.Ф. Кони, знакомый Блока.

4 августа убит ~ мероприятия, сообщения и призывы.. – “4-го августа главному начальнику III Отделения и шефу жандармов генерал-адъютанту Мезенцову во время прогулки нанесена смертельная рана кинжалом в живот” (Т. 2. С. 599). Мезенцов Николай Владимирович (1827–1878) – назначен шефом жандармов в 1876 г. Убийца Мезенцова – С.М. Степняк-Кравчинский (о нем см. коммент. к ст. 283–284 поэмы). Татищев перечисляет далее *правительственные мероприятия, сообщения и призывы:*” 1) расширение числа лиц, имеющих право арестовывать подозреваемых в государственных преступлениях; 2) повеление ссылать подлежащих высылке преступников преимущественно в Восточную Сибирь, а покушавшихся на побег – в Якутскую область; 3) оказывающих сопротивление силой при обыске или аресте подвергать военному суду; 4) приступить к устройству в Сибири колонии для государственных преступников, а в Европейской России – особые тюрьмы; именной высочайший указ Сенату о подчинении дел о государственных преступлениях военному суду” (Т. 2. С. 599–601). 20 августа в “Правительственном вестнике” появилось сообщение, “приглашавшее русское общество оказать правительству дружное содействие в борьбе с крамолой”; Татищев приводит текст этого обращения (Т. 2. С. 601–602).

15 августа Ал(ександр) II ~ назначен ст(атс)-секр(етарь) Маков. – “Император Александр II 15-го августа выехал из Царского села, направляясь через Ковель, Луцк, Одессу, Николаев и Севастополь в Ливадию. За два дня до прибытия в Николаев случайным обыском в квартире еврея, заподозренного в сношениях с одесским кружком “бунтарей”, обнаружены приготовления к цареубийству, замышлявшемуся этим кружком (...) В Ливадии государь назначил генерал-адъютанта Дрентельна главным начальником III Отделения и шефом жандармов на место убитого Мезенцова, а по возвращении в Петербург, 22 ноября, уволил, согласно прошению, генерал-адъютанта Тимашева от должности министра внутренних дел, вверив управление этим министерством статс-секретарю Макову” (Т. 2. С. 602). Дрентельн Александр Романович (1820–1888) – занимал должность шефа жандармов до 1880 г.; с 1880 г. – одесский, а впоследствии – киевский генерал-губернатор. Тимашев Александр Егорович (1818–1893) – был министром внутренних дел с 1868 г. Маков Лев Саввич (1830–1883) – министр внутренних дел до 1880 г.

Сильные студ(енческие) волнения ~ газета “Земля и воля”. – «Осень 1878 года ознаменовалась новыми волнениями среди студентов (...) Обширных размеров достигли они в Петербурге, где приняли в них участие студенты не только университета, но и всех прочих высших учебных заведений. Собравшись все вместе, в целом ряде сходок, они оставили прошение на имя наследника с жалобами на притеснения начальства и с требованием возвращения им права совещаться об общих делах и распоряжаться своими кассою, столовыми и библиотекою. Особенно буйным характером отличались студенты военно-медицинской академии, для водворения порядка в стенах и на дворе которой пришлось прибегнуть к вооруженной силе.

Около полутора ста студентов-медиков было арестовано и заключено в казармах лейб-гвардии Московского полка. Тогда же задержаны в значительном числе и студенты других заведений. Дело кончилось исключением из них, с высылкою под надзор полиции в разные местности, нескольких сот юношей.

Кружок петербургских социалистов (...) организовался в сообщество, принявшее название “Земля и воля”, расширил свою тайную типографию и с конца октября стал издавать свой орган – социально-революционное обозрение под тем же именем “Земля и воля”. Во главе кружка стал так называемый “Исполнительный комитет” (...). Под руководством “комитета” образовался в Петербурге, наподобие “Южно-русского союза”, “Северный союз” рабочих, занимавшийся специально пропагандою в рабочей среде и также издававший свой особый печатный орган» (т. 2. С. 602–603). Общество “Земля и воля” основано в 1876 г. в Петербурге; главные деятели – А.Д. Михайлов, А.А. Квятковский, С.М. Кравчинский, С.Л. Перовская. Общество организовало убийство Мезенцова (см. коммент. к с.106); в 1879 г. общество раскололось на “Народную Волю” и “Черный передел”. Блок, очевидно, читал статью В. Бурцева “Северо-Русский рабочий союз”, в которой, в частности, сообщалось: «“Союз” образовался в конце 1877 г. (...) просуществовал до половины 1879 г., даже можно сказать, до весны 1880 г. Главными его основателями были Виктор Обнорский и Степан Халтурин» (Былое. 1906. № 1. С. 171).

С. 107. 1879. Начинается с новых террористических актов ~ В Петербурге – Гурко. – Татищев сообщает об убийстве 9 февраля 1879 г. в Харькове харьковского губернатора князя Крапоткина, 26 февраля в Москве – полицейского агента Рейнштейна и о покушении 13 марта в Петербурге на шефа жандармов Дрентельна (Т. 2. С. 604–605; см. коммент. к с.115); Ср. далее: “2-го апреля, в девятом часу утра, при возвращении императора Александра с прогулки в Зимний дворец, шедший ему навстречу человек, одетый в пальто при форменной гражданской фуражке с кокардой на голове, подойдя на близкое расстояние, произвел в него пять выстрелов из револьвера. К счастью, государь даже не был ранен. Сбежавшаяся толпа схватила преступника, оказавшегося сельским учителем из исключенных из университета студентов, Александром Соловьевым” (Т. 2. С. 604). *Соловьев* Александр Константинович (1846–1879) – революционер-народник. “Соловьев предстал один пред верховным уголовным судом, приговорившим его к смертной казни чрез повешение. Приговор приведен в исполнение и преступник казнен 28 мая” (Т. 2. С. 605). “На совещании высших сановников, происходившем в присутствии государя, (...) решено прибегнуть к новой мере: (...) учреждению временных генерал-губернаторств, с предоставлением генерал-губернаторам чрезвычайных полномочий. Временных генерал-губернаторов положено назначить в Петербурге, в Харькове и Одессе, а предоставленные им права распространить и на генерал-губернаторов в Москве, Киеве и Варшаве (...) Временными генерал-губернаторами назначены три генерала, покрывшие себя славою в минувшую войну с Турцией: в Петербург – генерал-адъютант Гурко, в Одессу – генерал-адъютант граф Тотleben и в Харьков – генерал-адъютант граф Лорис-Меликов” (Т. 2. С. 604–605). О Гурко см. коммент. к с.105.

Особое совещание... – министров: военного, финансов, юстиции, народного просвещения и внутренних дел, главноуправляющего II Отделением и шефа жандармов под председательством министра государственного имущества Валуева – вынесло на обсуждение Комитета Министров “меры для борьбы с крамолою”. “Из них весьма немногие были осуществлены своевременно; большую же часть опередили события, и они не вышли из области предположений” (Т. 2. С. 614).

Генерал-губернаторы действуют повсю ~ Херсонское казначейство. – Татищев перечисляет меры, предпринятые генерал-губернаторами, которые “широко применяли свои чрезвычайные полномочия к подавлению социально-революционного движения”: “строгое наблюдение за своевременною и точною пропискою видов, а в столицах – постоянное дежурство дворников; правила ношения, хранения и продажи оружия; правила о продаже легко воспламеняющихся и взрывчатых веществ, о надзоре за типографиями и

т.п. Усиленные обыски и аресты производились среди лиц, заподозренных в соучастии с злоумышленниками; большая часть арестованных высылалась из Петербурга и университетских городов под надзор полиции в разные местности; уличенные в виновности предавались военному суду” (Т. 2. С. 614–615). “В июне произведено дерзкое похищение из Херсонского казначейства 1.580.000 рублей (...) большая часть похищенных денег, более полутора миллионов, была найдена, и виновники все задержаны, преданы суду и осуждены” (*Там же*).

Совещание революционеров... – «Раскол в среде партии “Земля и Воля”, уже обнаружившийся на воронежском съезде, происходившем в конце июня, окончательно решен на сходке в Петербурге 15-го октября. В противоположность партии “террористов”, назвавшейся “Народная воля”, народники образовали свое отдельное сообщество под именем “Черный передел”» (Т. 2. С. 616).

Организация покуш(ения) на Ал(ександра) II ~ под свитским поездом. Т. 2. С. 617–618. Об этом эпизоде Блок мог также прочесть в журн. “Былое”. 1906. № 1 (“Процесс 20-ти народовольцев, разд.VII); среди участников названы: С. Перовская, Л. Гартман, Ал. Михайлов, Г. Исаев, С. Ширяев. Взрыв произошел на 3-ей версте от Москвы; “за исключением нескольких поранений, несчастий с людьми не произошло” (*Татищев*. Т. 2. С. 618).

22 ноября Ал(ександр) II ~ в Зимнем Дворце. – Т. 2. С. 618–619. «В типографии сообщества стал выходить с 6-го октября его орган – социально-революционное обозрение под заглавием “Народная воля”. Программа “Исполнительного комитета”, излагавшая устройство террористической партии, ее намерения, цели и средства, в тысячах печатных экземпляров распространялась в Петербурге между единомышленниками и рассылалась во все концы России» (Т. 2. С. 618–619). О взрыве в Зимнем дворце Татищев пишет: «Еще в сентябре в число стюардов, работавших в Зимнем дворце и помещенных в подвальный его этаже, поступил под чужим именем и с поддельным видом один из “распропагандированных” рабочих, принадлежавший к террористическому сообществу (С.Н. Халтурин. – *Ред.*) В продолжение четырех месяцев он мало-помалу сносил туда динамит в свой сундук, стоявший в комнате, расположенной как раз под царской столовой, и, когда динамиту накопилось около трех пудов, 5-го февраля в шесть часов вечера (...) последовал взрыв. (...) Разрушительное действие взрыва не распространилось далее главной гауптвахты, находившейся в первом этаже (...) Из находившихся в этой комнате (...) нижних чинов л.-гв. Финляндского полка убито 11 и ранено 56 человек. В полу столовой оказалась лишь небольшая трещина» (Т. 2. С. 619).

1 января 1880 г. на место умершего ~ (так сообщено в дневнике Валуева). – О назначении Валуева см.: Т. 2. С. 622; там же сказано о предложении Валуева расширить “общественное участие в делах государственных”. *Игнатьев* Павел Николаевич (1797–1879) – председатель Комитета министров с 1872 по 1879 г. *Валуев* Петр Александрович (1814–1890) – министр внутренних дел (1861–1868), председатель Комитета министров (1880–1881). Об Особом Совещании, составе его участников и позициях их см.: Т. 2. С. 623. Там же приведенный Блоком текст и ссылка на дневник Валуева. Приведенный Татищевым отрывок опубликован в составе Дневника 1877–1884 гг. только в 1919 г. (Былое. 1919. № 6.); Татищев, очевидно, был знаком с рукописью Дневника.

5 февр(аля) был взрыв ~ обращ(ается) к жителям столицы. – О взрыве в Зимнем дворце см. выше. Блок мог прочесть об этом эпизоде революционного движения и в “Былом” (1906. № 1. “Процесс 20-ти народовольцев...”. Разд. VIII). Участники – Степан Халтурин и Александр Квятковский. О совещании 8 февраля – и утверждении Верховной Распорядительной комиссии см.: Т. 2. С. 623–625; на с. 625 цитируется обращение Лорис-Меликова к жителям Петербурга с надеждой на поддержку “всех честных людей, преданных государю и искренно любящих свою родину”. *Имеретинский* Александр Константинович (1837–1900), светлейший князь – участвовал в подавлении польского восстания 1863 г., в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.; с 1881 по 1891 г. – начальник главного военно-судно-

го управления и главный военный прокурор. *Каханов* Михаил Семенович (1833–1900) – в 1881 г. товарищ министра внутренних дел; с 1881 г. – член Государственного совета. *Ковалевский* Михаил Евграфович (1829 – 1884) – судебный деятель, член Государственного совета, “правая рука Лорис-Меликова”, по выражению А.Ф. Кони. *Шамишин* Иван Иванович (1837–?) – сенатор; *Марков* Павел Алексеевич (1841–?) – член Государственного совета по тюремным делам, сенатор; *Черевин* Петр Александрович (1837–1896) – с 1881 по 1883 г. товарищ министра внутренних дел; *Батьянов* Михаил Иванович (1835–1916) – генерал-майор свиты; *Перфильев* Сергей Степанович – правитель канцелярии министерства внутренних дел.

С. 108. *При таких чрезвы(чайных) и тревожн(ых) обст(оятельствах)...* – Цитата из Татищева (Т. 2. С. 626). Там же (С. 626–629) описаны юбилейные торжества и приведены тексты приветствий Государственного Совета и Сената, а также речи Александра II.

О покушении на Лорис-Меликова... Татищев сообщает на с. 629–630. (Т. 2.). Об этом также см.: Былое. 1906. № 12 (воспоминания Н.С. Русанова; там же назван покушавшийся – И.О. Млодецкий).

Скоро уволен Дрентельн ~ сменен Победоносцевым. – Об увольнении Дрентельна (см. коммент. к с. 103) Татищев сообщает дважды (Т. 2. С. 630 и 636); о заседании 4 марта – с. 631, там же цитированный Блокот текст; о работе комиссии и докладе Лорис-Меликова, “в котором, отдав отчет в своей деятельности”, граф “изложил целую правительственную программу”, сообщается на с. 631–636; далее Татищев перечисляет главные положения доклада, пространно цитируя его (с. 636–643). Об увольнении гр. Толстого сообщается на с. 643.

О смерти императрицы Марии Александровны и ее похоронах Татищев сообщает на 644.

О продолжении террористической деятельности Татищев пишет на с. 644–645 (Т. 2.): “Все эти преступные замыслы и предприятия оставались неизвестными властям и были обнаружены лишь в следующее царствование. Не видя острых проявлений революционной деятельности, граф Лорис-Меликов верил в успокоение умов, вызванное переменою правительственной системы, даже в среде самых закоренелых злоумышленников, и убеждение это успел вселить и в самого императора” (с. 645). О подготовке взрыва под Каменным мостом Блок мог прочесть в “Былом” (1906. № 1. “Процесс 20-ти народовольцев...”, раздел X; там же названы среди участников В. Желябов и М. Тетерка).

В связи с назначением Л(орис)-М(еликова) мин(истром) вн(утренних) дел Татищев цитирует “именной высочайший указ Сенату” 6 августа 1880 г.: “... мы убедились, что ближайшая цель учреждения Комиссии – объединение действий всех властей для борьбы с крамолою – настолько уже достигнута (...), что дальнейшие указания наши по охранению государственного порядка и общественного спокойствия могут быть приводимы в исполнение в общеустановленном законом порядке с некоторым лишь расширением круга ведения министра внутренних дел” (Т. 2. С. 645). Далее сообщается о закрытии Верховной Распорядительной комиссии, об упразднении III Отделения, об образовании департамента Государственной полиции в составе министерства внутренних дел: “заведывание Корпусом жандармов возложено на министра внутренних дел (...), ему же предоставлено завершение возбужденных Верховною Распорядительною Комиссией вопросов” (с. 646).

Сенат(ская) ревизия 9-ти губерний (Казанской, Костромской, Оренбургской, Уфимской, Тамбовской, Воронежской, Киевской, Черниговской и Саратовской) была предпринята по предложению Лорис-Меликова (утверждена Александром II 27 августа 1880 г.). Татищев называет ревизовавших сенаторов и перечисляет вопросы, по которым проводилась ревизия (Т. 2. С. 647–649).

17 авг(уста) Ал(ександр) II ~ Указ Сенату об отмене акц(иза) на соль... – Т. 2. С. 949.

В конце января Лорис-Меликов ~ значительных городов – Т. 2. С. 651–652; подчеркнuto Блоком.

С. 108–109. “В конце декабря 1880 года ~ в руки Андрея Желябова...” – Т. 2. С. 653. Михайлов Александр Дмитриевич (1855–1884) – один из организаторов “Земли и воли”; после раскола организации – член Исполнительного комитета “Народной воли”; Желябов Андрей Иванович (1851–1881) – один из основателей “Народной Воли”; о нем Блок мог читать следующие материалы в журн. “Былое”: Белоконский И.П. А.И. Желябов. (Отрывки из воспоминаний) // 1906. № 3. Семенюта П.П. Из воспоминаний об А.И. Желябове // 1906. № 4; [Тихомирова Л.А., Хотинская (Моценко) Е.А.] К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской // 1906. № 8.

С. 109. ... описание приготовления и свершения 1 марта. – Т. 2. С. 654–657. Этому событию посвящены также несколько публикаций, по-видимому, известных Блоку: Былое. 1906. № 1. “Процесс 20-ти народолюбцев”. Разд. XII; Былое. 1906. № 3, Богучарский В. “1-е марта – 3-е апреля 1881 г.”

... планы Жуковского ~ Саши”. – В.А. Жуковский избран в наставники наследнику престола Николаем I “тотчас по воцарении” последнего, то есть в 1826 г. (Татищев. Т. 1. С. 12). “План воспитания” – заглавие второй главы первого тома, в которой сообщается, что к осени 1826 г. Жуковский составил и отправил на утверждение Николая I “План учения”, целью которого провозглашалось “образование для добродетели” (Т. 1. С. 14). Далее, на с. 14–22, Татищев подробно излагает составленную Жуковским “программу нравственного воспитания и умственного развития вверенного поэту царственного питомца”.

Всю жизнь Ал(ександр) II плакал ~ “августейшими слезами” – О слезах Александра II Татищев говорил на с. 7, 32, 36, 58 (Т. 1) и др. О слезах Николая I во время принесения присяги Александром II Татищев пишет так: “величественные слезы августейшего родителя соединились с обильными слезами августейшего сына” (Т. 1. С. 64).

О смерти наследника Татищева см.: Т. 1. С. 528.

О покушении Каракозова – Т. 2. С. 4. Комиссаров Осип Иванович (1838–1892) – был возведен в дворянское достоинство (Т. 2. С. 6); приводимые далее сведения – “был в гусарах, получил деньги, с ним возились”, Блок мог почерпнуть в Дневнике А. Никитенко – Никитенко А.В. Дневник. СПб., 1905. Т. 2. С. 170–171. Гренадерская часовня у Летнего сада была освящена в первую годовщину покушения на Александра II (Татищев. Т. 2. С. 20).

Сильные студ(енческие) волн(ения) ~ Пожары в П(етер)бурге. – “Поводом к волнениям послужили новые правила, изданные министерством народного просвещения с целью введения между студентами более строгой дисциплины и усиления за ними надзора” (Т. 1. С. 395); далее Татищев сообщает о нескольких студенческих демонстрациях, о столкновении их с войсками (С. 395). О прокламации “Молодая Россия” и пожарах в Петербурге – С. 398–400.

“Польская смута” – название гл. XV первого тома книги Татищева. “С лета 1860 (...) начался в Варшаве ряд патриотических манифестаций, устраиваемых в память деятелей или событий предшедших мятежей” (Т. 1. С. 423); Горчаков Михаил Дмитриевич, князь (1793–1861) – генерал-адъютант, в 1856–1861 гг. – наместник Царства Польского. “Князь Горчаков совершенно растерялся. Он не только принял из рук депутатов адрес, обещав доставить его по принадлежности, но и согласился на все предъявленные ему требования. То был ряд уступок, клонившихся к полному упразднению русской власти в городе” (Т. 1. С. 425). Обмен телеграммами Александром II и наместника – С. 425–427. Велепольский Александр, маркиз (1803–1877) – в 1861 г. – член Совета управления и министра народного просвещения и вероисповедания; в 1862–1863 гг. – начальник гражданской администрации и вице-председатель Государственного совета Царства Польского. О смерти Горчакова сообщается на с. 438. Сухозанет Николай Онуфриевич (1794–1871) – генерал-адъютант, военный министр (1856–1861); на с. 438 Татищев сообщает о прибытии в Варшаву Сухозанета, которому было поручено временное исполнение должности наместника Царства Польского. В связи с вызовом Велепольского в Петербург Татищев цитирует телеграмму Александра II Сухозанету: “... Велепольский не может быть долее терпим в Вар-

шаве, и потому объявите ему приказание о немедленном отправлении сюда. Если он осмелится ослушаться, то арестовать в цитадели и донести” (Т. 1. С. 446). Далее сообщает, что Велепольскому был оказан в Петербурге “благосклонный и даже милостивый прием” (Т. 1. С. 449); о назначении наместником вел. кн. Константина Николаевича – (Т. 1. С. 451), о покушении на него (21 июня, на другой день по приезде наместника, стрелял Ярошинский, портной – С. 453–454); на с. 454 сообщено о двух покушениях на жизнь маркиза Велепольского и о казни всех трех покушавшихся.

Адрес польских дворян на имя графа Андрея Замоиского “требовал возвращения Польше ее древних прав и вольностей” (Т. 1. С. 455); *Замоиский* Андрей (1800–1874) – глава партии националистов-консерваторов, инициатор адреса наместнику с требованием возвращения Польше национальной церкви, законодательства и других общественных институтов как необходимого условия национального существования (Т. 1. С. 425); в отличие от Велепольского не допускал никогда компромисса в отношении поляков к русскому правительству. Несмотря на приказ императора, наместник не арестовал Замоиского, но просил Александра, чтобы и в Петербурге Замоиский находился на свободе. Замоиский был выслан за границу (Т. 1. С. 456).

“Вооруженный мятеж” ~ До Зап(адной) Двины и Днепра – Т. 1. С. 459 (глава XVI “Мятеж в Царстве Польском и в Западном крае”).

С. 109–110. *“Рекрутский набор ~ ружьями и пистолетами”* – Т. 1. С. 459–460.

Русские летучие отряды. – “Войска тотчас же принялись за преследование мятежнических шаек. Всюду русские летучие отряды наносили повстанцам чувствительные поражения...” – Т. 1. С. 461.

“Мощным выразителем одушевления ~ подчинялась дотоле...” – Т. 1. С. 469. *Катков* Михаил Никифорович (1818–1887) – издатель и редактор газеты “Московские ведомости” (с 1851 г.) и журнала “Русский вестник” (с 1856 г.). Во время польского восстания высказывал на страницах своих изданий резко антипольские суждения, полемизировал с “Колоколом” Герцена. См. о нем упоминание в “Плане первой части”.

Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866) – министр государственных имуществ (1857–1866), противник освобождения крестьян; с 1 мая 1863 г. – генерал-губернатор шести северо-западных губерний; о назначении его начальником Северо-западного края (вместо Назимова) – см.: *Татищев*. Т. 1. С. 470; *Берг* Федор Федорович, граф (1794–1874) – генерал-фельдмаршал, назначен наместником Царства Польского в 1863 г. вместо великого князя Константина Николаевича (Т. 1. С. 476). Там же – об “энергических мерах” Берга и Муравьева (С. 471).

“Под страхом денежных штрафов ~ в цветные наряды” – Т. 1. С. 476. Там же – об уничтожении повстанья к 1 мая.

Л.Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого (СПб, 1905). – Первая книга воспоминаний Пантелеева (далее страницы по этому изданию), вторая вышла в 1908 г.); книга была в библиотеке Блока, но не сохранилась. Чтение книги Пантелеева отмечено в дневнике Блока (22 октября 1911 г.), а в Записной книжке (декабрь 1919 г.) Блок записывает известие о его смерти. Пантелеев (о нем см. коммент. к с.103) с 1877 г. занимался издательской деятельностью, был знаком с А.Н. Бекетовым (издавал его труды – в частности, книгу “Беседы о земле и тварях, на ней живущих”, в 1903 г. вышло 8-е издание), с Е.Г. Бекетовой (издал “Сентиментальное воспитание” Флобера в ее переводе; “его очень ценил ее внук”, – вспоминает М.А. Бекетова – ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 663). Рассказы о Пантелееве знакомого семьи Бекетовых В.И. Котырло отразились в записи семейных преданий – в начале “Матерьялов”. Кроме названной книги Блок мог читать еще несколько статей мемуарного характера, помещенных Пантелеевым в журнале “Былое” за 1906 и 1907 гг. Новейшее издание: *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. [М.], 1958.

П(етер)б(ургский) университет ~ “Земля и Воля” 1861–62 годов. – Пантелеев поступил в университет в 1858 г. Первый абзац конспекта соответствует в основном огла-

лению первой книги “Из воспоминаний прошлого”. *Сходки* – пятая глава книги. Пантелеев рассказывает о сходке осенью 1858 года по поводу столкновения студентов с цепью гвардейцев (на пожаре); отмечает “недостаток духа единения” (С. 40) среди студентов и выработку “более ясных понятий” (*Там же*) в последующие годы. *Студенческие нравы* – имеются в виду гл. VI–VIII, где говорится о студенческой ссудной кассе, о студенческой корпорации, о публичных судебных разбирательствах в кругу студентов, о студенческой библиотеке и распространении лондонских изданий среди учащейся молодежи, о влиянии Бюхнера и Фейербаха (С. 43–58); отмечена “щепетильность в охране доброго имени студента” (С. 140). *Отношение к крестьянской реформе* – гл. IX (“Великие реформы и отношение к ним студентов”): “Конечно, студенчество было на стороне самой широкой развязки крестьянского дела; были даже и такие, правда, немногие, которые признавали справедливым только даровой надел, но зато я не встречал студента с крепостническими взглядами или несочувственно относившегося к наделу крестьян земле...” (С. 61). *Польская партия* – гл. X (“Польская студенческая корпорация”. (С. 64–89); здесь же приведены сведения о количестве поляков (400–500 студентов) в Петербургском университете (С. 64). Автор, в частности, пишет: “Для уроженцев Царства Польского существовало на юридическом факультете несколько специальных кафедр, которые были заняты профессорами-поляками: они читали на польском языке” (С. 64); по замечанию Пантелеева, поляки-студенты держали себя “совсем особняком” (С. 65), не обращались в русскую ссудную кассу, не участвовали в сходках; “Русские относились к полякам без всякой враждебности, но тоже не искали сближения...” (С. 66). *Профессора* – гл. XI (“Профессорская корпорация”. С. 90–117). Среди профессоров упоминаются А.Н. Бекетов и Д.И. Менделеев (С. 100), особенно подробно рассказано о К.Д. Кавелине, Н.И. Костомарове, В.Д. Спасовиче и М.М. Стасюлевиче. *Женщины в университете* – гл. XIV (“Женщины в Петербургском университете”. С. 133–144). Пантелеев вспоминает о появлении осенью 1860 г. на лекции К.Д. Кавелина Н.И. Корсини, посещавшей и другие лекции; называет еще несколько имен слушательниц лекций в университете. “А в 1860–61 гг. сделалось совсем обычным явлением, что на лекциях некоторых профессоров дам бывало чуть ли не столько же, сколько студентов” (С. 135); “... опыт Петербургского университета в 60-х гг., а также современная практика на Западе достаточно убедительно говорят, что все высшие учебные заведения должны быть одинаково открыты как для мужчин, так и для женщин” (С. 144). *Литературный фонд* был открыт в 1859 г. В главе XXII Пантелеев рассказывает об устройстве II Отделения Литературного фонда для пособия учащейся молодежи. *Вечера* (литературные) Тиблена и Штакеншнейдера – гл. XIX (С. 188–204); *Тиблен* Николай Львович (1825 – после 1869) – петербургский издатель, выпускал в основном естественнонаучную и философскую литературу, в 1869 г. эмигрировал. *Петербургские пожары* – гл. XXIII (С. 228–249) – майские пожары 1862 г. Пантелеев цитирует петербургские газеты, упоминая распространенные подозрения на студентов как на возможных виновников пожаров. “*Земля и Воля*” – в гл. XXIV автор рассказывает о своем вступлении в тайное революционное общество (начало 1860-х годов); он был принят А.А. Слепцовым и С. Рымаренко (кроме них большую роль в “Земле и воле” играли братья Н.А. и А.А. Серно-Соловьевичи, Н.Н. Обручев и, как считают исследователи, Н.Г. Чернышевский); название “Земля и воля” взято из статьи Н.П. Огарева “Что нужно народу?” (Колокол, Л. 102. 19 июня [1 июля] 1862 г.); были выпущены два номера листка “Свобода” и журнал “Земля и воля”. Организация пыталась установить связь с участниками польского восстания 1863 г., в 1864 г. самораспустилась.

О панихиде в католическом соборе по пяти убитым – в Варшаве при подавлении манифестации 13 февраля 1861 г. Пантелеев рассказывает в гл. X. Панихида состоялась 22 февраля: “... на нее явилась масса русских студентов, а также некоторые из русских профессоров...” (С. 72). Автор сообщает далее о возникшем тогда слухе, что по поводу панихиды начинается следствие, о том, что предполагают привлечь к ответственности только поляков, но русские, бывшие (и даже отсутствовавшие на панихиде), собирают

подписи в доказательство того, что и они были. Дело оставлено без последствий (С. 73–74). *О похоронах Шевченко* Пантелеев пишет: “Имя его и теперь не особенно популярно между поляками, а при жизни они видели в нем лишь певца братоубийственной розни и ненависти; но в этот момент все было забыто, и польская корпорация в полном составе проводила Шевченко на кладбище” (С. 73).

... *форма отмен(ена) офици(ально) в 1861 г.* (весной), но уже в 1860 г., пишет Пантелеев, она “как-то сама собой стала выходить из практики у студентов” (С. 135).

Л.Ф. Пант(елеев) был арестован в декабре 1864... – С. 88; об аресте и следствии Пантелеев рассказал в журн. “Былое” (№ 1, 2, и 3 за 1907 г.).

Дурное о Некрасове... – Ср.: “... против него как человека царило широко распространенное предубеждение. Одни говорили, что играть на его вечерах – это значит быть наверняка обыгранным; другие не могли ему простить, что Белинский, для которого собственно и был основан “Современник”, оказался в нем простым сотрудником (...) Затем ему ставили на счет “Огаревское дело”, до сих пор совсем не разъясненное ... (С. 150).

... *о чтении Некрасова, Тургенева, Майкова, Полонского.* – Пантелеев рассказывает в главе XV (“Литературные чтения, спектакли литераторов и публичные лекции”). С. 146–155). О чтении Полонским своих стихов Блок писал дважды: в первой главе “Возмездия” и в статье “Вечера искусств” – и оба раза иначе, чем это описано у Пантелеева (“чтец он был не ахти какой”. – С. 155). “Ревизор” в исполнении литераторов был поставлен 14 апреля 1860 г. с участием А. Писемского (городничий), П. Вейнберга (Хлестаков), Ф. Достоевского (почтмейстер), И. Тургенева, А. Майкова, А. Дружинина, Д. Григоровича, В. Курочкина, А. Островского и А. Краевского (купцы).

Либерализм среди военных... – В главе IV (“Уроки”) Пантелеев рассказывает о Николае Ивановиче Ореусе, бывшем командире роты в Преображенском полку, увлекавшемся “Современником”, об офицере того же полка В.Ф. Панютине, взявшем на поруки автора воспоминаний после одной из студенческих историй, об офицере Гурьеве, подложившем в карман старому генералу прокламацию, и пр. (С. 28–30).

А. Тун. Ист(ория) револю(юционных) движений в России. – Книга немецкого историка Альфонса Туна (1855–1886) (“Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland”. Leipzig, 1883). Книга была издана по-русски семь раз; указанное Блоком издание вышло в 1906 г. в Петербурге без указания места и года издания.

С. III. ... “формальная война между правительством и загадочным Исполнит(ельным) Комитетом”. – Из предисловия автора (С. III).

Дейч Лев Григорьевич (1855–1941) – участник революционного движения, один из основателей группы “Освобождение труда”; *Стефанович* Яков Васильевич (1854–1915) и *Боханский (Бохановский)* Иван Васильевич (1848–1917) организовали в с. Чигирине тайное общество среди крестьян с помощью поддельной царской грамоты; в предисловии Л. Дейча (“Мое знакомство с профессором Альфонсом Туном”) сообщается: “Летом 1884 г. я был выдан России, а затем отправлен на каторгу” (С. XXVI).

В те годы немцы с русскими революционерами не церемонились. – слегка измененные слова Туна, сказанные Дейчу; приведены последним во вступительной заметке к книге (С. XIX).

Плеханов говорит... – Слова Плеханова (из его вступительной статьи к книге Туна) цитируются по с. 20–21 (Блок делает свои подчеркивания, не совпадающие с плехановскими).

...*книга Розена...* – “Записки декабриста” барона Андрея Евгеньевича Розена (1800–1884) (СПб., 1907).

...*брошюра Савенковой...* – Книга Софьи Александровны Савенковой (1855–1923) “Годы скорби (Воспоминания матери)”, 1906. Блок мог читать воспоминания Савенковой в журнале “Былое” (1907. № 1): “На волос от казни” (здесь фамилия автора: Савинкова).

Князь В. Мещерский. *Воспоминания. Том I.* – “Мои воспоминания” (СПб., 1873–1874. 3 части.) князя Владимира Петровича Мещерского (1839–1914), журналиста и беллетриста, камергера, чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел, издателя газеты “Гражданин”. В дневнике 25 октября 1911 г. Блок записывает: “Я читаю (...) интересные воспоминания кн. Мещерского” (*Мещерский В.П. Мои воспоминания.* СПб., 1897–1912. Ч. 1–3 (далее страницы даются по этому изданию).

...из него мне нужны только “словечки” ... – Из “словечек” Мещерского в текст поэмы не вошло ни одного, кроме, быть может, эпитета “нечесаный” (“Мои воспоминания”. С. 154), определившего “нигилиста”, жениха старшей сестры (Гл. 1. Ст. 513).

“Человечество ~ стихия!” – В.П. Мещерский пишет, что после того, как вел. кн. Александр Александрович стал наследником престола, к нему “подступало целое человечество”; далее следуют цитированные слова.

О тяжести ~ брат... – В “Моих воспоминаниях” приводятся слова вел. кн. Александра Александровича: “На меня разом обрушивались два удара; вдруг создавалось положение, страшное по тяжести, о котором никогда я и во сне не мог думать, и тут же я лишился моего единственного друга, руководителя и спутника!” (С. 450; речь идет о смерти наследника престола цесаревича Николая Александровича).

Рассуждения Мещерского) ~ чем его брат. – Возможно, Блок имеет в виду след. место: “Два сосуда заключали в себе ту же чистую и благотворную влагу; но один был тонкого хрустала, другой был плотнее, следовательно, и менее хрупок (...) и русский Промысел избрал сосуд более твердый, более безопасный” С. 448).

Александр) II идет на буфетчика... – Эпизод описан В.П. Мещерским: “Она (императрица. – *Ред.*) сидела за чайным столом, подходит кафешен (буфетчик) с подносом, на котором стоял спиртовой золотой чайник; императрица приподнялась, не замечая слуги, и ударила о поднос так сильно, что золотой чайник повалился и облил ей шею кипятком (...), но императрица умолила его (царя. – *Ред.*) пощадить невиновного слугу” (С. 436).

Разочарованность в людях государя... – На с. 434 приведена фраза Александра II: “Я ни в чью благодарность не верю”.

“Недостаток в людях”. – Об этом подробно говорится на с. 410, а на с. 405 В.П. Мещерский вспоминает слова, сказанные им цесаревичу: “...какие у нас государственные люди? Что они не гении, это не беда, гениев и в Европе нет; а беда в том, мне кажется, что они как будто вовсе не интересуются Россиею...”.

Слова цесаревича о смерти... – “Я иногда думаю о смерти, – сказал мне вдруг цесаревич, – разве она такая страшная вещь? Мне кажется, что она должна быть переходом от чего-то тяжелого к чему-то легкому”. И далее: “...иногда мне кажется, что я недалек от смерти” (С. 378).

Признания цесаревича о тоске и бессоннице... – “...наступает бессонница, тоска гложет, не знаешь, куда деваться, выступает холодный пот, бред какой-то начинается в голове, и когда это проходит, является предчувствие смерти...” (С. 381).

“Царскосельский затвор”. – Эти слова встречаются на с. 211.

Тепличность, уют ~ нигилизму департаментов. – Противопоставление дворцовых салонов департаментам неоднократно встречается в книге В.П. Мещерского; на с. 339 говорится “о ледниках равнодушия и квиетизма” (в департаментах) в противоположность салону гр. А.Д. Блудовой, “где не смеялись над (...) мечтами служить России”.

Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862) – с 1835 г. начальник корпуса жандармов, с 1839 г. – начальник III Отделения Собств. Его имп. Величества канцелярии; В.П. Мещерский говорит, что при нем III Отделение было страшным, а при В.А. Долгоруком – мягким и либеральным (С. 329).

Суворов Александр Аркадьевич, князь (1804–1882) – внук генералиссимуса, петербургский генерал-губернатор (1861–1866): В.П. Мещерский крайне отрицательно характеризует “либеральную” позицию Суворова, “добряка и несерьезного человека” (С. 233); *индискретный* – бестактный (от *фр* indiscret).

Горчаков – см. коммент. к с. 104. В.П. Мещерский говорит о нем на с. 295 и сл. Как и А.А. Суворов, А.М. Горчаков, по мнению Мещерского, не соответствовал месту, которое он занимал.

Какое впечатление ~ “нигилисты” ... – “Фигуры, эти, немые, нечесанные, гадкие и выражением и физиономиею, доселе во мне воспрещают живыми...” (С. 154).

“Распушенность интеллигенции” ... – Мещерский пишет о польском восстании: “Начало этого печального события надо искать в общем тогда политическом настроении нашего интеллигентного общества, коего отличительною чертою была распушенность...” (С. 246).

Огрызко (Огрызко) Иосафат Петрович (1826–1890) – русский типограф, издатель, занимал крупные посты в гос. департаменте, был близок к Чернышевскому, связан с кружком Сераковского, издавал газету “Słowo”; за участие в польском восстании 1863 г. сослан в Сибирь. В.П. Мещерский говорит об Огрызко как о революционере, враге России. Об Огрызко Блок мог прочитать и в кн. “Из воспоминаний прошлого” Л.Ф. Пантелеева (Кн. 1. С. 74–80).

С. 112. Благотворное отсутствие газет... – Ср. “Теперь все почти беседы заключаются в жевании прочитанного в газетах; чтение газет тогда не играло никакой роли или маленькую роль” (С. 212).

“Чудная поэзия” ~ “Неприветливая проза” ... – “Два целых месяца я жил в чудной поэзии и в душевном мире, – вспоминает В.П. Мещерский свои встречи с царем и придворными во время поездки Александра II в южные губернии, – по приезду в Петербург очутился в мире самой неприветливой прозы” (С. 196).

Александр пьет всегда Mozell mousseux. – (С. 178 “Моих воспоминаний”). Имеется в виду марка вина (Mosell le vin mousseux).

Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700–1895). Ростов на Дону, 1905 (далее страницы указаны по этому изданию) – книга историка и публициста Сергея Григорьевича Сватикова (1880–1942) посвящена вопросу о народном представительстве в России. Цель автора – “сделать общую сводку всего материала о проектах и попытках изменения государственного строя в России” (С. 3). Блок конспектирует вторую часть книги (с отдельной пагинацией), обнимающую период с 1855 г. по 1895 г. Книга была в библиотеке Блока, но не сохранилась.

Отсутствие конституционных заявлений по причине органической реакции ~ освобождения крестьян. – С. 65. Слово реакции подчеркнуто Блоком.

Консервативные элементы ~ Писа(рев), Шелгун(ов)... – В числе поводов для наступления реакции Сватиков называет кроме майских пожаров 1862 г. еще и начало польского движения. В 1862 г. приостановлены журналы “Современник” и “Русское слово”, арестованы Чернышевский, Писарев и Шелгунов; Сватиков упоминает еще арест М. Михайлова, разгром университета, выход в отставку ряда профессоров и др. (С. 66–67).

Покушение Каракозова. – См. коммент. к с. 104.

Суворов. – См коммент. к с. 111.

Головнин Александр Васильевич (1821–1886), министр народного просвещения (1862–1866), сменил Д. Толстым (см. коммент. к с. 104).

Валуев – См. коммент. к с. 107.

...раскол между либералами и радикалами. – У Сватикова – “между крайними и умеренными фракциями либерализма” (С. 69).

Земские пожелания. – На с. 139–144 Сватиков приводит несколько цитат из постановления губернских собраний Новгорода, Твери, Казани и др. о желательности “расширения прав народа и участия его в лице своих представителей в самоуправлении всей страны” (С. 14).

... общественный разброд после 1 марта. – «Консервативные органы были правы, когда писали в 1881 г. о “разброде” общественном и политическом (...) И как всегда бывает в моменты, когда происходит борьба различных направлений, победило то, на чьей стороне был максимум фактической силы и организованности» (С. 146).

Из речи И Аксакова в славянском обществе ~ “Пора домой” славянофилов. – Приведенная цитата из И. Аксакова (С. 147–148). Сватиков приводит источник цитаты: *Аксаков И.С. Сочинения.* М., 1887. Т. 5. С. 47 – и пишет далее: “Всю ответственность за происшедшее славянофилы возлагали на ту часть общества, которая увлекалась идеями ложного западного либерализма и, в частности, на петербургскую бюрократию” (С. 148). В статье “Вопросы, вопросы и вопросы” (1908) Блок говорит об “исконной распри” между славянофилами и западниками: “Последний акт этой распри ждет нас впереди, он далеко еще не разыгран”. Там же он цитирует “*Пора домой*” – из стих. К.С. Аксакова “Возврат” (1843), впервые опубликованного в газете “Русь” (1881. № 24) Слова “*кровавый хаос*” подчеркнуты Блоком.

Записки, поданные Л(орис)-Меликову мар(кизом) Велепольским, Б. Чичериным и А. Градовским... – с. 149. *Лорис-Меликов* – см. коммент. к с. 000. *Велепольский* – см. коммент. к с. 000. *Чичерин* Борис Николаевич (1826–1904) – профессор Московского университета, правовед, общественный деятель. *Градовский* Александр Дмитриевич (1841–1889) – профессор государственного права Петербургского университета. Сватиков пишет: “Все три записки указывают на необходимость сохранения и укрепления самодержавия, (...) но параллельно с этим стараются доказать всю целесообразность развития начал децентрализации и местного самоуправления...” (С. 149).

Вопрос пока оставлен открытым ~ участь {...} Л(орис)-М(еликова) решена – с. 153–155. После 1 марта Лорис-Меликов два месяца еще оставался министром внутренних дел. 29 апреля 1881 г. был опубликован манифест Александра III, в котором возвещалась готовность “утверждать и охранять” самодержавную власть “от всяких на нее посползновений” (С. 155). О судьбе конституции Лорис-Меликова Блок мог прочесть также в статье П.Е. Щеголева «Из истории “конституционных” веяний в 1879–1881 гг.» Здесь цитируются страницы дневника Валуева, посвященные заседанию Совета при Александре III, где обсуждался проект Лорис-Меликова (Былое. 1906. № 12. С. 282–284). Слова *пока* и *еще надеется* принадлежат Блоку. *Баранов* Николай Михайлович (у Сватикова и Блока – Н.Н.) – (1837–1901) генерал-лейтенант, сенатор. В 1882 г. был переведен губернатором в Архангельск.

Избран {...} лозунг славянофилов... – Слова, подчеркнутые Блоком, – цитата из вышеуказанной речи И. Аксакова; у Сватикова: “Самоуправляющаяся местно земля...” (С. 156). Так же у И. Аксакова (Т. 5. С. 47).

С. 113. Впервые в России выходит в отставку ~ (Абаза, Милютин, позже Сабуров). – “... произошло небывалое в среде русской бюрократии событие – выход в отставку не только первого (по значению) министра, но и его кабинета” (С. 156). *Абаза* Александр Агеевич (1821–1895) – министр финансов (1880–1881). *Милютин* – см. коммент к с. 103. *Сабуров* – см. коммент. к с. 104.

Мин(истр) в(нутренних) д(ел) – гр. Игнатъев ~ Коронация... – Игнатъев Николай Павлович, граф (1831–1906) – министр внутренних дел (1881–1882). Слова “мечты” у Сватикова нет, но на с. 197 в цитате из манифеста Николая II говорится о “бессмысленных мечтаниях об участии представителей земства в делах внутреннего управления”; на с. 157–161 Сватиков излагает пожелания некоторых губернских и уездных собраний “о созыве выборных от народа в качестве совещательного органа самодержавной власти государя” (С. 158). В ответ на вызов “земских сведущих людей” для “составления предположений о способах понижения выкупных платежей” “двенадцать земских собраний {...} заявили ходатайства, чтобы к участию в законодательной деятельности земские люди приглашались не в отдельных случаях и не по назначению от правительства, а постоянно и по выбору земств” (С. 162–163). *Коронация* (Александра III в 1883 г. – *Ред.*) упоминается в связи с речью московского городского головы Б.Н. Чичерина на обеде представителей городов во время коронации (С. 165).

Мин(истр) в(нутренних) дел – Толстой ~ свергают Игнатъева и Скобелева... – с. 166–167. *Толстой Д.А.* – см. коммент. к с. 104. *Победоносцев* – см. коммент. к ст. 623

поэмы. *Катков* – см. коммент. к с. 110. *Скобелев* – см. коммент. к ст. 187 поэмы. Слово “свергают” принадлежит Блоку. По мнению Сватикова, различие между Д. Толстым и Н. Игнатьевым было незначительным (С. 166).

Восьмидесятые годы и первая половина девяностых ~ Преследования крайних партий. – у Сватикова все названные Блоком правительственные распоряжения помещены на с. 178 после след. фразы: “Перечислим вкратце главнейшие мероприятия этих тринадцати лет, имевшие целью охранение политического принципа”. Все подчеркивания в этом отрывке принадлежат Блоку.

Н(иколай) II написал... – Слова Николая II приведены на с. 190–191.

Госуд(арь) прочел речь... – Речь Николая II цитируется на с. 197.

Лемке Михаил Константинович (1872–1923) – историк литературы и общественного движения в России. Названной книги не было в библиотеке Блока, но были комплекты “Былого” за 1906 и 1907 гг. В первых пяти номерах “Былого” (1906) были напечатаны “Дело М.И. Михайлова” (№ 1. С. 101–132) – ссылка на эту публикацию встречается в статье Блока “Гейне в России”; “Дело Д.И. Писарева” – № 2. С. 21–66; “Дело Н.Г. Чернышевского” – № 3. С. 95–145; № 4. С. 125–187; № 5. С. 77–130. В указанной книге помещены (с цензурными купюрами) прокламации: “К молодому поколению” (С. 36–54); “Молодая Россия” (С. 94–104, полностью напечатана во втором приложении к сб. “Государственные преступления в России”, см коммент. к с. 105–106); “Предостережение” (С. 110–112); “Воззвание к барским крестьянам” (С. 336–346).

С. 114 Вестник Европы – “Журнал истории, политики и литературы”; редактор-издатель в 1866 по 1909 г. М.М. Стасюлевич (см. коммент. к с. 109–110). Блок неоднократно упоминает материалы этого журнала, сохраняя при этом критическое отношение к его направлению и к редактору-издателю.

“Официальная Турция в лицах”. – Статья Василия Дмитриевича *Смирнова* (1846–1922) (у Блока инициалы приведены неточно, как и в № 1) – востоковеда, профессора Петербургского университета, специалиста по истории и литературе Турции. Указанная цитата – № 1. С. 275.

В № 1 (С. 5–6) напечатаны стихотворения гр. А.А. *Голенищева-Кутузова* “Пора”, “Ночь”.

В № 2 (С. 672–675) напечатаны под общим заглавием “Думы и грезы” стихотворения Н. *Минского* “Наше горе”, “Зачем?” и “Песня молота”.

“Ночи” Мюссе в пер. С.А. Андреевского была напечатана в № 1 (“Октябрьская ночь”. С. 265–274) и в № 2 (“Майская ночь” и “Августовская ночь”. С. 530–539).

Новые письма А.С. *Пушкина* (июль 1830 – май 1836) с предисловием И.С. Тургенева опубликованы в № 1 (С. 7–46).

№№ 1–2 продолжалось печатание “Парижских писем” Эмиля *Зола* (Золя) (“Новые успехи драмы во Франции”; “Наши современные поэты”).

Повесть немецкого писателя *Фр. Шпильгагена* “The skeleton in the house” напечатана в №№ 1–2. Редакция дала перевод “В доме скелет” со след. сноской: “соответствует нашей поговорке “На душе камень, болячка” (№ 1. С. 312), что не вполне точно. Это английское выражение (впервые – в романе Теккерея “Ньюкомы”) означает наличие постыдной семейной тайны, о которой никто не говорит.

Во *Внутреннем обозрении* № 1 говорилось о недостаточной численности русской армии, действовавшей против турок, о неудачном вооружении, о нехватке теплой одежды и обозов, о недостатках в устройстве тыла (С. 396–399).

Некролог Некрасова, подписанный “М.С.(тасюлевич)”, помещен в № 2 (С. 906–915). “*Обозрение военных действий*” в № 1 помещено без подписи; охватывает время с 20 ноября по 20 декабря 1877 г. Здесь находятся известия о падении Плевны и пленении Османа-паши, приведены цифры потерь русской армии под Плевной; в № 2 подписано: М. Стасюлевич; хронологические рамки обзора – с 20 декабря 1877 по 20 января 1878 г. Со-

держит описание военных действий в это время: от вступления генерала Гурко в Софию до перемирия 19 января.

Комедия А.А. Потехина “Выгодное предприятие” помещена в № 1 (С. 47–187); *статья О.Ф. Миллера* “Байрон и его судьба” – в № 2 (С. 457–500); историческое исследование *В.И. Сергеевича* “Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии?” в № 1 (С. 188–264). Лекции *В.И. Сергеевича* Блок слушал в университете (см. письмо отцу 18 окт. 1898 г.); историческая повесть *Г.П. Данилевского* “Потемкин на Дунае. 1790 год” напечатана в № 2 (С. 501–599).

Корреспонденции Е.И. Утина “Болгария во время войны”, печатавшиеся в декабре 1877 г., продолжали печататься в 1878 г. (№ 2. С. 576–730).

Сравнение “*Крынковских*” ружей, принятых на вооружение русской армией, и ружей *Либоди и Мартини* у турок содержится в № 3 (“Внутреннее обозрение” [без подписи]. С. 388–389).

Сборник военных рассказов, составленных офицерами – участниками войны 1877–1878. СПб, 1878–1879. Т. 1–6. Издание кн. В. Мещерского. Чтение “Сборника...” отразилось в дневнике Блока: “Третьего дня читал рассказы офицеров о турецкой войне – мерзость и скука, но лучше Л. Андреева” (17 дек. 1911 г.).

Подвигов наших молва // Сказкой казарменной стала... – Из стих. Беранже “Старый капрал” (пер. В. Курочкина), в качестве эпиграфа (с предыдущей строчкой. – “Эх, наша слава пропала”) помещено перед “Воспоминаниями из подходов в Азиатской Турции”. 1877–1878. Т. 5. С. 11.

В глазах солдат и офицеров ~ Горного Дубняка. – Поэтически преображенный фрагмент из помещенных в V томе записок офицера “Сражение при Горном Дубняке” (без подписи). В тексте записок: “Два батальона Измайловского полка, пробравшиеся близко к укреплению, подожгли бывшие там соломенные избушки. При этом зареве остальные войска со всех сторон врываются в редут, где белое знамя наконец поднимается на воздух” (С. 473).

С. 115. В сражении под Горным Дубняком Лейб-гвардии Гренадерский полк потерял трех штаб- и обер-офицеров убитыми и 31 ранеными и контуженными; 310 нижних чинов убиты и 592 ранены и контужены; за этими данными следует фраза, приведенная у Блока; подчеркнутые Блоком слова выделены в тексте разрядкой.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ

- ГА РФ* – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГЛМ – Государственный литературный музей. Отдел рукописей (Москва)
ГМИ СПб – Государственный музей истории Санкт-Петербурга
РНБ – Российская национальная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей и редких книг (С.-Петербург)
ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Отдел рукописей (Москва)
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Рукописный отдел (С.-Петербург)
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва)
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Дн* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 312–320. Дневники 1911–1920. Описание см. в списке сокращений к т. 1 наст. изд.
ЗК₁₋₆₂ – записные книжки (1901–1921). Из 62 сохранились 47. *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 321–367
ЛББ – Личная библиотека А. Блока (*ИРЛИ*)
T₁₋₁₀ – десять тетрадей А. Блока, содержащих беловые автографы стихотворений (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 1–10). Краткое описание см. в списке сокращений т. 1 наст. изд.
Хр. ук. T₁₋₁₀ – хронологически-библиографические указатели, приложенные к каждой тетради белковых автографов. Краткое описание см. в списке сокращений т. 1 наст. изд.

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- ББО-_{1,3}* – Библиотека А.А. Блока. Описание. Л., 1984. 1985, 1986. Кн. 1–3
БВ – Биржевые ведомости. Ежедневная политическая, общественная и литературная газета. 1893–1916
Бекетова I – *Бекетова М.А.* Александр Блок. Биографический очерк. Пб.: Алконост. 1922
Бекетова I₂ – *Бекетова М.А.* Александр Блок. Биографический очерк. 2-е изд. Л.: Academia, 1930
Бекетова II – *Бекетова М.А.* Александр Блок и его мать. Воспоминания и заметки. Л., 1925

- Белый, 1-4* – Белый Андрей. Воспоминания о Блоке // Эпопея. М.; Берлин: Геликон, 1922. № 1-4
- Блок и Белый* – Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М.: Гос. лит. музей, 1940
- БС-1* – Блоковский сборник [1]. Тр. науч. конф., посвящ. изуч. жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1964
- БС-2* – Блоковский сборник [2]. Тр. Второй науч. конф., посвящ. изуч. жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1972
- БС-3* – Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник [3]. Тарту, 1979 (*УЗ ТГУ*. Вып. 479)
- БС-4* – Наследие Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник [4]. Тарту, 1981 (*УЗ ТГУ*. Вып. 535)
- БС-5* – Мир А. Блока. Блоковский сборник [5]. Тарту, 1985 (*УЗ ТГУ*. Вып. 657)
- БС-6* – А. Блок и его окружение. Блоковский сборник [6]. Тарту, 1985 (*УЗ ТГУ*. Вып. 680)
- БС-7* – А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сборник [7]. Тарту, 1986 (*УЗ ТГУ*. Вып. 735)
- БС-8* – Ал. Блок и революция 1905 года. Блоковский сборник [8]. Тарту, 1988 (*УЗ ТГУ*. Вып. 813)
- БС-9* – Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Блоковский сборник [9]. Тарту, 1989 (*УЗ ТГУ*. Вып. 857)
- БС-10* – А. Блок и русский символизм: Проблемы текста и жанра. Блоковский сборник. 10. Тарту, 1990 (*УЗ ТГУ*. Вып. 881)
- БС-11* – Блоковский сборник. 11. Тарту, 1990 (*УЗ ТГУ*. Вып. 917)
- БС ИРЛИ-2* – Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991
- Воспоминания, 1-2* – А.А. Блок в воспоминаниях современников / Сост., подг. текста В. Орлова. М., 1980. Т. 1-2
- ЗК* – Блок А. Записные книжки. 1901-1920 / Подг. текста и примеч. В. Орлова. М., 1965
- ЗМ* – Записки мечтателей. Пб.: Алконост. 1919-1920
- ЗТ* – Знамя труда. Орган ЦК Партии левых социалистов-революционеров. М., 1917-1918
- КГ* – Красная газета. Орган Ланинградского ГВ ВКП(б). Л., 1918-1939
- КМ* – Красный милиционер. Еженедельный орган Изд. отд. управл. Петроградского совдепа. Пг., 1919-1921
- ЛН* – Литературное наследство (сборники)
- Максимов I* – Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Советский писатель, 1975
- Максимов II* – Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1981
- Минц, 1-4* – Минц З.Г. Лирика Александра Блока. Тарту, 1965, 1969, 1973, 1975. Вып. 1-4.
- Об А. Блоке* – Об Александре Блоке. Пб.: Карточный домик, 1921
- Письма к родным, 1-2* – Письма Александра Блока к родным. М.; Л., 1927. 1932. Т. 1-2
- РМ* – Русская мысль. Журнал научный, литературный и политический. 1880-1921
- СС-8₁₋₈* – Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общей ред. В. Орлова и др. М.; Л., Гослитиздат, 1960-1963
- СС-12₁₋₁₂* – Блок А. Собрание сочинений. В 12 т. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде. 1932-1936
- Тезисы – Тезисы Всесоюзной (III) конференции “Творчество А.А. Блока и русская культура XX века”. Тарту, 1975
- УЗ ТГУ* – Ученые записки Тартуского гос. университета. Тр. по рус. и слав. филологии. Тарту
- ЧукП* – Чукоккала. Рукописный альманах К.И. Чуковского. М.: Искусство, 1979
- ЧукР* – Чукоккала. Рукописный альманах К.И. Чуковского. Собрание Е.Ц. Чуковской (Москва)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Александр Блок. 1920 г.	Фронтиспис
Александр Блок. “Двенадцать”. Обложка первого издания	8
Ю. Анненков. Иллюстрации к поэме “Двенадцать”	10,14,15,20
Александр Блок. “Возмездие”. Обложка работы В. Замирайло	22
Александр Блок “Двенадцать. Скифы”. Обложка издания левых эсеров.	78
Черновые автографы поэмы “Двенадцать”	119,128,130, 132
Черновые автографы поэмы “Возмездие”	180,192,193, 194,229
Черновой автограф стихотворения “Пушкинскому Дому”	286,287,288
В. Замирайло. Эскиз обложки неосуществленного издания поэмы “Двенадцать”, 1921	302
“Двенадцать”. Печатный текст нелегального издания поэмы.	303

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДИЙ,
ПОМЕЩЕННЫХ В 1–5 ТОМАХ***

	Том	Стра- ница
А.М. Добролюбов (“Из городского тумана...”)	1	152
“А под маской было звездно...” (Под масками)	2	160
Авиатор (“Летун отпущен на свободу...”)	3	20
Аллегория (“Бежали сны – сиял рассвет...”)	4	137
Аметист (“Порою в воздухе, согретом...”)	4	120
Ангел-Хранитель (“Люблю Тебя, Ангел-Хранитель, во мгле...”)	2	76
Андрею Белому (“Ты открывал окно. Туман...”)	4	187
Анне Ахматовой («“Красота страшна”, – Вам скажут...») (П о с л а н и я)	3	100
Антверпен (“Пусть это время далеко...”)	3	106
Ария для кантаты Ю. Шапорина (“Я живу в отдаленном скиту...”) (Н а п о л е К у л и к о в о м)	5	83
Артистке (“Позволь и мне сгорать душою...”)	4	121
Балаган (“Над черной слякотью дороги...”)	2	88
Балаганчик (“Вот открыт балаганчик...”)	2	57
“Барка жизни встала...”	2	109
“Бегут неверные дневные тени...”	1	89
“Бедная, клонишься ты...”	4	162
“Бежали сны – сиял рассвет...” (Аллегория)	4	137
“Бежим, бежим, дитя свободы...”	4	21
“Без веры в Бога, без участия...”	4	59
“Без Меня б твои сны улетали...”	1	118
“Без слова мысль, волнение без названья...”	3	132
“Безмолвный призрак в терему...” (R e l i g i o)	1	128
“Безрадостные всходят семена...”	1	120
“Белой ночью месяц красный...”	1	58
“Белоснежней не было зим...” (На зов метелей)	2	147
“Белый конь чуть ступает усталой ногой...”	2	16
“Бесцельный путь синее предо мной...”	4	105
Благовещение (“С детских лет – видения и грезы...”)	3	80
“Благословляю всё, что было...”	3	96
“Благословляя свет и тень...” (Экклесиаст)	1	122
“Благоуханных дней течение...”	4	126
“Блаженно ты, бывшее время...”	4	78
Бледные сказанья (“– Посмотри, подруга, эльф твой...”)	2	161

* В указателе приводятся названия произведений по заглавию и первой строке, названия циклов даются разрядкой с указанием числа входящих в них стихотворений.

	Том	Страница
“Блеклая роза печально дышала...” (Роза и соловей)	4	52
“Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте...”	2	107
“Боги гасят небосвод...”	4	145
Боец (“Я облачился перед битвой...”)	4	164
“Боже, как жизнь молодая ужасна...”	4	46
“Божья Матерь <i>Утоли мои печали...</i> ” (За гробом)	3	87
“Болотистым, пустынным лугом...”	3	134
Болотные чертенятки (“Я прогнал тебя кнутом...”)	2	12
Болотный попик (“На весенней проталинке...”)	2	14
“Болото – глубокая впадина...”	2	17
“Боль проходит понемногу...” (Последнее напутствие)	3	183
Бред (“Я знаю, ты близкая мне...”)	2	68
“Брожу в стенах монастыря...”	1	108
“Будет день – и свершится великое...”	1	82
“Будет день, словно миг веселья...”	1	129
“Буду всегда я по-прежнему молод нетленной душою...”	4	68
“Бушевали ночные метели...” (Тишина в лесу)	4	205
“Бушует снежная весна...”	3	151
“Бывают тихие минуты...” (Через двенадцать лет)	3	125
“Был вечер поздний и багровый...”	1	123
“Был скрипок вой в разгаре бала...” (Вячеславу Иванову) (П о с л а н и я)	3	99
“Была и страсть, но ум холодный...”	4	121
“Была пора – в твоих глазах...”	4	116
“Была ты всех ярче, верней и прелестней...”	3	143
“Было то в темных Карпатах...”	3	195
В альбом Чуковскому (“Нет, клянусь, довольно Роза...”)	5	89
“В бездействии младом, в передраассветной лени...”	1	64
“В бесконечной дали корридоров...” (З а к л я т и е о г н е м и м р а к о м)	2	189
“В болезни сердца мыслю о Тебе...”	4	63
“В глазах ненужный день так ярко...” (Н е н у ж н а я в е с н а)	4	195
“В глубоких сумерках собора...”	4	201
“В голодной и больной неволе...”	3	60
“В голубой далекой спаленке...”	2	66
“В городе колокол бился...”	1	121
“В густой траве пропадешь с головой...”	3	168
“В дальних северных туманах...” (Черная Дева)	4	92
“В Дельфийском храме новый бог...” (Σοφία)	4	118
“В день холодный, в день осенний...”	1	54
“В длинной сказке...” (Сквозь винный хрусталь)	2	164
“В дрожащем эфире...”	4	160
В дюнах (“Я не люблю пустого словаря...”)	2	213
“В жаркое лето и в зиму метельную...” (Художник)	3	101
“В жаркой пляске вакханалий...”	4	47
“В кабаках, в переулках, в извивах...”	2	108
“В конце ж шестого тома Гейне, там...” (Сцена из исторической картины “Всемирная литература” (XX столетие по Р.Хр.)	5	86
“В лапах косматых и страшных...”	2	64

	Том	Страница
“В лоне площади пологой...” (Сиена)	3	78
“В минутном взрыве откровений...”	4	70
“В моей душе больной и молчаливой...”	4	56
“В море одна лишь волна – быстротечная...”	4	56
“В небе – день, всех ночей суеверней...”	3	136
“В неуверенном, зыбком полете...”	3	132
“В ночи, исполненной грозой...”	4	113
“В ночи, когда уснет тревога...”	4	14
“В ночь, когда Мамай залег с ордою...” (На поле Куликовом)	3	171
“В ночь молчаливую чудесен...”	4	23
“В огне и холоде тревог...”	3	63
“В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...” (Повесть)	2	110
В октябре (“Открыл окно. Какая хмурая...”)	2	128
“В полночь глухую рожденная...”	1	42
“В посланьях к земным владыкам...”	1	145
“В предзакатные часы...”	4	29
“В пути – глубокий мрак, и страшны высоты...”	4	31
“В пустом переулке весенние воды...” (Обман)	2	102
“В пыльный город небесный кузнец прикатил...” (Гимн)	2	104
В ресторане (“Никогда не забуду (он был, или не был...)...”)	3	16
“В сапогах бутылками...” (На Пасхе)	3	130
“В своих мы прихотях невольны...” (Наброски 1917г.)	5	99
В северном море (“Что сделали из берега морского...”)	2	211
“В седую древность я ушел, мудрец...”	4	118
“В сумерки девушку стройную...”	4	33
“В серебре росы трава...”	2	90
“В синем небе, в темной глубине...”	2	87
В снегах (“И я затынут...”)	2	159
“В снежной пене – предзакатная...” (Последний путь)	2	144
“В соседнем доме окна желты...” (Фабрика)	1	166
“В сыром ночном тумане...”	3	136
“В те дни, когда душа трепещет...”	4	19
“В те ночи светлые, пустые...”	2	181
“В те целомудренные годы...”	1	40
“В темной комнате ты обесчещена...”	4	196
“В темном парке под ольхой...” (Через двенадцать лет)	3	124
“В толпе, родной по вдохновенью...” (На вечере в честь Л. Толстого)	4	15
“В тихий вечер мы встречались...” (Через двенадцать лет)	3	126
“В туманах, над сверканьем рос...”	2	61
В углу дивана (“Но в камине дозвенели...”)	2	164
“В фантазии рождаются порою...”	4	21
“В час глухой разлуки с морем...”	2	89
“В час, когда пьянеют нарциссы...”	1	177
“В часы безмолвия ночного...”	4	24
“В часы вечернего тумана...”	1	33
“В часы недавнего паденья...”	4	110
“В черных сучьях деревьев обнаженных...” (Унижение)	3	19
“В чужбину по гудящей стали...”	4	34
“В эти желтые дни меж домами...”	3	8

	Том	Страница
“В этот серый летний вечер...”	2	179
Валерию Брюсову (“И вновь, и вновь твой дух таинственный...”) (П о с л а н и я)	3	98
Валкирия (“Одинокий, одичалый...”)	4	27
“Ваш взгляд – его мне подстеречь...”	3	139
“Ввысь изверженные дымы...”	2	106
“Вдали мигнул огонь вечерний...”	4	31
“Везде – над лесом и над пашней...”	4	198
“Век девятнадцатый, железный...” (Два века)	4	208
В е н е ц и я (3 стихотворения)	3	71
Вербная Суббота (“Вечерние люди уходят в дома...”)	1	159
Вербочки (“Мальчики да девочки...”)	2	73
“Вербы – это весенняя таль...”	3	153
“Верю в Солнце Завета...”	1	95
“Веселье в ночном кабаке...” (Невидимка)	2	114
“Весенний день прошел без дела...”	3	48
“Весна в реке ломает льдины...”	1	101
“Весна несла свои дары...”	4	67
“Весны и зимы меняли убранство...” (Проклятый колокол)	2	86
“Весь день, как день: трудов исполнен малых...” (Ж и з н ь м о е г о п р и я т е л я)	3	29
“Ветер звал и гнал погоню...” (Здесь и там)	2	168
“Ветер принес издалека...”	1	49
“Ветер стих, и слава зарева...”	3	183
“Ветер хрипит на мосту меж столбами...”	1	171
“Ветр налетит, завоюет снег...”	3	133
Ветхая избушка (“Ветхая избушка...”)	4	192
“Вечер мой в красном огне...”	4	161
“Вечереющий день, догорая...”	4	131
“Вечереющий сумрак, поверь...”	1	85
“Вечерние люди уходят в дома...” (Вербная Суббота)	1	159
“Вечерний свет завтра снова...”	4	129
Вечерняя (“Солнце сходит на запад. Молчанье...”) (М о л и т в ы)	1	174
“Вечность бросила в город...”	2	103
“Вечный дух – властитель вышний тела...” (П о э м а ф и л о с о ф с к а я)	4	123
“Взлетая к вышням, орел покинул доли...”	4	75
Взморье (“Сонный вздох онемелой волны...”)	2	40
Видение (“Розы в лазури. Пора!...”)	4	132
“Видно дни золотые пришли...”	1	73
“Вися над городом всемирным...”	2	117
Владимиру Бестужеву (“Да, знаю я: пронзили ночь от века...”)	3	98
“Влачим мы дни свои уныло...” (Накануне XX века)	4	94
“Вложив безумство вдохновений...”	4	119
Влюбленность (“И опять твой сладкий сумрак, влюбленность...”)	2	153
Влюбленность (“Королевна жила на высокой горе...”)	2	54
“Внемлю голосу свободы...”	4	135
“Внемля зову жизни смутной...”	1	66
“Вновь богатый зол и рад...” (П л я с к и с м е р т и)	3	24
“Вновь оснеженные колонны...” (На островах)	3	14
“Вновь у себя... Унижен, зол и рад...” (Ч е р н а я к р о в ь)	3	35

	Том	Страница
“Возвратилась в полночь. До утра...”	1	160
Возмездие (“Жизнь – без начала и конца...”)	5	21
Война (“Вот поднялась. В железных лапах...”)	4	188
“Война горит неукротимо...”	4	30
“Волновать меня снова и снова...” (Пляски осенние)	2	20
Ворожба (“Я могуч и велик ворожбою...”)	4	138
Ворона (“Вот ворона на крыше покатокой...”)	4	205
“Воспоминанье жизни сонной...” (Молодость)	4	76
“Восходишь ты, что строгий день...”	1	28
“Восходя на первые ступени...”	1	80
“Вот – в изнурительной работе...”	2	45
“Вот ворона на крыше покатокой...” (Ворона)	4	205
“Вот девушка, едва разившись...”	3	76
“Вот моя песня – тебе, Коломбина...” (Двойник)	1	158
“Вот на тучах пожелтелых...”	2	53
“Вот он – ряд гробовых ступеней...”	1	178
“Вот он, ветер...”	3	174
“Вот Он – Христос – в цепях и розах...”	2	66
“Вот она – в налетевшей волне...”	1	141
“Вот они – белые звуки...” (При посылке белой азалии)	4	176
“Вот они, грустные, полные страсти...” (Старые письма)	4	105
“Вот открыт балаганчик...” (Балаганчик)	2	57
“Вот поднялась. В железных лапах...” (Война)	4	188
“Вот прошел король с зубчатым...” (Тени на стене)	2	165
“Вот снова пошатнулись дали...”	4	159
“Вот явилась. Заслонила...”	2	175
“Вполоборота ты встала ко мне...” (Черная кровь)	3	34
“Все кричали у круглых столов...”	1	141
“Все огни загораются здесь...”	4	169
“Все отошли. Шумите сосны...”	2	52
“Всё б тебе желать веселья...”	3	119
“Всё бежит, мы пребываем...”	2	42
“Всё бесконечней, всё хрустальной...”	4	134
“Всё бытие и сущее согласно...”	1	56
“– Всё ли спокойно в народе?..”	1	149
“Всё на земле умрет – и мать, и младость...”	3	128
“Всё настоящее ничтожно...”	4	69
“Всё отлетают сны земные...”	1	56
“Всё помнит о весле вздыхающем...” (Три послания)	3	113
“Всё свершилось по писаньям...” (Жизнь моего приятеля)	3	30
“Всё та же озерная гладь...” (Через двенадцать лет)	3	124
“Всё так же бродим по земле...”	4	190
“Всё тихо на светлом лице...”	4	175
“Всё чаще я по городу брожу...” (О смерти)	2	205
“Всё, чем дышал я...”	4	165
“Всё, что в море покоит волну...”	4	36
“Всё, что минутно, всё, что бренно...” (Равенна)	3	68
“Всё, что память сберечь мне старается...” (Через двенадцать лет)	3	127
“Всё это было, было, было...”	3	92

	Том	Страница
“Вспомнил я старую сказку...”	3	193
“Встала в сиянии. Крестила детей...” (Из газет)	1	169
“Встали надежды пророка...” (Посвящение)	4	136
“Встану я в утро туманное...”	1	76
“Встретив на горном Тебя перевале...” (Madonna da Settignano)	3	77
Встречной (“Я только рыцарь и поэт...”)	3	114
Вступление (“Отдых напрасен. Дорога крута...”)	1	47
Вступление (“Ты в поля отошла без возврата...”)	2	7
“Всю жизнь ждала. Устала ждать...”	2	197
“Всю зиму мы плакали, бедные...”	4	144
“Всю ночь дышала злобой вьюга...”	4	72
“Всю ночь я слышу вздохи странные...”	4	153
“Всюду ясность Божия...”	2	94
Второе крещение (“Открыли дверь мою метели...”)	2	145
“Входите все. Во внутренних покоях...”	1	68
“Вхожу наверх тропой кремнистой...”	4	61
“Вхожу я в темные храмы...”	1	128
“Вчера я слышал песни с моря...”	4	128
“Вы жизнь по-прежнему несколько...” (Зинаиде Николаевне)	5	82
“Высоко с темной сливается стена...”	1	90
“Выхожу я в путь, открытый взорам...” (Осенняя воля)	2	62
“Вьюга пела...” (Настигнутый метелью)	2	146
Вячеславу Иванову (“Был скрипок вой в разгаре бала...”) (П л а н и я)	3	99
“Вы предназначены не мне...” (М.И. Бенкендорф)	5	94
“Гадай и жди. Среди полночи...”	1	98
Гамаюн, птица вещая (“На глазах бесконечных вод...”)	1	20
“Гармоника, гармоника!...” (З а к л я т и е о г н е м и м р а к о м)	2	193
“Гашу огни моих надежд...”	4	164
“Где отдается в длинных залах...”	3	131
“Где ты паришь теперь...”	4	108
Гимн (“В пыльный город небесный кузнец прикатил...”)	2	104
“Глаза младенчески открыты...” (Эскиз)	4	71
“Глаза, опущенные скромно...”	3	79
“Глухая полночь медленный кладет покров...”	4	39
“Глухая полночь. Цепенень...”	4	96
“Глухая странность бытия...”	4	163
“Глушь родного леса...”	4	135
“Говорили короткие речи...”	1	112
Говорит СМЕРТЬ (“Когда осилила тревога...”) п р и я т е л я	3	33
Говорят ЧЕРТИ (“Греси, пока тебя волнуют...”) п р и я т е л я	3	33
Голос (“Жарки зимние туманы...”)	1	138
Голос (“Чей-то обманчивый голос поет...”)	4	18
Голос в тучах (“Нас море примчало к земле одичалой...”) Е е п р и б ы - т и е)	2	48
Голос из хора (“Как часто плачем – вы и я...”)	3	39

	Том	Страница
Голоса (“Грустнее не бывали думы...”)	4	155
Голоса (“Нет исхода вьюгам певучим!...”)	2	158
Голоса (“Я – свободный глашатай веков...”)	4	167
Голоса скрипок (“Из длинных трав встает луна...”)	3	129
“Голубоватым дымом...” (Ф л о р е н ц и я)	3	76
“Город в красные пределы...”	2	103
“Город спит, окутан мглою...”	1	24
“Господь, Ты слышишь? Господь, простишь ли?...” (Легенда)	2	112
“Готов ли ты на путь далекий...”	4	87
“Греси, пока тебя волнуют...” (Говорят ЧЕРТИ) (Ж и з н ь м о е г о п р и я т е л я)	3	33
“Грешить бесстыдно, непробудно...”	3	185
“Гроб невесты легкой тканью...”	2	44
“Гроза прошла, и ветка белых роз...”	4	78
“Грустно и тихо у берега сонного...”	4	30
“Грустя и плача и смеясь...”	3	120
“Густых кудрей откинув волны...” (Сирин и Алконост)	4	72
“Да, знаю я: пронзила ночь отвеса...” (Владимиру Бестужеву) (П о с л а н и я)	3	98
“Да. Так диктует вдохновенье...”	3	62
“Да, я извела все муки...” (Женщина)	3	103
“Давид Самуилыч! Едва...” (Enjambements)	5	85
“Давно мы встретились с тобою...”	4	107
“Давно хожу я под окнами...”	4	167
“Даже имя твое мне презренно...” (Ч е р н а я к р о в ь)	3	35
“Дали слепы, дни безгневны...”	1	175
Два века (“Век девятнадцатый, железный...”)	4	208
Две души (“...Напомнив призраки былого...”)	4	82
Две любви (“Любви и светлой, и туманной...”)	4	26
Двенадцать (“Черный вечер...”)	5	7
Двойник (“Вот моя песня – тебе, Коломбина...”)	1	158
Двойник (“Однажды в октябрьском тумане...”)	3	9
Двойнику (“Ты совершил над нею подвиг трудный...”)	1	87
Девушка из Spoleto (“Строен твой стан, как церковные свечи...”)	3	70
“Девушка пела в церковном хоре...”	2	63
Девушке (“Ты перед ним, что стебель гибкий...”)	2	93
“Дела свершились...”	1	150
Дельвигу (“Ты, Дельвиг, говоришь – минута вдохновенье...”)	4	70
Демон (“Иди, иди за мной – покорной...”)	3	38
Демон (“Прижмись ко мне крепче и ближе...”)	3	16
“День был нежно-серый, серый, как тоска...”	1	156
“День догорел на сфере той земли...” (Песнь ада)	3	10
“День поблек, изящный и невинный...”	2	107
“День полувеселый, полустрадный...” (Перуджия)	3	72
“День проходил, как всегда...” (Ж и з н ь м о е г о п р и я т е л я)	3	31
“Дикий ветер...”	3	187
“Дитя! Твоим прозрачным словом...”	4	81
“Днем вершу я дела суеты...”	1	102

	Том	Страница
“Днем за нашей стеной молчали...”	4	174
“Дни и ночи я безволен...” (Поединок)	2	100
“Дни текут молчаливо...” (Ожидание)	4	135
“До новых бурь, до новых молний...”	4	113
“До утра мы в комнатах спорим...” (Утренняя) (М о л и т в ы)	1	173
“Догорай, не узнавая...”	4	152
“Дождь мелкий, разговор неспешный...” (Юрию Верховскому) (П о с л а - н и я)	3	97
“Долго искал я во тьме лучезарного бога...”	4	53
“Дома растут, как желанья...”	1	131
“Дохнула жизнь в лицо могилы...”	3	47
“Друг другу мы тайно враждебны...” (Друзьям)	3	88
“Друг, посмотри, как в равнине небесной...” (Моей матери)	1	14
Друзьям (“Друг другу мы тайно враждебны...”)	3	88
Дума (“Одиноко плыла по лазури луна)	4	54
“Дух пряный марта был в лунном круге...”	3	15
“Дух человеческий властен земное покинуть жилище...” (П о э м а ф и л о с о ф с к а я)	4	123
“Душа молчит. В холодном небе...”	1	51
“Душа! Когда устанешь верить?...”	3	111
“Душа моя тиха. В натянутых струнах...”	4	58
“Дым от костя струею сизой...”	3	175
“Дышит утро в окошко твое...”	1	24
Е.А. Баратынскому (“Тебе, поэт, в вечерней тишине...”)	4	123
“Его встречали повсюду...”	1	130
“Едва в глубоких снах мне снова...” (Л.А.Д.)	5	95
Ее песни (“Не в земной темнице душной...”)	2	148
Е е п р и б ы т и е (7 стихотворений)	2	46
“Ее спеленутое тело...” (Успение)	3	82
“Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...”	1	156
“Если только она подойдет...”	4	179
“Есть в дикой роще, у оврага...”	1	17
“Есть в напевах твоих сокровенных...” (К Музе)	3	7
“Есть времена, есть дни, когда...”	3	138
“Есть демон утра. Дымно-светел он...”	3	151
“Есть игра: осторожно войти...”	3	26
“Есть лучше и хуже меня...”	2	77
“Есть минуты, когда не тревожит...”	3	134
“Есть много песен в светлых тайниках...”	4	21
“Есть чудеса за далью синей...”	4	147
“Еще бледные зори на небе...”	1	135
Еще воспоминание (“Опять я еду чистым полем...”)	4	82
“Еще прекрасно серое небо...”	2	117
“Жарки зимние туманы...” (Голос)	1	138
“Жгут раскаленные камни...” (Ф л о р е н ц и я)	3	74

	Том	Страница
“Жду я смерти близ денницы...”	2	37
“Жду я холодного дня...”	1	81
“Жениха к последней двери...”(М э р и)	3	115
Женщина (“Да, я изведала все муки...”)	3	103
“Женщина, безумная горячка...”	5	81
Жизнь (“Мы рождены; вдыхаем жадно...”)	4	94
“Жизнь – без начала и конца...”(Возмездие)	5	21
“Жизнь – без начала и конца...”(Народ и поэт)	4	202
“Жизнь была стремленьем...” (Так было) (Е е п р и б ы т и е)	2	47
“Жизнь, как загадка, темна...”	4	49
“Жизнь – как море она – всегда исполнена бури...”	4	59
“Жизнь медленная шла, как старая гадалка...”	1	98
Ж и з н ь м о е г о п р и я т е л я (8 стихотворений)	3	29
Жрец (“Там – в синевах – была звезда...”)	4	36
“За горами, лесами...”	3	145
“За городом в полях весною воздух дышит...”	1	68
“За городом вырос пустынный квартал...” (Поэты)	3	88
За гробом (“Божья Матерь <i>Утоли мои печали...</i> ”)	3	87
“За краткий сон, что нынче снится...”	4	18
“За темной далью городской...”	4	115
“За туманом, за лесами...”	1	63
“За холмом отзвенели упругие латы...”	2	178
Забывшие Тебя (“И час настал. Свой плащ скрутило время...”)	3	43
“Завтра в сумерки встретимся мы...”	4	150
“Завтра рассвета не жди...”	4	129
“Завтра с первым лучом...”	1	42
“Загадай и скройся в ночь...”	4	155
“Загляжусь ли я в ночь на метелицу...”	4	172
“Задебренные лесом кручи...”	3	168
“Зажигались окна узких комнат...”	2	42
Зайчик (“Маленькому зайчику...”)	4	194
“Закат горел в последний раз...” (Перед грозой)	4	90
Заклинание (“Луна взошла. На вздох родимый...”)	4	180
Заклучение спора (“Ты кормчий – сам, учитель – сам...”)	4	183
З а к л я т и е о г н е м и м р а к о м (11 стихотворений)	2	185
“Запевающий сон, зацветающий цвет...”	1	143
“Заплетаем, расплетаем...” (Угар)	2	82
“Зарево белое, желтое, красное...”	1	79
“Зачатый в ночь, я в ночь рожден...”	2	92
“Зачем, зачем во мрак небытия...”	1	23
“Зачинайся, русский бред...” (Русский бред) (Н а б р о с к и 1 9 1 7 г .)	5	100
“Звезда полночная скатилась...”	1	31
“Звонким колокол ударом...” (Рождество)	4	193
З. Гиппиус (“Женщина, безумная горячка”...)	5	81
“Здесь в сумерки в конце зимы...”	3	123
Здесь и там (“Ветер звал и гнал погоню...”)	2	168
“Здесь на земле, единоцельны...” (П о э м а ф и л о с о ф с к а я)	4	122

	Том	Страница
“Здесь ночь мертва. Слова мои дики...”	1	144
“Здесь память волны святой...”	1	146
“Здесь тихо и светло. Смотри, я пойду...” (Отшедшим)	4	174
“Здесь тишина цветет и движет...” (Тишина цветет)	2	83
“Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный...” (Эпитафия Фра Филиппо Липпи)	3	83
“Зима прошла. Я болен...” (Н е н у ж н а я в е с н а)	4	196
Зинаиде Николаевне (“Вы жизнь по-прежнему нисколько...”)	5	82
“Земное сердце стынет вновь...”	3	63
“Зимний ветер играет терновником...”	1	148
“Знаю, бедная, тяжкое бремя...”	4	136
“Знаю я твое льстивое имя...” (Т р и п о с л а н и я)	3	114
“Зову тебя в дыму пожара...”	4	162
“Золотистой долиной...”	1	118
“Золотисты лица купальниц...” (Твари весенние)	2	13
“Золотит моя страстная осень...”	4	173
“Золотокудрый Ангел дня...”	1	109
“...И были при последнем издыханьи...”	4	143
“И взвился костер высокий...” (На снежном костре)	2	171
“И вновь – порывы юных лет...”	3	101
“И вновь, и вновь твой дух таинственный...” (Валерию Брюсову) (П о с л а н и я)	3	98
“И вновь, сверкнув из чаши винной...” (Снежное вино)	2	143
“И вот уже ветром разбиты, убиты...” (О с е н н я я л ю б о в ь)	2	180
“И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны...”	4	85
“И нам недолго любоваться...”	1	92
“И опять, опять снега...” (И опять снега)	2	157
“И опять открыли солнца...” (Прочь!)	2	155
И опять снега (“И опять, опять снега...”)	2	157
“И опять твой сладкий сумрак, влюбленность...” (Влюбленность)	2	153
“И поздно, и темно. Покину без желаний...”	1	62
“И пора уснуть, да жалко...” (Сны)	3	180
“...И снова подхожу к окну...”	1	162
“И ты, мой юный, мой печальный...” (31 декабря 1900 года)	1	43
“И час настал. Свой плащ скрутило время...” (Забывшие Тебя)	3	43
“И я затянут...” (В снегах)	2	159
“И я любил. И я изведаль...”	3	112
“И я, неверный, тосковал...”	1	62
“И я опять затих у ног...” (З а к л я т и е о г н е м и м р а к о м)	2	195
“И я провел безумный год...”	2	183
Иванова ночь (“Мы выйдем в сад с тобою, скромной...”)	2	73
Идеал и Сириус (“Я долго странствовал по свету...”)	4	55
“Идем по жнивью, не спеша...” (Осенний день)	3	174
“Иди, иди за мной – покорной...” (Демон)	3	38
“Идут века...” (Хор татар для кантаты) (Н а п о л е К у л и к о в о м)	5	83
“Иду – и все мимолетно...”	2	111
“Идут часы, и дни, и годы...”	3	18
Из газет (“Встала в сияньи. Крестила детей...”)	1	169

	Том	Страница
“Из городского тумана...” (А.М. Добролюбов)	1	152
“Из длинных трав встает луна...” (Голоса скрипок)	3	129
“Из ничего – фонтаном синим...”	3	193
“Из хрустального тумана...”	3	9
“Из царства сна выходит безнадёжность...” (Три стихотворения)	4	141
“Измучен бурей вдохновенья...”	1	39
“Или устал ты до времени...”	4	32
“Имя Пушкинского Дома...” (Пушкинскому Дому)	5	96
Инок (“Никто не скажет: я безумен...”)	2	195
“Инок шел и нес святые знаки...”	4	163
“Искусство – ноша на плечах...”	3	79
Испанке (“Не лукавь же, себе признаваясь...”)	3	135
“Испугом схвачена, влекома...” (Черная кровь)	3	36
“Испытанный, стою на грани...”	4	147
“Истомленный дыханьем весны...”	4	74
“Исчезла, отлетела в высь...”	4	160
“Их было много – дев прекрасных...”	4	200
“И шел и шел...” (Наброски 1917 г.)	5	99
“Ищи разгадку ожиданий...”	4	147
“Ищу огней – огней попутных...”	2	85
“Ищу спасенья...”	1	41
“К вечеру вышло тихое солнце...”	2	130
“К зеленому лугу, взывая, внимая...” (Эхо)	2	19
К.И. Чуковскому (“Как всегда были смешаны чувства...”)	5	98
К Музе (“Есть в напевах твоих сокровенных...”)	3	7
“К ногам презренного кумира...”	4	19
“К стене приемного покоя...” (Наброски 1917 г.)	5	100
“К чему бесцельно охранять”	4	24
“Каждый вечер, лишь только погаснет заря...” (Dolor ante Lucem)	1	27
“Как всегда были смешаны чувства...” (К.И. Чуковскому)	5	98
“Как всякий год, ночной порою...”	4	107
“Как день, светла, но непонятна...”	3	140
“Как душно мне! Открой окно...”	4	95
“Как любовно сплетал я тончайшую сеть!...”	4	153
“Как мимолетна тень осенних ранних дней...”	4	109
“Как мучительно думать о счастье былом...”	4	57
“Как наши окна были близко!...”	4	192
“Как океан меняет цвет...”	3	149
“Как прощались, страстно клялись...”	3	127
“Как растёт тревога к ночи!..	3	28
“Как свершилось, как случилось?..”	3	52
“Как сон молитвенно-бесстрастный...”	4	108
“Как сон, уходит летний день...”	4	162
“Как старинной легенды слова...”	4	35
“Как тяжело ходить среди людей...”	3	17
“Как тяжко мертвецу среди людей...” (Пляски смерти)	3	22
“Как часто плачем – вы и я...” (Голос из хора)	3	39

	Том	Страница
“Какая дивная картина...”	3	48
“Какой-то вышний серафим...”	4	101
“Какому Богу служишь ты?..”	1	64
Клеопатра (“Открыт паноптикум печальный...”)	2	138
“Когда в листве сырой и ржавой...” (О с е н н я л ю б о в ь)	2	179
“Когда, вступая в мир огромный...”	3	47
“Когда вы стоите на моем пути...”	2	198
“Когда гляжу в глаза твои...” (Песня Фаины)	2	196
“Когда докучливые стоны...”	4	106
“Когда же смерть? Я всё перестрадал...”	4	17
“Когда замрут отчаянье и злоба...”	3	92
“Когда кончается тетрадь моих стихов...”	4	86
“Когда мучительно восстали...” (Ч е р е з д в е н а д ц а т ь л е т)	3	125
“Когда мы встретились с тобой...”	3	62
“Когда мы любим безотчетно...”	4	71
“Когда невзначай в воскресенье...” (Ж и з н ь м о е г о п р и я т е л я)	3	30
“Когда-нибудь, не скоро, Вас я встречу...”	4	47
“Когда осилила тревога...” (Говорит СМЕРТЬ)	3	33
“Когда отдамся чувствам страстным...”	4	115
“Когда под заступом холодным...” (На смерть младенца)	3	46
“Когда с безжалостным страданьем...”	4	108
“Когда святого забвения...”	1	107
“Когда страшишься смерти скорой...” (Сиенский собор)	3	78
“Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...”	1	20
“Когда-то долгие печали...”	4	29
“Когда ты загнан и забит...”	4	201
“Когда я был ребенком, – лес ночной...”	4	83
“Когда я вспоминал о прошлом, о забытом...”	4	63
“Когда я вышел – были зори...”	4	151
“Когда я одинок и погружен в молчанье...”	4	124
“Когда я прозревал впервые...”	3	46
“Когда я создавал героя...”	2	94
“Когда я стал дряхлеть и стынуть...”	1	155
“Когда я уйду на покой от времен...”	1	163
“Когда-то гордый и надменный...”	3	130
Колыбельная песня (“Спят луга, спят леса...”)	4	187
“Кольцо существования тесно...”	3	50
Комета (“Ты нам грозишь последним часом...”)	3	95
“Кому назначен темный жребий...” (Усталость)	2	91
“Кончил учитель урок...” (Учитель)	4	190
Корабли идут (“О, светносные стебли морей, маяки!..”) (Е е п р и б ы т и е)	2	49
Корабли пришли (“Океан дремал зеркальный...”) (Е е п р и б ы т и е)	2	50
Королевна (“Не было и нет во всей подлунной...”)	4	206
“Королевна жила на высокой горе...” (Влюбленность)	2	54
“Косы Мэри распущены...” (М э р и)	3	116
Коршун (““Черта за кругом плавный круг...”)	3	188
Кошмар (“Я проснулся внезапно в ночной тишине...”)	4	97
«”Красота страшна”, – Вам скажут...» (Анне Ахматовой) (П о с л а н и я)	3	100
“Кругом далекая равнина...”	1	73

	Том	Страница
“Крыльцо Ее, словно паперть...”	1	164
Крылья (“Крылья легкие раскину...”)	2	149
“Крылья легкие раскину...” (Крылья)	2	149
“К стене приемного покоя...” (На б р о с к и 1917 г.)	5	100
“Кто заметил огненные знаки...”	4	176
“Кто плачет здесь? На мирные ступени...”	1	101
“Кто-то вздохнул у могилы...”	4	33
“Кто-то с Богом шепчется...”	1	96
“Кто-то шепчет и смеется...”	1	58
“Курятся алтари, дымят паникадила...”	1	37
Л.А.Д. (“Едва в глубоких снах мне снова...”)	5	95
“Лазурью бледный месяц плыл...”	2	120
Легенда (“Господь, Ты слышишь? Господь, простишь ли?..”)	2	112
“Лежат холодные туманы...” (Ночь на Новый год)	1	88
“Лениво и тяжело плывут облака...”	1	28
“Леса вдали виднее...” (На лугу)	4	204
Летний вечер (“Последние лучи заката...”)	4	14
“Летун отпущен на свободу...” (Авиатор)	3	20
“Ловлю дрожащие, хладеющие руки...”	4	32
“Ловлю я тонкий прах надежды...”	1	79
“Ловя мгновенья сумрачной печали...”	4	8
“Лошадь влекли под уздцы на чугунный...” (Статуя)	1	170
“Луна взошла. На вздох родимый...” (Заклинание)	4	180
“Луна проснулась. Город шумный...”	1	18
“Любви и светлой, и туманной...” (Две любви)	4	26
“Любил я нежные слова...” (R e l i g i o)	1	127
“Люблю высокие соборы...”	1	103
“Люблю. Начертаны святые письма...”	4	85
“Люблю Тебя, Ангел-Хранитель, во мгле...”(Ангел-Хранитель)	2	76
Любови Александровне Дельмас (“От знающего почерк ясный...”)	4	212
“Любовник, вышедший для брани...”	4	138
“Любопытство напрасно глазело...”	4	173
“Маленькому зайчику...” (Зайчик)	4	194
“Маг простерт над миром брений...” (Ночь)	2	45
“Май жестокий с белыми ночами!..”	3	112
“Мальчики да девочки...” (Вербочки)	2	73
“Медленно в двери церковные...”	1	78
“Медленно, тяжело и верно...”	1	41
“Медлительной чредой нисходит день осенний...”	1	27
“Между страданиями земными...”	4	71
“Меня бессонница томила...”	4	83
“Меня пытали в старой вере...”	4	199
“Мерцали звезды. Ночь курилась...”	4	80
М.И. Бенкендорф (“Вы предназначены не мне...”)	5	94
“Милая дева! Когда мы про тайны мирские...”	4	78
“Милая девушка, что ты колдуешь...”	4	212

	Том	Страница
“Милый брат! Завечерело...”	2	71
“Милый друг, и в этом тихом доме...”	3	192
“Милый друг! Ты юною душою...”	1	19
“Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы...” (Скифы)	5	77
“Миновали случайные дни...” (Ночная Фиалка)	2	25
“Миры летят. Года летят. Пустая...”	3	25
Митинг (“Он говорил умно и резко...”)	2	115
“Мне битва сердце веселит...”	1	83
“Мне в душу просится бывшее...”	4	88
“Мне гадалка с морщинистым ликом...”	1	167
“Мне сердце режет каждый звук...”	4	59
“Мне снилась смерть любимого создателя...”	1	17
“Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...”	1	18
“Мне снились веселые думы...”	1	150
“Мне странно. Столько долгих лет...”	4	103
“Мне страшно с Тобою встречаться...”	1	131
“Мне страшно. Чую приближенье...”	4	104
“Много хотел я с тобой говорить...”	4	101
“Многое замолкло. Многие ушли...”	4	41
“Моей красавице-царице...”	4	62
Моей матери (“Друг, посмотри, как в равнине небесной...”)	1	14
Моей матери (“Помнишь думы? Они улетели...”)	2	52
Моей матери (“Спустилась мгла, туманами чревата...”)	1	26
Моей матери (“Тихо. И будет всё тише...”)	2	60
Моей матери (“Чем больней душе мятежной...”)	1	53
“Мои грехи тяжеле бед...”	4	181
“Мои печальные порывы...”	4	95
“Мой бедный, мой далекий друг!..”	3	52
“Мой вечер близок и безволен...”	1	99
“Мой любимый, мой князь, мой жених...”	1	172
“Мой месяц в царственном зените...”	1	160
“Мой милый, будь смелым...”	3	121
“Мой монастырь, где я томлюсь безбожно...”	1	40
“Мой остров чудесный...”	4	177
“Мой путь страстями затемнен...”	4	28
“Молитву тайную твори...”	1	63
М о л и т в ы (5 стихотворений)	1	173
“Молодая луна родилась...”	4	85
Молодость (“Воспоминанье жизни сонной...”)	4	76
“Молчи, как встарь, скрывая свет...”	1	84
“Молчу и сумрачно гляжу...”	4	98
“Мою гармонию большую...”	4	86
“Моя душа в смятении страха”	4	166
“Моя душа – страна волшебных дум...”	4	75
“Моя сказка никем не разгадана...”	4	178
“Мрак. Один я. Тревожит мой слух тишина...”	4	9
“Муза в уборе весны постучалась к поэту...”	4	51
“Мчит меня мертвая сила...”	4	29
“Мы были вместе, помню я...”	4	73

	Том	Страница
“Мы в храме с тобою – одни, смущены...”	4	148
“Мы вместе ждали смерти или сна...” (На смерть деда)	1	110
“Мы все уйдем за грань могил...”	4	113
“Мы всё простим – и не нарушим...”	1	96
“Мы встретились с тобою в храме...” (Холодный день)	2	127
“Мы встречались с тобой на закате...”	1	106
“Мы всюду. Мы нигде. Идем...”	1	139
“Мы выйдем в сад с тобою, скромной...” (Иванова ночь)	2	73
“Мы, два старца, бредем одинокие...”	1	87
“Мы живем в старинной келье...”	1	95
“Мы забыты, одни на земле...”	3	191
“Мы истомились в безмерности...”	4	156
“Мы ли – пляшущие тени?...” (Смятение)	2	168
“Мы не торопимся заране...”	4	114
“Мы отошли и стали у кормила...”	1	104
“Мы отошли – и тяжело поднимали...”	1	143
“Мы подошли – и воды синие...”	2	72
“Мы преклонились у завета...”	1	91
“Мы проснулись в полном забвении...”	4	173
“Мы рождены; вдыхаем жадно...” (Жизнь)	4	94
“Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...” (На поле Куликовом)	3	170
“Мы странствовали с Ним по городам...”	1	98
“Мы устали. Довольно. Вперед и вперед...”	4	99
“Мы – чернецы, бредущие во мгле...”	4	35
“Мы шли заветною тропею...”	4	145
“Мы шли на Лидо в час рассвета...”	1	167
“Мысли мои утопают в бессилии...”	4	171
М э р и (3 стихотворения)	3	115
Мэри, пир во время чумы (“Ты отличишь ее на пире...”)	4	88
“На белой льдине – моржий клык...” (Н а б р о с к и 1917 г.)	5	100
Н а б р о с к и 1917 г. (7 стихотворений)	5	99
“На Вас было черное закрытое платье...”	1	154
“На весенней проталинке...” (Болотный попик)	2	14
“На весеннем пути в теремок...”	2	15
“На весенний праздник света...”	1	93
На вечере в честь Л. Толстого (“В толпе, родной по вдохновенью...”)	4	14
“На глядя бесконечных вод...” (Гамаюн, птица вещая)	1	20
На железной дороге (“Под насыпью, во рву некошленном...”)	3	176
На зов метелей (“Белоснежной не было зим...”)	2	147
На лугу (“Леса вдали виднее...”)	4	204
На могиле друга (“Удалены от мира на кладбище...”)	4	142
“На небе зарево. Глухая ночь мертва...”	1	33
“На небе – празелень, и месяца осколок...”	3	151
“На небесах горят Ее престолы...”	4	143
“На обряд я спешил погребальный...”	4	38
На островах (“Вновь оснеженные колонны...”)	3	14
На Пасхе (“В сапогах бутылками...”)	3	130

	Том	Страница
“На перекрестке...”	2	11
На поле Куликовом (2 стихотворения)	5	83
На поле Куликовом (5 стихотворений)	3	170
“На разукрашенную елку...” (Сусальный ангел)	3	93
“На ржавых петлях открываю ставни...”	1	108
“На серые камни ложилась дремота...”	2	136
На смерть деда (“Мы вместе ждали смерти или сна...”)	1	110
На смерть Комиссаржевской (“Пришла порою полуночной...”)	3	128
На смерть младенца (“Когда под заступом холодным...”)	3	46
На снежном костре (“И взвился костер высокий...”)	2	171
На страже (“Я – непокорный и свободный...”)	2	145
“На темном пороге тайком...”	1	99
“На улице – дождик и слякоть...”	3	107
На чердаке (“Что на свете выше...”)	2	137
“На юге Франции далекой...”	4	115
Набросок (“Надо мной гроза гремела...”)	4	61
Наброски 1917 г. (6 стихотворений)	5	99
“Навстречу вешнему расцвету...”	4	28
Над Варшавой (“Страна – под бременем обид...”)	4	210
“Над лучшим созданием Божьим...” (Черная кровь)	3	37
Над озером (“С вечерним озером я разговор веду...”)	2	209
“Над синевой просторной дали...”	4	27
“Над старым мраком мировым”	4	15
“Над черной слякотью дороги...” (Балаган)	2	88
“Над этой осенью – во всем...”	1	159
Надежде Павлович (“Яблони сада вырваны...”)	5	93
“Надежды трепетной моей...”	4	79
“Надо мной гроза гремела...” (Набросок)	4	61
Накануне XX века (“Влачим мы дни свои уныло...”)	4	94
Накануне Иванова дня (“Накануне Иванова дня...”)	4	83
“Нам довелось еще подняться...”	4	177
“Нас море примчало к земле одичалой...” (Голос в тучах) (Ее прибытие)	2	48
“...Напомнив призраки былого...” (Две души)	4	82
“Напрасно, дева, ты бежала...”	4	20
“Напрасно я боролся с Богом...”	4	25
Народ и поэт (“Жизнь – без начала и конца...”)	4	202
“Народилась волна...”	4	100
Насмешница (“Подвела мне брови красным...”)	2	166
“Нас старость грустная настигнет без труда...”	4	133
“Настал желанный час. Природа...”	4	89
Настигнутый метелью (“Вьюга пела...”)	2	146
“Наступает пора небывалая...”	4	134
“Натянулись гитарные струны...”	3	140
“Не бойся умереть в пути...”	1	110
“Не было и нет во всей подлунной...” (Королевна)	4	206
“Не в земной темнице душной...” (Ее песни)	2	148
“Не венчал мою голову траурный лавр...”	3	122
“Не доверяй своих дорог...”	1	33
“Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных...”	1	70

	Том	Страница
“Не жди последнего ответа...”	1	69
“Не затем величал я себя паладином...”	3	117
“Не знаю тебя и не встречу...”	4	161
“Не легли еще тени вечерние...”	1	25
“Не лукавь же, себе признаваясь...” (Испанке)	3	135
“Не мани меня ты, воля...”	2	62
“Не могу тебя не звать...”	4	209
Не надо (“Не надо кораблей из дали...”)	2	154
“Не нарушай гармонии моей”	4	124
“Не отравляй души своей...”	4	25
“Не пой ты мне и сладостно, и нежно...”	1	70
“Не поймут бескорбные люди...”	1	94
“Не презирайте, Бога ради...”	4	68
“Не призывай. И без призыва...” (Servus – Reginae)	1	26
“Не призывай и не сули...”	1	32
Не пришел на свиданье (“Поздним вечером ждала...”)	2	139
“Не проливай горячих слез...”	1	23
“Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...”	1	62
“Не спят, не помнят, не торгуют...”	3	60
“Не строй жилищ у речных излучин...”	2	56
“Не ты ли душу оживишь?..” (Неведомому Богу)	1	25
“Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...”	1	67
“Не утолненная кровавыми струями...”	1	35
“Не часто, не всегда, с мольбой и чутким страхом...”	4	130
“Небесное умом не измеримо...”	1	59
Неведомому Богу (“Не ты ли душу оживишь?..”)	1	25
Невидимка (“Веселье в ночном кабаке...”)	2	114
“Недосказанной речи тревогу...”	4	139
“Нежный! У ласковой речки...”	2	43
Незнакомка (“По вечерам над ресторанами...”)	2	122
Неизбежное (“Тихо вывела из комнат...”)	2	167
“Немало времени прошло уже с тех пор...”	4	10
Н е н у ж н а я в е с н а (3 стихотворения)	4	195
Неоконченная поэма (“Я видел огненные знаки...”)	4	185
“Неотвязный стоит на дороге...”	1	84
“Непонятною тоскою...” (Отрывок)	4	80
“Неправда, неправда, я в бурю влюблен...”	4	40
“Нет имени тебе, мой дальний...”	2	81
Нет исхода (“Нет исхода из вьюг...”)	2	170
“Нет исхода из вьюг...” (Нет исхода)	2	170
“Нет исхода вьюгам певучим!...” (Голоса)	2	158
“Нет, клянусь, довольно Роза...” (В альбом Чуковскому)	5	89
“Нет конца лесным тропинкам...”	1	74
“Нет ни слезы, ни дерзновенья...”	4	26
“Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...”	3	155
“Нет, я не отходил. Я только тайны ждал...”	4	176
“Никогда не забуду (он был, или не был)...” (В ресторане)	3	16
“Никто не умирал. Никто не кончил жить...”	4	175
“Никто не скажет: я безумен...” (Инок)	2	195

	Том	Страница
“Нисходит сумрак ночи бледной...”	4	111
“Но в камине дозвенели...” (В углу дивана)	2	164
“Но прощай, о, прощай, человеческий род!” (Три стихотворения)	4	142
Новая Америка (Праздник радостный, праздник великий...)	3	181
“Новый блеск излило небо...”	4	117
Ночная (“Спи. Да будет твой сон спокоен...”) (Молитвы)	1	175
Ночная (“Тебе, Чей Сумрак был так ярок...”) (Молитвы)	1	174
Ночная Фиалка (“Миновали случайные дни...”)	2	25
“Ночной туман застал меня в дороге...”	4	17
Ночь (“Маг, простерт над миром брений...”)	2	45
“Ночь всё темней и благовожней...”	4	68
“Ночь. Город угомонился...”	2	130
“Ночь грозой бушевала, и молний огни...”	1	36
“Ночь, как века, и томный трепет...” (Черная кровь)	3	36
“Ночь, как ночь, и улица пустынна...”	3	45
“Ночь на землю сошла. Мы с тобою одни...”	4	45
Ночь на Новый год (“Лежат холодные туманы...”)	1	88
“Ночь теплая одела острова...”	4	19
“Ночь, улица, фонарь, аптека...” (Пляски смерти)	3	23
“Ночью вьюга снежная...”	1	82
“Ночью пыльной легла...”	4	188
“Ночью сумрачной и дикой...”	1	54
“Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...”	3	28
“Ныне, полный блаженства...”	1	52
“О, весна без конца и без краю...” (Заклятие огнем и мраком)	2	185
“О, да, любовь вольна, как птица...”	3	154
“О доблестях, о подвигах, о славе...”	3	43
“О жизни, догоревшей в хоре...”	2	86
“О, как безумно за окном...”	4	97
“О, как смеялись вы над нами...”	3	61
“О легендах, о сказках, о мигах...”	4	170
“О легендах, о сказках, о тайнах...”	1	125
“О, наконец! Былой тревоге...” (Песня за стеной)	4	105
“О, не просите скорбных песен!...”	4	66
“О, не смотри в глаза мои с укором...”	4	109
“О, не тебя люблю глубоко...”	4	19
“О, нет! не расколдуешь сердца ты...”	3	102
“О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...” (Черная кровь)	3	35
“О, презирать я вас не в силах...”	4	71
“О, светносные стебли морей, маяки!...” (Корабли идут) (Ее прибытие)	2	49
О смерти (“Всё чаще я по городу брожу...”)	2	205
“О, что мне закатный румянец...” (Заклятие огнем и мраком)	2	191
“О, я хочу безумно жить...”	3	57
“Облака небывалой улады...”	1	165
“Облит последними лучами...”	4	116
Обман (“В пустом переулке весенние воды...”)	2	102
Обреченный (“Тайно сердце просит гибели...”)	2	169

	Том	Страница
“Один порыв безвластный и плакучий...”	1	80
“Одна мне осталась надежда...” (Окна во двор)	2	131
“Однажды в октябрьском тумане...” (Двойник)	3	9
“Одинокий, к тебе прихожу...”	1	60
“Одинокий, одичалый...” (Валкирия)	4	26
“Одиноко боярин подъехал к воде...”	4	84
“Одиноко плыла по лазури луна...” (Дума)	4	54
Одиночество (“Река несла по ветру льдины...”)	4	16
“Одной тебе, тебе одной...”	4	7
Ожидание (“Дни текут молчаливо...”)	4	135
“Озарен таинственной улыбкой...” (Т р и с т и х о т в о р е н и я)	4	141
“Окаймлен летучей пеной...” (Рабочие на рейде) (Е е п р и б ы т и е)	2	46
“Океан дремал зеркальный...” (Корабли пришли) (Е е п р и б ы т и е)	2	50
Окна во двор (“Одна мне осталась надежда...”)	2	131
“Окна ложные на небе черном...” (Ф л о р е н ц и я)	3	74
“О край небес – звезда омега...”	1	19
“Он входил, простой и скудный...”	1	125
“Он вчера шептал мне много...” (Песня Офелии)	1	137
“Он говорил умно и резко...” (Митинг)	2	115
“Он занесен – сей жезл железный...”	3	144
“Он спит, пока закат румян...” (Петр)	2	100
“Он уходил, а там глубоко...”	4	129
“Он шел на отдых. Новый день...”	4	114
“Она была – Заря Востока...”	4	149
“Она веселой невестой была...”	2	55
“Она ждала и билась в смертной муке...”	1	143
“Она, как прежде, захотела...”	3	44
“Она молода и прекрасна была...”	1	16
“Она поет в печной трубе...” (Песенка)	2	112
“Она прекрасна, – нет сомненья...”	4	91
“Она пришла из дикой дали...” (Снежная Дева)	2	182
“Она пришла с заката...”	2	95
“Она пришла с мороза...”	2	199
“Она росла за дальними горами...”	1	65
“Она стройна и высока...”	1	123
“Они идут – туманные...”	4	158
“Они говорили о ранней весне...”	4	143
“Они давно меня томили...” (Сытые)	2	120
“Они живут под серой тучей...”	4	170
“Они звучат, они ликуют...”	1	59
“Они расстались без печали...”	4	117
Они читают стихи (“Смотри: я спутал все страницы...”)	2	167
“Опустись, занавеска линиялая...”	3	120
“Опять, как в годы золотые...” (Россия)	3	173
“Опять над полем Куликовым...” (Н а п о л е К у л и к о в о м)	3	173
“Опять с вековой тоскою...” (Н а п о л е К у л и к о в о м)	3	173
“Опять у этой двери...” (М э р и)	3	115
“Опять я еду чистым полем...” (Еще воспоминание)	4	82
“Осанна! Тыходишь в терем!...” (7–8 ноября 1902 года)	4	171

	Том	Страница
“Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...”	3	26
Осенний день (“Идем по живью, не спеша...”)	3	174
Осенняя воля (“Выхожу я в путь, открытый взорам...”)	2	62
О с е н н я я л ю б о в ь (3 стихотворения)	2	179
“Осень поздняя. Небо открытое...”	2	18
“Оставь меня в моей дали...”	2	63
“От знающего почерк ясный...” (Любови Александровне Дельмас)	4	212
“Отвека люди служат Богу...” (“Погоня за счастьем”)	4	102
Ответ (“Сквозь тонкий пар сомнения...”)	4	182
“Отворяются двери – там мерцанья...”	1	151
“Отдых напрасен. Дорога крута...” (Вступление)	1	47
“Отзвучала гармония дня...”	4	129
“Открыл окно. Какая хмурая...” (В октябре)	2	128
“Открыли дверь мою метели...” (Второе крещение)	2	145
“Открыт паноптикум печальный...” (Клеопатра)	2	138
“Отрекись от любимых творений...”	1	39
Отрывок (“Непонятную тоскою...”)	4	80
“Отсеребрилась, отзвучала...” (Н е н у ж н а я в е с н а)	4	195
“Отчего я задумчив хожу...”	4	96
Отшедшим (“Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду...”)	4	174
“Офелия в цветах, в уборе...”	4	62
“Очарованный вечер мой долог...”	4	179
Памяти А.А. Фета (“Шепчутся тихие волны...”)	4	66
Перед грозой (“Закат горел в последний раз...”)	4	90
Перед судом (“Что же ты потупилась в смущеньи?..”)	3	105
“Предвечернею порою...”	2	127
“Передо мной – моя дорога...”	4	168
“Перехожу от казни к казни...” (З а к л я т и е о г н е м и м р а к о м)	2	188
Перстень-Страданье (“Шел я по улице, горем убитый...”)	2	119
Перуджия (“День полувеселый, полустрадный...”)	3	72
Песельник (“Я – песельник. Я девок вывожу...”)	4	198
Песенка (“Она поет в печной трубе...”)	2	112
Песенка (“Что, красавица, довольно ты царила...”)	4	64
Песнь ада (“День догорел на сфере той земли...”)	3	10
Песня за стеной (“О, наконец! Былой тревоге...”)	4	105
Песня матросов (“Подарило нам море...”)	2	47
Песня Офелии (“Он вчера нашептал мне много...”)	1	137
Песня Офелии (“Разлучаясь с девой милой...”)	1	19
Песня Фаины (“Когда гляжу в глаза твои...”)	2	196
“Петербургские сумерки снежные...”	3	141
Петр (“Он спит, пока закат румян...”)	2	100
“Петроградское небо мутилось дождем...”	3	185
“Петуха упустила старушка...” (Сказка о петухе и старушке)	2	70
“Печальная блеклая роза...”	4	51
“Писать ли Вам, что тайный пламень...”	4	65
“Плачет ребенок. Под лунным серпом...”	1	168
“Плоды неизведанной страсти...”	4	98

	Том	Страница
Пляски осенние (“Волновать меня снова и снова...”)	2	20
П л я с к и с м е р т и (5 стихотворений)	3	22
“По берегу плелся больной человек...”	1	170
“По вечерам над ресторанами...” (Незнакомка)	2	122
“По городу бегал черный человек...”	1	153
“По темному саду брожу я в тоске...”	4	51
“По узким площадям ловил я тень девицы...”	4	160
“По улицам метель метет...” (З а к л я т и е о г н е м и м р а к о м)	2	190
“Побывала старушка у Троицы...” (Старушка и чертенята)	2	18
“Поверь, – и я, далекий света...”	4	130
“Повеселясь на буйном пире...”	3	21
Повесть (“В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...”)	2	110
“Погибло всё. Палящее светило...”	1	34
“Поглядите, вот бессильный...” (Ж и з н ь м о е г о п р и я т е л я)	3	30
“Погоня за счастьем” (“Ответа люди служат Богу...”)	4	102
“Погружался я в море клевера...”	1	147
“Под величавые раскаты...” (После грозы)	4	115
“Под ветром холодные плечи...” (О с е н н я я л ю б о в ь)	2	180
“Под вечер лет с немим вниманьем...”	4	120
“Под зноем флорентийской лени...” (Ф л о р е н ц и я)	3	74
Под масками (“А под маской было звездно...”)	2	160
“Под насыпью, во рву некошенном...” (На железной дороге)	3	176
“Под старость лет, забыв святое...” (Старик)	1	124
“Под шум и звон однообразный...”	3	8
“Подарило нам море...” (Песня матросов) (Е е п р и б ы т и е)	2	47
“Подвела мне брови красным...” (Насмешница)	2	166
“Поднимались из тьмы погребов...”	2	105
Подражание (“Сновидец в розовой дремё...”)	4	189
Поединок (“Дни и ночи я безволен...”)	2	100
“Поет, краснея, медь. Над горном...”	2	41
“Поет мой день, будя ответы...”	4	182
“Поет, поет...”	3	192
Пожар (“Понеслись, блеснули в очи...”)	2	133
“Позволь и мне сгорать душою...” (Артистке)	4	121
“Поздней осенью из гавани...”	3	13
“Поздним вечером ждала...” (Не пришел на свиданье)	2	139
“Поздно. В окошко закрытое...”	4	154
“Пойми же, я спутал, я спутал...” (З а к л я т и е о г н е м и м р а к о м)	2	189
“Пока спокойно стою...”	1	26
“Поклонник Эллинов – я лиру забывал...”	1	38
“Покойник спать ложится...”	3	122
“Покраснели и гаснут ступени...”	1	142
“Полна усталого томленья...”	4	24
“Полный месяц встал над лугом...”	1	14
“Полюби эту вечность болот...”	2	16
“Помните день безотрадный и серый...”	4	74
“Помню далекое светлое лето...”	4	103
“Помнишь думы? Они улетели...” (Моей матери)	2	52
“Помнишь ли город тревожный...”	1	24

	Том	Страница
“Понеслись, блеснули в очи...” (Пожар)	2	133
“Пора вернуться к прежней битве...”	1	39
“Пора забыться полным счастья сном...”	4	7
“Порою в воздухе, согретом...” (Аметист)	4	120
“Порою вновь к твоим ногам...”	4	118
“Порою мне любовь сулят...”	4	75
Посвящение (“Встали надежды пророка...”)	4	136
Посещение (“То не ели, не тонкие ели...”)	3	178
После битвы (“Я возвращусь стопой тяжелой...”)	4	124
После грозы (“Под величавые раскаты...”)	4	115
После дождя (“Сирени бледные дождем к земле прибиты...”)	4	79
Последнее напутствие (“Боль проходит понемногу...”)	3	183
“Последние лучи заката...” (Летний вечер)	4	14
Последний день (“Ранним утром, когда люди ленились шевелиться...”)	2	99
“Последний пурпур догорал...”	1	35
Последний путь (“В снежной пене – предзакатная...”)	2	144
Последняя часть философской поэмы (“Ты, о Афина бессмертная...”)	4	127
“–Посмотри, подруга, эльф твой...” (Бледные сказанья)	2	161
“Потемнели, поблекли залы...”	1	146
“Потеха! Рокочет труба...”	2	56
“Похоронят, зароят глубоко...”	3	106
“Почует в мире Теодорих...”	3	70
Поэма (“Старый розовый куст, колючий, пыльный, без листьев...”)	4	48
П о э м а ф и л о с о ф с к а я (3 стихотворения)	4	122
Поэт (“Сидят у окошка с папой...”)	2	58
“Поэт в изгнании и в сомненьи...”	1	30
“Поэт, тебе ли покарать...”	4	70
Поэту (“Я встретил вновь тебя, поэт...”)	4	81
Поэты (“За городом вырос пустынный квартал...”)	3	88
“Праздник радостный, праздник великий...” (Новая Америка)	3	181
“Превратила всё в шутку сначала...”	3	142
“Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...”	1	60
Преображение (“Разверзаются туманы...”)	4	133
“При жолтом свете веселились...”	1	124
(При посылке белой азалии) (“Вот они – белые звуки...”)	4	176
При посылке роз (“Смотрел отвеча бог лукавый...”)	4	30
“Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...”	3	179
“Приветный Лель, не жду рассвета...”	4	111
“Придут незаметные белые ночи...”	2	91
“Прижмись ко мне крепче и ближе...” (Демон)	3	16
“Признак истинного чуда...”	1	70
“Природы вечера могучей...”	4	92
“Прискакала дикой степью...”	2	68
“Прислушайся к земле в родных полях...” (Смерть)	4	119
“Пристал ко мне нищий дурак...” (Жизнь моего приятеля)	3	31
“Пристань безмолвна. Земля близка...”	1	157
“Пришла порою полуночной...” (На смерть Коммиссаржевской)	3	128
“Приявший мир, как звонкий дар...” (Заклятие огнем и мраком)	2	187
“Пробивалась певучим потоком...”	1	109

Продолжение “Стихов о предметах первой необходимости” (“Скользили мы путем трамвайным...”)	5	91
“Прозрачные, неведомые тени”	1	66
“Пройдет зима – увидишь ты...”	1	75
Проклятый колокол (“Весны и зимы меняли убранство...”)	2	86
“Пророк земли – венец творенья...”	4	116
“Прости. Я холодность заметил...”	4	166
“Просыпаюсь я – и в поле туманно...”	1	154
“Протекли за годами года...”	3	145
“Протянуты поздние нити минут...”	4	184
“Проходишь ты в другие дали...”	4	148
“Проходят сны и женственные тени...”	4	153
Прочь! (“И опять открыли солнца...”)	2	155
“Прошедших дней немеркнущим сияньем...”	1	32
“Прошли года, но ты – всё та же...”	2	76
“Прощай. В последний раз жестоко...”	4	112
“Прощайте. Дайте руку Вашу...” (Этюд)	4	46
“Прощались мы в аллее дальней...”	4	88
“Пустая улица. Один огонь в окне...” (П л я с к и с м е р т и)	3	23
“Пусть рассвет глядит нам в очи...”	4	8
“Пусть светит месяц – ночь темна...”	1	13
“Пусть это время далеко...” (Антверпен)	3	106
“Пусть я и жил, не любя...”	3	144
“Путник, ропщи...”	4	65
Пушкинскому Дому (“Имя Пушкинкого Дома...”)	5	96
“Пытался сердцем отдохнуть я...”	1	117
“Пять изгибов сокровенных...”	4	128
“Работай, работай, работай...” (З а к л я т и е о г н е м и м р а к о м)	2	194
Рабочие на рейде (“Окаймлен летучей пеной...” (Е е п р и б ы т и е)	2	46
Равенна (“Всё, что минутно, всё, что брено...”)	3	68
“Разбушуются бури, прольются дожди...”	4	178
“Разверзаются туманы...” (Преображение)	4	133
“Разверзлось утреннее око...”	1	29
“Разгадал я, какие цветы...”	4	38
“Разгораются тайные знаки...”	1	130
“Разлетясь по всему небосклону...”	3	144
“Разлучаясь с девой милой...” (Песня Офелии)	1	19
“Ранний час. В пути незрима...”	1	76
“Ранним утром, когда люди ленились шевелиться...” (Последний день)	2	99
“Распаленная зноем июльская ночь...”	4	79
“Распушилась, раскачнулась...”	4	210
Рассвет (“Тихо рассыпалась в небе ракета...” (Е е п р и б ы т и е)	2	51
Рассвет (“Я встал и трижды поднял руки...”)	4	42
“Река несла по ветру льдины...” (Одиночество)	4	16
“Река раскинулась. Течет, грустит лениво...” (Н а п о л е К у л и к о в о м)	3	170
“Ризу накрест обвязав...” (Сочельник в лесу)	4	206
“Рожденные в года глухие...”	3	187

	Том	Страница
Рождество (“Звонким колокол ударом...”)	4	193
Россия (“Опять, как в годы золотые...”)	3	173
Русь (“Ты и во сне необычайна...”)	2	79
“Рожь вокруг волновалась...”	4	45
Роза и соловей (“Блеклая роза печально дышала...”)	4	52
“Розы в лазури. Пора!..” (Видение)	4	132
Русский бред (“Зачинайся, русский бред...”) (Н а б р о с к и 1 9 1 7 г.)	5	100
“Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?...”	3	176
“С вечерним озером я разговор веду...” (Над озером)	2	209
“С детских лет – видения и грезы...” (Благовещение)	3	80
“С каждой весною пути мои круче...”	2	93
“С мирным счастьем покончены счеты...”	3	15
“С ней уходил я в море...” (В е н е ц и я)	3	71
“Сама судьба мне завещала...”	1	22
“Сбежал с горы и замер в чаще...”	1	113
“Сбылось пророчество мое...”	1	53
“Сверкни, последняя игла...” (Сердце предано метели)	2	170
“Свет в окошке шатался...”	1	117
“Светлый сон, ты не обманешь...”	1	171
“Свирель запела на мосту...”	3	111
“Свобода смотрит в синеву...”	1	126
“Своими горькими слезами...”	2	200
“Сгущался мрак церковного порога...”	1	90
“Сегодня в ночь одной тропею...”	1	30
“Сегодня образ твой чудесен...”	4	163
“Сегодня ты на тройке звонкой...”	3	131
“Сегодня шла Ты одиноко...”	1	64
Седое утро (“Утреет. С Богом! По домам!...”)	3	137
“Седые сумерки легли...”	3	15
7–8 ноября 1902 года (“Осанна! Тыходишь в терем!..”)	4	171
“Сердито волновались нивы...”	4	41
“Сердитый взор бесцветных глаз...”	3	152
Сердце предано метели (“Сверкни, последняя игла...”)	2	170
“Сердце, слышишь...” (Тревога)	2	154
“Сидят у окошка с папой...” (Поэт)	2	58
Сиена (“В лоне площади пологой...”)	3	78
Сиенский собор (“Когда страшишься смерти скорой...”)	3	78
“Сижу за ширмой. У меня...”	1	162
“Символ мой знаком отметить...” (Noli tangere circulos meos)	4	39
“Синеокая, Бог тебя создал такой...” (Ч е р е з д в е н а д ц а т ь л е т)	3	125
“Синие горы вдали...”	4	134
“Сирени бледные дождем к земле прибиты...” (После дождя)	4	79
Сирин и Алконост (“Густых кудрей откинув волны...”)	4	72
“Скажи мне, Лигия, в каком краю далеко...”	4	53
Сказка о петухе и старушке (“Петуха упустила старушка...”)	2	70
Сквозь винный хрусталь (“В длинной сказке...”)	2	164
“Сквозь серый дым от краю и до краю...”	3	134

	Том	Страница
“Сквозь тонкий пар сомнения...” (Ответ)	4	182
Скифы (“Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы...”)	5	77
“Скользили мы путем трамвайным...” (Продолжение “Стихов о предметах первой необходимости”)	5	91
“Скрипка стонет под горой...”	1	155
“Скрипнула дверь. Задрожала рука...”	1	79
“Слабеет жизни гул упорный...” (В е н е ц и я)	3	71
“Сладко найти нам звезду...”	4	161
Случайному (“Ты мне явился, темнокудрый...”)	4	36
“Слышу колокол. В поле весна...”	1	104
Смерть (“Прислушайся к земле в родных полях...”)	4	119
“Смеялись бедные невежды...”	4	24
“Смолкали и говор, и шутки...”	4	34
“Смотрел отвеча бог лукавый...” (При посылке роз)	4	29
“Смотри приветно и легко...”	4	140
“Смотри – я отступаю в тень...”	1	75
“Смотри: я вступал все страницы...” (Они читают стихи)	2	167
“Смычок запел. И облак душный...”	3	142
Смятение (“Мы ли – пляшущие тени?..”)	2	168
Снег да снег (“Снег да снег. Всю избу занесло...”)	4	191
Снежная вязь (“Снежная мгла взвилась...”)	2	143
Снежная Дева (“Она пришла из дикой дали...”)	2	182
“Снежная мгла взвилась...” (Снежная вязь)	2	143
Снежное вино (“И вновь, сверкнув из чаши винной...”)	2	143
“Снова ближе вечерние тени...”	1	77
“Снова иду я над этой пустынной равниной...”	1	148
“Сновидец в розовой дреме...” (Подражание)	4	189
Сны (“И пора уснуть, да жалко...”)	3	180
“Сны безотчетны, ярки краски...”	1	94
“Сны раздумий небывалых...”	1	93
“Солнце сходит на запад. Молчанье...” (Вечерняя) (М о л и т в ы)	1	174
Соловиный сад (“Я ломаю слоистые скалы...”)	3	159
Сольвейг (“Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...”)	2	74
“Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!..”	2	90
“Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...” (Сольвейг)	2	74
“Сомкни уста. Твой голос полн...”	4	90
“Сомнения нет: мои печали...”	4	91
Сон (“Я видел сон: мы в древнем склепе...”)	3	94
“Сонный вздох онемелой волны...” (Взморье)	2	40
Сочельник в лесу (“Ризу накрест обвязав...”)	4	206
“Спи. Да будет твой сон спокоен...” (Ночная) (М о л и т в ы)	1	175
“Спите, больные и духом мятежные...”	4	73
“Сплетались времена, сплетались страны...”	4	154
“Спустилась мгла, туманами чревата...” (Моей матери)	1	26
“Спустись в подземные ущелья...”	4	183
“Спят луга, спят леса...” (Колыбельная песня)	4	187
“Среди гостей ходил я в черном фраке...”	1	168
“Среди поклонников Кармен...”	3	151
Старик (“Под старость лет, забыв святое...”)	1	124

	Том	Страница
“Старинные розы...”	3	117
“Старость мертвая бродит вокруг...”	2	60
“Старуха гадала у входа...”	1	147
Старушка и чертенята (“Побывала старушка у Троицы...”)	2	18
“Старый год уносит сны...”	1	86
“Старый розовый куст, колючий, пыльный, без листьев...” (Поэма)	4	48
“Старый, старый сон: из мрака...” (П л я с к и с м е р т и)	3	23
Старые письма (“Вот они, грустные, полные страсти...”)	4	105
Статуя (“Лошадь влекли под уздцы на чугунный...”)	1	170
“Стоит полукруг зари...” (У моря)	2	59
“Стоит ли вечно томиться...”	4	76
“Сторожим у входа в терем” (М о л и т в ы)	1	173
“Стою на царственном пути...”	1	71
“Стою у власти, душой одинок...”	1	135
“Страна – под бременем обид...” (Над Варшавой)	4	210
“Странно: мы шли одинокой тропой...”	4	54
“Станных и новых ищу на страницах...”	1	102
“Страстью длинной, безмятежной...” (Ф л о р е н ц и я)	3	74
“Стремленья сердца непомерны...”	4	168
“Строен твой стан, как церковные свечи...” (Девушка из Spoleto)	3	70
“Стучит топор, и с кампанил...” (Фьезоле)	3	77
“Стучится тихо. Потом погромче...”	4	199
“Сумерки, сумерки вешние...”	1	72
“Сумрак дня несет печаль...”	1	85
Сусальный ангел (“На разукрашенную елку...”)	3	93
Сфинкс (“Шевельнулась безмолвная сказка пустынь...”)	4	36
Сцена из исторической картины “Всемирная литература” (XX столетие по Р. Хр.)		
(“В конце из шестого тома Гейне, там...”)	5	86
“Счастливая пора, дни юности мятежной!”	4	73
Сын и мать (“Сын осеняется крестом...”)	2	80
“Сын осеняется крестом...” (Сын и мать)	2	80
“Сырое лето. Я лежу...”	4	197
Сытые (“Они давно меня томили...”)	2	120
“Та жизнь прошла...”	3	143
“Табор шел. Вверху сверкали звезды...”	4	57
“Тайно сердце просит гибели...” (Обреченный)	2	169
“Так. Буря этих лет прошла...”	3	61
Так было (“Жизнь была стремленьем...”)	2	47
“Так. Неизменно всё, как было...”	2	67
“Так – одинокой, легкой тенью...”	4	128
“Так окрыленно, так напевно...”	2	84
“Так. Я знал. И ты задул...”	1	163
“Там, в ночной завывающей стуже...”	2	65
“Там, в полусумраке собора...”	1	90
“Там – в синевах – была звезда...” (Жрец)	4	37
“Там – в улице стоял какой-то дом...”	1	105
“Там дамы щеголяют модами...”	2	126

	Том	Страница
“Там жили все мои надежды...”	4	121
“Там, за далью бесконечной...”	4	17
“Там неба осветленный край...”	3	179
“Там сумерки невнятно трепетали...”	1	97
Твари весенние (“Золотисты лица купальниц...”)	2	13
“Твое лицо бледней, чем было...”	2	121
“Твое лицо мне так знакомо...”	2	96
“Твой образ чудится невольно...”	1	36
“Твоя гроза меня умчала...”	2	89
“Тебе, поэт, в вечерней тишине...” (Е.А. Баратынскому)	4	123
“Тебе, Тебе, с иного света...”	4	165
“Тебе, Чей Сумрак был так ярк...” (Ночная) (М о л и т в ы)	1	174
“Тебе в страны чужие звали...”	1	65
“Тебя скрывали туманы...”	1	106
“Тебя я встречу где-то в мире...”	1	119
“Темна и сумрачна была...”	4	93
“Темная, бледно-зеленая...”	1	165
“Темнеет небо. Туч гряда...”	4	77
“Тёмно в комнатах и душно...”	1	83
Тени на стене (“Вот прошел король с зубчатым...”)	2	165
“Теряет берег очертанья...”	1	31
“Тихо вечерние тени...”	1	51
“Тихо вывела из комнат...” (Неизбежное)	2	167
“Тихо. И будет всё тише...” (Моей матери)	2	60
“Тихо рассыпалась в небе ракета...” (Рассвет) (Е е п р и б ы т и е)	2	51
Тишина в лесу (“Бушевали ночные метели...”)	4	205
Тишина цветет (“Здесь тишина цветет и движет...”)	2	83
“То не ели, не тонкие ели...” (Посещение)	3	178
“То отголосок юных дней...”	1	34
“Травы спят красивые...”	4	32
Тревога (“Сердце, слышишь...”)	2	154
Т р и п о с л а н и я (3 стихотворения)	3	113
Т р и с т и х о т в о р е н и я (3 стихотворения)	4	141
31 декабря 1900 года (“И ты, мой юный, мой печальный...”)	1	43
“Тропами тайными, ночными...”	3	59
“Туда, где небо с океаном...”	4	67
“Туман скрывает берег отдаленный...”	4	141
“Ты – Божий день. Мои мечты...”	1	97
“Ты – буйный зов рогов призывных...”	3	140
“Ты был осыпан звездным цветом...”	2	75
“Ты была светла до странности...”	1	94
“Ты была у окна...”	1	37
“Ты в комнате один сидишь...”	3	49
“Ты в поля отошла без возврата...” (Вступление)	2	7
“Ты, вечно юная! О, нет!..”	4	104
“Ты всегда и всюду странно...”	4	46
“Ты говоришь, что я дремлю...”	3	138
“Ты горишь над высокой горою...”	1	72
“Ты далека, как прежде, так и ныне...”	1	71
“Ты, Дельвиг, говоришь – минута вдохновенья...” (Дельвигу)	4	70

	Том	Страница
“Ты, думы вечной, вдохновенной...”	4	125
“Ты дышишь жизнью! О, как я к тебе влеком...”	4	50
“Ты жил один. Друзей ты не искал...”	3	142
“Ты – злая колдунья. Мой вечер – в огне...”	4	146
“Ты и во сне необычайна...” (Русь)	2	79
“Ты из шопота слов родилась...”	4	40
“Ты, как отзвук забытого гимна...”	3	153
“Ты кормчий – сам, учитель – сам...” (Заключение спора)	4	183
“Ты ли это прозвучала...”	4	130
“Ты мне явился, темнокудрый...” (Случайному)	4	36
“Ты много жил. Негодованье...”	4	106
“Ты много жил, я больше пел...”	1	13
“Ты, может быть, не хочешь угадать...”	4	9
“Ты можешь по траве зеленой...”	2	84
“Ты – молитва лазурная...”	4	152
“Ты нам грозишь последним часом...” (Комета)	3	95
“Ты не научишь меня проклинать...”	4	102
“Ты не получишь ничего...” (Н а б р о с к и 1917 г.)	5	100
“Ты не обманешь, призрак бледный...”	1	43
“Ты не пленишь. Не жди меня...”	4	31
“Ты не ушла. Но может быть...”	1	107
“Ты, о Афина бессмертная...” (Последняя часть философской поэмы)	4	127
“Ты оденешь меня в серебро...”	2	37
“Ты открывал окно. Туман...” (Андрею Белому)	4	187
“Ты отличишь ее на пире...” (Мэри, пир во время чумы)	4	88
“Ты отошла, и я в пустыне...”	3	167
“Ты отходишь в сумрак алый...”	1	52
“Ты, отчаянье жизни моей...”	4	150
“Ты перед ним, что стебель гибкий...” (Девушке)	2	93
“Ты помнишь? В нашей бухте сонной...”	3	96
“Ты придешь и обнимешь...”	2	72
“Ты приходишь без улыбки...”	2	118
“Ты пробуждалась утром рано...”	4	197
“Ты просишь ответа на страшный вопрос...”	4	100
“Ты прошла голубыми путями...”	1	69
“Ты свята, но я Тебе не верю...”	1	129
“Ты смотришь в очи ясным зорям...”	2	136
“Ты совершил над нею подвиг трудный...” (Двойнику)	1	87
“Ты страстно ждешь. Тебя зовут...”	1	81
“Ты так светла, как снег невинный...”	3	92
“Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...”	3	107
“Ты у камина, склонив седины...”	1	164
“Ты уходишь от земной юдоли...”	1	77
“Ты хочешь знать мировоззренье...”	4	69
“Ты хочешь царствовать поныне...”	4	77
“Тяжелый занавес упал...”	4	93
“Тяжкий плотный занавес у входа...” (Шаги Командора)	3	50
“Тяжко нам было под выюгами...”	2	44
“Тянет ветром от залива...”	4	146

	Том	Страница
“У берега зеленого на малой могиле...”	1	153
У дверей (“Я один шепчу заклатья...”)	4	144
“У забытых могил пробивалась трава...”	1	152
У моря (“Стоит полукруг зари...”)	2	59
“У окна не ветер бродит...”	4	149
“Увижу я, как будет погибать...”	1	34
Угар (“Заплетаем, расплетаем...”)	2	82
“Удалены от мира на кладбище...” (На могиле друга)	4	142
“Уж вечер светлой полосой...”	3	123
“Ужасен холод вечеров...”	1	115
“Уже бледнеет день прощальный...”	4	23
“Уже над морем вечерет...”	3	118
“Уже померкла ясность взора...” (Через двенадцать лет)	3	126
“Улица, улица...”	2	109
“Умри, Флоренция, Иуда...” (Ф л о р е н ц и я)	3	73
Унижение (“В черных сучьях деревьев обнаженных...”)	3	19
“Упоительно встать в ранний час...” (Утро в Москве)	3	127
“Усни, пока для новой жизни...”	4	76
“Усните блаженно, заморские гости, усните...”	3	116
Успение (“Ее спеленутое тело...”)	3	82
“Успокоительны и чудны...”	4	145
“Устал я. Смерть близка. К порогу...”	4	106
Усталось (“Кому назначен темный жребий...”)	2	91
“Усталый от дневных блужданий...”	1	16
“Усталым душам вдруг сдается...”	4	110
“Утихает светлый ветер...”	2	65
“Утомленный, я терял надежды...”	1	101
“Утреет. С Богом! По домам!..” (Седое утро)	3	137
Утренняя (“До утра мы в комнатах спорим...”)(М о л и т в ы)	1	173
“Утро брезжит. День грозит ненастьем...”	4	112
Утро в Москве (“Упоительно встать в ранний час...”)	3	127
“Уходит день. В пыли дорожной...”	1	92
Учитель (“Кончил учитель урок...”)	4	190
“Ушел он, скрылся в ночи...”	1	127
“Ушел я в белую страну...”	4	172
“Ушла. Но гиацинты ждали...”	2	177
“Ушли в туман мечтания...”	4	158
Фабрика (“В соседнем доме окна желты...”)	1	166
“Фиолетовый запад гнетет...”	2	39
Ф л о р е н ц и я (7 стихотворений)	3	73
“Флоренция, ты ирис нежный...” (Ф л о р е н ц и я)	3	73
Фьезоле (“Стучит топор, и с кампанил...”)	3	77
“Ходит месяц по волне...”	4	137
“Хожу, брожу понурый...”	2	132
“Хожу по камню старых плит...”	4	20
“Холодный ветер от лагуны...” (В е н е ц и я)	3	71

	Том	Страница
Холодный день (“Мы встретились с тобою в храме...”)	2	127
Хор татар для кантаты (“Идут века...”)(На поле Куликовом)	5	83
“Хоронил я тебя и, тоскуя...”	4	159
“Хотел я, воротясь домой...”	5	92
“Хоть всё по-прежнему <i>певец</i> ...”	1	31
“Хранила я среди младых созвучий...”	1	78
Художник (“В жаркое лето и в зиму метельную...”)	3	101
“Царица смотрела заставки...”	1	140
“Целый год не дрожало окно...”	1	144
“Целый день передо мною...”	1	97
“Целый день – суета у могил...”	4	142
“Часовая стрелка близится к полночи...”	3	117
“Часто в мысли гармония спит...”	4	126
“Чей-то обманчивый голос поет...” (Голос)	4	17
“Чем больней душе мятежной...” (Моей матери)	1	53
“Чем больше хочешь отдохнуть...”	3	50
Через двенадцать лет (8 стихотворений)	3	124
“Через песчаные пустыни...”	4	131
Черная Дева (“В дальних северных туманах...”)	4	92
Черная кровь (9 стихотворений)	3	34
(Черновики продолжения поэмы “Возмездие”)	5	63
“Черный ворон в сумраке снежном...” (Три послания)	3	113
“Черный вечер...” (Двенадцать)	5	7
“Черты знакомых лиц...”	4	140
“Чертя за кругом плавный круг...” (Коршун)	3	188
“Что будет в сердце, в мыслях и в уме...”	4	58
“Что было год назад? всё то же...”	4	109
“Что из того, что на груди портрет...”	4	60
“Что же ты потупилась в смущеньи?..” (Перед судом)	3	105
“Что, красавица, довольно ты царила...” (Песенка)	4	64
“Что на свете выше...” (На чердаке)	2	137
“Что с тобой – не знаю и не скрою...”	1	166
“Что сделали из берега морского...” (В северном море)	2	211
Шаги Командора (“Тяжкий плотный занавес у входа...”)	3	50
“Шар раскаленный, золотой...”	3	133
“Шевельнулась безмолвная сказка пустынь...” (Сфинкс)	4	36
“Шел и шел...” (Наброски 1917 г.)	5	99
“Шел я по улице, горем убитый...” (Перстень-Страданье)	2	119
“Шепчутся тихие волны...” (Памяти А.А. Фета)	4	66
“Шлейф, забрызганный звездами...”	2	78
“Шли мы стезею лазурною...”	1	29
“Шли на приступ. Прямо в грудь...”	2	53
Шум смерти (“Я вошел туда. Толпа гудела...”)(Наброски 1917 г.)	5	101

	Том	Страница
Экклесиаст (“Благословляя свет и тень...”)	1	122
Эпитафия Фра Филиппо Липпи (“Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный...”)	3	83
Эскиз (“Глаза младенчески открыты...”)	4	71
Этюд (“Прощайте. Дайте руку Вашу...”)	4	47
Эхо (“К зеленому лугу, взывая, внимая...”)	2	19
Юрию Верховскому (“Дождь мелкий, разговор неспешный...”) (П о с л а н и я)	3	97
“Я бежал и спотыкался...”	1	161
“Я бремя похитил, как тать...”	1	77
“Я брошусь в черный день со скал...”	4	148
“Я буду факел мой блюсти...”	1	138
“Я был весь в пестрых лоскутьях...”	1	153
“Я был невенчан. Премудрость храня...”	4	42
“Я был смущенный и веселый...”	2	176
“Я в дольний мир вошла, как в ложу...”	2	176
“Я в четырех стенах – убитый...”	2	131
“Я вам поведал неземное...”	2	114
“Я видел мрак дневной и свет ночной...” (Аурафа доўгата)	1	35
“Я видел огненные знаки...” (Неоконченная поэма)	4	185
“Я видел сон: мы в древнем склепе...” (Сон)	3	94
“Я вижу блеск, забытый мной...”	3	138
“Я возвращусь стопой тяжелой...” (После битвы)	4	124
“Я восходил на все вершины...”	2	37
“Я вошел туда. Толпа гудела...” (Шум смерти) (Н а б р о с к и 1917 г.)	5	101
“Я всё гадаю над тобою...”	1	74
“Я встал и трижды поднял руки...” (Рассвет)	4	42
“Я встретил вновь тебя, поэт...” (Поэту)	4	81
“Я вырезал посох из дуба...”	1	151
“Я вышел в ночь – узнать, понять...”	1	120
“Я вышел. Медленно сходили...”	1	49
“Я – Гамлет. Холодеет кровь...”	3	61
“Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне...” (Ч е р н а я к р о в ь)	3	34
“Я говорил при вас с тоской...”	4	97
“Я долго ждал – ты вышла поздно...”	1	82
“Я думал, что умру сегодня к ночи...”	4	64
“Я ее победил, наконец!...” (Ч е р н а я к р о в ь)	3	36
“Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...”	2	104
“Я жалок в глубоком бессильи...”	4	146
“Я ждал под окнами в тени...”	4	169
“Я жду призыва, ищу ответа...”	1	67
“Я живу в глубоком покое...”	2	40
“Я живу в пустыне...”	4	180
“Я живу в отдаленном скиту...”	2	12
“Я живу в отдаленном скиту?...” (Ария для кантаты Шапорина) (Н а п о л е К у л и к о в о м)	5	83
“Я знаю день моих проклятий...”	1	103

	Том	Страница
“Я знаю, смерть близка. И ты...”	1	38
“Я знаю, ты близкая мне...” (Бред)	2	68
“Я зол и слаб. Земное море...”	4	81
“Я и без веры живой...”	4	60
“Я и мир – снега, ручьи...”	1	105
“Я и молод, и свеж, и влюблен...”	1	114
“Я, изнуренный и премудрый...”	1	137
“Я искал голубую дорогу...”	1	142
“Я их хранил в приделе Иоанна...”	1	135
“Я к людям не выйду навстречу...”	1	145
“Я коротаю жизнь мою...”	3	17
“Я кую мой меч у порога...”	4	184
“Я ли пишу, или ты из могилы...”	1	80
“Я ломаю слоистые скалы...” (Соловьиный сад)	3	159
“Я медленно сходил с ума...”	1	100
“Я – меч, заостренный с обеих сторон...”	1	157
“Я миновал закат багряный...”	2	95
“Я мог бы ярче просиять...”	4	182
“Я могуч и велик ворожною...” (Ворожба)	4	138
“Я надел разноцветные перья...”	1	136
“Я насадил мой светлый рай...”	2	178
“Я не звал тебя – сама ты...”	3	119
“Я не люблю пустого словаря...” (В дюнах)	2	213
“Я – непокорный и свободный...” (На страже)	2	145
“Я не предал белое знамя...”	3	186
“Я неверную встретил у входа...” (Заклятие огнем и мраком)	2	187
“Я недаром боялся открытий...”	1	54
“Я никогда не понимал...”	4	125
“Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне...”	4	14
“Я облачился перед битвой...” (Боец)	4	164
“Я один шепчу заклатья...” (У дверей)	4	144
“Я опять на подмостках. Мерцают опять...”	4	99
“Я, отрок, зажигаю свечи...”	1	112
“Я – песельник. Я девок вывожу...” (Песельник)	4	198
“Я помню вечер. Шли мы розно...”	4	78
“Я помню длительные муки...”	2	199
“Я помню нежность ваших плеч...”	4	207
“Я помню тихий мрак и холод с высоты...”	4	158
“Я помню час глухой, бессонной ночи...”	1	65
“Я понял смысл твоей печали...”	4	127
“Я понял смысл твоих стремлений...”	1	52
“Я пригвожден к трактирной стойке...”	3	116
“Я прогнал тебя кнутом...” (Болотные чертенята)	2	12
“Я проснулся внезапно в ночной тишине...” (Кошмар)	4	97
“Я просыпался и всходил...”	1	121
“Я – свободный глашатай веков...” (Голоса)	4	167
“Я сегодня не помню, что было вчера...”	3	45
“Я смотрел на слепое людское строение...”	1	139
“Я сойду и намечу...”	4	189
“Я стар душой. Какой-то жребий черный...”	1	22

	Том	Страница
“Я стремлюсь к роскошной воле...”	1	16
“Я сходил в стремнины горные...”	4	126
“Я – тварь дрожащая. Лучами...”	1	104
“Я тишиною очарован...”	4	151
“Я укрыт до времени в приделе...”	1	91
“Я умер. Я пал от раны...”	4	40
“Я умирал. Ты расцветала...”	4	111
“Я ухо приложил к земле...”	3	59
“Я – человек и мало Богу равен...”	4	87
“Я шел – и вслед за мною шли...”	1	89
“Я шел во тьме дождливой ночи...”	1	30
“Я шел во тьме к заботам и веселью...”	4	55
“Я шел к блаженству. Путь блестел...”	1	22
“Яблони сада вырваны...” (Надежде Павлович)	5	93
“Явился он на стройном бале...”	1	126
“Ярким солнцем, синей далью...”	1	28
Аурафа доуата (“Я видел мрак дневной и свет ночной...”)	1	35
Dolor ante Lucem (“Каждый вечер, лишь только погаснет заря...”)	1	27
Enjambements (“Давид Самуилыч! Едва...”)	5	85
Madonna de Settignano (“Встретив на горном Тебя перевале...”)	3	77
Noli tangere circulos meos (“Символ мой знаком отметить...”)	4	39
R e l i g i o (2 стихотворения)	1	127
Servus – Reginae (“Не призывай. И без призыва...”)	1	26
Σοφια (“В Дельфийском храме новый бог...”)	4	118

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Другие ред. и вар.	Ком- мента- рии
ПОЭМЫ			
Двенадцать (“Черный вечер...”)	7	118	301
Возмездие	21	139	381
Пролог (“Жизнь – без начала и конца...”)	21		409
Первая глава (“Век девятнадцатый, железный...”)	24		
Вторая глава (“В те годы дальние, глухие...”)	45		
Предисловие	48		428
Третья глава («Отец лежит в “Аллея Роз”...»)	52		438
⟨Черновики продолжения поэмы “Возмездие”⟩	63		444
⟨Черновики продолжения Второй главы⟩	63		447
⟨Черновики продолжения Третьей главы⟩	71		450
СТИХОТВОРЕНИЯ			
Скифы (“Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы...”)	77	272	461
З. Гиппиус (<i>при получении “Последних стихов”</i>) (“Женщина, без- зумная горячка!..”)	81	276	481
Зинаиде Николаевне (“Вы жизнь по-прежнему нисколько...”).....	82		483
На поле Куликовом	83	277	484
1. Ария для кантаты Ю. Шапорина (Невеста ждет жениха) (“Я живу в отдаленном скиту...”)	83	277	
2. Хор татар для кантаты (“Идут века...”)	83	278	
Епјambements (“Давид Самуилыч! Едва...”)	85	278	484
Сцена из исторической картины “Всемирная литература” (XX сто- ление по Р. Хр.) (“...В конце ж шестого тома Гейне, там...”).....	86	279	486
В альбом Чуковскому (“Нет, клянусь, довольно Роза...”)	89	280	489
Продолжение “Стихов о предметах первой необходимости” (В аль- бом Чуковскому). Стихотворение, приписываемое В. Брюсову (“Скользили мы путем трамвайным...”)	91	282	491
“Хотел я, воротясь домой...”	92		493
Надежде Павлович (“Яблони сада вырваны...”)	93		493
М.И. Бенкендорф (надп(ись) на “Седом Утре”) (“Вы предназна- чены не мне...”)	94	283	494
Л.А.Д. (над(пись) на “Седом Утре”) (“Едва в глубоких снах мне снова...”)	95	284	494
Пушкинскому Дому (“Имя Пушкинского Дома...”)	96	285	495
К.И. Чуковскому (“Как всегда, были смешаны чувства...”)	98	290	498
Наброски 1917 г.	99	291	499
“И шел и шел...”	99	291	499

“В своих мы прихотях невольны...”	99	499
“На белой льдине – моржий клык”	100	500
“К стене приемного покоя...”	100	500
Русский бред (“Зачинайся, русский бред...”)	100	291 500
“Ты не получишь ничего...”	100	500
Шум смерти (“Я вошел туда. Толпа гудела...”)	101	500

ПРИЛОЖЕНИЕ

Матерьялы для поэмы («Возмездие») (осень–зима 1911–1913)	102	502
--	-----	-----

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

О текстологических приемах	117
----------------------------------	-----

КОММЕНТАРИИ 293

Условные сокращения, принятые в настоящем томе	527
--	-----

Список иллюстраций	529
--------------------------	-----

Печатается по решению
Научно-издательского совета РАН

Редакционная коллегия

М.Л. ГАСПАРОВ, Ю.К. ГЕРАСИМОВ (зам. главного редактора),
А.Л. ГРИШУНИН (главный редактор), *Н.Ю. ГРЯКАЛОВА,*
А.М. ДОЛотоВА, *В.П. ЕНИШЕРЛОВ, В.А. КЕЛДЫШ, Ф.Ф. КУЗНЕЦОВ,*
А.В. ЛАВРОВ, Д.М. МАГОМЕДОВА, З.Г. МИНЦ,
С.А. НЕБОЛЬСИН, Л.М. РОЗЕНБЛЮМ, Н.Н. СКАТОВ, А.М. ТУРКОВ

Основные тексты и другие редакции и варианты поэм
и стихотворений подготовили, комментарии составили:

Е.В. ИВАНОВА, И.А. РЕВЯКИНА, О.П. СМОЛА, Л.И. СОБОЛЕВ
при участии *Е.А. ДЪЯКОВОЙ, Д.М. МАГОМЕДОВОЙ, И.С. ПРИХОДЬКО*

Ответственный редактор тома

С.А. НЕБОЛЬСИН

Александр Александрович Блок
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Т о м V
Поэмы и стихотворения
(1917–1921)

Заведующая редакцией “Наука–культура”
А.И. Кучинская

Редактор *Е.Ю. Жолудь*

Художник *С.А. Литвак*

Художественный редактор *Г.М. Коровина*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры
В.М. Ракитина, Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 30.11.1999

Формат 70×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл. печ. л. 41,5+1,17 вкл. Усл. кр.-отт. 41,6. Уч.-изд. л. 40,1

Тираж 2000 экз. Тип. зак. 1430

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

